ГЕНРИХ ЛАТВИЙСКИЙ

ХРОНИКА ЛИВОНИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИЗВЕСТИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О НАРОДАХ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ГЕНРИХ ЛАТВИЙСКИЙ

ХРОНИКА ЛИВОНИИ

ВВЕДЕНИЕ, ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ
С. А. АННИНСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ
В. А. БЫСТРЯНСКОГО

1938

Ответственная редакция:

акад. Б. Д. Греков

проф. В. А. Быстрянский

Технический редактор О. Г Давидович

Переплет и шмуцтитулы работы художника А. А. Ушина

Цена 17 руб. переплет 3 руб.

Сдано в набор 21 мая 1937 г. — Подписано к печати 19 марта 1938 г. — Формат бум. 62 X 94 см. — 608 стр. + I—XVI + 1 карта 39 1/4 печ. л. + (1 цвет. карта) — 36 816 тип. зн. в л. 31.80 уч.-авт. л. — Тираж 1000. — Ленгорлит № 1209. — АНИ № 131. РИСО № 740. — Заказ № 886.

Типография Академии Наук СССР,
Ленинград. В. О., 9 линия, 12

Предисловие

I

Вождь нашей партии т. Сталин, тт. Жданов и покойный Киров в своих, составивших эпоху в развитии нашей исторической науки, замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР со всей силой подчеркнули необходимость изучения истории СССР, истории народов, вошедших в состав СССР В этих замечаниях указывалось на необходимость создания такого учебника истории СССР, где бы история великоруссов не отрывалась от истории других народов СССР. В частности тт. Сталин, Жданов и Киров говорили о необходимости учесть данные по истории Прибалтийских народов, имея в виду народы, населяющие Латвию, Эстонию, и Литву, народы освобожденные от гнета великорусских помещиков и капиталистов Великой Октябрьской Революцией.

Выходящая ныне в свет Хроника Ливонии Генриха Латвийского является важнейшим источником для изучения далекого прошлого Прибалтийских народов. Она говорит о временах давно минувших. Однако, значение этого памятника не ограничено тем, что он является первоклассным историческим источником для познания истории Прибалтики и северо-западной Руси. Произведение средневекового хрониста, как это ни покажется на первый взгляд странно, весьма актуально и в наши дни, ибо лавры меченосцев, предававших огню и мечу Ливонию и Эстонию больше семисот лет тому назад, не дают спать Гитлеру, Герингу, Гебельсу и Розенбергу. Эти люди в настоящее время, в новой исторической обстановке хотят повторить завоевание Прибалтийского края немецкими феодалами.

Вопрос о колонизации Прибалтики германским империализмом был поставлен еще при Вильгельме II в книге Отто Таненберга «Grossdeutschland», вышедшей в 1911 г. и положившей начало довольно обширной, особенно в военные годы, литературе, о так называемой нейманов-

ской'концепции «срединной Европы». (Одна из самых капитальных работ этого периода — «Westrussland und seine Bedeutung für die Entwicklung Mitteleuropas» под редакцией М. Зеринга, 1917 г.). Очень ярко идея колонизаторской роли германского империализма в Прибалтике выражена в книгах Гитлера («Mein Kampf») и Розенберга. В последнее время колонизации Прибалтики в различных вариациях фашистскими погромщиками посвящена обильная «литература» о «срединной» или «промежуточной» Европе (книга Вирзинга «Mitteleuropa» и др.). Наиболее законченную концепцию захватнических целей германского фашизма мы находим в книге кенигсбергского профессора Фридриха Лезиуса «Deutschland und der Osten», где между прочим сказано следующее: «Цель Германии будет достигнута тогда, когда ей удастся оттеснить русских от Балтийского моря и отодвинуть русско-германскую границу к Днепру. Тогда Финляндия оказалась бы под нашей опекой, порты Кронштадта и Либавы были бы к услугам наших военных кораблей, а Нарва, Пейпус и Великая Березина могли бы образовать вторую сильно укрепленную линию обороны».

Вот «большая программа» империалистического захвата и колонизации германским империализмом балтийских территорий.

Одновременно для германского фашизма Прибалтика представляет большой интерес, как антисоветский плацдарм. Этот вопрос живо обсуждается в балтийской печати и особенно в латвийской. В основу активной антисоветской политики германский империализм кладет возможность удара, в случае нападения Японии на Дальний Восток, по Советскому союзу с остороны Запада и в первую очередь со стороны Прибалтики. Балтийская печать открыто обсуждает такую возможносеь германской экспансии на балтийскую территорию с целью использования этой последней в качестве базы для операций против Советского союза.

Наиболее откровенную захватническую программу по отношению к балтийским государствам сформулировал «Национал-социалистический календарь». Вот что говорится о Прибалтике в этом календаре, предназначенном для массового распространения: «Страны Прибалтики населены преимущественно германским населением. В 1915 г. победоносные германские войска были встречены с радостью... В 1918—1919 гг. германские добровольче-

ские отряды завоевали этот край. В 1920 г. Версальский мирный договор установил власть иностранных правительств над балтийскими народами. Прибалтика вновь станет германской». Эта исключительная даже для фашистских литераторов по своей наглости цитата действительно не нуждается в комментариях. Достаточно лишь отметить, что столь неприкрытая аннексионистская пропаганда и столь чудовищная фальсификация истории вызвали возмущение даже у сотрудника консервативного английского журнала: приводя эту цитаду, Роберт Макрей пишет: «Еще никогда не было столь беззастенчивой пародии на историю» (Nineteenth Century, май 1935 г.)

Как видим, немецкие фашисты отнюдь не скрывают своих планов порабощения балтийских стран, освободившихся от иноземного гнета благодаря Великой Октябрьской Революции.

В планах подготовки германским фашизмом большой войны территория Прибалтийских стран занимает далеко не последнее место. Третья империя подготавливая нападение на СССР, старается занять командующие позиции в Прибалтике. Германский фашизм использует для своей подрывной деятельности экономическую связь Прибалтийских стран с Германией. Фашистская Германия покупает промышленное сырье и продовольствие в Прибалтийских странах и сбывает им втридорога германские товары. Германский импорт в Прибалтике все увеличивается. В Эстонии Германия оттеснила Англию на второе место. Дефицит в торговле Прибалтики с Германией растет из месяца в месяц.

Наряду с экономическим проникновением в лимитрофы, германский фашизм плетет политические интриги на берегах Балтийского моря. Он раскидывает там густую сеть агентов, навербованных из среды гитлеризованного немецкого меньшинства этих стран. В Латвии, Эстонии и Литве открыто функционируют ячейки и гитлеровские организации молодежи. В Латвии, Литве и Эстонии каждое немецкое предприятие, фабрика, магазин, театр имеют гитлеровские ячейки. Во всех столицах Прибалтики издаются фашистские газеты, субсидируемые Берлином (Rigasche Rundschau, Reveler Zeitung и др.).

Гитлеровские агенты ведут кампанию против Балтийской Антанты — заключенного в Риге в августе 1934 г. договора о сотрудничестве Латвии, Литвы и Эстонии с целью обеспечения мира и национальной независимости

этих стран. Гитлеровские молодцы в Прибалтике открыто выступают против независимости Латвии, Эстонии и Литвы, ратуют за присоединение Балтийских стран к Германии, ведут кампанию против латвийского, литовского и эстонского языков, считая их неполноценными. Германская разведка наводняет Прибалтику своими агентами под видом туристов, журналистов, артистов и т. п. Уже в августе 1936 года германское правительство приняло специальное решение о посылке германских студентов в Университеты Данцига, Тарту (Юрьев) и Риги. Эти студенты вербуются из числа наиболее активных национал-социалистов и предназначены для поддержания самого тесного контакта с балтийскими немцами.

Опорой немецкого фашизма в Прибалтике являются немецкие бароны, этот передовой отряд германского национал-социализма. Потеряв после Октябрьской революции свои поместья на Балтийском побережьи, они мечтают теперь о возвращении потерянного рая и возлагают свои надежды на Гитлера и Розенберга. В течение нескольких столетий эти управители оставленного некогда «немецким орденом» наследства, эти «мамелюки» царя, как их называли, подвергали местное население невероятному социальному и национальному угнетению. В письме к Кугельману, написанном в 1870 году, Маркс следующими словами охарактеризовал роль немецко-балтийских баронов: «Брошюра, которую ты мне прислал, представляет собою защитительную речь, с которой привилегированные сословия немецко-балтийских провинций апеллируют в настоящее время к немцам, чтобы возбудить их сочувствие. Эти *канальи*, отличавшиеся издавна ревностной службой в русской дипломатии, армии и полиции, охотно продавшие, при переходе этих провинций от Польши к России, свою национальность за признание за ними законного права на эксплоатацию крестьян, подняли теперь крик, видя, что их привилегированное положение колеблется. Старые сословные перегородки, правоверное лютеранство и высасывание соков из крестьян — вот что они называют *немецкой культурой*, во имя охраны которой должна подняться теперь вся Европа. Отсюда и последнее слово этой брошюры: *земельная собственность, как основа цивилизации*, и притом такая земельная собственность, которая, по признанию самого же этого жалкого писаки, состоит большей частью из господских поместий

или из крестьянских, *обложенных оброком* в пользу помещиков».[1]

И сейчас крики бывших немецко-балтийских крупных помещиков о необходимости спасения цивилизации от восточных варваров при помощи батальонов Гитлера представляют собой не что иное, как призыв к восстановлению их земельной собственности.

Национал-социализм с величайшим упорством работает над усилением экономических и политических позиций балтийских немцев, чтобы в дальнейшем иметь возможность использовать их, как опору для утверждения германского господства над Прибалтикой.

Еще до мировой войны пангерманская аннексионистская политика ставила себе целью овладение Прибалтикой при помощи немецко-балтийских юнкеров, и во время войны германская буржуазия делала все возможное, чтобы достигнуть этой цели. Создание независимых Прибалтийских государств повело к уничтожению в них германского крупного землевладения.

Теперь немецкие элементы в Латвии, располагая крупными денежными средствами, скупают земли по возможности рядом с немецкими же соседями, чтобы создать сплошные пространства немецкого землепользования. Ряд судебных процессов «немецко-балтийского братства» и «немецко-балтийского народного объединения» и раскрытие подпольных национал-социалистских организаций в Латвии разоблачили балтийских немцев, как национал-социалистский отряд, связанный с третьей империей и помогающий ей в подготовке экспансии на Восток.

Национал-социалисты не скрывают, что захват Прибалтики в их глазах является лишь прологом к нападению на СССР. Орган имперского министра продовольствия Дарре «Национал-социалистише ландпост» в номере от 8 марта 1935 года заявил, что, собственно говоря, все Прибалтийские области до самого Ленинграда и Выборга и далее к Северу должны принадлежать Германии, ибо до этих мест Ганза доходила в своих походах. Дайц из внешне-политического отдела национал-социалистской партии видит задачу Германии в том, чтобы вновь привести в движение остановившуюся со времени Ганзы хозяй-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVI. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 41—42.

ственную карусель, чтобы объединить пространство Юго-Востока с пространством Балтийского моря и когда-нибудь через Россию слить их в одну общую хозяйственную территорию. В своем докладе, прочитанном на заседании «Северного общества» 15 мая 1935 года, Дайц говорил о необходимости разъяснить путем широкой пропаганды значение Прибалтики для объединения всего хозяйства континентальной Европы под руководством Германии.

Все эти балтийские планы германского фашизма получают особо серьезное значение в связи с сосредоточением центра тяжести морской политики 3-й империи в Балтийском море. После заключения англо-германского морского соглашения гитлеровская печать совершенно открыто заявляла, что германские морские вооружения предназначаются для борьбы против Красного флота.

Чтобы оправдать свои вооружения, германский фашизм пытается запугать Прибалтийские страны «красной опасностью» и уговаривает их отдаться под защиту германских военных кораблей от мнимой угрозы со стороны Красного флота. Но эти вопли плохо скрывают непреложный факт, что первым шагом германской агрессии на Восток через Балтийское море для осуществлени антисоветских планов гитлеровской Германии явится завоевание небольших Прибалтийских государств. Германский фашизм открыто проводит военные меропрятия, свидетельствующие о таком направлении его интервенционных планов.

Грабительские планы, направленные к превращению Прибалтики в концентрационный лагерь, германские фашисты пытаются обосновать ссылками на историческое право. Там, известный германский геополитик Карл Гаузгофер в своей книге «Современная мировая политика» защищал концепцию, что великие народы, потерявшие значительное пространство своей приморской полосы, впоследствии никогда не могут освободиться от тяги к обратному завоеванию принадлежавших им берегов.

Исконным «геополитическим» стремлением Гаузгофер объясняет то «глубокое участие», которое германская внешняя политика принимает в судьбе Ревеля, Риги, Либавы, Данцига, фризов и фламов. Гаузгофер старается вызвать у своих читателей воспоминание о разбойничьих походах германских меченосцев на Восток и

о роли немецкой Ганзы, обладавшей с конца XIV и до конца XVI столетия экономическим господством на Северном и Балтийском морях.

Национал-социалисты мотивируют свои агрессивные планы традициями немецкого ордена с его стремлением на Восток и традициями Ганзы с ее стремлением к владычеству на море. Вице-адмирал фон-Трота в своей книге «Единство германской нации и океан» (1934 г.) с сожалением указывает на то, что Германия забыла значение Ганзы.

Осуществление планов германского фашизма в Восточной Европе грозит превращением Прибалтики в театр военных действий, восстановлением там власти германских юнкеров, отдачей широких народных масс под господство иноземных эксплоататоров, утратой национальной независимости и созданием для рабочих и крестьян режима неслыханной эксплоатации и террора. Экономическая зависимость Прибалтийских стран от германского финансового капитала влечет за собой гитлеровскую ориентацию известных слоев балтийской буржуазии. Последние вступают на путь фашизма и стремятся передать власть в руки наиболее реакционным шовинистическим и жаждущим войны элементам, не останавливающимся перед предательством национальных интересов и независимости своих стран. Однако, трудящиеся массы Прибалтики не забыли еще о многовековом господстве балтийских юнкеров, о грабежах германских войск в Прибалтике во время мировой войны, о немецком оккупационном режиме. Трудящиеся массы в своей борьбе против фашизма отстаивают национальную свободу и независимость своей родины.

II

Германские национал-социалисты пытаются обосновать свои аннексионистские вожделения к Прибалтике историческими реминисценциями, воспоминаниями о покорении Прибалтики немцами в начале XIII столетия. Немецкие фашисты восхваляют мощь и величие культуры, которую завоеватели-рыцари якобы несли порабощенным ими народам. Вот почему, повторяю, Хроника Генриха Латвийского имеет не только исторический, но и политический интерес: она раскрывает картину беспощадного грабежа и насилия, порабощения и угне-

тения, в действительности принесенных ливам, лэттам и эстам германскими феодалами, наследниками которых считают себя Гитлер и его соратники.

Хроника Ливонии, по мысли автора, должна была явиться апологией завоевателей, которые под флагом распространения католической веры порабощали народы Прибалтики. На деле же, помимо воли и желания автора, книга является красноречивым документом, раскрывающим суть той «культуры», которую насаждали немецкие рыцари и которую воскрешают в наши дни фашистские поработители.

С эпическим спокойствием повествует Генрих о подвигах «пилигриммов и крестоносцев», о которых Маркс говорил, как о «крестоносной сволочи», «прохвостах», «псах-рыцарях» (Большевик, 1936 г., n° 24, стр. 53—54). Эти носители «высшей культуры» были просто авантюристами, преступниками, искавшими легкой добычи за рубежом, и зачастую фигурируют в Хронике, как убийцы, бесчестные нарушители договоров, лихоимцы и предатели.

Автор Хроники хотел написать панегирик немцам. Он считает их избранным богом народом, наподобие библейского Израиля. С ними «всегда идут победа и слава триумфа». По отношению же к ливам, литовцам и эстам автор не щадит мрачных красок. Однако факты, приводимые в Хронике, говорят сами за себя. Беспощадное истребление населения, бесстыдный грабеж, обман и вероломство — таковы подвиги, совершаемые меченосцами «во славу господа нашего Иисуса Христа, а также возлюбленной его матери, пресвятой девы».

Меченосцы обращают в пустыню Виронию, прекрасную и богатую страну (XXIII. 7). Опустошая Гервен, они разоряют всю Эстонию и деревню Каретэн, «которая была тогда велика, красива и многолюдна» (XV 7). Тысячи людей беспощадно умерщвляются в дыме пожаров. Дети и женщины обращаются в рабство. Таковы дела, которые из года в год творились в Ливонии, Латвии и Эстонии немцами-завоевателями.

Вот что хронист рассказывает о походе в Зонтагану и Приморскую область против эстонских племен: «И разделилось войско по всем дорогам и деревням, и перебили они повсюду много народа, и преследовали врагов по соседним областям, и захватили женщин и и детей в плен и наконец сошлись вместе у замка. На следующий и на третий день, обходя все кругом, разоряли

и сжигали, что находили, а коней и бесчисленное множество скота угнали с собой. и пленных, которым числа не было». «Многие язычники спасшиеся бегством в леса или на морской лед, погибли, замерзши от холода (XIV. 10).

Вот как хронист повествует о подвигах Бертольда, вождя венденских меченосцев: они «захватили эстов, уцелевших ранее от лэттов и перебили их. Деревни, какие еще оставались, сожгли и все что прежде было недоделано, тщательно закончили». «Не имели покоя. пока. окончательно не разорили ту область, обратив ее в пустыню, так что ни людей, ни съестного в ней не осталось. Ибо думали они либо воевать до тех пор, пока уцелевшие эсты не придут просить мира и крещения, либо истребить их совершенно. Дошло до того, что у сыновей Талибальда перевалило уже за сотню число врагов, которых они, мстя за отца, сожгли живыми или умертвили» (XIX. 3).

Вот стереотипное описание похода против эстов в область Гариэнскую: «Придя туда, мы разделили свое войско по всем дорогам, деревням и областям той земли и стали все сжигать и опустошать. Мужского пола всех убивали, женщин и детей брали в плен, угоняли много скота и коней» (XX. 2).

А вот что рассказывается о походе ордена на Гариэн в 1219 году: «Была же добыча ливов чрезвычайно велика, так как они обложили подземные пещеры гарионцев, куда те обыкновенно всегда спасались; зажгли огонь с дымом при входе в пещеры и. удушили всех, и мужчин и женщин. Вытащив затем из пещер одних задыхающимися, других едва живыми, третьих мертвыми, живых перебили или увели в плен, а все имущество, деньги, одежду и всю большую добычу захватили. Было же всего задохнувшихся обоего пола в пещерах до тысячи душ. Потом ливы с тевтонами пошли обратно, благословляя бога за то, что он смирил гордые сердца и привел их к вере христианской» (XXIII. 10).

Такими картинами полна вся хроника Генриха Латвийского, апологета немецких завоевателей.

В то же время, как легко заметит читатель, Хроника насквозь религиозна, отражая и авторское мировоззрение и господствовавшую идеологию эпохи. Исторические события в ней объясняются божественным внушением, божьей помощью, вмешательством провидения. Бог неизменно поддерживает своих, то есть насильников-нем-

цев. Он сражается за них и дает победу. Неудачи, поражения и потери посылаются на «христиан» богом, как испытание. Только по божьему внушению враги приходят просить мира. Автор Хроники — верующий католик и слуга церкви. Он оправдывает все жестокости и насилия, совершаемые рыцарями именем Христа, для того «чтобы неверные стали верными, познали Христа и приняли на себя богом установленную десятину», чем, разумеется, воспользуется и духовенство.

Историческая правда в Хронике прикрыта двойным покровом — похвалами завоевателям и религиозной риторикой, но скрыть ее автору не удается.

Против своей воли он разоблачает сущность той культуры, которую несли псы-рыцари угнетенным народам. В Хронике пред нами раскрывается подлинный лик меченосцев, идеализируемых продолжателями их дела и традиций в настоящую эпоху, фашистскими канибалами. По примеру своих предков XIII века, Геринг и Розенберг (кстати выходец из Прибалтики) мечтают в XX веке предать огню и мечу города и нивы Прибалтики, чтобы уготовить затем ту же участь и цветущей Советской стране.

Независимо от своего сознания, хронист рассыпает ряд замечаний, обнажающих подлинную природу завоевательных походов немецких феодалов. Так, по его словам, ливы объясняли прибытие немцев (епископа Бертольда) — бедностью. Действительно, рыцари ехали в Ливонию с целью грабежа. Затем, в изложении Генриха ясно видно, что немецкие завоеватели следовали девизу древнего Рима: «разделяй и властвуй». Они натравливали туземные племена друг на друга, (напр., ливов и лэттов подымали против эстов), тем самым обсесиливая их. Так рыцарям удавалось добиться того, что местные племена своими же руками ковали собственные цепи. Хронист уделяет много недоброжелательного, но почтительного внимания и русским, соседям ордена на Востоке. Русских князей он называет королями. Он говорит о короле псковском, о великом короле новгородском и полоцком. Не раз мы встречаем у него свидетельства о мощи и силе русских. Автор как будто предвидит тот страшный удар, который был нанесен псам-рыцарям Александром Невским, разбившим их на льду Чудского озера, когда новгородцы отразили напавшего иноземного врага, отстояли свою землю от немецких насильников, и лед Чудского озера

покраснел от крови. Очень интересно то, что из сопоставления отдельных сообщений хроники можно сделать вывод, что местное население больше симпатизировало русским, чем завоевателям — немцам.

Не будем умножать числа примеров. Хроника Ливонии представляет многосторонний интерес, и нет сомнения, что новое ее издание будет с пользой прочитано не только специалистами историками, но и более широким кругом читателей, интересующимся прошлым народов СССР Для изучения истории Прибалтийских народов в средние века Хроника Ливонии является первостепенным историческим источником. В то же время Хроника имеет значение документа, изобличающего лживость ссылок фашизма на мнимую культурную миссию немецких псов-рыцарей в годы далекого средневековья.

В. Быстрянский.

Введение

I

Рукописи, издания и переводы Хроники

Древнейшая Хроника Ливонии, так называемая Хроника Генриха Латыша, впервые появилась в печати в 1740 г.[1] Издана она была Иоганном Даниэлем Грубером по рукописи XVI в., найденной им в Ганновере.[2] Эта рукопись, содержавшая почти полный текст Хроники, имела крупнейший недостаток: текст ее не был свободен от интерполяций, позднейших вставок, кое-где, как оказалось впоследствии, сильно изменявших смысл. Для восстановления первоначального текста Иог. Дан. Грубер сделал немало конъектур, но далеко не всегда удачных. Через семь лет после груберова издания аренсбургский ректор Иоганн Готфрид Арндт напечатал перевод Хроники с латинского языка на немецкий,[3] снабдив его (также мало удовлетворительными) собственными текстологическими конъектурами, но кроме того — и некоторыми вариантами к тексту Грубера по двум другим рукописям — ревельской и рижской.[4] Много позднее, в 1853 г. во 2-м томе Scriptores rerum Livonicarum А. Ганзен еще раз напечатал Хронику по тексту Грубера со своим немецким переводом, добавив

[1] Origines Livoniae sacrae et civilis seu Chronicon Livonicum vetus, continens res gestas trium primorum episcoporum. Francofurti et Lipsiae, 1740. Из двух экземпляров, бывших в нашем распоряжении, особенно интересен экземпляр библиотеки Академии Наук СССР с собственноручной надписью Грубера, подносящего книгу имп. Анне Иоанновне.

[2] Л. Арбузов в исследовании Die Handschriftliche Ueberlieferung des «Chronicon Livoniae» Heinrichs von Lettland (в Acta Univers. Latv., XV, Riga, 1926 и XVI, ibid., 1927) обозначает эту рукопись *o*. См. о. с., Acta, XV, стр. 254—266 (описание и история рукописи) и passim.

[3] Der Liefländischen Chronik erster Theil. Halle, 1747.

[4] У Л. Арбузова: ревельская — R_1 (описание см. Acta Un. L., XV, 210—212); рижская — w_1 (описание — ibid., стр. 270).

новые варианты из четвертой — дерптской рукописи,[1] но при этом впервые разделил Хронику на главы, установил правильное понимание ее хронологии и датировку событий, запутанные Грубером, а в своем введении к изданию положил начало научному исследованию Хроники.

Таким образом, в течение более ста лет Хронику читали по интерполированному тексту, далекому от первоначального. Положение изменилось после открытия Августом Беловским в 1862 г. старейшей и единственной пергаменной рукописи Хроники в библиотеке графов Замойских в Варшаве.[2] Эта замечательная рукопись легла в основу нового немецкого перевода, сделанного Эд. Пабстом,[3] и нового критического издания Хроники, выполненного Вильгельмом Арндтом.[4] Как Э. Пабст, так и В. Арндт, в особенности же последний, привлекли к своей работе, кроме кодекса Замойских (*Z*), все известные и доступные им рукописи Хроники, каковых у В. Арндта было девять.

В. Арндтом впервые была сделана попытка выяснить взаимоотношение между разными рукописями, их родство и генеалогию для того, чтобы установить наконец правильную традицию текста.

Только после этого стало вполне очевидно, что текст Хроники подвергся значительной переработке во второй половине XVI в., был дополнен многими вставками и сильно изменен вообще. Все сохранившиеся рукописи Хроники после исследования В. Арндта [5] стали рассматриваться, как две различные группы: неинтерполированные и интерполированные. Издание, построенное В. Арндтом на весьма солидном основании, оказалось для своего времени об-

---

[1] У Л. Арбузова — *k*; описание ее — о. с., стр. 270.

[2] Ср. Biblioteka Ossolińskich, Pazet Nowy, I, Lwow, 1862, 374. У Л. Арбузова *Z* (codex Zamoscianus). *Z* впервые описана С. Schirren'ом в Festschrift der Gel. Estn. Ges. zu Dorpat zum 50 Iubiläum der Kurl. Ges. für Lit. und Kunst in Mitau. Dorpat, 1865. Новое описание у Л. Арбузова. См. Acta Un. Latv., XV, стр. 198—205. Сравнительный текстологический анализ — ibid., XVI, стр. 125 и сл.

[3] Heinrichs von Lettland Livländische Chronik, ein getreuer Bericht, wie das Christenthum und die deutsche Herrschaft sich im Lande der Liven, Letten u. Ehsten Bahn gebrochen. Nach Handschriften mit vielfacher Berichtigung d. üblichen Textes aus d. Lateinischen übersetzt u. erläutert Eduard Pabst. Reval, 1867.

[4] Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum, XXIII, 1874, стр. 231—332. То же в серии Scriptores rerum Germanicarum in usum schol., 1874.

[5] Надо заметить, что об этом исследовании В. Арндт очень мало и скупо говорит в своем латинском введении к изданию.

разцовым [1] и доныне остается наилучшим из существующих.

Однако, ни у В. Арндта, ни в дополняющих его изысканиях Г Беркгольца [2] рукописная традиция Хроники не была исследована до конца. Исчерпывающе и окончательно сделано это лишь недавно в уже упоминавшейся нами [3] большой, в высшей степени точной и содержательной работе Л. Арбузова.

Убедившись в том, что В. Арндт вовсе упустил из виду некоторые рукописи;[4] что предложенное им деление рукописей на три группы (1 — codex *Z*, 2 — две другие лучшие неинтерполированные рукописи *S* и *R* с их списками S_1 и R_1, 3 — интерполированная группа, идущая от сочтенного пропавшим кодекса Oxenstierna),[5] вообще несовершенно, так как не учитывает родства неинтерполированной группы *SR* с интерполированными рукописями [6] и оставляет в стороне вопрос о соотношении между *Z* и *SR*; наконец, заметив, что и самое оформление текста

---

1 Ср. отзыв лучшего тогда знатока Хроники Г Беркгольца в Rig. SB, 1875, стр. 24 и сл. Также: Л. Арбузов, о. с., Acta, XV, стр. 194.

В. Арндт знал следующие неинтерполированные рукописи (обозначаем по Л. Арбузову): *Z* (codex Zamoscianus, нач. XIV в.), *S* (cod. Skodeisky — рижская рукопись нач. XVII в., названная по имени владельца), S_1 (список *S* — около 1800 г.), *R* (рукопись ревельской гимназии, серед. XVII в., с текстом в конце интерполированным) и R_1 (ревельский список *R* — XVIII в.). Описание их см. у Л. Арбузова, Acta, XV, стр. 198—212. Из интерполированных В. Арндту были известны: *o* (ганноверская рукопись Грубера, XVI в.; того, что это и есть родоначальник всех интерполированных рукописей, т. е. codex Oxenstierna, В. Арндт не знал); *w* (рижская рукопись Иог. Витте от 1653 г., список cod. Oxenstierna, считавшегося пропавшим); *k* (дерптская рукопись Кнюпфера от 1600 г., считавшаяся списком *w*); *t* (утраченная рукопись — cod. Tiedeböhlianus). Описания их см. у Л. Арбузова: Acta, XV, стр. 254—277.

2 Ср. Л. Арбузов, о. с., Acta, XV, стр. 194 и сл.

3 См. выше, стр. 1, прим. 2.

4 А именно: рукопись, обозначенную Э. Пабстом, как «фрагмент, принадлежащий ландрату Р. ф. Толль» (у Л. Арбузова — *T*; описание см. Acta, XV, стр. 212—222) и «дефектную рижскую рукопись» Иог. Готфр. Арндта (у Арбузова — w_1; см. Acta, XV, стр. 270).

5 В действительности, как доказал Л. Арбузов, рукопись Грубера и есть этот «пропавший» codex Oxenstierna (*o*). См. Acta, XV, стр. 254—266.

6 Заслугой Г.Беркгольца является установление этого родства: он делил рукописи Хроники на д в е группы — с одной стороны *Z*, с другой — все остальные, так как Urexemplar интерполированных рукописей, по мнению Беркгольца, шел от какого-то экземпляра группы *SR*.

у В. Арндта иногда не лишено субъективности в выборе основного варианта,[1] Л. Арбузов сызнова предпринял полное сличение всех сохранившихся рукописей Хроники. Он дал образцовое описание их и, на основании внимательных текстологических изысканий, пришел к окончательным выводам о взаимоотношении текстов и удельном весе каждого,[2] что позволило ему сделать немало поправок к изданию Б. Арндта, в большинстве являющихся теперь обязательными для всякого нового издателя Хроники, принимаемых и в нашем издании.

Что касается переводов Хроники, то о трех немецких мы уже упоминали. Из них доныне сохраняет свое значение перевод Э. Пабста не только потому, что сделан по более правильному тексту и снабжен хорошими топографическими примечаниями, но и по качеству самой передачи латинского оригинала. Об этом последнем качестве В. Арндт отзывался довольно сурово: он находил перевод Э. Пабста «жестким и инертным из-за сохранения в нем строя латинской речи и устарелости форм немецкой», что «наводит скуку на читателей».[3] С этим отзывом трудно согласиться. Проблема перевода на чужой язык текста, стилистически

---

[1] В. Арндт, как сказано, в основу своего издания положил текст *Z*, но так как он неполон, то недостающую часть (около трети в конце) издатель дополнил по рукописи *S*, откуда и для текста *Z* заимствовал некоторые отдельные места, то восполняя лакуны, то эмендируя испорченное. При основном тексте *Z* даны варианты из *S* и *R*. Для последней трети (где, вместо *Z*, основной является *S*) варианты приведены из *R*, но некоторые случайные чтения взяты из груберовой рукописи и *kw*.

[2] Всего Л. Арбузов насчитывает не менее 23 рукописей Хроники, из коих 16 (вместо 9, как было у В. Арндта) реально известных. Несмотря на то, что, кроме *Z* (XIV в.), все остальные рукописи поздние, в большинстве не старше XVII в., сличением их с *Z* устанавливается с достаточной ясностью традиция текста вплоть до архетипа XIII в., причем оказывается, что непосредственно от него идут: *Z* и (предполагаемый Л. Арбузовым список конца XIV в.) *X*, из которого вышли — с одной стороны *SR* (через промежуточную ступень предполагаемого списка *M*), с другой, через предполагаемый список *N*, — все интерполированные рукописи и сокращения Хроники.

Кроме вышеуказанного, работа Л. Арбузова содержит интересное исследование о средневековых (до конца XVII в.) заимствованиях из Хроники Генриха (Acta, XV, стр. 285—335), значительно расширяющее аналогичные изыскания Г Гильдебранда (Die Chronik Heinrichs von Lettland. Berlin, 1865, стр. 145—161) и вообще богата ценными сведениями для комментария Хроники.

[3] MGH, SS, XXIII, 232: «versionem ipsam crudam effecit atque immobilem servatis structura verborum Latinarum et vocum Germanicarum formis iamiam inveteratis. Creat taedium legentibus».

своеобразного, никак не может (да и во время В. Арндта, разумеется, не могла) считаться решенной, а это вещь не столь простая, чтобы решать ее в двух словах. Ясно во всяком случае, что Э. Пабст не только превосходно знал латинский язык, но чувствовал и особый стиль Хроники. Устарелость языка в его переводе (может быть, действительно несколько избыточная) — результат намеренной архаизации, стилистическая подделка средневековья и в известной мере могла бы рассматриваться не как дефект, а как достоинство. Было бы, наоборот, совершенно ошибочно, из опасения «навеять скуку на читателей»,[1] стилистически вуалировать в переводе присущие оригиналу «скучные» черты. Как бы то ни было, лучшего перевода Хроники, чем перевод Э. Пабста, пока нет.

На русский язык Хроника полностью переведена лишь однажды и довольно поздно (1876 г.). Отдельные отрывки из XXV, XXVI и XXVII глав, необходимые для работы акад. Куника по хронологии битвы при Калке, даны им по-русски в Ученых Записках Академии Наук за 1854 г. в разделе исторических материалов и разысканий.[2] Перевод сделан вполне корректно, имеющиеся в нем ошибки объясняются исключительно дефектами оригинала (груберова текста в переиздании Ганзена), но объем переведенного ничтожно мал по сравнению с полным объемом Хроники.

Полный перевод ее, принадлежащий Е. В. Чешихину-Ветринскому, напечатан (без указания имени переводчика) в «Сборнике материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. I (Рига, 1876, на обложке 1877), стр. 65—285.[3] В настоящее время он представляет большую редкость, о чем, впрочем, жалеть не приходится. Этот перевод сделан не с латинского оригинала (нет следов даже частичного сличения с ним), а с немецкого перевода Э. Пабста и полон различных недостатков. Своеобразные качества пабстова стиля у Чешихина доведены до абсурда: язык русского перевода местами вызывает не «скуку»,

---

[1] Этого именно не без некоторого основания боялся сам автор Хроники. См. XXIX. 9 и у нас ниже, стр. 35 и сл.

[2] Ученые Записки Академии Наук по I и III Отделениям, т. II. СПб., 1854, стр. 317—330.

[3] До того частями печатался в газете «Рижский Вестник» за 1873 г., n°n° 145, 147, 150, 154, 156, 163, 165, 168, 170, 174, 176, 178, 179, 181, 183, 184—187 и 189 (у В. И. Межова в «Русск. истор. библиографии за 1865—1876 гг. вкл.», т. I, СПб., 1882, стр. 395, n° 9093, не указаны n°n°, начиная с 176). Публикация эта охватила I—XX главы Хроники.

а улыбку у читателя своими странными «библеизмами», вообще же очень небрежен, тяжел и не дает, разумеется, решительно никакого понятия о гладкой латинской речи Хроники. Свой немецкий оригинал Чешихин не всегда понимал, как следует, а иной раз и вовсе его не понимал, путая нарицательные имена с собственными [1] и нередко извращая смысл. [2] Отдельные места, слова и фразы Пабста переводчик иногда неизвестно почему совершенно опускает и, наоборот, кое-где вставляет словечко (не всегда безобидное) от себя. Наконец, опечатками всякого рода текст Чешихина положительно кишит.[3]

Известную роль в свое время и этот перевод, вероятно, играл, но едва ли — в научном обиходе. Скорее им могли пользоваться шовинистические публицисты, вроде Ст[олыпина], пропагандировавшего «на основании Хроники Генриха» в «Виленском Вестнике» за 1867 г. идеи обрусителей,[4] но исследователь должен был обращаться или к латинскому или к немецкому тексту.

Наш перевод является, таким образом, первым русским переводом Хроники, сделанным по латинскому подлиннику. Наши разногласия с Чешихиным указаны в примечаниях к переводу.

---

[1] Характерны такие ошибки: в X. 9 (гл. X, § 9 Хроники) — у Пабста: «Denselben Daniel schickte der Bischof mit seinem Drosten Gevehard und Armbrustern (т. е. Гевегарда с арбалетчиками), у Чешихина (о. с., стр. 113): «Этого самого Даниила послал епископ со своими воеводами Гевегардом и А р м б р у с т е р о м» (!); в XXX. 2 (в конце) — у Пабста: «wider der Osilier Toben» (т. е. «против ярости эзельцев»), у Чешихина: «против озилийца Т о б е н а» (!).

[2] Так, важное место в XXV.3, в рассказе о заговоре рижан «против короля датского и всех своих противников» передано у Чешихина с грубейшей ошибкой: намек на меченосцев вовсе устранен; рижане выступают будто бы «против короля датского, как против общего их противника» (о. с., стр. 244); еще хуже обстоит дело в XXVI.13: вместо того, чтобы меченосцам просить рижан о помощи (как читается в Хронике и у Пабста), у Чешихина (о. с., стр. 254—255): «епископские мужи и все немцы просили их». Третий пример такой же «роковой» ошибки в самом опасном месте находим в XI.13, где говорится о компенсации, предоставляемой епископом меченосцам за земли, которые причитаются им по разделу, но уже ранее отданы другим. Тут основная фраза переведена так неясно, что допускает обратное понимание.

[3] В «Рижском Вестнике» он содержит меньше опечаток.

[4] См. отд. оттиск под заглавием «Хроника Генриха Латыша, как подспорье к изучению истории Сев.-зап. края». Вильна, 1867, стр. 1—53.

II

Содержание Хроники

Хроника Генриха Латыша в рукописях состоит из четырех не делящихся на главы «книг», совершенно несоразмерных между собою по объему.

Первые две книги,[1] весьма кратки и представляют собою нечто в роде вступления. В них очень сжато излагается история появления и деятельности на Двине первых двух немецких епископов: Мейнарда, начавшего проповедь и крещение, построившего ливам два каменных замка и умершего в тот момент, когда дело его было близко к гибели; и Бертольда, впервые привлекшего военную силу в Ливонию, но почти сразу и погибшего в бою с ливами. Третья книга, в конце носящая заглавие «О Ливонии»,[2] значительно больше. Она охватывает первые $9^1/_2$ лет деятельности третьего епископа, Альберта, (1199—1208) и в основном посвящена «обращению» или завоеванию области ливов. Наконец, вся остальная часть (т. е. две трети) Хроники составляет четвертую книгу [3] — «Об Эстонии». Ее предмет — история покорения Эстонии до 29-го года епископства Альберта.

Эта неравномерность в структуре мало заметна для читателя, так как самим автором почти во всей Хронике очень определенно проведено деление по годам епископства, положенное (впервые А. Ганзеном) в основу нынешнего деления Хроники на 30 глав.

Как видно из уже сказанного, Хроника, будучи, с одной стороны, историей завоевания Прибалтики немцами, с другой является летописью деяний епископа Альберта.

Содержание ее в самом кратком очерке таково.[4]

Уже епископ Бертольд (1197—1198) пришел к убеждению, что одних проповедей для успеха колонизации недо-

---

В издании В. Арндта они же составляют главы I—II и занимают всего $3^1/_2$ страницы. См. MGH, SS, XXIII, стр. 241—244.

[2] В издании В. Арндта (о. с., стр. 244—264) главы III—XII.1—5, всего $20^1/_2$ стр. Перед началом XII.6 заглавие: «Конец книги третьей о Ливонии, начало книги четвертой об Эстонии».

[3] В издании В. Арндта (о. с., стр. 264—332) главы XII.6—XXX, всего 68 стр.

[4] Необходимо предупредить, что в этом кратком очерке соотношение событий, их взаимная связь и причины даны не по клерикально-богословской схеме Генриха, а так, как они рисуются современному историку на основании анализа Хроники и ливонских актов XIII в.

статочно. Альберт (с 1199 г.) начинает прямо с набора военной силы для «обращения» Ливонии. Он добивается того, что папа и император приравнивают поход в Ливонию к крестовому походу в Палестину: крестоносцам обеспечивается охрана имущества и дается прощение грехов за год службы в епископских войсках in partibus infidelium в Прибалтике.

Высадившись на Двине, Альберт сразу же встречает вооруженное сопротивление, но преодолевает его и постепенно закрепляется в области ливов. Каждые два года[1] он отправляется в Германию и возвращается с новыми крестоносцами. Первые годы проходят главным образом в обороне от нападений ливов, куров, литовцев, русских и в захвате двинских крепостей.

В то же время, для создания в Ливонии п о с т о я н н о й военной силы, епископ, помимо раздачи феодов своим рыцарям, решается на меру, впоследствии очень дорого стоившую ему. В 1202 г. он (точнее — его заместитель в то время) учреждает с последующей санкцией папы, орден «Братьев рыцарства христова», позднее известных под именем м е ч е н о с ц е в.[2] Подчинение ордена епископу, с самого начала бывшее очень условным, со временем превратилось в фикцию, и вместо помощи Альберту, орден стал его соперником.

К 1208 г. земли ливов по нижнему течению Двины и южные лэттские области были «просвещены словом проповеди и таинством крещения» или, проще говоря, покорены. Вслед за этим предстояло как-то посчитаться с давним подчинением восточных ливов русским — князьям Кукенойса, Герцикэ, и сюзерену их, князю полоцкому. Первоначально епископ держится политики уступок, дружественных договоров, признания старых прав, но эта выжидательная тактика применяется им недолго. За нею следует период наступления. Заключается невыгодное, но, повидимому, неизбежное для русских соглашение с Вячко, князем Кукенойса, и половина замка Кукенойс переходит к немцам. Несмотря на это, вскоре немцы изменнически захватывают весь замок, как вражеский, и, хотя епископ возвращает его Вячку и внешне старается компен-

---

[1] О поездке 1200 г. см. IV.4; 1202—VI.1; 1204—VIII.1; 1206—X.11; 1208—XII.1; 1210—XIV.1; 1211—XV.6; 1213—XVII.1; 1214—XVIII.1; 1217—XXI.1; 1221—XXVI.2.

[2] Отличительным знаком меченосцев был красный м е ч под красным крестом, изображавшийся на белом орденском плаще.

сировать причиненный вред, князь, вообще, должно быть, не предвидя добра в делах с немцами, жестоко мстит и, бросив замок, уходит на Русь непримиримым врагом Риги.

Позднее почти то же происходит и с другим уделом Полоцка, с княжеством Герцикэ. После предательского захвата и разграбления немцами его богатого города, князю Всеволоду предлагают мир и возвращение пленных (в том числе княгини), если он станет вассалом Риги. Не имея иного выхода, Всеволод соглашается и получает Герцикэ в лен от епископа. Тем не менее, пять лет спустя, город снова дважды взят и дважды до тла разграблен рыцарями из Кукенойса, после чего Всеволод (вероятно, как и Вячко, ушедший на Русь) надолго исчезает со страниц Хроники.[1]

Крупнейший из русских владетелей, князь Владимир полоцкий, изображаемый в начале Хроники, как сюзерен ливов, тоже вынужден отступить: «по внушению божьему» он отказывается от ливской дани, которую ранее епископ Альберт не только признавал за ним, но даже сам готов был ему платить и платил за ливов.

Князь полоцкий остается врагом рижан. Дальше к северо-востоку чувствуется угроза со стороны Новгорода и Пскова, но пока — вся средняя и нижняя Двина — во власти немцев, с ливами и лэттами покончено, и военные действия переносятся в Эстонию.

Однако, «внутреннее положение» ливонской колонии мало по малу настолько осложняется, что и самые завоевания становятся сомнительными.

Уже к 1207 г. обнаруживается серьезное недовольство ордена своим положением в Ливонии. Люди, которых один из современников характеризует, как banniti de Saxonia pro sceleribus, авантюристы и искатели быстрого обогащения, меченосцы желали завоеваний, приобретений, добычи и видели крупнейшее препятствие своим успехам в автократической позиции епископа. Ему предъявляются и настойчиво повторяются требования выделить ордену третью часть всех уже сделанных и будущих завое-

[1] Возможно, что владетельные права обоих русских князей не были просто упразднены немцами, а были присвоены ими путем браков с дочерьми-наследницами Вячко и Всеволода (ср. M.Taube, Russische u. Litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands — XII u. XIII Jahrh. в Jahrb. für Kultur und Geschichte d. Slaven, NF, Bd. XI, Heft III—IV, Bresslau, 1935, стр. 420 и сл., 424, 447 и сл.), но как бы то ни было, политическое значение русских княжеств исчезло.

ваний, а когда Альберт дает (вынужденное) согласие лишь на первую часть требуемого (треть уже завоеванных земель), орден обращается к папе и начинает систематическую кампанию обвинений и клеветы против епископа, что сначала приводит к утверждению папой в 1210 г. фактически состоявшегося раздела завоеванной части Ливонии, но с предоставлением именно меченосцам права на дальнейшие самостоятельные завоевания, а позднее окончательно портит отношения Альберта с римской курией, вызывает ряд немилостивых папских актов против него и очень ослабляет позицию епископа в борьбе с орденом.

В то же время среди покоренного населения назревает глубокое недовольство немецким режимом. «Права христианства» (iura christianitatis), связанные с крещением «язычников», для этих последних мало по малу выявились во всей обнаженности, как «права» — платить десятину, содержать христианских священников, ходить с немцами на войну, подвергаясь за это мести соседей, и безропотно терпеть притеснения меченосцев, с наибольшей бесцеремонностью обращавшихся с населением, захватывавших поля и борти лэттов и др.

Альберт, которому нельзя отказать ни в дальновидности, ни в гибкости политики, очевидно, понимая напряженность положения, благоразумно, «с отеческой любовью» (говорит Хроника) облегчает «своим» ливам податное бремя — заменяет тяжкую десятину более легким оброком. У ордена, наоборот, дело доходит до открытого конфликта: лэтты, доведенные до отчаяния притеснениями, готовятся к восстанию. Вмешательство епископа не помогает, к лэттам присоединяются ливы, начинаются военные действия, причем направлены они уже не против отдельных обид и обидчиков, а против всей системы колониального гнета, против иноземной аггрессии, равно неприемлемой, как в виде «благостной» церковности епископа, так и виде открытого насилия соперников его — меченосцев. Восстание подавлено, конкретные жалобы лэттов частью удовлетворены третейским судом епископа, но настоящая причина восстания, разумеется, не устранена и не могла быть устранена.

Продолжаются между тем военные действия против литовцев и наступление на Эстонию. Эсты с большими силами осаждают Ригу, пытаясь отрезать ее от моря, но успеха не имеют. Немцы предпринимают по льду первый поход на Эзель, делают нападения на Гарриэн и Виронию. По

мере продвижения их вглубь страны, крепнет сопротивление эстов, и усиливается противодействие русских. Главный двинский противник немцев, князь полоцкий Владимир, готовит поход на Ригу, и только неожиданная смерть (1216 г.) не дает ему довести дело до конца. Но на смену ему появляется еще более серьезный враг — «великий король новгородский», считающий эстов своими данниками. Первое же непосредственное столкновение с русскими (у Оденпэ в 1217 г.) приводит к поражению немцев, сдаче ими крепости и потере всех эстонских завоеваний. Это было тем более грозным симптомом для епископа рижского, что и «внутренние дела» шли очень негладко.

Альберт со вновь им посвященным епископом Эстонии Теодерихом, побывав в 1215 г. в Риме на Латеранском соборе, несколько ослабил нажим со стороны меченосцев, но орден тем не менее успел добиться от императора признания своих безусловных прав на новые завоевания, и когда епископ пытается мирно поделить с меченосцами Эстонию (XX.2, 4), то уже не им, а ему предлагается всего одна треть, и то лишь на словах.

Испытывая таким образом величайшие затруднения и извне и внутри, Альберт вводит в политическую игру новую крупную силу, еще более осложняя тем свое положение. Он обращается за помощью к датскому королю Вальдемару II, вероятно, обещая ему в минуту опасности и какую-то более или менее значительную компенсацию. Очень скоро обнаруживается, что датчане рассматривают это соглашение, как подчинение всей «немецкой» Ливонии королю датскому, а на Эстонию смотрят прямо как на владение, уступленное им Альбертом. Когда эта точка зрения встречает сопротивление в Риге среди рыцарей епископа, среди купечества и меченосцев, король, подкупив орден признанием т о л ь к о е г о прав на долю в Эстонии, принимает ряд карательных мер по отношению к епископу: не допускает в Эстонию вновь посвященного (за смертью Теодериха) епископа Германна, брата Альберта, запрещает подвластным Дании северно-германским портам отправлять корабли с крестоносцами в Ливонию, создает нечто вроде морской блокады Ливонии, так что самому Альберту лишь тайно удается переправиться в Германию. Жалобы его папе и императору (Фридриху II) оказываются бесплодны. Остается сдаться на милость Вальдемара и признать его требования, что Альберт и делает.

Дальнейшие события показывают, что и датчане одни не в силах справиться с сопротивлением эстов. Ища помощи рижан, архиепископ лундский обещает им отказ короля от претензий на Ливонию, но о прочих разногласиях умалчивает.

Двусмысленная, а временами явно изменническая роль меченосцев, союзников датчан, вызывает возникновение в Риге летом 1221 г. заговора с участием купечества, горожан, ливов и лэттов. Заговорщики объединяются «против короля датского и всех своих противников», но в сущности именно против ордена. Заговор открыт и подавлен меченосцами, но это «несогласие в стране» обессиливает и орден, так как в поход, даже под предводительством магистра идут теперь с меченосцами лишь немногие. Это поучительное зрелище не сразу оказывает действие. Новое соглашение с датчанами остается все таким же неудовлетворительным для епископа: ему отдают только духовные права, а сеньериальные, владельческие остаются за датчанами и меченосцами.

Тем не менее немецкое миссионерство в Эстонии не прекращается, и уже к 1220 г. страна, по словам Хроники, вся окрещена.

Однако сопротивление населения далеко еще не сломлено, и уже к 1222 г. вырастает в наибольшую опасность для немцев, перед которой все прочие бледнеют. Правда, русские походы 1218 и 1221 гг. не имеют серьезных последствий, как и нападения литовцев. После поражения при Калке русские даже заключают мир с Ригой. Появившийся было новый претендент на эстонское поморье—шведы гибнут в бою с эстами. С датчанами налицо «худой», но мир. Таким образом положение немцев пока сравнительно спокойно.

Все резко меняется во второй половине 1222 г. Начинается великое эстонское восстание. Немецкая власть в стране сметена. Эсты в союзе с русскими грозят самому существованию завоевателей в Прибалтике. Епископ-дипломат с его лживой «мягостью» и откровенные притеснители меченосцы сразу оказываюся на краю гибели. Перед общей угрозой соперники примиряются.

Эта крайняя опасность и прямой ультиматум рижан заставляют орден отказаться наконец от долголетнего сепаратизма и поневоле уступить епископу. По договору, заключенному в начале 1223 г., а окончательно оформленному в 1224 г., Эстония делится на три части, из коих одна

достается епископу рижскому Альберту, другая — епископу эстонскому Германну и третья — ордену.

Соединив все силы, немцы подавляют отчаянное сопротивление защитников свободной Эстонии. Эсты разбиты при Имере, замок Феллин и крепость на р. Пале взяты. В том же 1223 г. русские, явившись на зов эстов с 20-тысячным войском, овладевают важнейшими крепостями Эстонии, Дорпатом и Оденпэ, но затем, вместо удара на Ригу, уклоняются к Ревелю и долго, но без пользы осаждают его.

В 1224 г. идет жестокая борьба вокруг Дорпата, опорного пункта русских в Эстонии, где князем сидит Вячко. Падение Дорпата окончательно решает дело в пользу немцев. Эсты покоряются, и новые владетели Эстонии — два епископа и орден вступают в свои права, причем датская оппозиция оказывается очень ослабленной двухлетним сидением Вальдемара II в плену в Германии.

Следующий затем период относительного мира в Ливонии отмечен приездом папского легата, епископа моденского Вильгельма, который должен, с одной стороны, информировать курию об общем положении дел во «вновь обращенной» и очень мало известной стране, а с другой — уладить остающиеся территориальные разногласия между датчанами и немцами и т. д. Легат объезжает земли лэттов, ливов и эстов, спорные области берет под власть Рима, решает ряд споров в Риге, налаживает канонические порядки и отправляется в обратный путь.

Этим, собственно, (главой XXIX) и кончалась Хроника первоначально. Несколько позднее добавлена была еще одна глава (XXX) о завоевании о. Эзеля. Рассказом о крещении жителей Эзеля заключается Хроника.

III

Автор Хроники

Вопрос об авторе нашей Хроники представляет давнюю и частью доныне неразрешенную загадку. Рукописная традиция не сохранила его имени, как не сохранила и точного наименования его произведения. Единственным источником для разрешения вопроса является, таким образом, содержание Хроники, бесспорно дающее ряд указаний не только к характеристике писательских особенностей автора, его эрудиции и мировоззрения, но и к интересующему нас вопросу об имени его.

Сам автор нигде себя по имени не называет, но вообще не раз говорит о себе. Он ясно указывает, что был очевидцем и участником описываемых им событий. В XXIX. 9 он говорит: «Ничего здесь не прибавлено иного к тому, что почти всё мы видели своими глазами, а чего собственными глазами не видели, то узнали от видевших и участвовавших».

Что это вполне основательное заявление, видно и по красочности некоторых описаний и по наличию во многих местах Хроники таких деталей, какие могут быть известны лишь очевидцу, и, наконец, по особой, свойственной автору манере — неожиданно, посреди рассказа, идущего в третьем лице, переходить к изложению от первого лица («мы»), например, в XIX.5, XXII.9, XXIII.7, XXIII.9 и др.

В отдельных случаях это «мы» не только свидетельствует о присутствии автора при описываемых событиях, но определяет и роль его, как их участника. Так, в XXIII.7 читаем: «и тотчас мы окрестили его» (Кириавана); далее: «и когда мы уже должны были помазать его святым елеем...» Очевидно, автор был с в я щ е н н о с л у ж и т е л е м. Этого надо было бы ожидать и a priori, считаясь с культурно-бытовой обстановкой XIII в., это видно и по стилю Хроники, по характеру литературной эрудиции автора, по роду тем, особенно привлекающих его внимание.

О священниках в Хронике речь идет очень часто. Автор тщательно регистрирует даже мелкие факты их миссионерской деятельности в Ливонии и многих[1] называет по именам. Естественно предполагать, что где-то в числе прочих

[1] Fredericus de Cella (XVIII.8), Iohannes de Wironia (X.7), Gerhardus (X.7), Hermannus (ibid.), Nicolaus (IV.2), Salomo (XV.9), Segehardus (XXIII.4) и Theodericus (XXIV.5, 6; XXVI.5), по сообщению Хроники, убиты туземцами и в счет не идут; Alexander (X.14), Conradus Kolbe, Florentius Cassius, Robertus Gilbanus (все в XII.5), Ludovicus (XXIV.1), Mauritius (XXIX.2), Theodoricus Rabbius (XI.5), Salomo (другой — XXIV.6) и Volchardus de Harpenstede (VII.8) упомянуты по одному разу мельком; из упомянутых по два раза: Godefridus (XIX.8, XXI.7), Hartwicus (XXIV.6, XXVI.7), Iohannes de Vechte (VII.8 и, вероятно, он же в IX.5), Iohannes Strickius (XI.5, XVIII.7) ни в ком нельзя видеть автора Хроники: о втором говорится не без иронии, а о первом более напыщенно (в XXI.7), чем обычно говорит о себе наш автор; Иоганн Штрик оба раза упомянут мельком; наконец, Иоганн из Вехты, судя по IX.5, повидимому, был одним из информаторов автора; три раза и более упомянуты: Otto (XVIII.7, XIX.4, 7), Petrus Kakewalde (XIX.4, 7; XXIV.1, 2), Daniel (X.9, 14, 15; XII.2; XIII.2 и, может быть, XXVII.1); Alebrandus(VI.2; X.14, 15; XI.7; XIII.5; XVI.3, 4; XVII.6; XVIII.2; XXII.4; XXIV.1) и Henricus de Lettis (XI.7; XII.6 — трижды; XV.1; XVI.3; XVII.6; XVIII.3; XXIV.1, 2, 5, 6; XXIX.7). Из них

он называет и себя: вероятнее всего, разумеется, там, где к имени священника относится наибольшее число индивидуально-биографических мелочей, неизвестных или даже неинтересных постороннему.

Исходя из этого, уже первый издатель Хроники, Иог. Дан. Грубер,[1] а за ним А. Ганзен [2] и Г Гильдебранд,[3] путем внимательного анализа текста и сопоставления содержащихся в нем биографических показаний о разных священниках, пришли к убеждению, что автором Хроники был часто встречающийся там Генрих, названный в рассказе о нападении ливов на епископа рацебургского (XVI.3) sacerdos ipsius (епископа) et interpres Henricus de Lettis.[4] Это определение принято почти всеми исследователями [5] и действительно обладает наибольшей вероятностью, но, надо признать, основано лишь на косвенных доказательствах. Дело было бы совершенно ясно, если бы можно было отыскать в Хронике такое место, где отмечавшееся выше авторское «мы» находилось бы в достаточно ясной связи с именем Генриха, но такого места нет. А. Ган-

---

первые два не могут отождествляться с автором Хроники, так как миссионерствуют в Эстонии как раз в то время, когда тот путешествует в Италию (отмечено Г. Гильдебрандом, о. с., стр. 163); кроме того, Отто (как и вышеуказанный Гартвик) — орденский священник, чего, как увидим, нельзя думать о нашем авторе. Даниил, как явствует из всего, о нем сказанного, вообще не был в Эстонии, где, несомненно, не раз бывал автор Хроники. Таким образом, этого последнего можно искать под именами Алебранда и Генриха, поскольку упоминания о них одинаково часты, районы их деятельности до известной степени совпадают и отношения к епископу сходны. Однако, по вполне основательным соображениям Г. Гильдебранда (I. с.) из этих двух авторство с гораздо большим вероятием можно приписать Генриху. Как ни часты упоминания об Алебранде, они никогда не бывают так подробны и так богаты мелочными деталями, как рассказы о Генрихе, а если и есть кое-какие исключения из этого правила, то они легко объяснимы и при авторстве Генриха, не раз бывавшего спутником и младшим товарищем Алебранда и, конечно, многое знавшего непосредственно от него.

[1] Ганзен, о. с., стр. 10.

[2] Ганзен, о. с., стр. 15—17.

[3] H. Hildebrand. Die Chronik Heinrichs von Lettland. Berlin, 1865, стр. 5—6 и 162—165.

[4] В других местах он именуется: Henricus, Letthorum minister de Ymera (XXIV.1); Letthorum de Ymera sacerdos (XXIV.5); Henricus, scholaris episcopi (Альберта — XI.7) и просто sacerdos.

[5] Укажем следующие исключения: Ив. Юрьенс в статье «Древнейшая Ливонская Хроника» (в Записках Отд. русск. и слав. археологии Русск. Археолог. общ., т. V, вып. 2, СПб., 1904, стр. 26—42) подвергает сомнению доводы Ганзена и Гильдебранда, уклоняясь сам от всякого определения автора. Г. Трусман — в статье «Древ-

зен (o. c., стр. 16) видел его в XXIV.5, где автор, рассказывая о миссионерских путешествиях Петра Какевальдэ и Генриха имерского по Эстонии, и в частности — о крещении ими людей в деревне Кеттис, добавляет, что позднее датчане построили там церковь, «как и во многих других деревнях, нами крещенных». Мнение А. Ганзена было бы убедительно, и вопрос был бы решен, если бы слова a nobis («нами») можно было с полной уверенностью отнести только к Генриху и Петру, исключив более широкое понимание («немцы вообще»), которое Г. Гильдебранд, например (o. c., стр. 162), считал даже более правильным.[1]

Возможность сближения авторского «мы» с именем Генриха искали еще в XIX.5, где с такою яркостью (и часто в первом лице) говорится о трагическом положении кораблей епископа рацебургского в эзельской гавани. Дело в том, что Henricus de Ymera назван священником Филиппа рацебургского не в одном выше упомянутом месте XVI.3 (1212 г.), но еще раз в XVIII.3 (1214 г.: «отпустив с ними своего священника, жившего близ Имеры»), а эта, хотя бы временная (1212—1214. . .) связь его с епископом позволяет предполагать, что одним из ближайших спутников Филиппа в путешествии 1215 г. был именно Генрих, откуда уже легко, основываясь и на других наблюдениях, вывести возможность его авторства в описании плавания и смерти епископа.

Это — одна линия косвенных доказательств. Другая остроумно намечена Г. Гильдебрандом в его вообще очень ценной работе о Хронике. Г. Гильдебранд указывает, что автор Хроники, часто подражающий библии, не раз говорит именно о Генрихе с той же подчеркнутой скромностью (без имени), с какою говорит о себе в третьем лице

нейшая Ливонская Хроника и ее автор» (ibid., т. VII, вып. 2, СПб., 1907, стр. 204—225), еще дальше идущий по пути весьма сомнительной гиперкритики, считает автором Ротмара, брата епископа Альберта; наконец, сравнительно недавно I. Krodsneeks усумнился в том, можно ли даже с уверенностью утверждать, что именно Генрих, а не другой неизвестный, безымянный священник был автором Хроники (см. Latwijas wehsture, II, Riga, 1920, стр. 24 — цитируем по SB, Riga, 1914—1921, стр. 151 и прим. 1).

[1] В этом широком смысле правильнее, разумеется, было бы не a nobis, но a nostris, как и сказано, например, в XXIII.7 о Табелине; однако фразеология Хроники вообще не абсолютно точна, и поэтому расширительное толкование Г. Гильдебрандом слов a nobis не лишено правдоподобия, хоть и не имеет той обязательности, с какою им предлагается.

евангелист Иоанн. Ср., например, XI.7: «и закончив крещение в тех местах, воротился Алебранд назад. Другой же (Генрих — *С. А.*). . .»; XXIV.5: «И пошел другой священник и срубил изображения и подобия богов. . .»; XXIX.7: «Петр же Какинвальдэ с товарищем своим, другим священником. . .» (Генрихом — *С. А.*), и так во многих местах.

Таким образом, по всем доныне сделанным наблюдениям отождествление автора Хроники с Генрихом имерским действительно оказывается единственным правдоподобным, но и в нем налицо известная доля гипотетичности, оставляющая сторонникам гиперкритики некоторую свободу для иных догадок, впрочем, надо признать, совершенно пока бесплодных.

По данным Хроники можно довольно точно проследить биографию Генриха — частью по именным упоминаниям, частью по наличию непоследовательного «мы» и по красочности изложения.

Прежде, однако, необходимо, хотя бы вкратце коснуться вопроса, представляющего давний предмет горячих споров — вопроса о национальности Генриха.

В истории этих споров[1] имена Иог. Дан. Грубера, П. Иордана, В. Арндта, акад. Куника, Фр. Кейсслера и Р. Гольтцманна отмечают важнейшие перипетии.

Со времени Иог. Дан. Грубера существует мнение, что Генрих был уроженцем Ливонии, лэттом, латвийцем по национальности. Более столетия это мнение господствовало нераздельно. Его держались Гадебуш,[2] Ганзен,[3] Ваттенбах[4] и др. Мысль о немецком происхождении хрониста впервые высказана была П. Иорданом[5] в 1858 г. и нашла сторонников в лице А. Энгельмана,[6] Г. Гильде-

[1] В общем обзоре мы пользуемся последней работой Р. Гольтцманна (Studien zu Heinrich von Lettland в Neues Archiv d. Gesellsch. f. ält. deutsche Geschichtskunde, Bd. XLIII, 1922, стр. 162—164), добавляя неупомянутые Р. Гольтцманном работы русских и прибалтийских авторов.

[2] Gadebusch. Abhandlungen v. livl. Geschichtschreibern, 1772, § 6, стр. 8; его же Livländische Bibliothek, Bd. I, 1777, Vorrede, стр. 9; Bd. II, стр. 24.

[3] Ганзен, о. с., стр. 17.

[4] Wilh. Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zum Mitte d. XIII Jahrh., 1858, стр. 385.

[5] P. Iordan. Ueber den sogenannten Heinrich den Letten. См. «Inland, Wochenschrift für Liv-,Est- u. Curl. Geschichte», 1858, n° 4.

[6] August Engelmann в Mittheil. aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- u. Kurlands, Bd. IX, 1860, стр. 424, прим. 217.

бранда [1] и того же Ваттенбаха (во 2 изд. Geschichtsquellen). В защиту позиций Грубера с обстоятельными доводами выступил В. Арндт во введении к новому изданию Хроники,[2] а вслед за ним вернулись к «Генриху-латышу» Ваттенбах (в 3, 4 и 5 изд.), Э. Винкельманн [3] и др., но в дальнейшем получило окончательный, повидимому, перевес мнение Иордана. Уже в 1877 г. Л. Вейланд [4] находил аргументацию В. Арндта неубедительной. Г. ф. Бреверн [5] считал Генриха «für einen echten Deutschen». К. Г. ф.Сиверс,[6] несколько гиперболически утверждал даже, что автор Хроники вовсе не знал латвийского языка. Академик Э. Куник [7] также не сомневался в правоте Иордана, и не потому, что не знал соображений В. Арндта (как думает Р Гольтцманн), а потому, вероятнее, что не считал их решающими.[8] К тому же роду принадлежит и компилятивная статья А. С. Лаппо-Данилевского,[9] основанная на Иордане и Г Гильдебранде.

Окончательное выражение получили взгляды Иордана — Куника в работах Ф. Кейсслера [10] и Р Гольтцман-

---

[1] О. с., стр. 6 и сл., 165—170. Надо заметить, впрочем, что окончательное суждение Г Гильдебранда носит все же только условную форму.

[2] MGH, SS, XXIII, стр. 237.

[3] Historische Zeitschrift, Bd. XXIV, 1875, стр. 185.

[4] L. Weiland в Göttingische gel. Anzeigen, 1877, стр. 785 и сл.

[5] G. v. Brevern в Studien zur Geschichte Liv-,Est- u. Kurlands, Bd. I, стр. 87, прим. 2.

[6] C. G. v. Sievers. Die Lettenbugr Autine u. die Nationalität des Chronisten Heinricus de Lettis, zwei Studien. Riga, 1878.

[7] См. у A. Bielenstein. Die Grenzen des lettischen Volksstammes u. der lettischen Sprache in der Gegenwart u. im XIII Jahrh. 1892, стр. 468.

[8] Ср. Р. Гольтцманн, о. с., стр. 164, и Fr. v. Keussler в Neues Archiv, Bd. XLIV, 1922, стр. 365.

[9] А. С. Лаппо-Данилевский. Биографические сведения о Генрихе Латыше по данным его собственной летописи — в «Библиографе» за 1888 г., n° 5—6, стр. 213—224.

[10] Ф. Кейсслер. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII ст. СПб., 1900, стр. 87; то же по-немецки: Der Ausgang d. ersten russischen Herrshaft in den gegenwärtigen Ostseeprovinzen im XIII Jahrh. St. Petersb., 1897; затем, под тем же (немецким) загл. с добавл. «in Beleuchtung des Herrn A. Ssapunow (St. Pet., 1898); его же возражение на отзыв А. Сапунова о вышеуказанной русской работе Ф. Кейсслера в «Отчете о 38 присуждении наград гр. Уварова», (СПб., 1898, стр. 79—132); его же Zur Frage der Nationalität des Chronisten Heinrich v. Lettland в Sitzungsber. der Gelehrt. Estn. Gesellschaft zu Dorpat 1905. Dorpat, 1906, стр. 53 и сл.; его же возражение Р. Гольтцманну в Neues Archiv, Bd. XLIV, 1922, стр. 364—365; его же Die Nationalität des Chronisten Heinrich

на[1] а последним пока отзвуком Грубера оказывается статья Н. Я. Киприановича,[2] где автор полемизирует с Ф. Кейсслером и настаивает на латышском происхождении Генриха.

Напомним главные аргументы «лэттской» и «немецкой» теорий.

Первая, груберова, имеет, в сущности, единственное основание. Она опирается на упоминавшееся уже, лишь однажды встречающееся в Хронике выражение Henricus de Lettis, толкуя его, как «Генрих из лэттов» или «Генрих-лэтт (латыш)». Мотивируя это толкование, В. Арндт утверждал и доказывал аналогиями из других мест Хроники, что предлог de имеет в ней (в данном сочетании) только один смысл и означает именно происхождение откуда-либо, а не иную связь с местом.[3] К этому главному аргументу сторонники Грубера добавляют еще два побочных соображения. Во первых, отмечается несомненная симпатия хрониста к лэттам, не раз отчетливо проступающая и в его положительных характеристиках и в смягчении отрицательных фактов, касающихся лэттов.[4] Предполагается, что Генрих был не вполне беспристрастен в пользу своих земляков. Во вторых, чтобы объяснить высокую и неожиданную для лэтта XIII в. образованность автора Хроники, приводятся (из Хроники же) в пример другие прибалтийские уроженцы, попавшие в Германию, как заложники, или, может быть, как-либо иначе и получившие там образование.[5]

Противоположная «немецкая» точка зрения вкратце выражается в следующем.

1° Предлогу de, на основании Хроники, можно придавать и то значение, какое желательно Иог. Дан. Груберу или В. Арндту, но в то же время фразеология Генриха дает много примеров и обратного, т. е. таких примеров, где de

---

v. Lettland [Heinrich von Lon] und seine Lebengang в SB d. Gesellsch. f. Gesch. u. Altert. zu Riga aus d. Jahre 1914. Riga, 1921, стр. 150—167.

[1] Кроме выше упоминавшейся работы в Neues Archiv, Bd. XLIII, еще: там же, стр. 650 — рецензия на статью Ф. Кейсслера «Die Nationalität d. Chronisten. . .» и в Bd. XLIV, 1922, стр. 366—368: ответ на возражение Ф. Кейсслера по поводу этой рецензии.

[2] Н. Я. Киприанович. Ливонская хроника Генриха Латыша — в Сборнике учено-литературного общества при Юрьевском университете, т. VI, Юрьев, 1903, стр. 190—212.

[3] О. с., стр. 237.

[4] См. X.3,12; XI.7; XII.6; XV.7; XIV.8; XXIX.3 и др. Сравн. резкие суждения о ливах: I, IV.6, X.15, XIV.5.

[5] Иоанн из Вирланда и Филипп Литовец. Ср. А. Ганзен, о. с. стр. 17; Г. Гильдебранд, о. с., стр. 166; Хроника: X.7 и XV.9.

без всяких колебаний надо перевести не «из такого-то рода» а «из такого-то места по службе, по жительству, по монашескому обету» и т. п.[1] Таким образом, предполагаемой В. Арндтом обязательности в трактовке de Lettis нет.

2° Наоборот, поскольку в других наименованиях, какие дает себе автор Хроники, de говорит вовсе не о происхождении, а о служебной связи, правильнее и выражение de Lettis понимать, как «священник из области лэттов».

3° Не раз употребляя термины nos, nostri [2] по отношению к рижанам, ливонцам, завоевателям, и большею частью не разделяя при этом немцев и их союзников лэттов, автор Хроники, по крайней мере, в одном месте с достаточной определенностью противопоставляет nos, т. е. немцев и себя, лэттам. Это место впервые отмечено было Ф. Кейсслером в 1905 г.,[3] а затем, 30 лет спустя, вновь «открыто» Р. Гольтцманном.[4] Находится оно в XXIII.9, в рассказе о битве при дер. Каретэн в Эстонии, где в 1220 г. немцы с лэттами нанесли эстам тяжелое поражение; «убитых (эстов — *С. А.*) осталось на месте боя около пятисот, да и еще множество других пало на полях, по дорогам и в иных местах. Из наших же пало двое и двое из лэттов: брат Руссина и брат Дривинальдэ с Астигервэ (лэтты — *С. А.*), молодой граф из рода епископа и один рыцарь герцога» (немцы — *С. А.*).

Ф. Кейсслер и Р. Гольтцманн считали приведенное место аргументом, решающим спор, прямым доказательством того, что хронист «sich selbst zu den Deutschen rechnet». Если однако даже не признать его вескости,[5] преиму-

---

[1] Ср. Р. Гольтцманн, о. с., NA, Bd. XLIII, стр. 166—169.

[2] Споры о значении nos в Хронике см. А. Ганзен, о. с., стр. 16; Г Гильдебранд, о. с., стр. 166; Р. Гольцманн, о. с., NA, Bd. XLIII, стр. 177 и сл.

[3] Zur Frage der Nationalität des Chronisten в SB Gel. Estn. Ges. zu Dorpat — 1905. Dorpat, 1906, стр. 53 и сл.; его же статьи в Rig. SB — 1914, (Riga, 1914—1921), стр. 150 и сл. и в Neues Archiv, Bd. XLIV, стр. 366.

[4] Neues Arch., Bd. XLIII, стр. 178.

[5] Н. Я. Киприанович отводил доводы Ф. Кейсслера тем соображением, что поименованные тут убитыми лэтты принадлежали не к области епископа, а к орденским землям: поэтому, будто бы, они и не названы nostri. Это сомнительно по существу и очень натянуто.

Тем не менее, ultima ratio Кейсслера—Гольтцманна все же не может быть признана неуязвимой. Цитированная фраза Хроники у обоих авторов приводится вне контекста и взятая таким образом выглядит действительно настолько недвусмысленно, что читателю остается лишь удивляться, как ни В. Арндт ни другие ее

щество в споре остается все же за «немецкой» теорией — не в силу положительной стороны ее аргументации, а исключительно по слабости основного упора «лэттской» гипотезы: точный смысл de Lettis настолько сомнителен, что вывод, сделанный Грубером и его сторонниками, кажется произвольным. В сущности, для возникновения самой мысли о латвийском происхождении хрониста достаточных оснований нет.

Дискуссия о национальности Генриха, по своей длительности и остроте, представляет, бесспорно, любопытное явление в общей характеристике общественно-научных тенденций немецко-прибалтийской историографии, но, надо согласиться, не имеет серьезного значения для понимания Хроники. Как увидим ниже, немецкая ориентация автора не вызывает никаких сомнений и носит совершенно такой же оттенок, каким обладала бы ориентация des echten Deutschen. Поэтому, для критической оценки Хроники, строго говоря, безразлично, был ли Генрих немцем, для которого крещенные им лэтты стали ближе других «язычников», или лэтттом, который воспитан был в Германии, вырос в немецком католичестве и стал скорее немцем по культуре и мировоззрению, чем лэттом.[1]

Не говоря о неясном до-ливонском периоде в жизни Генриха, биографию его рисуют следующими чертами.

Он родился, вероятно, в 1187 г., так как священником стал в 1208 г. (XI.7), а по действовавшему в то время церковному законодательству, мог быть посвящен только по достижении 21 года.[2] Шестнадцати лет от роду (1203) Ген-

---

не заметили. В общем же контексте фраза звучит несколько иначе и далеко не бесспорно. Противоположение «из наших же», повидимому, относится (или в первой редакции относилось) вовсе не к лэттам, а к эстам: «врагов пало до пятисот и более, из наших же — немцев двое и лэттов двое». Буквально такой текст находим в первом издании у Грубера: Ex nostris autem ceciderunt duo Theutonici. Правда, издание Грубера несовершенно, а слово Theutonici в лучших рукописях тут не встречается, но нельзя не признать, что конструктивно и логически данная фраза в издании Грубера кажется и правильнее и разумнее.

[1] Ср. у К. Маркса о пруссах: «по приказу папы у них отнимали их детей, чтобы воспитывать из них „христианских янычар" и сохранять, как заложников». (Хронолог. выписки, «Большевик», n⁰ 24 1936 г., стр. 54).

[2] По действовавшему с XII в. Decretum Gratiani (изд. Lugduni, 1559, p. I, Distinctio 72, pag. 249). Ср. Ф. Кейсслер, Die Nationalität. ., стр. 157. Собственно, возраст в 21 г. был минимальным и давал право на получение лишь низшей степени священнослужителя — субдиакона. Для посвящения в диаконы (и то «si meretur», «если

рих привезен был епископом Альбертом в Ливонию[1] и здесь, как его scholaris, продолжал при дворе епископа образование, начатое в Германии.

Весной 1208 г. Генрих получил посвящение и, вместе со стариком Алебрандом, послан был на лэттскую окраину на р. Имеру (Зедда),[2] где с тех пор и был долгое время приходским священником, участвуя однако в общей жизни немецкой колонии, временами сопутствуя епископам в их предприятиях, бывая в Риге и в походах. Так, в том же 1208 г. Генрих, по поручению епископа, принимает участие в переговорах немцев и лэттов с эстами (XII.6), а когда переговоры окончились неудачей и началась война, он оказывается, вместе с людьми епископа и Бертольдом венденским, в осажденном эстами лэттском городке Беверине; во время боя, стоя на стене укрепления, поет молитвы, удивляя эстов музыкальным аккомпанементом, а после победы получает от лэттов долю в добыче, как «их собственный священник». В 1210 г. Генрих находится в Риге во время нападения куров на город (XIV.5). В следующем году его приход на Имере жестоко разорен эстами, а церковь сожжена (XV.1). В 1212 г. Генрих сопровождает епископов Альберта рижского и Филиппа рацебургского в Торейду, принимает участие, вероятно, как переводчик,

---

заслуживает») надо было иметь 26 лет, и только большая нужда в клириках, наверное, обнаруживавшаяся в Ливонии в начале XIII в., оправдывает вышеприведенное соображение, заимствуемое нами у Ф. Кейсслера.

[1] Так думают, во первых судя по красочности (сделанного как будто очевидцем) описания морского боя с эзельскими пиратами во время этого плавания (VII.1—3); во вторых, потому что в дальнейшем изложение в Хронике становится более связным и подробным, чем до тех пор (ср. Г Гильдебранд, о. с., стр. 7; Ф. Кейсслер, Die Nationalität. . ., стр. 157). Р. Гольтцманн (о. с., NA, Bd. XLIII, стр. 182—183) предполагает, что Генрих в 1199 г. «находился в Магдебурге среди вновь навербованных в Ливонию пилигримов» и уже в 1200 г. (тринадцати лет!) прибыл в Ливонию с епископом. Основано это предположение на том, что только для этого прибытия епископа указано число его кораблей (22 корабя — IV.1). Мы держимся старой версии о 1203 г.

[2] Установившееся отождествление Имеры с нынешней р. Зеддой (см. наше примечание к переводу) отвергается новейшим исследователем H. Laakmann'ом (Zur Geschichte Heinrichs v. Lettland u. seiner Zeit в Beiträge zur Kunde Estlands im Auftrage der Estländischen Literärischen Gesellschaft, Bd. XVIII, 2 Heft, Reval, 1933, стр. 61 и прим. 6). Г. Лаакманн считает, что Имера — это нынешний Кокенгофский ручей, и таким образом «церковь на Имере» есть папендорфская церковь (ср. с ниже излагаемой версией о тождестве Генриха-хрониста со священником папендорфским.

в их переговорах с ливами и лэттами, готовыми к восстанию из-за притеснений со стороны меченосцев, и личным вмешательством спасает епископа Филиппа от насилия ливов (XVI.3). К 1213 г. относится факт посылки Генрихом хлеба и других даров князю Владимиру псковскому, назначенному в тот округ на должность епископского судьи (XVI.7). В 1214 г. Генрих посылается епископом в Толову, чтобы окрестить местных лэттов и прежде всего вождей их, сыновей Талибальда, будто бы пожелавших перейти от греческого обряда (и подчинения Пскову) к католичеству (XIX.3). Середину и конец 1215 г. Генрих проводит вне Ливонии. Он сопровождает Филиппа рацебургского, едущего в Рим на собор. В эзельской гавани путешественники подвергаются крайней опасности: эсты, завалив выход из гавани, пытаются сжечь корабли епископа, и только счастливая перемена ветра и находчивость епископского шкипера спасают немцев от гибели. По прибытии в Италию, епископ рацебургский умер в Вероне. Генрих, очевидно, был в это время при нем и присутствовал на его похоронах; затем отправился в Рим, где уже начались заседания собора, и присоединился к епископу Альберту, а весной 1216 г., вместе с последним, вернулся в Ливонию. В 1217 г. Генрих участвовал в походе на Гарриэн, Ервен и Виронию (XX.6). К этому же году относится начало его миссионерской деятельности в Эстонии. В следующем году его приход вновь разорен (русскими) и церковь на Имере опять сожжена (XXII.4). В 1219 г. он принимает участие в походе на ревельскую область и на Виронию и продолжает крещение побежденных (XXIII.7). В 1220 г. он находится при епископе Альберте, осаждающем семигалльскую крепость Мезотэн (XXIII.8); вместе с ливонцами делает поход на Ервен, присутствует при поражении эстов у дер. Каретэн (XXIII.9) и при разорении Гарриэна (XXIII.10). В том же 1220 г. Генрих вдвоем со священником Петром Какевальдэ успешно миссионерствует в северо-восточной части Унгавнии (по обе стороны р. Эмбах), в Вайге и Виронии (XXIV.2). Увидев, что в Виронии и затем в Ервене их опередили датские миссионеры, Генрих отправляется в Ревель с жалобой к архиепископу лундскому, но успеха не имеет (XXIV.5). Несколько позднее он вместе с другим священником, Теодерихом, отправился в Саккалу и крестил эстов у Нормегунды, Вайги, оз. Вирциэрви и у р. Эмбах. В третий раз он ходил в Эстонию в 1221 г. и крестил народ в пограничных с Псковом местностях (XXVIII.7). В 1224 г. Генрих

был при осаде и завоевании Дорпата, в 1225 и 1226 гг., по-видимому, сопутствовал папскому легату при объезде Ливонии. Наконец, можно предполагать, что и о завоевании Эзеля в 1227 г. он рассказывает по личным впечатлениям.

Вот и все данные для биографии Генриха, какие имеются в Хронике.[1] А. Ганзен считал (о. с., стр. 18), что Генрих умер вскоре после ее окончания, и во всяком случае — ранее епископа Альберта (1229), так как, строя свой расказ, как историю деятельности Альберта, он, конечно, довел бы его до смерти епископа, если бы (как думает А. Ганзен) сам дожил.

Позднейшие исследователи расширили район своих поисков и вывели биографию Генриха далеко за пределы Хроники. Г Беркгольц отождествил ее автора со священником Генрихом, плебаном в Папендорфе (Heinricus или Hinricus, plebanus de Papendorpe),[2] основываясь на следующем. По актовым данным, примерно, в июле 1259 г. священник Генрих из Папендорфа дает под присягой показания о границах епископских и орденских владений в районе Буртнекского озера и р. Салис. Его спешат допросить, «так как он очень стар и слаб» (quia senex est valde et debilis), а показания его крайне важны: он, сказано в акте, присутствовал, как свидетель, в то время, когда производился раздел земель между епископом и орденом, и даже сам, от имени епископа, выделил ордену его долю.[3]

Фигура такого значения, выступающая в акте, «sozusagen als bischöflicher Landscheidungs-Komissar» (Беркгольц), не могла быть упущена из виду автором Хроники,

---

[1] Уже А. Ганзен (о. с., стр. 17—18) выделил и систематизировал основные, а Г. Гильдебранд дополнил ссылки А. Ганзена еще рядом мест, где об участии Генриха в описываемых событиях можно судить по стилистическим особенностям изложения.

[2] Папендорф, как приход, упоминается в 1326 г. (см. С. Е. Napiersky. Beiträge zur Geschichte d. Kirchen u. Prediger in Livland, Heft I. Riga, 1843, стр. 54), а до того уже в 1234 г. (ср. H. Hildebrand. Livonica vornählmich aus dem XIII Jahrh. im Vatikanischen Archiv. Riga, 1887, стр. 49, n° 21). Г Беркгольц имел в виду два документа 1259 г., объединенные в транссумпте, изготовленном клириком рижского епископства 27 сентября 1336 г. (опубликованы M. Perlbach'ом в Urkunden des Rigaschen Kapitel-Archiv in der Fürstlich Czartoryskischen Bibliothek zu Krakau — см. Mitt. aus der Livl. Geschichte, Bd. XIII, стр. 1 и сл.; особенно стр. 20 и сл.). Соображения Г. Беркгольца — в Vermischte Bemerkungen zu der vorstehenden Mitteilung Dr Perlbachs (ibid., стр. 24—48). Ср. SB Riga, 1914—1921, стр. 154, прим. 2.

[3] Г. Беркгольц разумел тут раздел Толовы (XXVIII.9), о котором имеется и документальное свидетельство (Bunge. Liv-, Est- u. Kurländisches Urkundenbuch, I. Reval, 1853, n° 70).

интересующимся даже мелочами в деятельности других ливонских священников, а так как в Хронике встречается всего один священник с именем Генриха — Henricus de Lettis, автор ее, то, очевидно, умозаключает Беркгольц, папендорфский плебан 1259 г. и Henricus de Lettis тождественны.

Эта очень правдоподобная и ныне всеми принятая [1] гипотеза позволяет протянуть нить биографии Генриха значительно дальше, чем делали это А. Ганзен и Г. Гильдебранд. Впрочем, кроме вышеупомянутого, документы дают еще лишь один факт из его жизни для времени после 1227 г. Оказывается, что плебан папендорфский некоторое время (может быть, уже с 1226/27 г.) был приходским священником в эсто-ливской области Зонтагане (parochia Sontakela) к северу от р. Салис, где мирно занимался рыболовством с туземцами (вершей ловил миног в реке Orwaguge). В 1259 г. ему должно было быть не менее 72 лет и, если смерть его последовала вскоре, то «он, таким образом, пережил по крайней мере на 32 года тот момент, на каком закончил свою превосходную хронику» (Беркгольц).

Спрашивается, почему же он не продолжал писать. Г. Беркгольц отвечает на это иначе, чем А. Ганзен. У Генриха, думает он, вероятно, уже не было стимула для этого и не было поручения, как в то время, когда он впервые взялся за перо. Его покровитель, епископ Альберт, умер, а следующий за ним епископ Николай, человек тихий и кроткий, мог и не чувствовать нужды в собственном историографе, «предоставив человеку с дарованиями Генриха ловить миног».

В недавнее время Ф. Кейсслер, основываясь на догадке Н. Буша, попытался внести еще одно существенное дополнение в биографию Генриха. Уже и ранее с недоумением отмечался тот факт, что, в отличие от других более или менее видных священников, Henricus de Lettis (sacerdos de Ymera и т. п.) вовсе не встречается в актах, современных событиям Хроники. Николай Буш в докладе Zur baltischen Vorgeschichte, сделанном 18 июня 1912 г. на втором Балтийском историческом съезде в Ревеле,[2] коснулся между прочим этого вопроса и впервые высказал предположение, что автора Хроники в актах начала XIII в.

---

[1] Ср. Ф. Кейсслер, Die Nationalität. . , стр. 156 и прим. 1.

[2] Не напечатан. Цитируем по Ф. Кейсслеру (Die Nationalität. . . стр. 152 и сл.).

надо искать под именем Heinricus de Lon, который, возможно, был близким родственником епископа Альберта.

Догадка Н. Буша не вызвала возражений, а кое-кем была прямо принята.[1] По мнению Ф. Кейсслера (Die Nationalität. . ., стр. 152 и сл., 165 и сл.), специально занимавшегося ею, «ничто не противоречит допущению, что автором Хроники и был Генрих фон Лон, а все, что мы знаем о хронисте Генрихе и об упоминаемом в 1259 г. священнике того же имени, можно непосредственно отнести и к Генриху фон Лон».

Sacerdos Heinricus de Lon дважды упоминается в актах и оба раза, как свидетель: 1° в акте епископа Альберта от 21 декабря 1210 г. (в монастыре Каппенберг в Вестфалии) о приеме конвента рижского собора в орден премонстратов (Livl. Güterurkunden, Riga, 1908, n° 3) и 2° в недатированном акте (повидимому, 1211 г.), которым епископы Бернард падерборнский, Изо верденский, Филипп рацебургский и Теодерих леальский, а также рижский настоятель Иоанн и аббат Динамюндэ Бернард объявляют о состоявшемся соглашении ордена с рижским епископом (Бунге, о. с., I, n° 23).

Наименование de Lon может иметь двойной смысл: а) из рода Lon (следовательно, знатного и династического происхождения) и б) из области Lon (простой смертный). Нижне-саксонский род фон Лон владел землями вблизи монастыря Каппенберг в Вестфалии,[2] но в числе его представителей за первые шесть десятилетий XIII в. Westfälisches Urkundenbuch не указывает лица, в котором можно было бы видеть автора нашей Хроники. С другой стороны, принадлежность Генриха-хрониста к этому знатному роду невероятна и потому, что знатность (ср. род епископа Альберта, Бернарда фон Липпэ и др.,) наверное, обеспечила бы ему более видное положение в Ливонии, чем роль приходского священника и странствующего миссионера на колониальной окраине.

---

[1] Dr. W. Neumann и K. von Löwis of Menar в SB der Ges. f. Gesch. und Alter., 1912, стр. 413 и 1913, стр. 97; L. Arbusow (s.). Grundriss der Gesch. Liv,- Est- u. Kurl., 4 Aufl. Riga, 1918, стр. 83. В то же время Р. Гольтцманн (Neues Arch., Bd. XLIII, стр. 605) считает, что эта версия «einen stark hypothetischen Charakter trägt».

[2] См. Die Bau- und Kunstdenkmäler von Westfalen. Münster, 1885. . . специально: Kreises Ludinghausen, 1893, стр. 25. О роде фон Лон и его владениях: Westfälisches Urkundenbuch, Bd. III, личн. указатель, стр. 42, и Bd. VI. Ср. Ф. Кейсслер, о., с., стр. 154 и 165.

Столь же мало правдоподобна и догадка о родстве Генриха с епископом Альбертом.[1] Она основана, повидимому, на отождествлении Генриха-хрониста с Heinricus capellanus, который значится в генеалогической таблице при Annales Stadenses [2], как сын Эрмингарды, сестры Алейдис (Алейдис — мать епископа Альберта). При таком отождествлении автор Хроники оказывается двоюродным братом князя-епископа ливонского, но само это отождествление совершенно произвольно и не может быть опорой гипотезы. Кроме того, оно опять таки находится в полном несоответствии с хорошо известной по Хронике карьерой Генриха имерского.

Таким образом, если еще и можно пытаться что-либо защищать в гипотезе Н. Буша, то только первую ее часть. Ей-то Ф. Кейсслер и старается найти подтверждение в Хронике, доказывая для этого, что Генрих действительно был с епископом в Германии в 1210 г., следовательно, мог быть и в числе свидетелей при акте в Каппенберге. Так как, однако, и доказательства звучат тут не менее условно, чем сама гипотеза, все построение Буша—Кейсслера остается в области догадок и для характеристики автора Хроники бесполезно.

IV

Время написания Хроники. Источники ее. Литературное оформление. Хронология

Автор Хроники, как мы видели, не принадлежал к числу монастырских летописцев, работавших в тишине и уединении, вдали от жизненных бурь. Наоборот, мы постоянно видим его в самой гуще событий, нередко их активным участником и еще чаще — очевидцем. Трудно предполагать, чтобы этот боец ecclesiae militantis, странствующий миссионер и военный проповедник, имел возможность написать свою Хронику ранее, чем утихли военные действия, наступило сравнительное умиротворение и пришли в ясность запутанные внешние и внутренние отношения в Ливонии, т. е. ранее 1225 года.

---

[1] Правда, и выражена она была Н. Бушем очень условно.

[2] Изд. Lappenberg'а, стр. 374 — под 1140 г.; см. также А. Ганзен, о. с., стр. 344; Ф. Кейсслер, Die Nationalität. . ., стр. 166 и прим. 1 (редакционное).

Между тем можно без колебаний утверждать, что объемистая Хроника Ливонии писалась не по частям (что, может быть, еще и было бы представимо даже среди военных тревог), а составлена почти целиком сразу. Давно замечено,[1] что автор, излагая события сравнительно раннего времени, нередко снабжает свой рассказ предвосхищающими ремарками о позднейшем. Так, уже в I.10, говоря о сотруднике епископа Мейнарда, Теодерихе, (начало 80-х годов XII в.), он упоминает о посвящении его впоследствии в епископы Эстонии (1211 г. — XV.4). В рассказе о первой осаде Феллина (XV.1—1211 г.) автор явно уже знает и о второй, бывшей двенадцать лет спустя (XXVII.2 — август 1223 г.),[2] а в прославлении богородицы в XXV.2 (в рассказе о 1221 г.) «предвидит» смерть князя Вячко при взятии Дорпата в сентябре 1224 г. и т. д. Таким образом, предположение, напрашивающееся a priori (1225 г.), находит определенные документальные основания: если не встретится возражений со стороны единства стиля и композиции,[3] мы можем утверждать, что главная часть Хроники написана не ранее конца 1225 г.

С другой стороны, совершенно очевидно, что глава XXIX первоначально была последней в хронике: она не только содержит в себе л о г и ч е с к и й конец всего построения Генриха (общий мир, деятельность легата, подводящая всему итог, и отъезд его), но и ф о р м а л ь н о е з а к л ю ч е н и е с благодарностью богу и характеристикой целей Хроники. Эта глава не могла быть написана позднее апреля 1226 г., так как хронист, зная об отъезде легата (20—28 апреля 1226 г.), еще не знает о последовавшем затем долгом стоянии его кораблей в Динамюндэ и о дальнейших важных событиях начала 1227 г.

Отсюда следует, как наиболее вероятное допущение, вывод, сделанный уже А. Ганзеном и Г Гильдебрандом, что Хроника в большей части написана в 1225 г., конец ее XXIX главы — в первые месяцы 1226 г.,[4] а гл. XXX, содержащая рассказ о завоевании и крещении Эзеля, но не упоминающая о более поздних событиях, добавлена к Хронике в 1227 г.

---

[1] Ср. А. Ганзен, о. с., стр. 22; Г Гильдебранд, о. с., стр. 18—19.
[2] В тексте прямо сказано: «начата была... п е р в а я осада».
[3] А их нет.
[4] Можно было бы даже думать, что и вся Хроника (I—XXIX), кроме последней главы, написана между февралем 1226 г. (после возвращения Генриха из Зонтаганы) и серединой апреля того же

Еще более правдоподобным становится это предположение, если учесть определенное практическое назначение, какое могла иметь Хроника. Прибытие легата в 1225 г. давало удобный случай представить римской курии через него подробную информацию о ходе дел и положении в Ливонии. Именно в 1225 г. Хроника могла быть заказана Генриху в виде такой информационной сводки.

Принимая весь этот расчет времени, нельзя не отметить, что ему до известной степени противоречит удивительное иногда обилие точных деталей (хронологических, географических и других), какими бывают насыщены рассказы Генриха.[1] Нельзя поверить, чтобы такого рода данные и в таком богатстве приводились автором по памяти, хотя бы даже он и пользовался не только своими, а и чужими воспоминаниями. Вероятнее все-таки, как и думал Г Гильдебранд,[2] что кое-какие заметки для памяти делались автором-участником уже в момент события, а потом послужили ему материалом для его сочинения.

Переходя к общему вопросу об и с т о ч н и к а х Хроники, необходимо заранее учесть, что, при большом богатстве ее содержания, тематически она (намеренно) очень ограничена и не выходит за пределы конкретной истории Ливонии конца XII — начала XIII в. При такой установке автор не нуждался ни в каких обще-исторических источниках, в роде Орозия, Павла Диакона, Сигеберта и т. п., и действительно не пользовался ими.

По собственному заявлению хрониста, он писал лишь о том, что сам видел или что с л ы ш а л о т о ч е в и д ц е в.

года, если бы этот срок не казался слишком кратким для такой крупной работы. Ср. Г Гильдебранд, о. с., стр. 19; E. Bonnell. Russisch-Livländische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrh. bis zum Jahre 1410. St. Petersb., 1862, Commentar., стр. 63.

Также: E. Bonnell. Die Chronologie Heinrichs des Letten verglichen mit den Zeitangaben einiger russischen Chroniken в Bulletin historico-philologique de l'Acad. de St. Pétersb., t. XI, стр. 121.

[1] Ср. Г. Лаакманн, о. с., стр. 73 и прим. 42, 44. Например, XII.6 мирные переговоры и осада Беверина в 1208 г.; XIV.5 — нападение куров на Ригу в 1210 г.; XVI.2 — восстание 1212 г.; XIX.5 — морской бой в эзельской гавани —1215 г.; XX.2 — поход на Лонэ в Гарриэн в 1216 г. (особенно много мелких частностей); XXII.2, 3—битва при Пуидзэ в 1218 г.; XXII.9 — холодный поход в Гарриэн в 1219 г.; XXIII.7 — поход на Виронию; XXIII.8 — осада Мезотэн в 1220 г.; XXIII.9, 10 — битва у дер. Каретэн в 1220 г.; XXVIII.5 — взятие Дорпата в 1224 г.

[2] О. с., стр. 18.

Действительно, в разных местах Хроники встречаются ссылки на устные сообщения отдельных лиц. Так, о самоубийстве литвинок (IX.5) «рассказывал один священник, по имени Иоанн, бывший тогда в плену у литовцев»; о молодости Бернарда фон Липпэ «сам он часто рассказывал» (XV.4); о мучительной смерти убитого эзельцами Фредерика из Целлы рассказали ливы, бывшие при этом (XVIII.8) и т. д. В других случаях, где автор не называет источника информации, имена его осведомителей можно с большой вероятностью вывести из самого контекста: описание поражения литовцев в 1208 г. (XII.2) и мало кому известные подробности бегства Викберта (XIII.2) идут, наверное, от священника Даниила идумейского, как и известия о призраке в лесу Сидегундэ (X.14) или об осаде Гольма полочанами в 1206 г. (X.12). О разграблении Куббезелэ в 1207 г. (XI.5) и осаде Леалэ в 1215 г. (XVIII.7) Генрих мог знать от Иоганна Штрика. Разные детали из биографий Алебранда и Гартвика могли быть слышаны им от них самих.[1]

Кроме этих устных источников и собственных заметок, Генрих, вероятно, пользовался и документальными данными, едва ли, впрочем, в больших размерах и часто. Он не раз упоминает папские буллы, но ни в одном случае не удается установить, имел ли он в руках самый акт или опирается лишь на известие о нем.[2] С большей уверенностью можно говорить о знакомстве Генриха с договором 1210 г. (Бунге, о. с., I, n⁰ 16) и, особенно, с актом инфеодации Герцикэ (Бунге, о. с., I, n⁰ 15), в котором Г Гильдебранд находил текстуальную близость к Хронике (XIII.4), а также с заключительным актом Латеранского собора, откуда, надо думать, Генрих и почерпнул свои сведения о количественном и качественном составе участников собора.[3]

Напрасно было бы, однако, особенно подчеркивать значение документальных источников Хроники.[4] Г Лаакманн

---

[1] Ср. Гильдебранд, о. с., стр. 21; Г Лаакманн, о. с., стр. 73.

[2] Разрешение Иннокентия III брать монахов из любого монастыря в сотрудники (IX.6): по поводу приглашения еп. Альбертом Ротмара; то же — в связи с Фредериком из Целлы (XVIII.8); о праве назначения епископов — в связи с посвящением Теодериха (XV.4). Ср. Г. Гильдебранд, о. с., стр. 22 и наши примечания к переводу.

[3] Из его вступительной части — ср. Г. Гильдебранд, о. с., стр. 24 и прим. 3.

[4] Как это делает, например, один из русских исследователей (Ив. Юрьенс, о. с., стр. 34—35).

вполне прав, говоря, что для обширных и основательных архивных изысканий у Генриха не было времени и если он иногда пользовался документами, то большею частью только случайно.[1] Мы добавили бы к этому одно: у автора Хроники не было не только времени, но и достаточного материала для архивных изысканий. Архив епископии во время Альберта, наверное, был еще в зародыше, и обширные изыскания тут негде было производить.

Так обстоит дело с источниками Хроники по содержанию. Она оказывается совершенно оригинальным произведением, не имеет никаких заимствований из других авторов и даже по отношению к документальным источникам сохраняет почти полную независимость, в общем однако не противореча им ни в чем существенном.

Менее оригинальна форма Хроники, ее стиль и литературная внешность. Правда, и тут нельзя уловить влияния какого-либо индивидуального автора (за исключением мелочей, о чем см. ниже), но общий характер литературного оформления не представляет особого своеобразия на фоне эпохи.

Одной из составных частей стилистического наряда Хроники являются украшающие речь цитаты.

Трудно сказать, действительно ли Генрих читал древних или был знаком с ними только по каким-нибудь извлечениям, флорилегиям, школьным штудиям и т. п.,[2] но в Хронике, по крайней мере в трех местах, отмечены прямые цитаты из Горация и Вергилия (X.3 — Hor. Epist., I.18.71; X.3 — Verg. Eclog. III.93; XXIX.8 — Verg. Aen. I.1203), а сверх того указывают и еще несколько выражений, сильно напоминающих то Овидия или Варрона (II.5 — verbis non verberibus), то Саллюстия или Вергилия (например, XIV.4 — dolos querere: ср. Sall., Jug. — 73; Verg. Eclog. V.61), то Корнелия Непота (I.2 — familiaritate coniuncti: Corn. Nep., Att. 12). Даже если все это результат школьного обучения, а не собственного чтения, вне сомнения остается хорошее усвоение Генрихом и умелое применение этих образцов классического стиля.

Из средневековых писателей автор Хроники, повидимому, знал Сульпиция Севера и папу Григория. Заимствования из Сульпиция находим в I.11, в словах, какими ливы уговаривают Мейнарда остаться с ними (ср. Sulp. Sev.

---

[1] Г. Лаакманн, о. с., стр. 74.
[2] Л. Арбузов, о. с., Acta Un. Latv., XV, 1926, стр. 336.

epist. III ad Bassulam);[1] затем — в характеристике Филиппа рацебургского в XVII.1 (ср. Sulp. Severi opera, Amstelod., 1665, стр. 492, и, может быть, Vita beati Martini, cap. 26 — ibid., стр. 476);[2] наконец, в тех местах XXIX.9, где Генрих говорит о своем сочинении, уже А. Ганзен[3] видел известное сходство с отдельными выражениями Сульпиция (в Vita b. Martini), хотя, с другой стороны, такое же сходство тут отмечается и с евангелистом Иоанном (1 посл., I.1; еванг. Иоанна, 20.30 и 31; 21.35). Влияние папы Григория, одного из самых распространенных писателей средневековья, замечено Р. Гольтцманном[4] в словах IX.9: sed quia sagitta previsa minus ferit, представляющих парафразу Minus enim jacula feriunt, que previdentur из Greg. Homiliae in Evang., II, 35. Другие места (отдельные выражения) из «Диалогов» Григория можно сближать с характеристикой Мейнарда в I.2 (Greg. Dial. II, cap. 1; также Dialog. III.3; III.21 и 23).[5]

Еще некоторые отдельные фразы в Хронике признаются заимствованиями. Так, упоминание XII.2 о Сцилле и Харибде уже Грубер и Пабст сопоставляли с вошедшим в пословицу: «Incidit in Scyllam cupiens vitare Charybdim, а это изречение идет от Alexandreis Вальтера ф. Шатильона, составленной между 1178 и 1182 г.[6] Эпитет богоматери в XXV.2: «que maris dicitur stella» Пабст сближал с объяснением имени Maria (Mirjam) в 7 книге Etymologiarum Исидора Севильского: «Maria (Mirjam) illuminatrix sive stella maris». В Арндт видел тут заимствование из Venantii Fortunati carmina (III.5 — MGH, Auct. ant., IV.1, 1881 г., стр. 385, n⁰ IX, где сказано: «Ave, maris stella»), что вероятнее, хотя, конечно, еще не свидетельствует о непосредственном знакомстве Генриха с текстом Венанция, так как могло быть взято из бревиария. Возможно, наконец, что самый характер неточного в дате известия о взятии крестоносцами Дамиэтты (XXIV.7), а также кое-какие черты в нередких у Генриха описаниях осады объясняются знакомством хрониста с некоторыми известиями о пятом крестовом

---

[1] Эта же цитата есть и у Арнольда Любекского. Ср. А. Ганзен, о. с., стр. 19.

[2] Отмечено одним из учеников Л. Арбузова. Ср. Л. Арбузов, о. с., Acta Un. Latv., XV, стр. 337.

[3] А. Ганзен, о. с., стр. 11. Также Л. Арбузов, l. c.

[4] Neues Arch. Bd. XLIII, стр. 368.

[5] Л. Арбузов, о. с., стр. 337—338.

[6] Büchmann. Geflügelte Worte, 23 Aufl., 1907; H. Christensen. D. Alexanderlied W. von Ch. Halle, 1905.

походе, имевшими тогда очень широкое распространение.[1]

Все эти немногочисленные цитаты, аналогии и сходства, до известной степени характеризуют, конечно, литературный обиход Генриха, но главного в стилистической характеристике его объемистого произведения дать не могут, по незначительности их удельного веса в общей композиции.

Главное место здесь принадлежит б и б л и и. Заимствования из библии — сравнения, образы, положения, обороты речи и детали композиции постоянно встречаются у Генриха, а отдельные места Хроники целиком (и явно с умыслом) выдержаны в библейском тоне. Возьмем такие примеры, как характеристика Волквина (XIII.2), утешение по поводу гибели убитых курами (XIV.1), описание битвы при Имере (XIV.8), проповедь Алебранда (XVI.4), сравнения о рижской церкви (XXVIII.4), места, где говорится о печали Эстонии (XVIII.5), о следующих друг за другом вестниках (XXIII.9), об изгнании судьи Годескалька (XXV.2) и т. д.; ср. композицию в XV.1, XIX.5, XIX.6 XXIII.2, XXIV.3 и др.

Зависимость от библии столь же естественна для нашего автора, как и для всей его эпохи. Пользовался ли он непосредственно Вульгатой или частью черпал библейские элементы из бревиария, миссала и т. п.,[2] в конце концов безразлично, так как библией и ее отражениями полон был круг чтения клирика и в школьные годы и в годы миссионерства, проповедничества, священства. В известной мере, вероятно, у всех грамотных людей XIII в., а у Генриха, разумеется, и в большей мере библия была составной частью личного мировоззрения, ее язык и стиль являлись уже не только предметом подражания, а и собственным языком клирика-литератора. Провести здесь границу между «своим» и «заимствованным» нелегко, да едва ли и нужно.

Сам Генрих называет свой стиль «простым, не высоким» (humili stylo). Его и вообще принято считать таким, а между тем это едва ли основательно. В автохарактеристике Генриха больше «скромности», чем правды. Простота Хроники, во первых, не везде одинакова, во вторых — далеко не

---

[1] Л. Арбузов (о. с., стр. 339—341) упоминает Reinerus Leodiensis (MGH, SS, XVI, стр. 677, и Röhricht. Testimonia de quinto bello sacro. Genevae, 1882, стр. 4 — под 1220 г.); Gesta crucigerorum Rhenanensium (Röhricht. Quinti belli sacri scriptores minores. Genevae, 1879, стр. 29—56).

[2] Как, видимо, думает Л. Арбузов: о. с., стр. 335, прим. 1.

безыскусственна и вовсе не элементарна. Если первые главы, небогатые фактами, изложенные несколько сухо и схематично, действительно отличаются простотой и со стороны стиля, то совершенно иначе выглядят последующие.

Чем дальше идет рассказ, чем ближе придвигаются описываемые события к автору, чем непосредственнее его связь с этими событиями, тем изложение становится подробнее, живописнее и литературно-красочнее. Хроника развертывается перед нами, как произведение не наивного, малоопытного в словесности захолустного клирика, рядового миссионера-проповедника. Не только в цитатах и литературных реминисценциях, но во всей манере изложения, местами подчеркнуто-декоративной, наклонной к риторическому пафосу, а кое-где почти художественной, мы чувствуем автора-стилиста, иногда — недурного стилиста и умелого оратора.[1]

Даже в наиболее простых по стилю разделах Хроники автор отчасти сохраняет присущие ему черты украшенной и отделанной речи. Он любит игру слов, в роде verbis non verberibus (II.5), Riga rigat gentes (IV.5) и т. п.; особенно любопытно в этом роде место в XXIX.3: Letthis universis laete et cum laetitia laetam. . . doctrinam praedicavit. . . laetos eosdem quamplurimum laetificavit. . . Иногда Генрих заботливо подбирает аллитерации (Fuit vir vitae venerabilis et venerandae canitiei — I.2, panes et pannos — XXVII. 1) и украшающие синонимы. Не чужд он и иронии. Напомним фразу о Филиппе Швабском: «от обещаний никто богатым не бывает» (X.17); замечание о полоцком диаконе

[1] Обращают на себя внимание картинные, полные живописных деталей описания битвы с литовцами в Торейде (IX.3, 4), нападения литовцев на Куббезелэ (XI.5), нападения куров на Ригу (XIV.5), смерти Фредерика из Целлы (XVIII.8), нападения на Ригу эзельцев (XIX.2); замечательный рассказ о трагическом положении епископского флота в эзельской гавани (XIX.5), сообщения об осаде крепости Мезотэн (XXIII.8), о битве у дер. Каретэн (XXIII.9), об осаде Дорпата (XXVIII.5, 6), о ледовом походе на Эзель (XXX.3) и взятии замка Монэ (XXX.4); наконец мелочи, в роде эпизода с головой Ако (X.8), картины голода в осажденном Оденпэ, где лошади объедали хвосты друг у друга (XX.7) и т. д.

Добавим к этому такие патетические, иногда в своем роде художественные или ораторски убедительные и всегда красноречивые места, как молитва Филиппа рацебургского (XIX.6), характеристика его (ibid.), известие о смерти Сегегарда (XXIII.4), речь-проповедь Алебранда (XVI.4), речь епископа Альберта на Латеранском соборе (XIX.7), рассказ об изгнании датского судьи Годескалька (XXV.2), похвала богородице (ibid.), мысли о мире в Ливонии (XXIX. 1) и т. д.

Стефане «не первомученике» (X.3); насмешливый ответ Владимира псковского Алебранду (XVIII.2); обмен колкостями между епископом Альбертом и архиепископом лундским (XXIV.2) и др.

Во второй части Хроники, особенно в последних главах, прозаическая речь не однажды разнообразится стихами, притом не чужими, цитируемыми, а собственными, принадлежащими Генриху, как бы подчеркивающими наиболее патетические моменты рассказа.

Мало того, самое построение прозаической речи местами обладает известной ритмичностью, очень напоминающей cursus наиболее парадных папских актов классического периода, что в соединении с библейской окраской стиля придает изложению Хроники почти торжественный характер.

Итак, литературная манера Хроники, не будучи вполне оригинальной, никак не может считаться примитивной и элементарной. Это, вне всякого сомнения, продукт культурного мастерства, а не дилетантская попытка новичка. Не следует однако и преувеличивать стилистические достоинства Хроники. Характеризованные выше качества, ставящие ее на почетное место среди других литературно-исторических памятников средневековья, сильно затеняются не менее значительными дефектами изложения. Все эти довольно разнообразные дефекты могут быть в обобщенном виде сведены к одному качеству, очень заметному при чтении Хроники в целом.

Мы имеем в виду п о в т о р я е м о с т ь некоторых оборотов речи, фраз и целых описаний, нередко переходящую в ш а б л о н н о с т ь, лишенную собственного содержания.

Из отдельных выражений (часто в заключительной фразе) Генрих особенно любит «с радостью», «радостно», «радуясь», «обрадовались» и т. п. (например, IV.4; VII.1, 4; VIII.1; IX.2, 10, 11; X.8, 10).[1] Другая, очень часто встречающаяся «концовка» — о мученической или «христианской» смерти (X.5, 7; XV.9; XVIII.8; XXII.8; XXIII.4, 9, 11; XXIV.3; XXV.4; XXVI.7). Столь же стандартны формулы о благодарности богу, о «благословении господу, благословенному во веки» и т. п.

---

[1] См. также: XI.2, 6, 7; XII.6; XIII.4; XIV.3, 9, 10; XV.1, 2, 5, 7; XVI.2; XVII.2; XVIII.5, 7; XIX.2, 3, 4, 7, 8; XX.1, 2, 5, 6; XXI.1, 2, 6; XXII.1, 3, 9; XXIII.2, 3, 7; XXIV.6; XXV.1, 5; XXVII.2, 6; XXVIII.1, 6; XXIX.2, 3, 4, 7; XXX.1, 3, 4, 5.

Замечательно, что в некоторых случаях такой привычный шаблон просто противоречит смыслу: в XX.6 говорится о радости соглашающихся креститься (после поражения) герненцев, а в XXI.2 эти радующиеся оказываются лютыми врагами немцев; в XXV.1 епископ Альберт «радуется» по поводу соглашения с архиепископом лундским, не имея для этого решительно никаких оснований; в XVI.2 тот же епископ и Владимир, князь полоцкий, «радуются» заключенному договору, что не внушает никакого доверия читателю, так как для Владимира договор оказывается вынужденным.

Стандартные формулы выработались у Генриха для целых разделов повествования. Есть у него излюбленный шаблон внезапного нападения с последующим избиением застигнутых врасплох людей (XI.5; XIII.5; XIV.10; XV.1, 2 (дважды), 7 (трижды); XVI.8; XVII.5; XVIII.5; XIX.8, 9; XX.2, 5; XXI.5 и т. п.). Свой шаблон имеют предложения о сдаче и принятии крещения (XI.6; XIX.8; XX.6; XXI.5; XXIII.7, 9 и др.). Есть шаблон рассказа о повторных нападениях (XXIII.5; XXVI.12, 13 и др.), о разграблении области и избиении жителей (XIII.6,7; XXI.1), наконец, шаблон мотивировки при начале войны (X.10; XI.5; XII.2, 6; XIII.4) и др.

Пользуясь этими повторяющимися формулами, можно построить некую общую схему повествования в стиле Генриха, хотя бы, например, о военных действиях, как делает это Г. Гильдебранд.[1] Схема эта будет, примерно, такова. Вспомнив обо всех обидах, причиненных таким-то племенем (народом), обыкновенно около рождества, когда «снег покроет землю, а лед — воду», некто (немецкий вождь, сам епископ, кто-либо из союзных вождей) предлагает поход против этого племени (народа). Собирается сильное войско из немцев, лэттов и ливов, причем первые составляют ядро, а главнейшие из них упоминаются по именам, лэтты же и ливы чаще всего выступают безличной подсобной массой. Войско двигается в поход и идет день и ночь с возможной быстротой, чтобы застать «врагов» врасплох. Если это удается, войско сразу рассыпается отрядами по области, начинает избивать и грабить население; в противном случае то же самое делается после того, как разбиты «вражеские» силы. Всех мужчин обыкновенно убивают, женщин, детей и скот угоняют с собой, деньги, вещи и всякое иму-

---

[1] О. с., стр. 32 и сл.

щество забирают, а дома сжигают. Затем, в условленном пункте вновь сходятся вместе все отряды и производится дележ добычи. Если население достаточно терроризовано (например, при вторичном или третьем нападении), приходят его старейшины с просьбой о мире и получают стандартный ответ: «Если вы примете истинного миротворца Христа и согласитесь креститься, мы дадим вам мир и обещаем дружбу». После этого — либо производится крещение, и войско, «благословляя бога, с радостью» возвращается, либо, если побежденные не желают вступить «на путь спасения», их истребляют и, опять таки «возблагодарив бога» за покорение «язычников», уходят до нового нападения.

Таким же образом нетрудно наметить схему для описания осады, для описания крещения людей миссионерами и т. п.

Многое в этой однотонности может быть объяснено однообразием тактики, фактически применявшейся героями Хроники; с другой стороны, во многих случаях стереотипная схема описания оживляется и индивидуализируется в Хронике расцветкой конкретными деталями; многое, наконец, оставаясь шаблонным, теряется и становится мало заметным в большом объеме книги. Но, как бы то ни было, нельзя отрицать, что Генрих, боявшийся «навеять скуку на читателей» (XXIX.9), при всем богатстве и разнообразии своего сочинения не вполне свободен от упрека в утомляющей читателя шаблонности многих описаний.

Двойственно звучит суждение о языке Хроники. По оценке Г Гильдебранда, Генрих не является в этом отношении «ни хорошим ни дурным исключением в ряду своих современников, а ближе всех подходит к Арнольду Любекскому: пишет бегло, но не всегда правильно». Эта оценка едва ли может вызвать возражения, не требует и особых добавлений, если не предпринимать (пока не сделанного) специального филологического анализа.

Выше характеризованные стилистические достоинства Хроники сами по себе заставляют предполагать у автора хорошее знание латинского языка. Действительно, Генрих владеет им легко и свободно. Разумеется, это далеко не Цицерон, не Ливий и не бл. Августин, но на общем фоне средневековья — все же хороший латинист серьезной школы, т. е. такой же школы, примерно, из какой выходили нотарии и секретари крупнейших епископских канцелярий и даже папские.

Не говоря о лексике, отмеченной всеми чертами средневековой (но хорошей) латыни, можно указать следующие

грамматические недостатки в языке Хроники: неверное употребление предлога in в обозначениях места (in Riga), ошибки в пользовании формами прошедшего времени и злоупотребление настоящим, применение конструкции с союзом quod вместо accus. c. infinit., путаницу с притяжательными и указательными местоимениями и др.

В латинской метрике Генрих слаб и в стихах его больше старания, чем умения. Правда, он пользуется классическим гексаметром, а не облегченными на современный лад средневековыми песенными размерами, но его гексаметр полон метрических ошибок, а в пентаметре — половинки рифмуются (леонинский стих). При всем том, самая наклонность писать стихами указывает на известную свободу в пользовании языком.

Особенностью (но не дефектом) лексики Генриха является наличие в ней туземных слов, эстонских и лэттских в подлинной диалектической форме (watmal, maia, malewa, maga magamas, magetac и т. п.), и слов немецких в латинизированной форме (erkerius, planca).[1]

В общем же, повторяем, качество языка нельзя признать особенно слабым местом Хроники, скорее наоборот.

Одной из интереснейших сторон Хроники является ее х р о н о л о г и я, не только по тщательности, с какой относится к ней автор, и по высокой ценности ее вообще, но и по тем спорам, какие она вызывала, а частью вызывает и сейчас.[2]

---

[1] Очень интересны приводимые Р. Гольтцманном (о. с., стр. 179) наблюдения относительно транскрипции немецких собственных имен в Хронике. Смягчение конечного g в именах Magdeburch (III.4), Yborch (IV.1), Ysenborch (IX.6), Aldenborch (XIX.2), Lowenborch (XXI.1), Homborch (XXV.1) показывает, что автор по языку не принадлежит к верхне-немецкой зоне. Колебание между средне-немецкой и нижне-немецкой атрибуцией решается в пользу последней наличием следующих форм: Meyiendorpe или Meyendorpe (V.2, VII.1, VIII.2, IX.7), Harpenstede (VII.8), Gevehardus (X.9, 12), Hamersleve (XIII.1), Wickbertus (XIII.2), Dasle (XXV.1). Таким образом, немецкий язык Генриха был, всего вероятнее, нижне-немецкий. Р. Гольтцманн подменяет этот вывод другим, гораздо более решительным, «dass auch Heinrich selbst ein Niederdeutscher gewesen ist», упуская из виду, что и иноземное дитя, воспитанное в одном из монастырей нижне-немецкой зоны, конечно, говорило бы на нижне-немецком, а не на ином диалекте.

[2] Ср. А. Ганзен, о. с., стр. 23—43 (он использовал и старые исследования: Иог. Дан. Грубера — во введении к его изданию; Friedr. Konr. Gadebusch. Livländische Jahrbücher, Bd. I, 1780; Oskar Kienitz. Vierundzwanzig Bücher der Geschichte Livlands, Bd. I, 1847); E. Bonnell. Die Chronologie. . . в Bulletin de la classe historico-philol.

За исключением двух первых, вступительных, глав, весь рассказ в Хронике ведется по годам епископства Альберта.[1] Рядом с ними встречаются обозначения «года от воплощения»,[2] ссылки на события мировой известности (солнечное затмение, Латеранский собор, взятие Дамиэтты и т. д.) и множество дат менее самостоятельного значения или менее определенных («на пасхе»; «после крещения», «в великом посту», «в воскресенье, когда поют „Радуйся“», «в том же году» и т. п.).

Летосчисление по годам епископства составляет основу всей хронологии Генриха. Очень важно поэтому точно установить исходный пункт его — точную дату посвящения Альберта. Но тут и возникает затруднение. Кроме Хроники, этой даты нет нигде в источниках. В самой Хронике (III.1) сказано: «В год господень 1198 досточтенный Альберт, каноник бременский, был посвящен в епископы», но когда Иог. Дан. Грубер bona fide взял в основу счета этот 1198 г. и соответственно датировал всю Хронику, то в результате — и в ней самой и при сравнении ее показаний с иными вполне проверенными датами, обнаружилось множество самых странных хронологических разногласий. В течение ста лет, до появления издания А. Ганзена, к этому относились, как к нередкому в средневековой хронографии факту, приписывая «неточности» и «ошибки» автору Хроники.

К совершенно иному выводу пришел А. Ганзен в своем замечательном по тщательности исследовании: виновником путаницы оказался не автор Хроники, а издатель ее. Ганзен выверил все даты Генриха, сопоставил их со вполне достоверными хронологическими показаниями других источников и установил два важных факта: во первых, то, что в ошибочной датировке Грубера есть своя закономерность: все его сомнительные даты о т с т а ю т о т н о р м ы

---

de l'Acad. de St. Pétersb., XI, 1854; его же Chronographie... Comment., стр. 39—65; акад. Куник. Vorläufige Andeutugen über das Jahr der Schlacht an der Kalka mit besondrer Rücksicht auf Heinrich den Letten в Bulletin..., XI, стр. 138—139; его же — О признании 1223 г. временем битвы при Калке — в Уч. Зап. Акад. Наук по I и III Отд., т. II, СПб., 1854, стр. 765—787; Г. Гильдебранд, о. с., стр. 39—41, 57; В. Арндт — MGH, SS, XXIII, стр. 240; Р. Гольтцманн, о. с., Bd. XLIII, стр. 183—205.

[1] Обозначения года епископства («во второй год епископства». «на третий год своего посвящения», «на шестой год», «в начале восьмого года», «был двадцать третий год посвящения епископа Альберта» и т. п.) регулярно начинают соответствующий отрезок изложения.

[2] III.1, XV.1, XVI.1, XIX.7.

на год; во вторых, что посвящение епископа Альберта могло произойти только весной.[1]

Комбинация этих двух положений и привела к разгадке. Ошибка Грубера заключалась в том, что он применил к Хронике нынешнее летосчисление, начинающее год с 1 января, тогда как в течение всего средневековья оно не только не пользовалось преобладанием, но, наоборот, применялось сравнительно редко. Автор Хроники, как и большинство средневековых писателей, нотариев и канцелярий (на Западе) начинал «год от воплощения» не с 1 января, а с 25 марта, со дня благовещения («мариинский» или «благовещенский» год), причем, по наиболее распространенной манере, этот благовещенский год отставал от нашего на 2 месяца и 24 дня (флорентийский счет). Таким образом, если епископ Альберт получил посвящение в феврале или начале марта 1199 г. (по нашему), то в Хронике, вместо 1199, и должен был стоять 1198 г

Открытие А. Ганзена, встреченное общим признанием, разъяснило почти все хронологические недоумения у Генриха[2] и позволило наново датировать Хронику,. но надо признать, что и после того кое-какие неточности в Хронике остались неоправданными. Сюда относятся прямые ошибки в датах, касающихся территориально отдаленных событий, (битва при Калке отнесена к 1222 г., вместо 1223 г.;[3] взя-

---

[1] Епископский год в Хронике начинается весной (ср. IX, XI, XV, XXVIII и многие другие главы, начинающиеся открытием навигации) и кончается зимой или великим постом (ср. IX, X, XI, XIV, XV, XVII—XXVI, XXIX, XXX).

[2] Приведем несколько примеров. Из числа «внутренних противоречий Хроники»: XV.1 начинается словами — «В год воплощения господня 1210, епископа же Альберта 13-й. .», следующая же за ней глава XVI.1 — «Настал от воплощения господня 1212 год, епископства же четырнадцатый». Тут дело в том, что начало XV.1 относится ко времени до 25 марта 1211 г., но явно после дня посвящения Альберта (ср. наше прим. 152 к переводу), тогда как начало XVI.1 говорит о прибытии кораблей епископа, т. е. о времени после открытия весеннего плавания, что в Хронике — всегда позднее 25 марта. Из числа «противоречий Хроники» (собственно — Грубера) твердо установленным датам других источников: солнечное затмение в X.16 приходится на восьмой год епископства, т. е. по груберову счету, на 1206 г., между тем точная дата его 28 февраля 1207 г.; наоборот, Латеранский собор 1215 г. (XIX.7) вполне правильно, и по Груберу, относится к семнадцатому году епископства. Объяснение разногласия то же и здесь: собор происходил в ноябре, а цифры года в «мариинском» и январском счете расходятся только для первых $2^1/_2$ месяцев года.

[3] Ср. Э. Боннель, Die Chronologie. .; его же Chronographie. . .; акад. Куник — Vorläufige Andeutungen. . . в Bulletin. . . XI,

тие Дамиэтты крестоносцами 5 ноября 1219 г. упомянуто в ряду событий 1221 г.); случаи хронологической контаминации (в рассказе о предъявлении меченосцами первого требования о разделе земель смешаны события 1207, 1210 и 1212 гг.); нередкие случаи нарушения границ между двумя соседними епископскими годами (события следующего года, ради удобства композиции,[1] рассказываются в конце предыдущего, и наоборот).

Все это, впрочем, очень редкие исключения, вообще же хронологическая точность Генриха, после исследования А. Ганзена, по заслугам пользуется весьма высокой оценкой.[2]

Прежде чем закончить наши замечания об этой хронологии, необходимо остановиться на одной из недавних работ, впервые после А. Ганзена вносящей нечто новое в этот вопрос. Мы имеем в виду уже упоминавшуюся нами работу Р Гольтцманна, где автор всю вторую главу (о. с., стр. 183—205) посвящает уточнению двух пунктов, оставшихся у А. Ганзена невыясненными: а) установлению д н я посвящения епископа Альберта и б) объяснению причин наблюдаемого в Хронике нарушения годовых границ между отдельными главами.

Последняя задача удачно и плодотворно, в смысле получения совершенно нового ценного вывода, решена Р. Гольтцманном (см. ниже). О первой этого сказать нельзя.

Дело прежде всего в том, что розыски точной даты (дня) посвящения Альберта, хотя и сейчас еще сохраняют известный принципиальный интерес, но после работ А. Ганзена и др.[3] почти полностью утратили свое прежнее практическое значение: едва ли можно ожидать сколько-нибудь существенных изменений в установленной доныне датировке Хроники, даже в случае полного успеха таких разысканий. Что же касается Р Гольтцманна, то он, по нашему мнению, успеха не достиг

стр. 133—139; его же — О признании 1223 г. временем битвы при Калке — в Уч. Зап. Акад. Наук, т. II, стр. 765—787; А. Б. Салтыков. Хронология битвы при Калке — в Уч. зап. Инст. истории Ранион, т. IV, М., 1929, стр. 5—12. Также наше примечание к переводу.

[1] О причине таких перестановок см. Р Гольтцманн, о. с. NA, Bd XLIII, стр. 190 и сл.

[2] Особенно панегирически (и не без напрасных преувеличений) писал о ней Э. Боннель, ведя работу по сравнительной хронологии Генриха и наших летописей.

[3] Между прочим Э. Пабста в его комментарии к переводу Хроники.

Если оставить в стороне статистические наблюдения, полученные им при пересмотре хронологии Генриха, небесполезные вообще, но не связанные с интересующим нас вопросом, оказывается, что в решении этого последнего автор опирается на единственный аргумент. В XXIV.4 Генрих мельком упоминает о смерти датской королевы (Беренгарии), случившейся, по датским источникам,[1] 27 марта 1221 г. «Так как события (рассуждает Р Гольтцманн), которые рассказываются в XXIV.5—6 после смерти Беренгарии, как происшедшие между тем (als inzwischen erfolgt), без сомнения, должны быть отнесены к 22-му году епископства, то и известие о смерти не может принадлежать к тем отрывкам, которые переходят границы епископского года и о которых нам ниже придется говорить. Впервые в XXIV.7 затронут 23-й год епископства, что и выражено ясно».[2] Отсюда автор умозаключает «с полной определенностью», во первых, что посвящение Альберта состоялось после 27 марта 1199 г., и во вторых, что Генрих пользовался не благовещенским, а пасхальным годом,[3] так как день посвящения, приходящийся после благовещения, не мог быть отнесен к 1198 благовещенскому году (III.1), а начало 13-го епископского года (весна 1211 г.) не могло быть датировано благовещенским 1210 г. (XV.1). Допущение пасхального года в этих случаях разрешает затруднение: в 1199 г. первый день пасхи был 18 апреля, а в 1211 г. 3 апреля; поэтому событие, происшедшее после 27 марта, но до 3 апреля, Генрих с полным правом мог датировать 1198 и (соответственно) 1210 г.

Тут, как видим, числа 27 марта и 3 апреля играют роль терминов a quo и ad quem для дня посвящения, а так как по средневековой практике, посвящение епископа обыкновенно совершалось в воскресенье, то Р Гольтцманн останавливается на 28 марта (единственное воскресенье между 27 марта и 3 апреля), как на точной дате посвящения Альберта.

---

[1] Интересно, что сами датские источники путают эту дату.

[2] Р. Гольтцманн, о. с., стр. 189, прим. 1.

[3] Пасхальный год начинался первым днем пасхи. До Р. Гольтцманна то же предположение (о пасхальном годе) высказывал Эдуард Винкельманн в Mitteil. aus d. Gebiete der Geschichte Liv,- Est- u. Kurlands, Bd. XI, 1868, стр. 315. Все прочие исследователи разделяли взгляд А. Ганзена о мариинском годе. Ср. Aug. Engelmann в тех же Mitteil., Bd. IX, 1860, стр. 423 и сл.; Э. Боннель, о. с. в Bulletin. XI, стр. 53; он же в Chronographie, Commentar., стр. 39, 44; Г. Гильдебранд, о. с., стр. 40; В. Арндт, о. с., стр. 240.

С этим (впрочем, остроумным) рассуждением никак нельзя согласиться по следующим соображениям.

Главное и единственное основание его весьма сомнительно. Если читать отрывок о смерти Беренгарии без предвзятой мысли, легко заметить, что Генриха не столько интересует самый факт, сколько пессимистический каламбур, с ним связанный (вероятно, Генриху же и принадлежащий). Упоминание о королеве только для того, видимо, и сделано, чтобы дать автору возможность эффектно закончить «пророчеством» описание мытарств Альберта в поисках помощи против короля датского. Говорить тут о 22-м или о 23-м годе епископства (разница в несколько дней!) не приходится: ради удобства композиции, по наблюдениям самого Р. Гольтцманна,[1] Генрих не раз делает гораздо более резкие нарушения хронологии.

Вслед за упоминанием о смерти королевы, отмечает Р Гольтцманн, рассказаны события 22-го года епископства (а не 23-го). Это верно. Мало того, эти события (XXIV.5—6) относятся даже не к 1221, а преимущественно к 1220 г (по нашему счету). И все же, с нашей точки зрения, это никакого значения не имеет и не может иметь: Генрих прямо подчеркивает (в соединительной фразе), что он тут возвращается в изложении назад.

Отвергая таким образом в целом гипотезу Р Гольтцманна, заметим еще, что и сам ее автор не нашел ей никакого применения в толковании датировок Хроники: его действительно ценные соображения по поводу хронологических неясностей в композиции Генриха сохраняют свою ценность вне всякой связи с гипотезой о пасхальном годе и пр.

Эти соображения Р Гольтцманна, вернее — их любопытные результаты возвращают нас к началу настоящей главы, поскольку касаются истории написания Хроники.

Проверяя точность деления событий в ней по годам епископства, Р Гольтцманн обратил особенное внимание на то, что в четырех случаях (XI.8, XVIII.8, XIX.10, XXIV.7) главы у Генриха заключаются апрельскими событиями, явно принадлежащими не к кончающемуся, а уже к следующему епископскому году. Факт этот был известен и ранее, но его обыкновенно объясняли небрежностью хрониста, не делая никаких дальнейших выводов. Р. Гольтц-

---

[1] О. ., стр. 190 и сл.

манн же, внимательно разобрав все мелочи, выяснил следующие обстоятельства.

Глава XI Хроники, повествующая о девятом годе епископства, в конце (XI.8—9) содержит рассказ о мести князя Вячко, где ко времени после пасхи (6 апреля 1208 г.) относится так много событий, что их только и можно отнести к следующему, 10-му, епископскому году. Отсюда возникает предположение: не принадлежал ли конец XI главы первоначально к началу XII. Дальнейшим анализом это подтверждается. Когда год спустя, весной 1209 г., на 11-м году епископства Альберт вспоминает о Вячко, он (в Хронике) относит его «злодеяние» к «прошлому году» (praeterito anno). Если бы речь шла о «годе от воплощения», тут все было бы просто: Альберт вспоминает весной 1209 г., месть Вячка совершилась весной 1208 г. Дело только в том, что такие выражения, как «в том же году», «в прошлом году» и т. п. у Генриха никогда не относятся к году ab incarnatione, а всегда означают епископский год. При таком положении слова praeterito anno только в том случае уместны, если рассказ о мести Вячка принадлежит не к 9-му, а к 10-му году епископства, т. е. не к XI, а к XII главе. Р Гольтцманн на этом и настаивает. Он думает, что Хроника по написании подверглась авторской переработке в интересах цельности композиции отдельных сюжетов. В рассматриваемом нами случае Генрих, чтобы больше не возвращаться к Вячко, решил соединить в одном месте весь рассказ о нем, в первой редакции хронологически разбитый между XI и XII главами. При перестановке, слова praeterito anno остались не исправленными и являются теперь для нас рудиментарным остатком первой редакции.

Еще более любопытный пример того же метода и той же поспешности находит Р Гольтцманн в XV главе.[1] В первой редакции 13-й год епископства начинался хронологически правильно с XV.1: сообщались апрельские события 1211 г. и, прежде чем перейти к возвращению епископа в Ливонию, сделано было упоминание о его пребывании в Риме praeterito anno. Решившись затем на переработку, Генрих хотел все это начало перенести в конец предыдущей главы (XIV);[2] вместо praeterito anno, написал eodem anno и вставил перед известием о прибытии епископа (XV.2)

---

[1] Ср. наше примечание к переводу.
[2] Аналогия с XI.8—9.

новое вступление к главе, но старое (XV.1) вычеркнуть забыл.[1]

Другие разбираемые Р Гольтцманном примеры вполне подтверждают его вывод о двух авторских редакциях Хроники, а нам это позволяет еще раз напомнить, что все внешнее оформление ее — композиция, стиль, язык и хронология отнюдь не могут быть произведением самоучки, новичка в литературе, человека «некнижного», словом — произведением «скромного клирика», каким обыкновенно изображают Генриха.

V

Достоверность Хроники. Общественно-политическая позиция автора. Его тенденциозность

Содержание Хроники и высказывания о ней автора свидетельствуют о том, что объем своей задачи он понимал вполне определенно и довольно узко. Он хочет говорить и говорит действительно только о Ливонии, притом лишь об одном отрывке ее истории — о времени «обращения язычников», начиная от первых попыток крещения ливов и заканчивая крещением эстов. Он рассказывает почти исключительно о современных и топографически близких ему событиях, вовсе не касаясь прошлого страны до прихода немцев, почти не затрагивая историко-этнографических тем и едва упоминая, и то изредка, о делах вне-ливонских. Опираясь на личные впечатления и сообщения очевидцев, он ведет свой рассказ чрезвычайно подробно, приводит множество точных именных и географических данных, обнаруживает большую тщательность в хронологии.

Сравнение сообщений Генриха с соответственными актовыми данными, а также с русскими, датскими и германскими хрониками в большинстве случаев свидетельствует решительно в пользу Хроники Ливонии. О походах Вальдемара II она рассказывает гораздо подробнее датских источников; о русско-ливонских делах — точнее и детальнее, чем наши летописи, а хронология ее служит хорошим коррективом и для русских, и для датских и для германских источников.[2]

---

[1] То, что в XV гл. два вступления, отмечено впервые Р Гольтцманном.

[2] Г Гильдебранд, o. c., стр. 51—52; Боннель, Chronologie, стр. 85 и сл. и Chronogr., Comment., стр. 63.

В общем, таким образом, нет оснований сомневаться в достоверности изложения Генриха. Нельзя однако забывать, что пишет он о боевом времени и пишет не о чем-то давнем, оценивая прошлое исторически, а почти одновременно с событиями, в те дни, когда люди еще не остыли после жестоких боев, когда только что подавлены последние вспышки отчаянного сопротивления «язычников» и кое-как улажены резкие внутри-ливонские и внешне-политические противоречия. Мог ли автор Хроники в таких условиях сохранить полную объективность и, участвуя лично в политической борьбе, оказаться бесстрастным в описании ее?

До сих пор политическую тенденцию Хроники, степень ее «безыскусственности» и общественно-политическую позицию ее автора оценивали по разному. Одни (Грубер) смотрели на Генриха, как на бесхитростного летописца, далекого от «великих мира сего» и от движущих рычагов политики, скромного рядового воинствующей церкви, старавшегося с простодушной искренностью писать так, как заказано было «его господами» — епископом и меченосцами. Другие (Боннель) еще более понижали удельный вес личного творчества Генриха в Хронике, допуская не только «заказ», но и участие «господ» в оформлении Хроники. Третьи (Гильдебранд), признавая несомненной извне установленную (орденом и епископом) тенденцию Хроники, думали, что и собственное мировоззрение Генриха во всем существенном совпадало с этой тенденцией. Немногие (Н. Я. Киприанович и Г Лаакманн) сумели хотя бы отчасти уловить оттенок двойственности в отношениях Генриха к епископу и ордену и склонны были рассматривать автора Хроники, скорее как сторонника первого, чем как слугу второго. Окончательного суждения пока высказано не было. Не предлагая его и со своей стороны, мы лишь в качестве материала для такового позволим себе остановиться на отдельных моментах в характеристике автора Хроники, как общественной фигуры.

Из всех доныне высказанных мнений наименее правдоподобно и наименее подтверждается фактами то, по которому Генрих «hat gesehen, gehört, aber. nicht beobachtet»,[1] так как был он будто бы наивным человеком, не разбирающимся в политике и не интересующимся ею.

Ученые, сторонники этого мнения, вполне правильно отмечая в Хронике черты наивной историографии (но черты,

[1] Г. Гильдебранд, о. с., стр. 36.

заметим в скобках, характерные для Генриха не в большей степени, чем для любого писателя его эпохи), под этим верхним слоем либо вовсе не видят, либо недостаточно учитывают другой, правда, менее ясный рисунок, дающий тем не менее уже не типовую, а личную характеристику автора Хроники, определяющий его политическую физиономию и место его на арене внутри-ливонских общественных отношений. Иными словами, отождествляя оффициальное мировоззрение Хроники с личным мировоззрением Генриха, упускают из виду, что это вещи вовсе не тождественные и, если во многом совпадают, то все же далеко не целиком.

По своему историческому мировоззрению автор Хроники, бесспорно, примитивен. Это не мыслитель и не ученый, а только клирик XIII в., католик и немец. Правда, качества литературного дарования не позволяют считать его бесцветной посредственностью, наоборот, заставляют даже предполагать, что этот стилист, умея так красноречиво выражать свои мысли, умеет и скрывать их, однако «философская» основа его историографии все же остается весьма элементарной.

Рассказ в Хронике ведется на погодной хронологической канве; связь событий в изложении почти всегда определяется простой последовательностью их; мотивы действий и причины происходящего, сообщаемые автором, носят совершенно внешний характер, а иногда кажутся чисто фразеологическими склейками отдельных сюжетов.[1]

Надо всем господствует религиозная точка зрения. Предмет Хроники, по Генриху, не история жестокой колонизации Прибалтики немцами, а история «обращения языч-

---

[1] «Отеческая любовь», воспоминания о старых обидах, «коварство», «вероломство», «упорство язычников», «внушение божье», «кара пресвятой девы» и т. п.

Г Гильдебранд так говорит об историографической манере Генриха (о. с., стр. 42): «Самые разнообразные события излагаются просто в последовательности по времени, когда случились, одно за другим или вперемежку. Факты у него отделяются от предшествующих и последующих весьма несовершенным образом. Никогда тут вещи не находятся в соотношении причины и следствия, нигде не упоминается неизбежность, с какою (именно в описываемом им) одно вытекает из другого, если только это не чисто внешнее взаимоотношение, как, например, между грабительским походом немцев и походом врагов». «Поскольку взаимоотношение событий в течение целого периода, развитие их ускользает от автора, они даже с внешней стороны не уясняются; остаются разрозненные факты, не связанные никакой внутренней нитью».

ников к вере Иисуса Христа. Написана она «во славу господа нашего Иисуса Христа. а также возлюбленной его матери, ибо ей. посвящены все эти вновь обращенные земли». Ливония, «земля пресвятой девы», пользуется ее особым покровительством: враги не просто терпят поражения и неудачи, а несут божеское наказание за покушения против богоматери.[2] Бог неизменно поддерживает «своих». Он сражается за них и дает победу. Неудачи, поражения и потери посылаются на христиан богом же, как «испытания». Только по божьему внушению, а не из страха войны враги приходят просить мира (V.3). Владимир, князь полоцкий, «по внушению божьему», вдруг отказывается от своих требований и т. д. и т. п. В числе прочих стилистических шаблонов Хроники «богословие» занимает первое место и не даром: этот шаблон наиболее близок мировоззрению автора.

Служение богу и католичеству, в чем бы оно ни состояло, в глазах Генриха — подвиг, а противодействие — достойно суровой кары. Зеленая Вирония, прекрасная и богатая страна (XXIII.7) жестоко разгромлена немцами, Гервен обращен в пустыню, разорена вся Эстония; «деревня Каретэн была тогда очень красива, велика и многолюдна, как и все деревни в Гервене, да и по всей Эстонии, но наши (говорит хронист) не раз опустошали и сжигали их» (XV.7); тысячи людей беспощадно избиты, кто задушен дымом в пещерах, кто сожжен заживо, кто затоптан тяжелыми конями меченосцев; женщины и дети в рабстве — и все это — благо, не вызывающее не только сомнений, но и минутного раздумья; это — подвиг, за который воздается честь людям, «стеной стоящим за дом божий», и благодарность богу Наоборот, на стороне «язычников — не мужественная борьба за свободу и независимость родной земли, не героизм сражающегося народа,[3] а «заблуждение», «упорство», «вероломство» и «коварство».

Автор Хроники — верующий католик и слуга церкви. Он вполне искренно и, как историк, наивно не только признает и оправдывает, но, в духе своего времени, панегирически прославляет все жестокости, притеснения и несправедливости, совершаемые именем Христа и церкви для того, чтобы «неверные стали верными», «познали Христа», приняли на себя «права христианства» и «богом установленную десятину».

---

1 XXIX.9.

2 См. перечень «потерпевших» в панегирике богородице (XXV.2)

3 Что у немцев так ценится и восхваляется автором.

Но Генрих не только католик. Он — немец; вероятнее всего, немец и по происхождению, но во всяком случае немец по ориентации и по мировоззрению.

Г Гильдебранд считал, что в Генрихе сильнее чувствуется священник, чем немец; что Генрих беспристрастно относится к другим, даже враждебным национальностям; что если он и бывает суров, то лишь в отзывах о врагах христианства, а не о противниках немцев; что пристрастность в национальном вопросе можно заметить у него лишь по отношению к лэттам, и то в положительном смысле: он не мог быть равнодушен или холоден к своим «духовным детям».

С этой оценкой трудно согласиться, как трудно и разделить у Генриха церковное и немецкое. Его герои — христианские завоеватели,[1] но в действительной жизни перед ним были не какие-то условные «христиане», а живые и вполне реальные немцы, то дипломаты (как епископ Альберт), то церковники, то в большинстве пришлые авантюристы-кондотьеры, жадные на добычу «Наши» для Генриха это — немцы. «Христиане» — не что иное, как своего рода идеологически оправдывающий эпитет завоевателей-немцев.

То, что автор Хроники далеко не беспристрастен в национальных оценках, очевидно уже из сказанного выше о его «христианской» позиции. Добавим еще кое-что.

По словам Г Гильдебранда, Генрих «не сочиняет ничего хорошего о своих и ничего дурного о других».[1] Этот, весьма условный, если не совершенно произвольный вывод в сущности бессодержателен, так как, помимо «сочинения» фактов, есть и другие приемы, какими (иногда даже bona fide — в соответствии со своим пониманием исторической истины) пользуется историк, давая тем не менее объективно неверную картину. У Генриха к числу таких приемов относится своеобразная «подача» фактов. Тогда как действия завоевателей-немцев, хотя бы то было предательское разграбление Герцикэ или взятие Кукенойса среди полного мира или истребление чуть не целого племени, всегда рисуются, как геройство и подвиг, многие совершенно естественные и законные акты самозащиты со стороны ливов, эстов, русских и др., обычные военные хитрости, наконец, просто упорное сопротивление насилию — квалифици-

[1] «Христиане» — нередкий в Хронике синоним немцев с их союзниками.

[2] О. с , стр. 47.

руются, как «коварство», «предательство» и пр. Любопытен, например, рассказ в XVIII.9 о «простодушных» немцах (вторично без всякого повода разграбивших Герцикэ) и «лживых, вероломных» литовцах, союзниках князя Герцикэ, которые перехитрили рыцарей и заставили их спасаться с награбленной добычей, потеряв «вождей-героев», Мейнарда, Иоанна и Иордана. Не менее характерны эпитеты дьявола, относимые Генрихом к городу Герцикэ,[1] который «всегда был ловушкой и как бы великим искусителем для всех живущих по сю сторону Двины, — крещеных (что особенно неприятно — *С. А.*) и некрещеных», так как князь его Всеволод «всегда был врагом христианского рода, а более всего латинян», т. е., собственно, как ниже выясняется, «всегда был враждебен рижанам» (XVIII.4).

О людях, защищавших Дорпат вместе с князем Вячко, и о самом князе сказано (XXVIII.3): «И собрались в тот замок к королю (Вячко — *С. А.*) все злодеи из соседних областей и Саккалы, изменники, братоубийцы, убийцы братьев-рыцарей и купцов, зачинщики злых замыслов против церкви ливонской. Главой и господином их был тот же король, так как и сам он давно был корнем всякого зла в Ливонии: нарушив мир истинного миротворца и всех христиан, он коварно перебил преданных ему людей, посланных рижанами ему на помощь против литовских нападений, и разграбил все их имущество». Это место может быть простейшим опровержением тезиса Г Гильдебранда. В случае с Вячко нарушил мир не он, а немцы в то самое время, когда он только что вступил в союз с Ригой. Нападение Вячка на немцев, работавших у него в замке,[2] только месть в ответ на испытанные им самим обиды, и если он «разграбил все их имущество», т. е. попросту говоря, походный скарб и коней 20 рядовых немцев (!), то чем это, спрашивается, хуже, чем грабить с таким бесстыдством, как это делали «христиане»-немцы в Герцикэ — без всякого осуждения со стороны хрониста?

Тут Генрих, как видим, «не сочиняет»: он лишь снабжает факты оценочными эпитетами в своем духе, специфически подбирает и сопоставляет их, кое о чем вовсе умал-

---

[1] В XXVIII.2 те же эпитеты приданы князю Вячко, находящемуся в Дорпате.

[2] Кроме всего прочего, мы не знаем, не мог ли Вячко видеть в этих «помощниках», присланных из Риги, передовых будущего немецкого гарнизона в Кукенойсе.

чивая, но оказывается нисколько не правдивее любого «сочинителя».

В некоторых случаях он даже не умалчивает о порочащих поступках немцев, но, упоминая о них мельком, без всякого, обычного по отношению к «чужим», акцента, притом как о вещах вполне естественных, оставляет доверчивого читателя под впечатлением полной законности изображаемых деяний. Вспомним, каким способом епископ Альберт впервые добился заложников от ливов (IV.4); в каком тоне рассказано о захвате Оденпэ в XIV.6. В обоих случаях налицо бесспорно изменнический образ действий, предательство и нарушение слова немцами. Между тем автор совершенно спокоен и отнюдь не расположен к суровым оценкам.

Приведенные примеры не единственные в своем роде. В сущности вся Хроника — панегирик завоевателям-немцам. Это — избранный богом народ, наподобие библейского Израиля. С ними «всегда идет победа и слава триумфа». Они наиболее храбры, стойки и всегда впереди в бою, а когда бегут или позорно сдаются (как в Оденпэ в 1217 г.), это под пером автора выходит вовсе незаметно. Их служение богу и церкви, по сравнению с прочими, безупречно и т. д. В то же время по отношению к ливам, литовцам и эстам автор расточает все свое красноречие и все богатство латинской лексики в выборе отрицательных эпитетов.

Может быть, однако, все это относится только к «язычникам», к не желающим «очиститься святою водой крещения»? Оказывается — нет. Не будем даже говорить о «схизматиках-русских», врагах пресвятой девы,[1] «полных надменной спеси и в гордости своей весьма заносчивых» (XXI.1 — когда они пренебрегают миром с тевтонами!). Выше достаточно сказано о Вячке и Всеволоде. Посмотрим, что говорится о других «христианах», хотя бы о датчанах, соперничавших с немцами на поприще крещения или завоевания Эстонии. Обнаруживается несколько неожиданно для читателя, что и датчане — враги богородицы и наказаны ею пленением короля Вальдемара II. О миссионерской деятельности их рассказываются вещи мало уважительные и даже порочащие; все поведение датчан по отношению к Риге изображается, как необъяснимая и несправедливая

[1] В панегирике богородице русские князья занимают одно из очень видных мест, как враги ее и ее рижской колонии.

претензия. Когда при всем том убеждашеься, что характеристика датчан в Хронике выглядит все же относительно мягкой, возникает вопрос: не оттого ли это, что папа, возможный читатель Хроники, был открытым покровителем Дании; с другой стороны, если о шведах, также претендовавших на эстонское поморье, не говорится дурного, то не потому ли только, что они потерпели неудачу?

Как бы то ни было, мнение Г Гильдебранда о беспристрастии Генриха в национальных оценках и его «справедливости к врагу» никак нельзя признать обоснованным.

Обратимся теперь к другой области, где в том же, примерно, характере изложения можно искать данных для уяснения личной позиции автора Хроники в сфере внутриливонских отношений.

Каковы собственно были эти отношения во время Генриха? С какими общественными группами имел дело автор Хроники? Кому служила и для чего написана Хроника? Вот вопросы, какие нам надо решить.[1]

Проще всего начать с последнего.

Сам Генрих в заключении Хроники (XXIX.9) так формулирует причины, побудившие его писать: «Много дел и славных дел совершилось в Ливонии во время обращения язычников к вере Иисуса Христа. Все их нельзя ни описать, ни упомянуть, чтобы не навеять скуки на читателей. Это же немногое написано во славу того же господа нашего Иисуса Христа. кто столько великих и славных побед даровал в Ливонии людям своим. а также во славу возлюбленной его матери. И чтобы слава, подобающая ему за столь достойные хвалы деяния, впоследствии не пала в забвение из-за небрежности и лености людской, решили мы, по просьбе господ и товарищей, смиренно написать о ней и оставить потомкам. .»

Старые исследователи Хроники (до издания ее в MGH), задаваясь вопросом, кто были domini — господа Генриха, обыкновенно думали, что он говорит тут либо о меченосцах, либо о епископе и меченосцах.[2] В доказательство приводили ряд других приложений слова domini в Хронике именно к меченосцам,[3] а прежде всего место из XVI.4, где епископ в речи, обращенной к ливам, называет мече-

---

[1] Выше они отчасти затронуты на стр. 9—13 и 29.

[2] Г. Гильдебранд (о. с., стр. 20, прим. 1), впрочем, оговаривается, что у Генриха не было реальных оснований считать себя подчиненным ордену.

[3] XVI.4, XXIII.8, XXVIII. 3, 7; см. А. Ганзен, о. с., стр. 20.

носцев dominos nostros ac filios dilectos. Так как, однако, по ближайшем изучении, все эти аналогии оказываются не доказательны (поскольку говорят о господах покоренной страны, но не о господах хрониста), а только что приведенная содержит неправильное чтение (вместо nostros, нужно vestros), исправленное в издании MGH, остается признать, что нас ничто не обязывает разуметь в числе заказчиков Хроники, под словом domini, меченосцев, и ничто, наоборот, не препятствует пониманию этого слова, как domini episcopi или domini legatus et ep-us и т. п.

Переходя от терминологических толкований к анализу некоторых мест Хроники по существу, мы получаем вполне определенный вывод и уже не только в этой отрицательной формуле.

Многое, что нам известно о Генрихе, позволяет заранее предполагать, что в борьбе епископа Альберта с орденом автор Хроники мог быть только на стороне епископа. Он — scholaris Альберта, его ученик; от Альберта получил посвящение и приход; несмотря на свое скромное положение, участвует в труднейших дипломатических предприятиях епископа внутри Ливонии, каковы, например, переговоры с восставшими ливами (XVI.4), где, кажется, именно Генрих («один из спутников») удержал епископов от решительного разрыва с ливами, добился возвращения на переговоры епископа Филиппа рацебургского и затем (прямо поименованный, как его толмач, Генрих из Лэттии) защитил епископа от насилия; вспомним также его роль в качестве епископского комиссара при разделе Толовы с меченосцами (см. выше, стр. 24); тот же Генрих сопровождает епископа Филиппа на Латеранский собор и, вероятно, присутствует на соборе вместе с епископом Альбертом; как епископский священник, Генрих миссионерствует в Толове (XVIII.3), а позднее в Эстонии, ревностно защищая дело епископа перед Андреем лундским.

Вполне естественно будет, если этот ставленник Альберта, притом, очевидно, пользовавшийся и доверием, при возникновении в Ливонии внутренних разногласий окажется на стороне епископа, а не его противников.

Серьезные разногласия между епископом и орденом обнаружились, как мы знаем, уже к началу 1207 г. Альберт, получив от императра «мандат» на Ливонию,[1] ста-

---

[1] Вероятно, в противовес уже назревавшим притязаниям меченосцев.

новится, как имперский князь, юридически носителем верховной власти в стране, обладая притом, кроме светского, и духовным мечом. «Братьям рыцарства христова» (меченосцам) становится ясно их зависимое положение: епископ рижский (хотя бы номинально)—их сюзерен в мирских делах и владыка в духовных; блага «мира сего» — земли, власть и добыча зависят от милости епископа; мощное орудие идеологического подчинения, «меч духовный» — в его же руках.

Между тем орден к 1207 г. уже не разрозненная кучка рыцарей, а сплоченная общими интересами единая организация, что и отличает меченосцев от других (епископских) рыцарей.

Кто были эти «пилигримы» и «крестоносцы», излишне говорить: лучше всего их характеризуют также эпитеты у Маркса, как «крестоносная сволочь», «прохвосты», (die Lumpacii), «псы-рыцари» (Reitershund).[1]

За год военного пилигримства в Ливонии папой объявлено было отпущение грехов, иначе говоря — амнистия по старым преступлениям. Немудрено, что «принимали крест» прежде всего люди, чем-то сильно опороченные у себя на родине, иногда просто преступники, «изгнанные из Саксонии за преступления», как говорится в Хронике Trium Fontium. Рядом с ними шли авантюристы всякого рода, потерпевшие дома крушение и потерявшие надежду на успех, но рассчитывавшие преуспеть и обогатиться за морем, на чужбине.

Даже в хвалебных характеристиках некоторых высших сановников Ливонии у Генриха между строк (помимо желания автора) проглядывают запятнанные биографии его героев. Бернард из Липпэ, епископ семигаллов, на вид весьма достойная фигура, в молодости, оказывается, «в своей стране был виновником многих битв, пожаров и грабежей», за что и был «наказан богом» (XV.4).[2] Даже Филипп, епископ рацебургский, почитаемый Генрихом и изображаемый в виде святого, попал в Ливонию сильно скомпрометированным близостью к отлученному папой Оттону IV.

---

1 К. Маркс. Хронологические выписки. «Большевик», n° 24 1936 г. стр. 53 и 54.

2 Chronicon Montis Sereni (MGH, SS, XXIII, стр. 196; перев. наш — *С. А.*) выражается еще определеннее: «Бернард, муж, преданный делам мира сего, после многих войн, где проявил себя полным несправедливости (iniuriosus extiterat) во многих пожарах и грабежах, по внушению божьему. . . стал монахом».

Рыцари (и не один Годфрид в XI.4) оказываются в Хронике то лихоимцами и неправедными судьями, то убийцами (как Викберт), то бесчестными нарушителями договоров и предателями.

Епископу нелегко было справляться с такими «защитниками церкви» и не раз, видимо, приходилось против воли разрешать им то, чего не следовало, так как иначе они обошлись бы и без разрешения: вспомним, как Альберт дал согласие на битву с эзельским флотом в VII.2. Неповиновение и своеволие едва ли были редкостью в среде пилигримов, если Генрих считает нужным, как бы в виде исключения, отметить (XIII.3): «Пилигримы же этого года готовы были послушно участвовать в работах по постройке стены и в других, где могли служить богу».

До тех пор, пока этот сброд авантюристов оставался только сбродом, управлять им было, хоть и трудно, но возможно: государственной опасности и угрозы верховной власти епископа эти люди еще не представляли.

Иначе пошло дело с возникновением ордена. Учреждение его было неизбежностью для епископа. Не только продолжать завоевания, но и удерживать захваченное было невозможно без помощи п о с т о я н н о й военной силы. Ежегодно сменявшиеся отряды пилигримов и горсточка вассалов, осевших в Ливонии, получив лены от епископа, достаточной гарантии успеха не давали. Между тем перед глазами Альберта был готовый пример и образцовое, казалось, решение задачи — в виде деятельности ордена тамплиеров. Недюжинный политик, он вполне последовательно и остановился на таком решении. Если же позднее обнаружилось, что, учредив орден,[1] он сам создал себе «могильщика» или, по крайней мере, вместо орудия, приобрел в лице ордена соперника и противника, грозного своей организованностью, то это, нам кажется, столь же естественно, как и, несомненно, с о ю з н ы е о т н о ш е н и я А л ь б е р т а с н а р о ж д а ю щ и м с я р и ж с к и м б ю р г е р с т в о м в б о р ь б е с ф е о д а л а м и-м е ч е н о с ц а м и.

Торговые связи немцев с Прибалтикой установились значительно ранее первых попыток их закрепления в Ливонии и ранее первых опытов крещения туземцев. «Апостол» Ливонии Мейнард шел по следам купцов, пользуясь их

---

[1] И как бы уделив ему часть своего суверенитета — (ср. XI.3: «а так как сам он получил Ливонию от императора со всеми правами господства, то и их (меченосцев — *С. А.*) третью частью отдал им с полными правами и властью».

примером и поддержкой. В его время, судя по Хронике, торговать на Двине было безопаснее, чем миссионерствовать.[1] Епископ Альберт, основатель немецкой колонии, также действует в союзе с купечеством, но его роль уже иная: он не только ищет поддержки, но и сам в силах оказать ее, притом, чем дальше, тем в большей степени. Экономическое устройство колонии и ее торговое будущее, естественно, составляют предмет его постоянной заботы. Строя Ригу, как будущий торговый порт, епископ старается обеспечить ей монополию путем наложения папского интердикта на гавань семигаллов (IV.6). Купцы в это время представляют уже корпорацию, действующую объединенно.[2] При своих частых поездках в Германию Альберт заботится о наборе не только войска, но и мастеров, ремесленников. Вероятно, именно их, кроме купцов, надо разуметь под «первыми горожанами», прибывшими в Ригу в 1202 г (VI.2). Он нанимает за плату рабочих для отправки в Ригу[3] Интересы купцов неизменно находятся в поле его зрения. Обиды, нанесенные купцам, являются таким же (а в сущности, главным) поводом к открытию военных действий, как и сопротивление «благодати крещения» и «игу христианства» (ср. XI.7, XII.6, XIII.5, XIV.9, XVI.2, XIX.4 и др.). При таком положении постепенно выросшее рижское бюргерство естественно должно было смотреть на епископа, как на союзника. Он для рижан свой человек: дело его — их дело, и враги его — их враги. Не будучи уже в XIII в. только «торгующими воинами», как во времена викингов, вооруженные купцы и теперь очень часто, если не всегда, участвуют в военных предприятиях епископа, вместе с рыцарями и прочим военным людом ходят на войну и защищают город.

Когда епископ и орден становятся открытыми врагами, партию епископа составляют не одни клирики и «люди церкви»: сюда же принадлежат, конечно, и рижские реме-

---

1 Ср. у Маркса: «Этот мелкий люд (северо-немецкое купечество — *С. А.*) и пришедшие с ними ремесленники встречали хороший прием до тех пор, пока они не начинали говорить о язве христианства и о десятине». Хронологические выписки. «Большевик», nº 24 1936 г., стр. 51.

2 Ср. IV.7, а также упоминание о «старейшинах» Риги в XII.3 и др.

3 IX.9: «Сверх того епископ отослал в Ригу и много нанятых за плату людей». Может быть, конечно, тут разумеются и военные, но это мало вероятно, так как войско, повидимому, оплачивалось не каким-то регулярным вознаграждением, а дележом добычи.

сленники и все купечество.[1] Достаточно выразителен тот факт, что против вынужденных и невыгодных Альберту уступок Дании, на которые согласны подкупленные Вальдемаром II меченосцы, протестуют «и прелаты монастырей, и церковные люди, и горожане, и купцы, и ливы, и лэтты» (XXV.1); датскому судье Годескальку именно «купцы отказались дать лоцмана на корабль, как при поездке из Готландии в Ливонию, так и при возвращении из Ливонии в Готландию» (XXV.2). Не менее характерно, что в заговоре против меченосцев и датчан участвуют «горожане рижские с купцами, ливами и лэттами» (XXV.3). Наконец, ультиматум, предъявленный меченосцам в критический момент великого эстонского восстания (XXVI.3) в ответ на просьбу ордена о помощи, несомненно, шел не только от «людей церкви», но и от рижского бюргерства.[2]

Автор Хроники, летописец деятельности Альберта, принадлежал к той же партии. Однако, в его изложении это обнаруживается далеко не сразу и не с первого взгляда. Правда, почти вся Хроника, за исключением нескольких первых страниц, посвящена деятельности Альберта; хронологически изложена по годам его епископства; писана в момент полного торжества епископа на внешнем и внутреннем фронтах, как бы подводя итог его успехам и заканчиваясь апогеем этих успехов. Как это ни очевидно, но само по себе еще ничего не говорит об отношении автора к меченосцам, к борьбе их против епископа и к действовавшим в Ливонии партиям. Старые исследователи Хроники,

---

[1] Любопытно, что в одном из подсказанных орденом враждебных епископу Альберту папских актов 1213 г. (Бунге, о. с., I, nº 31) говорится о «тяжких обидах», испытанных меченосцами «от многих духовных и светских лиц».

[2] По мере развития немецкой торговли в Прибалтике, расширения оборотов рижского порта в сношениях с Западом, по мере роста и укрепления сухопутных связей рижских (и других немецких) купцов в Ливонии с Новгородом, Псковом и Литвой, особенно же после вступления Риги, Дорпата, Ревеля в Ганзейский союз (ок. 1282 г.) интересы городов (купечества) приходят в прямое противоречие с политическими и экономическими домогательствами ордена (с 1237 г. — Тевтонского ордена, куда вошли и меченосцы), что приводит к жестокому столкновению в конце века, а затем — к длительной и тяжелой борьбе (ср. Л. Арбузов. Grundriss d. Geschichte Liv,- Est- u. Kurlands, 4 Aufl., Riga, 1918, стр. 51—62). Едва ли можно сомневаться, что уже во время епископа Альберта I позиция бюргерства в сильной степени определялась зарождавшимся антагонизмом с орденом, который, уже владея огромными доменами, но нуждаясь в сбыте и привозе, неизбежно вступал в конкуренцию с городами.

как уже упоминалось, и вообще не находили в ней точного ответа на эти вопросы, а особенно — ответа в интересующем нас смысле. Между тем такой ответ в ней есть, но искать его зачастую нужно между строк.

Назначение Хроники ясно указано Генрихом в ее заключении (XXIX.9), но это — официальное назначение. Рядом с ним с большим вероятием предполагают другую, не названную автором, практическую цель, имевшую наибольшее влияние на всю установку Хроники.

Как мы знаем, Генрих писал свое произведение в то самое время, когда в Ливонии гостил прибывший по инициативе епископа папский легат, который имел поручение изучить действительное положение вещей на месте и, может быть, решить вопрос о возведении Альберта в сан архиепископа-митрополита с подчинением ему всех пяти прибалтийских епископий.[1]

В высшей степени вероятно,[2] что Хроника была заказана Генриху епископом, как подробный отчет об истории и состоянии ливонской колонии, который облегчил бы легату ориентацию в разных запутанных и спорных отношениях внутри страны и с соседями, исторически обосновал бы в его глазах известные претензии, подсказал бы, наконец, определенное, притом благоприятное епископу решение.

Это — всего лишь гипотеза, остроумно построенная Г Гильдебрандом, однако гипотеза, не только обладающая большим правдоподобием, но и чрезвычайно плодотворная в смысле понимания и толкования интереснейших, без нее необъяснимых особенностей изложения в Хронике.[3]

Сосредоточив внимание на некоторых отдельных высказываниях Генриха, а особенно на его весьма характерных умолчаниях, обмолвках и внутренних противоречиях, можно установить, во первых, что он, касаясь определенных тем, в частности — взаимоотношений епископа с орде-

---

[1] В Annales ecclesiastici Raynaldi — под 1225 г. (т. XIII, стр. 349, § 16) читаем (перевод наш): «Но в то время в странах Ливонии гораздо счастливее расцвела религия, а почитание веры христианской в них до того возросло и расширилось, что папа (pontifex) стал думать об учреждении там новой митрополичьей кафедры, написал Вильгельму, епископу моденскому, легату апостольского престола, и велел ему поддержать то, что окажется полезнее для святого дела, а обо всем известить». Ср. Г. Гильдебранд, о. с. стр. 139, прим. 1.

[2] См. выше, стр. 29.

[3] Г. Гильдебранд, как говорилось, допускает двух «заказчиков» — епископа и орден.

ном, с Римом и датчанами и других, более или менее щекотливых обстоятельств в ливонских делах епископа, говорит не все, что знал или должен был знать; во вторых, что по тем же темам и соседним с ними он всегда высказывается с величайшей сдержанностью, избегая определяющих эпитетов, оценок, точных обозначений, так что, при беглом чтении, даже подозрительный или заранее предрасположенный в дурную сторону читатель (например, магистр меченосцев) не мог бы уловить в тексте Хроники ничего субъективного, одностороннего и пристрастного, а в то же время читатель внимательный сумеет понять, что автор говорит не совсем т а к, как думает и как хотел бы говорить.

Умолчания и стилистическая маскировка у Генриха, по нашему мнению, объясняются в одних случаях нежеланием упоминать о неудачах епископа, в других —невозможностью и тактическим неудобством говорить о врагах его с прямой враждебностью. Легату и римской курии надлежало показать картину умиротворенной внутри и не угрожаемой извне Ливонии; былые споры и разногласия, компрометировавшие епископа и его дело, следовало, по возможности, ослабить; о сильных, пользовавшихся в Риме влиянием врагах епископа никак нельзя было говорить, что думаешь, во избежание обвинения в односторонности.

Примеры такой авторской тактики мы подробно разбираем в комментарии к Хронике. Здесь остановимся лишь на главнейшем.

Возьмем первое же известие Генриха о разделе Ливонии 1207 г Акты того времени, фиксирующие отношения ордена с епископом, показывают, что автор Хроники излагает тут дело с намеренной неясностью, скрывая поражение епископа. В его рассказе контаминируются события 1207, 1210, 1212 гг., вследствие чего от читателя ускользает длительность и напряженность происходившей борьбы; стремление епископа во что бы то ни стало, даже вопреки соглашению, удержать за собой двинскую область — полностью скрыто; папское решение 1210 г., мало благоприятное для Альберта, выглядит у Генриха простым утверждением епископской точки зрения. Дальнейшее развитие событий —продолжение раздела в 1211 и 1212 гг., вовсе не отражено в Хронике, что также, очевидно, должно было ослабить впечатление трудности и продолжительности разногласий. Об интригах меченосцев в Риме не упоминается вовсе, а между тем именно эти интриги, односторонняя

информация и настойчивые обвинения чуть не довели Альберта до лишения епископства. Напрасные попытки епископа противодействовать самочинным предприятиям меченосцев в Эстонии, если и упоминаются в Хронике, то с совсем иной атрибуцией: действия ордена и лэттов, по Генриху, вызывали сильное неудовольствие — то судьи ливов, Германна (XII.6), то жителей Торейды (XIII.5), причем читателю остается только недоумевать о причинах этого мнимого неудовольствия подставных лиц.

Не меньше неясностей в описании рижско-датских отношений. Если верить Генриху, то претензии датчан на господство в Эстонии и Ливонии были неожиданны, произвольны и ни на чем не основаны: Вальдемар II будто бы вмешался в эстонские дела просто по просьбе епископа рижского и «ради славы пресвятой девы». Между тем позднее сам датский король ссылался на нечто совершенно иное: он настойчиво утверждал, что Эстония и Ливония уступлены ему Альбертом, разумея, конечно, переговоры 1218 г. Возможно, что это заявление в известной мере и было преувеличено, но едва ли оно ложно целиком. Генрих не упоминал бы о нем, если бы мог умолчать, но, повидимому, королевская мотивировка была общеизвестна и в какой-то части основательна. В таком случае рассказ Хроники о переговорах епископа с Вальдемаром II должен быть признан неточным именно в том пункте, где точность была бы наиболее опасна для Альберта.

Ту же систему недомолвок и полуистин находим и в других местах Хроники, между прочим — во всей истории сношений с русскими. Если, например, епископ Альберт «иногда платил» за двинских ливов дань князю полоцкому, то, значит, он не только до определенного времени признавал права князя на эту дань (что и без того несомненно), но в известной степени и себя самого считал тогда ему подвластным или, по крайней мере, не мешал князю видеть в нем данника. Спрашивается, что же при таком положении (кроме, конечно, «божьего внушения»!) заставило князя Владимира отказаться от своих прав и от всякой дани, да еще перед самой битвой, где он имел бы полный перевес? Мы не знаем. Не говорит об этом и Генрих, может быть, не желая умножать число «дипломатических» (о других он сказал бы «коварных») хитростей Альберта. Изобилует неясностями история Кукенойса и Герцикэ. В ней местами чувствуется что-то загадочное и недосказанное, но едва ли лестное для немцев.

Еще один пример. Отношения Альберта к его новым подданным в «мирное время» рисуются идиллическими чертами, неприятные для епископа обстоятельства изображаются с сильной ретушью: епископ полон «отеческой любви» к новообращенным; только ею (а отнюдь не угрозой восстания и отпадения «верных» ливов!) объясняются его уступки в вопросе о тяжести «богом установленной десятины» (XV.5, XVI.3). Суд его, оставляющий лэттам из Аутинэ ульи, но отнимающий у них земли в пользу меченосцев, справедливый суд и принимается лэттами «с радостью». Правда, незадолго до того ливы из Саттезелэ, не обнаружившие радости при таком случае, были разгромлены меченосцами для примера прочим, но этого рода сближения чужды «оптимистической» манере Генриха и уловимы только при специальном анализе встречающихся у него непоследовательностей.

Приведенные образчики показывают, с какой осторожностью автор Хроники обходит все опасные для репутации епископа сюжеты. Обратимся теперь к его высказываниям об ордене, помня однако, что непосредственно и открыто враждебными они не могли быть ни в каком случае.

Прежде всего надо заметить, что, в то время как дела епископа и рижан занимают центр внимания Генриха, не упускающего тут даже таких мелочей, как приключения посланных за епископским облачением (в IV.2) или имена двух-трех убитых в стычке горожан, об ордене с самого начала говорится как будто между прочим, его история остается в полутени. О возникновении ордена сказано бегло и смутно (VI.6), без всяких подробностей о его организации, внутренней жизни, отношениях к туземцам и пр. Первое упоминание о магистре Венно читается только в XII.6. Тут же впервые назван, и то мельком, Венден, город меченосцев, хотя несколько выше встречаются уже «рыцари из Вендена». Так же бегло, лишь попутно с подробным изложением прочего, говорится о меченосцах и дальше. Исключение составляют те места, где автор может, не подвергая подозрению роль епископа, с «наивностью летописца» сообщить нечто, порочащее орден. Там он не скупится на детали и бывает даже красноречив. Таков рассказ о крупнейшем орденском скандале — убийстве магистра Венно Викбертом. Как этот рассказ ни неприятен был для меченосцев, рассказчика нельзя было упрекнуть ни в чем: он только «объективен», и даже заявление убийцы о готовности подчиниться е п и с к о п у, наверное, не вымысел.

В том же роде — подробнейшее известие о восстании лэттов с ливами в 1912 г. (XVI.3—5). Действительной причиной восстания было стремление покончить со всякой немецкой властью в Ливонии и сбросить «иго христианства». Эта причина тщательно завуалирована, а вместо нее на первый план выдвинут случайный повод, непосредственно вызвавший взрыв — недовольство лэттов из Аутинэ притеснениями со стороны венденских меченосцев. Взяв такую установку, Генрих со вкусом рисует благодетельную и авторитетную роль епископа, как примирителя и верховного судьи, что составляет нужный ему контраст с подразумеваемой характеристикой меченосцев. Рассказывая в следующих главах о самочинных походах меченосцев в Эстонию и не желая упоминать о бессильном противодействии им епископа, Генрих дважды подчеркивает недовольство лэттского судьи и ливов этими действиями меченосцев, как бы еще раз напоминая читателю о дурных отношениях населения к ордену.

Об изменническом союзе меченосцев с датчанами в Хронике нет ничего: эта тема была слишком опасна в те дни, когда писалась Хроника, в первые дни после установления сравнительного мира между епископом, орденом и Данией. Ясно, однако, что Генрих нисколько не заблуждался в этом вопросе. Достаточно вспомнить, как он рассказывает о заговоре, устроенном рижанами «против короля датского и всех своих противников» (XXV.3). Меченосцы тут не названы вовсе, но несколько ниже обнаруживается, что ими-то и подавлен заговор. Почему ими — спросит читатель. Об этом Генрих дипломатически молчит, предоставляя догадываться, что нетрудно сделать, найдя там же (XXV.3), немного далее, краткое указание, что в поход с магистром пошло мало народу «из-за бывшего в стране несогласия».

Очень ярко и с подробностями описано начало эстонского восстания, направленного прежде всего против меченосцев. У читателя все более укрепляется впечатление, что орден дурно правит людьми и не умеет ладить с населением.

Лживая и предательская тактика ордена в споре о разделе Эстонии нигде в Хронике прямо не характеризована, но заключительный эпизод спора — ультиматум, предъявленный рижанами меченосцам в пользу епископа, изображен с явным сочувствием рижанам и в тоне торжества (XXVI.13).

С полной откровенностью говорится о радости поморских эстов и жителей Унгавнии, попавших в епископский удел, а не к меченосцам (XXVIII.2). Нельзя, наконец, не отметить, что безыменные «владетели и судьи земли пресвятой девы» (т. е. Ливонии), которых Генрих в XXV.2 так патетически увещевает не притеснять население, невольно отождествляются с притеснителями-меченосцами, а еще более это подчеркивается троекратным упоминанием в XXIX.3 о настойчивых советах легата меченосцам не угнетать народ.

Из всего этого, полагаем, ясно, что в лице Генриха перед нами скрытый враг меченосцев. Насилие со стороны епископа, прикрытое ложью церковной фразеологии, но от того не менее тягостное для населения, хронист намеренно рисует, как благодетельный контраст жестокостям меченосцев, что, конечно, никак убедить нас не может.

* *

Мы рассмотрели, по возможности, все данные, касающиеся биографии Генриха, его литературной физиономии, его мировоззрения, как историка и общественного деятеля, наконец, его позиции в качестве автора Ливонской Хроники. Краткая итоговая формула нашего вывода выражается в следующем.

Генрих из Лэттии (Генрих Латвийский), один из замечательнейших хронистов средневековья, немец, вероятно, и по происхождению, но, несомненно, немец по культуре; человек XIII в. по своему церковному мировоззрению и по наивности исторического мышления, хороший стилист и недурной оратор, в своей чрезвычайно богатой фактами Хронике не был бесстрастным и простодушным летописцем, как обычно думают. Боевой темперамент военного миссионера и убежденность человека определенной партии намеренно завуалированы в Хронике в силу обстановки, в какой она писалась, но (может быть, и не всегда случайно!) завуалированы не до конца. Писалась Хроника действительно «не ради лести и мирской корысти» (XXIX.9), но правда, как ее понимал летописец, не была правдой меченосцев. Хроника — не только панегирик немецкого завоевания Ливонии, это — апология организатора завоевания — Альберта, рижского епископа, опиравшегося на враждебное феодальному ордену бюргерство. По отношению к ордену Хроника скрыто враждебна. Это заложенное в Хронике внутреннее противоречие, позволяя нам вскрыть и то,

что автор таит, особенным образом освещает всю композицию Хроники. Став для нас из апологии насильников их обвинительным актом, Хроника сохраняет высокую документальную ценность.

VI

Научное и общественное значение Хроники

Написанная очевидцем и участником событий, чрезвычайно детальная, весьма точная в подробностях и богатая содержанием Хроника Ливонии по праву занимает одно из первых мест в средневековой историографии. Правда, хронологически она не обнимает и полвека (а вполне разработана лишь для 28 лет епископства Альберта), топографически же касается только Прибалтики, но в этих рамках представляет основной источник наших сведений о народах Ливонии в период появления их на европейском историческом горизонте. История Латвии, Эстонии, Курляндии, Литвы, северо-западной Руси, история германской колонизации на востоке, история Дании, наконец, история восточно-европейской культуры вообще, история католичества и папства не могут не опираться на Хронику Ливонии, а зачастую единственно на ней и основываются.

Замечательная и редкая точность в топографических и хронологических показаниях делают Хронику неоценимым источником для исследований по исторической географии, по топонимике, по этнологии балтийских побережий, по определению границ распространения языков.

Ценность Хроники для русской истории велика и давно замечена. Наши летописи почти не говорят о северо-западной окраине Руси в XII—XIII вв. Полоцких летописей, если они и существовали когда-то, теперь нет, а частичный пересказ их у Татищева возбуждает справедливые сомнения. Содержательные вообще, летописи Новгорода и Пскова, ближайших к Ливонии и связанных с нею мест, говорят о ливонских делах мало и сухо: достаточно характерно уже то, что в них не названо ни одного из владетельно-княжеских имен двинской области, как не упомянуты ни Герцикэ, ни Кукенойс, ни отношения с Ригой Владимира полоцкого. Сбивчивость и неточность хронологии наших летописей именно в Хронике Генриха находит корректив, недаром серьезное изучение Хроники началось в русской науке именно со сравнительно хронологических изысканий.

Неизбежная субъективность и этой, подчеркивающей свое беспристрастие, Хроники вскрывается внимательным анализом, а после этого, с необходимой «поправкой к компасу» Генриха, его произведение оказывается обильным достоверными сведениями и многосторонне драгоценным историческим источником. Самый стиль автора и его литературное мастерство не лишены интереса для исследователя средневековой литературы и идеологии.

Помимо этого, чисто научного, значения, Хроника, без сомнения, обладала и обладает значением политическим, непосредственно связанным с различным восприятием ее читателями в разные эпохи ее литературного бытия. Это, однако, тема для особого исследования, и здесь мы коснемся ее лишь очень кратко.

Ливония, прежде чем стать в наше время комплексом национальных государств, в течение ряда веков была объектом колониальной эксплоатации со стороны сильных соседей (Германии, Дании, Польши, России). Любой из этих «обладателей» старался обосновать свои «права» и теоретически, но Хроника Генриха как апология немецких завоевателей, не всегда годилась для таких обоснований. Так как она при том и в немецкой ориентации занимает особую позицию, то была не в почете иногда и при немцах, а именно — в течение всего долгого времени, когда перевес в Ливонии был на стороне ордена. В XIV—XVII вв. ею пользовались, но пользовались мало и отрывочно,[1] для более или менее широкого круга читателей она оставалась в забвении.[2]

Открытая Грубером в половине XVIII в. и тогда же впервые напечатанная, Хроника первоначально вошла только в научный оборот, но позднее стала материалом, темой

---

[1] Г Гильдебранд (о. с., стр. 145—161) и особенно Л. Арбузов (о. с., Acta Un. Latv., XV, стр. 285—333) находят следы пользования Хроникой Генриха или свидетельства о том в следующих источниках: Германн фон Вартбергэ (ок. 1378), Libellus gestorum (м. б., XIV в.), некоторые документальные данные XV в. об использовании Хроники противниками датской гегемонии в Прибалтике; Теодерих Нагель (XV в.), Крантц (ум. в 1577), Гетелэн (1541), Беккер-Писторий (1548), Хроника Кариона (1562), Eucaedius-Unverfehrt (1564), Руссов (1578—1584), Тизенгаузен (1575, ок. 1578 и 1587), Брандис (ок. 1600), Hiärne (ум. в 1678), Лодэ и Вернер (ок. 1677), Кельх (1695), Бреверн (1698). Несмотря на то, что этот перечень довольно велик, он отнюдь не свидетельствует о широте пользования Хроникой, так как заимствования из нее ничтожны.

[2] Чем и объясняется малочисленность рукописей ее. Ср. Л. Арбузов, о. с., Acta, XV, стр. 286 и сл.

и средством политических дискуссий. Наиболее яркие моменты интереса к ней в дальнейшем совпадают с периодами особенного подъема национально-немецкого самосознания, как общегерманского (в половине XIX в. и после франко-прусской войны), так и специально прибалтийско-немецкого, обострявшегося временами в связи с внутриимперскими российскими отношениями. В последней четверти XIX в. и в начале XX в. Хроника нередко бывает орудием ожесточенной борьбы пангерманистов и обрусителей. Шовинисты обоих лагерей пользуются ею одинаково пристрастно, но не угасает к ней и научный интерес.

Наконец, в наши дни — две причины вновь и в очень сильной степени обусловливают особенное внимание к Хронике: во первых, образование на прибалтийской почве новых национальных государств и возникновение, в связи с этим, новых историографических запросов; во вторых, откровенное и упорное стремление фашистской Германии вовлечь в свою орбиту или даже подчинить себе эти новые прибалтийские государства, а в связи с этим — поиски исторических обоснований немецких «прав» на покорение.

Идеологи фашистской экспансии, полагая, что «право народа на землю вытекает из тех кровавых жертв, которые он принес для этой земли»,[1] не прочь заняться историей, хотя бы для установления количества этих «кровавых жертв».

Тем интереснее Хроника для советского историка и для советского читателя. Очень своевременно и очень поучительно, пользуясь откровенностью средневекового хрониста, убедиться в том, что «кровавые жертвы» немцев в Прибалтике были ничтожно малы по сравнению с реками чужой крови, пролитой ими; что «жертвы» приносились завоевателями не «для этой земли», а исключительно для себя самих; что подлинной жертвой, их жертвой была разоренная, подавленная и обращенная в пустыню Ливония.

Иог. Дан. Грубер в предшествующем его изданию льстивом посвящении книги Георгу II, королю английскому, с пафосом говорит о том, что немцы, овладев Ливонией, «варварский и дикий народ, живший без бога, без закона и без короля, привели к культуре, к познанию божественного и соблюдению справедливости». Совершенно та же точка зрения, оправдывающая насилие цивилизаторскими целями жива и поныне. Небесполезно поэтому прочитать

---

[1] Dr Klaus Grimm. Das Baltikum. Berlin u. Stuttg., 1935.

у Генриха, в чем собственно состояло приобщение Прибалтики к европейской культуре («христианско-германской скотской культуре»)[1] руками немецких авантюристов, и как, несмотря на героическое сопротивление, маленькие и независимые народы были растоптаны циническими завоевателями и на столетия обращены в рабство.

*

При подготовке и издании этой книги нам оказали большую помощь ценные указания академиков А. С. Орлова, Б. Д. Грекова, И. Ю. Крачковского, и проф. Е. А. Косминского, а также весьма внимательное отношение к нашим запросам Библиотеки Академии Наук СССР, в лице зав. отд. особых фондов В. И. Бернера и ст. библиотекаря Т. И. Бохановской. Некоторыми (ниже отмеченными) библиографическими данными мы обязаны Е. А. Рыдзевской.

Всем названным лицам считаем долгом принести глубокую благодарность.

С. Аннинский.

---

1 К. Маркс. Хронолог. выписки. «Большевик», n° 24 1936 стр. 52.

ХРОНИКА ЛИВОНИИ

Рисунок рамки представляет вариацию орнаментального мотива XII в. «Сигтунских» врат в Новгороде.

Книга первая

О первом епископе Мейнарде

Божественное провидение, помнящее о Раабе и Вавилоне,[1] то есть о заблуждении язычников, вот каким образом в наше нынешнее время огнем любви своей пробудило от греховного сна в идолопоклонстве идолопоклонников ливов. (I)

В обители Зегебергской был священник ордена блаженного Августина, Мейнард, человек достопочтенной жизни, убеленный почтенной сединой. Просто ради дела христова и только для проповеди прибыл он в Ливонию вместе с купцами: тевтонские купцы, сблизившись с ливами, часто ходили в Ливонию на судне по реке Двине.[2] 2

Прибытие Мейнарда в Ливонию

Так вот получив позволение, а вместе и дары от короля полоцкого, Владимира (Woldemaro de Ploceke), которому ливы, еще язычники, платили дань, названный священник смело приступил божьему делу, начал проповедовать ливам и строить церковь в деревне Икесколе (Ykeskola.) Первые из этой деревни крестились Ило, отец Кулевены, и Виэцо, отец Ало, а за ними вслед и другие.[3] 3 4

В ближайшую зиму литовцы (Lettones), разорив Ливонию, весьма многих увели в рабство. Чтобы избежать их ярости, проповедник, вместе с икескольцами, укрылся в лесах; когда же они ушли, Мейнард стал обвинять ливов в неразумии за то, что у них нет никаких укреплений. Он обещал им выстроить замок, если они решат стать и быть детьми божьими. Это пришлось им по сердцу, они дали обещание и клятвенно подтвердили, что примут крещение. 5

6 В ближайшее лето из Готландии привезли каменоте-
Закладка замков Искюля и Гольма
сов, а между тем ливы вторично подтвердили свое искрен-
нее желание принять христианство. Перед закладкой
Икескольского замка часть народа крестилась, а все обе-
щали (но лживо) креститься, когда замок будет окончен.
Начали класть стены на фундаменте. Так как пятая часть
замка строилась на средства проповедника, она поступала
в его собственность, а землю для церкви он заготовил
ранее.[4]

Как только замок был закончен, крещеные вновь воз-
вратились к язычеству, а те, кто еще не крестились, отка-
зались принять христианство. Мейнард однако не отсту-
пил от начатого дела. В это время соседние язычники
семигаллы, услышав о постройке из камня и не зная, что
камни скрепляются цементом, пришли с большими кора-
бельными канатами, чтобы, как они думали в своем глупом
расчете, стащить замок в Двину. Перераненные стрел-
7 ками они отступили с уроном. Соседние люди из Гольма
подобными же обещаниями обошли Мейнарда и получили
выгоду от этой хитрости: им также был выстроен замок.[5]

Сначала однако по каким-то причинам шестеро кре-
стились, а имена их: Вилиенди, Ульденаго, Вадэ, Вальдеко,
8 Герведер, Виэтцо. Пока строились упомянутые замки,
Мейнард посвящен в епископы
Мейнард был посвящен в епископы бременским митропо-
литом. Когда был окончен второй замок, нечестные люди,
9 забыв клятвы, обманули Мейнарда, и не нашлось ни
1186 одного, кто бы принял христианство.[6]

Проповедник, конечно, смутился духом, особенно когда
мало по малу имущество его было расхищено, людей его
избили, а самого его ливы решили изгнать из своеих вла-
дений. Крещение, полученное в воде, они надеялись смыть,
купаясь в Двине, и отправить назад в Тевтонию.

10 У епископа был сотрудник в проповедании евангелия —
Теодорих, помощник Мейнарда
Теодорих, брат цистерцианского ордена, впоследствии
бывший епископом в Эстонии. Ливы из Торейды решили
принести его в жертву своим богам, потому что жатва
у него была обильнее, а на их полях погибла затопленная

дождями.[7] Собрался народ, решили узнать гаданием волю богов о жертвоприношении. Кладут копье, конь ступает [через него] и волею божьей ставит раньше ногу, почитаемую ногой жизни; брат устами читает молитвы, руками благословляет. Кудесник говорит, что на спине коня сидит христианский бог и направляет ногу коня, а потому нужно обтереть спину коня, чтобы сбросить бога. Когда это было сделано, а конь опять, как и в первый раз, ступил раньше ногою жизни, брату Теодориху жизнь сохранили.[8]

Когда тот же брат был послан в Эстонию, он перенес большую и смертельную опасность от язычников из-за солнечного затмения, бывшего в день Иоанна Крестителя: говорили, что он съедает солнце.

В то же время один раненый лив из Торейды попросил брата Теодориха вылечить его, обещая креститься, если будет вылечен. Брат истолок травы и, хотя не знал их действия, призвав имя божье, исцелил его и телом и духом, крестивши.

Это был первый, кто в Торейде принял веру христову.

Зовет также брата Теодориха один больной и просит крестить его; сначала упорные и дерзкие женщины отклоняли его от святого намерения, но когда болезнь усилилась, неверие женщин было сломлено, больной был окрещен и поручен богу в молитвах. Когда он умирал, один новообращенный, бывший на расстоянии семи миль оттуда, видел и свидетельствовал, что ангелы несли на небо его душу.

Когда вышесказанный епископ убедился в упорстве ливов, а дело его рушилось, он, собравши клириков и братию, решил вернуться назад и пошел на купеческие корабли, отправлявшиеся уже к пасхе в Готландию. 11

Мейнард напрасно пытается вернуться в Германию

Тут лукавые, ливы со страхом предвидя, что потом придет христианское войско, стали лицемерными слезами и всякими иными способами, со лживым старанием, удерживать епископа.

Они говорили (как когда-то говорилось, но с другим намерением, святому Мартину): «Зачем ты покидаешь нас, отец? На кого ты оставляешь нас брошенными? Разве может пастырь уйти, когда овцам его грозит опасность от волчьих зубов?». И вновь все ливы обещали принять христианство. *Бесхитростно поверил* епископ *этим словам* и, по совету купцов, полагаясь к тому же на предстоящий приход войска, пошел с ливами назад.[9] Дело в том, что кое-кто из тевтонов, датчан, норманов и других обещали, если будет нужно, привести войско. Когда епископ, по отплытии купцов, возвращался назад, жители Гольма приветствовали его приветствием в духе Иуды, говорили: «*Здравствуй, равви*», и спрашивали, почем соль и ватмал в Готландии.[10] В огорчении он не мог удержаться от слез и отправился в Икесколу, в свой дом. Он назначил, в какой день собрать народ для увещания по поводу обещанного принятия крещения, но ливы в назначенный день не пришли и обещания не исполнили. Поэтому, посоветовавшись со своими, он решил итти в Эстонию, чтобы с зазимовавшими там купцами отправиться в Готландию. Между тем ливы уже готовили ему гибель во время этого путешествия, но Анно из Торейды предупредил его об этом и убедил вернуться. Так, после многих колебаний епископ возвратился в Икесколу, не имея возможности покинуть страну. Чтобы получить совет, он тайно направил к господину папе

Посольство Теодориха к папе

12 послом брата Теодориха из Торейды. Тот, видя, что ему иначе не выйти из страны, благочестивой хитростью обошел козни ливов: он ехал верхом, одетый в столу, с книгой и святой водой, как будто для посещения больного. Этой причиной он и объяснял свое путешествие, когда его спрашивали путники, и таким образом сумел ускользнуть — выехал из страны и прибыл к верховному первосвященнику. Этот последний, услышав о числе крещенных, нашел, что их надо не покидать, а принудить к сохранению веры, раз они добровольно обещали принять ее. Он поэтому даровал полное отпущение грехов всем тем,

кто, приняв крест, пойдут для восстановления первой церкви в Ливонии.[11]

Тогда же епископ, вместе со шведским герцогом, 13
тевтонами и готами, напал на куров, но бурей их отогнало в сторону. Они пристали в Виронии, эстонской Нападение
области, и в течение трех дней разоряли ее. Виронцы на Эстонию
уже начали было переговоры о принятии христианства, но герцог предпочел взять с них дань, поднял паруса и отплыл к досаде тевтонов.[12]

Между тем блаженной памяти епископ Мейнард, после 14
множества трудов и огорчений слег в постель Смерть
и видя, что умирает, созвал всех старей- Мейнарда
шин Ливонии и Торейды и спросил, хотят ли они быть опять без епископа после его смерти. Те единогласно заявили, что предпочитают иметь отца-епископа. Немного спустя епископ кончил свои дни.[13] 1196

Книга вторая

О втором епископе Бертольде

Когда совершен был по обычаю похоронный обряд (II)
и епископ не без слез и сожалений со стороны ливов был погребен, стали судить о преемнике и послали к бременскому митрополиту за подходящим лицом. Намечен был почтенный аббат лукский Бертольд цистерцианского ордена. Первоначально он не обнаружил готовности ехать, но потом побежденный просьбами митрополита принял бремя проповеди.[14] Став епископом, он, поручив 2
себя господу, сначала отправился в Ливонию без войска Посвящение Бертольда
попытать счастья. Прибыв в Икесколу, он вступил в епископы 1197
во владение церковью и собрал к себе всех важнейших лиц, как язычников, так и христиан. Предложив им напитки, угощение и подарки, он старался расположить их к себе и говорил, что прибыл по их зову, чтобы во всем
заменить своего предшественника. Они сначала ласково Первая неудача
его приняли, но потом на освящении гольмского клад-

бища наперерыв старались — одни сжечь его в церкви, другие убить, третьи — утопить. Причиной его прибытия
3 они считали бедность. Увидев такое начало, он тайно сел
Крестовый поход на корабль и вернулся в Готландию, оттуда отправился в Саксонию и обратился к господину папе, к митрополиту и всему христианству с жалобой на гибель ливонской церкви. Господин папа даровал отпущение грехов всем, кто примет на себя знак креста и вооружится против вероломных ливов; епископу Бертольду он дал грамоту об этом, как и его предшественнику.

4 Собрав людей, епископ прибыл с войском в Ливонию и
1198 подошел к замку Гольм, который расположен посредине реки. Отправив в лодке посла, он спрашивает, решили ли они принять христианство и сохранить его принявши. Те заявляют, что ни признавать, ни соблюдать не хотят. Епископ же не мог причинить им никакого вреда, так как корабли оставил позади. Поэтому он с войском возвратился на место Риги и стал совещаться со своими, что̀ делать.

5 Между тем против него собралась в боевой готовности масса ливов и устроила стоянку за рижской горой.[15] Они все же послали к епископу гонца спросить, зачем он привел войско. Причина в том, ответил епископ, что они, *как псы на блевотину, все возвращаются* от христианства к язычеству. Тогда ливы говорят: «Мы эту причину устраним. Ты только отпусти войско, мирно возвращайся со своими в свою епископию и тех, кто приняли христианство, понуждай к соблюдению его, а других привлекай к принятию речами, а не мечами». Епископ потребовал у них в залог своей безопасности их сыновей, но они между собой решили не давать, а между тем, под предлогом сбора части заложников, предлагают и получают краткое перемирие, причем, по обычаю, стороны в знак мира пересылаются копьями.[16] Во время этого перемирия они перебили много тевтонов, искавших корма для коней. Увидев это, епископ отослал им копье и прервал перемирие. Ливы вопят и шумят по

обычаю язычников. Готовятся к бою и саксонские войска 6
с другой стороны. Стремительно бросаются они на язычников, и ливы бегут. Епископ, не удержав коня, из-за его быстроты замешался в массу бегущих. Тут двое схватили его, третий, по имени Имаут, пронзил сзади копьем, а прочие растерзали на куски.[17]

Бой с ливами и смерть Бертольда

Июля 24

7 Ливы бежали стремглав, боясь, что войско гонится за ними, так как видели тевтонский рыцарский шлем, который [на самом деле] надел себе на голову один лив, убив тевтона.

Потеряв вождя, войско, конечно, пришло в волнение и стало на конях и с кораблей огнем и мечом опустошать ливские нивы. Увидев это, ливы, во избежание бо̀льших бед, снова заключили мир, позвали к себе клириков, и в в первый день в Гольме крестилось около 50 человек, а в следующий обращено было в Икесколе около 100. Они принимают по замкам священников и назначают на содержание каждого меру хлеба с плуга.[18] Видя это, войско успокаивается и готовится к возвращению.

8 Ливы, потеряв пастыря, по совету клириков и братьев, посылают гонцов в Тевтонию за новым преемником ему. При таких обстоятельствах саксонский отряд, доверившись непрочному миру, возвращается во-свояси; остаются клирики, остается и один купеческий корабль. Только что суда отошли под ветром, и вот — вероломные ливы выйдя из обыкновенных бань, стали обливаться водой в Двине, говоря: «Тут мы речной водой смываем воду крещения, а вместе и самое христианство; принятую нами веру мы бросаем и отсылаем вслед уходящим саксам». Эти ушедшие вырезали на ветви одного дерева подобие человеческой головы, а ливы сочли его за саксонского бога и, думая, что этим наводится на них наводнение и мор, наварили по обычаю меду, пили вместе и, посоветовавшись, сняли голову с дерева, связали плот из бревен, положили на него голову будто бы саксонского бога и вместе с верой христианской отправили за море, вслед уходящим в Готландию.

Мир и отплытие войска

Ливы отрекаются от христианства

9 По истечении месяца они нарушили мир, стали захватывать братьев, дурно с ними обращаться, завладели их имуществом и, как воры или грабители, расхитили его. Так как и кони были угнаны, поля остались необработанными. От всего этого церковь понесла убытка до двухсот марок. Клир бежал из Икесколы в Гольм, не зная, на что ему надеяться и где укрыться.

10 После того, великим постом, ливы сообща решили казнить
1199 смертью всякого клирика, какой останется в стране после
Апр. 18 Клирики бегут от преследований пасхи. Поэтому, клирики с одной стороны, чтобы избежать смерти, с другой, чтобы найти пастыря, отправились в Саксонию. Ливы решили убить и купцов, какие остались, но купцы, принеся дары старейшинам, спасли себе жизнь.[19]

Книга третья

О епископе Альберте

(III) В год господень 1198 достопочтенный Альберт, кано-
2 ник бременский, был посвящен в епископы. В следующее
Посвящение Альберта в епископы за посвящением лето он отправился в Готландию и там набрал до пятисот человек для крестового похода в Ливо-
3 нию. Проезжая оттуда через Данию (Daciam), он получил дары от короля Канута, от герцога Вольдемара и архи-
4 епископа Авессалома. Вернувшись к рождеству в Тевтонию,
Первые пилигримы он на многих возложил знак креста в Магдебурге, где
1199 в это время коронован король Филипп с супругой. На
Дек. 25 судебном заседании у короля ставился вопрос, отдаются ли
5 под опеку папы имущества идущих пилигримами в Ливонию, как это делается для отправляющихся в Иерусалим. Было отвечено, что они принимаются под покровительство апостольского престола, так как папа, назначая пилигримство в Ливонию с полным отпущением грехов, приравнял его пути в Иерусалим.[20]

Второй год епископства Альберта.

(IV) Во второй год епископства Альберт, вместе с графом
1200 Конрадом Дортмундским (de Tremonia), Гарбертом Ибург-

ским (de Yborch)[21] и многими пилигримами, пошел в Ливонию, имея с собой 23 корабля. Войдя в Двину и поручив 2
себя и своих богу, он направился к замку Гольм и, продвигаясь дальше, собирался итти в Икесколу, но когда они поднимались вверх по реке, на них напали ливы, коекого ранили, а священника Николая и других убили. Тем не менее епископ со своими, хоть и не без труда, достиг Икесколы. Братья, жившие там со времени первого епископа, и другие радостно их приняли. Собравшиеся ливы тут же заключили с тевтонами мир на три дня, но только из хитрости: чтобы в это время собрать войско. По заклю- 3
чении мира епископ отправился вниз по течению в Гольм и, полагаясь на мир, послал в Динамюндэ на корабли гонцов за епископским креслом, облачением и другим необходимым. Посланные, взяв что хотели, под покровом будто бы полного мира пошли обратно тем же путем. По дороге, когда они поднялись выше Румбулы (Rumbule), ливы, нарушив мир, жестоко напали на них;[22] один корабль отступил и спасся, а другой был захвачен, и почти все бывшие на нем убиты. Продвинувшись затем к Гольму, ливы осадили епископа с его людьми. Осажденные, не имея пропитания ни для себя, ни для коней, были очень стеснены, но в конце концов, разрыв землю, нашли в разных местах много закопанного хлеба и других припасов. Между тем пришли фризы всего на одном корабле, подожгли нивы ливов и стали, насколько хватало сил, тем и другим вредить им. Ливы, увидев это и боясь бо́льшей опасности, возобновили и подтвердили мир, пошли с епископом и тевтонами к месту Риги, где Ассо и много других получили благодать крещения.

Прибытие в Икскюль. Нападение ливов

Не полагаясь однако, из-за вероломства ливов, на мир, 4
многократно уже ими нарушавшийся, епископ потребовал заложников от Анно, Каупо и старейшин страны. Они были приглашены на пир (potacionem), явились все вместе и были заперты в одном доме. Боясь, что их отправят за море в Тевтонию, они представили епископу около тридцати своих сыновей, лучших, какие были на Двине и

Епископ добивается заложников от ливов

в Торейде. Епископ с радостью принял их и, поручив страну господу, отплыл в Тевтонию.

Отъезд епископа в Германию. Мысль о закладке Риги

5 Перед отъездом ливы указали ему место для города, который назвали Ригой — либо по озеру Рига, либо — по обилию орошения, так как место омывается и свыше и внизу. Внизу — в том смысле, что там много воды и орошенных пастбищ или что там дается грешникам полное отпущение грехов, а тем самым, следовательно омываются они и свыше, удостоиваясь царства небесного; или Рига значит орошенная новой верой, откуда окрестные народы орошаются святой водой крещения.[23]

Второе посольство Теодориха к папе

6 Зная злобу ливов и видя, что без помощи пилигримов, он ничего не добьется с этими людьми, епископ послал в Рим брата Теодориха из Торейды за грамотой на крестовый поход.

Теодорих изложил святейшему папе Иннокентию порученное ему дело, и вышеназванная грамота милостиво была ему вручена.

По его же настоятельной просьбе римский первосвященник строжайше, под страхом анафемы, запретил всем, кто бывает в Семигаллии для торговли, посещать местную гавань.

7 Эту меру затем одобрили и сами купцы; гавань они сообща постановили считать под интердиктом, а всякого, кто впредь вздумает войти туда для торговли, лишать имущества и жизни.[24]

Когда позднее, два года спустя после постройки города, некоторые хотели нарушить это обещание, то сначала все купцы горячо просили их не ездить в Семигаллию. Те однако, пренебрегая апостольским повелением и не считаясь с общим решением купцов, спустились на корабле по Двине. Тогда другие, видя их упорство, подойдя на кораблях, напали на них, и после того как двое, а именно лоцман и капитан, были схвачены и преданы жестокой смерти, прочие принуждены были вернуться.[25]

Третий год епископства Альберта

На третий год своего посвящения епископ, оставив заложников в Тевтонии, возвратился в Ливонию с пилигримами, каких сумел собрать, и в то же лето построен был город Рига на обширном поле, при котором можно было устроить и корабельную гавань. В это время присоединились к епископу благородный Даниил и Конрад из Мейендорфа, получив в бенефиций два замка — Леневардэ (Lenewarde) и Икесколу.[26] (V) 1201 **Второй приезд епископа в Ливонию. Постройка Риги** 2

Между тем куры, услышав о прибытии епископа и возникновении города, отправили в город послов для заключения мира, но не из страха войны, а по внушению Христа. Получив согласие христиан, они закрепили мир, по языческому обычаю, пролитием крови. 3 **Мир с курами**

Волей божьей и литовцы в том же году пришли в Ригу просить мира и тотчас по заключении его вступили с христианами в дружеский союз, а затем следующей зимой, спустившись вниз по Двине, с большим войском направились в Семигаллию. Услышав однако еще до вступления туда, что король полоцкий пришел с войском в Литву, они бросили семигаллов и поспешно пошли назад; поднимаясь по реке, они близ Румбулы нашли двух рыбаков епископа и бросились на них, как хищные волки, а одежду, в какой те были, отняли. После этого рыбаки раздетые прибежали в Ригу и рассказали о перенесенной обиде. Узнав об этом всю правду, пилигримы схватили некоторых литовцев, еще бывших в Риге, и до тех пор держали их в тюрьме, пока рыбакам не возвращено было отнятое. 4 **Мир с литовцами**

Четвертый год епископства Альберта

На четвертый год своего посвящения, поручив город немногочисленным пилигримам, готовым с т е н о й с т а т ь в з а щ и т у д о м а б о ж ь е г о, епископ с прочими пилигримами отправился в Тевтонию. (VI) 1202 **Вторая поездка Альберта в Германию**

После его отъезда прибыл в Ригу, вместе с первыми горожанами, брат его Энгельберт, монах, призванный из 2

Неймюнстера (Novo Monasterio), и с помощью того, кто дает красноречие проповедникам, стал распространять имя христово среди язычников, вместе с братом Теодорихом из Торейды, Алебрандом и прочими братьями, жившими в Ливонии в монашестве.[27]

3 По прошествии недолгого времени братья монастыря пресвятой девы Марии в Риге, ценившие его праведную жизнь и орден, к какому он принадлежал, избрали его настоятелем, так как из того же ордена, из обители Зегебергской избран был и блаженной памяти Мейнард, первый епископ ливов, кто первый, желая их перевоспитать, и учредил в икескольском приходе монастырь.[28]

4 Позднее, в третий год своего посвящения, епископ Альберт перенес эту монашескую обитель и епископский престол из Икесколы в Ригу, посвятив епископскую кафедру со всей Ливонией имени пресвятой богородицы

5 Марии. Он же построил монастырь цистерцианских монахов в устье Двины, назвав его Динамюндэ или Горой святого Николая. Аббатом этой обители он посвятил своего сотрудника в проповедании евангелия, брата Теодериха из Торейды.

О постройке Динамюндэ

6 В это же время брат Теодерих, предвидя вероломство ливов и боясь, что иначе нельзя будет противостоять массе язычников, для увеличения числа верующих и сохранения церкви среди неверных учредил некое братство рыцарей христовых, которому господин папа Иннокентий дал устав храмовников и знак для ношения на одежде — меч и крест, велев быть в подчинении своему епископу.[29]

Учреждение ордена меченосцев

7 Семигаллы, не бывшие в мире с ливами, сожгли церковь гольмскую вместе со всей деревней, долго осаждали и замок, но взять не могли и отступили. Однако бог, желая распространения новому насаждению христианской веры и утверждения мира повсюду, вскоре после этого похода привел семигаллов в Ригу для заключения мира, и тут, после того как мир был закреплен по языческому обычаю, те, кто ранее были врагами тевтонам и ливам, стали их друзьями.

Нападение семигаллов на Гольм и мир с ними

Пятый год епископства Альберта

(VII) 1203

Третий приезд Альберта в Ливонию. Победа у Висби над флотом эзельцев

На пятый год своего епископства, возвращаясь из Тевтонии, епископ взял с собой благородных Арнольда из Мейендорфа, Бернарда из Зеегаузена, брата своего Теодериха, а также многих других почтенных людей и рыцарей. Не боясь, ради божьего дела, вместе с ними испытать и счастье и горе, он вверился волнам морским и, придя в Листрию, область королевства Датского, застал там язычников эстов с острова Эзеля с 16 кораблями:[30] они незадолго до того сожгли церковь, людей перебили или взяли в плен, разорили страну, похитили колокола и церковное имущество, как и вообще до тех пор привыкли поступать и эсты и куры язычники в королевствах Дании и Швеции. Пилигримы готовы были оружием отомстить за ущерб, понесенный христианами, но язычники, узнав, что они идут в Ливонию, и очень испугавшись, солгали, что они заключили мир с жителями Риги, и пользуясь доверчивостью христиан, ускользнули из их рук. Их хитрость, впрочем, не принесла им никакой выгоды, и они позднее *попали в ту самую сеть, какая была для них приготовлена*.[31] Пилигримы с божьей помощью здравыми и невредимыми прибыли в Висби и радостно были приняты горожанами и бывшими там гостями. Несколько дней спустя являются эсты со всей своей добычей. Пилигримы видя их суда, стали укорять горожан и купцов за то, что они позволяют мирно проходить мимо своей гавани врагам рода христианского.
Так как те отвечали уклончиво и предпочитали быть в мире 2
с эстами, пилигримы пошли к своему епископу и стали просить у него позволения сразиться с эстами. Услышав об их желании, епископ старался их отговорить, с одной стороны потому, что в битве с врагами они могли очень пострадать, а с другой и потому, что церковь в стране язычников, ожидающая их прихода, не могла бы возместить их убыли.

Они продолжали всячески настаивать[32] и, рассчитывая на милость божью, не хотели отказаться от своего наме-

рения: утверждали, что нет никакой разницы между эстами язычниками и ливами, и просили, чтобы епископ согласился на их желание и соблаговолил зачесть им это дело в отпущение грехов. Епископ, видя их упорство, решил, что лучше будет, если они пойдут в битву с послушанием, так как послушание лучше жертвы, удовлетворил их желание и разрешил, в отпущение грехов, как они просили, мужественно вступить в бой с язычниками.[33] Пилигримы готовятся смело биться с язычниками во имя христово, крепко вооружаются и поспешно приготовляют корабли к выступлению. Заметив это с своей стороны, эсты отвели восемь разбойничьих судов немного в сторону от других, рассчитывая, когда пилигримы ударят в середину, окружить их и таким образом захватить корабли, против них выступающие. Тевтоны с силой напали на них, взошли на два эстонских корабля и, перебив там шестьдесят[34] человек, привели корабли с грузом колоколов, церковных облачений и пленных христиан к городу Висби. На третий разбойничий корабль перескочил один из тевтонов, весьма сильный, и держа обоими руками обнаженный меч, стал наносить удары во все стороны и уложил один двадцать два человека. Пока он напрягался свыше сил в этой борьбе, оставшиеся еще в живых восемь человек подняли парус, ветер надул его, и боец оказался в плену; его увезли и потом, когда корабли собрались вместе, убили, а корабль, по малочисленности людей, сожгли.

3 Славно закончив таким образом это дело, все пилигримы принесли всемогущему богу благодарность за дарованную им победу, а епископ послал людей и добро, захваченные язычниками у датчан, достопочтенному господину Андрею, лундскому архиепископу.

4 Прибытие в Ригу

Пилигримы не пожелали дольше оставаться в Висби, продолжали свой путь и прибыли в Ригу. Горожане и прочие люди, бывшие в Риге, очень обрадовались их приходу, вышли им навстречу и с мощами торжественно приняли епископа и всех, кто с ним был.[35]

После того брат Теодерих, отправляясь в Тевтонию 5
с пилигримами, в тот год воевавшими в Ливонии, как
божьи крестоносцы, взял с собой одного лива из Торейды,
по имени Каупо, бывшего как бы королем или старейши-
ной ливов; пройдя большую часть Тевтонии, привел его
наконец в Рим и представил папе. Папа принял его весьма 6
милостиво, поцеловал, много спрашивал о положении
народов, живущих по Ливонии, и усердно благодарил
бога за обращение ливонского народа. По истечении
нескольких дней достопочтенный папа Иннокентий вручил
упомянутому Каупо в подарок сто золотых, и когда тот
пожелал вернуться в Тевтонию, простился с ним чрезвы-
чайно ласково, благословил его, а епископу ливонскому
через брата Теодериха послал библию, писанную рукой
святого Григория папы.

Поездка Теодериха и Каупо в Рим

В то же лето внезапно явился в Ливонию король полоц- 7
кий с войском и осадил замок Икесколу. Ливы, не имевшие
доспехов, не посмели сопротивляться и обещали дать ему
денег. Получив деньги, король прекратил осаду. Между
тем тевтоны, посланные епископом с самострелами и
оружием, заняли замок Гольм и, когда пришел король,
чтобы осадить и этот замок, они переранили у него мно-
жество коней и обратили в бегство русских, не решившихся
под обстрелом переправиться через Двину.[36] Король 8
Герцикэ (Gercike), подойдя к Риге с литовцами, угнал
скот горожан, бывший на пастбищах, захватил двух свя-
щенников, Иоанна из Вехты и Вольхарда из Гарпштедта
(Harpenstede), рубивших с пилигримами лес у Древней
Горы, а Теодориха Брудегама, погнавшегося за ним
с горожанами, убил.[37]

Владимир полоцкий осаждает Икскюль и Гольм

Нападение Всеволода кн. Герцика

В это же время один монах, по имени Сифрид, весьма 9
ревностно исполнял свой долг священника, пастыря душ,
в гольмском приходе; он проводил день и ночь в служении
богу и добрым примером своей жизни поучал ливов. Когда,
наконец, после продолжительных трудов, бог положил
счастливый предел его жизни, он умер. Тело его, по обы-
чаю верующих, перенесли в церковь, и множество вновь

обращенных со слезами провожало его. Когда они стали, как дети для любимого отца, делать ему гроб из хорошего дерева, оказалось, что одна из нарезанных для крышки досок на целый фут короче, чем следует. В смущении они долго искали куска дерева, чтобы удлиннить доску, нашли наконец, приладили к доске и хотели уже прибить гвоздем, но сначала приложили ее сверху к гробу, чтобы повнимательнее примерить, и тут увидели, что она удлиннилась не человеческой, а божьей силой и вполне подходит к гробу, как они хотели. Обрадованные этим событием, прихожане бросили напрасно отпиленную доску и, похоронив своего пастыря по обычаю верующих, славословили бога, творящего такие чудеса через своих святых.

Шестой год епископства Альберта

(VIII) 1204

Третья поездка Альберта в Германию

На шестой год епископ, боясь, что город, еще маленький и слабый, из-за малочисленности верующих может оказаться в опасности от козней язычников, вновь отправился в Тевтонию для набора пилигримов. Ревностно исполняя порученное ему дело обращения язычников и путешествуя то в Тевтонию, то обратно, в иные годы он нес большой и почти невыносимый труд.

Набег на Ригу литовцев и ливов

После его отъезда литовцы, ненавистники христиан, вместе с ливами, еще язычниками, из Аскрадэ[38] и Ленневардена, числом до трехсот, подошли к Риге и, захватив городской скот на пастбищах, уже второй раз пытались угнать его. Народу в Риге было тогда еще немного и люди не решались все вместе выйти из города, боясь засад повсюду в окружавших город лесах. Однако, человек двадцать храбрых горожан догнали врагов и потребовали вернуть скот, а потом с приходом рыцарей из города, воззвав к помощи всемогущего бога, вступили в бой с язычниками у Древней Горы. Битва разгорелась и продолжалась до тех пор, пока обе стороны не разошлись от усталости. Некоторые ливы кроме того пошли на судне вниз по Двине, чтобы, пользуясь отсутствием жителей, на-

пасть на город с другой стороны, но бог защитил своих: некоторые вышли из города навстречу им и стрелами обратили в бегство. Так кончилось это дело; литовцы с ливами ушли, захватив всего трех коней, принадлежавших горожанам, а тевтоны, единодушно восхвалив бога за спасение людей и возвращение скота, с радостью вернулись в город.

2 Отплытие на родину пилигримов и бой их с эстами

После того, с приближением зимы некоторые рыцари, а именно Арнольд из Мейендорфа, Бернард из Зеегаузена и некоторые другие, кто, уже второй раз приняв крест, оставались в Ливонии, собрались вернуться в Тевтонию. Приготовив все необходимое для путешествия, они спустили свой корабль накануне дня рождества пресвятой девы Марии, а когда выходили из Двины, волей божьей встретились перед гаванью с другими пилигримами на трех кораблях. На этих кораблях были брат Теодерих и Каупо, возвращавшиеся из Рима; их прибытие порадовало опечаленных жителей Риги, а чем больше радость у христиан, тем сильнее печаль и смущение в массе язычников.

Сент. 8

3

4 Вышесказанные рыцари с товарищами долго бились в морских волнах и наконец достигли областей Эстляндии (Estlandie). Тут эсты, посягая на их жизнь и добро, напали на них с десятью разбойничьими кораблями и двенадцатью другими судами, но бог сохранил своих, и они не потерпели от врагов ни беды ни горя, наоборот один разбойничий корабль был разбит христианами, и язычники — одни были убиты, другие жалким образом утонули в море. Зацепив другой корабль железным крюком, они пытались подтянуть его к себе, но язычники, предпочитая рисковать гибелью в море, чем погибнуть от руки христиан, один за другим побросались с корабля в море, и пока они боролись со смертью, другие корабли отступили и ушли.

Ведь всемогущий бог, хоть и испытывает непрестанно своих избранных, как золото в огне,[39] подвергая их разным бедствиям, но никогда совсем не

оставляет; наоборот, выводя их из всяких несчастий, тем больший страх внушает их врагам.

Идя дальше оттуда с величайшими трудностями, они в течение многих дней особенно страдали от голода, жажды и холода: когда у них оставалось уже совсем немного пищевых припасов, они приняли к себе 50 человек потерпевших крушение христиан, стоявших на берегу, отнеслись к ним сострадательно и истощили свои запасы. Когда им оставалось уже только погибать с голоду, вот каким образом посетил их тот, кто является свыше. Пришел большой купеческий корабль и частью дал, часть продал им съестных припасов: голодные подкрепились и насытились.[40]

Идя дальше, они попали в еще более опасное положение: буря понесла их на опаснейшие скалы, и лишь с большим трудом и страхом удалось им пробраться среди них и уйти.

Ноября 29 В канун св. Андрея они достигли гавани Висби, а оттуда, запасшись съестным, пошли на парусах и приблизились к берегам Дании (Dacie).

Из-за мороза, который был чрезвычайно силен, они не могли пристать к берегу, оставили корабль во льду и, захватив вещи с собой, направились через Данию в Тевтонию.

Седьмой год епископства Альберта

(IX)
1205
Поход литовцев против эстов

На седьмой год, около великого поста, когда те народы обыкновенно больше всего и делают свои набеги, литовцы, числом до двух тысяч конных, двинулись в поход против эстов и, когда они шли вниз по Двине и проходили мимо города, один из них, человек богатый и могущественный, по имени Свельгатэ, свернул к городу вместе с товарищами. В числе других, кто с миром вышли из города ему навстречу, был горожанин по имени Мартин, который угостил его медвяным питьем. Выпив, Свельгатэ догнал ушедшее вперед войско и сказал товарищам: «А вы не видели, как дрожали руки у тевтонов, подносивших нам

мед? До них долетел слух о нашем приходе, и они в таком ужасе, что до сих пор не перестают дрожать. Отложим пока разорение этого города, но если победим области, куда направляемся, то и тут людей возьмем в плен или перебьем, а поселение их уничтожим. Едва ли праха этого города достанется и по горсти нашему народу».[41]

2 Немного дней спустя один из старейшин у семигаллов, по имени Вестгард, услышав о походе литовцев, поспешил в Ригу и стал упрекать тевтонов за то, что враги мирно проходят через их владения: как бы они, говорил он, изучив расположение местности, в будущем не погубили город вместе с его обитателями.

Семигаллы с рижанами выступают против литовцев

Так как тевтоны, по своей малочисленности, не хотели вступать в бой до возвращения епископа, тот же Вестгард, человек воинственный, стал подговаривать их к бою, обещал привести им на помощь побольше семигаллов и просил только дать ему каких-нибудь опытных в военном деле людей, умеющих вести войско и построить его к битве. Тевтоны, видя его твердость, выразили готовность исполнить его просьбу, но с тем условием, чтобы от каждого замка Семигаллии он согласился дать им заложника, какого они выберут. Весьма обрадованный таким ответом, он весело возвратился к своим и, взяв с собой поименованных заложников, собрал достаточно войска. Когда войско было приведено, заложники были переданы в руки тевтонов, и семигаллы, показав таким образом свою верность, получили и помощь и дружбу с их стороны.[42] В самом деле, дружина епископа, братья-рыцари, рыцарь Конрад из Икесколы и другие немногие, кому можно было уйти, вышли из города к войску и стали на возвышенности с семигаллами ждать возвращения литовцев.

3 Между тем в Торейду посланы были умелые гонцы разведать и сообщить о походе врагов. Вышеназванный вождь семигаллов собрал также из отдельных домов в Риге съестные припасы и переправил войску, пришедшему издалека.

Бой с литовцами

Литовцы возвращались с бесчисленным множеством пленных и с массой добычи, скота и коней; вступив в Ливонию и идя потихоньку от деревни к деревне, они свернули, наконец, к замку Каупо и, положившись на мир с ливами, заночевали у них. Разведчики же тевтонские и семигалльские, точно узнавши о их возвращении, сообщили своему войску, а на другой день, вслед за первыми пришли новые известия о том, что литовцы хотят итти кратчайшим путем через Роденпойс на Икесколу. Услышав это, все малева (войско) радовалось, и люди наперерыв стали готовиться к бою.[43] Литовцы шли со всей добычей и пленными, которых было больше тысячи, разделив войско свое на две части и взяв пленных в середину. Так как снег был очень глубок, шли по единственной дороге один за другим. Чуть только шедшие первыми заметили впереди следы они приостановились, подозревая засаду Задние с пленными догнали их и все собрались в одну колонну. Когда семигаллы увидели, какая их масса, то многие оробели и, не решаясь вступить в бой, старались укрыться в безопасные места. Видя это, некоторые тевтоны обратились к рыцарю Конраду с настойчивой просьбой дать им первым вступить в бой с врагами Христа и говорили, что лучше со славой умереть за Христа, чем к позору своего народа бесчестно бежать. Конрад, имевший, как рыцарь, и на себе и на коне хорошую броню, с немногими бывшими налицо тевтонами напал на литовцев, и они, испуганные блеском оружия (так как и бог навел на них ужас), отступили в разные стороны. Когда вождь семигаллов увидел, что литовцы, по милости божьей, пришли в такое смятение, он уговорил и своих мужественно сразиться с ними; тут все войско соединилось, литовцы рассыпались всюду по дороге, как овцы,[44] и около тысячи двухсот у них пало от меча.

4 Теодорих Сциллинг из дружины епископа, наткнувшись на сидевшего в санях Свельгата, того, что собирался уничтожить град божий, пронзил ему бок копьем, а семигаллы, увидев, что он бьется в предсмертных судорогах, отрубили

ему голову, положили на свои сани, куда они складывали одни головы литовцев, и повезли в Семигаллию.[45]

Перебито было много и пленных эстов, так как и они всегда проявляли враждебность по отношению к сторонникам христианства, и таким образом христиане, вместе с язычниками семигаллами, одержали полную победу над обоими этими народами, то есть литовцами и эстами.

После поражения литовцев и эстов тевтоны с семигаллами возвратились к захваченному у обоих этих народов; добыча оказалась несметной: тут и кони, и скот, и одежды, и оружие. Спасенные, по милости божьей, все возвратились домой здравыми и невредимыми, благословляя бога.
Один священник, бывший в то время в плену у литовцев, 5
по имени Иоанн, рассказывал, что там пятьдесят женщин, потерявших мужей, после этого повесились. Это потому, конечно, что они надеялись вскоре же встретиться с ними в другой жизни.[46]

Возложив знак креста в Тевтонии на многих, господин 6
епископ наконец возвратился на корабли. Он взял с собой брата своего Ротмара из Зегебергского монастыря, так как властью благочестивейшего папы Иннокентия ему даровано было право брать в каждой обители одного из братьев, кого захочет, в помощь своим трудам.

Четвертый приезд Альберта в Ливонию

Итак, ведомые тем, *кто повелевает ветрам и морю*, пришли в Ригу, где господин епископ, давно ожидаемый своими, и все воинство пилигримов были с почетом приняты. В этом отряде были: полководец граф Генрих из Штумпенгузена, благородный Коно из Изенбурга и множество других рыцарей, и из Вестфалии и из Саксонии, и прочие пилигримы.[47]

Пользуясь советом и помощью таких людей, епископ 7
желал расширить вертоград господа в стране язычников и потому в устье Двины в Динамюндэ поместил монастырь цистерцианских монахов и поставил у них аббатом вышеназванного брата Теодориха, а к замку Икесколе послал Конрада из Мейендорфа, которому уже ранее дал этот замок в бенефиций, чтобы от него ливы заранее знали

Учреждение монастыря в Динамюндэ

о предстоящем прибытии епископа с некоторыми пили-
гримами, доброжелательно приняли бы его, как дети отца,
и рассудили с ним о мире и о дальнейшем распространении
8 христианства. Ливы, которые, получив от первого ливон-
Замыслы ливов в Икскюле. Сожжение Леневардена
ского епископа Мейнарда благодать крещения, издевались
над верой христовой и не раз, по их словам, уничтожали
ее омовениями в Двине, услышав о приближении епископа,
стали вместе с прочими, еще язычниками, готовиться к бег-
ству и на утро, пригласив к себе вышеназванного Конрада,
втайне замыслили убить его, но *стрела, о которой
знают заранее, меньше ранит*: Конрад, зная о их
хитрости, вышел к ним в полном вооружении, в сопровожде-
нии своих и, когда они затеяли длинные разговоры, он на
каждый вопрос давал подходящий ответ. Между тем подошли
люди, шедшие впереди епископа. Тут ливы, еще более пора-
женные этим, бросились бежать и, пользуясь лодками, под-
нялись вверх по реке к замку Леневарден с женами и малыми
детьми. Этим они ясно показали, что мало думают о ранее
принятом крещении. Пилигримы же, видя, что новооб-
ращенные ливы до такой степени заблуждаются и, *по-
добно псам, возвращаются на блево-
тину*, забывая о принятом когда-то христианстве, полные
ревности о боге, пустились преследовать бегущих. Скоро
однако они заметили, что те, соединившись с другими
язычниками из Леневардена, покинули свои деревни и
ушли вместе в лесные трущобы. Тогда пилигримы, подло-
9 жив огонь, зажгли их город. После того пилигримы пошли
вверх по Двине, а ливы из замка Аскратэ, услышав о проис-
шедшем, скрылись в безопасные лесные места. Так и слу-
чилось, что замок их, по милости божьей, был сожжен,
а они, дав заложников, заключили мир с тевтонами и обе-
щали вскоре притти в Ригу и креститься. Впоследствии
так и было.

Князь Вячко из Кукенойса заключает мир с тевтонами

10 Когда король Вячко (Vetseke) из Кукенойса [48] услышал,
что пришли таким большим отрядом латинские пилигримы
и поселились по соседству всего в трех милях от него,
он, добыв через гонца пропуск от епископа, отправился

к нему на корабле вниз по реке. После рукопожатий и взаимных приветствий он тут же заключил с тевтонами прочный мир, который, впрочем, недолго продолжался. По заключении мира, простившись со всеми, он радостно возвратился к себе.

Когда это все кончилось и пилигримы возвращались 11
своей дорогой, на них в густой заросли близ мемекульской дороги [49] жестоко напали ливы из двух городов, Леневардена и Икесколы, однако большой опасности тут не было, и пилигримы, выйдя из этой стычки, прибыли в Икесколу. Они увидели, что этот город, построенный некогда епископом Мейнардом, хорошо укреплен, но стоит пустым, и нашли, что ливы не заслуживают таких укреплений, так как они, правда, были крещены, но до сих пор оставались бунтовщиками и неверующими. Поэтому они ввели Конрада во владение бенефицием и оставили ему кое-кого из пилигримов, людей смелых и готовых к битвам. Чтобы также позаботиться и о хлебе для него — в запас, на случай войны, они сжали созревшие ливские нивы, кто серпом, кто мечом. Жали все при оружии, так как иначе не могли бы выдержать частых нападений язычников. Когда город был полон хлебом доверху, господин епископ, радуясь этому, поручил богу остающихся там, а с другой частью пилигримов ушел в Ригу.

Нападение ливов на немцев. Занятие Икскюля немцами

Спустя недолгое время после того пилигримы из замка 12
Икесколы вышли как-то для сбора хлеба, и семнадцать человек из них перебито было засевшими в лесу ливами, а некоторые из этого числа принесены были в жертву языческим богам и погибли в ужасных мучениях.

И все же ни этими, ни подобными действиями враги не заглушили голоса христианской проповеди слова божия, а наоборот, по распространению веры могли видеть, что христиане в боях и проповедании веры с каждым днем все более и более крепнут.

Вот почему, все жившие у Двины ливы, упав духом и 13
придя в смущение, дали заложников и помирились с господином епископом и прочими тевтонами, а кто из них еще

Мир с ливами и крещение их

остался в язычестве, обещали креститься. Так, по призыву Христа, народ непокорный и вполне преданный языческим обрядам, мало по малу приведен был под иго господне и, оставив прежний мрак язычества в вере увидел истинный свет, то есть Христа.

После этого им по заслугам разрешено было вновь владеть деревнями, полями и всем, что они, казалось, потеряли не без основания; в укрепление, выстроенное близ Икесколы, они допущены не были; вернулись на свои места также жители Леневардена и Икесколы.

14 В ту же зиму устроено было в центре Риги прекраснейшее представление о пророках для того, чтобы язычники учились начаткам христианской веры, смотря на деяния веры. Содержание этого представления весьма тщательно передавалось переводчиком присутствовавшим новообращенным и язычникам. Когда воины Гедеона стали сражаться с филистимлянами, язычники, боясь, что и их убьют, побежали, но их успокоили и позвали назад.[50]

Мистерия в Риге

Так церковь недолгое время отдыхала в тишине и мире.

Однако это самое представление было как бы началом и предвестием будущего: в этом представлении были войны — Давида, Гедеона, Ирода; было и учение ветхого и нового завета, и действительно, во многих последовавших войнах должно было быть обращено язычество, а в учении ветхого и нового завета оно должно было получить наставления, как притти к истинному миротворцу и жизни вечной.

Восьмой год епископства Альберта

(X)
1206 В начале восьмого года господин епископ, желая снискать дружбу и расположение Владимира, короля полоцкого, какие тот проявлял к его предшественнику, епископу Мейнарду, послал ему через аббата Теодериха боевого коня с вооружением, но по дороге литовцы-разбойники ограбили аббата. И он и спутники его потеряли все, что у них было, но сами остались здравы и невредимы и прибыли к королю. Вступив в город, они застали там ливов, тайно

Епископ шлет дары Владимиру полоцкому. Противодействие ливов сближению и трудное положение рижского посольства

посланных их старейшинами, которые, стараясь склонить короля к изгнанию тевтонов из Ливонии, в льстивых и лживых словах сообщали ему все, что только могли коварно придумать или сказать против епископа и его людей. Они утверждали, что епископ с его сторонниками для них великая тягость, а бремя веры нестерпимо. Относясь к их словам с излишней доверчивостью, король велел всем находящимся в его королевстве как можно скорее готовиться к походу чтобы, взяв необходимое на дорогу, на корабле или на плотах из бревен по течению реки Двины быстро и удобно подойти к Риге. Оттого и вышло так, что тевтонские послы, не зная ни о внушениях ливов, ни о намерениях короля, получили приказ явиться пред лицо короля, а там их, при ливах, спросили, какова причина их прихода. Они объяснили, что пришли ради мира и дружбы, а в это время ливы наоборот заявили, что тевтоны и не хотят и не соблюдают мира. Речь их полна была проклятий и желчи,[51] а короля они больше подстрекали начать войну, чем заключить мир. Боясь однако обнаружить открыто свои тайные 2
намерения, король велел тевтонам удалиться и ждать на подворье, но когда аббат обдумал положение, ему удалось дарами и деньгами подкупить одного из королевских советников, и план, который долго скрывали, тут же и был выдан. Когда он обнаружился, дивное провидение божье помогло аббату, и дела пошли лучше. Аббат с помощью божьей узнал, что в городе есть один бедняк из замка Гольм, нанял его за пол-марки серебра, вручил ему свое письмо и через него сообщил господину епископу рижскому и всей церкви верующих о том, что слышал и видел. Тогда многие пилигримы, собиравшиеся отплыть за море, снова приняли крест и вернулись, да и сам епископ, намеревавшийся уехать вместе с другими, простился с отплывающими и возвратился к своим.

Когда король узнал о поступке аббата, то призвав его, 3
спросил, посылал ли он гонца в Ригу, и тот, не побоявшись короля, признал, что послал письмо через одного человека.

Позднее послы, отправленные из Риги вместе с ним, боясь гнева короля, стали умолять и уговаривать аббата отказаться от своих слов. Он однако, зная, что раз промолвишь, навек улетит невозвратное слово»,[52] ни под каким видом не желал взять назад то, что говорил королю.

Король понял, что так он ничего не добьется, поскольку план его выдан, и замыслил хитрость, раз не удалось действовать военной силой. Ведь тот, кто с видом голубки говорит ласковые слова, иногда ранит так же, как змея в траве.[53]

Полоцкое посольство к епископу. Заговор ливов

Аббата отпустили домой, но вместе с ним отправили русских послов с мирными речами, но коварной мыслью. Выслушав обе стороны, ливов и епископа, они должны были решить, кто прав, чтобы это решение и соблюдалось.

Отпущенные королем послы очень быстро добрались до русского замка Кукенойса и оттуда отправили в Ригу вместе с аббатом одного диакона Стефана (но не первомученника!),[54] приглашали епископа встретиться с послами и назначили для переговоров день 30 мая, а место — близ реки Воги. Остальные, рассыпавшись во все стороны по области, стали звать ливов и лэттов, собственно называемых лэтигаллами, явиться при оружии. Ливы пришли с намерением не столько выполнять волю короля, сколько содействовать гибели христиан.[55] Лэтты же или лэтигаллы, которые, хоть и оставались еще язычниками, но были хорошего мнения о жизни христиан и желали им добра, не явились на эти коварные переговоры, и даже подарки, поднесенные им русскими, не могли склонить их ко злу
4 против тевтонов. Господин епископ, приглашенный на эти переговоры королевским послом, вышесказанным Стефаном, по совету своих дал такой ответ: «Во всех странах, как известно, существует общий обычай чтобы послы, отправляемые своими господами, сами искали того, к кому посланы, и являлись к нему, но никогда государь, как бы скромен или любезен он ни был, не выходит из своих укреплений навстречу послам. Поэтому и послам и их

гонцам надлежит искать нас в нашем городе, где мы со своими могли бы и принять и содержать их с бо́льшим почетом. Итак, пусть пожалуют, ничего не боясь, ожидая почетного приема».

С приближением назначенного дня вооруженные ливы собрались на переговоры у реки Воги. Старейшины же из замка Гольм, зачинщики всего злого дела, пришли к ним на корабле и, пристав к замку Икесколе, стали звать с собой и икескольцев. Тевтоны однако, зная лукавство 5
ливов, отказались сесть на корабль, и те продолжали свой путь, рассуждая с соотечественниками об изгнании христиан.

Собрание ливов и гибель двух разведчиков из Икскюля

Между тем двое икескольцев из новообращенных, а именно Кириан и Лайян, стали усиленно просить Конрада, начальствовавшего в замке, позволить им присутствовать на собрании ливов, чтобы узнать их упорные замыслы и сообщить, какие мероприятия готовят они против христиан; они расчитывали на своих многочисленных родственников и друзей и не боялись итти к грозному вражескому войску. Считая это весьма безразсудным в силу многообразного коварства ливов, Конрад отговаривал их, но затем, уступив настойчивым просьбам, позволил итти. Явившись на собрание, они тотчас были схвачены старейшинами, их стали принуждать отступить от веры христовой и отречься от тевтонов, но те, утвердившись в любви к богу, заявили, что принятую веру они готовы сохранить со всей преданностью, и никакие муки не в силах оторвать их от общения и дружбы с христианами. Из-за этого, понятно, даже родственники так их возненавидели, что ненависть пересилила всю прежнюю любовь:[56] с общего согласия ливов, их обвязали вокруг ног веревками и разорвали пополам, подвергли жестоким мукам, вырвали внутренности, оторвали руки и ноги. Нет никакого сомнения, что за эти страдания они, вместе со святыми мучениками, удостоились вечной жизни.
Тела их покоятся в икескольской церкви, рядом с моги- 6

лой епископов Мейнарда и Бертольда, из коих первый был исповедником, а второй мучеником, как выше было сказано, и пал убитый теми же ливами.[57]

После этого ливы сговорились на том, чтобы, собравшись со всех концов страны, сначала занять ближайший к Риге замок Гольм, а оттуда уже напасть на рижан, весьма малочисленных в то время, и разрушить город. Заключие таким образом договор и союз, но не помня о воспринятых таинствах, забыв о крещении, отвергнув веру, не заботясь о мире и снова начиная войну, вся масса ливов спустилась к Гольму и объединилась вместе с пришедшими на зов некоторыми литовцами из Торейды и из Вейналы.[58]

Убийство в Гольме свящ. Иоанна

7 Далее жители Гольма, *всегда быстрые в кровопролитии*,[59] схватили своего священника Иоанна, отрубили ему голову, а тело изрезали на куски. Он родился в Виронии, ребенком был захвачен язычниками,[60] а достопочтенный епископ Мейнард освободил его и поместил в Зегебергский монастырь учиться священному писанию; когда же он преуспел в этом, то вместе с епископом Альбертом отправился в Ливонию и, удостоившись духовного сана, многих в гольмском приходе обратил от поклонения идолам к христианству. Наконец, после этих трудов он, вместе с двумя другими, Гергардом и Германном, за веру, как сказано, удостоился пальмы мученичества и вечной жизни. Тело его и кости впоследствии были собраны другими священниками и благоговейно погребены господином епископом и его капитулом в Риге, в церкви святой Марии.

Бой с ливами под замком Гольм

8 Когда это произошло и толпы ливов стали стекаться к замку Гольм, некоторые новообращенные — Лембевальдэ и другие, доказали свою верность: оставили жен и семьи в Гольме, а сами отправились в Ригу и, больше желая успеха христианам, чем вероломным ливам, стали советовать господину епископу, как защищаться от врагов.

В течение нескольких дней ливы все оставались в замке, а некоторые из них вышли по направлению к Риге

и стали то коней с пастбищ угонять, то убивать людей, причиняя зло, где и как могли. Некоторые наконец со скуки вернулись по домам, другие же остались. Епископ, услышав, что некоторые ушли, созвал братьев-рыцарей, горожан и пилигримов и спросил, не следует ли что-либо предпринять против ливов. Все решили, что лучше, воззвав к помощи всемогущего бога и поручив ему вновь учрежденную церковь, вступить в бой с ливами в Гольме и лучше всем умереть за веру христову, чем по одиночке что ни день гибнуть в мучениях. Итак, оставив город на попечении господина епископа, все сильнейшие из тевтонов, вооружившись, вместе с рижскими ливами и взяв с собой балистариев и других стрелков, сели на корабль и подошли к замку Гольм на пятый день после пятидесятницы. Увидев их издали, враги не робея бегут навстречу, чтобы защитить берег и не дать им высадиться. Сперва христиане были смущены своей малочисленностью: ведь их было всего 150 человек, а врагов громадное количество, но потом, запев молитву богу о милости, они ободрились и стали высаживаться. Первыми пошли на врагов Арнольд, брат-рыцарь, и с другого корабля — слуги епископа с прочими. Сначала бились в воде, принимая на себя жестокие удары камней, летевших с берега, и вражеских копий, но наконец, храбро сражаясь, овладели берегом. Ливы, не защищенные броней, очень пострадали от стрел, ряды их сбились, и побежденные враги обратились в бегство. Тут одни были перебиты, другие, пытаясь переплыть реку, утонули, иные отступили в замок, некоторые же спаслись вплавь, но не избежали могильного червя.[61] Июня 4

Был среди них князь Ако, их старейшина, виновник всего предательства и всех бед, тот, кто подстрекал короля полоцкого к войне с рижанами, кто собирал литовцев, кто созывал на бой против рода христианского жителей Торейды и всю Ливонию. В числе других был и он убит, а голову его, как трофей победы, послали епископу. Епископ же с клириками, отслужив мессу, со страхом Смерть Ако

божьим и молитвой ждал, не явится ли кто-нибудь сообщить ему, что делается. Сердце его полно было надеждой на бога. И вдруг вдали показалось суденышко: на нем возвращался один из братьев-рыцарей с несколькими ранеными, который и предъявил епископу голову Ако в знак победы. Радуясь со всеми, кто оставался дома, епископ возблагодарил бога, даровавшего церкви своей спасение силами немногих защитников.

9 Между тем христиане подошли к пригородным постройкам, подложили огонь под стены замка и стали метательными орудиями (patherellis) бросать в замок огонь камни.[62]

Сдача Гольма

Балистарии переранили множество народу в крепости, так что, при больших к тому же потерях и убитыми, не стало сил для защиты. Поэтому люди из Торейды стали просить мира, получили согласие и позволение выйти из замка; почти все они оказались переранены. Жители же Гольма, виновники злого дела, принуждены были сдаться, а старейшины их были отведены в Ригу и, по заслугам, брошены в тюрьму.

Прочие же, бывшие в замке, ради таинства крещения, ранее принятого ими, были пощажены, да и потом не терпели ничего дурного.

Все славное, что до этого времени произошло в Ливонии, бог совершил не мужеством многих, а руками немногих, поэтому за многократные победы да будет благословен бог во веки.

Голод в Риге. Занятие Гольма

Был голод в то время и сильный недостаток съестного в городе, но тут бог послал епископского священника Даниила с двумя грузовыми судами (coggonibus) из Готландии, до верху полными хлеба и прочих необходимых вещей. Того же Даниила епископ отправил со своим воеводой Гевегардом, балистариями[63] и некоторыми другими занять вышеназванный замок Гольм, чтобы ливы впредь не могли сопротивляться там христианам, зовя на помощь русских и язычников. Старейшин же гольмских епископ впоследствии повез с собой в Тевтонию,

чтобы, познакомившись там с христианскими обычаями, научились быть верными и те, кто всегда были неверными.

10 Нападение рижан с семигаллами на Торейду

После того рижане, помня обо всех обидах, причиненных им жителями Торейды, еще язычниками, и о частом нарушении ими мира, призвали на помощь семигаллов, чтобы отомстить врагам. Семигаллы, всегда относившиеся враждебно к жителям Торейды, обрадовались и пошли навстречу рижанам с князем своим Вестгардом в количестве около трех тысяч человек. Продвинувшись вперед к Койве,[64] рижане разделили свое войско и половину отдали Каупо, бывшему предводителем. Дело в том, что он, по возвращении из Рима, стал преданнейшим человеком, из-за преследований со стороны ливов бежал в город и почти весь тот год оставался с христианами.

Другую половину войска они послали в направлении Дабрела. Каупо пошел с войском к своему замку, где были его родные и друзья, язычники. Когда они вдруг увидели неожиданно появившееся войско, их охватил страх и лишь немногие взошли на стены защищать замок, большинство же перелезло через вал в задней части замка и бежало в леса и горные места.[65] Христиане мужественно осадили замок и наконец храбро взошли на валы. Враги были побеждены и прогнаны из укреплений, христиане вступили в замок и, преследуя там язычников, до пятидесяти человек убили, а прочие спаслись бегством. Захватив все имущество и большую добычу, замок зажгли. Когда ливы, бывшие по другую сторону Койвы в замке Дабрела, заметили столб дыма и огня и увидели, что замок Каупо горит, они, боясь, что с ними и с их замком будет то же, собрали всех в замок, взошли на крепостной вал в ожидании неприятеля и встретили его, храбро сопротивляясь. Дабрел, их старейшина, ободрял их и поддерживал, говоря, как филистимляне: «Крепитесь и сражайтесь, филистимляне, чтобы не стать рабами евреев».[66] Пилигримы, целый день осаждавшие замок вместе с семигаллами, не могли взять его; некоторые из них пытались с немногими взойти

с другой стороны, но потеряли там пятерых человек убитыми.[67]

Увидев, что замок весьма крепок и неприступен, отступили, опустошив область, вернулись к своим и, остановившись под Ригой вместе с остальным отошедшим войском, разделили всю взятую добычу. Епископ, возблагодарив бога, отпустил по домам радостных семигаллов.

11 После этого, возобновив мир с ливами, епископ собрался ехать в Тевтонию, но выйдя в море, целую ночь бился под страшной бурей, а на следующий день его снова пригнало в Двину. Несколько дней он наслаждался отдыхом, не жгло его и солнце счастья днем, не печалила и луна неудачи ночью,[68] но не отступал он от божьего дела ни на суше, ни на море. Принеся богу благодарность, он снова пустился в те же опасности, каких избежал, и, пользуясь посланной богом тишиной, отправился в Алеманию собирать пилигримов для защиты церкви.

Четвертая поездка Альберта в Германию

12 Позднее кое-кто из ливов, упорствуя в коварстве, известили короля полоцкого через гонцов об уроне, понесенном своими, и просили притти на помощь им против тевтонов, пользуясь в особенности временем, пока в Риге оставалось немного людей, а другие уехали с епископом. Слушаясь их зова и советов, король собрал войско со всех концов своего королевства, а также от соседних королей, своих друзей, и с великой храбростью спустился вниз по Двине на корабле.

Поход на Ригу Владимира полоцкого. Осада Гольма

При высадке у Икесколы многие из них были ранены балистариями рыцаря Конрада. Заметив, что тевтоны находятся в замке, пошли дальше и, внезапно подойдя к замку Гольм, окружили его со всех сторон. Ливы же, не знавшие о приходе войска, одни побежали и скрылись в леса, другие присоединились к тевтонам и заперлись в замке, балистарии взошли на валы и переранили множество врагов. Русские с своей стороны, не знавшие применения балисты, но опытные в стрельбе из лука, бились много дней и ранили многих на валах; они собрали большой костер

из бревен и старались поджечь укрепления, но старания эти были напрасны, а при сборе леса многие из них пали раненые балистариями. Поэтому король послал гонцов к жителям Торейды, к лэттам и к окрестным язычникам, чтобы все они выступали в поход против рижан. Люди из Торейды тотчас же с радостью собрались к королю, и было поручено пришедшим единственное дело: собирать дрова для поджога замка, а так как защитного вооружения они не имели, то при собирании дров великое множество и было перебито неожиданными выстрелами. Лэтты же и сами не пришли и гонцов не прислали. Устроили русские и небольшую метательную машину, по образцу тевтонских, но, не зная искусства метать камни, ранили многих у себя, попадая в тыл. Тевтоны, по своей малочисленности (их было всего двадцать человек), боясь предательства со стороны ливов, которых много было с ними в замке, днем и ночью оставались на валах в полном вооружении, охраняя замок и от друзей внутри и от врагов извне. Ливы же ежедневно все искали с королем способа, как бы захватив их хитростью, предать в руки русским, и если бы продлились дни войны,[69] то едва ли рижане и жители Гольма, при своей малочисленности, могли бы защититься.

В Риге боялись и за положение города, так как сооружения его еще не были крепки, боялись и за дела вне города, за своих, осажденных в Гольме.[70]

Между тем к королю вернулись некоторые ливы-разведчики и сказали, что все поля и дороги вокруг Риги полны мелкими железными трехзубыми гвоздями; они показали королю несколько этих гвоздей и говорили, что такими шипами тяжко исколоты повсюду и ноги их коней и собственные их бока и спины.[71] Испугавшись этого, король не пошел на Ригу, и спас господь надеявшихся на него. Торейдцы же, увидев корабли в море, сообщили королю, и тот, не только не добившись успеха в одиннадцатидневной осаде замка, но скорее даже пострадав в силу потери своих, боясь в то же время прибы-

тия тевтонов, поднялся со всем своим войском, взяв раненых и убитых, и возвратился на корабле в свою землю. Гевегард, воевода епископа, умер после от небольшой раны, а прочие, оставшись здравы и невредимы, благословляли бога, который и на этот раз руками немногих защитил свою церковь от неприятеля.

13 В это же время король Дании высадился на Эзеле с большим войском, которое собирал уже в течение трех лет. С ним был и архиепископ лундский Андрей, который, давая отпущение грехов, отметил знаком креста бесчисленное множество людей, чтобы отомстить язычникам и подчинить их вере христианской.

Неудача датского предприятия на Эзеле

Они построили замок, но так как не нашлось никого, кто решился бы остаться там для защиты против нападений язычников, то замок сожгли, а король со всем войском вернулся в свою страну. Упомянутый же архиепископ лундский, епископ Николай [72] и вся их дружина на двух кораблях, нагруженных съестными припасами, повернули в Ригу и при входе в Двину благоговейно были приняты настоятелем св. Марии Эггельбертом и всей его братией. Услышав о великих испытаниях церкви и о вторичном спасении ее богом, они с сочувствием и поздравляли и радовались, благословляя бога за то, что он неизменно сохраняет церковь свою среди язычников при столь малом числе защитников. После того архиепископ стал, созывая всех клириков, объяснять им богословское учение и читать псалтырь, и так они всю зиму провели в божественном созерцании. И недаром за войнами следовали богословские поучения, так как тогда же после упомянутых войн, была обращена и крещена вся Ливония.

Мир с ливами

После ухода русского короля с войском, страх божий напал на ливов по всей Ливонии; жители Торейды и двинские ливы отправили послов в Ригу и просили о мире.[73] Людям из Торейды напомнили все зло, какое так часто делали они во время мира, нарушая мир: многих перебили, причинили много вреда Каупо, который покинул их и всегда сражался вместе с христианами; имения его разо-

рили пожаром, поля отняли, ульи переломали, а сверх того и против рижан предпринимали много войн. Поэтому в мире им было отказано и по заслугам, так как, не умея быть сынами мира, они всегда только нарушали его. Они тем не менее стали настоятельно просить крещения, обещая принять священников и во всем им повиноваться. Ливы же из Леневардена для примирения с господином Даниилом, давно уже получившим этот замок в бенефиций, обещали каждый год давать по пол-таланта ржи с плуга. Это они с тех пор и до сего дня платят.[74]

Рижский настоятель, по указанию архиепископа, взяв заложниками сыновей лучших людей по всей Ливонии, послал священников на проповедь. Первый из них Алебранд, отправившись в Торейду, просвещал людей словом проповеди и таинством крещения, разграничил приходы и построил церковь в Куббезелэ. 14

Проповедники в Куббезелэ, Метсеполэ и др.

Священник Александр направлен был в Метсеполэ.[75] Окрестив всю ту область, он остался там жить, сея семя евангельское, и начал строить церковь. Священник Даниил, который некоторым образом был испытан при осаде гольмского замка, послан был в Леневарден. Жители приняли его хорошо и были им крещены. Пройдя в деревню, называвшуюся Сидегундэ,[76] он тотчас созвал народ слушать слово божье. Из лесной глуши пришел ночью один лив и рассказал ему о своем видении: «Я видел, говорит, бога ливов, который предсказал нам будущее. Образ его от груди и выше рос из дерева и сказал мне, что завтра придет литовское войско. Боясь этого войска, мы и не смеем собраться». Священник понял, что это уловки демона, потому что в то осеннее время уже не было дороги, по какой могли бы притти литовцы, и став на молитву, поручил себя богу. Когда настало утро, а о том, что́ ливу предсказал призрак, не было никаких известий, все собрались; священник, осудив идолопоклонство, объяснил, что такого рода видения — не что иное, как уловки злого духа, и стал проповедывать единого бога, творца всех вещей, единую веру и единое крещение;[77]

этим и подобными речами он звал их к почитанию единого бога. Выслушав это, они отреклись от диавола и дел его, обещали верить в бога и крестились все, кому это предназначено было богом. Окрестив жителей Ремина,[78] он пошел в Аскраду и, когда все там с радостью приняли слово божье, он совершил таинство крещения и возвратился в Торейду в замок Дабрела, где и был ласково принят жителями. Посеяв и тут семя слова божия, он обратил и окрестил их, а потом, оставив эту область, прошел к вендам. Венды в то время были бедны и жалки: прогнанные с Винды, реки в Куронии, они жили сначала на Древней Горе, у которой ныне построен город Рига, но оттуда были опять изгнаны курами; многие были убиты, а остальные бежали к лэттам, жили там вместе с ними и очень обрадовались приходу священника.[79] Обратив и окрестив их, священник поручил господу насажденный виноградник и за-
15 сеянное поле, а сам вернулся в Ригу. Позднее он был послан к идумеям, крестил там множество идумеев и лэттов, построил церковь над Ропой [80] и, оставаясь там, указывал людям путь к вечной жизни.

Соединение дел духовного и мирского суда в руках свящ. Алебранда

Торейдцы же, по принятии таинства святого крещения со всеми духовными законами, стали просить своего священника Алебранда, чтобы он судил их не только в делах духовных, но и в гражданских, в так называемом мирском праве, по христианским законам. Племя ливов некогда было весьма вероломно, каждый отнимал у своего ближнего, что тот имел, для крещеных же стали запретными такие насилия, грабежи, кражи и тому подобное. Те, кто до принятия крещения были ограблены и горевали о потере своего добра, которое теперь, крестившись, уже не смели силой добывать обратно, добивались мирского суда для решения дел этого рода. Поэтому священнику Алебранду с самого начала было поручено разбирать, как духовные дела, так и гражданские, и он, ради дела божьего и своих грехов, честно исполнял порученную ему обязанность: карая кражи и грабежи, возвращая несправедливо отнятое, он указывал ливам путь праведной жизни.

В первый год ливам нравился этот христианский порядок, потому что дело суда выполнялось честными людьми, но позднее по всей Ливонии и Лэтигаллии и Эстонии все было испорчено действиями разных гражданских судей-мирян, которые, выполняя судейские обязанности, больше заботились о наполнении своих кошельков, чем о божьей справедливости.

В ту же зиму было затмение солнца, продолжавшееся значительную часть дня.[81] 16 Затмение солнца

Епископ Альберт между тем обходил в Тевтонии каждый квартал, улицу и церковь, ища пилигримов. Пройдя Саксонию и Вестфалию, он прибыл наконец ко двору короля Филиппа и, так как не ожидал помощи ни от какого короля, обратился к империи и получил от империи Ливонию, после чего блаженной памяти король Филипп обещал давать ему каждый год пособие в сто марок, но от обещаний никто богатым не бывает.[82] 1207 Февраля 28 17 Епископ Альберт получает Ливонию в лен от императора

Девятый год епископства Альберта

На девятый год вся Ливония была крещена, церковь наслаждалась тишиной и миром, спокойно ожидая прибытия своего епископа. Архиепископ лундский и канцлер, собравшись со своими в обратный путь, в вербное воскресение достигли Готландии и отпраздновали торжественный день святой пасхи в своей стране. (XI) 1207 Апреля 15 Апреля 22

Рижский епископ прибыл в Ригу в день пятидесятницы и радостно был всеми встречен. С ним прибыл граф Годескальк Пирмонт (Peremunt), другой граф и еще множество пилигримов, благородных и почтенных людей. Радуясь миру церкви, они настолько подняли высоту городских стен, что с тех пор набеги язычников стали не страшны. Июня 10 Возвращение епископа в Ригу

Когда король Кукенойса Вячко (Vesceka) услышал о прибытии епископа и пилигримов, он вместе со своими людьми вышел им навстречу и по прибытии в Ригу был принят всеми с почетом. Проведя в самой дружественной обстановке в доме епископа много дней, он наконец попросил епископа помочь ему против нападений литовцев, 2 Приезд Вячко в Ригу. Передача им епископу половины своей земли

предлагая за это половину своей земли и своего замка. Это было принято, епископ почтил короля многими дарами, обещал ему помощь людьми и оружием, и король с радостью вернулся домой. После того, порадовавшись обращению и крещению ливов, епископ послал к ним священников и в Торейду, и в Метсеполэ, и в Идумею, и на Двину; везде были выстроены церкви, и священники размещены по приходам.

Требование меченосцев о предоставлении им третьей части сделанных и будущих завоеваний

3 В то же время господь с каждым днем все увеличивал дружину братьев рыцарства, и стали они думать, что, сообразно росту их числа и трудов, должны возрастать имущество и владения их так, чтобы те, кто на войне и в других непрерывных трудах несут на себе всю тяжесть дневных забот, получали вместе с тем и вознаграждение за свой труд, дневную плату.[83] Поэтому они стали просить у господина епископа, ежедневно настаивая, третью часть всей Ливонии и других земель или окрестных народов, которые еще не были обращены, но впоследствии, через них и других рижан, будут приведены богом в христианскую веру; они хотели таким образом, подвергаясь бо́льшим расходам, пользоваться и бо́льшими доходами. Отечески заботясь о людях, которые днем и ночью стеной стояли за дом божий, и стремясь увеличить их число, епископ решил вознаградить их за труды и расходы и уступил им третью часть одной Ливонии, а так как сам он получил Ливонию от императора со всеми правами господства, то и их третью часть отдал им с полными правами и властью. Что же касается еще не приобретенных и не обращенных земель, то так как он не мог дарить, чего не имеет, то вполне основательно отказал. Те однако всячески настаивали на своей просьбе, и она в конце концов была впоследствии доведена до сведения верховного

Решение папы и раздел Ливонии

первосвященника. Он же, поручив богу вопрос о землях, еще не приобретенных, утвердил за ними третью часть приобретенных, но оставил епископу четверть десятины с их долей в знак подчинения. Итак, по предложению епископа братья-рыцари разделили Ливонию на три части и ему,

как отцу, предоставили первому выбор. Он прежде всего взял область Каупо, то есть Торейду, потом они выбрали себе область по ту сторону Койвы, а третья область Метсеполэ осталась епископу. За области или имения, уже ранее данные в бенефиций другим, братья-рыцари впоследствии получили полное вознаграждение в иных местах.[84]

После такого раздела Ливонии, епископ послал священников в свои области, а братьям рыцарства предоставил заботиться об их областях.

В тот же год послан был некто Годфрид, рыцарь пилигрим, в Торейду для выполнения судейских обязанностей по мирскому праву. Объезжая приходы и решая дела и тяжбы, он собрал массу денег и подарков, немного уделил епископу, а большую часть оставил себе. Огорченные этим некоторые другие пилигримы взломали его сундук и нашли там девятнадцать марок серебра — часть добра, воровски набранного, тогда как многое другое уже было растрачено им. 4

Беззакония торейдского судьи Годфрида

Так как он действовал несправедливо, извращая правосудие, притесняя бедных, оправдывая виновных и обирая новообращенных, то праведный суд божий и привел его к великому позору для устрашения других, а по иным известиям он погиб постыднейшей смертью.[85]

После того литовцы, помня обо всех, кто были у них убиты два года тому назад рижанами и семигаллами, послали по всей Литве собирать большое войско. Целую ночь в канун рождества господня переправлялись они через Двину, пришли в Торейду и, рано утром перейдя Койву, рассыпались по деревням. Область, ничего не слышавшую о близости врагов, они застали врасплох, многих перебили, а еще большее число увели в плен.[86] 5

Нападение литовцев на Торейду

Дек. 24

В церкви Куббезелэ в самый день рождества господня отправляли богослужение для ливов два священника, а именно Иоанн Штрик и другой — Теодорих со своим слугой. Когда, по окончании первой мессы, Иоанн служил уже вторую, прихожане, услышав, что идет войско, убежали из церкви, некоторые скрылись в лесные убежища, Дек. 25

другие же, спеша домой, были схвачены по дороге и очень многие перебиты.

Когда было кончено последование [87] и читалось евангелие, литовцы на своих быстрых конях уже носились кругом церкви, то с одной, то с другой стороны, но так как бог хранил своих, в церковь не вошли, а поскакали к дому священника, захватили лошадей и скот, а одежду, съестное и все, что нашли, нагрузили на сани. Грабя приходский двор, они задержались надолго, а в это время священник в церкви окончил святое таинство тела и крови господних и, не колеблясь сам отдаться в жертву, поручил себя господу. С ним оставались неизменно верные — священник Теодорих, помогавший ему в богослужении, и слуга, который стерег двери. Они ободряли священника, уговаривая не оставлять в небрежении божественную службу из страха перед язычниками. Когда по милости божьей месса была кончена, они сняли все покровы одежды с алтаря, сложили их в углу ризницы, в том же углу сели сами и спрятались. Едва они это сделали, как уже в церковь явился один из врагов, обежал все кругом, был уже почти в ризнице, но, увидев обнаженный алтарь и не найдя ничего, что можно присвоить, сказал: «Ба!» и пошел к своим. Захватив таким образом все, что нашли, литовцы пошли обратно своей дорогой, но едва они вышли из приходского двора, как явилась другая толпа их же, еще больше первой, и найдя дом опустошенным, бросилась вслед ушедшим; один из них появился и в церкви, не сходя с коня, но видя, что грабить нечего, а о спрятавшихся в углу не зная, и этот поспешил уйти обратно. Когда затем пришел третий отряд, один из литовцев проехал через церковь на санях, но священников не видел. Принеся благодарность богу, сохранившему их здравыми и невредимыми перед лицом язычников, они, по уходе врагов, под вечер вышли из церкви, побежали в лес и, три дня не евши хлеба, на четвертый пришли в Ригу.

Литовцы же, разграбив всю окрестную область, ночью собрались все вместе в деревне Анно и рано утром ушли

из страны, забрав с собой женщин, малых детей и большую добычу. В самую ночь рождества господня ливы, отправив гонцов, сообщили епископу, что литовское войско вступает в Ливонию, а потом гонцы, следуя один за другим, стали доносить об избиении и пленении людей, опустошении храмов и обо всем том вреде, какой причинили язычники вновь основанной церкви. Услышав об этом, епископ созвал пилигримов, братьев-рыцарей, купцов и всех своих и убеждал их, ради отпущения грехов, стать стеной за дом господень и освободить церковь от врагов.

Все повиновались и стали готовиться к бою. Повсюду к ливам и лэттам послали сказать с угрозой: «Всякий, кто не пойдет и не присоединится к христианскому войску, уплатит три марки пени».

Битва рижан с литовцами у Аскрадэ

Страх напал на тех и они покорно вышли навстречу рижанам к Двине. Поднявшись в Леневарден, все собрались вместе и стали в молчании ждать, не выходя из города, возвращения литовцев, а разведчиков послали разузнать о их движении. Литовцы встретились разведчикам у Леневардена со всеми пленными и добычей, а ночью по льду перешли Двину. Предводитель войска со своими спутниками подъехал ближе к замку и, вызвав старшего, спросил, где собрались христиане, и сказал: «Поди, извести христиан, которые два года назад перебили, как во сне, мое войско, возвращавшееся из Эстонии, что теперь они найдут и меня и людей моих бодрствующими». Услышав это, христиане поспешили на битву господню, рано утром выступили вслед за врагами и в третьем часу,[88] перейдя Двину у Аскрадэ, нашли их там. Когда язычники увидели, что те их преследуют, они, в ужасе перед неизбежным, громко закричали все вместе и, созвав своих, повернули навстречу христианам. Не испугавших их крика и численности, но полагаясь на бога, христиане с поднятыми знаменами ударили на них и, убивая направо и налево, начали бой, разгоревшийся потом с обеих сторон. Литовцы, превосходящие другие народы быстротой и жестокостью, обещавшие бодрствовать в ожидании битвы, долго и храбро

сражались, но в конце концов повернули тыл и оказались столь же быстры в бегстве, как и в бою: одни убегали в лес, другие по дорогам, бросив пленников и добычу. Христиане преследовали их целый день и многих перебили, другие же спаслись бегством. Вернувшись затем к добыче, они освободили от пут женщин и малых детей новообращенных и всех других пленных, а когда собрались все новообращенные — и ливы и лэтты с тевтонами, принесли богу благодарность о потерянной и найденной овце[89] или об овцах, вырванных из пасти волчьей, разделили добычу и отпустили всех пленных на свободу к их друзьям.

6 Осада и сдача Сельбурга

После того как господь избавил церковь свою от нападения язычников, епископ, боясь, что по отъезде его они так же опустошат и всю Ливонию, задумал разрушить замок селов (Selonum),[90] который всегда и при отступлении и при наступлении служил им убежищем. Послав своих гонцов по всей Ливонии и Лэтигаллии, которые уже присоединились к христианству, он звал всех в поход. Собрав большое войско, епископ послал аббата Теодериха и настоятеля Эггельберта со всей своей дружиной и пилигримами, а также братьями рыцарства христова взять замок селов. Они направились к Аскрадэ и, перейдя Двину, наткнулись на непогребенные тела убитых литовцев; прошли, ступая по ним, и, двигаясь в полном порядке по дороге, приблизились к замку селов. Осадив его, много народу кругом на укреплениях переранили стрелами, многих взяли в плен по деревням, еще большее число убили; собрав дрова, зажгли большой огонь. Не давая осажденным передышки ни днем, ни ночью, привели в ужас селов. Тогда, тайно вызвав старейшин войска, те стали просить мира. Им ответили: «Если вы хотите истинного мира, откажитесь от идолопоклонства, примите в ваш замок истинного миротворца — Христа, креститесь и впредь не пускайте в ваш замок литовцев, врагов христианства». Эти предложения были приняты. Дав заложников, они обещали принять таинство крещения и, прогнав литов-

цев, во всем повиноваться христианам. Получив в заложники их сыновей, войско успокоилось. Аббат и настоятель с другими священниками пошли к ним в замок, наставляли их в начатках веры, окропили замок святой водой и поставили в крепости хоругвь пресвятой Марии. Радуясь обращению язычников и славя бога за успех церкви, они весело возвратились с лэтигаллами и ливами в свою область.

В то же время священник Алебранд с некоторыми другими послан был в Унгавнию [91] вернуть купеческое добро, отнятое давно уже, еще до постройки Риги. Купцы ехали в санях от Двины по направлению ко Пскову (Plicecowe), и жители Унгавнии, по совету ливов, ограбили их по дороге, а добра было много — на девятьсот марок и больше. Жители Унгавнии и добра не вернули, и о возвращении его в будущем не дали точного ответа. Возвращаясь с таким малым успехом, Алебранд по дороге обратился к лэтигаллам, живущим у Имеры,[92] убеждая их принять крещение, тем более, что вся Ливония и многие из лэтигаллов уже приняли слово божие. Те обрадовались приходу священника, так как литовцы часто разоряли их, ливы всегда притесняли, а от тевтонов они надеялись на помощь и защиту. Слово божье они приняли с радостью, но прежде всетаки бросили жребий, желая знать волю богов, принять ли им крещение от русских из Пскова, как другие лэтигаллы из Толовы,[93] или от латинян. Дело в том, что русские в это время приходили крестить своих лэтигаллов в Толове, всегда бывших их данниками. Жребий пал на латинян, и новокрещенные причислены были с ливонской церковью к рижанам. Алебранд окрестил некоторые деревни, вернулся в Ригу и сообщил епископу Тот, порадовавшись вместе с ним и неизменно заботясь о церкви, посвятил в духовный сан своего ученика Генриха [94] и отправил его с Алебрандом снова туда же. Алебранд, совершив крещение в той области, возвратился, а другой, построив церковь и получив ее в бенефиций, остался там с ними жить, подвергаясь многим опасностям, но не уставая указывать им путь к будущему блаженству.

7 Посольство Алебранда в Унгавнию Крещение лэттов

8 В это время возник раздор между королем Кукенойса и рыцарем Даниилом из Леневардена. Этот король причинял много неприятностей людям Даниила и, несмотря на неоднократные увещевания, не переставал их беспокоить. Однажды ночью слуги Даниила поднялись вместе с ним самим и быстро двинулись к замку короля. Придя на рассвете, они нашли спящими людей в замке, а стражу на валу мало бдительной. Взойдя неожиданно на вал, они захватили главное укрепление; отступавших в замок русских, как христиан, не решились убивать, но угрозив им мечами, одних обратили в бегство, других взяли в плен и связали. В том числе захватили и связали самого короля, а все имущество, бывшее в замке, снесли в одно место и тщательно охраняли. Позвали господина своего Даниила, бывшего поблизости, и он, желая выслушать совет епископа об этом деле, сообщил обо всем рижанам. Епископ вместе со всеми своими был очень огорчен и не одобрил сделанного, велел вернуть короля в его замок и возвратить ему все имущество, затем, пригласив короля к себе, с почетом принял его, подарил ему коней и много пар драгоценной

Нападение Даниила из Леневардена на князя Вячко

1208 одежды; во время праздника пасхи самым ласковым образом
6 Апр. угощал его и всех его людей и, усыпив всякую вражду между ним и Даниилом, с радостью отпустил его домой.

Помня также о том, что̀ обещал королю, когда принимал от него половину замка, епископ послал с ним двадцать человек с оружием и конями, людей деятельных — рыцарей и балистариев, а также каменщиков, чтобы укрепить замок и защищать его от литовцев. Все их расходы и нужды он предусмотрел заранее.

С ним возвратился в Кукенойс и король, веселый по внешности, но с коварным замыслом в душе. Епископ остался в Динамюндэ и, по принятому обыкновению, собирался ехать в Тевтонию для набора пилигримов на следующий год, так как те, для кого уже кончился годовой срок пилигримства, готовились возвратиться в Тевтонию и давно уже стояли в Динамюндэ, только посланный богом противный ветер не давал им отплыть.

Между тем вышеупомянутый король (regulus)[95] вернулся в Кукенойс и, не сомневаясь, что епископ с пилигримами уже отплыл, отлично зная также, что и в Риге осталось очень немного народу, не мог далее скрывать в душе свои вероломные козни. Посоветовавшись со своими людьми, он дождался удобного времени и дня, когда почти все тевтоны ушли на свою работу: они рубили камень во рву для постройки замка, сложив наверху на краю рва мечи и вооружение и не опасаясь короля, как своего отца и господина; вдруг прибежали слуги короля и все его люди, схватили мечи и оружие тевтонов и многих из них, без оружия и доспехов занимавшихся своим делом, перебили. Кое-кто из них бежали, не останавливаясь ни днем, ни ночью, чтобы рассказать, что случилось, и добрались наконец до Риги. 9

Месть Вячко

Убито было семнадцать человек, а трое спаслось бегством. Трупы убитых, бросив в Двину, послали рижанам и те, вынув из воды тела погибших на службе божьей, благоговейно и со слезами похоронили их. После этого тот же король послал великому королю Владимиру (Woldemaro)[96] лучших тевтонских коней, балисты, панцыри и тому подобное, а вместе с тем просил и советовал собрать войско как можно скорее и итти брать Ригу, где, сообщал он, осталось мало народу, причем лучшие убиты им, а прочие ушли с епископом.

Сношения Вячко с Владимиром полоцким

Услышав об этом, Владимир с излишней доверчивостью созывает всех своих друзей и людей своего королевства. Между тем епископ, задержанный в Динамюндэ противным ветром, узнав о том, что люди его перебиты, а церковь предана, собрал всех пилигримов, со слезами рассказал им об уроне, понесенном церковью, и звал их мужественно стать на защиту и на помощь церкви, снова приняв на себя крест; уговаривая их, он подтвердил полное отпущение и тех грехов, что ранее были забыты, обещая за бо́льшие труды их долгого пилигримства бо́льшее отпущение грехов и вечную жизнь. В ответ на это триста человек из лучших снова приняли крест и решились вер-

нуться в Ригу — стать стеной за дом господень. Сверх того епископ отослал в Ригу и много нанятых за плату людей. Все тевтоны, рассеянные в разных местах по Ливонии, вместе с другими старейшинами ливов, собрались в Ригу на защиту церкви. Когда русские услышали, что тевтоны и ливы собрались в Риге, они, боясь за себя и за свой замок, зная, что поступили дурно, и не смея дожидаться прихода рижан в замке, собрали свое имущество, поделили между собой коней и оружие тевтонов, подожгли замок Кукенойс и побежали каждый своей дорогой. Лэтигаллы и селы, жившие там, скрылись в темные лесные трущобы, а не раз упоминавшийся король, зная за собой злое дело, ушел в Руссию, чтобы никогда больше не возвращаться в свое королевство.[97]

Отступление русских

Десятый год епископства Альберта

(XII)
1208

Пятая поездка епископа в Германию

Когда все это таким образом кончилось, епископ уже на десятый год своего посвящения, поручив свою ливонскую церковь богу, пилигримам и всем живущим в Ливонии христианам, отправился в Тевтонию по разным церковным делам, чтобы собрать и пилигримов и разное другое в помощь новой пока и во многом нуждающейся церкви. Объезжая с проповедью много мест, он перенес немало трудов. Те же, кто остались в Риге, ободряли друг друга и, мужественно взявшись за дело, стали укреплять город со всех сторон. Узнав о сожжении замка Кукенойс и бегстве русских, послали кое-кого преследовать их. Среди них Мейнард и некоторые другие из слуг епископа догнали беглецов, немало их нашли по лесам и болотам, а именно лэтигаллов и селов, данников короля, единомышленников и сотрудников его в измене и убийстве тевтонов, захватили и некоторых русских, взяли добычу и имущество их, а также отняли назад и кое-какое тевтонское оружие. Всех, кого нашли из числа виновных в единомыслии измене, предали по заслугам жестокой смерти и истребили изменников в той области.

Избиение рижанами лэттов и селов, союзников Вячко

2 В это время рижане и христиане, бывшие в Ливонии, желали мира и не было его; искали блага и видели лишь смятение.[98] После бегства русских они надеялись, что избегли Харибды, но впереди еще грозила опасностью Сцилла. Вестгард, вождь семигаллов, все еще помня о поражениях и многих бедствиях, испытанных им от литовцев на всем пространстве Семигаллии, и готовя поход против них, стал усиленно просить помощи у христиан в Риге, упоминая, что в другой раз он приходил на помощь рижанам для покорения других язычников; сверх того он указывал, что жребий его богов выпал в благоприятном смысле.

Поход рижан с семигаллами на литовцев

Старейшины рижан, не обращая внимания на жребий его богов, по малочисленности в Риге людей отказали ему в помощи и всячески возражали против войны с литовцами в это время. Однако, уступив наконец его настойчивым просьбам и упрямой смелости безрассудных людей, собиравшихся с ним итти, решили не запрещать им воевать, наоборот отпустить их на бой в послушании, чтобы не подвергать опасности вместе с телами и души. Итак послали с Вестгардом человек пятьдесят или немного больше рыцарей и балистариев, а также многих братьев рыцарства христова. Взяв с собой Даниила, священника идумеев, они отправились в область семигаллов.

Когда они явились верхом на конях в блеске оружия, семигаллы приняли их весьма ласково и, разослав гонцов по всем своим владениям, собрали большое войско. Подойдя к Литве, остановились ночью на отдых, а во время отдыха стали спрашивать своих богов о будущем, бросали жребий, ища милости богов, и хотели знать, распространился ли уже слух о их приходе и придут ли литовцы биться с ними. Жребий выпал в том смысле, что слух распространился, а литовцы готовы к бою. Ошеломленные этим семигаллы стали звать тевтонов к отступлению, так как сильно боялись нападения литовцев, но тевтоны в ответ сказали: «Не будет того, чтобы мы бежали пред ними, позоря свой народ! Пойдемте на врагов и посмотрим, не можем ли мы

сразиться с ними».[99] И не могли семигаллы отговорить их. Дело в том, что семигаллов было бесчисленное множество, и тевтоны рассчитывали на это, несмотря даже на то, что все было затоплено дождями и ливнями.[100] Они смело вступили все же в Литву и, разделившись отрядами, пошли по деревням, но нашли их опустевшими: все люди с женщинами и детьми спаслись бегством. Боясь теперь надвигающейся битвы, они как можно скорее соединились вместе и стали без всякого промедления готовиться к возвращению в тот же день. Узнав об этом, литовцы окружили их со всех сторон на своих быстрых конях; по своему обыкновению стали носиться кругом то справа, то слева, то убегая, то догоняя, и множество людей ранили, бросая копья и дубины. Далее, тевтоны сплотились одним отрядом, прикрывая войско с тыла, а семигаллов пропустили

Поражение рижан

вперед. Те вдруг бросились бежать один за другим, стали топтать друг друга, иные же направились в леса и болота, и вся тяжесть боя легла на тевтонов. Некоторые из них, храбро защищаясь, долго сражались, но так как их было мало, не в силах были сопротивляться такой массе врагов. Были там весьма деятельные люди, Гервин и Рабодо, со многими другими: одни из них после долгого боя пали от ран, другие взяты в плен и уведены врагами в Литву, иные же спаслись бегством и вернулись в Ригу сообщить, что произошло.

3 Узнав о бегстве своих и дерзости литовцев, город опечалился, и внезапно на горе обратилась арфа рижан, и песня их стала песней слез.[101] Вознеся молитвы небу, все старейшины и люди разумные решили впредь не полагаться на многочисленность язычников и не сражаться вместе с язычниками против других язычников, а, надеясь на господа, смело итти на языческие народы вместе с крещеными уже ливами и лэттами. Так и стали делать. В тот же год хоругвь пресвятой девы принесена была к ливам, лэттам и тевтонам в Унгавнию, а затем ко всем эстам и окрестным языческим народам — с помощью божьей, ибо он один покоряет все царства.[102]

Литовцы же, придя в Семигаллию с большим войском, начали избивать и разорять все, что нашли, но семигаллы устроили засаду им на дороге, срубив лес, и почти всех на обратном пути перебили, а из добычи послали рижанам почетные дары. 4

В то же время, в утешение своей церкви бог послал на Двину много монашествующих: Флоренция, аббата цистерцианского ордена, Роберта, каноника кельнской церкви, Конрада бременского и некоторых других. Одни из них избрали удел благочестивой жизни в Динамюндэ, другие — вместе с братьями-рыцарями; некоторые же приступили к делу проповеди. Прибытие их чрезвычайно обрадовало пока еще небольшую церковь и укрепило ее после печальных войн. Все благодарили бога, не устающего утешать людей своих во всех страданиях, ему же честь и слава во веки. Аминь. 5

Прибытие монахов на Двину

Конец книги третьей о Ливонии. Начало книги четвертой об Эстонии.

Когда уже вся Ливония и Лэтигаллия были окрещены, старейшины лэттов, Руссин из замка Сотеклэ, Варидот из Аутинэ, Талибальд из Беверина,[103] а также Бертольд, брат-рыцарь из Вендена, послали гонцов к эстам в Унгавнию требовать удовлетворения за все понесенные ими обиды. Ибо лэтты до принятия христианства были в унижении и презрении, терпели много обид от ливов и эстов; тем более радовались они прибытию священников, считая, что крестившись все пользуются одинаковыми правами и тем же миром. Эсты, не придавая значения словам гонцов, не дали никакого удовлетворения, но вместе с ними направили в Лэтигаллию своих гонцов. Братья-рыцари, уже жившие в то время в Вендене, послали Бертольда, как первого из своих, на суд лэттов с эстами. Со стороны епископа прибыл еще священник Генрих[104] и много лэттов. Стали рассуждать о делах мира и справедливости, но послы эстов выразили презрение к миру с лэттами, возвратить несправедливо отнятое не пожелали и отказали лэттам во всем. Так и 6

Безуспешные переговоры лэттов с эстами. Поход рижан против Унгавнии

разошлись без всякого мира, угрожая друг другу острыми копьями. Между тем пришли из Готландии некоторые купцы и тевтоны. Тут Варидотэ с другими старейшинами лэттов, собравшись, явились в Ригу и стали просить помощи против несправедливости эстов. Рижане, вспомнив и о собственных обидах и о бесчисленном множестве добра, некогда отнятом у их купцов жителями Унгавнии, дали согласие просившим и обещали войско, потому в особенности, что и их послы по поводу того же купеческого добра не раз возвращались униженные и осмеянные жителями Унгавнии, не желавшими отдать несправедливо отнятое. Итак, воззвав к помощи всемогущего бога и пресвятой богородицы Марии, рижане, вместе с братьями-рыцарями, братом епископа Теодерихом, купцами и другими тевтонами, направились в Торейду, созвали по всей Ливонии и Лэтигаллии большое и сильное войско, шли день и ночь и прибыли в Унгавнию. Грабя деревни и убивая язычников, они мстили огнем и мечом за свои обиды, наконец сошлись у замка Оденпэ, что значит «Голова медведя»,[105] и зажгли замок. Затем три дня отдыхали, а на четвертый пошли обратно в свою землю со скотом, пленными и всей своей добычей. Лэтты вернулись в свою область, укрепили свои замки и стали храбро готовиться к бою; все свое они свезли в замки и ждали эстонское войско, готовые к сопротивлению.

Эсты разоряют землю лэттов

Жители Унгавнии, призвав на помощь людей из Саккалы,[106] внезапно вступили в землю лэттов в местности Трикатуэ; одного лэтта, по имени Вардекэ, сожгли живым, других взяли в плен, причинили лэттам много вреда и, окружив замок Беверин, целый день осаждали бывших там лэттов.

Осада эстами замка Беверин

Лэтты же, выйдя из замка, смело напали на врагов, пятерых из них убили, захватили их коней и, вернувшись в замок к своему священнику, тогда там бывшему,[104] вместе с ним все благодарили бога, зная, что он сражался за них.

Среди них был Робоам, один из храбрейших вообще. Сойдя в середину врагов, он двоих убил, а сам здравый и невредимый вернулся с боковой стороны в замок к своим,

благодаря бога за особенную славу, дарованную ему господом в борьбе с язычниками. Священник их, мало обращая внимания на нападения эстов, взошел на замковый вал и, пока другие сражались, молился богу, играя на музыкальном инструменте. Услышав пение и пронзительный звук инструмента,[107] язычники, не слышавшие этого в своей стране, приостановились и, прервав битву, стали спрашивать о причине такой радости. Лэтты отвечали, что они радуются и славят господа потому, что, приняв недавно крещение, видят, как бог помогает им. Тут эсты предложили вновь заключить мир, но лэтты сказали: «Вы еще не вернули товаров, отнятых у тевтонов, и добра, которое часто у нас отнимали, да и не может быть одно сердце, одна душа и общий крепкий мир между христианами и язычниками, пока вы, приняв, как и мы, иго христианства и вечного мира, не станете чтить единого бога». Услышав это, эсты пришли в сильное негодование и отступили от замка, а лэтты, идя сзади следом за ними, многих ранили. Они послали ночью к Венно (Wennonem), магистру рыцарства христова в Венден, где он был тогда,[108] и просили притти со своими преследовать эстов. Венно созвал всех лэттов по окрестностям, с наступлением утра пришел в Беверин, но обнаружил, что войско язычников давно ушло, и гнался за ними весь тот день. В следующую ночь ударил сильный мороз, и так как почти все кони захромали, догнать врагов не удалось. Перебив скот и отпустив пленных, они бежали, не дожидаясь битвы. Так и вернулись обе стороны по домам. Тогда лэтты из Беверина, опечаленные смертью своих, убитых и сожженных эстами, послали ко всем окрестным лэттам просьбу готовиться к походу, чтобы, если бог даст, отомстить врагам за своих.

Разорение лэттами Саккалы

Вследствие этого Руссин, храбрейший из лэттов, и Варидотэ со всеми лэттами, какие были в их областях, собрались в большой массе у вышеназванного замка Беверин. Сговорившись о действиях против эстов, приготовились к разорению их страны, вооружились, чем могли, и сделали один дневной переход; затем остановились,[109] построили свое

войско и, идя дальше днем и ночью, вступили в область Саккалу. Тут везде по деревням они нашли в домах и мужчин и женщин с детьми и убивали всех с утра до вечера, и женщин и малых детей; убили триста лучших людей и старейшин области саккальской, не говоря о бесчисленном множестве других, так что наконец от усталости и этой массы убийств у них отнялись руки. Залив все деревни кровью множества язычников, они на следующий день пошли назад, собирая везде по деревням много добычи, уводя с собой много крупного и мелкого скота и массу девушек, которых единственно и щадят войска в тех странах. Возвращаясь, шли медленно, многими днями делали по дороге остановки, ожидая, что оставшиеся эсты могут ударить на них с тыла. Но эсты, потеряв столько убитыми, и не думали догонять лэттов, много дней в печали собирали трупы убитых лэттами и сжигали их в огне, справляя похороны по своему обычаю с плачем и пирами. Лэтты остановились у озера Астигервэ, разделили между собой всю добычу и радостно возвратились в Беверин. Найдя там Бертольда, брата-рыцаря, а также своего собственного священника с некоторыми рыцарями и балистариями епископа, принесли им дары со всего, что захватили.[110]

Дек. 18 Было это в воскресенье, когда поют «Радуйтесь», и все единодушно с радостью благословляли бога за то, что руками новообращенных господь послал такое возмездие на прочие языческие народы. Руссин же, вернувшись в замок Беверин, отверз уста свои и сказал так: «Дети детей моих будут рассказывать своим детям в третьем и четвертом поколении о том, что сделано Руссином при истреблении жителей Саккалы».

Узнав об этом, Германн, судья ливов, весьма негодовал на лэттов за то, что они вновь и вновь начинают войны с эстами, послал созвать всех старейшин ливов и лэттов и обсудил дело с ними и с тевтонами. Так как тевтонское население в стране было еще малочисленно и редко, решено было всеми вести с эстами переговоры о мире до прибытия господина епископа, который был в Тевтонии для набора

пилигримов к следующему году. Это решение понравилось и эстам. Они согласились на мир, так как после истребления лучших своих людей стали очень бояться лэттов. Хотя споры еще не кончились, заключено было нечто в роде перемирия сроком на один год.

Одиннадцатый год епископства Альберта

На одиннадцатый год своего посвящения вернулся епископ Альберт из Тевтонии в сопутствии большого числа пилигримов. Среди них были: Рудольф из Иерихо, Вольтер из Гамерслевэ[111] и множество других знатных людей, рыцарей, клириков и всякого народа; все они, не побоявшись опасностей морского плавания, прибыли в Ливонию. (XIII) 1209

Шестой приезд епископа в Ливонию

Занятие Кукенойса рижанами

Посоветовавшись с ними, епископ созвал всех давно обращенных ливов и лэттов и напомнил им о злодействе, совершенном в прошлом году против него и его людей королем Вячко (Vesceka): рыцарей и дружину епископа, которые по просьбе короля с большими издержками были посланы в помощь ему против литовцев, он умертвил с безмерным коварством.

После этого епископ со всеми пилигримами и своим войском отправился в Кукенойс и, найдя самую гору покинутой, но, по нечистоплотности прежних жителей, кишащей червями и змеями, велел и поручил очистить ее наново и укрепить прочным валом. Он построил там весьма крепкий замок, оставил в нем для охраны рыцарей и балистариев со своей дружиной и, затратив большие средства, велел самым тщательным образом беречься, чтобы не быть снова обманутыми какой-нибудь хитростью литовцев или лживым коварством русских.[112] Вышеупомянутому Рудольфу из Иерихо он уступил половину замка, а братьям рыцарям — их третью часть.[113] Оставив их там и обо всем распорядившись, епископ вернулся в Ригу. Лэтты, которые между тем ходили двумя отрядами в Литву, кое-кого убили, кое-кого взяли в плен, вернулись к нашим в Кукенойс и вместе с епископом и его людьми возвратились домой.

Убийство Викбертом магистра Венно

2 Был в то время в числе братьев-рыцарей некто Викберт.[114] Его сердце более склонно было к любви мира сего, чем к монашеской дисциплине, и среди братьев он сеял много раздоров. Чуждаясь общения святой жизни и презирая рыцарство христово, он пришел к священнику в Идумее и сказал, что хочет подождать там прибытия епископа и готов всецело епископу повиноваться. Братья же рыцари — Бертольд из Вендена с некоторыми другими братьями и слугами преследовали его, как беглеца, взяли в Идумее,отвели в Венден и бросили в тюрьму. Когда тот услышал о прибытии епископа, он стал просить освободить его и позволить вернуться в Ригу, обещая повиноваться епископу и братьям. Братья обрадовались и, надеясь, что после вражды и неприятностей, вновь, как блудного сына, обретут своего брата, с честью отпустили его в Ригу и восстановили в общественных правах. Он однако лишь недолго оставался в среде братьев, подобно Иуде или волку среди овец, едва скрывая лживость своего раскаяния и выжидая удобного дня, чтобы насытить злобу своего сердца. И случилось так: в один праздничный день, когда прочие братья с другими людьми пошли в монастырь, он между тем, пригласив к себе магистра рыцарей и священника их Иоанна, под предлогом сообщения им своей тайны, наверху в своем доме нанес вдруг секирой, которую по обыкновению всегда носил с собой, удар в голову магистру и тут же вместе с ним обезглавил и умертвил священника. Об этом стало известно другим братьям; они настигли его в капелле, куда он бежал из дома, схватили и, осудив гражданским судом, по заслугам предали жестокой смерти. Похоронив с великим горем своего верного и благочестивого магистра Венно со священником, поставили на его место не менее благочестивого, ласкового и полного всяких достоинств Волквина. С тех пор он и в присутствии и в отсутствии епископа предводительствовал и правил войском во всех походах, *с радостью бился в битвах господних* и не раз ходил к окрестным язычникам. *И помогали ему все*

братья его, а помощь и победа господа всегда были с ними.[115]

Со смертью в том же году Эггельберта, настоятеля 3
церкви святой Марии, епископ взял из Схедской обители[116] Иоанна, человека кроткого, сдержанного и осмотрительного во всех своих действиях, поставил его на место брата своего, достопочтенного настоятеля, и поручил его управлению церковь святой Марии. Так как этот Иоанн, принадлежа к уставу и ордену св. Августина, носил белую одежду, справедливо обозначающую чистоту,[117] то епископ утвердил для всех эту одежду, заменив черные платья и капюшоны каноников той же церкви белыми. Так как еще не исчезла и внутри и вне города боязнь язычников, эта обитель помещалась в пределах первого города, в церкви, первоначально построенной; после пожара этой церкви и города,[118] стали строить церковь св. Марии у Двины вне городских стен и там поселились.

Пилигримы же этого года готовы были послушно участвовать в работах по надстройке стены и в других, где могли служить богу.[119]

Так как близились осенние дни, епископ неизменно оза- 4
Поход рижан на Герцикэ
боченный развитием и защитой ливонской церкви, собрал на совет разумнейших из своих и внимательно обсудил с ними, каким образом избавить молодую церковь от козней литовцев и русских. Вспомнив все зло, причиненное королем Герцикэ, вместе с литовцами, городу Риге, ливам и лэттам, решили итти войной против врагов рода христианского. Ибо король Всеволод (Vissewalde) из Герцикэ всегда был врагом христианского рода, а более всего латинян. Он был женат на дочери одного из наиболее могущественных литовцев[120] и, будучи, как зять его, для них почти своим, связанный с ними сверх того и дружбой, часто предводительствовал их войсками облегчал им переправу через Двину и снабжал их съестными припасами, шли ли они на Руссию, Ливонию или Эстонию. Власть литовская до такой степени тяготела тогда надо всеми жившими в тех землях племенами, что лишь немно-

гие решались жить в своих деревушках, а больше всех боялись лэтты. Эти, покидая свои дома, постоянно скрывались в темных лесных трущобах, да и так не могли спастись, потому что литовцы, устраивая засады по лесам, постоянно ловили их, одних убивали, других уводили в плен, а имущество все отнимали.[121]

Бежали и русские по лесам и деревням пред лицом даже немногих литовцев, как бегут зайцы пред охотником, и были ливы и лэтты кормом и пищей литовцев, подобно овцам без пастыря в пасти волчьей.[122]

Поэтому бог избавил от пасти волчьей овец своих, уже крещенных ливов и лэттов, пославши пастыря, то есть епископа Альберта. Собрав войско со всех областей Ливонии и Лэттии, он вместе с рижанами, пилигримами и всем своим народом, пошел вверх по Двине к Кукенойсу, а так как Герцикэ всегда был ловушкой и как бы великим искусителем[123] для всех, живших по этой стороне Двины, крещеных и некрещеных, а король Герцикэ всегда был враждебен рижанам, воюя с ними и не желая заключить мир, епископ направил свое войско к его городу. Русские, издали увидев подходящее войско, бросились к воротам города навстречу, но когда тевтоны ударили на них с оружием в руках и некоторых убили, те не могли сопротивляться и бежали. Преследуя их, тевтоны ворвались за ними в ворота, но из уважения к христианству убивали лишь немногих, больше брали в плен или позволяли спастись бегством; женщин и детей, взяв город, пощадили и многих взяли в плен. Король, переправившись в лодке через Двину, бежал со многими другими, но королева была захвачена и представлена епископу с ее девушками, женщинами и всем имуществом. Тот день все войско оставалось в городе, собрало по всем его углам большую добычу, захватило одежду, серебро и пурпур, много скота, а из церквей колокола, иконы (yconias), прочее убранство, деньги и много добра и все это увезли с собой, благословляя бога за то, что так внезапно он дал им победу над врагами и позволил без урона проникнуть в город. На

Взятие рижанами Герцикэ

следующий день, растащив все, приготовились к возвращению, а город подожгли. Увидев пожар с другой стороны Двины, король был в великой тоске и восклицал со стонами, рыдая: «О Герцикэ, милый город! О наследие отцов моих! О нежданная гибель моего народа! Горе мне! Зачем я родился, чтобы видеть пожар моего города и уничтожение моего народа!»[124]

Князь Всеволод признает себя вассалом Риги

После этого епископ и все войско, разделив между собой добычу, с королевой и всеми пленными возвратились в свою область, а королю было предложено притти в Ригу, если только он еще хочет заключить мир и получить пленных обратно. Явившись, тот просил простить его проступки, называл епископа отцом, а всех латинян братьями по христианству и умолял забыть прошлое зло, заключить с ним мир, вернуть ему жену и пленных; он говорил, что огнем и мечом тевтоны весьма жестоко наказали его. Епископ, как и все его люди, сжалившись над просящим королем, предложил ему условия мира в таких словах: «Если ты согласишься впредь избегать общения с язычниками, не будешь пытаться вместе с ними разрушить нашу церковь, не станешь вместе с литовцами разорять землю твоих русских христиан, если ты согласишься принести свое королевство в вечный дар церкви пресвятой Марии, так чтобы вновь получить его уже из наших рук, и вместе с нами наслаждаться постоянным миром и согласием, тогда только мы отдадим тебе королеву со всеми пленными и всегда будем верно оказывать тебе помощь».

Приняв эти условия мира, король обещал впредь всегда быть верным церкви святой Марии, избегать общения с язычниками и быть союзником христиан. Передав свое королевство той же церкви, он получил его вновь из рук епископа через торжественное вручение трех знамен,[125] признал епископа отцом и утверждал, что впредь будет открывать ему все злые замыслы русских и литовцев. Королева со всеми пленными была ему возвращена, он радостно вернулся в свою землю, созвал разбежавшихся людей и стал вновь отстраивать свой замок. Тем не менее впоследствии

он продолжал участвовать в замыслах литовцев, забыв об обещанной верности, и не раз подстрекал язычников против тевтонов, бывших в Кукенойсе.

5 После этого, по истечении срока перемирия, заключенного с жителями Унгавнии,[126] Бертольд, магистр рыцарства в Вендене, призвав Руссина с его лэттами, а также и других лэттов из Аутинэ, вместе со своими вендами, пошел в Унгавнию. По деревням там они везде нашли людей, не успевших убежать в замок и очень многих во всех селениях, куда могли добраться, перебили, других же увели в плен; захватили большую добычу, увели с собой женщин и девиц, деревни оставили пустыми и после большой резни и пожара возвратились домой.

Поход рижан и лэттов на Унгавнию

Услышав об этом, торейдские ливы, все еще вместе с эстами тайно питавшие коварные замыслы, вознегодовали на то, что Бертольд из Вендена с лэттами снова начал войну против эстов, и стали внушать епископу, чтобы он отправил в Унгавнию посольство о мире. Епископ послал в Оденпэ священника Алебранда с поручением возобновить мир и потребовать возвращения купеческого добра. Когда эсты по всей Унгавнии узнали о прибытии епископских послов, они собрались для решения, и Алебранд, отверзши уста свои, стал учить их вере христовой, но эсты, слыша это, бросились на проповедника с копьями и мечами, чтобы убить его. Тут некоторые из старейшин в защиту его сказали: «Если мы убьем этого епископского посла, то кто же впредь будет нам верить, кто пришлет посла?» Не желая однако слушать проповедь спасения, они отправили Алебранда обратно к епископу, а вместе с ним послали людей для заключения мира. И заключен был ими мир с ливами и лэттами епископа, жившими по одну сторону Койвы. Бертольд же венденский и Руссин со своими лэттами не приняли мира и приготовились к битве.[127]

Частичный мир с эстами

Двенадцатый год епископства Альберта

(XIV)
1210 Шел двенадцатый год епископства, и церковь жила в тишине, но лишь немного дней. Ибо, когда епископ с пили-

гримами уехал в Тевтонию, а в Ливонии остались его люди с некоторыми пилигримами, внезапно враги рода христианского, куры, с восемью пиратскими судами появились на морском побережье у Зунда.[128] Нападение куров

Увидев их, пилигримы сошли с больших грузовых кораблей (de coggonibus), сели в меньшие и поспешили к язычникам, но при этом ладьи неосмотрительно торопились, стараясь опередить друг друга и пораньше добраться до врагов. Куры же, разгрузив спереди свои разбойничьи суда, двинули их навстречу идущим и, соединив по два, между каждой парой оставили пустое пространство. Пилигримы, подойдя на двух первых ладьях, или малых кораблях, были вовлечены в этот промежуток между пиратскими судами и со своих маленьких суденышек не могли достать до врагов, стоявших высоко вверху над ними. Поэтому одни из них были перебиты вражескими копьями, другие потонули, некоторые были ранены, а иные вернулись к своим большим кораблям и спаслись. Куры, собрав тела убитых, обнажили их, а одежду и прочую добычу разделили между собой. Впоследствии трупы были подобраны жителями Готландии и благоговейно похоронены. Всего там пало около тридцати человек рыцарей и других. Епископ несколько дней скорбел о своих, но он знал, что полезны преследования терпящим их, ибо б л а ж е н н ы, к т о т е р п и т п р е с л е д о в а н и я з а п р а в д у,[129] и как с о с у д ы и з г л и н ы и с п ы т у ю т с я п е ч ь ю, т а к м у ж и п р а в д ы — и с п ы т а н и е м с т р а д а н и я.[130]

В то же время великий король Новгорода (Nogardie) 2
а также король Пскова (Plicecowe) со всеми своими русскими пришли большим войском в Унгавнию, осадили замок Оденпэ и бились там восемь дней.[131] Так как в замке нехватало воды и съестных припасов, осажденные просили мира у русских. Те согласились на мир, крестили некоторых из них своим крещением, получили четыреста марок ногат,[132] отступили оттуда и возвратились в свою землю, обещавши послать к ним своих священников для Осада Оденпэ русскими

совершения *возрождающего к новой жизни таинства крещения*;[133] этого однако они впоследствии не сделали, ибо жители Унгавнии позднее приняли священников от рижан, были ими крещены и причислены к рижской церкви.

3 Фризы наносят поражение курам

Несколько лет спустя фризы с пилигримами пришли на вышеупомянутый остров Готландию и застали там куров с большой добычей. Внезапно окружив их, начали битву и почти всех перебили, захватили четыре разбойничьих корабля со всей добычей и увели с собой в Ригу; отняли у них также и повезли в Ригу бесчисленное множество овец, награбленных курами в христианских землях. И была великая радость из-за возмездия, понесенного курами.

4 Епископ Альберт в шестой раз в Германии

Епископ же, хотя и очень был опечален не прекращающимися тягостями и смертью своих, но, вновь прибегая к господу и поручив ему свое путешествие и свое дело, возвратился в Тевтонию, жаловался там добрым и богобоязненным людям на убыль своих, ища везде по городам и замкам, кварталам и улицам тех, кто стеной стал бы в защиту дома господня, кто, возложив на себя знак креста, переплыл бы море и отправился в Ливонию на утешение немногим, там оставшимся. И нашлись такие — Изо, епископ верденский, Филипп, епископ рацебургский, а также епископ падерборгский: они со всеми своими рыцарями и многими другими приготовились к этому путешествию на следующий год.[134]

5 Заговор против немцев. Нападение литовцев на Кукенойс

По отъезде епископа и после стычки куров с пилигримами, когда все окрестные языческие племена услышали, что некоторое количество пилигримов убито курами, они стали пересылаться гонцами: сначала ливы послали к курам, куры — к эстам, а также к литовцам, семигаллам и русским, и все искали способа, как разрушить Ригу, а тевтонов захватить хитростью и всех убить. Литовцы, думая, что в Кукенойсе осталось немного народу, пришли к замку с большим войском и, найдя там Родольфа из Иерихо с прочими людьми епископа, храбро напали на них. Против них вышли из замка слуги епископа и лэтты и многих перебили

копьями, а балистарии некоторых ранили, стреляя с вала. Не выдержав этого натиска, литовцы отступили.[135]

Некоторые ливы из области Адии,[136] давно уже крещенные, исполнившись желчи и коварства, пошли в Куронию и, подняв всю эту область против рижской церкви, собрали большое и сильное войско, причем указывали (как и было в действительности), что в городе остались лишь весьма немногие. Узнав об этом, горожане послали на море разведчиков. Куры же, явившись со всем своим войском, оставались поблизости четырнадцать дней, ища в гаданиях помощи богов и удобного для битвы времени. Между тем разведчики вернулись, ничего не видав. В это время граф Сладем,[137] рыцарь Марквард и другие пилигримы, которые оставались на пасху, собрались вернуться в Тевтонию. На двух своих кораблях спустились они в Динамюндэ и заночевали в монастыре, оставив немногих на кораблях. На следующий день на рассвете увидели, что все море покрыто как будто темной тучей, а потом бывшие на кораблях разглядели, что масса язычников большим войском идет на них; тут одни стали готовиться к обороне, другие побежали в монастырь. Язычники же, надеясь захватить город врасплох, так чтобы никакие известия не опередили их прихода, не нападали на корабли пилигримов, а быстро гребли к городу. Однако рыбаки по обе стороны Двины, увидев их, побежали в Ригу и сообщили, что вслед за ними идет войско. Горожане, братья-рыцари и балистарии, как мало их ни было, вместе с клириками и женщинами — все бросились к оружию; колоколом, в который звонили только во время войны, созвали народ, вышли навстречу врагам на берег Двины, и многих балистарии ранили выстрелами. Куры, оставив свои корабли в Двине, выстроили войско на поле, и каждый[138] у них нес перед собой деревянный щит, сделанный из двух досок, и дубину, в роде пастушеского посоха, для поддержки щита; и когда солнце осветило белые щиты, то и воды и поле от них засверкали белизной. Большое и сильное войско приближалось к городу. Выбежав навстречу к первому валу,

Нападение куров на Ригу и поражение их

Апр. 18

Июля 13

который был в поле перед городскими воротами, ливы и балистарии бились с ними до третьего часа дня, горожане же подожгли деревню, бывшую вне городских стен. Некоторые из наших, у кого были железные трехзубые гвозди,[71] разбросали их по дороге, по которой шло войско, и когда некоторые из горожан, мужественно вступив в бой, перебили многих у врагов, стоявших под прикрытием своих щитов, те при отступлении попали на эти самые гвозди, и тут одни у них были перебиты, другие бежали к нам.[139] После того войско пошло к своим кораблям, а пообедав, снова приготовилось к битве. Слыша звон большого колокола, враги говорили, что это бог христианский, который пожирает и истребляет их. Подступив снова к городу, бились весь день. Когда они вышли из под своих щитов, чтобы носить лес для поджога, очень многие из них пострадали от стрел и, как только кто-нибудь у них падал раненый камнем из метательных орудий или балистариями, тотчас же брат его или другой соратник добивал раненого, отрубая голову. Когда они уже отовсюду обложили город и зажгли большой огонь, прибыли к Древней Горе жители Гольма на конях и, грозя врагам мечами, подошли к городу с другой стороны. При виде их куры отступили от города; собрав своих убитых, вернулись к кораблям, перешли Двину и три дня стояли на месте, сжигая и оплакивая своих мертвецов.

Торейдские ливы, услышав об осаде Риги курами и желая гибели города, собрали большое войско, чтобы идти на помощь курам. Дело в том, что некоторые вероломные ливы, семигаллы и другие племена ждали только исхода нападения куров, чтобы всем вместе итти разрушать город. В тот же день однако жители Гольма, перебив некоторых куров на островах и отняв корабли, подошли к Риге. Рыцарь Маркsард, возвратившись из Динамюндэ, пробился в город через войско врагов, а позднее присоединился к общине братьев-рыцарей. На следующую ночь пришел в Ригу Каупо со всеми родными, друзьями и верными ливами, а с наступлением утра явился Конрад из Икесколы с верхними ливами и на поле под городом устроил

большой парад на конях и в полном вооружении.[140] Из города все вышли к нему и была среди них великая радость. Выступили против куров и звали их в бой, с готовностью храбро умереть или победить. Те однако более были озабочены гибелью своих, говорили о мире и три дня спустя отступили. Ливы же, виновные в этом предательстве, без всякого урона для своих дали удовлетворение богу и дружине епископа и впредь обещали быть верными. Город, спасенный на этот раз милосердием божьим от язычников, благодарил бога, а день св. Маргариты, когда он избавился от осады, постановил впредь справлять, как городской праздник.

В то же время пришел из Унгавнии [141] и Бертольд венденский с лэттами. Сжегши там много деревень и перебив массу язычников, он причинил им немалый вред, а затем с большим отрядом пришел на помощь рижанам, но так как куры отступили, все вернулись по своим областям.

После этого Бертольд собрал войско, а с ним пошли 6
слуги епископа, Сиффрид и Александр, и многие другие, **Взятие Оденпэ ливонцами**
ливы и лэтты. Придя к замку Одемпэ в Унгавнию, они нашли там мало народу. Жители, по своей малочисленности, со страху впустили Бертольда в замок, говоря о мире, а в это время слуги епископа с некоторыми ливами, не зная, что Бертольда мирно приняли в замке, ворвались туда с другой стороны, а вслед за ними и все войско. Заняв верхушку горы и захватив главное укрепление, они овладели замком, перебили мужчин, женщин взяли в плен и захватили большую добычу; некоторым же удалось спастись бегством. Там стояли несколько дней, разделили между собой захваченное, замок подожгли и возвратились в Ливонию.[142]

Таким образом, ливонская церковь в то время, нахо- 7
дясь посреди множества языческих племен, в соседстве русских, терпела немало бедствий, так как те все имели одно стремление — уничтожить ее.

Посольство в Полоцк

Поэтому рижане решили отправить послов к королю полоцкому попытаться, не удастся ли добиться какого-нибудь мирного соглашения с ним.

8 Итти в Руссию поручено было Родольфу из Иерихо с некоторыми другими. Подойдя к Вендену, они видят: явились эсты с большим войском и осаждают Венден. Родольф и его люди бежали в этот замок. Эсты бились с Бертольдом, его братьями и вендами три дня у старого замка, где еще жили братья и венды. И пало там много эстов, раненых балистариями, равным образом и из вендов некоторые убиты были вражескими копьями. Эсты собрали большие костры из бревен и подложили огонь, чтобы сжечь замок. Притащив из лесу большие деревья с корнями, сложили из них нечто в роде осадной башни, подперли и укрепили другими бревнами и причиняли великий вред бывшим в замке, так как внизу шел бой, а сверху грозили огонь и дым. Если бы продлились дни войны,[69] то бедствие было бы еще больше, так как, по чьей-то небрежности, не в первый и не во второй, а лишь в третий день осады слух о ней дошел до рижан, и они, поднявшись, на четвертый день пришли в Зегевальдэ.[143] В тот же день эсты, услышав, что подошли большие силы ливов и лэттов с Каупо и его друзьями, отступили от замка Венден и, перейдя Койву, остановились ночевать у озера, что на дороге в Беверин.[144] Венденские же братья и Каупо с ливами и лэттами, выступив утром вслед за ними, расположились поесть у того же пруда, а вперед выслали разведчиков и сторожевых; некоторые из них, возвратившись, сообщили, что эсты стремительно бегут через Имеру. Ливы и лэтты слишком доверчиво отнеслись к их словам и тотчас поспешно собрались преследовать врагов, говоря, что никак не могут дожидаться медлящих рижан. Каупо же и тевтоны говорили: «Дождемтесь братьев наших, тогда мы будем в силах биться и на крыльях вознесемся в высь».[145] Те однако не слушали и, предпочитая гибель тевтонов, начали преследовать эстов, а тевтонов выстроили впереди, чтобы самим, идя сзади, наблюдать исход боя и быть готовым либо к погоне, либо к бегству. Не зная, что эстонское войско скрывается в лесу у Имеры, они продвинулись к Имере и тут вдруг

Осада эстами Вендена

Поражение немцев при Имере

увидели, что все оно идет на них. Арнольд, брат-рыцарь, подняв знамя, сказал: «Плотнее, братья тевтоны! Посмотрим, нельзя ли сразиться с ними. Мы не должны бежать, чтобы не покрыть позором свой народ».[99] И ударили на тех и убили многих у них и сражались с ними, и пал Бертольд, сын Каупо, а также Ванэ, зять его, смелый и доблестный воин, а некоторые братья-рыцари и слуги епископа, Вихманн и Альдер, были тяжело ранены. Ливы же, шедшие сзади, увидев массу войска, выступающую из лесу со всех сторон, тотчас обратились в бегство, и тевтоны остались одни. Тут тевтоны, видя свою малочисленность, так как было их всего около двадцати человек, сжались теснее и, сражаясь с врагами, прямым путем отступили к Койве. Родольф из Иерихо, раненый копьем, упал на землю, но фриз Викбольд вновь посадил его на коня. Этот фриз, пользуясь быстротой своего коня, многих спас, то убегая, то снова возвращаясь к врагам и задерживая их в узких местах. Эсты же преследовали бежавших направо и налево пеших тевтонов, ливов и лэттов, захватили около ста из них, одних убили, других отвели к Имере и замучили в жестоких пытках. В числе последних было четырнадцать человек, из которых одни были зажарены живыми, других обнажили, сняв одежду, сделали им мечом на спине знак креста и удавили, причислив этим, мы надеемся, к сообществу мучеников на небе.

Возвратившись в свою землю и понося христиан, эсты разослали гонцов по всем областям Эстонии, заклиная и уговаривая, чтобы единым сердцем и единодушно стали все против рода христианского.

Каупо же, ливы и лэтты, по возвращении из боя, оплакивали своих убитых, скорбя о том, что, недавно только крестившись, они умерщвлены язычниками; горевала с ними и вся церковь, подобная в то время луку, всегда напрягаемому, но никогда не ломающемуся,[146] или Ноеву ковчегу, вздымающемуся на высоких волнах, но не разбивающемуся, или лодке Петра, в которую бьют волны, не

топя ее,[147] или женщине, преследуемой драконом, но не побежденной им.[148] Ибо за этими страданиями следовало утешение, а после печали бог дал и радость.

9 Арнольд, брат-рыцарь, послан был с товарищами к королю полоцкому узнать, не согласится ли он на мир и не откроет ли рижским купцам доступ в свои владения. Тот принял их с выражением благоволения и, высказав (правда, из хитрости) радость по поводу мира и успокоения, послал с ними Лудольфа, разумного и богатого человека из Смоленска (Smalenceke), чтобы, по прибытии в Ригу, обсудить дела мира и справедливости.

Мир с князем полоцким

Когда они прибыли в Ригу и изложили желание короля, рижане согласились, и тогда в первый раз был заключен вечный мир между ними и королем, с тем однако, чтобы королю ежегодно платилась должная дань ливами или за них епископом. И рады были все, что теперь безопаснее могут воевать с эстами и другими языческими племенами. Так и оказалось.

10 Действительно, с приближением праздника рождества господня, когда усилился зимний холод, старейшины рижан послали известить по всей Ливонии и Лэттии и во все замки по Двине и Койве, чтобы все собирались и были готовы мстить эстонским племенам. Известие дошло и во Псков (Plescekowe), бывший тогда в мире с нами, и оттуда явился очень большой отряд русских на помощь нашим. Пришли и старейшины области, Руссин и Каупо, а также Нинн и Дабрел с прочими. Они шли впереди рижан и пилигримов, а следом двигалось все войско, направляясь в Метсеполэ. Взяв заложников у ливов, считавшихся вероломными, продвинулись к морю и затем, идя днем и ночью прямым путем вдоль по берегу моря, пришли в первую область, называемую Зонтагана.[149] Сторожевые на дорогах при виде войска убежали, чтобы известить своих, но те, кто в войске были быстрее других, вступили в деревни вместе с разведчиками и всех почти жителей нашли на месте — по деревням и в домах. И разделилось войско по всем дорогам и деревням, и перебили они повсюду много

Первый поход в Зонтагану и поморские области совместно с русскими

народа, и преследовали врагов по соседним областям, и захватили из них женщин и детей в плен, и наконец сошлись вместе у замка. На следующий и на третий день, обходя все кругом, разоряли и сжигали, что находили, а коней и бесчисленное множество скота угнали с собой. А было быков и коров четыре тысячи, не считая коней, прочего скота и пленных, которым числа не было. Многие язычники, спасшиеся бегством в леса или на морской лед, погибли, замерзши от холода. На четвертый день взяли и сожгли три замка и начали отступление из области со всей добычей, двигаясь с осторожностью; поровну разделили между собой захваченное и с радостью возвратились в Ливонию, единодушно благословляя господа, давшего им отомстить врагу. Замолкли и эсты, прежде поносившие ливов и лэттов за мученичество их товарищей.

Конец янв.

Эсты уклоняются от битвы. Их набег на Метсеполэ

В следующую лунацию[150] ливы и лэтты вновь собрались вместе с рижанами у озера Астигервэ и, встретив войско жителей Саккалы и Унгавнии, пошли на них, чтобы сразиться, но те, обратив тыл, бежали. Один из них остался и, подойдя к нашим, сообщил, что в ту же ночь по другой дороге, идущей близ моря, вступит в Ливонию другое большое войско из приморских областей.[151] Услышав это, старейшины ливов поспешили к женам и детям своим, чтобы обезопасить их от врагов, а потом каждый вернулся на свое место. Немедленно затем, на следующий же день бежавшие было эсты пришли из Зонтаганы и других соседних областей в Метсеполэ с большим войском и, так как весь народ был в замках, они сожгли пустые деревни и церкви, а своими жертвоприношениями причинили много поруганий церквам и могилам христианских покойников. Для преследования их рижане собрались в Торейду, а Бертольд из Вендена и Руссин со всеми лэттами к Раупе. Услышав об этом, они поскорее вышли из области, не дожидаясь столкновения с христианами. В третью лунацию рижане подготовились к осаде замка Вилиендэ (Viliende) в Саккале,[152] созвали ливов и лэттов со всех концов и замков, угрожая пеней не явившимся и действуя страхом; так

Конец февр.

Приготовления к осаде Феллина

они собрали сильное войско. С ними шел и Эггельберт, зять епископа,[153] исполнявший в тот год обязанности судьи в Торейде, а также братья-рыцари и пилигримы. Идя в Саккалу, они везли с собой малую метательную машину, патерэлл, балисты и прочие орудия, необходимые для осады замка.

(XV) *Тринадцатый год епископства Альберта*

1211 **Первая осада и взятие Феллина**

В год воплощения господня 1210, епископа же Альберта 13-й, происходила первая осада замка Вилиендэ в Саккале тевтонами, ливами и лэттами. Ливов и лэттов тевтоны послали опустошить всю окрестную область, а также набрать съестных припасов и хлеба. Проходя по всем деревням, они перебили много язычников, а других привели пленными к замку. Тогда Бертольд из Вендена и Руссин с прочими лэттами и старейшинами, взяв всех пленных и подойдя поближе к замку, сказали: «Если вы откажетесь от почитания своих ложных богов и согласитесь вместе с нами веровать в истинного бога, мы отдадим вам этих пленных живыми и в братской любви соединимся с вами узами мира». Те однако, не желая и слышать ни о боге, ни о самом имени христиан, после этого еще больше стали грозить войной, оделись в тевтонские доспехи, захваченные в первой стычке у замковых ворот, хвастались, стоя на верхушке замка, готовились к бою и, крича, зло насмехались над войском. Тут Руссин и лэтты схватили пленных, всех умертвили и бросили в ров, угрожая находящимся в замке тем же. Между тем стрелки многих перебили и заставили всех взяться за оборону; другие же стали строить осадную башню. Ливы и лэтты нанесли бревен и заполнили ров снизу доверху, а сверху надвинули осадную башню. Лэтты взошли на нее с балистариями, многих на валу перебили стрелами или копьями и многих ранили. Великий бой длился пять дней. Эсты пытались поджечь первый ряд бревен, двинув из замка в санях большой огонь, но ливы и лэтты погасили его, засыпав льдом и снегом. Арнольд, брат-рыцарь, трудившийся там ночью

и днем, был наконец убит камнем и переселился в мир мучеников. Был он человек очень религиозный, молился всегда и, о чем он молился, то, надеемся, нашел. Тевтоны устроили осадную машину и метали камни днем и ночью, проламывая укрепления; в замке они перебили бесчисленное множество людей и скота, так как эсты, никогда не видавши ничего подобного, не укрепили своих жилищ против таких ударов. Сверх бревен, сложенных костром, ливы и лэтты навалили сухих бревен вплоть до забора из досок. Эйлард из Долэн [154] взобрался наверх, а вслед за ним тевтоны в доспехах. Доски они разобрали, но внутри оказалось другое укрепление, которого они разломать не могли. Осажденные сбежались наверх, стали бросать камни и бревна и отразили тевтонов, но они, сойдя вниз, подложили огонь и подожгли замок. Эсты стали разбирать и растаскивать горящие доски и бревна укреплений, а когда пожар кончился, на другой день все восстановили и вновь укрепились, готовые к обороне, а между тем в замке было много трупов убитых, нехватало воды и почти все были переранены, так что уж сил недоставало. На шестой день тевтоны сказали: «Что ж, вы все еще упорствуете и не признаете нашего творца?» Те отвечали: «Мы признаем, что бог ваш выше наших богов: побеждая нас, он склонил наши души к почитанию его. Мы просим поэтому пощадить нас и милосердно возложить на нас иго христианства, как на ливов и лэттов». Тогда тевтоны, вызвав из замка старейшин, изложили им все законы христианства и сулили мир с братской любовью. Весьма радуясь миру, в то же время, как ливы и лэтты, те обещали принять таинство крещения и на таких же основаниях. Поэтому, дав заложников и скрепив мир, они приняли в замок священников, которые окропили святой водой все дома, замок, мужчин и женщин и весь народ; так некоторым образом они предварительно очистили их до крещения, но самое таинство отложили из-за только что бывшего великого кровопролития. Выполнив это, войско возвратилось в Ливонию, и все славили бога за обращение языческих племен.

Апр. 3
Война с эстами
Трудное положение Ливонии

После того, в праздник пасхи купцы, услышав о всяких замыслах эстов и других окрестных язычников, о том, как они задумали до прибытия епископа с пилигримами разорить Ливонию и город Ригу, отложили путешествие в Готландию и, забывая о торговле и делах, со всеми своими кораблями остались ждать прибытия пилигримов, а между тем в Эстонию посланы были гонцы посмотреть, что делается у язычников. Возвратились они с вестями о войне, мирные предложения принесли с собой назад непринятыми, но раскрыли замыслы врагов. Тотчас поднялись Каупо, Бертольд из Вендена со своими и слуги епископа и пошли в ближнюю область Саккалу и сожгли все деревни, куда могли добраться, и перебили всех мужчин; женщин увели в плен и вернулись в Ливонию. И пошли за ними жители Саккалы, сожгли и они все деревни вокруг Астигервэ и дошли до самой Имеры, убили некоторых лэттов, а женщин и детей увели в плен, захватив добычу. За ними поднялись Лембито и Мемэ, старейшины Саккалы, перешли Имеру с другим войском, подошли к церкви, сожгли ее, разорили все, что принадлежало священнику,[155] забрали по всему приходу скот и большую добычу, перебили захваченных мужчин; женщин, детей и девушек увели в плен, и было большое бедствие по всей окраине Ливонии.

Жители Саккалы и Унгавнии нападали на лэттов, роталийцы и люди из приморских областей наступали на ливов епископа в Метсеполэ и в Летегорэ тремя войсками, так что одно войско следовало за другим;[156] одни уходили, другие приходили, не давая покоя ливам ни днем, ни ночью; преследовали их в лесных убежищах и на озерах и на полях, самих убивали, женщин брали в плен, забирали коней, скот и большую добычу; уцелели лишь немногие. Сильно в то время смирил бог их вероломство, чтобы впредь они стали более верны. Люди с Эзеля, войдя в Койву на своих разбойничьих судах и поднявшись до Торейды, совершенно опустошили приход Куббезелэ и, ограбив всю окрестную область, одних перебили, а других увели в плен, но некоторые спаслись бегством в Ригу и просили помощи

против нападения язычников. Рижане однако, оберегая город бдительной стражей, так как боялись предательства со стороны некоторых вероломных людей, дожидались прибытия епископа и пилигримов.

Еп. Альберт и Волквин в Риме. Утверждение папой раздела Ливонии

Епископ же в тот год вместе с Волквином, магистром братьев-рыцарей, прибыл в Рим, был весьма милостиво принят верховным первосвященником, получил привилегию на раздел Ливонии и Лэттии, а также новое разрешение на проповедь в отпущение грехов и с радостью вернулся обратно.[157] Послав списки привилегий через Пруссию, он доставил великую радость всему народу в Ливонии, так что люди со слезами встречали эти известия, получая утешение от верховного первосвященника после многих бедствий войны. 2

Седьмое прибытие епископа Альберта в Ливонию

Шел тринадцатый год епископства, а церковь не находила покоя от войн. При возвращении епископа из Тевтонии прибыли с ним три епископа — Филипп рацебургский, Изо верденский и епископ патtельборнский, а также Гельмольд из Плессэ, Бернард из Липпэ,[158] другие знатные люди и множество пилигримов; и был приход их желанным для всех, освобождая находившихся в опасности.

Лэтты, радуясь прибытию пилигримов, собрались у Имеры, но продвинувшись с немногими вперед, встретили большое войско язычников и, видя их многочисленность, обратились в бегство.

Эсты у Раупэ. Разорение Саккалы

Погнавшись за ними и убив нескольких человек, эсты прошли до Имеры, оттуда, двигаясь всю ночь, утром явились к Раупе, сожгли церковь и церковное имущество и, обойдя кругом всю область, предали пламени деревни и дома, перебили мужчин, а женщин и детей, захватив в лесных убежищах, увели в плен. Услышав об этом, рижане выступили с пилигримами и пришли в Торейду, но язычники, боясь их появления, после трехдневного похода со всей добычей поспешно возвратились в свою область. Каупо с некоторыми тевтонами и другими, пройдя в Саккалу, сжег много деревень, а также замки Овелэ

и Пуркэ,[159] захватил много добычи, мужчин перебил, а женщин с детьми увел в плен.

3 Между тем жители Эзеля, Ревеля и Роталии [160] собрали большое и сильное войско изо всех соседних приморских областей. С ними были все старейшины Эзеля, Роталии и всей Эстонии; имея много тысяч всадников и еще большее число людей на кораблях, они выступили в Ливонию. Всадники с их пешими пришли в Метсеполэ, а оттуда поспешили в Торейду; другие, явившись из-за моря, на своих разбойничьих судах поднялись по Койве и в один день со своими конными все сошлись у большого замка Каупо, где ливы тогда жили из страха перед язычниками. Обложив их кругом отовсюду, всадники стали у передней части замка, другие же у задней части близ своих судов на реке. В поле навстречу им вышли балистарии, посланные из Риги и охранявшие вместе с ливами замок; многих у врагов ранили, а так как у них не в обычае ношение доспехов, как у других народов, то многих, не имевших брони, и перебили. После этого эсты послали по области своих храбрейших разорять страну, и стали те сжигать деревни и церкви; захватывая ливов, одних убивали,[161] других брали в плен, забирали большую добычу, угоняя к своему войску быков и прочий скот; убивали быков и скот в жертву своим богам, чтобы снискать их милость; но при этом убиваемые животные падали все на левую сторону, что означало гнев богов и дурное предзнаменование. Тем не менее они не отступили от своего дела, начали осаду замка, сложили костром бревна, стали копать замковую гору и заявляли, что останутся там м а г е т а к (magetac), то есть навсегда, пока либо замок не разрушат, либо ливов не склонят на свою сторону, чтобы по одному с ними пути итти на разрушение Риги. И сказал один лив из замка: «Мага магамас» (maga magamas), то есть: «Ты ляжешь здесь навеки».[162] Братья-рыцари в Зегевальдэ, видя все, что делали язычники, сообщили рижанам и просили помощи пилигримов. За ними пришли гонцы от осажденных в замке ливов, со слезами рассказывали обо всех бедствиях, пере-

Осада эстами замка Каупо и поражение их

несенных ливами и лэттами от язычников, и умоляли епископов послать людей освободить церковь. Тотчас же епископы, обратившись с увещанием к своим рыцарям, вменили пилигримам и всему народу в отпущение грехов помочь их братьям в Ливонии и отомстить с помощью божьей эстонским язычникам. И поднялись братья-рыцари с пилигримами и Гельмольд из Плессэ и другие рыцари, надели свои доспехи и броню на коней своих и выступили с пешими и ливами и всеми спутниками к Койве и переправились через Койву; двигались всю ночь и были уже близко к язычникам; тут, приведя войско в порядок и дав ему указания для битвы, послали пеших вперед по большой дороге, что идет у Вендекуллэ;[163] конные же шли за ними по дороге, лежащей справа. Подвигаясь с осторожностью и в порядке, пешие с наступлением утра при спуске с горы увидели замок и войско язычников; между ними и врагами была долина. Тотчас радостно ударили в литавры, веселя мужественные души музыкой и пением; призвали на себя милость божью и быстро двинулись на язычников, но перейдя ручей, приостановились немного, чтобы собраться всем. Увидев это, язычники, в ужасе перед неизбежным, бегут, хватают щиты, одни спешат к коням, другие прыгают через изгородь, наконец собираются вместе и, оглашая воздух криками, в великом множестве бросаются на христиан и дождем мечут в них копья; христиане отражают их щитами, но когда копья иссякли, те хватаются за мечи, подступают ближе, начинают рукопашный бой, падают ранеными, но мужественно бьются. Видя их храбрость, рыцари ворвались в середину врагов, наводя на них ужас одетыми в броню конями, многих опрокинули наземь, других обратили в бегство, а бегущих преследовали и, нагоняя по дороге и по полям, убивали. Ливы из замка с балистариями вышли навстречу бегущим язычникам и убивали их, рассеивая по дороге и окружая кольцом, и так жестоко преследовали вплоть до тевтонов, что лишь немногие из них спаслись, а тевтоны убили даже некоторых ливов по сходству с эстами; некоторые эсты, бежавшие

по иной дороге вокруг замка по направлению к Койве, спаслись, добравшись до другой части своего войска. Но и из них многие при спуске с горы убиты были преследовавшими их рыцарями. Там был убит брат-рыцарь Эвергард и ранены еще некоторые из наших рыцарей. Между тем, другая часть эстонского войска, видя гибель своих, собралась на горе между замком и Койвой и приготовилась к обороне. Ливы же и христианские пехотинцы бросились на добычу, стали угонять коней, которых там было много тысяч, и забыли о битве с уцелевшими язычниками, но рыцари и балистарии напали на врагов, засевших на горе, и многих из них перебили. Тут они стали просить мира, обещая принять таинство крещения. Поверив их словам, рыцари пригласили епископов прибыть для их крещения. Эсты однако ночью бежали на свои разбойничьи суда, чтобы спуститься к морю, но балистарии с обоих берегов Койвы помешали этому. Другие пилигримы с Бернардом из Липпэ, придя из Риги на Койву, устроили на реке мост, а сверху соорудили надстройку из бревен и, когда подошли разбойничьи суда, встретили их стрелами и копьями, так что путь к бегству был язычникам со всех сторон отрезан. Поэтому, в тишине следующей ночи, бросив все свое, они тайком сошли с кораблей и бежали, но потом одни погибли в лесах от голода, другие — по дороге, и лишь немногие добрались до своей страны, чтобы сказать дома о происшедшем. Коней там захвачено было до двух тысяч, а людей было убито также две тысячи. Пилигримы и все участвовавшие в войне возвратились в Ригу и повели с собой до трехсот языческих кораблей, помимо малых судов; коней и всю добычу поровну разделили между собой, отдав церкви ее долю, и вместе с епископами и всем народом славили бога, который при первом же приходе епископов даровал такой триумф над язычниками. Тогда-то церковь ливонская убедилась, что поистине бог сражается за нее, так как в этой войне пала верхушка Эстонии: старейшины Эзеля и старейшины Роталии и других областей—все были там убиты. Так

смирил господь надменность их и заносчивость сильных унизил.[164]

4 Епископ ливонский, получив от верховного первосвященника власть на правах архиепископа избирать и посвящать епископов в заморских странах, которые бог, через посредство ливонской церкви, подчинит вере христианской,[165] взял себе помощником в своих непрерывных трудах Теодериха, аббата цистерцианского ордена в Динамюндэ, и наметив учреждение в Эстонии епископата, посвятил его в епископы, а Бернарда из Липпэ посвятил в аббаты. Этот граф Бернард когда-то в своей стране был виновником многих битв, грабежей и пожаров и наказан был богом за это слабостью в ногах, так что его, хромого на обе ноги, много дней носили в корзине. Наученный этим, он принял монашество по уставу цистерцианского ордена, в течение нескольких лет изучал устав и писание, получил от господина папы разрешение проповедовать слово божье и отправиться в Ливонию; сам он потом часто рассказывал, что едва только он принял крест в землю пресвятой девы, тотчас окрепли стопы его и выздоровели ноги;[166] в первый же приезд его в Ливонию в Динамюндэ он был посвящен в аббаты, а впоследствии сделался епископом семигаллов.

Посвящение Теодериха в епископы Эстонии, а Бернарда из Липпэ— в аббаты Динамюндэ

5 Ливы, после многих бедствий войны также радуясь и прибытию епископов и победе над своими врагами, собрались с Двины, из Торейды и со всех концов Ливонии и стали слезно просить епископов облегчить им христианские повинности, а особенно десятину, обещая вечную верность и в войнах против язычников и во всех христианских делах. Согласившись на их просьбы, епископы советовали рижскому епископу удовлетворить их желание, чтобы навсегда закрепить их верность. Он же, с отеческой любовью заботясь о своих и зная, что будущее еще грозит большими войнами с окружающими языческими племенами, в ответ на просьбу их установил, вместо десятины, ежегодный взнос с каждого коня определенной меры зерна — одного модия, который содержит восемна-

Замена для ливов десятины меньшей податью

дцать дюймов, и подтвердил это привилегией четырех епископов и печатью, с тем однако, что, если когда-либо, забыв о верности, они примут участие в замыслах неверных и запятнают таинство своего крещения языческими обрядами, то снова в полной мере обязаны будут платить десятину и выполнять прочие христианские повинности.[176]

Седьмой отъезд епископа Альберта в Германию

6 Когда это было таким образом устроено, епископ Альберт, оставив трех епископов в Ливонии, а четвертого, тогда посвященного, своим заместителем, возвратился в Тевтонию для набора пилигримов и приобретения всего необходимого к будущему году, чтобы церковь ливонская из-за отсутствия пилигримов не подверглась бóльшей опасности.

Осада Беверина жителями Саккалы и Унгавнии

7 Между тем жители Саккалы и Унгавнии, какие еще остались здравы и невредимы, собрали большое войско и вошли в области лэттов. Там, выгнав из лесных убежищ, они захватили и перебили многих из близких и друзей Руссина и, разорив в Трикатуе владения Талибальда и окружающие области, сошлись близ замка Беверин. Осадив замок, они целый день сражались с лэттами и зажгли большой огонь, но наконец сказали: «Что же, вы разве забыли о своих убитых у Имеры, что все еще не просите нас о заключении мира?» Те им ответили: «Неужели и вы не помните о своих старейшинах и бесчисленном множестве убитых при Торейде, что не желаете вместе с нами веровать в единого бога и принять крещение с вечным миром?» Услышав это, враги пришли в негодование и, отступив от замка с награбленным, быстро вернулись в свою землю.

Разорение Саккалы и Нурмегундэ христианскими войсками

Старейшины же беверинских лэттов, Дотэ и Пайкэ, отправившись в Ригу, убедительно просили помощи против жителей Саккалы. И поднялись пилигримы с братьями-рыцарями и Теодерих, брат епископа, и Каупо со всеми ливами, и Бертольд венденский с лэттами, собрали большое войско и выступили в Метсеполэ к морю; шли три дня близ моря, а затем, повернув в направлении области Саккалы, в течение трех дней двигались лесами и болотами по самой дурной дороге,[168] и ослабели кони их в пути и до ста их пало, но наконец на седьмой день достигли деревень и, разде-

лившись отрядами по всей области, мужчин, каких нашли, перебили, всех детей и девушек взяли в плен, а коней и скот согнали к деревне Ламбита, где была их м а й я (maia),[169] то есть сборный пункт. На следующий день послали ливов и лэттов по темным лесным убежищам, где прячась спасались эсты; они нашли там множество мужчин и женщин и, выгнав их из лесу со всем имуществом, мужчин убили, а все прочее отправили к майе. Двое лэттов, Дотэ и Пайкэ, пошли в одну деревню, и там на них вдруг напали девять эстов и бились с ними целый день; лэтты многих из них ранили и убили, но наконец и сами пали. На третий день храбрейшие в войске, перейдя реку Палу, опустошили всю ту область, что называется Нурмегундэ,[170] сожгли все деревни, перебили мужчин; женщин, коней и скот захватили и дошли до самого Гервена.[171] Вернувшись ночью и устроив военную игру с большим криком и ударами щитов, на следующий день подожгли замок и пошли в обратный путь другой дорогой, добычу разделили поровну между собой и с радостью возвратились в Ливонию.

Мор в Ливонии

И начался большой мор по всей Ливонии, стали люди болеть и умирать, и вымерла большая часть народа, начиная от Торейды, где трупы язычников лежали непогребенными, вплоть до Метсеполэ и по Идумее вплоть до лэттов и Вендена; умерли старейшины Дабрел и Нинн и много других. Точно так же великая смертность была в Саккале, Унгавнии и в других областях Эстонии, и многие, спасшись бегством от острия меча, не могли избегнуть горькой гибели от мора.

Разорение Унгавнии и Саккалы лэттами

Лэтты из Беверина, вновь отправившись с немногими в Унгавнию, застали там эстов, возвратившихся в свои деревни за съестным; мужского пола всех перебили, а женщин пощадили и увели с собой, взяв большую добычу. Когда они возвращались домой, им встретились другие лэтты, тоже шедшие в Унгавнию: что оставили первые, взяли вторые; где те упустили, там наверстали эти; кто спасся от первых, был убит вторыми; куда не добрались одни, в те области и деревни пошли другие, захватили

много добычи и пленных и пошли назад. На обратном пути они встретили еще лэттов; и эти тоже пошли в Унгавнию и довели до конца то, что не вполне закончено было предшествующими. Всех мужчин, каких захватили, они перебили, не пощадили ни старейшин, ни богатых: всех предали мечу. Руссин, как и прочие, мстившие за друзей, кого захватил, одних зажарил живыми, других предал иной жестокой смерти. Когда и они вернулись в свой замок, собрался еще один небольшой отряд беверинских лэттов; они прошли лесами в область Саккалы, называющуюся Алистэ,[172] и застав там всех по домам, поразили их от мала до велика, многих перебили, женщин, коней и скот захватили и вместе со всей добычей поделили между собой. В ужасе жители Алистэ и другие люди из Саккалы отправили послов в Ригу, отдали сыновей в заложники и тогда получили мир, обещая вместе с тем принять таинство крещения.

Поход немцев в Унгавнию

Теодерих, брат епископа со своими слугами и Бертольд из Вендена тоже собрали войско и с наступлением зимы отправились в Унгавнию, но нашли всю страну разоренной лэттами, а замок Дорпат (Tharbatense), сожженный ими же, покинутым. Тогда они, переправившись через реку, называемую Матерью вод,[173] вступили в деревни, но и там нашли лишь немногих и направились дальше в леса. Там, в самой густой чаще язычники устроили род защитного оцепления, срубив повсюду кругом большие деревья, чтобы спастись самим и спасти имущество, если придет войско. Когда христианское войско было уже близко, они храбро вышли навстречу, и пользуясь трудностью дороги, долго оборонялись, но наконец, не имея сил противостоять множеству, повернули тыл и бросились в лес. Те преследовали бегущих, настигнутых перебили, женщин и детей увели в плен, угнали коней и много скота, захватили много добра, ибо там находили убежище люди со всей области, а все имущество у них было с собой. Разделив между собой всю добычу, возвратились в Ливонию.

Дек. 25

Поход немцев с лэттами и ливами к Дорпату, в Вайгу, Гервен, Моху и Нурмегундэ

После праздника рождества господня, когда наступили суровые холода и все низины по дорогам покрылись льдом, епископы послали известить по всем замкам Ливонии и по всем областям лэттов, чтобы люди собирались в поход с тевтонами; отправив своих рыцарей с пилигримами и братьями-рыцарями, назначили сбор войска у замка Беверин. С ними шел епископ эстонский Теодерих. Отпраздновав крещение господне, выступили в Унгавнию, и было у них около четырех тысяч тевтонов, пеших и конных, а ливов и лэттов еще столько же. Направились они в область Дорпата (Tharbiten), перешли Мать вод и пришли к оцеплению, уже ранее разрушенному христианами. Пока пилигримы отдыхали там, ливы, лэтты и все более быстрые в войске продвинулись в Вайгу и, опустошив всю область, сошлись у замка Зомелиндэ. На следующий день пришли к своим в Вайгу,[174] стояли там три дня, разорили всю окружающую область, дома и деревни предали огню, многих захватили, многих перебили и взяли много добычи. На четвертый день, продвинувшись дальше в Гервен, войско рассыпалось по всем областям и деревням, захватило и перебило много язычников; женщин и детей увело в плен, взяло много скота, коней и добычи. Сборным пунктом была деревня по имени Каретэн;[175] все окрестности ее войско опустошило пожарами. Была же тогда деревня Каретэн очень красива, велика и многолюдна, как и все деревни в Гервене да и по всей Эстонии, но наши не раз впоследствии опустошали и сжигали их.

1212 Янв. 6

Возвращаясь из трехдневного похода со всей добычей, они сожгли близ лежащие деревни и области, а именно Моху и Нормегунду, и наконец добрались до озера, называемого Ворцегерревэ, перешли его по льду и с радостью вернулись в Ливонию.[176]

8

В. князь новгородский Мстислав идет против немцев в Эстонию. Осада Варболэ

Когда великий король Новгорода Мстислав (Mysteslawe) услышал о тевтонском войске в Эстонии, поднялся и он с пятнадцатью тысячами воинов и пошел в Вайгу, а из Вайги в Гервен; не найдя тут тевтонов, двинулся дальше в Гариэн, осадил замок Варболэ и бился с ними несколько

дней.[177] Осажденные обещали дать ему семьсот марок ногат, если он отступит, и он возвратился в свою землю.

9 По возвращении тевтонов из похода в Ригу, епископ эстонский послал своего священника Саломона в Саккалу преподать людям слово проповеди и совершить таинство крещения, которое давно уже они обещали принять. И прибыл он в замок Вилиендэ и принят был некоторыми и приветствовали его, как Иуда приветствовал господа, устами, но не сердцем. Он проповедовал им слово спасения и некоторых из них крестил. Но жители Саккалы и Унгавнии, услышав, что русское войско в Эстонии, собрали и сами войско изо всех своих областей. Поэтому священник Саломон, чуть только услышал, что они собрались, ушел из замка со своими и думал воротиться в Ливонию, но Лембито из Саккалы отправился вслед за ним с отрядом эстов и, догнав ночью, убил, так же как толмачей его Теодериха и Филиппа с некоторыми другими; все они пали за веру христову и, надеемся, переселились в мир мучеников. Филипп был родом литовец, вскормлен был при дворе епископа и сделался таким верным человеком, что его посылали толмачом на поучение прочих языческих племен. Разделив с другими участь мучеников, он заслужил удел вечного блаженства.

Миссионерская деятельность священника Саломона. Убийство его

10 Лембито же после убийства вернулся к своему войску, и, пока русские были в Эстонии, эти пошли в Руссию, ворвались в город Псков и стали убивать народ,[178] но когда русские подняли тревогу и крик, тотчас побежали с добычей и кое-какими пленными назад в Унгавнию; русские же по возвращении нашли свой город разоренным.

Нападение Лембита на Псков

Февр. 22.

11 В это время ливам, лэттам и эстам, из-за продолжавшихся мора и голода, стали невыносимы тягости войны; они обменялись между собой гонцами и заключили мир, помимо рижан; как только прекратились войны, тотчас исчезли и голод и смертность среди людей.

Ливы и лэтты заключают мир с эстами помимо рижан

12 Когда лед на море и по Двине сошел, отбыли обратно в Тевтонию епископы верденский и пательборнский со своими пилигримами, а в Риге остался Филипп, епископ

рацебургский. Он был одним из высших сановников при дворе императора Оттона, но когда императора постигло отлучение, Филипп, чтобы не видеть его, четыре года оставался пилигримом в Ливонии.[179]

После их отъезда русские во Пскове возмутились против своего короля Владимира, потому что он отдал дочь свою замуж за брата епископа рижского, и изгнали его из города со всей дружиной. Он бежал к королю полоцкому, но мало нашел у него утешения и отправился со своими людьми в Ригу, где и был с почетом принят зятем своим и дружиной епископа.[180] 13

Февр.

Изгнание князя Владимира из Пскова. Прибытие в Ригу

Четырнадцатый год епископства Альберта

Настал от воплощения господня 1212 год, епископства же четырнадцатый, и вновь церковь ливонская радовалась прибытию епископа с пилигримами. Все вышли навстречу ему, вместе с королем Владимиром, и приняли его, вознося хвалы богу. И дал епископ благословение королю и щедро одарил его всем, что привез из Тевтонии, и велел в знак уважения снабжать его всем вдоволь. (XVI) 1212

Восьмой приезд еп. Альберта в Ливонию

Эсты же, собравшись с большим войском изо всех приморских областей, стояли в Койвемундэ,[181] взяв с собой посла рижан Исфрида. Услышав о прибытии епископа и пилигримов, они подвергли Исфрида разным истязаниям и отправили в Ригу, а сами поспешно возвратились в свою землю.

Затем ливы и лэтты, отправив послов в Эстонию, предложили возобновить мир, ранее между ними заключенный.

И обрадовались эсты и послали с ними своих людей в Торейду; приглашен был епископ с братьями-рыцарями и старейшинами Риги, и сошлись они с послами эстов рассудить о справедливости и о причине стольких войн. После многих споров был наконец заключен на три года общий мир, но жители Саккалы до реки Палы оставлены были во власти епископа и тевтонов, чтобы они, уже дав заложников и обещание креститься, могли, по принятии крещения, в полной мере пользоваться правами христиан.[182]

Мир с эстами. Подчинение Саккалы

По заключении мира с эстами прекратилась и в Риге, и в Ливонии, и в Эстонии смертность среди людей, но не утихли войны, ибо некоторые вероломные ливы, бывшие еще кровожадными детьми церкви, терзая чрево матери, всячески искали способа обойти и хитростью захватить братьев-рыцарей, находящихся в Зигевальдэ, чтобы выбросить их из страны, а там уже с большей легкостью изгнать и дружину епископа с другими тевтонами.

Встреча еп. Альберта с кн. Владимиром полоцким. Владимир отказывается от ливской дани

2 Между тем король полоцкий, назначив день и место, послал епископу приглашение прибыть для свидания с ним у Герцикэ, чтобы дать ответ о ливах, бывших данниках короля; чтобы тут же совместно договориться о безопасном плавании купцов по Двине и, возобновив мир, тем легче противостоять литовцам.

Епископ, взяв с собой своих людей и короля Владимира, с братьями-рыцарями и старейшинами ливов и лэттов, отправился навстречу королю. С ним шли и купцы на своих кораблях, причем все надели доспехи, остерегаясь литовских засад по обоим берегам Двины.

Придя к королю, стали с ним обсуждать, что следовало по справедливости. Король же, пытаясь то лаской, то суровостью с угрозами убедить епископа, просил его отказаться от крещения ливов и утверждал, что в его власти либо крестить рабов его ливов, либо оставить некрещенными. Ибо русские короли, покоряя оружием какой-либо народ, обыкновенно заботятся не об обращении его в христианскую веру, а о покорности в смысле уплаты податей и денег Но епископ счел, что *больше надлежит повиноваться богу, чем людям*, больше царю небесному, чем земному, как бог и сам велел в своем евангелии, сказав: «*Идите, учите все народы, крестя их во имя отца и сына и святого духа*».[183] Поэтому он твердо заявил, что и от начатого не отступит и делом проповеди, порученным ему верховным первосвященником, не может пренебречь. Но против уплаты дани королю он не возражал, следуя сказанному господом в его евангелии: «*Отдайте кесарю кесарево, а божье богу*», так как

и сам епископ иногда платил за ливов королю эту дань, тогда как ливы, не желая служить двум господам,[184] то есть русским и тевтонам, постоянно уговаривали епископа вовсе освободить их от ига русских. Король, не удовлетворенный этими справедливыми доводами, наконец вышел из себя и, угрожая предать огню все замки Ливонии, а вместе и самую Ригу, велел своему войску выходить из замка, а затем, будто начиная войну с тевтонами, выстроил на поле весь свой народ со стрелками и двинулся на них. Тогда все люди епископа, с королем Владимиром и братьями-рыцарями, и купцы в своих доспехах смело выступили против короля. Когда сошлись те и другие, Иоанн, настоятель церкви пресвятой Марии, и король Владимир с некоторыми другими, пройдя между двух войск, стали убеждать короля не тревожить войной молодую церковь, чтобы и его не тревожили тевтоны, все люди сильные в своем вооружении и полные желания сразиться с русскими. Смущенный их храбростью, король велел своему войску отойти, а сам прошел к епископу и говорил с ним почтительно, называя отцом духовным; точно также и сам он принят был епископом, как сын. Они оставались некоторое время вместе, тщательно разбирая в переговорах все, что касалось мира. Наконец король, может быть, по божьему внушению, предоставил господину епископу всю Ливонию безданно, чтобы укрепился между ними вечный мир, как против литовцев, так и против других язычников, а купцам был всегда открыт свободный путь по Двине. Покончив с этим, король с купцами и всем своим народом пошел вверх по Двине и с радостью вернулся в свой город Полоцк, и епископ вместе со своими, радуясь еще более, поплыл вниз и возвратился в Ливонию.

По возвращении их возникла великая распря о полях 3
и ульях между венденскими братьями-рыцарями и лэттами из Аутинэ, бывшими тогда в уделе епископа.[185] Братья-рыцари обидели некоторых лэттов, и жалоба их дошла до епископа. И восстал господин епископ, вместе с достопочтенным господином Филиппом, епископом рацебург-

Распря лэттов с меченосцами

ским, и созвал братьев-рыцарей с ливами и лэттами на суд, чтобы умирить спор и возвратить их к прежнему согласию. И спорили там, обмениваясь речами, два дня, но ни к какому мирному соглашению не могли притти. Тогда

Заговор ливов и лэттов

ливы и лэтты ушли от тевтонов, устроили заговор между собою и по обычаю язычников скрепили его, наступив на мечи. Первым из них был Каупо и говорил он в том смысле, что от веры христовой не отречется никогда, но готов вступиться пред епископом за ливов и лэттов, чтобы облегчить им христианские повинности. Другие же, не считаясь с его намерениями, устраивали заговор против братьев-рыцарей и стремились с корнем вырвать из земли ливонской всех тевтонов и род христианский. Увидев это, епископы и братья-рыцари со всеми своими друзьями, ходившими с ними, возвратились — каждый в свое укрепление.

Репрессии против заговорщиков

Тогда ливы из Саттэзелэ,[186] собравшись в своем замке, послали за советом к жителям Леневардена, Гольма, Торейды и ко всем ливам и лэттам. И согласились с ними все и стали укреплять все свои замки, чтобы после сбора урожая сразу укрыться там. И стали эти переговоры известны Даниилу из Леневардена, в то время замещавшему там судью. И послал он и взял всех старейшин ливов той области, знавших о злых замыслах, и бросил их в тюрьму, а замок их сжег. Точно также и рижане, узнав о злейших намерениях жителей Гольма, послали к ним и разрушили верхушку их каменного замка, построенного первым их епископом Мейнардом. Послав и в Торейду, велели в тишине ночи сжечь их замок, чтобы, собравшись там, они не затеяли более грозную войну против рижан. Так, когда замки были сожжены, рухнули замыслы вероломных. Ливы же из

Меченосцы осаждены в Зегевольдэ ливами

Саттэзелэ, уже давно укрывшиеся в свой замок, начали войну против зегевальдских братьев-рыцарей, стали преследовать их дружину и некоторых из них убили. Те однако, выйдя из зегевальдского замка, недавно ими построенного, обратили в бегство противников, преследовали их и убивали, но тут выступили против них еще ливы, более многочисленные и сильные, чем первые, и преследовали

их и убили некоторых и оттеснили их обратно в замок. Так они сражались в течение нескольких дней. И услышал епископ о их распре и послал гонцов спросить о причине этой войны. И пришли в Ригу послы ливов и принесли много жалоб на Родольфа, магистра братьев-рыцарей, рассказывая об отнятых им у них полях, лугах и деньгах. И послал епископ священника Алебранда, крестившего их, с некоторыми другими, но они, явившись, напрасно трудились и не в силах были разрешить их спор. Тогда сам епископ с Филиппом рацебургским пришел в Торейду и, созвав ливов с братьями-рыцарями, стал разбирать их дела. Ливы в полном вооружении оставались за рекой и говорили с тевтонами и во многом обвиняли братьев-рыцарей. И обещал им епископ возвращение всего несправедливо отнятого. Что же касается взятого у них за проступки, то этого возвратить не обещались, как отнятого по заслугам. По совету мудрых людей епископ потребовал у них их сыновей в заложники того, что они не отступят от христианской веры, но они не собирались ни заложников давать, ни повиноваться епископу с братьями-рыцарями, а помышляли об удалении из страны христианской веры вместе со всеми тевтонами. Узнав об этом, епископы отправились обратно в Ригу, но один из спутников стал со слезами просить вновь послать к ливам епископа рацебургского с настоятелем, чтобы испытать, не успокоятся ли они и не примут ли проповеди спасительного учения. И послан был Филипп рацебургский с настоятелем Иоанном, Теодерихом, братом епископа, Каупо и множеством других к тем же ливам. И уселись все вместе с ливами перед их замком и стали обсуждать дело мира и справедливости, а в это время какие-то ливы, подойдя сзади, объявили ложное известие, будто братья-рыцари с войском разоряют область. Тут со страшным криком и шумом они схватили настоятеля и Теодериха, брата епископа, и судью Гергарда, и рыцарей, и клириков со всеми слугами, потащили в замок и с побоями отдали под стражу. Они хотели схватить и епископа, но им препятствовал и грозил

Попытки примирения. Переговоры Алебранда и еп. Альберта с ливами

его священник и толмач, Генрих из Лэттии.[187] Когда утихли крики и безумие ливов, епископ просил отдать ему настоятеля и всех других, грозя карой за такое оскорбление. Всех привели назад, и епископ вновь и вновь увещевал ливов не презирать таинства крещения, не оскорблять своего христианства и почитания бога, не возвращаться к язычеству и потребовал в заложники двух-трех их сыновей. Те отвечали лестью, но и не подумали дать заложников. Тогда сказал епископ: «О люди, недоверчивые сердцем, суровые лицом,[188] льстивые речью, познайте же вашего творца!» Он уговаривал их успокоиться, признать истинного бога и оставить языческие обряды, но ничего не добился. Так, только тщетно потрясши воздух речами, они вернулись в Ригу, а ливы тем не менее начали войну против братьев-рыцарей.

4 Поход против восставших ливов. Осада взятие замка Дабрела

Епископ Альберт, желая отделить куколь от пшеницы[189] и вырвать с корнем зло, возникшее в стране, прежде чем оно размножится, созвал пилигримов с магистром рыцарства и его братьями, рижан и ливов, еще оставшихся верными. И сошлись все и собрали большое войско и, взяв с собой все необходимое, выступили в Торейду и осадили замок Дабрела, где были отступники ливы, и притом ливы не только братьев-рыцарей, но и епископские с другого берега Койвы, у которых князем и старейшиной был Везикэ. И вышли ливы из замка с тыловой стороны, ранили некоторых в войске, захватили их коней и доспехи и возвратились в замок, говоря: «Стойте крепко, ливы, и сражайтесь, чтобы не быть рабами тевтонов».[190] И бились, обороняясь, много дней. Тевтоны же, разрушая осадными машинами замковые укрепления, метали в лагерь массу тяжелых камней и перебили много людей и скота; другие прогоняли с вала защитников замка, раня стрелами много народу; третьи построили осадную башню, но на следующую ночь ветром ее повалило наземь, и поднялся в замке громкий крик, и было ликование: там воздали честь своим богам по древнему обычаю, убивая животных; приносили им в жертву

собак и козлов и бросали затем из замка, издеваясь над христианами, в лицо епископу и всему войску. Но напрасны были все их усилия. Ибо немедленно выстроено было более мощное осадное сооружение: поверх рва поставлена крепкая башня из бревен, а под замок повели подкоп. Между тем Руссин, выйдя на замковый вал, заговорил с венденским магистром Бертольдом, своим драугом,[191] то есть товарищем; сняв шлем с головы, он кланялся с вала и напоминал о прежнем мире и дружбе, но вдруг упал, раненый стрелой в голову, и вскоре умер.[192] Тевтоны рыли вал днем и ночью без передышки и наконец добрались до верхушки его, и вал дал трещину, так что уже все укрепление грозило обрушиться. Тут ливы, видя, что их высокий и крепкий замок близок к разрушению, смутились и пали духом; послали к епископу своих старейшин, Ассэ с прочими, прося пощады и умоляя не убивать их. Епископ же советовал им вернуться к таинствам веры и послал в замок свою хоругвь, и она была поднята над замком, но тут же другими сброшена. Тогда Ассэ предали пытке,[193] война началась снова, и бой разгорелся злее прежнего, но наконец осажденные сдались, подняли хоругвь пресвятой Марии, склонили перед епископом повинные головы и умоляли пощадить их с тем, что они немедленно вернуться к отвергнутому ими христианству, впредь будут строго соблюдать все таинства и никогда больше не вспомнят о языческих обрядах. Сжалившись над ними, епископ велел войску не вступать в замок и не убивать просящих пощады, чтобы не предавать геене много душ. И послушно повиновалось войско и прекратило бой, полное почтения пред епископом, и пощадило неверных, чтобы стали они верными. И возвратился епископ со своими в город свой, ведя с собой старейшин тех ливов, а прочим велел итти следом, чтобы возобновить таинство крещения и установить по прежнему мир и спокойствие. И пришли вслед за епископом послы ливов в Ригу, прося прощения пред всем народом. И сказал епископ: «Если вы отречетесь от почитания ложных богов, всем сердцем вернетесь к почитанию единого бога и дадите

Условия мира

богу и нам должное удовлетворение за свои безмерные вины, тогда только мы вновь восстановим мир, нарушенный вами, и примем вас в лоно братской любви». Те спросили: «Какого же удовлетворения ты требуешь от нас, отец?» Епископ посоветовался с другим епископом, рацебургским, с деканом гальверштадским, бывшим в то время в Риге,[194] с аббатом и настоятелем, а также с магистром братьев-рыцарей и другими разумными людьми из своих и ответил так: «За то, что вы отвергли таинства веры, беспокоили войной господ ваших, братьев-рыцарей;[195] всю Ливонию хотели вновь вернуть к идолопоклонству, и особенно за то, что вы, оскорбляя всевышнего бога, издеваясь над нами и нашими христианами, приносили языческим богам в жертву козлов и прочих животных, бросая их в лицо нам и нашему войску, за это мы требуем со всей вашей области небольшую сумму серебра, а именно: сто озерингов или пятьдесят марок серебра,[196] а сверх того вы обязаны возвратить братьям-рыцарям коней, доспехи и все прочее, отнятое вами у них». Выслушали это вероломные и, все еще не собираясь давать никакого удовлетворения, вернулись к своим; стали оттягивать решение, рассуждать между собой и придумывать уловки, как бы завладеть захваченным на войне, а епископу не дать ничего из оговоренного в обязательствах. И послали послов лучше прежних, стали говорить епископу будто бы ясные речи, но в сердце таили обман. Заметив их вероломство, Алебранд, их первый священник, отвел их в сторону и так говорил, поучая:

Совет Алебранда и компромисс

«Порождения ехидны, как избежите вы гнева божия, если вы всегда исполнены желчи коварства, а за свои злодеяния не хотите дать удовлетворения? Принесите же плоды покаяния и, если вы по правде захотите обратиться к богу, он всегда будет с вами;[197] вы, до сих пор двоедушные и непостоянные, станете тверды в путях своих и увидите помощь господа над собой. Ведь до сих пор никогда еще не имели вы полной твердости в вере, вы не хотели чтить бога приношением десятины, так просите же, чтобы госпо-

дин епископ забыл все ваши преступления и вменил вам в полное отпущение грехов то, что вы будете искренно верить в бога, полностью примете на себя все повинности христианства, станете платить богу и служителям его десятину плодов ваших, как делают все другие народы, возрожденные водой святого крещения. И увеличит вам господь остающиеся девять десятых, и будете вы богаче, чем прежде, и вещами и деньгами; и избавит вас бог от нападений других народов и от всех ваших тягостей». Выслушав эти спасительные увещания, ливы радостно вернулись в Торейду и рассказали всем о речи священника Алебранда. И понравилась она всем, потому что не приходилось теперь же платить никакой денежной пени, а на будущий год они надеялись вместе с эстами разбить тевтонов. И пришли все старейшины, какие уцелели в замке Дабрела, а также ливы епископа с другого берега Койвы, Везикэ со своими и прочие из Метсеполэ в Ригу и просили епископа, как научил их Алебранд, чтобы совершенно укрепил их в вере христовой, а в возмещение их злодеяний велел им ежегодно платить десятину. Эта речь не понравилась ни епископам, ни другим понимающим людям. Все боялись, что обещания ливов полны лжи и коварных ухищрений. И все же епископ, уступая их настойчивым мольбам, а еще более желанию пилигримов и всего народа, согласился на их просьбы, снова принял их в число своих сынов, дал им мир и утвердил их обещание впредь быть верными и ежегодно платить десятину

5 С тех пор ливы из замка Дабрела, как и обещали, ежегодно платят десятину, и хранит их доныне господь от всякого нападения язычников или русских. Ливы же епископа, вследствие его снисхождения, а их большого благочестия, до сих пор платили установленную меру, вместо десятины. Точно так же идумеи и лэтты, не ходившие на войну и не оскорблявшие святыни веры, ежегодно и до сего дня платят, вместо десятины, первоначально установленную четырьмя епископами меру; но те из них, кто ходили на эту войну или гонцов посылали, или пошли,

но вернулись с дороги, или хоть коней в поход оседлали, уплатили своим судьям деньги в возмещение.[198]

6 Пришли в Ригу также лэтты из Аутинэ и принесли жалобу епископам на венденских братьев-рыцарей об обидах, ими нанесенных, и об отнятых ульях. И выбрали посредников, и вынесен был приговор, что лэтты, дав присягу, могут получить обратно во владение свои ульи, а братья-рыцари, присягнув, получат поля, но за оскорбление должны вознаградить лэттов достаточной суммой

Решение по делу лэттов с венденскими меченосцами

7 денег. Король Владимир с теми же лэттами пришел в Аутинэ и оставался с ними, исполняя обязанности судьи, до окончания обмена, причем братья-рыцари предоставили замок Кукенойс целиком епископу, сами же, вместо третьей части Кукенойса, снова получили во владение Аутинэ.[199] Королю Владимиру предоставлено было судейское место зятя его Теодериха в Идумее, так как сам Теодерих отправлялся в Тевтонию.

Кн. Владимир судья в Идумее

8 В это время пришли литовцы в Кукенойс и просили мира и пропуска к эстам. И дан был им мир и проход разрешен к еще не обращенным эстам. Тотчас явившись с войском и мирно пройдя через землю лэттов, они вступили в Саккалу, захватили и перебили много мужчин, взяли все их имущество; женщин, детей и скот увели с собой и с большой добычей вернулись другой дорогой в свою землю. И были в негодовании на них тевтоны за то, что они разорили Саккалу, уже покорившуюся епископу; те же отвечали (да это и было правдой), что эсты все еще выступают, подняв голову, не повинуясь ни тевтонам, ни кому другому.[200]

Поход литовцев в Саккалу

Пятнадцатый год епископства Альберта

(XVII) На пятнадцатый год своего посвящения глава ливон-
1213 ской церкви вернулся в Тевтонию, поручив замещать себя упоминавшемуся выше достопочтенному епископу рацебургской церкви, Филиппу. Это был весьма праведный человек и по благочестию и по всей своей жизни; очи и руки его всегда были простерты к небу, его неутомимый дух постоянно пребывал в молитве. Любя рыцарей, поучая

клириков, заботясь о ливах и тевтонах с лаской и большим вниманием, он и словом и примером весьма прославил новую церковь среди язычников. И отдохнула немного церковь в те дни от тягостей войны, хотя страх был повседневный и внутри и извне[201] из-за коварных и злоумышленных начинаний ливов и эстов, желавших зла тевтонам и городу Риге.

Литовцы, не заботясь о заключенном с тевтонами мире, 2
пришли к Двине и, вызвав некоторых из замка Кукенойс, метнули копье в Двину в знак отказа от мира и дружбы с тевтонами. И собрали большое войско и, переправившись через Двину, пришли в землю лэттов, разграбили их деревеньки и многих перебили; дойдя до Трикатуи, захватили старейшину этой области Талибальда и сына его Варибулэ, а затем перешли Койву, у Имеры застали людей по деревням, схватили их, частью перебили и вдруг со всей добычей повернули назад.

Когда же увидел Рамеко, что в плен ведут отца его и брата, поднялся он со всеми лэттами, а с ними вместе и Бертольд венденский с братьями-рыцарями, и пошли они вслед за литовцами. Подойдя уже близко к врагам, но боясь, что отца его убьют, если напасть на них с тыла, Рамеко повел свое войско другой обходной дорогой, но литовцы заметили это, поспешно бежали и скрылись. Когда они переправились через Двину и уже подходили к своим владениям, Талибальд бежал и, десять дней не евши хлеба, радостно возвратился в родную землю.

В это время Даугерутэ, отец жены короля Всеволода, 3
(Vissewalde), с большими дарами отправился к великому королю новгородскому и заключил с ним мирный союз. На обратном пути он был схвачен братьями-рыцарями, отведен в Венден и брошен в тюрьму. Там держали его много дней, пока не пришли к нему из Литвы некоторые из друзей его, а после того он сам пронзил себя мечом.[202]

Между тем Владимир, судья идумеев и лэттов, пожинал многое, чего не сеял,[203] производя суд и решая дела, а так как решения его не по душе были епископу 4

Уход князя Владимира на Русь

рацебургскому, а также и всем прочим, он наконец, исполняя желание многих, ушел в Руссию.

5 Рыцари из Кукенойса и лэтты часто в то время разоряли селов и литовцев, опустошали их деревни и владения, одних убивали, других уводили в плен, не раз делали засады на дорогах и причиняли им много вреда. Поэтому литовцы, собрав войско, пришли за Двину в область Леневардена, захватили ливов по деревням, некоторых убили, женщин, детей, скот и много добычи забрали с собой и увели в плен старейшину той области, Ульдевенэ. Тут явился Волквин, магистр рыцарства христова, братья которого поднялись вверх по Двине вместе с купцами. Магистр с немногими погнался за литовцами, ударил на них с тыла и бился с ними. И пал убитым князь и старейшина литовцев и много других с ним, а прочие, кто были в передовом отряде, спаслись бегством и увели с собой Ульдевенэ. В виде выкупа за него потом отдали голову того убитого литовца, чтобы, получив хотя бы голову, там могли справить ему должное погребение с пиром по обычаю язычников.

Нападение литовцев на Леневарден

6 В следующую зиму Владимир с женой, сыновьями и всей дружиной вернулся в Ливонию, и приняли его лэтты и идумеи, хоть и без большой радости, а священники Алебранд и Генрих послали ему хлеб и дары. Сел он в Метимне[204] и стал судить, собирая с области, что ему было необходимо.

Возвращение кн. Владимира в Ливонию

Поражение литовцев

И пришли снова литовцы за Двину со своими спутниками, и был с ними их вождь и князь, Стексэ. Тевтоны радовались его приходу и собрались все, а в том числе и Бертольд венденский со своими братьями; позвали с собой короля Владимира, других тевтонов и лэттов и пошли навстречу литовцам. Устроив засаду на дороге, ударили на них и убили их вождя, вышесказанного Стексэ, и множество других, а прочие бежали, чтобы принести домой известие о случившемся. И жила церковь в тишине немного дней.

Шестнадцатый год епископства Альберта

Был шестнадцатый год посвящения епископа, и возвратился он в Ливонию со многими пилигримами, найдя церковь радующейся относительному миру и спокойствию, а во главе ее — своего заместителя, достопочтенного епископа рацебургского. Распорядившись обо всем, о чем следовало, он вновь поспешил в Тевтонию, чтобы в следующем году с большей легкостью прибыть на собор в Рим,[205] назначенный уже два года назад, а в Риге оставил в доме своем и на своем иждивении вышеназванного епископа. Там же находилась жена Владимира и дружина его, к которым все относились ласково. (XVIII) 1214

Возвращение епископа и новый отъезд

2 Сам же Владимир накопил в Идумее и Лэттии и вещей и денег, будучи судьей в гражданских делах. Против него выступил Алебранд, священник идумеев, и сказал: «Если ты, король, удостоился быть судьей над людьми, тебе н а д о б ы л о правосудно судить ради истины, а не притеснять бедных, не отнимать у них имущества и не смущать наших новообращенных, толкая их на бо̀льшие уклонения от веры христовой». Король пришел в негодование и с угрозой сказал Алебранду: «Н а д о б у д е т мне, Алебранд, поуменьшить богатство и изобилие в твоем доме». И действительно, впоследствии он привел в дом Алебранда большое русское войско и разорил все, как будет рассказано ниже.[206] Немного времени спустя он со всей дружиной ушел в Руссию.

Упреки Алебранда кн.Владимиру. Угроза Владимира

3 После того епископ Филипп рацебургский с пилигримами и судьей Гергардом прошел в Торейду и построил там небольшой замок епископу, назвав его Вределандэ, то есть как бы умиротворяющий страну,[207] в надежде, что этот замок будет залогом мира в стране и убежищем для священников со всеми его людьми. Туда к нему пришли сыновья Талибальда из Толовы, Рамекэ с братьями и, отдавшись во власть епископа, обещали переменить христианскую веру, принятую ими от русских, на латинский обряд и платить с каждых двух коней меру хлеба в год с тем, чтобы

Постройка замка Фридланд

и во время мира и во время войны быть им всегда под покровительством епископа, жить с тевтонами единым сердцем и одной душой,[208] а против эстов и литовцев получать защиту. И принял их епископ с радостью, отпустил с ними своего священника, жившего близ Имеры, чтобы он совершал для них таинства веры и преподал им начатки христианского учения.

4 Нападение рыцарей на Герцикэ

Между тем рыцари из Кукенойса, Мейнард, Иоанн, Иордан и другие обвиняли короля Герцикэ Всеволода (Vissewalde) в том, что он уже много лет не является к отцу своему епископу, после того как получил от него свое королевство, а в то же время постоянно помогает литовцам и советом и делом. Они не раз обращались к нему, требуя удовлетворения, но тот, не обращая на это внимания, и сам не являлся, и с ответом не присылал. Тогда рыцари, спросив сначала совета у епископа, собрались со слугами своими и лэттами и пошли вверх по Двине. Уже поблизости замка Герцикэ они поймали одного из русских, связали и ночью потащили с собой к замку. Он первый, как было велено, перебрался через ров и заговорил со сторожевым, а другие поодиночке следовали за ним. Сторожевой думал, что это идут свои, бывшие в отсутствии горожане, а они между тем один за другим взбирались наверх, пока наконец все не оказались в верхней части укрепления. Тогда, собравшись вместе, они окружили замок по всему валу стражей и никому из русских не давали выйти оттуда, пока не рассвело. С рассветом они сошли в замок и захватили все, что было там, многих взяли в плен, а другим не мешали бежать. С большой добычей они покинули замок, возвратились домой и разделили между собой все захваченное.

5 Поход рижан на Роталию

Шел третий год мира, заключенного с эстами, и срок его истекал. Епископ созвал всех священников, собрал капитул, советовался с ними, а также с рыцарями и приглашенными старейшинами ливов и решил сделать поход в Эстонию, потому что эсты и сами не являлись и о возобновлении мира не заботились, а скорее, наоборот, неизменно желали гибели ливонской церкви. И послал епископ по замкам

лэттов, ливов и всего побережья Двины и Койвы и собрал большое и сильное войско, да и в самой Риге было много пилигримов и купцов, и все они с радостью пошли в поход вместе с магистром рыцарства и его братьями; сбор войска назначен был в Койвемундэ. С ними прибыл туда и епископ. Некоторые из ливов хотели направить войско в Куронию, но не пришло еще время для этого народа удостоиться милости божьей.[209] Благословив войско, епископ вернулся в Ригу. Войско же продвинулось к Салетсе, и пришли они в область, называемую Зотагана. Помня о своих обещаниях и о мире, уже ранее дарованном жителям этой области, тевтоны мирно прошли через нее, не причиняя людям никакого зла, не гоня их из домов и не преследуя бегущих; наоборот, решено было держаться вполне доброжелательно, пока не придут в другие области, где люди никогда не заботились о заключении мира с рижанами, думая, что те не в силах будут добраться с войском в такие далекие края. А было у наших около трех тысяч тевтонов и столько же ливов с лэттами. И шли они по льду моря мимо Салетсы,[210] пока не пришли, куда хотели, то есть в Роталию. По прибытии туда разделили войско отрядами по всем дорогам и деревням и застали по деревням мужчин, женщин и детей и всех от мала до велика, так как не слышали там ничего о предстоящем приходе войска. И в гневе своем ударили на них[211] и умертвили всех мужчин, а ливы с лэттами, превосходящие жестокостью другие народы и не знающие, как евангельский раб, жалости к товарищу-рабу,[212] перебили бесчисленное множество народу, даже некоторых женщин и детей, не щадя никого ни в полях, ни в деревнях. И залили кровью язычников все дороги и места и преследовали их по всем областям морского края, называемым Ротелевик и Роталия. Лэтты с прочими преследовали даже некоторых бежавших на морской лед и, догнав, тотчас убивали, а все вещи и имущество их забирали. И награбили сыновья Талибальда три ливонских таланта серебра, не считая одежды, коней и большой добычи, и все это отвезли

в Беверин. Точно также и все войско и в первый, и во второй и в третий день преследовало бегущих эстов повсюду и убивало направо и налево, пока не обессилели от усталости и люди и кони. Тогда наконец, на четвертый день собрались все в одном месте со всем награбленным, а оттуда, гоня с собой коней и массу скота, ведя женщин, детей и девушек, с большой добычей радостно возвратились в Ливонию, благословляя господа за это возмездие, посланное на язычников. И смутились язычники, и б ы л у н и х в е л и к и й п л а ч и в о п л ь. П л а к а л а и Эстония о д е т я х с в о и х и н е м о г л а у т е ш и т ь с я, т а к к а к п о г и б л и о н и [213] и в нынешней и в будущей жизни, а еще больше из-за множества убитых, ибо им числа не было.

6 Пожар Риги

После того, в великом посту случился в тишине глубокой ночи большой пожар в городе Риге. Горела старая часть города, та, что первой была построена и первая обведена стеной, от церкви св. Марии, которая сгорела вместе с большими колоколами, до дома епископа и соседних домов, вплоть до церкви братьев-рыцарей. И сильно горевал народ о сладкозвучном боевом колоколе и о вреде, причиненном городу. И отлит был другой колокол, больше первого.

7 Поход рижан в Саккалу

После того как все отдохнули от походной усталости и снова собрались с силами и сами и кони их, назначен был в великом посту другой поход. Выступив вместе с братьями-рыцарями, рижане позвали с собой ливов и лэттов и пошли в Саккалу. Оставив позади замок Вилиендэ и разорив всю окружающую землю, они неожиданно собрались у замка

Взятие замка Леолэ

Лембита, по имени Леолэ. Бывшие в замке эсты смело бросились навстречу первым подошедшим, так что те оробели и, собравшись вместе, стали ждать прибытия своих. На следующий и на третий день осаждали замок, сложили костер из бревен выше вала и подложили огонь; подожгли и вал, который построен был из земли и бревен, и огонь, постепенно поднимаясь, стал приближаться к верхнему краю укрепления. Осажденные, видя, что вал горит, и боясь,

что из-за этого замок будет взят, обещали заплатить деньги, если враги отступят от замка. Тевтоны же заявили, что ничего другого от них не требуют, кроме того, чтобы они крестились и, признав истинного миротворца, стали братьями им и в этом веке и в будущем. Осажденные отказывались с отвращением и боялись отдаться в руки тевтонов. Тогда ливы и лэтты да и все войско, усилив огонь, грозили сжечь все до тла и перебить осажденных. Когда вал был уже разрушен, те, боясь быть убитыми, стали просить пощады, вышли из замка и обещали креститься. Были при войске священник Иоанн Штрик и Отто, священник братьев-рыцарей, и приняли крещение вероломный Лембит со всеми прочими, женщинами, детьми и мужчинами, что были в замке, и обещали с неизменной верностью соблюдать все законы христианства. Это обещание однако они впоследствии нарушили с вероломным коварством. Войско между тем вступило в замок, разграбило все добро, угнало коней, быков и весь скот, захватило много добычи и, разделив ее между собой, с радостью возвратилось в Ливонию, а старейшин замка, Лембита и других, увело с собой. Когда те дали сыновей своих в заложники, их отпустили домой. И благословляли все господа, чудесным образом передавшего замок в их руки, без обстрела балистами и метательными орудиями, и проникло имя христово отсюда в другие области.

8 Убийство эзельцами священника Фредерика

В замке Вределандэ был один священник цистерцианского ордена, Фредерик из Целлы, которого епископ, властью господина папы,[214] взял для проповеди евангелия. В вербное воскресенье он со слезами совершил таинство (Апр. 12) страстей господних; кротко поучая, сказал присутствовавшим ободряющее слово о кресте христовом и, справив праздник воскресения господня, собрался со своим учеником (Апр. 19) и некоторыми другими ехать на корабле в Ригу. В устье реки [215] встретились ему эзельцы и напали на него, схватили вместе с его мальчиком и некоторыми ливами и увезли на своих разбойничьих судах, а потом, выйдя на берег реки Адии, стали мучить разными пытками. В то

время как он с учеником своим, обратясь к небу, изливал молитвенные хвалы и благодарения господу, те, избивая их обоих по голове и по спине дубинами, насмешливо приговаривали: «Лаула, лаула, паппи», ибо написано: «На хребте моем работали грешники, но господь справедливый рассечет их шеи».[216] Об этом ниже будет сказано. После того, заострив крепкие сухие спицы, вбивали им в пальцы между ногтем и мясом, истерзали им все тело, подложили огонь и жестоко мучили. Наконец убили, рассекли топором между плечами, и души их, без сомнения, переселились в мир мучеников. Тела же их были брошены, как и написано: «Плоть святых твоих отдали зверям земным; пролили кровь их, как воду, вокруг Иерусалима, и некому было похоронить».[217] Некоторых ливов они также увели с собой в плен на Эзель, и те по возвращении рассказали нам все выше изложенное.

Взятие рыцарями Герцикэ отступление перед литовцами

9 Мейнард из Кукенойса с соратниками своими вновь собрал войско против короля Всеволода (Wissewaldum) из Герцикэ. И услышал о том Всеволод и послал гонцов к литовцам. Те явились и стали ждать за Двиной. Между тем бывшие с Мейнардом, не зная об этом, пришли и взяли Герцикэ, захватив большую добычу, коней и скот. Тут на другом берегу появились литовцы и просили дать им суда для переезда, чтобы переговорить о возобновлении мира. Вполне поверив их лживым словам, простодушные люди послали им суда, и литовцы тотчас стали переправляться, одни других перевозили и появлялось их все больше и больше. Наконец все войско бросилось в Двину и поплыло к ним. Когда рыцари увидели эту массу врагов, они не решились дожидаться столкновения: одни спустились на корабле вниз по Двине и невредимыми вернулись в Кукенойс; другие же, возвращаясь с лэттами сухим путем, подверглись нападению литовцев с тыла, причем лэтты, видя малочисленность своих, тут же обратились в бегство.

И бились рыцари Мейнард, Иоанн и Иордан, но не могли противостоять такому огромному войску и пали наконец убитыми. И услышали об этом епископ и рижане и горевали о них, говоря: «Так на войне пали храбрые, и оружие воинов погибло».[218]

Семнадцатый год епископства Альберта

(XIX) 1215

Эсты идут на Ригу

Был семнадцатый год епископства Альберта, и вновь началась война по всем границам Ливонии. После роталийского похода и покорения Лембита из Саккалы, вся Эстония стала враждебной Ливонии. Эсты условились явиться сразу с тремя войсками разорять Ливонию: эзельцы должны были осадить Ригу и загородить гавань на Двине, роталийцы — напасть на торейдских ливов, а жители Саккалы и Унгавнии — в это время опустошить землю лэттов, чтобы ливы и лэтты, задержанные войной у себя, не могли притти на помощь рижанам.

2

Попытки загородить Двину

И явились эзельцы с большим войском на кораблях в Динамюндэ. Они привели с собой корабли и лодки, нагруженные камнями, и утопили их в море при устье реки; устроили еще вместилища из бревен и, также наполнив камнями, свалили в устье Двины, чтобы запереть вход в гавань. Некоторые из них в ладьях пошли вверх по течению к городу и, гребя из стороны в сторону, наконец пристали к берегу и вышли на поле. Братья-рыцари с другими горожанами стояли у ворот, а некоторые из слуг с ливами, увидев врагов в поле, бросились на них внезапно, одних убили, а других гнали вплоть до судов. Во время бегства один из их разбойничьих кораблей разбился и потонул со всеми, бывшими на нем, прочие же спаслись и возвратились к своим в Динамюндэ. И поднялись рижане со всеми, кого могли собрать, и пошли вслед за ними, одни на кораблях, другие сушей. Увидев их, эзельцы отошли к другому берегу Двины, не дожидаясь боя. И вдруг рижане, всмотревшись вдаль, заметили в море два приближающихся корабля, на которых были граф Борхард из Альденборха[219] и братья епископа, Ротмар и Теодерих. Те подошли к Двине,

увидели перед собой врагов на морском берегу, а рижан на другом и не могли разобрать, где христиане. Рижане подали им знак, подняв знамена, и чуть только вновь прибывшие узнали их, а вместе с тем определили многочисленность врагов, повернули свои корабли и быстро двинулись на эзельцев. Некоторые из рижан пошли на своих кораблях в тыл врагам по Двине, другие же дожидались на берегу исхода дела. Когда эзельцы увидели, что христианские войска окружают их со всех сторон, они бросились к своим кораблям, рассыпались по морю, удачно миновав корабли христиан, и скрылись из глаз. Рижане преследовали их и захватили несколько кораблей, а прочие бежали. И приняли рижане пилигримов с радостью и благословляли господа, который и в этом нынешнем испытании даровал утешение своему народу

Бой и бегство эзельцев

Воды реки, пробивавшие себе путь сильным течением, и морские бури прибоем волн расшатали затопленное в глубине реки заграждение, а что оставалось, разрушили и вытащили тевтоны, и снова открылся свободный путь по Двине для всех желающих.

Эсты в Ливонии. Пытка Талибальда

3 Пока эзельцы были на Двине, роталийцы, собравши войско из своих приморских областей, вступили в Ливонию, в Метсеполэ, разоряя и сжигая деревни, но никого из ливов не могли найти, так как все они с женами и детьми сбежались в замки. И собрали ливы своих, чтобы итти на неприятеля, но роталийцы, узнав об этом, а также о бегстве эзельцев с Двины, бежали и сами и возвратились в свою землю. Между тем жители Саккалы и Унгавнии явились с большим войском в землю лэттов и осадили замок Аутинэ. И выступили братья-рыцари из Вендена, чтобы сразиться с ними, но те, узнав об этом, также бежали. Придя под вечер в Трикатую, они застали там Талибальда, вернувшегося для купанья из лесного убежища, схватили его и с жестокостью стали заживо жечь на огне, грозя смертью, если не покажет им, где все его деньги. И он предъявил им пятьдесят озерингов, но те не перестали жечь его. Тогда сказал Талибальд: «Если я укажу вам все деньги мои

и детей моих, вы все равно меня сожжете», и не захотел ничего больше указать им. Тогда они вновь положили его на огонь и жарили, как рыбу, пока он, испустив дух не умер. Так как был он христианином из числа верных лэттов, мы надеемся, что душа его за такие мучения наслаждается теперь вместе со святыми мучениками вечной радостью.[220] И вернулись эсты в землю свою, и обратил господь в ничто их замыслы.

Месть лэттов и рижан. Разорение Унгавнии

Сыновья Талибальда, Рамеко и Дривинальдэ, видевшие смерть отца, были в великом гневе на эстов, собрали войско из лэттов, своих друзей и близких, а вместе с ними пошли и братья-рыцари из Вендена с прочими тевтонами; и вступили они в Унгавнию, опустошили и предали огню все деревни, а мужчин, каких могли захватить, всех сожгли живыми, мстя за Талибальда. Сожгли все их замки, чтобы не было у них там убежища. Искали врагов и в темной чаще лесов, нигде от них нельзя было укрыться, и вытащив оттуда, убивали. Женщин и детей увели с собой в плен, захватили коней, скот, большую добычу и вернулись в землю свою. На возвратном пути встретились им другие лэтты; пошли и эти в Унгавнию и докончили оставленное первыми: добрались до деревень и областей, куда не доходили те, и если кто до сих пор уцелел, не миновал гибели теперь. И захватили они многих, и перебили всех мужчин, и повлекли в плен женщин и детей, и увели скот, взяв большую добычу.

Возвращаясь, по дороге встретили еще лэттов, собравшихся в поход в Унгавнию. Эти тоже стремились награбить добычи и отомстить убийствами за родителей и близких, умерщвленных эстами. И прошли они в Унгавнию и грабили ее и уводили в плен людей не меньше первых. Они захватывали тех, кто возвращался из лесу на поля и в деревни за пищей; одних сжигали на огне, других кололи мечом; они истязали людей разными пытками до тех пор, пока те наконец не открыли им, где спрятаны деньги, пока не привели во все свои убежища в лесах, пока не предали в их руки женщин и детей. Но и тогда еще не смяг-

чились души лэттов: захватив деньги и все имущество, женщин и детей до последнего человека и все, что еще оставалось, они прошли по всем областям вплоть до Матери вод в области Дорпата (Darbeten), не щадя никого: мужского пола всех перебили, женщин и детей увели в плен и, отомстив таким образом своим врагам, весело возвратились домой со всей добычей.

И снова собрались вместе Бертольд венденский со своими и Теодерих, брат епископа, с рыцарями и слугами, и сыновья Талибальда со своими лэттами; отправились с войском в Унгавнию, захватили эстов, уцелевших ранее от лэттов, и перебили их; деревни, какие еще оставались, сожгли и все, что прежде было недоделано, тщательно закончили.

Они обошли кругом все области, перешли Мать вод и добрались до Вайги; таким же образом разорили всю землю за рекой, сжигая деревни и убивая мужчин; захватили женщин и детей и, нанеся вред, какой могли, вернулись в Ливонию; вернувшись, тут же отрядили других, чтобы снова идти в Унгавнию и нанести такой же вред, а когда те возвратились, были посланы третьи, и не прекращали лэтты нападений, не давая покоя эстам в Унгавнии. Не имели покоя и сами они, пока в то же лето девятью отрядами окончательно не разорили ту область, обратив ее в пустыню, так что уж ни людей, ни съестного в ней не осталось. Ибо думали они либо воевать до тех пор, пока уцелевшие эсты не придут просить мира и крещения, либо истребить их совершенно. Дошло до того, что у сыновей Талибальда перевалило уже за сотню число врагов, которых они, мстя за отца, сожгли живыми или умертвили другими муками, не говоря о бесчисленном множестве других, кого истребили лэтты, тевтоны и ливы.

Мир с унгавнийцами

4 Когда те, кто еще остались живы в Унгавнии, увидели, что им никуда не скрыться от ярости тевтонов и лэттов, они послали в Ригу послов просить мира. В ответ им было сказано, чтобы сначала возвратили добро, когда-то отнятое у купцов. Те утверждали, что похитители добра убиты лэттами, а они никак не могут возвратить его, и просили,

покончив все счеты, крестить их, чтобы им достигнуть истинного мира и неизменной братской любви тевтонов и лэттов. И обрадовались тевтоны, утвердили мир с ними и обещали послать в Унгавнию священников для крещения. Жители Саккалы, услышав обо всех бедствиях, испытанных Унгавнией, и боясь, как бы и с ними не случилось то же, послали и сами просить, чтобы к ним были отправлены священники и они, крестившись всей областью, могли бы стать друзьями христианам. И посланы были к ним священник Петр Какувальдэ из Винландии и Отто, священник братьев-рыцарей, и направились в Саккалу и совершили крещение там повсюду до Палы, а в Унгавнии — до Матери вод, а затем воротились в Ливонию, не решаясь еще жить там из-за дикости других эстов.

5

Епископы из Риги заперты эзельцами в их гавани

Епископ рацебургский, спеша с епископом эстонским Теодерихом на собор в Рим,[221] вышел в море вместе с пилигримами, отправлявшимися в Тевтонию, и на девяти кораблях они быстро поплыли в Готландию. И поднялся на следующую ночь противный ветер с грозой, и терпели они затем весь день великую бурю, и занесло их наконец в новую гавань на Эзеле. Как только эзельцы узнали, что они из Риги, стали грозить им войной, послали людей по всему Эзелю и собрали большое войско на судах. Другие же явились верхом и стали строить на берегу моря вместилища из бревен и наполнять их камнями, чтобы загородить гавань, имевшую узкий вход, а заперши гавань, захватить всех и убить. Тевтоны же подошли к берегу на лодках, то есть на малых судах, и стали мечами жать посевы на полях, не зная, что на соседнем берегу войско, да и на другом берегу делали то же в некоторые дни. Наконец эзельцы, устроив засаду, захватили восьмерых из них, одних убили, а других увели в плен, взяв и одну лодку. Очень осмелев после этого, они послали по всем областям Эстонии сказать, что захватили епископа рижского со всем его войском. И явились все с большими силами, и когда рассвело ранним утром, оказалось, что все море перед нами [222] черно от массы их разбойничьих судов. И бились

они с нами целый день. Некоторые из них, притащив вместилища из бревен и старые ладьи, погрузили на дно, наполнив камнями, и загородили нам выход из гавани. Мы пришли в великий ужас и думали, что теперь уж не спасемся из их рук. Другие же развели три громадных костра, сложенные из бревен, облитых жиром, поверх наваленных горой больших деревьев. Огонь первого костра, горевший сильнее других, относило в сторону моря и он приближался к нам: бурные порывы южного ветра гнали его на нас. Эсты же разъезжали на своих судах вокруг огня, поддерживали его и направляли прямо на середину наших кораблей. А были эти корабли все связаны вместе, чтобы легче защищаться от врагов, но от этого мы еще более боялись, что не избежим огня. Когда уже языки огня, поднимавшегося выше кораблей, стали достигать нас, мы позвали епископа из его каюты, где он день и ночь молился. И пришел он и увидел, что нет для нас ни надежды, ни помощи, кроме бога, и, подняв глаза и руки к небу, стал молиться об избавлении от наступающего огня. И вот вдруг все мы видим: южный ветер переменился на восточный, и ветер с востока повернул в противоположную сторону флюгер на мачте и отвел огонь от нас и понес его, со всей осторожностью минуя корабли, в море сзади нас.[223] И благословили все мы господа за то, что воочию избавил нас от неминуемого пожара. Эсты же направляли на нас огонь второго и третьего костра; мы долго бились с ним и много трудились, заливая водой, но наконец ветер отнес его от нас. Между тем эсты кружились около нас в лодках и многих у нас ранили, одни — копьями и стрелами, другие, плывшие им вслед тем же путем, бросая камни и дубины. И были мы в страхе и оттого, что гавань заперта, и от всех тягостей войны. И сказал тут Альберт Слук, наш корабельщик:

План спасения и бегство

«Если вы согласитесь терпеливо повиноваться, то господь избавит нас от нынешних опасностей. Наши корабли не нагружены, а порожние: для них довольно небольшой глубины. Поэтому мы можем уйти другим путем, если смелые и вооруженные люди сядут в лодки,

вывезут якоря и бросят их на глубине, а затем вернутся к нам через вражеский строй; прочие же тогда, привязав к якорям канаты, станут подтягивать к ним корабли, пока мы не выйдем на глубину». И повиновались все мы и тянули, пока, миновав все трудности, не достигли великого и пространного моря.[224] Те же рыцари и слуги, что в лодках вывозили якоря, выдержали самое яростное нападение врагов и получили тяжкие раны от их копий и стрел, а также от ударов камнем. Они взяли с собой изогнутое железо или железный крюк, чтобы, закинув его на какой-либо из разбойничьих кораблей, таким образом сцепиться с ним. Бросив крюк на один из них, они уже собирались подтянуть его к себе, но эсты, сильно гребя, побежали от них навстречу другим своим же. В этот час епископ так молился пресвятой деве: «Покажи, что ты мать! Покажи, что ты мать!» И она поистине явила себя матерью, ибо бежавший корабль (а это было большое судно, полное людей) с разбегу наскочил на другой, раскололся посредине с большим треском и наполнился водой, а люди попадали в море и утонули, и были в смущении все прочие. Увидев, что мы уже вышли на глубину, они собрались на берегу моря, а было их много тысяч, сошедшихся со всей Эстонии и на конях и пешком и на кораблях, которых было до двухсот. И началась распря между ними с большим криком и драками из-за того, что, трудившись две недели, они ничего не добились да еще и потеряли много утонувшими в море или убитыми рукою наших балистариев. И подняв паруса, рассеялись по морю и разошлись каждый своею дорогой. Наши же пошли за ними в лодках, отняли один корабль побольше и увели с собой в Готландию. И спасла нас в тот день пресвятая дева, как спасала доныне всех ливонцев от всех тягостей вплоть до сего дня.

6 **Голод на кораблях**

После того как избавил нас господь от эзельцев, исполнилось уже три недели, а мы все еще стояли в той же гавани, так как на море изо дня в день была непогода, штормовые бури и ветер держался противный. У нас не хватило съестного и начался сильный голод. И разделил между

нами по доброте своей епископ все, что у него было, а мы ежедневно давали обеты и молились, чтобы спас нас господь оттуда. И вот в канун Марии Магдалины, в то время как мы, уже едва живые, пели респонсориум, подул южный ветер,[225] утихли все противные ветры, и дал нам господь попутный. И подняли мы паруса и на следующее утро пришли в Готландию. И ставши на камень у алтаря, епископ вознес благодарность господу и молился так: «Прошли мы, господи, через огонь и воду и вывел ты нас в места отрады. Ибо испытал ты нас, боже, испытанием огня, как испытывают серебро. Ты привел нас в сети, возложил мучение на спины наши и дал людям наступить на главы наши.[226] Ты избавил нас, господи, ото всех опасностей и привел нас на эту крепкую скалу». Ибо велико было желание его достигнуть скалы, какой является Христос, и с большой тоской переносил он в море лишение торжественной мессы, хотя через день и приобщался вне господней службы.[227] И исполнил, наконец, господь желание его и направил его продолжать путь в Верону,[228] где после небольшой болезни он и отдал господу дух свой. И погребено его тело в мраморной гробнице, прежней гробнице одного кардинала, в обители августинского ордена, что над рекой. И видел один веронец видение: колонна, сверкающая, как молния, появилась из-за Альп и там спустилась на покой. И другие свидетельствовали о таких же ангельских явлениях, виденных ими у его гробницы. И не удивительно! Это был непоколебимо твердый человек: ни в счастьи, ни в несчастьи ничто его не могло отвлечь от стремления ко Христу; ни разу он не пожелал прервать уставное свое безмолвие до окончания утренних молитв в первом часу дня[229] — ни во время рижского пожара, когда все сгорело кругом и он вынужден был бежать из своего дома, ни даже среди врагов на море, ни, в третий раз, тогда, когда он тяжело ранен был сторожевым на стене ночью во время молитвы.

Смерть епископа Филиппа.

Ноября 14 или 15

Итак дал ему бог место желанное, крепкое и устойчивое на скале. Да будет со Христом душа его, а память да живет в благословениях.[230]

7 Собор в Риме Ноября 11—30

В год воплощения господня 1215 происходил собор в римской церкви под председательством папы Иннокентия в присутствии четырехсот патриархов, кардиналов и епископов и восьмисот аббатов. В числе присутствовавших был епископ ливонский Альберт с епископом эстонским. Он докладывал верховному первосвященнику и всем епископам о бедствиях, войнах и нуждах ливонской церкви. И радовались все обращению языческих племен, а также многократным военным победам христиан. И сказал епископ: «Святую землю иерусалимскую, землю сына, ты, святой отец, не оставляешь своей заботой, так и Ливонию, землю матери, доныне расширявшуюся среди язычников благодаря твоей бережной поддержке, не оставь и на этот раз в забвении. Ибо любит сын мать свою и, не желая гибели своей земли, не желает, чтобы в опасности была и земля матери его». В ответ ему сказал верховный первосвященник: «Как земле сына, так и земле матери мы будем стремиться всегда помогать нашей отеческой заботой». По окончании собора он отпустил их в радости, возобновил им разрешение на проповедь и на призыв пилигримов к крестовому походу во отпущение грехов, чтобы они, идя с епископом в Ливонию, берегли юную церковь от нападений язычников.[231]

Рим давал права, Рига же очищала (rigat) языческие народы. Петр Какувальдэ и священник Отто, посланные из Риги, в это время очищали святой водой крещения Саккалу и Унгавнию и звали людей к вечной жизни.

8 Поход в Роталию. Взятие Зонтаганы

Однако, роталийцы, все еще непокоренные, отказались принять законы христианства. Против них назначен был поход. После праздника рождества господня указано было ливам и лэттам быть готовыми и собираться в поход против врагов рода христианского. На соединение с ними пришли и тевтоны с братьями-рыцарями, а также граф Боргард с пилигримами. Все они двинулись по льду моря, пришли

1216 в первую эстонскую область и, разделив войско отрядами, стали преследовать эстов по всем дорогам и деревням, захваченных убивали, женщин, детей и скот забирали. Собрались к замку Зонтагана, осадили в нем эстов и девять дней с ними бились. Выстроили осадную башню из бревен и подвинули ближе к замку. На нее взошли ливы и лэтты вместе с балистариями и многих у эстов перебили копьями и стрелами в верхней части укреплений, многих ранили и прогнали с оборонительных позиций. Ибо эсты, бросаясь в бой с излишней смелостью, тем больше возможностей давали балистариям и многих потеряли ранеными и убитыми. Поэтому из-за большого урона людей, а также из-за недостатка воды и съестного, они наконец, желая сдаться, просили мира. Тевтоны же ответили: «Если вы согласитесь сложить оружие своего вероломства и принять в замок истинный мир, то есть Христа, мы охотно пощадим вас и примем с братской любовью». Едва услышав это, эсты тотчас с радостью обещали принять таинство крещения со всеми христианскими обязанностями. Поэтому, уже на одиннадцатый день послан был к ним в замок священник Готфрид. Благословив их, он сказал: «Хотите ли вы отречься от идолопоклонства и верить в единого христианского бога?» Когда все ответили: «хотим», он, излив на них святую воду, сказал: «Итак, крещаетесь все вы во имя отца и сына и святого духа». По выполнении этого они получили мир, а войско, взяв в заложники сыновей старейшин, возвратилось со всей добычей, захваченным добром и пленными в Ливонию, благословляя за обращение язычников бога, благословенного во веки.

9 После нескольких дней отдыха, оправившись, рижане

Первый поход на Эзель

вновь собрались с ливами и лэттами и пошли по морскому льду, который из-за продолжительных и сильных холодов был весьма крепок, направляясь с войском к Эзелю. Дорога по морю оказалась отличной. Они разделили на отряды свое войско и, обойдя кругом по всем дорогам и деревням, захватили многих; всех мужчин перебили, а женщин, детей и скот увели с собой. Сошлись все у одного из зам-

ков, стали сражаться с бывшими в замке, некоторых ранили и убили, но не решаясь из-за чрезвычайно сильного холода идти на приступ, пошли обратно со всем захваченным и пленными прежней дорогой по льду.

В это время некоторые стали кричать, что сзади м а л е в а (войско), и тут люди побежали скорее к огню; некоторые, обессилев и замерзая от холода, падали и умирали, а прочие вернулись здравыми.

После праздника воскресенья господня [232] эсты послали к королю полоцкому Владимиру просить, чтобы он с многочисленным войском пришел осаждать Ригу, а сами обещали в это же время теснить войной ливов и лэттов, а также запереть гавань в Динамюндэ. И понравился королю замысел вероломных, так как он всегда стремился разорить ливонскую церковь, и послал он в Руссию и Литву и созвал большое войско из русских и литовцев. Когда уже все собрались в полной готовности и король собирался взойти на корабль, чтобы ехать с ними, он вдруг упал бездыханным и умер внезапной и нежданной смертью, а войско его все рассеялось и вернулось в свою землю. 10

Апр. 10

Смерть Владимира полоцкого

Люди из дружины епископа, бывшие в Риге и братья-рыцари, услышав о замыслах эстов, купили большой корабль (coggonem), укрепили его вокруг, как замок, посадили туда пятьдесят человек в доспехах с балистами и поставили корабль в устье реки Двины стеречь вход в гавань, чтобы эзельцы, явившись, не могли завалить его, как прежде. Весть о смерти короля дошла до Эзеля, а одновременно там узнали, что балистарии и тяжеловооруженные воины стерегут двинскую гавань. Тогда эзельцы вступили в Салетсу, дошли до озера Астегервэ и разорили деревни лэттов, забирая в плен женщин и убивая мужчин. И собрались некоторые из лэттов, погнались за ними и захватив кое-кого убили, а других заставили бежать на корабли.[233] 11

Сторожевой корабль на Двине. Разорение Салетсы эзельцами

И жила в тишине церковь немного дней, ожидая прибытия своего первосвященника.

Восемнадцатый год епископства Альберта

(XX) 1216 Десятый приезд епископа Альберта в Ливонию

Был восемнадцатый год от посвящения епископа. Возвращаясь от римского двора, он был ласково принят в Гагеновэ королем Фридрихом,[234] и прибыл в Ливонию с Теодерихом, епископом эстонским, прочими верными, рыцарями и пилигримами. В Динамюндэ он нашел своих людей, стерегущих гавань, и они сообщили ему о своих походах в Эстонию, о смерти короля и о том, как были они утешены во всех своих бедствиях. И была радость в церкви и о прибытии епископа и об избавлении от русских и других язычников.

2 После этого собрались епископы вместе с братьями-рыцарями, чтобы произвести некий раздел Эстонии, но так как он оказался непрочен, я не считаю нужным писать о нем подробнее.[235] Лучше я скажу о том, как вновь собрались рижане с ливами и лэттами, магистр Волквин со своими братьями и пилигримами, а также Теодерих с людьми епископа и пошли с войском, но мирно, в уже крещенную Саккалу. Созвав к себе старейшин этой провинции, по их совету пошли, пользуясь ими, как проводниками, к другим эстам.

Авг. 15 Поход в Гариен

В день успения пресвятой девы вступили в область Гарионскую, находящуюся в середине Эстонии, куда все окружающие племена ежегодно по обычаю сходились на собрание в Райгелэ. Придя туда, мы разделили свое войско по всем дорогам, деревням и областям той земли и стали все сжигать и опустошать; мужского пола всех убивали, женщин и детей брали в плен, угоняли много скота и коней. Наконец все сошлись у большой деревни Лонэ, лежащей над ручьем в середине страны, отдыхали там три дня, опустошили всю местность кругом и доходили до ревельских деревень.[236] На четвертый день, устроив засаду под деревней, девять человек попали в плен и некоторые были убиты.[237] И возвратилось войско с большой добычей, ведя с собой бесчисленное множество быков и овец. Эсты большим малева (войском) шли следом, чтобы напасть

с тылу, но пал в иную сторону жребий их богов, и рижане с радостью возвратились в Ливонию и дружелюбно разделили между собой все, что добыли.

После того русские из Пскова разгневались на жителей Унгавнии за то, что те, пренебрегши их крещением, приняли латинское, и, угрожая войной, потребовали у них оброка и податей. Жители Унгавнии стали просить у ливонского епископа и братьев-рыцарей совета и помощи в этом деле. Те не отказали им, обещали вместе жить и вместе умереть, подтвердивши, что Унгавния, как до крещени всегда была независима от русских, так и ныне остается независимой.[238] 3

Поход на Унгавнию кн. Владимира псковского

После смерти великого короля Владимира полоцкого, появился новый противник ливонской церкви, Владимир. Он поднялся с большим войском псковичей (Ruthenorum de Plescekowe), пришел в Унгавнию, стал на горе Одемпэ[239] и разослал свое войско по всем окрестным деревням и областям. И стали они жечь и грабить весь край, перебили много мужчин, а женщин и детей увели в плен. А был там купец из тевтонов, некто Исфрид: потеряв все, что имел, он бежал в Ригу и принес туда известие.

Тогда собрались старейшины рижан вместе с епископами и братьями-рыцарями и, приняв в соображение неминуемую войну с русскими, произвели некий раздел всех покоренных и крещеных ливонской церковью областей Эстонии: церкви ливонской и рижскому епископу определили третью часть всех доходов и податей, идущих из Эстонии, чтобы, участвуя в трудах и войнах, имели они и долю в возмещении; вторую часть дали эстонскому епископу, а третью — братьям-рыцарям за их труды и издержки.[240] 4

Раздел Эстонии ливонцами

И пришли снова жители Унгавнии к епископам просить помощи против русских, и послали епископы своих людей с братьями-рыцарями в Унгавнию. Они же собрали всех эстов из тех областей, вместе с ними стали строиться на горе Одемпэ и поселились там, весьма сильно укрепив замок и против русских и против других народов, до тех пор еще не крещенных. 5

Занятие рыцарями Оденпэ

Русские в Толове

Пришли также русские, по обычаю, в землю лэттов Толовы собирать свой оброк и, собрав его, сожгли замок Беверин. И увидел Бертольд, магистр венденских рыцарей, что русские готовятся к войне, потому что жгут замки лэттов, послал людей, захватил их и бросил в тюрьму. Когда, однако, пришли послы от короля новгородского,[241] он освободил пленных и с почетом отпустил в Руссию. Жители Унгавнии, чтобы отомстить рус-

Унгавнийцы и тевтоны в Новгородской обл.

ским, поднялись вместе с епископскими людьми и братьями-рыцарями, пошли в Руссию к Новгороду (Nogardiam) и явились туда неожиданно, опередив все известия,

1217 Янв. 6

к празднику крещения, когда русские обычно больше всего заняты пирами и попойками. Разослав свое войско по всем деревням и дорогам, они перебили много народа, множество женщин увели в плен, угнали массу коней и скота, захватили много добычи и, отомстив огнем и мечом за свои обиды, радостно со всей добычей вернулись в Одемпэ.[242]

6 После праздника крещения рижане послали ко всем

Поход рижан на Гервен и Виронию

ливам и лэттам, собрали большое войско и пошли в Саккалу. Старейшин этой области взяли в проводники и, когда подошли жители Унгавнии со своими тевтонами, двинулись в Гервен, разослали войско по всем деревням и областям страны и нанесли ей великий удар. Шесть дней они оставались в деревне Каретэн, сжигая и опустошая все вокруг, а сильнейшие из конных двинулись в Виронию и точно так же разграбили ту землю, перебили мужчин, женщин же и детей взяли пленными и вернулись в Каретэн с большой добычей. И пришли к ним туда старейшины области гервенцы, просили о мире и об уходе из их владений. Те им ответили: «Если вы хотите истинного мира, вы должны стать детьми истинного миротворца, то есть Христа, чтобы, приняв его крещение, добиться навеки братства с нами». Услышав это, гервенцы обрадовались и, чтобы добиться мира с рижанами, обещали соблюдать их крещение и платить им постоянный оброк. Поэтому мы крестили там [243] некоторых и, получив в заложники их сыновей, вернулись

в Ливонию со всей добычей, славя бога за обращение еще и этого языческого племени.

После того как ливонское войско возвратилось из Гервена, новгородцы (Nogardenses) тотчас, в великом посту собрали большое русское войско,[244] с ними же был и король псковский (de Plescekowe) Владимир со своими горожанами, и послали звать по всей Эстонии, чтобы шли эсты осаждать тевтонов и унгавнийцев в Одемпэ. И пришли не только эзельцы и гарионцы, но и жители Саккалы, уже давно крещенные, надеясь таким образом сбросить с себя и иго тевтонов и крещение. И вышли они навстречу русским и осадили с ними вместе замок Одемпэ и бились с тевтонами и другими, кто был там, семнадцать дней, но не могли нанести вреда, так как замок был весьма крепок. Стрелки епископа, бывшие в замке, и братья-рыцари многих у русских ранили и убивали из своих балист. Точно так же и русские кое-кого в замке ранили стрелами из своих луков. 7 Февр. Новгородцы и псковичи с эстами осаждают Оденпэ

И прошли русские кругом по областям, захватили многих и перебили, а трупы бросили в воду у подножия горы, чтобы не черпали оттуда осажденные. Они причиняли вред, какой могли, разоряя и выжигая всю область кругом,[245] но всякий раз, как они, по своему обычаю, пытались взобраться всей массой на укрепления горы, тевтоны и эсты храбро отбивали их нападение. Поэтому там они имели большие потери убитыми. Когда епископы и братья-рыцари услышали об осаде, они послали на помощь своим около трех тысяч человек. С ними пошли магистр рыцарства Волквин, Бертольд венденский и Теодерих, брат епископа, вместе и ливами, лэттами и некоторыми пилигримами. Дошли они до озера Растегервэ [246] и встретили тут мальчика, шедшего из замка; взяли его в проводники, с наступлением утра подошли к замку и, оставив справа эзельцев, двинулись на русских и бились с ними. Увидев однако, что войско у врагов большое и сильное, повернули к замку, ибо русских и эзельцев было до двадцати тысяч. Боясь такой многочисленности, они вступили в замок, и пали Бесплодные усилия рижан. Сдача Оденпэ

тут некоторые из братьев-рыцарей, храбрые люди, Константин, Бертольд [247] и Илия, и кое-кто из дружины епископа, прочие же все благополучно вошли в замок. Из-за множества людей и коней сделался голод в замке, недостаток съестного и сена, и стали кони объедать хвосты друг у друга. Так как и в русском войске также был недостаток во всем, то наконец на третий день после первого столкновения начались переговоры с тевтонами.

8 Был заключен мир, но с тем, чтобы тевтоны все поки-
Ок. марта 1 нули замок и вернулись в Ливонию. И пригласил король Владимир зятя своего Теодериха идти с ним во Псков для утверждения мира. И поверил тот и сошел к нему, а новгородцы тотчас вырвали Теодериха из рук его и увели пленником с собой.[248] Тевтоны же, заключив мир, вышли вместе с ливами и лэттами из замка, прошли через строй эзельцев и русских и вернулись в Ливонию. Жители Саккалы в это время ворвались в землю лэттов, опустошили их деревни, увели людей с Имеры в плен и возвратились в Саккалу, забыв обо всех ранее принятых таинствах и с пренебрежением нарушив мир, заключенный некогда с тевтонами.

Разорение саккальцами земли лэттов

Девятнадцатый год епископства Альберта

(XXI) Шел девятнадцатый год епископа Риги Альберта,
1217 Люди в Ливонии всё ж покоя от войн не имели.[249]

Бесплодное посольство епископа в Новгород и в Саккалу

Вышеназванный достопочтенный епископ отправил своих послов и в Новгород (Nogardiam) и в Саккалу для утверждения мира, заключенного в Одемпэ, прося также и за брата своего Теодериха. Так как люди там полны надменной спеси и в гордости своей весьма заносчивы, они пренебрегли и просьбами епископа и миром с тевтонами, а сговаривались с эстами, обдумывая способы, как бы раздавить тевтонов и уничтожить ливонскую церковь. Узнав об этом, вышесказанный епископ, вместе с возвращавшимися пилигримами, отправился в Тевтонию, поручив и на этот раз Ливонию защите господа Иисуса Христа и его матери. Рассказывая всем о бедствиях войны и уроне своих,

Десятая поездка епископа в Германию

он убеждал людей храбрых и благородных стеною стать за дом господень, принять крест и идти в Ливонию пилигримами во отпущение грехов. И, услышав обо всех бедах, причиненных русскими и эстами ливонской церкви, граф Альберт из Левенборха [250] принял крест в отпущение грехов и отправился в Ливонию с рыцарями своими, а также людьми предприимчивыми и благородными. Прибыли с ним и аббат Бернард из Динамюндэ и пилигримы, правда немногочисленные. И приняли его с великой радостью, ибо господь ранее имел его в колчане своем, как избранную стрелу,[251] чтобы в нужное время послать в Ливонию для освобождения церкви своей от врагов.

Прибытие пилигримов

2

Эсты с русскими готовят поход на Ригу

После того как он прибыл в Ригу, эсты отправили русским много даров, прося притти с войском, чтобы разрушить ливонскую церковь. Но великий король Новгорода Мстислав (Mislawe) в то время был в походе против короля Венгрии, готовясь биться за Галицкое (Galacie) королевство, а на престоле своем в Новгороде оставил нового короля. Этот же, отправив послов в Эстонию, обещал притти с большим войском вместе с королем Владимиром и множеством других королей.[252] И обрадовались эсты и послали людей по всей Эстонии и собрали весьма большое и сильное войско и стали у Палы в Саккале. Их князь и старейшина, Лембит, созвал людей изо всех областей, и явились к ним и роталийцы, и гарионцы, и вironцы, и ревельцы, и гервенцы, и люди из Саккалы. Было их шесть тысяч и ждали все пятнадцать дней в Саккале прибытия русских королей. Услышав, что они собрались, рижане со всей поспешностью двинулись на них, чтобы опередить русских. С ними пошел граф Альберт с рыцарями и слугами своими, Волквин, магистр рыцарства, со своими братьями, Бернард аббат Динамюндэ, настоятель Иоанн, ливы и лэтты, а также преданнейший Каупо, никогда не забывавший битв господних и походов. Все они прибыли на место близ Саккалы, где войско молилось и сговаривалось. А было там до трех тысяч отборных воинов. И выстроили они тевтонов в сере-

Эсты в Саккале. Бой с рижанами

Сент.

дине, ливов поместили справа, а лэттам указали идти по левой стороне. Иных послали по деревням, и те, захватив некоторых людей, узнали у них о численности вражеского войска и о том также, что оно уже подходит в готовности к бою. Услышав об этом, пошли дальше с осторожностью и в порядке, а вечером приблизились к замку Вилиендэ; там переночевали и, отслужив торжественную мессу,
Сент. 21 в день апостола Матфея выступили против врагов. Обнаружив, что те все перешли на другое место, тотчас отправились по их следам и вдруг увидели, что те в боевой готовности идут на них из лесу. Тогда напали на них и бились тевтоны в середине, где масса врагов была больше и сильнее. Одни из них верхом, другие в пешем строю, постепенно наступая, двинулись на середину врагов, сломили их строй и обратили в бегство.

3 Лэтты, сражаясь на левом крыле, также смело вместе с тевтонами ударили на противников, а выстроены были против них жители Саккалы с Лембитом и другими их старейшинами. Они ранили многих из лэттов, некоторых убили, сражались храбро и долго сопротивлялись, но, увидев, что срединный отряд обращен в бегство тевтонами, бросились бежать и сами.

Лэтты преследовали их и многих убили, а прочие бежали. Веко, брат Робоама, узнал Лембита, догнал его, убил и взял его одежду, а прочие, отрубив ему голову, унесли с собой в Ливонию. И пали там еще другие старейшины Саккалы — Воттелэ, Манивальдэ и множество других. Ливы, выстроенные справа, увидев, что копья эстов жестоко летят на них, повернули к тевтонам и вместе с ними преследовали бегущих. Эсты же, бившиеся против ливов, напали тогда на некоторых из наших, гнавшихся за врагом, но те мужественно отразили их и также обратили в бегство. После того как все эсты обратились в бегство, ливы, лэтты и саксы преследовали их, перебили в лесу стольких, что дошло почти до тысячи, и еще безмерное множество, так что и сосчитать не могли, убитых по лесам и болотам; захватили до двух тысяч коней, оружие и все их запасы, а на

следующий день поровну разделили между собой все, что добыли.

Каупо же, пронзенный насквозь через оба бока копьем, 4
с верой вспоминая страдания господа, принял тайны тела Смерть Каупо
господня и с искренним исповеданием христианства испустил дух, а добро свое заранее разделил между всеми церквами Ливонии. И горевали о нем граф Альберт и аббат и все, с ними бывшие. Тело его было сожжено, а кости перенесены в Ливонию и похоронены в Куббезелэ.

После битвы войско двинулось к Пале в деревню Лем- 5
бита и стояло там три дня, а ливы и лэтты были посланы Мир с Саккалой
разорить и выжечь все окружающие области. И пришел к ним брат Лембита, Уннепевэ, с другими уцелевшими просить о возобновлении прежнего мира. И сказали им тевтоны: «За то, что вы презрели принятое вами таинство святого крещения и осквернили веру христианскую сговором с язычниками и русскими, господь вас и наказал. Возвратитесь же теперь с верой ко Христу, и мы вновь примем вас в общение нашей братской любви». Они согласились, и по получении от них заложников мир уже во второй раз был дан им с тем, чтобы они честно выполняли все обязанности христианства. Закончив это, войско со всей добычей возвратилось в Ливонию и за дарованную богом столь славную победу все благословляли господа, благословенного во веки.

Когда граф Альберт вернулся после истребления жите- Несостоявшийся поход на Эзель
лей Саккалы, он захотел устроить еще поход на Эзель, велел соорудить большую осадную машину и всех сильно подготовил к этому выступлению. В ту же зиму не раз назначался сбор войска, но шли большие дожди, лед на море сошел, и до Эзеля нельзя было дойти, так как это —
остров в море. Поэтому, в конце концов в великом посту 1218
рижане решили идти на других эстов. Выступив вместе Марта 3
с ливами и лэттами и придя в Салетсу, они выслали вперед Разорение ливонцами Поморья
разведчиков и встретили эзельцев, но те, как только узнали рижское войско, обратились в бегство. И преследовали их рижане со всем своим войском целый день, а на следую-

щий вступили в приморские области близ Эзеля и, разослав войско по всем дорогам, стали грабить страну, всех захваченных мужчин перебили, женщин и детей увели в плен, угнали с собой много скота, унесли большую добычу, а деревни и дома предали пламени. Собравшись затем всем войском, несколько дней стояли на отдыхе в середине страны. И пришли к ним старейшины из Ганиалэ и Коццо и изо всех областей от Роталии и Ревеля [253] и Гариама просить о мире и об уходе из их владений. И сказали рижане: «Если вы согласитесь принять очищение из святого источника и вместе с нами стать детьми истинного миротворца Христа, то тогда мы заключим с вами истинный мир и примем вас, как братьев». Услышав это, эсты обрадовались, дали заложников и подчинились ливонской церкви с тем, чтобы и таинство крещения принять и оброк платить ежегодно.

И дан был им мир, и возвратились рижане с большой добычей, славя бога за покорение и этого племени.

Вторичное подчинение гервенцев

6 После вторичного обращения жителей Саккалы к вере христианской, пришли и гервенцы, также уже вторично, отдались во власть рижской церкви пред графом Альбертом и всеми рижскими старейшинами и оставили заложниками своих сыновей в том, что примут таинство крещения и будут платить ливонской церкви постоянный оброк или меру хлеба, установленную вместо десятины. И вернулись они в землю свою, радуясь тишине мира.[254]

Набег эзельцев на Метсеполэ и Ледегорэ

7 В это самое время поднялись эзельцы, явились в Метсеполэ с войском, а было их до тысячи из лучших людей, и разграбили всю ту область в Метсеполэ. После того они вступили в другой приход, Ледегорэ, и стали грабить всю местность вокруг, убили некоторых мужчин, а женщин и детей увели с собой. Когда они подходили к дому священника, священник Годфрид, заметив их приближение, вскочил на коня, бежал от них и, объезжая свой приход, стал звать всех мужчин биться с язычниками, а затем всю ночь посылал людей по соседним приходам сказать, чтобы на следующий день явились к бою. И прибыл Везикэ

со своими ливами, а также некоторые слуги епископа из замка Вределант и собрались они все вместе и пошли вслед за эзельцами.

И было их всего семь тевтонов, слуг епископа, а восьмой был священник Годефрид. Он опоясался оружием воинским и надел панцырь, как исполин,[255] желая вырвать овец своих из пасти волчьей. И ударили они с тылу на эзельцев, смело их истребляя, но и те, повернув на них, долго сопротивлялись и ранили весьма многих. В конце концов, после долгой битвы эзельцы обратились в бегство. Около сотни из них пало, прочие же бежали. И преследовали их слуги епископа с ливами через Салетсу по ровной приморской дороге и отняли у них до четырехсот лучших коней, которых потом вместе со всей добычей разделили между собой, благословляя господа, руками немногих совершившего победу над врагами.

Двадцатый год епископства Альберта

Вот уж двадцатая шла годовщина епископа в Риге, (XXII)
Край же ливонский от войн тишины, как и прежде, не видел. 1218

Просьба еп. Альберта к королю датскому о помощи Ливонии

В тот год вышеназванный епископ рижский, а также епископ эстонский и аббат Бернард, в тот год посвященный в епископы Семигаллии, вместе с возвращавшимся из Ливонии графом Альбертом, прибыли к королю датскому и убедительно просили его направить в следующем году свое войско на кораблях в Эстонию, чтобы смирить эстов и заставить их прекратить нападения совместно с русскими на ливонскую церковь. Как только король узнал о великой войне русских и эстов против ливонцев, он обещал на следующий год быть в Эстонии с войском ради славы пресвятой девы и отпущения его грехов.[256] И радовались епископы. И отбыл вновь достопочтенный глава ливонской церкви Альберт собирать пилигримов; проповедуя им отпущение грехов, он посылал их в Ливонию стоять за дом господень в день битвы[257] и защищать молодую церковь от нападений язычников. Свою же поездку в Ливонию на этот год он отложил, чтобы в следующем году явиться

с бóльшими силами и бóльшим числом людей. Заместителем своим он поставил декана гальверштадского, который и отбыл в Ливонию, чтобы провести там год своего пилигримства вместе с Генрихом Боревином, знатным человеком из Вентланда,[258] и некоторыми другими пилигримами.

После авг. 15. Поход на ревельцев. Вести о наступлении русских

2 После праздника успения пресвятой богородицы, когда уже миновали летние жары, назначен был поход против ревельцев и гарионцев, которые все еще оставались непокоренными и были жесточе других. И собрались рижане вместе с ливами и лэттами, а с ними пошли и Генрих Боревин и магистр Волквин со своими братьями.

И остановились они близ Саккалы, где обыкновенно бывало место молитв и сговора войска. Граф Альберт велел устроить там мост, и было решено тут разорить ревельскую область.

Пройдя Саккалу в течение следующего дня, они были уже недалеко от замка Вилиендэ; тут воротились разведчики, посылавшиеся для созыва старейшин области, чтобы те, как обычно, служили войску проводниками. Они привели с собою захваченных по деревням русских и эзельских гонцов, которые пришли было по поручению русских собрать войско по всей Эстонии, а собравши, вести его к русскому войску, чтобы вместе идти на Ливонию. И поставили гонцов посреди народа и стали допрашивать, чтó им было поручено. Они сообщили, что большое войско русских королей завтра выступит из Унгавнии, чтобы идти в Ливонию, а они посланы затем, чтобы и эстонское войско привести к русским. Услышав это, ливонское войско тотчас воротилось тою же дорогой, что пришло, а на следующий день выступило по дороге в Пуидизэ[259] навстречу русским к Унгавнии. Русские целый день переправлялись через реку, называемую Матерью вод, а потом и сами пошли навстречу ливонцам. Наши разведчики вдруг возвратились с вестью, что русское войско уже близко. И поднялись мы поспешно и построили свое войско так, чтобы ливы и лэтты сражались пешими, тевтоны же верхом на своих конях. Построив войско, двинулись на них, а когда мы

Бой с русскими

подошли ближе, наши передовые тотчас стремительно ударили на врагов и бились с ними и обратили их в бегство; во время погони, убив знаменосцев, смело взяли знамя великого короля новгородского (Nogardie) и еще два знамени других королей. И падали враги направо и налево по дороге, и гналось за ними все войско наше до тех пор, пока наконец ливы и лэтты, пешие, не утомились. Тут сели все на коней своих и продолжали преследовать врагов.

Русские же, пробежав около двух миль, добрались до 3
небольшой реки, перешли ее и остановились; затем собрали вместе все свое войско, ударили в литавры, затрубили в свои дудки, и стали король псковский (de Plescekowe) Владимир и король новгородский, обходя войско, ободрять его перед битвой. Тевтоны же, бившие русских вплоть до реки, остановились и сами, не имея возможности, из-за многочисленности русских, переправиться к ним через реку. Собрались и они также на холмике у реки, дожидаясь, пока подойдут шедшие сзади. И построили войско во второй раз так, чтобы действовать против русских одним в пешем строю, другим верхом; но кто только из ливов и лэттов ни доходил до холмика у реки, все, увидев численность русского войска, тотчас отступали назад, как будто получив удар дубиной в лицо,[260] и, повернув тыл, бросались в бегство. И бежали они один за другим, видя летящие на них русские стрелы, и наконец все обратились в бегство. И остались тевтоны одни, а было их всего двести, да и из тех некоторые отступили, так что налицо было едва сто человек, и вся тяжесть боя легла на них. Русские между тем стали переходить ручей. Тевтоны не мешали им, но когда некоторое количество перешло, сразу вновь их отбили к реке, а нескольких убили. И другие, вновь перешедшие ручей к тевтонам, вновь были оттеснены назад. Какой-то новгородец, человек большой силы, перебравшись для разведки через ручей, стал издалека обходить ливов, но Теодерих из Кукенойса напал на него, отрубил ему правую руку, в которой тот держал меч, а потом, догнав убегающего, убил. Прочие прочих перебили; тевтоны уби-

вали всякого, кто переходил реку на их сторону. Так и бились с ними у реки от девятого часа дня почти до самого захода солнца. И увидев, что уже убито у него около пятидесяти воинов, король новгородский велел своему войску больше не переходить на другую сторону. И отошло русское войско к своим огням, тевтоны же с пением пошли обратно своей дорогой, все здравые и невредимые, кроме одного рыцаря у Генриха Боревина, павшего от раны стрелой, да другого — лэтта, некого Веко: этот, прислонившись к дереву, долго бился один с девятью русскими, но наконец, раненый в спину, пал мертвым. Все прочие ливы и лэтты возвращались без всяких потерь и многие из них опять присоединились к тевтонам на обратном пути, выйдя из лесу, куда было убежали; и радовались вместе с ними, что будучи столь малочисленны, спаслись от такой массы русских. И славили все милость спасителя, который вывел и избавил их из рук неприятелей, причем они даже, при такой малочисленности, перебили до пятидесяти человек русских, захватили их оружие, добычу и коней, Было же русских шестнадцать тысяч воинов, которых великий король новгородский уже два года собирал по всей Руссии, с наилучшим вооружением, какое в Руссии было.

Разорение русскими области у Имеры. Осада Вендена

4 Три дня спустя они двинулись в Ливонию и прежде всего разорили и сожгли деревни и церковь лэттов у Имеры. Затем, собравшись у замка Урелэ [261] и простояв там два дня, на третий день пришли ко двору священника Алебранда на Раупе, как предсказывал ему когда-то Владимир. Там они отдыхали три дня, сожгли вокруг все церкви ливов и идумеев, разграбили все области и деревни, женщин и детей увели в плен, всех захваченных мужчин перебили, а хлеб, свезенный отовсюду с полей, сожгли. И пришел с другим войском Герцеслав, сын Владимира,[262] и осадил братьев-рыцарей в Вендене и бился с ними тот день, а на следующий, перейдя Койву, двинулся к королю новгородскому и к отцу своему в Идумею, вместе с другими разграбил и опустошил землю лэттов, идумеев и ливов, причинив вред, какой мог.

Когда рижане услыхали обо всем злом, что делали русские в Идумее, вновь поднялись они с Волквином, магистром рыцарства, Генрихом Боревином, с пилигримами и своими ливами, явились в Торейду и созвали к себе людей из окружающих областей, чтобы снова биться с русскими. И послали к ним разведчиков, которые тотчас обнаружили отряд русских в Иммекуллэ,[263] и преследовали их до Раупы. Те же, вернувшись к своим, сообщили о приближении тевтонского войска.

Услышав об этом, русские тотчас отступили оттуда, 5

Осада русскими Вендена и отступление их

перешли Койву, осадили замок вендов и целый день бились с вендами. Стрелки братьев-рыцарей, выйдя из своего замка,[264] перешли к вендам и из своих балист много русских перебили и еще больше ранили,[265] так что немало тяжело раненых из знатных людей увезено было полумертвыми на носилках между двух коней. Магистр же венденского рыцарства со своими братьями накануне ушел из замка на соединение с тевтонами. Между тем замок осадило все русское войско. Поэтому рыцари, осторожно пробравшись ночью через стан врагов, вернулись в свой замок. Когда настало утро, король новгородский, видя, что много знатных у него ранено, а иные убиты, понимая также, что замка вендов он взять не может, хотя это и самый маленький замок в Ливонии, заговорил о мире с братьями-рыцарями, но те, не желая и слышать о таком мире, выстрелами из балист заставили русских отступить. Тогда русские, опасаясь нападения приближавшихся тевтонов, отошли от замка, двигались затем целый день, достигли Трикатуи и поспешно ушли из страны.

Прибыв в Унгавнию, услышали, что в Руссии литовское 6
войско, а вернувшись во Псков (Plescekowe), нашли часть этого города разграбленной литовцами.

Тут поднялись некоторые лэтты, в небольшом числе 7

Разорение Руси лэттами

вступили в Руссию, стали грабить деревни, убивать и брать в плен людей, захватили добычу и, мстя за своих, причинили какой могли вред. Когда же эти вернулись, вновь пошли другие, не упуская сделать зло, какое могли.

8 Эзельцы на Двине

У эзельцев между тем был замысел вместе с русскими и другими эстами идти в Ливонию для уничтожения церкви.[266] Однако, после столкновения тевтонов с русскими, замысел их рухнул, так что ни жители Саккалы, ни эзельцы не явились, пришли же только гарионцы и вместе с некоторыми другими двинулись за русскими, присоединились к ним у замка Венден и снова вместе с ними отступили. Эзельцы же вошли на корабле в Двину, захватили кое-кого на островах, угнали много скота и убили одного отшельника, который ушел из Динамюндэ, избрав удел отшельнической жизни на соседнем острове, и дождался там мученической кончины. После этого он, без сомнения, счастливо переселился в сообщество святых.

И отправили русские из Пскова послов в Ливонию сказать, что они готовы заключить мир с тевтонами, но замыслы у них с эстами попрежнему были злые и полные всякого коварства.

9 Поход ливонцев на ревельских эстов 1219 Февр.

Сообразив это, рижане послали за ливами и лэттами и собрали войско, чтобы итти против эстов. К началу великого поста собрались к Салетсе, и были там магистр рыцарства Волквин с Генрихом Боревином и пилигримами, а также ливы и лэтты; и шли они по льду моря, пока не пришли в Зонтагану. Получив там из замка проводников, шли всю ночь к ревельской области. И поднялся с севера весьма холодный ветер, и стало так холодно, что у многих погибли от стужи оконечности членов: одни отморозили нос, другие — руки, третьи — ноги, а у всех нас,[267] когда потом мы вернулись домой, выросла на лице новая кожа, а старая сошла. Некоторые впоследствии даже умерли.

Войско свое они разделили на три отряда, и получил Везикэ со своими ливами один отряд и место в походе на левом крыле, лэтты — на правом, тевтонам же, как обычно, назначена была середина. Везикэ, оставив свою дорогу, двинулся со своими ливами впереди тевтонов по средней дороге, и ранним утром, еще до рассвета, они, чтобы согреться, сожгли первую же встреченную деревню, а эсты, по всей области, как только увидели этот огонь, тотчас

догадались о ливонском войске и скрылись все в свои убежища. Тевтоны же, следовавшие за ливами, найдя перед рассветом деревню сожженной и думая, что проводник заблудился, тут же убили его. Когда настало утро, они пошли по всем деревням кругом, сожгли их, людей — одних перебили, других взяли в плен, захватили много скота и добычи, а к вечеру достигли деревни по имени Ладизэ. Там они переночевали, а на следующий день двинулись к другой соседней деревне, называемой Кульдалэ,[268] и награбили много добычи. По истечении трех дней пошли назад со своей добычей и пленными по льду моря, недалекого оттуда, к месту, вблизи которого теперь выстроен датчанами их замок. На обратном пути по льду мы двигались медленно: задержались на десять дней из-за пленных и добычи, а также потому, что ждали, не пойдут ли за нами эзельцы или другие эсты, чтобы сразиться. Добравшись до Салетсы и разделив между собой всю добычу, мы с радостью прибыли в Ливонию, торжествуя, как победители, когда делят добычу.[269]

Двадцать первый год епископства Альберта

Двадцать первый уж год наступил с посвященья владыки, (XXIII)
Край же ливонский от войн не знал, как и прежде, покоя. 1219

Возвращение же епископа в Ливонию (одиннадцатый приезд)

Ибо в этот год много было сделано походов и снова началась война. Когда вышеназванный епископ возвратился из Тевтонии, с ним прибыло много пилигримов и знатных людей. Первым из них был саксонский герцог Альберт из Ангальта (Anehalt), затем Родольф из Стотлэ, бурграф, один молодой граф и множество других. Все они были готовы защищать церковь и стоять за дом господень в день битвы.[270]

2

Поход короля Вольдемара датского на ревельских эстов

Поднялся в то время и король датский с большим войском, и пришли с ним достопочтенный архиепископ лундской церкви Андрей, епископ Николай и третий епископ, королевский канцлер, а также эстонский епископ Теодерих, ранее посвященный в Риге и оставивший ливонскую церковь, чтобы примкнуть к королю, и, наконец, Вицслав

(Wizzlaus), князь славов, со своими.[271] Все они высадились с войском в ревельской области, остановились в Линданизэ, прежнем замке ревельцев, и, разрушив старый замок, стали строить другой, новый. И собрали против них большое войско ревельцы и гарионцы и послали своих старейшин к королю с коварством в мирных словах; и поверил им король, не знавший их коварства, и одарил их, и крестили их епископы и отпустили в радости.[272] Воротившись к своим, они три дня спустя явились со всем своим войском под вечер, после обеда; напали на датчан в пяти местах и, захватив врасплох, бились с ними, а некоторые из эстов, думая, что король в шатре достопочтенного епископа эстонского Теодериха, ворвались туда и убили епископа.[273] Другие преследовали других и многих перебили. Господин же Венецлав (Wenezlaus) стоял со своими славами в долине при спуске с горы к морю; увидев, что враги приближаются, он тотчас пошел на них и бился с ними и обратил их в бегство, а затем стал преследовать, продолжая бить и убивать по дороге. Когда другие эсты, гнавшиеся за датчанами, увидели бегство тех, что бились со славами, они остановились и сами, прекратив преследование датчан. И собрались тут все датчане вместе с королем и некоторые бывшие с ними тевтоны и, обратившись на эстов, храбро сразились с ними. И побежали эсты перед ними, а когда вся их масса обратилась в бегство, датчане с тевтонами и славами стали преследовать их и перебили при своей малочисленности более тысячи человек, а прочие бежали. И вознесли король и епископы хвалу богу за победу, дарованную им над язычниками. На место вышесказанного епископа Теодериха поставили капеллана своего Весцелина, а король, по окончании постройки замка, поставив в нем людей, возвратился в Данию.[274] Епископы с людьми короля остались там и весь год сражались с ревельцами, пока, наконец, те не приняли таинства крещения.

3 По возвращении епископа в Ливонию с его пилигримами, пришли к нему семигаллы из Мезиотэ[275] просить помощи против литовцев. И сказал епископ: «Если вы

Крещение семигаллов

захотите креститься и принять законы христианства, то мы окажем вам помощь и примем вас в братское общение с нами». И сказали те: «Мы не смеем креститься из-за дикости других семигаллов и литовцев, разве только ты пошлешь к нам в замок своих людей и этим защитишь нас от нападков; оставшись с нами, они могут и совершить над нами таинство крещения и научить нас законам христианским». И понравилась епископу с рижанами их мысль и отпустил он с ними своих послов спросить согласия тех, что остались дома. И явились семигаллы вновь и не раз приходили, прося о том же. Тогда, наконец, поднялся епископ вместе с герцогом саксонским, некоторыми другими пилигримами, с настоятелем святой Марии и своими людьми, отправился в Семигаллию и, мирно остановившись близ замка Мезиотэ, созвал к себе семигаллов той области. Те, как обещали, послушно повиновались, собрались все и, восприняв евангельское учение, были окрещены, в том числе до трехсот мужчин, кроме женщин и их детей. И была радость об обращении их. Затем, по просьбе их, епископ поместил своих людей у них в замке Мезиотэ вместе с некоторыми пилигримами, а других послал привезти на корабле из Риги все, что необходимо. Сам же с герцогом и прочими возвратился в Ригу.

4

Осада замка Мезиотэ Вестгардом. Отпадение семигаллов.

В дальнейшем Вестгард, старейшина других семигаллов из соседней области, называемой Терветенэ,[276] услышав об обращении людей в Мезиотэ, собрал войско из всех своих владений; нарушив мир, подошел к замку и бился с тевтонами целый день. Семигаллы сложили костер из бревен и подожгли его, но взять замок были не в силах, хотя и храбро сражались. И убит был стрелой сын сестры Вестгарда. Увидев это, Вестгард опечалился и тотчас отступил от замка со своим войском. Услышав однако, что другие тевтоны плывут на корабле по реке Миссе,[277] он поспешил навстречу, напал на них в узком месте реки, где и глубина была небольшая, захватил и перебил тридцать человек из них или немного больше, а прочие бежали и воротились в Ригу. В числе убитых был Сегегард, священник цистер-

цианского ордена, посланный в тот замок из Динамюндэ в подчинение епископу Бернарду, чья кафедра там предполагалась. Сегегард, видя с берега приближение язычников, опустил на голову капюшон и ждал ярости язычников. Предав дух свой в руки господа, он был убит вместе с другими, и души их, без сомнения, будут радоваться со Христом в сонме мучеников, и дело их свято было, ибо пришли они на зов крестить язычников, насаждая виноградник господа; и насаждали его, орошая своею кровью. Поэтому души их — вместе с душами святых на небесах.

Когда тевтоны, бывшие в замке, услышали об истреблении своих, они, не имея необходимого на год запаса, а вместе с тем видя ярость семигаллов, литовцев и куров против рода христианского, поднялись со всеми своими и, покинув замок, ушли в Ригу Тогда семигаллы, уже крещенные, забыв о принятых таинствах, отпали от христанства, присоединились к прочим семигаллам, устроили сговор и союз с ними и литовцами против рижан, ливов и всех христиан. И собравшись все вместе, как язычники, так и крещенные, в тот замок, окопали его, выстроили весьма крепкий вал и, выступив в поход против гольмских ливов, стали убивать их и грабить. Ливы также вторглись в их владения и наносили им такой же вред.

Когда епископ и герцог саксонский Альберт услышали об избиении своих и обо всем вреде, причиненном семигаллами, послал епископ ко всем ливам и лэттам приказание быть наготове и, если господь благословит поход, отомстить язычникам.[278]

Разорение лэттами Псковской области, а русскими — земли лэттов

5 Между тем лэтты из Кукенойса и некоторые другие лэтты братьев-рыцарей, Мелюкэ и Варигриббэ, помня все зло, причиненное в прошлом году русскими из Пскова и новгородцами (Nogardenses) в Ливонии, пошли в Руссию, стали грабить деревни, убивать мужчин, брать в плен женщин и обратили в пустыню всю местность вокруг Пскова, а когда они вернулись, пошли другие и нанесли такой же вред и всякий раз уносили много добычи. Покинув свои плуги, они поселились в русской земле, устраивали засады

на полях, в лесах и в деревнях, захватывали и убивали людей, не давая покоя, уводили коней и скот и женщин их.

Русские же из Пскова, под осень, собрали войско, явились в землю лэттов и разграбили их деревни; остановившись во владениях Мелюкэ и Варигриббэ, опустошили все, что те имели, сожгли хлеб и всячески старались причинить зло, какое могли.

6 Разорение Гервена лэттами

И послал венденский магистр рыцарства ко всем лэттам сказать, чтобы явились изгонять русских из страны. Так как, однако, русские отступили, лэтты решили, что прибыль от преследования их будет невелика, и направили свое войско в Саккалу, взяли с собой жителей Саккалы, перешли Палу и, придя в Гервен, нанесли области тяжелый удар: мужчин перебили, женщин взяли в плен, захватили коней, скот и много добычи, говоря, что гервенцы ходили помогать ревельцам против датчан. И явились туда к магистру рыцарства Родольфу старейшины области гервенской, говорили, что уже давно получили мир от рижан в присутствии графа Альберта, что готовы принять их крещение, и просили его уйти с войском из их владений. И взяв сыновей их в заложники,[279] Родольф возобновил с ними мир, а они обещали впредь соблюдать все ранее принятые на себя обязанности, веру и законы христианства. И советовали они братьям рыцарства скорее возвращаться к ним опять, чтобы вместе идти в Виронию с войском и возложить иго христианства также на эти области. Те обещали и возвратились со всей своей добычей в Ливонию.

7 Разорение ливонцами Виронии

После гервенского похода венденские братья-рыцари созвали к себе людей епископа, судью Гергарда со всеми ливами и лэттами, молодого графа из дружины епископа вместе с другими рижанами и отправились в Саккалу. Захватив с собой жителей Саккалы и Унгавнии, двинулись в Гервен, выбрали себе проводников из гервенцев, шли целую ночь и вступили в Виронию, плодородную и красивую страну, замечательную равнинами полей. За ними шли гервенцы, конные и пешие. Вироны между тем ничего не слышали о приближении ливонского войска и все были

в своих деревнях и домах. С наступлением утра разослали войско по всем округам, отдав одни на разграбление гервенцам, другие унгавнийцам, третьи ливам и лэттам. И застали они народ во всей Виронии по деревням и поразили людей от мала до велика; мужского пола не щадили никого, женщин забирали в плен, угоняли коней и много скота и взяли большую добычу. И назначили тевтоны местом своего сбора большую деревню по имени Турмэ; ливы и лэтты избрали себе м а й е й Ависпэ; жители Саккалы остановились в ревельской области, герревенцы в своих областях, а унгавнийцы, разграбив смежную с ними область, именуемую Пудивиру, остановились там.[280]

После того как страна в течение пяти дней подверглась тяжкому разгрому и перебита была масса народа, к нам пришли,[281] наконец, спасшиеся бегством старейшины областей умолять о мире. И сказал магистр братьев-рыцарей Родольф: «Неужели вы еще хотите мира, после того как столько раз нарушали его войною? Не будет вам мира, кроме мира того истинного миротворца, который и з д в у х с о з д а л о д н о, соединяя в союзе мира земное с небесным; кто сошел с небес ж е л а н н ы м ц а р е м н а р о д о в, надеждой и спасителем для всех; кто велел ученикам своим: „И д и т е, у ч и т е в с е н а р о д ы, к р е с т я и х". [282] Итак, если вы захотите креститься и чтить вместе с нами единого бога христиан, то мы дадим вам мир, который д а л о н н а м и о с т а в и л, у х о д я,[283] своим почитателям, а также навсегда примем вас в братское с нами общение». И понравились им эти слова, и они тотчас обещали искренно принять все христианские обязанности и крещение от рижан.

Был между ними Табелин, некогда крещенный нашими в Готландии, и другой — Кириаван, который просил нас [281] дать ему хорошего бога, говоря, что до тех пор у него был дурной. Ибо был этот человек до того времени весьма неудачлив во всех своих делах, а после того как был крещен нами, стал очень счастлив, как сам он потом нам признался, и вместе с крещением явилась к нему всяческая удача.

В ответ на его настойчивые просьбы, мы обещали, что бог будет милостив к нему, даст ему вдоволь и мирских благ в нынешней жизни и вечную жизнь в будущем. И поверил он, и мы тотчас окрестили его, а Родольф, магистр рыцарства, был его восприемником. Когда мы уже собирались помазать его святым миром, поднялся вдруг крик, по всем улицам побежало наше войско, все спешили к оружию, крича, что большое малева язычников идет на нас. Мы тотчас оставили миропомазание и прочие таинства, бросились к делу мечей и щитов и поспешили в поле строить войско наше против врага; с нами же были старейшины виронцев. И подошли ближе в большой массе те, кого мы приняли за врагов, а были то жители Саккалы, наши друзья, возвращавшиеся к нам со всей своей добычей. Тогда мы вернулись обратно и окончили крещение, отложив крещение прочих на другое время. И дан был им мир, а мы, получив заложников от пяти областей Виронии, возвратились в Ливонию с пленными и со всей добычей, вознося хвалы богу за обращение языческих племен. Следом за нами отправились в Ригу с дарами старейшины пяти областей Виронии и, восприняв таинство святого крещения, отдали самих себя со всей Виронией под покровительство пресвятой девы и ливонской церкви, а по утверждении мира с радостью воротились в Виронию.

После праздника рождества господня старейшины ливонской церкви, собравшись, назначили поход против вероотступного племени в Мезиотэ. Этому однако мешали южные ветры с дождями, и поэтому, после праздника очищения пресвятой девы, собрались вторично и созвали большое войско из Ливонии и Лэттии, при котором были прежде всего достопочтенный епископ ливонский, затем герцог саксонский со всеми пилигримами и магистр рыцарства со своими братьями. 8 Осада Мезиотэ 1220 Февр. 2.

Насчитывая четыре тысячи тевтонов и еще четыре тысячи ливов и лэттов, выступили в Гольм; с собой везли большую осадную машину, другие меньшие машины и прочие орудия для осады замка. Шли целую ночь. У Миссы построили

войско в порядок, подступили к замку, взяли окружающую его деревню, захватив большую добычу, осадили замок и сражались много дней. Одни построили осадную башню, другие установили стенобитные машины, третьи действовали балистами, четвертые устроили ежа [284] и стали снизу подрывать вал, пятые заполняли ров, снося туда бревна; поверх его надвинули осадную башню, а внизу вели подкоп. Многие из семигаллов в замке были ранены камнями, немало пострадало от стрел, много было убито камнями ливов и лэттов с осадной башни, но упорные люди не прекращали сопротивления. Наконец, установив большую осадную машину, стали метать в замок тяжелые камни, и, когда в замке увидели их величину, осажденных охватил сильный страх. Сам герцог взялся управлять машиной, бросил камень и сбил в замке вышку с людьми, бросил второй и свалил забор из досок и бревен на валу, третий бросил и пробил три большие дерева вала, а людей переранил.

Увидев это, осажденные побежали с вала, ища, куда бы спастись от опасности, но не найдя убежища, стали просить пощады и разрешения выйти к епископу. Им дали мир и разрешили пройти; и вышли Мадэ и Гайлэ с прочими. Им сказано было сдать замок со всем, что там есть, если хотят сохранить жизнь.

Эти условия им не понравились, они вернулись в замок, и начался бой сильнее прежнего. Снова пустили в ход все военные орудия; рыцари, одевшись в доспехи, пытались вместе с герцогом взойти на вал, чтобы занять верхнюю часть замка, но осажденные, сами уже едва живые, отбили их. После этого устроены были костры из массы бревен, под них подложили огонь, громили вероломных всячески, и наконец на следующее утро они, обессилев, сдались: стали по одиночке спускаться с вала и, склонив головы, сдаваться нашему войску. Около полудня, когда уже сошло их до двухсот человек, вдруг явился наблюдавший из лесу Вестгард с большим отрядом своих семигаллов и литовцев, чтобы вступить с нами [281] в бой. Мы тотчас выстроили наши отряды против них, а вокруг замка расставили пеших.

Тут кое-кто из наших, безрассудные люди, каких всегда много,[285] схватили старейшин, пришедших из замка, и больше сотни из них убили без ведома господ, ушедших на поле биться с язычниками. Виэвальд же, старейшина Аскраты, подошел ближе к врагам и стал звать их на поле сразиться с тевтонами. Они ответили: «Мы получили от семигаллов плату за то, чтобы притти и увидеть ваше войско. Так вот теперь мы видели его и возвращаемся в свою землю, не желая нарушать мир, заключенный с вами».[286] Когда литовцы ушли, тевтоны вернулись к замку и нашли старейшин убитыми. Те же, кто остались в замке, видя гибель своих, больше не решались выходить. Снова началась битва, полетели стрелы; ливы и лэтты с осадной башни многих у них перебили копьями; зажжены были костры; подрытый крепостной вал рухнул вниз. Видя это и не имея больше никаких надежд на оборону, осажденные всю ночь умоляли дать им твердое обеспечение мира, чтобы им, выйдя из замка, сохранить жизнь. Сжалился над ними епископ, с герцогом и всей массой войска, и послал им в замок знак святого креста, и они поверили и обещали впредь никогда не нарушать таинства святого крещения. И вышли они из замка с женщинами и детьми и разошлись по своим деревням. Войско же, войдя в замок, забрало деньги, все имущество, коней и скот, а ливы и лэтты, не оставив там ничего, все вынесли, подожгли замок и со всем награбленным возвратились в Ливонию, принося благодарность богу за возмездие, посланное им на этот криводушный народ, который, забыв о своих обещаниях, отверг веру христову, насмеялся над благодатью крещения и не убоялся вновь оскверниться языческими обрядами.

9

Поход рижан на Гариэн. Встреча в Гервене с эзельцами

Вернувшись из Семигаллии, рижане вспомнили все зло, какое так часто причиняли ливонской церкви гарионцы и эзельцы, и дав двухмесячный отдых и себе и коням, вновь собрали большое войско из ливов, лэттов и тевтонов, при котором были также герцог саксонский Альберт, старейшина их, магистр Волквин со своими братьями [287] и Теодерих, брат епископа, с прочими церковными людьми. И со-

брались они у Саккалы, где было место сговора войска и молитвы, отслужили торжественную мессу и выступили к Пале. Там созвали к себе жителей Саккалы, Унгавнии, а также гервенцев, выбрали из них проводников и разделили войско на три отряда. По жребию досталось ливам идти на левом крыле, эстам — на правом, а тевтоны с лэттами по обыкновению избрали себе середину. Поднявшись утром до рассвета, выступили мы [281] в Нурмегундэ, идя в середине, а когда взошло солнце, увидели впереди большой огонь и дым в гервенской земле. Гервенцы не раз уже были побеждаемы ливонской церковью, дети их оставались заложниками в Ливонии, а все они готовы были ежегодно платить свой оброк и принять крещение. Поэтому эзельцы, собрав большое войско, бросили жребий, чтобы узнать, угодно ли богам, чтобы они сразились с датчанами в Ревеле или чтобы вторглись в область гервенскую. И пал жребий на гервенцев. И направил их туда бог в тот же день, в какой и мы явились. В то же утро они разослали свое войско по всем деревням, разграбили их и подожгли. Огонь и дым этих пожаров увидели некоторые из наших, а именно герцог Альберт со своими рыцарями и магистр Волквин с братьями. Надев доспехи, они выступили в Гервен навстречу неприятелю, а когда нашли все деревни уже сожженными и разграбленными, поспешили вслед за врагами и тут встретили некоторых гервенцев, спасшихся бегством. Каждый из них повторял: «Эзельцы нанесли страшный удар земле нашей, и один только я убежал, чтобы сообщить вам».[288] Услышав о врагах христова имени, мы поспешно двинулись на них и в десятом часу [289] захватили четверых человек, поджигавших деревню. Убив их и взяв коней, мы пошли догонять других и, вместе с быстрыми в погоне лэттами, добрались до деревни, по имени Каретэн, где у них была майя, место сбора. Придя туда, мы вдруг увидели, что вся масса врагов движется на нас, чтобы биться в поле. С громкими криками, ударяя в щиты, они приближались к нам, а оставшиеся в деревне догоняли своих. Видя нашу малочисленность, они побе-

Бой с эзельцами у дер. Каретэн

жали на нас, бросая копья. Закричали также и лэтты и люди, бывшие с нами, те, что первыми пришли и были еще в небольшом числе; они тоже побежали на врагов, бросая копья. Дорога перед нами была узкая [290] из-за смерзшегося снега, шли один за другим. Потому же и тевтоны, следовавшие за нами далеко сзади, все еще не являлись, а это промедление для нас передовых было нелегко. Положившись на господа, мы выстроили лэттов с левой стороны, тевтоны же, подходя по одиночке, становились справа. Как только мы заметили приближающееся знамя братьев-рыцарей, а за ним и герцога с его большим знаменем, мы очень обрадовались. Увидев нашу малочисленность и массу врагов, герцог спросил: «Это и есть враги Христа?» Кто-то ответил: «Это они». И сказал он: «Так идемте же на них».[291] И тотчас с братьями-рыцарями, а также с другими тевтонами и лэттами быстро двинулись вперед, ударили в середину, убивали врагов направо и налево, и падали они во все стороны, как сено, падающее на землю перед косцом.[292] И били их вплоть до деревни, за убегавшими гнались по улицам и домам, и вытащив из домов, убивали; схватывали и тех, что защищались, взобравшись на кровли домов или кучи бревен, и истребляли всех острием меча, не щадя никого. Выскочили и гервенские женщины, бывшие в плену у эзельцев, и стали также бить палками уже павших эзельцев, приговаривая: «Да поразит тебя бог христиан».[293] И гнались за ними тевтоны из деревни в поле, убивая их по полю вплоть до рощи, и этот их святой лес обагрили кровью множества убитых. Лэтты же, двигаясь вокруг деревни, встретили некоторых беглецов, рассеяли их в разные стороны и перебили, коней угнали и взяли добычу. Вернувшись на место боя, захватили коней, одежду и много добычи, пленных с женщинами и детьми возвратили гервенцам, а коней и всю другую добычу тевтоны с лэттами поровну разделили между собой, благословляя господа, совершившего столь славную победу над язычниками руками немногих. Убитых осталось на месте боя

около пятисот, а множество других пало по полям, по дорогам и в других местах. Из наших пало двое и двое у лэттов: брат Руссина и брат Дривинальдэ с Астигервэ, молодой граф из дружины епископа и один рыцарь герцога. *Да будет их память благословенна*,[230] а души их да упокоятся во Христе.

Разорение Гариэна ливами и эстами

Ливы же, шедшие на левом крыле, и эсты, бывшие на правом, как не явившиеся к бою, не получили доли в дележе добычи, а отправились ночью своей дорогой в Гариэн и, ворвавшись туда, с наступлением утра разослали свое войско по всем деревням, перебили мужчин, женщин увели в плен и захватили много добычи. Вслед за ними и тевтоны с лэттами на другой день творили такое же зло, а сбор назначили в деревне Лонэ в середине страны. Ливы же устроили свою *майю* в другом месте, а жители Саккалы остановились близ Ревеля. Нарушив приказание старейшин, они разгромили и ревельскую область, уже принявшую проповедь датчан. Варбольцы же прислали к нам просить о мире и об уходе из их владений. И сказал магистр Волквин: «Если вы захотите вместе с нами чтить единого бога, очиститься святым источником крещения [294] и дать в заложники своих сыновей, то мы заключим с вами вечный мир». Понравились варбольцам эти слова и они дали заложников.

Первое разногласие с датчанами об Эстонии

10 Отправили и наши своих послов к архиепископу, достопочтенному господину Андрею, к другим датским епископам и людям короля, находившимся в ревельском замке. Они тотчас прислали к нам королевских людей, принося благодарность богу и нам за поражение язычников эзельцев и гарионцев, но добавили при этом, что вся Эстония принадлежит королю датскому, так как передана ему епископами ливонскими, и просили отдать им варбольских заложников. Магистр же Волквин, в присутствии герцога саксонского и всех, кто с ними туда пошли, утверждал, что ничего не знает о принесении Эстонии в дар королю датскому, говорил, что вся Эстония, за исключением лишь ревельской области и острова Эзеля, покорена христианской вере рижанами под хоругвью пресвятой девы.

Он сказал так: «Заложников этой гарионской области мы возвращаем их отцам, искренно желая оказать этим честь королю датскому, но на том все же условии, чтобы от этого ни в чем не было урона правам рижан».[295] Таким образом, оставив там заложников области, мы с добычей вернулись в Ливонию. Была же добыча ливов чрезвычайно велика, так как они обложили подземные пещеры гарионцев, куда те обыкновенно всегда спасались; зажгли огонь с дымом при входе в пещеры и, дымя днем и ночью, удушили всех, и мужчин и женщин. Вытащив затем из пещер одних задыхающимися, других едва живыми, третьих мертвыми, живых перебили или увели в плен, а все имущество, деньги, одежду и всю большую добычу захватили. Было же всего задохнувшихся обоего пола во всех пещерах до тысячи душ. Потом ливы с тевтонами пошли обратно, благословляя бога за то, что он смирил гордые сердца и привел их к вере христианской.

В том же году, за смертью Теодериха, достопочтенного 11
епископа эстонского, заколотого мечами нечестивых в Ревеле и переселившегося, надеемся, в мир мучеников, епископ ливонский Альберт поставил на место его своего брата, Германна, не менее почтенного аббата св. Павла у Бремена и, отправив через Куронию и Самландию гонца в Тевтонию, известил его об этом.[296]

Назначение Германна еп. эстонским задержано датским королем

Обратившись тогда к архиепископу магдебургскому, Германн был им посвящен в епископы Эстонии, но когда об этом услышал король датский, он на несколько лет задержал отъезд епископа в Ливонию, и тому пришлось отправиться к королю с обещанием принять епископат от него и быть его верным сторонником.[297]

Двадцать второй год епископства Альберта

Двадцать второй уже был епископа год, и тогда-то (XXIV)
Ливов страна прожила недолгое время в покое. 1220

Крещение гервенцев и эстов. Соперничество с датчанами

Упомянутый епископ, озабоченный отправкой в Эстонию проповедников, ибо долгом служения его всегда была з а б о т а о б о в с е х ц е р к в а х,[298] послал в Саккалу

священника Алебранда и Людовика. Они крестили множество народу в Гервене и других областях и снова вернулись в Ливонию. Затем, отправив послов в Руссию, епископ обратился к новгородцам (Nogardensibus) со словами мира, а между тем не преминул послать других священников в Эстонию. Первым из них был Петр Кайкевальдэ из Винландии и Генрих, священнослужитель лэттов на Имере.[299] Отправившись вместе в Эстонию, они прошли через Унгавнию, уже ранее крещенную, и достигли реки, именуемой Матерью вод, у Дорпата (Dorbete). От этой реки они начали сеять семена христианского учения, очищая святым источником возрождения [300] окружающие деревни. Торжественно совершив таинство крещения в Ловекоттэ, а также и в других деревнях, пошли дальше в Садегервэ,[301] созвали народ и окрестили там около трехсот человек. Затем, обходя и другие деревни вокруг, делали то же. И прибыли в Вайгу и преподали людям этой области святые таинства и крестили всех; наконец в Риолэ, самом дальнем из замков, созвав людей, изложили им евангельское учение, окрестили там пятьсот человек обоего пола и отправились в Виронию. И приняли их там [302] жители первой области, именуемой Пудивиру, и крестились все в четырнадцати деревнях вместе со старейшиной их Табелином, который впоследствии был повешен датчанами за то, что принял крещение от рижан и отдал своего сына заложником братьям-рыцарям. Прочие же виронцы из других областей, не смея из-за угроз датчан принять рижских священников, позвали к себе датчан, как соседей, и ими были крещены. Виронцы думали, что бог у христиан один, и у датчан, и у тевтонов, одна вера и одно крещение,[303] не предполагали, что может отсюда возникнуть какой-нибудь раздор, и поэтому, не делая различия, приняли крещение от соседей-датчан. Рижане утверждали, что Вирония принадлежит им, так как их людьми она приведена в веру христианскую, и потому послали вышеназванных священников крестить ее.

2 Датчане же, стремясь занять эту, соседнюю с ними, землю, отправили своих священников как бы на чужую жатву. Они окрестили некоторые деревни, а в другие, куда сами не могли сразу поспеть, послали своих людей, велели поставить по всем деревням большие деревянные кресты, рассылали через поселян святую воду, приказывая окропить женщин и детей, и таким образом пытались опередить рижан, чтобы всю страну подчинить власти датского короля.

Спор о владении Эстонией

Узнав об этом, Петр и Генрих ушли в Гервен. Окрестив там в первых деревнях множество народу, они услышали, что туда прибыл датский священник Вольтер. Отправившись ему навстречу, они говорили, что эта страна находится во власти рижан, что виноградник этот насажден старанием пилигримов и трудом рижан под хоругвью пресвятой девы. Затем, прибыв с тем священником в замок датчан, то же самое изложили пред достопочтенным архиепископом лундским Андреем. Архиепископ однако возразил, что вся Эстония, и завоеванная рижанами и еще не покоренная, принадлежит королю датскому, так как уступлена ему рижскими епископами, и, отправив в Ригу послов, предложил не собирать чужого винограда и не посылать священников на проповедь по углам Эстонии. Епископ рижский, достопочтенный Альберт, написал в ответ ему, что виноградник церкви эстонской уже давно, за много лет до датчан, насажден его людьми, взрощен на крови многих тружеников среди множества военных тягостей, а священники его появлялись не по углам Эстонии, а в самой середине Гервена, в Виронии и даже пред глазами самого архиепископа.[304] Узнав об этом, король датский, раздраженный и настроенный против епископа, пригласил его к себе с братьями-рыцарями. Епископ не поехал и поспешил по тому же делу к верховному первосвященнику, а явились к королю братья-рыцари, Рудольф венденский с прочими, и дал им король Саккалу и Унгавнию, давно уже покоренные и крещенные рижанами, вместе с соседними областями, как должную им третью часть Эстонии,

но исключил ливонского епископа с братом его, недавно посвященным Германном. Дошло это известие до Риги, и сурово приняли его епископ Бернард и прочие рижане; собравшись вместе с братьями-рыцарями, они дружелюбно установили раздел Эстонии на три части; епископам, как ранее, так и впредь, определили их доли, а братьям оставили их третью часть.[305] Датчане же, после того как окрестили всю ревельскую область, отправили своих священников к гарионцам и, окрестив их, побудили итти с войском на гервенцев, чтобы те под действием страха ушли из-под власти рижан, а признали их власть и их крещение. И ходили гарионцы в то лето девять раз с войском в землю гервенскую, разоряли жителей, многих перебили и взяли в плен, и даже самого датского священника ранили в числе других, пока наконец большинство гервенцев не признало власти и крещения датчан. Точно так же и виронцы, первоначально покоренные рижанами, испугавшись угроз датчан, приняли от них проповедь и признали их власть. Поэтому архиепископ посвятил нового епископа для Виронии и Гервена, предоставив гарионские области епископу ревельскому.[306]

3 Между тем король Швеции Иоанн с герцогом и епископами своими собрал большое войско и явился в Роталию, расчитывая захватить какую-либо часть Эстонии и господство там.[307] Сел он в замке Леалэ, где епископом господин папа назначил Германна, брата ливонского епископа, потому что эта область уже до того была завоевана рижанами и научена ими начаткам веры. И пошли шведы кругом по всей области, уча и крестя народ и строя церкви. И пришли они к датчанам в Ревель и вступили с ними в переговоры. Послали и рижане сказать шведам, что области те их людьми подчинены вере христианской, и советовали, не слишком полагаясь на коварные речи вероломных эстов, побольше думать о своей безопасности.

Неудачная попытка шведов закрепиться в Роталии

Король же, оставив в замке Леалэ своих людей с герцогом Карлом и епископом,[308] воротился в Швецию. Те, находясь посредине между Ливонией с одной стороны и дат-

чанами с другой, перестали бояться язычников. И вот однажды, при первом проблеске дня, явились с моря эзельцы с большим войском, осадили шведов, вступили с ними в бой и подожгли замок. И вышли шведы биться с ними, но не в силах были устоять против массы врагов. И пали шведы убитыми, и взят был замок, и герцог пал, и погиб епископ от огня и меча, переселившись, наверное, в обитель мучеников. И пришли затем датчане, собрали тела убитых и с горем похоронили. Точно так же и рижане, услышав о гибели их, горевали и плакали о них много дней. Убитых было всего до пятисот человек, и лишь немногие из шведов, спасшись бегством, добрались до замка датчан.[309] Прочие все погибли от меча; да будет благословенна память их, а души да упокоятся со Христом.

1220 Авг. 8

4 Борьба епископа Альберта с королем датским за Эстонию

Епископ ливонский, переплыв море, прибыл в Любек и, узнав о козням датского короля, с помощью своих верных друзей тайно выехал из города и поспешно отправился к римскому двору.[310] Верховный первосвященник сочувственно и отечески выслушал его просьбы, но король датский, действуя против него, отправил и своих послов, которые немало повредили делам ливонской церкви при дворе римском, а для себя добились значительных успехов.[311] И отправился епископ ливонский к императору Фридриху, недавно возведенному в императорский сан, ища у него совета и помощи против упорной враждебности, как датского короля, так и русских и других язычников, ибо Ливония со всеми покоренными областями всегда с почтением относилась к империи. Однако император, занятый разными высокими имперскими делами, уделил епископу не много благожелательного внимания: уже до того он обещал посетить святую землю иерусалимскую и, озабоченный этим, уклонился от помощи епископу, а лишь убеждал его и уговаривал держаться мира и дружбы с датчанами и русскими, пока над молодым насаждением не выростет впоследствии крепкое здание.[312] Не получив никакого утешения ни от верховного первосвященника, ни от императора, епископ вернулся в Тевтонию. И решил

он, по совету добрых людей, лучше обратиться к королю Дании, чем подвергать опасности ливонскую церковь. Дело в том, что король датский запретил жителям Любека давать корабли для пилигримов в Ливонию, пока епископ не склонится к соглашению с ним.[313] Поэтому в конце концов достопочтенный епископ с братом своим Германном, обратившись к вышесказанному королю Дании, отдал и Ливонию и Эстонию под его власть на том условии однако, что прелаты его монастырей, его люди и все рижане с ливами и лэттами дадут согласие на это. В то время умерла в родах королева, супруга короля датского. И сказал кто-то, что и юная церковь, ежедневно ожидающая рождения духовного потомства, переходя теперь под власть короля, без сомнения, подвергнется опасности во время его правления. И правду сказал он, как будет видно ниже.[314]

Условное признание еп. Альбертом верховенства короля датского над Ливонией и Эстонией

1221 Марта 27

Миссионерская деятельность Генриха и Теодериха в Эстонии

5 В то время пока шел спор за господство над страной, в Эстонию вновь отправился священник имерских лэттов, взяв с собой другого священника Теодериха, недавно посвященного. Пройдя через Саккалу, прибыли они к Пале и, начав от этой реки, очистили святою водой крещения соседнюю область,[315] именуемую Нормегундэ, в отдельных деревнях останавливались дольше, созывали народ и преподавали ему евангельское учение. В течение семидневного обхода они каждый день крестили триста или четыреста человек обоего пола. Затем пошли в Гервен и, добравшись до самой дальней области по направлению к Виронии, называемой Лоппегундэ, еще не крещенной, торжественно совершали таинство крещения в каждой большой деревне; между прочим пришли в деревню по имени Кеттис, где выполнили то же.[316] Впоследствии датчане построили там церковь, как и во многих других деревнях, крещенных нами. Наконец достигли они деревни, называемой Рейневери, и послали звать народ из других деревень. И сказал поселянин, бывший у них старейшиной: «Мы уже все крещены», а когда те стали спрашивать, кем же они крещены, тот ответил: «Мы были в деревне Иольгезим,[317] когда датский священник совершал там таин-

ство своего крещения, и он крестил некоторых из наших и дал нам святую воду; возвратившись в свои деревни, мы окропили этой водой каждый свою семью, жен и детей. Чего же еще нужно от нас? Мы однажды уже крещены и больше вас не примем». Услышав это, священники, усмехнувшись, отрясли на них прах от ног своих[318] и поспешили в другие деревни; на границе Виронии они окрестили три деревни; там была гора и очень красивый лес, где, как говорили местные жители, родился великий бог эзельцев, именуемый Тарапита, который оттуда и улетел на Эзель. Один из священников пошел туда и срубил бывшие там изображения и идолы их богов, и дивились люди, что кровь не течет, и еще больше стали верить проповедям священников.[319] Закончив таким образом в семь дней крещение той области, священники вернулись в другую, по имени Моха, точно так же оставались там целую неделю, обходя деревни, и всякий день крестили около трехсот или пятисот человек обоего пола, пока и в этих местах не закончили крещения, уничтожив языческие обряды. Двинувшись из той области в Вайгу, по дороге они встретили много деревень, где до тех пор вовсе не бывало священников, крестили там всех мужчин, женщин и детей; затем, обогнув озеро Вордегервэ, прибыли в Вайгу, а так как Вайга была крещена уже ранее, вернулись в область, называемую Иогентагаииа, и, посетив отдельные деревни, остававшиеся еще не крещенными, а именно Игетевери, Ветполэ, Вазала и многие другие, окрестили всех мужчин и женщин с детьми. Проведя там всю неделю и закончив в той местности совершение таинства крещения, они с радостью возвратились к Матери вод; там точно так же выполнили на обоих берегах реки дело благочестия и работу поучения для некрещенных; наконец вернулись в Одемпэ и, поручив богу процветание насажденного и орошенного святым источником виноградника, отправились обратно в Ливонию.[320]

Немного времени спустя, тот же священник Теодерих снова вернулся в Гервен и в Виронию к своим новокрещенным и остался там с ними жить. Узнав об этом, датчане 6 Враждебность датчан к рижским миссионерам

схватили его вместе с его слугой, отняли у них коней и все имущество и, ограбив, отпустили в Ливонию. Послали и братья рижского епископа, после гибели шведов, священника Саломона в Роталию. Жители ласково приняли его, обещали всегда охотно служить рижской церкви, а датского господства и крещения от датчан никогда не принимать. Собрали они со всех своих владений оброк, как всегда и раньше делали, и послали через того священника рижанам, но явились датчане, все отняли, а его ограбленного отправили в Ливонию. Пошел также в Унгавнию молодой священник братьев-рыцарей Гартвик и поселился там вместе со своими братьями и окрестил всех, кого нашел не крещенными. Равным образом и священник, ранее бывший у лэттов, отправился в Унгавнию, прибыл в Вальгатабальвэ, в стороне Пскова (Plescekowe), совершил там таинство крещения во всех окраинных деревеньках, открыл им смысл веры христианской и, закончив дело крещения, вернулся в Ливонию.

В то время закончено было крещение по всей Эстонии, и крещена была масса народу по всем местностям и областям ее, так что одни священники окрестили тысячу человек и большие, другие — пять тысяч, а некоторые — десять тысяч, из всей этой массы, и более. И радовалась церковь тишине мира, и славил весь народ господа, который, после множества войн, обратил сердца язычников от идолопоклонства к почитанию бога, благословенного во веки.

7 В это же самое время христиане в земле иерусалимской взяли египетский город Дамиэту и поселились в нем, да и по всему свету церковь божья торжествовала победы и триумф над язычниками. У нас, однако, недолго.[321] Ибо уже на следующий год, после пасхи явились эзельцы с большим войском и осадили датчан в Ревеле, сражались с ними четырнадцать дней и, зажегши много огней, надеялись таким способом взять их. Датчане как-то вышли из замка и бились с ними, но были оттеснены назад в замок. Эзельцы же, увидев в море четыре приближающиеся корабля

Осада Ревеля эзельцами

1221

(coggones), испугались, что идет король датский с войском, отступили, оставив замок датчан, на свои корабли и вернулись на Эзель. И тотчас датчане послали людей, схватили старейшин области ревельской и гарионской, а также и виронской и всех повесили, кто только был вместе с эзельцами при осаде замка или участвовал в их злых замыслах; на остальных же наложили двойной или тройной оброк, по сравнению с прежним обычным, и много тяжких повинностей в возмещение. Поэтому [322] ненависть эстов к датчанам стала еще больше; они непрестанно готовили против них коварные ухищрения и таили злые замыслы как-нибудь выгнать их из своих пределов.

Двадцать третий год епископства Альберта

Был двадцать третий год посвящения епископа Альберта, (XXV) 1221

И в тишине жила недолго ливонская область.

Двенадцатый приезд еп. Альберта в Ливонию

По отъезде в Тевтонию графа Адольфа из Даслэ, вновь возвратился вышеупомянутый достопочтенный епископ рижский с другими пилигримами, правда, немногими. В их числе был знатный Бодо из Гомборга с другими рыцарями и клириками.[323] С возвращением епископа узнали рижане, что не только Эстония, но и Ливония должна быть передана под власть короля датского. И пришли все в великое смущение и в один голос все возражали: и прелаты монастырей, и церковные люди, и горожане, и купцы, и ливы, и лэтты — все говорили, что они до сих пор бились в битвах господних [324] против язычников во славу господа нашего Иисуса Христа и возлюбленной его матери, а не в честь короля Дании; что они предпочтут скорее покинуть эту страну, чем служить королю. И дошло известие об этом до слуха достопочтенного архиепископа лундской церкви, который при осаде ревельского замка многому научился, испытав нападения язычников, и понял, что помощь рижан ему весьма нужна; и послал он послов к епископу рижскому, обещая возвратить Ливонии прежнюю свободу. И отправился епископ с магистром рыцарства и людьми

Соглашение с датчанами

своими к архиепископу в Ревель; тот успокоил их, одарил и обещал всячески стараться вновь возвратить Ливонии ее свободу, лишь бы только тевтоны и датчане были всегда заодно и в мире и в войне с язычниками или русскими. В Саккале и в Унгавнии все королевские и все мирские права были отданы братьям-рыцарям, а епископу оставлены духовные. После того они радостно воротились в Ливонию.[325]

Неудача датского судьи в Риге

2 По возвращении их явился в Ригу некий рыцарь Годескальк, посол короля датского, отправленный им занять от имени короля должность городского судьи. И воспротивились этому все, кто только были в Ливонии — и ливы, и лэтты, и тевтоны — до такой степени, что даже купцы отказались дать ему лоцмана на корабль, как при поездке из Готландии в Ливонию, так и при возвращении из Ливонии в Готландию. И ушел он в смущении из Ливонии и отправился в великое и пространное море [224] без лоцмана, и носил его противный ветер. А так как и в Ливонию он, должно быть, явился против воли того, *кто повелевает ветрами*, то ветры недаром поднялись против него, и не светило ему *солнце правды*, как оскорбившему Марию, матерь божью, называемую *звездой моря*; [326] потому же и она не указала ему верного пути. Так этот рыцарь, изгнанный из Ливонии, воротился в Данию, отказавшись впредь быть королевским судьей в земле пресвятой девы Марии. Так, так звезда моря всегда хранила свою Ливонию; так, так госпожа мира и повелительница всех стран всегда защищала свою духовную страну; так, так королева неба повелевала земным королям. И разве не повелевала, когда она наказала многих королей, сражавшихся против Ливонии? И разве не наказала, когда она поразила внезапной смертью великого короля Владимира полоцкого, собравшегося итти в Ливонию с войском? А когда великий король Новгорода (Nogardie) в первый раз разорил Ливонию, разве она внезапно не лишила его королевства, так что он был позорно изгнан своими же горожанами? Разве не послала она смерть от руки татар на другого новгородского короля, во второй

раз разграбившего Ливонию? [327] Разве не достаточно смирила она короля Всеволода (Wissewaldum) из Герцикэ, разорившего рижан огнем и мечом? А король Вячко (Vesceka), который некогда истребил людей епископа в Кукенойсе, разве позднее не погиб жестокой смертью в Дорпате (Tarbete), как ниже будет сказано? Да и шведы, осмелюсь сказать, которые вторглись в роталийские области, подчиненные хоругви пресвятой девы, разве не были перебиты эзельцами? А король датский, желавший подчинить Ливонию тягостям своего господства, разве не ею (руками немногих) был чудесным образом предан тягостям долгого плена? Разве она руками слуг своих ливонских не истребила Свеллегата да и множество других князей и старейшин литовцев? Разве Ако, князь некогда вероломных гольмских ливов, вместе со многими другими не пал убитый рижанами? Разве не погиб Руссин, старейшина лэттов, в замке Дабрела? Разве старейшины торейдские, слывшие вероломными, не пали все мертвыми во время мора? Разве все старейшины Эзеля и роталийских областей не пали от руки рижан при Торейде? Разве Лембит, Витамас [328] и другие вероломные старейшины в Саккале не были перебиты рижанами, а уцелевшие тогда и упорствовавшие потом в вероломстве разве не погибли все? Вот как кротка матерь божья к своим, кто верно ей служит в Ливонии; вот как она всегда защищает их от всех врагов и как она жестока к тем, кто пытается напасть на ее землю или итти против веры и против славы сына ее! Вот сколь много и каких могущественных королей наказала она, сколь многих вероломных и языческих князей и старейшин она стерла с лица земли, сколько раз даровала своим победу над врагами! Ибо всегда до сего времени защищала она хоругвь свою в Ливонии, то предшествуя ей, то следуя за ней, и позволяла ей торжествовать над врагами. И кто из языческих, датских или других королей, когда-либо сражавшихся против Ливонии, не погиб?

Смотрите же и разумейте [329] вы, князья русских, язычников и датчан и старейшины разных наро-

дов; бойтесь ее, столь кроткой матери милосердия; чтите ее, матерь божью; умилостивляйте ее, столь жестоко мстящую врагам своим; впредь не смейте нападать на землю ее, чтобы стала вам матерью та, что доныне была всегда враждебна врагам своим, а тем, кто обижал людей ее в Ливонии, всегда наносила еще большие обиды.

Внимайте же и вы, владетели и судьи земли ее, смотрите, не слишком притесняйте бедных, то есть ливов, лэттов и вообще новообращенных, рабов пресвятой девы; ведь они и доныне приносили к другим народам имя Христа, ее сына, и в будущем понесут вместе с нами. Представьте очами мысли вашей жестокую смерть тех, что были тяжким бременем для подданных ее — глубоко подумайте об этом и берегитесь. Ведь пресвятая дева радуется не большому оброку, какой обычно платят новообращенные, не деньгами она умилостивляется, что отнимают у них разными поборами, и не тяжко иго ее, она хочет возложить на них легкое иго и приятное, так как сын ее говорит: «И г о м о е б л а г о и б р е м я м о е л е г к о», и только того требует от людей, чтобы верили во имя его, признавали его, вместе с отцом, единым и истинным богом, а веря в него, жили во имя его, благословенного во веки веков. Аминь.[330]

3 В это же время собрались под Торейдой горожане рижские с купцами, ливами и лэттами и, обменявшись клятвами, устроили заговор против короля датского и против всех своих противников. И послали братья-рыцари слуг своих, схватили некоторых старейшин ливов и бросили в тюрьму в Зигевальдэ; тогда рухнули и замыслы прочих.[331]

Раздоры среди ливонцев

Поход псковичей с литовцами на земли лэттов, ливов и на Унгавнию

Русские же прислали из Пскова обратно грамоту о мире, заключенном у Одемпэ, а вслед за тем и сами пришли с большим войском, во главе которого стоял король новгородский, в следующем же году убитый татарами.[332] И было в том войске двенадцать тысяч русских, собравшихся и из Новгорода и из других городов Руссии против христиан, находившихся в Ливонии. И пришли они в землю лэттов и стояли там две недели, дожидаясь литовцев и опустошая все, что было по соседству. Затем подошли к Вендену

(Wendam). У ворот их встретили братья-рыцари со своими вендами, но не будучи в силах противостоять массе врагов, сожгли дома и деревни и отступили в замок. Однако русские, оставив замок в стороне, перешли Койву и явились в Торейду. И разграбили они всю страну, сожгли все деревни, церкви и хлеб, лежавший уже собранным на полях; людей взяли и перебили, причинив великий вред стране. Литовцы, двигаясь по той же дороге близ Вендена вслед за русскими, перешли Койву, присоединились к ним и, где русские нанесли меньший вред, там приложили руку литовцы (Litowini).[333] И выступили из Риги магистр братьев-рыцарей со своими и рыцарь Бодо с некоторыми пилигримами; за ними последовали и другие, но лишь немногие из-за бывшего в стране несогласия.[334] И пошел магистр со своими и прочими сопровождавшими к Койве и стал на берегу, не давая русским переправиться на его сторону. Некоторые из ливов, переправившись через реку, бросились преследовать литовский отряд, шедший с пленными и добычей из Койвемундэ, и убили у них до двадцати человек, прочие же спаслись бегством к русским. Другой, русский, отряд они застали в деревне Когельсэ,[335] убили и у них семь человек, а другие бежали и воротились к своим или скрылись в лесу. И сказали тогда русские: «Н е х о р о ш о н а м о с т а в а т ь с я з д е с ь,[336] так как ливы и тевтоны собираются вокруг нас со всех сторон». И, поднявшись в полночь, стали уходить из страны, а на следующую ночь, остановившись в Икевальдэ,[337] разграбили и сожгли окрестную область. На третью ночь такой же вред причинили в местности у Имеры, затем поспешили в Унгавнию, четыре дня таким же образом опустошали и эту область, а там вернулись в Руссию. Литовцы же, не решаясь отделиться от русских из страха перед тевтонами, ушли с ними во Псков и оставались там целый месяц, чтобы потом безопасно возвратиться в свою землю.[338]

4 **Стычка меченосцев с литовцами**

Братья-рыцари с прочими прошли до Имеры и, думая встретить литовцев у Двины, вернулись назад, устроили, вместе с епископской дружиной из Кукенойса, засаду

и ждали врагов три недели. Братьям-рыцарям надоело ожидание и они возвратились в Ригу, а Теодерих, рыцарь из Кукенойса, с другими рыцарями, епископскими слугами и немногими лэттами, отправился по направлению ко Пскову, по пути в течение семи дней разыскивая литовцев. И нашли наконец следы их и тотчас поспешили к ним. Тевтонов тут было только пятнадцать человек, лэттов больше, но в общем у них было всего восемьдесят девять человек, а у язычников шестьсот. Не без страха поэтому перед массой врагов, но возложив всю надежду на господа, они смело двинулись вперед. Литовцы, видя, что те наступают, выстроили и свое войско для отпора, а двести человек из лучших своих всадников поставили отдельно, чтобы преследовать бегущих тевтонов. Прочие все большим отрядом пошли навстречу тевтонам, и не могли тевтоны, по своей малочисленности, биться с ними, а бился тот, кто некогда пожелал, чтобы о д и н ч е л о в е к г н а л т ы с я ч у, ч т о б ы д в о е о б р а т и л и в б е г с т в о д е с я т ь т ы с я ч.[339] Положившись на него, пошли на врагов, подняв знамя; завязался бой, и падали люди с обеих сторон. Так как дорога, пролегавшая по лесу, была узка, тевтоны пошли в бой впереди, а лэтты все двигались вслед за ними и кричали, как были научены, на тевтонском языке: «Бери, грабь, бей!» Литовцы, перепуганные этими криками, думая, что следом идет много тевтонов, обратились в бегство, и пал тут храбрейший из них и до сотни других, а прочие, бросив оружие, разбежались по лесу. И собрали тевтоны всю добычу, а чего не могли унести с собой, то сожгли; захватили и увели около четырехсот коней и славили того, кто бился за них. У тевтонов было убито там трое, да упокоятся со Христом души их в мире. Аминь.

Литовцы, бежавшие в лес, потом, так как время было уже зимнее, одни потонули в Двине из-за трудности переправы, другие сами повесились в лесу, и не вернулись в землю свою, потому что разграбили землю пресвятой девы и сын ее наказал их за это, да будет слава ему во веки.

Рижские купцы шли с товарами в Роталию. И явились датчане, схватили их, говоря, что это земля короля, связали и увели с собой в Ревель. И послали епископ рижский и магистр рыцарства просить, чтобы их отпустили; и те отказали. Тогда сообщено было датчанам, что рижане идут с войском, и тотчас все были отпущены.[340] И не пошли рижане в Эстонию, а отправились вместе с ливами и лэттами в Унгавнию, созвали к себе жителей Саккалы и Унгавнии и направились в Руссию против врагов своих, разоривших Ливонию. Оставив позади Псков, они вступили в королевство Новгородское (Nogardense) и разорили всю окрестную местность, сожгли дома и деревни, много народу увели в плен, а иных убили. Лэтты добрались до церкви недалеко от Новгорода, захватили иконы (icones), колокола, кадила и тому подобное и вернулись к войску с большой добычей. Отомстив врагам, пошло все войско обратно с радостью и без всяких потерь, и вернулся каждый в дом свой, и смыто было оскорбление, нанесенное русскими ливонской церкви.[341] 5

Датчане захватывают рижских купцов в Роталии

Набег рижан на Новгородскую область

Лэтты, а вместе с ними жители Саккалы и Унгавнии, также беспрестанно вторгались в Руссию, многих там перебили, много народа обоего пола увели в плен и захватили много добычи. Точно также лэтты из Кукенойса и тевтоны, ходившие в Руссию, всегда возвращались с массой добычи и множеством пленных.

В это время по всем замкам Унгавнии и Саккалы жили братья-рыцари со слугами своими, выполняли судейские обязанности, собирали подати, оставляя епископу его долю,[342] выстроили и сильно укрепили замки, выкопали там водоемы, снабдили замки оружием и балистами и из страха перед русскими, собрав эстов в замки, поселили там вместе с собою.

Унгавнийцы же в середине зимы выступили с войском в поход по глубокому снегу и, миновав Виронию, перешли Нарову (Narwam), разграбили соседнюю область,[343] захватили пленных и добычу. Когда они вернулись, тем же путем отправились жители Саккалы, перешли Нарову 6

Поход унгавнийцев и саккальцев за р. Нарову

и сделали далекий поход в землю, называемую Ингария, относящуюся к Новгородскому королевству.[344] Так как никакие известия их не опередили, они нашли эту область полной народу и нанесли ингарам тяжкий удар, перебили много мужчин, увели массу пленных обоего пола, а множество овец, быков и разного скота не могли захватить с собой и истребили. И воротились они с большой добычей, наполнив Эстонию и Ливонию русскими пленными, и за все зло, причиненное ливам русскими, отплатили в тот год вдвойне и втройне.

Двадцать четвертый год посвящения епископа Альберта

(XXVI) Двадцать четвертая шла годовщина епископа делу,
1222 Край же все не имел тишины, покоя и мира.

Татары на Руси

В тот год в земле вальвов[345] язычников были татары. Вальвов некоторые называют партами. Они не едят хлеба, а питаются сырым мясом своего скота. И бились с ними татары, и победили их, и истребляли всех мечом, а иные бежали к русским, прося помощи. И прошел по всей Руссии призыв биться с татарами, и выступили короли со всей Руссии против татар, но нехватило у них сил для битвы и бежали они пред врагами. И пал великий король Мстислав из Киева (Mistoslawe de Kywa) с сорока тысячами воинов, что были при нем. Другой же король, Мстислав галицкий (rex Galatie Mysteslawe), спасся бегством.[346] Из остальных королей пало в этой битве около пятидесяти. И гнались за ними татары шесть дней и перебили у них более ста тысяч человек (а точное число их знает один бог), прочие же бежали. Тогда король смоленский (de Smalenceka), король полоцкий (de Plosceke) и некоторые другие русские короли отправили послов в Ригу просить о мире. И возобновлен был мир, во всем такой же, какой заключен был уже ранее.

Поход датчан на Эзель. Соглашение с ливонцами

2 Король датский, собрав большое войско, явился с графом Альбертом[347] на Эзель и стал строить каменный замок. И вышли датчане биться с эзельцами, и не могли справиться одни, но пришел на помощь им граф Альберт со

своими и обратил эзельцев в бегство; многие из них были перебиты, а прочие бежали. Прибыл также достопочтенный епископ рижский с магистром рыцарства, своими братьями, некоторыми ливами и другими, что посылались из Ливонии к королю датскому на Эзель. И рад был король прибытию их и заговорил с ними о том дарении, по которому перешла к нему Ливония. Но не согласились с ним они и возражали все единодушно, как поручено им было всем населением Ливонии; умоляли его отказаться от такого угнетения Ливонии и оставить свободу земле пресвятой девы. Поэтому, посоветовавшись с разумнейшими из своих, король в конце концов возвратил епископу в полное обладание Ливонию со всем, к ней относящимся. В Саккале же и в Унгавнии королевские права он уступил братьям-рыцарям, а все духовные права — епископу рижскому, с тем однако, чтобы они всегда были верны ему и не отказывали его людям в помощи против русских и против язычников.[348] И обещали они всегда верно помогать и ему и его людям, оставив, по просьбе короля там же в новом замке Теодериха, брата епископа с некоторыми братьями-рыцарями. И возвратились они в Ливонию, а король, спешно закончив замковую стену и оставив в замке людей, вернулся в Данию.

Тогда эзельцы, собравшись со всех деревень и областей, осадили этот замок и послали к приморским эстам сказать, чтобы шли им на помощь. И пошли некоторые из них в Варболэ и познакомились там с применением патерэлла, то есть осадной машины, которому датчане научили варбольцев, как своих подданных. Возвратившись на Эзель, они начали строить патерэллы и иные машины, уча тому же других, и стали все у них строить себе машины. Затем, явившись все вместе, с семнадцатью патерэллами, они пять дней без перерыва метали массу больших камней, не давая покоя бывшим в замке, а так как у тех не было ни домов, ни других строений и не было никакого убежища в замке еще недостроенном, то многие из осажденных пострадали. Немало и эзельцев пало ранеными из самострелов, но они все же не прекратили осады замка. После многодневной 3

Взятие эзельцами датского замка на Эзеле

битвы эзельцы сказали бывшим в замке: «Вы знаете, что в этом замке вам никак нельзя спастись от наших непрерывных нападений.[349] Послушайтесь нашего совета и просьбы: заключите с нами мир, выходите из замка здравыми и невредимыми, а замок и нашу землю оставьте нам». Те, вынужденные сражаться под открытым небом, не имея домов и самого необходимого, приняли эти условия мира, вышли из замка, взяв с собой на корабли свое имущество, а замок и землю оставили эзельцам. Семь человек из датчан и Теодерих, брат епископа рижского, были задержаны эзельцами, как заложники, ради прочности мира, а остальные все возвратились к датчанам в Ревель.

4 Общее восстание эстов

Эзельцы разрушили замок по всей окружности стен, не оставив камня на камне,[350] и послали по всей Эстонии весть о том, что взяли замок короля датского и выгнали христиан из своих владений. Они по всем областям уговаривали эстов сбросить с себя иго датчан и уничтожить в стране христианство, утверждали, что датский замок взять легко, и учили людей строить осадные машины, патерэллы и прочие военные орудия. И пришла беда в страну.

Когда эзельцы привели таким образом к концу злоумышленный сговор свой с гарионцами против датчан и рода христианского, они все собрались вместе с приморскими эстами в замке Варболэ, убили некоторых датчан и священников, живших там с ними, и послали гонцов в Виронию, чтобы и там поступали также. Вironцы же и гервенцы, люди простодушные и более смирные, чем другие эсты, не решились на такое дело, а, собрав своих священников, отослали их невредимыми в замок датчан.

5 Убийство рыцарей саккальцами

Люди из Саккалы, жившие вместе с братьями-рыцарями в замке Вилиендэ, не могли уж более скрывать свои коварные замыслы против этих братьев, взялись за мечи, копья и щиты, сбежались, схватили некоторых из братьев, слуг их, а также тевтонских купцов и перебили. Было воскре-
1223 сенье, в которое читается евангелие: «Когда вошел Иисус
Янв. 29 в корабль, сделалось великое волнение в море»; [351] священ-

ник Теодерих служил торжественную мессу, а прочие братья были тут же в церкви, и настало действительно великое волнение и смятение. Ибо, перебив всех братьев, слуг и тевтонов, бывших вне замка, убийцы собрались к церкви в замке,[352] ища не молитвы, а кровопролития, не таинства мессы, а оскорбления мира христова, то есть неся с собой жестокость Каина. Они заняли и обступили вход в церковь, окружили с оружием в руках безоружных братьев, а чтобы легче вызвать их наружу, обещали мир, коварно протянув руки. Первым, слишком доверившись неверным, вышел к ним Мавриций, бывший у них судьей; на него тотчас бросились и убили. Тогда остальные, испуганные очевидной опасностью, приготовились к обороне, но когда после долгого ожидания, насильники клятвенно обещали мир, братья по одиночке вышли к ним. Вероломные схватили их, тотчас связали по рукам и по ногам, захватили все имущество их, деньги, коней и поделили между собой. Тела убитых бросили в поле на съедение собакам, «оставив», как написано, «трупы рабов твоих пищею птицам небесным, а тело святых твоих зверям земным, пролили кровь их, как воду, и некому было хоронить».[353] Некоторые из них отправились еще и в другой замок, бывший у Палы, велели и там сделать то же, а местного священника с другими убили по дороге.[354]

6 После того эти же саккальцы пошли в Гервен, схватили там Гебба, бывшего их судьей, отвели вместе с прочими датчанами в свой замок и истязали его и других жестокими пытками; расстерзали им внутренности, вырвали сердце из груди у еще живого Гебба, зажарили на огне и, разделив между собой, съели, чтобы стать сильными в борьбе против христиан; тела убитых отдали на съедение собакам и птицам небесным.

Убийства в Гервене

7 Совершив столь нечестивое дело, старейшины Вилиендэ в тот же день послали в Одемпэ совет, чтобы там поступили так же, а жителям Дорпата, вместо известия, послали

Убийства в Оденпэ

окровавленные мечи, которыми убили тевтонов, их одежду и коней. Те все с радостью приняли эту весть, бросились на братьев-рыцарей и связали их, а Иоанна, бывшего у них судьей, и всех их слуг перебили. И из купцов истребили острием меча весьма многих; прочие сначала было спаслись, спрятавшись, но потом и их заключили в оковы. Все добро братьев-рыцарей, других тевтонов и купцов они захватили и разделили между собой, а тела убитых, да покоятся их души в мире со Христом, бросили непогребенными на поле.

Жил в то время в Дорпате вместе с братьями-рыцарями собрат их, священник Гартвик. Его посадили на тучного быка, так как и сам он был не менее тучен, вывели из замка и стали решать жребием, кого богам угодно избрать в жертву, священника или быка. И пал жребий на быка и тотчас его убили, а священнику, следуя воле богов, сохранили жизнь, но нанесли большую рану, которая впоследствии была вылечена.

8 По всей Эстонии и Эзелю прошел тогда призыв на бой с датчанами и тевтонами, и самое имя христианства было изгнано из всех тех областей. Русских же и из Новгорода и из Пскова эсты призвали себе на помощь, закрепили мир с ними и разместили — некоторых в Дорпате, некоторых в Вилиендэ, а других в других замках, чтобы сражаться против тевтонов, латинян и вообще христиан; разделили с ними коней, деньги, все имущество братьев-рыцарей и купцов и все, что захватили, а замки свои весьма сильно укрепили. Выстроили по всем замкам патерэллы и, поделив между собою много балист, захваченных у братьев-рыцарей, учили друг друга пользоваться ими.

Русские занимают Дорпат

Жен своих, отпущенных было после принятия христианства, они вновь взяли к себе; тела своих покойников, погребенные на кладбищах, вырыли из могил и сожгли по старому языческому обычаю; мылись сами, мыли и выметали вениками замки, стараясь таким образом совершенно уничтожить таинство крещения во всех своих владениях.

И послали жители Саккалы гонцов в Ригу сказать, что они охотно возобновят мир, но веры христианской впредь не примут никогда, пока останется в стране хоть годовалый мальчик ростом в локоть.[355] Они просили вернуть их сыновей-заложников, обещая отдать за каждого по одному человеку из братьев-рыцарей и купцов, какие были еще в живых среди заключенных у них. Так и было сделано. 9

Обмен саккальских заложников на пленных рижан

В то время в доме у одного эста в Саккале жил христианин купец, и когда стали убивать всех бывших в стране тевтонов, тот эст тоже напал на своего гостя и убил его. После этого жена убийцы родила сына, и на теле у мальчика оказались свежие раны по всем местам, куда отец ранил безвинно убитого им, притом совершенно такие же, как раны убитого. Впоследствии они зажили, но рубцы видны и до сего дня. И дивились многие, кто видел, и рассказывали об этом, как свидетели кары божьей, а сам убийца вскоре же погиб от руки христианского войска. 10

И начались вновь войны на всем пространстве Эстонии. Эзельцы, и приморские и из Варболэ, вместе с гервенцами и виронцами долго осаждали датчан в Ревеле, пока господь наконец не освободил их: сильно утомленные долгой осадой тевтоны и датчане вышли из замка и напали на врагов, и бог обратил эстов в бегство, и пали многие из них убитыми, а прочие бежали. И захватили христиане их быков и коней и большую добычу, славя господа, и на этот раз избавившего их от таких бедствий. 11

Осада Ревеля эстами

Когда лэтты увидели, какие злодейства замышляют эсты против Ливонии, стали и они воевать с эстами. Рамеко со своими и Варигербэ с другими лэттами пошли в Унгавнию, разграбили деревни, людей увели в плен или перебили и взяли много добычи. По возвращении их пошли другие и нанесли такой же вред. Равным образом вслед за лэттами и эсты явились в Лэттию и причинили там не меньше зла. 12

Разорение Унгавнии лэттами

После того отправились в Унгавнию и братья-рыцари, разграбили и сожгли некоторые деревни, также сильно повредив эстам. Вернувшись в Ригу, они призвали людей епископа и всех тевтонов помочь им против свирепости 13

эстов. Те однако в один голос ответили: «Если вы согласитесь отдать церкви пресвятой Марии и епископу рижскому их третью часть в Эстонии, епископу Германну возвратите в полное обладание его треть, а сами удовлетворитесь своей третью, мы охотно поможем вам».[356] И обещали те немедленно отдать епископам в целости их доли. Поэтому тотчас поднялись все люди церкви, созвали войско из своих ливов, из лэттов, вместе с рижанами и братьями-рыцарями, и двинулись в Саккалу.

Признание рыцарями владетельных прав епископов

Осада Феллина. Разорение Саккалы

С наступлением утра они появились близ замка Вилиендэ, и вышли оттуда эсты и бились с ними до третьего часа. Потом войско отступило, разделилось отрядами по всем деревням, и стали они грабить область, забирая в плен и убивая, кого находили. После того, собравшись всем войском, пошли назад в Ливонию к замку, что у Палы, и три дня сражались с эстами; другие же перешли Палу, разграбили и выжгли всю область Нурмегундэ, перебили там множество народу и, вернувшись к своим, вместе со всем войском возвратились в Ливонию,[357] а всех пленных мужчин обезглавили, чтобы отомстить тем криводушным и вероломным народам. Разделив добычу, славили того, кто благословен всегда.

Двадцать пятый год епископства Альберта

(XXVII) 1223

Нашествие эстов на земли лэттов и ливов

Был двадцать пятый год епископства, а церковь все еще не имела покоя от войн. Когда епископ Бернгард, первый епископ семигаллов, возвратился со многими пилигримами из Тевтонии, жители Саккалы, Унгавнии и соседних областей собрали большое войско, явились на Имеру, разграбили землю лэттов, многих из лэттов перебили, женщин увели в плен и, разослав войско по всей области, нанесли ей тяжелый удар: одни пошли в Трикатую, другие в Розулу,[358] третьи — в Метсеполэ, четвертые — в Торейду, застали по всем деревням множество мужчин и женщин, многих из них перебили, других увели в плен, захватили большую добычу, а все деревни и церкви предали огню. После этого назначили сбор войска со всем награбленным в Леттегорэ.

Между тем Рамеко с немногими другими лэттами шел сзади вслед за эстами до Урелэ и, наткнувшись случайно на Варемара, главу русских в Вилиендэ, убил его со многими другими русскими и эстами; захватив оружие и большую добычу, они затем вернулись в Венден.

Поражение эстов у Имеры

И пришла в Ригу весть обо всех бедствиях, испытанных ливами и лэттами, и горько плакали все о своих убитых братьях и тотчас, без всякого промедления, бросив хлеб, мешки и одежду,[359] конные и пешие, братья-рыцари с пилигримами, купцами и ливами выступили в Торейду. Послав разведчиков, обнаружили, что враги уже отступили из Ледегорэ, и гнались за ними днем и ночью, но от крайней усталости все пешие и множество других воротились в Ригу. Те же, кто были тверды сердцем в решении отомстить язычникам и стеною стать за дом господень, не отступили. В числе их были Иоанн, настоятель церкви святой Марии, священник Даниил, Волквин, магистр братьев-рыцарей; они старались и других подкрепить, ободряя и уговаривая показать себя верными, сильными и храбрыми в бою господнем против отступников.[360]

К ним присоединились братья-рыцари из Зигевальдэ и Вендена, а также великое множество [361] ливов и лэттов, и шли они вслед за врагами по дороге близ Койвы, но те ушли другой дорогой, ведущей к церкви у Имеры; ночью поставили в церкви своих коней, натворили там других мерзостей, разграбили и сожгли хлеб, дома и все, что было у священника, а с наступлением утра двинулись к Имере. И случилось так, что, когда некоторая часть их войска уже перешла мост на Имере, вдруг сбоку по другой дороге появились христиане, ударили в середину врагов и начали бой. Эсты сопротивлялись весьма храбро,[362] но устрашил их тот, кто некогда заставил филистимлян в ужасе бежать перед Давидом; и бились с ними тевтоны, и побежали эсты перед христианами. И преследовали их тевтоны, рассеивая и гоня назад по дороге, какою те пришли, и перебили множество из них. Другие нагоняли врагов у моста, уби-

вали их и на этом пути, бились и на мосту. Тут пал раненый копьем брат-рыцарь Теодерих, человек храбрый и благочестивый, а прочие, перейдя мост, напали на врагов. Те однако, бросив всю добычу и коней, а некоторых пленных убив, пешими бежали в лес.[363] Более шестисот из них было перебито, другие погибли в лесах, третьи утонули в Койве, а некоторые с позором вернулись в землю свою, чтобы передать дома весть о происшедшем. Христиане же — тевтоны, ливы и лэтты, захватив добычу, коней и быков, поровну разделили между собой, а пленным своим собратьям, мужчинам и женщинам, вернули свободу, благословляя и славя того, кто не только в этот раз, но и всегда сражался за них в Ливонии и всегда даровал им славные победы над отступниками.

2 После того как эсты, отрекшиеся от веры христовой, были разбиты при Имере, епископ Бернгард [364] послал по всей Ливонии и Лэттии звать, чтобы люди церкви и братья-рыцари с ливами и лэттами — все явились биться с эстами. Все послушно повиновались и собрались вместе, в том числе и пилигримы с купцами. Отправившись, кто на корабле по Койве, кто пешком, кто верхом на конях, прибыли к месту молитвы и сговора в количестве восьми тысяч. Торжественно проведя молитвы и совещания, поспешили

Осада и взятие ливонцами Феллина и замка при Пале

Авг. 1 в Эстонию к замку Вилиендэ, который за десять лет до того был взят тевтонами и подчинен христианской вере, и вновь уже вторично осадили его; соорудили малые осадные машины и патерэллы; построив крепкую и высокую башню из бревен, продвинули ее ко рву,[365] чтобы можно было снизу вести подкоп под замок. Сильно им мешали, однако, балистарии, бывшие в замке, ибо против христианских балист у осажденных была масса балист, отнятых у братьев-рыцарей, а против осадных машин христиан они и сами соорудили машины и патерэллы. И шел бой с обеих сторон

Авг. 1 много дней: начата была осада в августе в день памяти

Авг. 15 Петра в темнице, а в день успения пресвятой девы осажденные обессилев сдались. Дело в том, что стояли сильные жары, а в замке было множество людей и скота, и стали

они слабеть от голода и жажды; из-за страшного смрада от трупов убитых начался в замке великий мор, стали люди болеть и умирать и не могли дольше обороняться. Поэтому те, кто еще оставались в живых, сдались со всем своим достоянием в руки христиан, тем более, что замок на их глазах уже вторично был подожжен христианами и оборонялись они только с крайним трудом.

Вот почему, заключив с христианами мир, они вышли из замка, вновь приняли на себя иго христианского учения и обещали никогда впредь отступнически не нарушать таинства веры, а за сделанное дать удовлетворение. И пощадили их братья-рыцари с тевтонами, хотя они сами сгубили и жизнь свою и имущество. Что касается русских, бывших в замке, пришедших на помощь вероотступникам, то их после взятия замка всех повесили перед замком на страх другим русским. Возобновив полностью мир, христиане отправились в замок, захватили все, что было там, угнали коней и скот и поровну разделили между собой, а людям позволили вернуться в их деревни. После раздела добычи выступили к другому замку, что на Пале, и также осадили его. Люди там однако, боясь взятия замка, болезней, смертности и таких же бедствий, как в первом, поскорее сдались в руки христиан, прося лишь о жизни и свободе, а все добро свое отдали в руки войска. И даровали им христиане жизнь и свободу и отпустили их по деревням, взяв всю огромную добычу, коней, овец, быков и все, что было в замке; восхвалили бога за овладение двумя замками и за подчинение вновь этого лживого народа, а потом с большой радостью возвратились в Ливонию.

3

Поход русских через Эстонию. Разорение Саккалы. Осада Линданизэ

Между тем старейшины из Саккалы посланы были в Руссию с деньгами и многими дарами попытаться, не удастся ли призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян. И послал король суздальский (Susdalia) своего брата, а с ним много войска в помощь новгородцам; и шли с ним новгородцы и король псковский (Plescekowe) со своими горожанами, а было всего в войске около двадцати тысяч человек.[366]

Пришли они в Унгавнию под Дорпат (Tarbatam) и прислали им жители Дорпата большие дары, передали в руки короля [367] братьев-рыцарей и тевтонов, которых держали в плену, коней, балисты и многое другое, прося помощи против латинян. И поставил король в замке своих людей, чтобы иметь господство в Унгавнии и во всей Эстонии. И ушел в Одемпэ, где поступил также; затем направил свое войско к Ливонии в Пуидизэ, а за ним пошли унгавнийцы, и войско увеличилось. Там его встретили эзельцы и просили направить войско против ревельских датчан, чтобы после победы над датчанами тем легче было вторгнуться в Ливонию, между тем как в Риге, говорили они, много пилигримов, готовых дать отпор. И послушался их король, и вернулся с войском другой дорогой в Саккалу, и увидел, что вся область уже покорена тевтонами, два замка взято, а его русские повешены в Вилиендэ. Он сильно разгневался и, срывая гнев свой на жителях Саккалы, поразил область тяжким ударом, решил истребить всех, кто уцелел от руки тевтонов и от бывшего в стране большого мора; некоторые однако спаслись бегством в леса. Пройдя со своим большим войском в Гервен, он созвал к себе гервенцев, виронцев и варбольцев с эзельцами. Со всеми ими он осадил датский замок Линданизэ, четыре недели бился с датчанами, но не мог ни одолеть их, ни взять их замок, потому что в замке было много балистариев, убивавших немало русских и эстов. Поэтому в конце концов король суздальский [367] в смущении возвратился со всем своим войском в Руссию. А было то большое, сильное войско и пыталось оно взять датский замок тевтонским способом, но нехватило сил. Разорив и разграбив всю область кругом, они вернулись в свою землю.

Осада Дорпата тевтонами. Разорение Гервена

4 Между тем братья-рыцари и другие тевтоны с немногими людьми осадили замок Дорпат (Tarbatense) и бились там пять дней, но не могли по малочисленности взять столь сильный замок, разграбили окрестную местность и вернулись в Ливонию со всей добычей. И снова затем, собрав войско, братья-рыцари вступили в Эстонию, нанесли гер-

венцам тяжелый удар за то, что они постоянно воевали с датчанами;[368] многих из них перебили и взяли в плен, захватили много добычи. И пришли к ним гервенцы в Кейтис, обещая вечную верность тевтонам и всем христианам; тогда войско тотчас вышло из их владений и со всей добычей возвратилось в землю свою.

После того новгородцы послали короля Вячко (Viesceka), некогда перебившего людей епископа рижского в Кукенойсе, дали ему денег и двести человек с собой, поручив господство в Дорпате (Darbeta) и других областях, какие он сумеет подчинить себе. И явился этот король с людьми своими в Дорпат (Darbetam), и приняли его жители замка с радостью, чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, и отдали ему подати с окружающих областей. Против тех, кто не платил податей, он посылал свое войско, опустошил все непокорные ему области от Вайги до Виронии и от Виронии вплоть до Гервена и Саккалы, делая христианам зло, какое мог. 5

Князь Вячко в Дорпате

Справив праздник рождества господня, рижане задумали осадить замок Дорпат (Tarbatense). Собрались они с братьями-рыцарями, пилигримами, ливами и лэттами у Астигервэ, и было у них большое войско. И вспомнили они о датчанах, давно живущих в бедствии, так как с ними воевали все окружающие области и племена, и, отменив поход на Дорпат (Darbetam), отправились со всем войском в Гариэн и осадили замок Лонэ. Бились они там две недели, построили машины, патерэллы и крепкую башню из бревен, придвинув ее ближе к замку, чтобы можно было и снизу подкапывать замок и с верхушки ее лучше нападать. Услышав об этом, датчане обрадовались и пришли к ним благодарить за то, что те, сжалившись, явились к ним на помощь. После того много народу в замке было перебито балистами или осадными машинами, а прочие стали тяжело болеть и умирать. К тому же и подкопные работы приближались уже к верхней части вала, так что осажденные боялись вот вот провалиться вниз вместе с подрытым валом. Поэтому в конце концов они стали просить войско даровать им жизнь. 6

Взятие ливонцами замка Лонэ и других. Гервенцы и виронцы выражают покорность

и свободу. И сохранили им жизнь, замок подожгли, а всех коней и быков, скот, имущество, деньги, одежду и все, что в замке было, тевтоны захватили и поровну разделили с ливами и лэттами. Датчанам же вернули их людей и отпустили на свободу по деревням. Между тем тевтоны послали некоторых из своего войска к другим трем меньшим замкам по соседству, грозя войной, если там не сдадутся в их руки. И сдались те три ближние замка в руки рижан, пославши им при этом походе подати и очень много в а й п ы.[369] И возвратилось войско рижан в Гервен, а некоторые отправились грабить область. И вышли навстречу им гервенцы и виронцы, прося о мире и обещая впредь не нарушать таинств веры христианской. И возобновлен был мир с ними, снова приняли их в дружбу, взяв заложников. Впоследствии же датчане сильно тревожили их, не раз начиная войну за то, что те приняли от рижан мир и иго христианства.

И воротилось рижское войско с радостью в Ливонию, славя Иисуса Христа, который всегда выводил их здравыми и невредимыми из всех походов, приводя домой.

В это время были в Риге послы королей русских, ожидавшие исхода дела. Они чрезвычайно удивлялись тому, что рижане никогда не возвращаются назад с пустыми руками, без победы, так же как с т р е л а И о н а ф а н а н и к о г д а н е л е т е л а о б р а т н о, щ и т е г о б ы л в с е г д а п р я м в б о ю, а м е ч С а у л а б е з у с п е х а н е в о з в р а щ а л с я;[370] а между тем большим и сильным войскам королей русских никогда не удавалось взять и подчинить вере христианской, хотя бы один замок.

Двадцать шестой год епископства Альберта

(XXVIII) 1224

Попытки ливонцев взять Дорпат

Был двадцать шестой год посвящения епископа Альберта, а церковь все еще не знала тишины от войн. Ибо король Вячко (Viesceke) с жителями Дорпата (Tarbatensibus) тревожил всю область вокруг, а лэтты и ливы, не раз ходившие в небольшом числе на них, не в силах были

причинить им вред. Снова собравши после пасхи войско, братья-рыцари также осадили Дорпат (Darbetam) и бились там пять дней, но не могли, по своей малочисленности, взять замок и, разграбив окружающую местность, с добычей вернулись в Ливонию. Апр. 14

Окончательное соглашение еп. Альберта с королем датским. Прибытие в Ригу

Между тем возвратился из Тевтонии достопочтенный епископ Альберт со многими пилигримами и со всей своей свитой. Вместе с ним прибыл брат его, не менее достопочтенный епископ Германн, давно уже избранный и посвященный в епископы Эстонии, но много лет не допускавшийся королем датским к своему епископату. После того однако, как король датский был уведен тевтонами в плен в Саксонию,[371] вышеназванный епископ рижский с тем же братом своим отправился к королю просить его решения и согласия. И разрешил король, чтобы Германн ехал в Ливонию, а из Ливонии к своему епископату в Эстонию.

По прибытии в Ригу они были с великой радостью встречены рижанами и всем населением Ливонии. Все радовались и славили бога за то, что после многих бедствий и горьких войн вновь завоевана и покорена почти вся Эстония, кроме одного замка Дорпата (Darbatense), которого еще ожидало божье возмездие.

2

Окончательное соглашение епископов с рыцарями об эстонских областях

И пришли к соглашению братья-рыцари с теми же епископами, с людьми церкви и со всеми рижанами о разделе областей Эстонии, относящихся к Риге. Епископу Германну дали Унгавнию с ее областями, а братьям-рыцарям выпала на долю, как их часть, Саккала. Церкви же св. Марии в Риге и епископу рижскому предоставили Поморье с семью килегундами.[372] Когда поморцы услышали, что отнесены к рижской церкви, они сильно обрадовались и полностью заплатили подати за два года, задержанные вследствие нападения датчан. Так же радовались и унгавнийцы господству епископа Германна,[373] находившегося в Одемпэ, но им препятствовал король Вячко (Viesceka) со своими дорпатцами (Tarbatensibus): он был л о в у ш к о й и в е л и к и м и с к у с и т е л е м[118] для жителей Саккалы и других соседних эстов.

Предложение Вячку оставить эстов

3 И отправили епископы послов к королю в Дорпат (Darbetam), прося отступиться от тех мятежников, что были в замке, так как они оскорбили таинство крещения; бросив веру христову, вернулись к язычеству; братьев-рыцарей, собратьев и господ своих, одних перебили, других взяли в плен и таким образом вовсе извели в своих пределах, а все соседние области, перешедшие в веру христову, ежедневно грабили и опустошали. И не захотел король отступиться от них, так как, давши ему этот замок с прилегающими землями в вечное владение, новгородцы и русские короли обещали избавить его от нападений тевтонов. И собрались в тот замок к королю все злодеи из соседних областей и Саккалы, изменники, братоубийцы, убийцы братьев-рыцарей и купцов, зачинщики злых замыслов против церкви ливонской. Главой и господином их был тот же король, так как и сам он давно был корнем всякого зла в Ливонии: нарушив мир истинного миротворца и всех христиан, он коварно перебил преданных ему людей, посланных рижанами ему на помощь против литовских нападений, и разграбил все их имущество.

Итак, все эти люди, полагаясь на крепость вышеназванного своего замка, пренебрегали миром с христианами и ежедневно старались повредить им. Да и на самом деле замок этот был крепче всех замков Эстонии: братья-рыцари еще ранее с большими усилиями и затратами укрепили его, наполнив оружием и балистами, которые были все захвачены вероломными. Сверх того, у короля было там множество его русских лучников, строились там еще и патерэллы, по примеру эзельцев, и прочие военные орудия.

4 Эстонская церковь подвергалась тогда многим тягостям войны и подобна была женщине родящей, терпящей печаль и боль, пока не родит, роды же ее подстерегает дракон, то есть тот бегемот, что, поглощая реку, все еще надеется принять Иордан в пасть свою.[374] Вышеназванная церковь, еще маленькая и слабая, никак не могла бы выйти из таких военных трудностей

без помощи церкви ливонской, которая была ее истинной и первой по трудам завоевания матерью, родившей ее крещением возрождения для веры христовой, хотя многие матери ложно присваивали и обманно влекли к себе эту дочь, и одна из них — это русская мать, всегда бесплодная и бездетная, стремящаяся покорять страны не для возрождения к вере христовой, а ради податей и добычи.

5 **Поход на Дорпат**

Итак, чтобы ливонская церковь могла избавить от бед дочь свою, церковь эстонскую, рожденную ею во Христе, достопочтенный епископ рижский созвал братьев-рыцарей, а также церковных людей с пилигримами, купцами, горожанами Риги, со всеми ливами и лэттами и назначил поход для всех, принадлежащих к ливонской церкви. В полном повиновении все собрались с войском у озера Растигервэ, пригласив с собой вышеназванного достопочтенного епископа рижского с братом его, не менее достопочтенным епископом Германном, со всеми церковными людьми и рыцарями. Совершив там дело молитвы и совещания, отправили вперед лучших и сильнейших в войске, чтобы они, пройдя Унгавнию в течение дня и ночи, на следующее утро могли осадить замок Дорпат (Darbatense). Те, снова разделив свои силы, одних отрядили для нападения на замок, других направили в Виронию для разорения все еще непокорных жителей. После трехдневного похода они в изобилии привели овец, быков и прочее, что войску пригодилось. Епископы же с пилигримами и всей массой войска шли сзади и в день успения пресвятой девы достигли замка. В этот же день в прошедшем году взят был замок Вилиендэ. **Авг. 15**

Осада Дорпата

Итак, поля покрылись шатрами, началась осада замка. Стали строить малые осадные машины и патерэллы, наготовили множество военных орудий, подняли крепкую осадную башню из бревен, которую восемь дней искусно строили из крупных и высоких деревьев в уровень с замком, затем надвинули поверх рва, а внизу тотчас начали вести подкоп. Для рытья земли днем и ночью отрядили половину войска, так чтобы одни рыли, а другие выносили осыпающуюся землю. Поэтому с наступлением утра значительная часть

подкопанного обрушилась с вала, и вскоре можно было продвинуть осадную башню ближе к замку. Между тем к королю посылали для переговоров знатных людей, священников и рыцарей. Ему предлагали свободный путь для выхода с его людьми, конями и имуществом, лишь бы он ушел из замка и оставил этот народ отступников. Но король, в ожидании помощи от новгородцев, упорно отказывался покинуть замок. В это время пришли русские разорять область; слухи об этом распространились по шатрам. Тотчас явились в полной готовности тевтоны, желавшие с ними сразиться, и выступили в поле, оставивши других осаждать замок, но так как русских не оказалось, они снова вернулись к осаде замка. Многих на верху вала ранили стрелами из балист, других перебили камнями метательных орудий, бросали в замок из патерэллов железо с огнем и огненные горшки. Одни готовили орудия, называемые ежом и свиньей, другие складывали костры из бревен, третьи подкладывали огонь, наводя всем этим великий страх на осажденных. И бились так много дней. Точно также и бывшие в замке построили свои машины и патерэллы против христианских орудий, а против стрел христиан направили своих лучников и балистариев. Подкоп велся день и ночь без отдыха, и башня все более приближалась к замку. Не было отдыха усталым. Днем бились, ночью устраивали игры с криками: ливы и лэтты кричали, ударяя мечами о щиты; тевтоны били в литавры, играли на дудках и других музыкальных инструментах; русские играли на своих инструментах и кричали; все ночи проходили без сна. И собрались вновь все христиане, ища совета у бога. Были среди них вождь Фридрих и вождь Фредегельм, и судья пилигримов, человек знатный и богатый, который говорил: [375] «Надо взять этот замок приступом, с бою и отомстить злодеям на страх другим. Ведь во всех замках, доныне взятых ливонским войском, осажденные всегда получали жизнь и свободу: оттого другие и вовсе перестали бояться. Так теперь, мы всякого, кто из наших первый взберется на вал [376] и вступит в замок, превозне-

сем великими почестями, дадим ему лучших коней и лучшего пленника из взятых в замке, за исключением короля, которого вознесем надо всеми, повесив на самом высоком дереве». Эта мысль всем понравилась, люди стали приносить обеты господу и пресвятой деве, и тотчас по наступлении утра, после торжественной мессы, началась битва. Стали подносить бревна, но весь труд был напрасен, так как не пришло еще время возмездию божьему. В девятом часу эсты в замке зажгли большие огни, открыли широкое отверстие в вале и стали через него скатывать вниз колеса, полные огня, направляя их на башню и подбрасывая сверху кучи дров. Но сильные христианские воины в доспехах разбросали огонь, разломали колеса, сбили силу пламени и защитили свою башню. Между тем другие нанесли дров и подожгли мост, а русские все сбежались к воротам для отпора.

Иоанн из Аппельдерина, брат епископа,[377] славный рыцарь, взяв факел в руку, первый стал подниматься на вал. Вторым за ним тотчас пошел его слуга Петр, и они без всякого промедления сразу добрались до самого верха вала. Увидев это, и другие в войске побежали вслед за ними. Что же сказать дальше? Каждый спешил взойти первым ради вящей славы и чести Иисуса Христа и матери его Марии, а также чтобы и самому получить честь и награду за свой подвиг. И взошел кто-то первый, а кому это удалось, не знаю, знает бог;[378] за ним последовала вся масса. Каждый помогал товарищу подняться в замок, а иные проникли в отверстие, через которое осажденные катили колеса с огнем; вошедшие первыми приготовляли место следующим, гоня эстов мечами и копьями с вала. Когда уже много тевтонов вошло в замок, за ними двинулись летты и некоторые из ливов. И тотчас стали избивать народ, и мужчин и даже некоторых женщин, не щадя никого, так что число убитых доходило уже до тысячи. Русские, оборонявшиеся дольше всего, наконец были побеждены и побежали сверху внутрь укрепления; их вытащили оттуда и перебили, всего вместе с королем около двухсот человек.[379] 6

Другие же из войска, окружив замок со всех сторон, не давали никому бежать. Всякий, кто, выйдя из замка, пытался пробраться наружу, попадал в их руки. Таким образом, изо всех бывших в замке мужчин остался в живых только один — вассал великого короля суздальского, посланный своим господином вместе с другими русскими в этот замок. Братья-рыцари снабдили его потом одеждой и отправили на хорошем коне домой в Новгород и Суздаль сообщить о происшедшем его господам.[380]

Когда все мужчины были перебиты, началось у христиан великое торжество: били в литавры, играли на свирелях и других музыкальных инструментах, потому что отомстили наконец злодеям и истребили всех вероломных, собравшихся туда из Ливонии и Эстонии.

После того собрали оружие русских, одежду, коней и всю добычу, бывшую в замке, а также оставшихся еще в живых женщин и детей, подожгли замок и на следующий день с великой радостью пошли назад в Ливонию, славя бога на небе за дарованную победу, и б о б л а г о н и м и л о с т и в в о в е к и.[381]

Новгородцы же пришли было во Псков с многочисленным войском, собираясь освобождать замок от тевтонской осады, но услышав, что замок уже взят, а их люди перебиты, с большим горем и негодованием возвратились в свой город.

7 Эзельцы освободили из плена Теодериха, брата епископа, и отпустили в Ливонию. Поморцы же, явившись в Ригу, вернулись в подчинение епископу, полностью уплатили двойной оброк, не плаченный из-за датчан в течение двух лет, и возвратились к вере христианской, обещая вечную верность рижской церкви. Точно также и варбольцы, принесши подати и дары, во всем подчинились рижанам. Рижане однако не решили о них ничего окончательно и без колебаний приняли только семь областей в Поморье, которыми всегда полноправно владели. Дело в том, что права рижан на Поморье всегда были прочны: они завоевали Поморье для веры христианской, они же крестили

Мир с эстами после взятия Дорпата

его, им принадлежали там оброк и заложники, а королю датскому никогда заложники Поморья не отдавались. Вironцы с гервенцами, услышав о взятии замка Дорпат (Darbatensis), также явились в Ригу с подарками и конями для господ своих.

Епископ Германн отбыл со своими в Унгавнию, начал строить замок Одемпэ и поставил там знатных людей и достойных рыцарей, а именно зятя своего Энгельберта из Тизенгузена, Теодериха, брата своего, Гельмольда из Люнебурга, человека знатного и благоразумного, и Иоанна из Долэн.[382] Каждому из них он дал в феод по области, то есть по одной килегунде, а на жительство в замке принял множество других тевтонов, чтобы они защищали от неприятелей страну и замок, а подданных своих эстов учили вере христианской. Эстам же, все еще не утратившим вероломства, не разрешили жить с ними в замке. Епископ пригласил с собой в Унгавнию и священников, дал им церкви в бенефиций и вдоволь одарил хлебом и землей. Эстам он, после должного поучения, предложил платить установленную богом десятину, и они согласились и стали платить ее с тех пор каждый год. Затем он распорядился, чтобы и священникам и вассалам его давалось все необходимое и правильно платилось, что обещано. Брата своего Ротмара он поставил настоятелем, назначив местом обители Дорпат (Darbete) и приписав к ней двадцать четыре деревни, а также достаточное количество доходов и земли. По его распоряжению там должны были быть каноники по орденскому уставу, там же он решил иметь и свою кафедральную церковь. 8

Епископ Германн в Оденпэ и Дорпате

Братья-рыцари ушли в Саккалу и, владея замком Вилиендэ, начали строить там сильные укрепления. Поставив священников по церквам, они назначили им достаточные доходы с хлеба и с полей, а с эстов получили десятину. Сверх того они полностью получили удовлетворение за все, что было у них отнято, и за все убытки, причиненные им в Унгавнии и Саккале. Вайгу они разделили, половину отнесли к Унгавнии, а другую половину с Саккалой, Нормегундой и Мохой взяли в свое владение. 9

Рыцари в Саккале

Соглашение с русскими о Толове

Русские из Новгорода и Пскова также прислали в Ригу послов просить о мире. И согласились рижане, заключили с ними мир, а подать, которую те всегда собирали в Толове, возвратили им.

Лэттов в Толове епископ рижский поделил с братьями-рыцарями: две трети взял себе, а одну оставил братьям-рыцарям.

Двадцать седьмой год епископства Альберта

(XXIX) 1225

Двадцать седьмая пошла годовщина епископа Риги,
И страна наконец затихла в мирном покое.

Успокоение Ливонии

После того как взят был крепкий замок Дорпат (Tarbatense), а все эсты и русские вместе с королем перебиты, страх перед рижанами и тевтонами охватил все соседние области и все окружающие народы. И отправили все они послов с дарами в Ригу — и русские, и эсты поморские, и эзельцы, и семигаллы, и куры и даже литовцы,[383] прося мира и союза из страха, как бы и с ними не поступили так же, как в Дорпате (Tarbatensibus). И приняли рижане их предложения и дали мир всем, кто просил, и стало тихо в стране пред лицом их.[384]

И вышли эсты из замков вновь строить свои сожженные деревни и церкви. Точно так же и ливы и лэтты появились из лесных убежищ, где уже много лет скрывались во время войн; и вернулся каждый в свою деревню, к своему полю, стали пахать и сеять в полной безопасности, которой не видали уже сорок лет, так как литовцы и другие племена, ни до начала проповеди слова божьего в Ливонии, ни после крещения жителей, никогда не оставляли их в покое и безопасности.[385] Теперь же все наслаждались спокойствием, трудясь на поле или занимаясь другими работами, и никто не пугал их.[386] Глубже познав веру христианскую, они уверовали в Иисуса Христа, сына божьего, который, после печальных войн и гибели многих, после мора и множества бедствий, в конце концов сжалился над своим оставшимся народом, даровав ему мир и безопасность. И успокоился

н а р о д з а г о с п о д о м, б л а г о с л о в л я я б л а г о с л о в е н н о г о в о в е к и.[387]

2 Папский легат в Ливонии

В том же году достопочтенный епископ рижский послал священника своего Мавриция к римскому двору просить легата апостольского престола для Ливонии. И согласился на просьбу его верховный первосвященник и послал достопочтенного епископа моденского, канцлера своего двора, в Ливонию с тем же священником, и прибыл он с приближенными своими, с пилигримами и всей своей свитой на Двину.[388]

И вышли навстречу ему рижане, радостно приняли его и проводили в город. Радовался и он, славя Иисуса Христа, ибо виноградник божий, с такой славой насажденный, церковь, орошенную кровью множества верных, он нашел столь могущественной и настолько обширной, что ветви ее простирались на десять дней пути вплоть до Ревеля, а по другой дороге на Псков или по Двине вплоть до Герцикэ еще на такое же расстояние, причем в ней было уже пять отдельных епископий [389] со своими епископами. И тотчас отправил он послов ко двору римскому, описывая верховному первосвященнику истинное положение дел.

3 Объезд Ливонии и Эстонии легатом

Сам же он, заботясь о вновь обращенных, ливах и других, живших в городе, часто созывал мужчин и женщин, усердно учил их слову божию и с радостью давал много индульгенций. Потом, желая видеть и других ливов и литовцев [390] и эстов, отправился в Торейду, а вместе с ним достопочтенный рижский епископ, Иоанн, настоятель церкви св. Марии, и множество других мудрых и рассудительных людей. Прибыв прежде всего в Куббезелэ, он отслужил там торжественную мессу для ливов и проповедовал слово спасения, чтобы укрепить их в вере католической. То же он выполнил потом в Витизелэ [391] и Леттэгорэ, а за ними в Метсеполэ, в Идумее и Лэттии; везде он сеял семя евангельское, учил п р и н о с и т ь п л о д ы д о б р ы е [392] и прилежно разъяснял христианское учение. Оттуда он двинулся в Унгавнию, нашел там церковь верных, как тевтонов, так и эстов и прочно отстроенный замок Одемпэ,

заселенный уже новыми жителями; и благословил господа за то, что и в Эстонии он встретил общину верующих. Эстов наставляя, а тевтонов укрепляя в вере христовой, он убеждал их жить по дружески, не причиняя зла друг другу; просил тевтонов не налагать на плечи новокрещенных невыносимого бремени, но лишь бремя господа, легкое и приятное, и постоянно учить их таинствам веры. И благословив их, отправился он в Саккалу и там в первом встреченном им приходе у озера Ворцегервэ, благостно поучая вновь обращенных эстов, убеждал их никогда не отступать от веры господа нашего Иисуса Христа. Оттуда он пошел в замок Вилиендэ, принадлежащий братьям-рыцарям, который и они к тому времени весьма сильно укрепили. С радостью вышли они навстречу апостольскому легату, устроили ему прием в замке и рассказали обо всех бедствиях, испытанных ими там от эстов ради веры христианской. И созвал он эстов, мужчин и женщин, по их церквам, отправился туда и, обратившись к ним со словами увещания, убеждал их не совершать впредь таких злых дел и не оскорблять таинств веры. Точно также и братьям-рыцарям благочестиво преподал он правила святого учения, наставляя не быть слишком требовательными к поданным их, неразумным эстам, ни в сборе десятины, ни в каких-либо других делах, чтобы тем самым не внушать им желания снова вернуться к язычеству. Прибыли также к нему туда послы датчан из Ревеля, выразили радость по поводу его приезда [393] и рассказали ему о своих бедствиях и войнах. Точно также явились к нему и послы эстов с Поморья, всегда воевавших с датчанами, отдавая под его власть свои земли и области, как они всегда предлагали и рижанам, лишь бы получить защиту от датчан и эзельцев.[394] И принял он их.

После того он возвратился в землю лэттов. В Трикатую к нему собрались лэтты со всей области, именуемой Толова, и он с радостью проповедовал им слово божье и ревностно излагал все таинства веры.[395] Отправившись оттуда в Венден, он с благоговением был принят братьями-рыцарями

и другими, жившими там тевтонами, и нашел там величайшее множество вендов и лэттов. Поэтому, когда наступило утро, он с радостью стал проповедовать всем собравшимся лэттам радостное учение господа Иисуса Христа и, не раз упоминая о страданиях господа Иисуса, внушал своим слушателям завет радости, одобрил их твердость в вере, то, что они добровольно, без всякого военного принуждения [396] с самого начала приняли веру христианскую и впоследствии никогда не оскорбляли таинства крещения, как ливы и эсты; хвалил смирение и терпение, с каким лэтты радостно несли имя господа нашего Иисуса Христа к эстам и другим языческим народам и погибали во множестве убитыми за веру христианскую, переселяясь, как мы веруем, в мир мучеников.[395]

И вендов не лишил он своих поучительных наставлений, а господам их, братьям-рыцарям, внимательно внушал по христиански обращаться с подданными, налагая на них лишь легкое бремя.

После того, преподав и в Зигевальдэ такие же благочестивые поучения, он ревностно убеждал ливов не забывать впредь таинства крещения и не возвращаться к язычеству.

Братьев-рыцарей и прочих тевтонов он постоянно и здесь и в других областях старался убедить, чтобы они, уча вере христианской ливов, лэттов и других новообращенных, налагали на плечи их благое иго Иисуса Христа и щадили их, как при сборе десятины, так и в других делах, дабы от чрезмерных тягот они не вернулись к неверию.[397] И закончив это все, он возвратился в Ригу. Авг.

И пришли туда к нему тевтоны, ливы и лэтты просить суда по разным делам. И отвечал он каждому соответственно делу и жалобе его и вынес решения по многим делам и тяжбам. 4

Судебная деятельность легата

Когда русские в Новгороде и других городах также услышали, что в Риге находится легат апостольского престола, они отправили к нему своих послов, прося утвердить мир, уже давно заключенный с тевтонами. Выслушав

Переговоры с русскими, с Вестгардом и эстами

эти просьбы и укрепив доверие людей своими речами, он всех в радости отпустил по домам.[398] Явился также вызванный к нему князь семигаллов Вестгард, но несмотря на много споров и длинные речи с призывом к вере в Иисуса Христа, он в упорстве неверия не желал понять слов спасения, все еще не принял крещения, но обещал сделать это в дальнейшем и взял с собой в Семигаллию проповедника господина легата. Приходили, таким образом, люди изо всех окрестных стран, чтобы видеть легата римского двора. В том числе были Всеволод (Wissewaldus), король Герцикэ (Gerceke), граф Бурхард,[399] датские епископы из Ревеля, а также эзельцы и поморские эсты; эти последние, отдавшись под его защиту, обещали принять священников и обязанности христиан, лишь бы он избавил их от нападений датчан. Он обещал им полное избавление и отправил послов к датчанам и эзельцам, предлагая прекратить войну, принять от него мир и подчиниться его предписаниям.

5 Желая видеть еще и других новообращенных, он посетил ливов в Гольме, отслужил там торжественную мессу и, посеяв семя святого учения, отправился в Икесколу. Там, помянув первых святых епископов,[400] он и этих ливов укрепил в служении богу. Затем в Леневардене и Аскратэ также старался отвратить ливов от идолопоклонства и со вниманием учил их почитанию единого бога. Наконец и в Кукенойсе преподал правила святого учения живущим там тевтонам, русским, лэттам и селам, а тевтонов все убеждал не обижать подданных чрезмерными тяготами и недолжными поборами,[401] прилежно учить их вере христовой, вводить христианские обычаи, уничтожая обряды язычников, воспитывать людей и добрым примером и словом.

Объезд легатом областей по Двине

6 Когда легат апостольского престола уже в осеннее время вновь возвратился в Ригу, тевтоны, бывшие в Одемпэ, по призыву старейшин виронских, поднялись со всеми своими людьми, пришли в Виронию и заняли там замки, изгнав датчан. Они говорили, что эта земля покорена была вере

Легат берет под власть папы спорные земли

христианской прежде всего ливонцами под хоругвью пресвятой девы. И стали они господами во всех областях и замках Виронии. Узнав об этом, господин легат призвал к себе тех тевтонов и, грозя церковной карой,[402] заставил отдать эту землю под покровительство верховного первосвященника, а затем тотчас же отправив послов и к датчанам в Ревель, принудил и их отступиться, передав в его руки, как эту землю, так и другие, о которых шел спор у тевтонов с датчанами. Датчане, не смея сопротивляться, обещали полное повиновение римскому двору, передали в руки послов господина легата Виронию, Гервен, Гариэн и Поморье и подтвердили это дарение, отправив в Ригу свою грамоту с печатями. После этого легат послал в Виронию своих людей, пилигримов и священников; тевтонов и датчан всех устранил и взял эти земли в свою власть.

После праздника крещения, когда в тех холодных странах дороги, благодаря снегу и морозу, становятся удобнее для путешествия, господин легат выехал из Риги с клириками и слугами, взяв с собой епископа семигалльского Ламберта,[403] Иоанна, настоятеля рижской церкви, рижских горожан, некоторых братьев-рыцарей и многих других. 7

1226

Янв. 6

Путешествие легата в Гервен, Виронию и Ревель

Проехав через Ливонию, он прибыл в область лэттов, а от лэттов в Саккалу, несмотря на сильное недомогание. Отдохнув два дня в Вилиендэ, он отправился потом в Гервен, и встретили его все гервенцы в деревне Каретэн. Он с радостью проповедовал им слово божье, наставлял в вере католической и принял их под власть верховного первосвященника. Добравшись до первого замка Виронии, называемого Агелиндэ,[404] он был принят там с большой радостью и почетом; созвал всю массу жителей, преподал им спасительное учение вечной жизни и проповедовал имя Христово. Пройдя оттуда в Тарванпэ,[405] совершил то же. И явились датчане, которых звали туда. И заключен был мир, сначала между тевтонами и датчанами, потом — с эстами всех областей. После того легат отправился в область Табеллина,[406] куда собрались к нему все старейшины Виронии и слушали его поучения о вере хри-

стианской. И принял он всех их под власть верховного первосвященника и назначил из них старейшин и судей по всем своим областям, а затем вернулся в Тарванпэ. Оттуда он поехал в датский замок в Ревель, где также с радостью был принят датчанами, шведами и всеми жившими там. Когда однако он стал требовать мальчиков, заложников Виронии, ему не захотели выдать их и, лишь подвергшись церковной каре, вынуждены были согласиться, и легат отослал заложников к родителям в Виронию.

Приняли и варбольцы мир от господина легата, явившись к нему в Ревель, но, по настойчивой просьбе датчан, он возвратил варбольцев им вместе с прочими гарионцами.

Ту же килигунду, что называется приморской,[407] со всем остальным Поморьем, Виронией и Герценом он принял под власть верховного первосвященника.

Собрались к нему также ревельские эсты вместе с датчанами, и он, благочестиво преподав им проповедь вечного спасения, ревностно убеждал их жить дружно и впредь избегать вероломных замыслов. Закончив все эти дела и отправив своих священников в Поморье, сам он возвратился через Саккалу в Ригу. Священники же, Петр Какинвальдэ с товарищем, другим священником,[408] отправились в Зонтагану, и приняли их поморцы с радостью и слушали от них слово божье, и окрещены были мужчины, женщины и дети, остававшиеся еще не крещеными, как в Зонтагане, так и в Майанпатэ и Паэгаллэ.[409] Потом воротились они в Ливонию, радуясь и хваля бога за распространение веры.

8 Когда легат апостольского престола вновь вернулся

Собор в Риге в Ригу, собрались к нему епископы, священники, клирики, братья-рыцари с вассалами церкви и горожане рижские. И устроен был в великом посту с их участием торжественный собор в церкви св. Марии, чтобы напомнить постановления Иннокентия[410] и добавить к ним кое-что новое, что казалось необходимым для недавно насажденной церкви.

Затем, выполнив и закончив все, что мог закончить, он раздал индульгенции, простился со всеми, благословил людей и вернулся на корабль, поручив Ливонию пресвятой богородице Марии с сыном ее возлюбленным, господом нашим Иисусом Христом, ему же честь и слава во веки веков. Аминь.[411]

Помню и радостно помнить,[412] а прочее ты, матерь божья, 9
Дева, ты знаешь одна, ныне помилуй меня.

Первоначальное заключение Хроники

Много дел и славных дел совершилось в Ливонии во время обращения язычников к вере Иисуса Христа.[413] Все их нельзя ни описать, ни упомянуть, чтобы не навеять скуки на читателей. Это же немногое написано во славу того же господа нашего Иисуса Христа,[414] желающего, чтобы вера и имя его донеслись ко всем народам, с помощью и поддержкой того, чьей волей все это совершилось, кто столько великих и славных побед над язычниками даровал в Ливонии людям своим (и чаще малому числу людей, чем множеству), а также [во славу] возлюбленной его матери, ибо ей, как и сыну ее, господу нашему Иисусу Христу посвящены все эти вновь обращенные земли.[415]

И чтобы слава, подобающая ему за столь достойные хвалы деяния, впоследствии не пала в забвение из-за небрежности и лености людской, решили мы, по просьбе господ и товарищей, смиренно написать о ней и оставить потомкам, чтобы и они воздали хвалу богу и *возложили на него надежды свои*, и не забывали о деле божьем и *искали воли его*.[416] Ничего тут иного не прибавлено к тому, что почти всё мы *видели своими глазами, а чего собственными глазами мы не видели, то узнали от видевших и участвовавших*.[417] И не ради лести или мирской корысти написали мы это, а скорее во отпущение грехов наших, для славы господа нашего Иисуса Христа и пресвятой девы Марии, матери господа, который с отцом и духом святым всегда был и есть и будет благословен во все веки веков. Аминь.[418]

Двадцать восьмой год епископства Альберта

(XXX) Двадцать восьмой наступил епископа год, и тогда-то
1226 Церковь святая нашла мир, тишину и покой.

Легат проповедует крестовый поход против эзельцев

Легат апостольского престола, оставив Ливонию, долго стоял с кораблями у моря, дожидаясь милости ветра.[419] И вдруг увидел он эзельцев, возвращающихся из Швеции с добычей и множеством пленных. Эзельцы всегда причиняли пленным женщинам и девушкам много горя, подлостей и надругательства; брали их в жены себе, каждый по две, по три и больше, позволяя себе недозволенное, ибо не может быть союза у Христа с Велиалом и доброй связи у язычника с христианкой;[420] часто они даже продавали пленниц курам и другим язычникам. Когда господин легат узнал обо всех злодействах, совершенных ими в Швеции: о сожжении церквей, избиении священников, надругательстве над таинствами и тому подобных бедствиях страны, он горевал о пленных и молился господу о возмездии злодеям. Прибыв в Готландию, он сеял там слово божье, предлагая всем христианам принять знак святого креста во отпущение грехов, чтобы отомстить криводушным эзельцам. Тевтоны послушно приняли крест, готы отказались, а датчане не услышали слова божьего. Одни тевтонские купцы, стремясь купить небесные блага,[421] приобрели коней, вооружились и явились в Ригу. Радовались рижане, встречая их; радовались крещеные ливы, лэтты и эсты, собираясь нести имя христово к некрещеным эзельцам.

В тот год магистр Иоанн, сотоварищ господина легата, управлял по его поручению землями, о которых был спор между тевтонами и датчанами, то есть Виронией, Гервеном и Роталией.

Война с датчанами магистра Иоанна

2 Мир был нарушен,[422] и магистр Иоанн начал войну с датчанами. Датчане разграбили и сожгли Роталию, захватив много добычи. Слуги магистра преследовали их, пятьдесят человек у них убили, а пятьдесят посадили в замке Майанпата, но через три дня, сжалившись над ними, так как

это были христиане, отпустили. Легат послал также множество тевтонов в Виронию на помощь Иоанну, и против датчан, и против свирепых эзельцев, но рижане, услышав об этой войне, отправили послов и заключили мир с датчанами, чтобы сосредоточить силы для нападения на эзельцев и распространения веры среди язычников.[423]

Когда прошли праздники рождества и крещения господня, снег покрыл землю, а лед воду, так что п о в е р х- 3 Поход рижан на Эзель
н о с т ь б е з д н ы з а м е р з л а и в о д ы с т а л и 1227
к р е п к и, к а к к а м е н ь,[424] все покрылось льдом После янв. 6
и стали лучше дороги, как по суше, так и по воде. Как только установилась дорога по морю, рижане, стремясь омовением крещения очистить племя эзельцев, живущее на острове в море, тотчас назначили поход и созвали всех к реке, именуемой Матерью вод.[425] Отпраздновав день Фабиана и Себастиана, собрались все тевтоны, рижане, Янв. 20
ливы с лэттами и эсты изо всех их областей, взяли продовольствие и оружие и пошли за достопочтенным господином епископом ливонским, при котором были епископ семигалльский и магистр Волквин со своими братьями и пилигримами. Отслужив торжественную мессу, выступили по льду на Эзель. Войско было большое и сильное — до двадцати тысяч человек. Построившись отрядами, двигались они в порядке, каждый под своими знаменами, по льду моря и верхом и в санях. И шум войска подобен был сильному грому: бряцало оружие, сталкивались сани, двигались и кричали люди, падали и снова вставали кони то тут, то там на льду А был он гладок, как стекло, так как от дождей, пришедших с юга, был залит водой, потом замерзшей. Перешли они море с великим трудом и наконец радостно добрались до берегов Эзеля.

Уже на девятый день подошли к замку Монэ[426] и предполагали только переночевать там, после того как имели 4 Осада и взятие замка Монэ
стычку с людьми в замке. Те, боясь предстоящего сражения и стрельбы из балист, укрылись в свои жилища в замке, а ночью послали к епископу и прочим старейшинам войска людей с речами, полными лжи, обещая принять веру хри-

стову и мир с христианами, но рассчитывая, когда войско пойдет дальше, нанести урон и поражение задним. Епископ да и другие старейшины хотели бы принять эти условия и согласиться на мир, но этому мешали лживость и преступность эзельцев, и б о н е т м у д р о с т и и н е т с о в е т а в о п р е к и г о с п о д у,[427] а эти люди, не желая оставить свои злые обычаи, все еще жаждали крови христианской и совершали разные мерзости; полные злобных намерений, они не заслужили дара святого крещения; полагаясь на прочность своего замка, не желая мира и говоря постыдные речи, они скорее заслуживали смерти, чем крещения. Так как они, наверное, не хотели мира, мир ушел от них, а пришло возмездие.

Тевтоны бросились было на вал, надеясь взобраться в замок, но были отбиты и пострадали от камней и копий; пришлось сражаться не только открытой силой, но и искусством. Построили осадные машины, против патерэллов врага поставили свои и стали метать в замок камни, соорудили свинью, а под ней вели подкоп, пока не дошли до середины вала. Тогда, отодвинув свинью, поставили на ее место крепкую башню из бревен, на нее взошли тяжеловооруженные с балистариями и начали обстреливать эзельцев и укрепления копьями и стрелами. Те из замка метали копья и камни в осаждающих.

Февр. 3 На шестой день осады, на утро после праздника сретения (чтобы самый день сретения не встречать кровопролитием и убийством), едва рассвело, разгорелся бой. Зацепляя загнутым железом или железными крючьями, стали по одному выламывать из укрепления крупнейшие бревна, которыми оно держалось, так что некоторая часть укрепления обрушилась наземь. Обрадовалось войско христианское, стало кричать и молиться богу. Кричали и осажденные, обращаясь к своему Тарапите. Одни призывали священный лес, другие Иисуса, во имя и во славу его храбро пошли на приступ и достигли верхушки вала, встречая и с другой стороны сильнейший отпор.[428] Первый взошедший на вал был сбит множеством камней и копий; так как

однако сам бог хранил его невредимым среди стольких яростных врагов, он снова поднялся наверх, но опять был сброшен толпой врагов; всходил еще, и не один раз, и сколько ни пытался взобраться выше, всякий раз враги его прогоняли. Наконец этот тевтон, длинным мечом своим отразив враждебные копья,[429] с помощью, наверное, ангела божьего, добрался до верха укрепления и оказался над головами врагов. Тут, чтобы не пострадать от вражеских копий, он подложил себе под ноги щит и, стоя поверх щита, один сражался с врагами,[429] пока бог не послал второго и третьего. Третий, к несчастью, был сброшен и свалился вниз, но двое тем не менее продолжали обороняться против массы врагов. Пятеро эзельцев, тоже взобравшись наверх укрепления, стали сзади бросать в них копья, но первый был ранен копьем, а затем его меч тевтона сразил, вниз он упал без сил,[429] прочие же обратились в бегство.

Другие тевтоны смело пошли на приступ вслед за первыми на помощь им. Несмотря на храбрый отпор яростных врагов, несмотря на то, что многие получили раны, а иные были убиты, тевтоны, положившись на бога, с великим трудом оттеснили массу врагов и наконец завладели верхушкой укрепления. Подъем был очень труден, ибо гора была высока и вся во льду, а каменная стена на горе смерзлась, как льдина, и не во что было упереться ногой. И все же, одни по лестницам, другие цепляясь за веревки, не иначе, как с помощью ангела божьего, взобрались наверх и ударили в тыл бегущим врагам. Крики торжества и счастья у христиан! Вопль в Раме! рыданья и вой[430] смятения у гибнущих язычников. Тут вступили в замок и перебили народ.

Нет пощады теперь язычникам с Эзеля больше,
Смерть ожидает одних, плен и неволя других.[431]

Ливы и лэтты, обойдя кругом весь замок, никому из них не дали убежать. Победив врагов, радовались победи-

тели и пели хвалы богу, который всегда защищал Давида от филистимлян, а ныне спас своих, даровав победу над врагами. Взявши город, захватили добычу, имущество, дорогие вещи, угнали коней и скот, а, что осталось, сожгли. Замок эзельцев пожрал огонь, а христиане с радостью захватили добычу.

Взятие замка Вальдэ

5 Обратив в пепел замок Монэ, войско поспешило к другому замку, находившемуся в середине Эзеля, по имени Вальдия.[432] Это самый крепкий город среди других эзельских городов. У этого замка войско остановилось; стали готовить военные орудия, то есть патерэллы и большую осадную машину; рубили самые большие ели и сосны для постройки башни против замковых укреплений. Ливы же, лэтты и эсты, вместе с некоторыми тевтонами, сделав обход по всем областям, захватили коней, отличных быков, и большую другую добычу, много хлеба и прочего, а деревни сожгли.

Вальдийцы не могли выдержать обстрела камнями, вследствие множества скученного в замке народа,[433] не выдержали и действия балист; видя к тому же, какие еще строятся орудия, и понимая, что с ними легко будет взять замок, они, убоявшись бога, стали просить мира и, может быть, с ужасом думая об избиениях в замке Монэ, смиренно сдались, говорили мирные речи и усердно просили дать им таинство святого крещения. Радость охватила христиан. Запели хвалу господу и дали мир народу. Взяли в заложники сыновей у лучших людей. Стали вальдийские эзельцы сынами послушания, некогда бывши сынами гордости. Те, кто были волками, стали агнцами. Кто были гонителями христиан, стали братьями, приняли мир, не отказались выдать заложников, усердно просили благодати крещения, не убоялись платить вечную дань.

Крещение эзельцев

Отданы были в заложники сыновья знатных людей; первый из них, с радостью и большим благоговением[434] принял наставление от достопочтенного епископа рижского, а затем был им омыт в источнике святого крещения. Других крестили другие священники, а потом их с радостью

повели и в город проповедать Христа и низвергнуть Тарапиту, бывшего у эзельцев богом. Они освятили источник посреди замка и, наполнив бочку, крестили сначала старейших и лучших, а за ними и других мужчин, женщин и детей. И сделалась большая давка: мужчины, женщины и дети кричали: «Скорее меня окрести!» И было так с утра до вечера, так что и священники, которых было то пять, то шесть, обессилели от трудов крещения. Крестя с великим благоговением многие тысячи народу и видя, что люди с большой радостью спешат принять таинство крещения, священники радовались и сами, надеясь, что этот труд зачтется им в отпущение грехов. Чего не могли закончить в тот день, закончили на следующий и на третий день.

Когда совершено было таинство в городе Вальдии, явились послы из всех городов и областей Эзеля, прося мира и добиваясь таинства крещения. Радовалось войско и, взяв заложников, дало им мир с братской любовью. Сказано было, чтобы эзельцы вернули свободу пленным шведам. Те повиновались и обещали вернуть. Повели с собой священников в свои замки проповедовать Христа, низвергнуть Тарапиту с прочими языческими богами и крестить народ. И крестили священники по всем замкам Эзеля весь народ обоего пола с великой радостью, и плакали от радости, что водою возрождения столько тысяч людей родили для господа, как детей духовных, как возлюбленную невесту богу из язычества.

Люди омыты водой, лица омыты слезой.[435] Заключение
Так, так Рига всегда омывает язычников.
Так посреди морей Эзель ею крещен,
Так, омывши порок, дает она царство неба,
Вышнюю радость дает, радость и здесь на земле.[436]

Эти божьи дары — наша радость. Бог, господь наш Иисус Христос в своей славе и пресвятая Мария дева даровали рабам их рижанам на Эзеле великую радость: они победили мятежников, крестили добровольно и смиренно приходивших, получили заложников и подати, освободили

всех пленных христиан и вернулись с победой. Что не по силам было королям, то быстро и кротко совершила к славе своего имени пресвятая дева руками рабов своих рижан.[437]

Закончив эти деяния, окрестив весь народ, низвергнув Тарапиту, потопив фараона, освободив пленных, возвращайтесь с радостью, рижане!

С вами всегда идет победа и слава триумфа!
Господу слава и честь, богу на небе хвала.[438]

Конец

Chronicon Livoniae

Рисунок рамки представляет вариацию орнаментального мотива XII в. «Сигтунских» врат в Новгороде.

Liber primus[a]

Divina providencia, memor Raab et Babilonis, videlicet confuse gentilitatis, nostris et modernis temporibus Lyvones ydolatras ab ydolatrie et peccati sompno taliter igne sui amoris excitavit. (1)

Fuit vir vite venerabilis et venerande caniciei, sacerdos[b] ex ordine beati Augustini, in cenobio Sigebergensi. Hic simpliciter pro Christo et predicandi tantum causa cum comitatu mercatorum Lyvoniam venit. Theutonici enim mercatores, Lyvonibus familiarite coniuncti, Lyvoniam frequenter navigio per Dune flumen adire solebant. Accepta itaque licencia prefatus sacerdos a rege Woldemaro de Ploceke, cui Lyvones adhuc pagani tributa solvebant, simul et ab eo muneribus receptis, audacter divinum opus aggreditur, Lyvonibus predicando et ecclesiam in villa Ykescola construendo. Ex eadem villa primus Ylo pater Kulewene et Viezo pater Alonis primi baptizantur, aliis vicissim sequentibus. (2) (3) (4)

Proxima hyeme Lettones, vastata Lyvonia, plurimos in captivitatem abducunt. Quorum rabiem declinans, idem predicator cum Ykescolensibus silvis committitur. Recedentibus Letthonibus causatur iam dictus Meynardus Lyvonum stulticiam, eo quod municiones nullas habeant; quibus castra (5)

De codicibus, qui litteris ZSRXMNTokk$_1$w infra designati sunt, v. supra pag. 3, 4 et praecipue L. Arbusow. Die Handschriftliche Ueberlieferung des «Chronicon Livoniae» Heinrichs vor Lettland — in Actis Universitatis Latviensis, XV et XVI. Riga, 1926 et 1927.

[a] *In ZSR hoc lemma:* Liber primus de Livonia. De primo episcopo Meynardo. [b] *W. Arndt:* Meynardus sacerdos — *ex M; In ZN nomen deest.*

fieri pollicetur, si filii dei censeri et esse decreverint. Placet et promittitur, et ut baptismum recipiant iuramento firma-
(6) tur. Igitur estate proxima a Gothlandia lapicide adducuntur. Interim suscipiende fidei sinceritas a Lyvonibus confirmatur secundo. Ante castri Ykescolensis inchoacionem pars populi baptizatur et, facto castro, universitas se baptizandam, licet mendaciter, pollicetur. Ergo muri a fundamentis exsurgunt. Quinta pars castri sicut a predicatoris surgit expensis, sic eius cedit proprietati, ecclesie fundo ab eo primitus comparato. Perfecto demum castro, baptizati recidivant, nondum renati fidem suscipere detrectant; idem tamen Meynardus ab incepto non desistit. Eo tempore Semigalli, pagani vicini, audita lapidum constructione, ignorantes eos cemento mediante firmari, cum magnis funibus navium venientes, putabant se stulta sua opinione castrum in Dunam trahere,
(7) sed a balistariis vulnerati, dampna reportantes abierunt. Vicini Holmenses simili promissione prefatum Meynardum circumvenientes, facto sibi castro de dolis lucra reportant. Sex[a] primitus qualicumque intencione baptizati sunt, quorum nomina sunt Viliendi, Uldenago, Wade, Waldeko, Gerwe-
(8) der, Vietzo. Inter duorum predictorum castrorum construc-
1186 tionem a Bremensi metropolitano Meynardus in episcopum
(9) ordinatur. Consummato autem castro secundo, oblita iuramenti mentita est iniquitas sibi, nec est usque ad unum, qui fidem suscipiat. Turbatur nimirum predicantis animus, presertim cum pedetentim, rebus suis expilatis, colaphizata familia, ipsum suis de finibus exterminare decernant, baptismum, quem in aqua susceperant, in Duna se lavando remo-
(10) vere putant, remittendo in Theuthoniam. Habebat idem episcopus cooperatorem in ewangelio fratrem Theodoricum Cisterciensis ordinis, postmodum in Estonia episcopum, quem Lyvones de Thoreyda diis suis immolare proponunt, eo quod fertilior seges ipsius sit in agris eorumque segetes inundacione pluvie perirent. Colligitur populus, voluntas deorum de immolatione sorte inquiritur. Ponitur lancea, calcat equus, pedem

---

[a] *Sic in ZX; W. Arndt* sed.

vite deputatum nutu dei preponit. Orat frater ore, manu benedicit. Ariolus deum christianorum equi dorso insidere et pedem equi ad preponendum movere asserit, et ob hoc equi dorsum tergendum, quo deus elabatur. Quo facto, dum equus vite pedem preponit, ut prius, frater Theodoricus vite reservatur. Idem frater missus in Estoniam, propter eclipsim
solis, que in die Iohannis baptiste fuit, a paganis plura pas- 1191
sus est vite pericula, dicentibus ipsum solem commedere. Eodem tempore Lyvo quidam de Thoreida vulneratus petivit a fratre Theodorico curari, promittens se si curatus fuerit baptizari. Frater autem herbas contundens, nec tamen herbarum effectum sciens, sed invocato nomine domini, ipsum et in corpore et in anima baptizando sanavit. Et hic primus in Thoreida fidem Christi suscepit. Infirmus eciam quidam fratrem Theodoricum vocat, baptismum petit; quem mulierum proterva prohibet pertinacia a sancto proposito; sed invalescente egritudine vincitur muliebris incredulitas, baptizatur, orationibus deo committitur. Cuius morientis animam neophitus quidam ad septem distans miliaria, ab angelis in celum deferri vidit et agnovit.

Visa autem Lyvonum pertinacia et labore cassato, epi- (11)
scopus predictus, collectis clericis cum fratribus, mercatorum naves iam in pascha Gothlandiam ituras recedendi proposito aggreditur. Unde Lyvonum astucia christianorum timet et suspicatur super se venturum exercitum, unde dolis et lacrimis et aliis multis modis prefatum ficte revocare student episcopum, dicentes — ut illi quondam beato Martino, licet intentione non simili —: «Cur nos, pater, deseris? Aut cui nos desolatos relinquis? Num recedendo pastor oves suas periculose faucibus luporum exponit?» Et ipsi Lyvones plene se fidem suscepturos repromittunt. Credit innocens omni verbo et, mercatorum consilio simulque futuri exercitus fiducia accepta, cum Lyvonibus revertitur. Promiserant enim aliqui de Theuthonicis et quidam de Danis et de Normannis et de singulis populis exercitum se, si opus foret, adducturos. Post discessum mercatorum redeuntem episcopum Holmenses salutatione et animo Iude salutant, dicen-

tes: «Ave, rabbi», et quo precio sal aut watmal in Gothlandia comparetur, inquirunt. Non differt lacrimas amaritudo cordis, transit Ykescolam et in domum suam recipitur. Statuit diem, ut colligat populum promissi monendum. Diem non servant, promissum non implent. Unde cum suis captato consilio in Estoniam ire proponit; quatinus cum illis, qui ibi hyemaverant, mercatoribus pergat Gothlandiam. Interim Lyvones in via eius procurant interitum, sed ab Annone Thoredensi premunitur et redire monetur. Itaque multipliciter perplexus Ykescolam revertitur, terram
(12) declinare non valens. Unde pro captando consilio domno pape clam nuncium suum, fratrem Theodoricum de Thoreyda, direxit. Qui videns se de terra exire non posse, pio dolo vicit Lyvonum insidias, vectus equo, habens stolam, librum et aquam benedictam, quasi infirmum visitaturus. Et hanc vie sue causam viatoribus interrogantibus pretendens, terram exeundo evasit et ad summum usque pontificem pervenit. Summus itaque pontifex, audito numero baptizatorum, non eos deserendos censuit, sed ad observationem fidei, quam sponte promiserant, cogendos decrevit. Remissionem quippe omnium peccatorum indulsit omnibus, qui ad resuscitandam
(13) illam primitivam ecclesiam accepta cruce transeant. Iam tunc idem episcopus cum duce Suecie, Theuthonicis et Gothis Curones bello adierant, sed tempestate depulsi Vironiam, Estonie provinciam, applicant et triduo terram vastant. Sed dum Virones de fide recipienda tractarent, dux, accepto potius tributo ab eis, vela sustollens, divertit in molestiam Theutonicorum.

(14) Interea pie memorie Meynardus episcopus post multos labores et dolores decidit in lectum et, videns se moriturum, Lyvonie et Thoreide convocat quosque seniores, inquirens si post mortem suam deinceps carere velint episcopo. Illi autem magis se episcopo et patre gaudere velle communiter
1196 affirmant. Et post paululum episcopus diem clausit extremum.

Liber secundus.[a]

Celebratis secundum morem exequiis et episcopo quali- (II)
cumque Lyvonum planctu et lacrimis sepulto, de successore
tractatur et ad Bremensem metropolim pro persona ydonea
mittitur. Demonstratur de Cysterciensi ordine Lucensis
abbatis Bertoldi reverenda persona. Difficilis quidem pri-
mitus ad eundum exhibetur, sed metropolitani victus pre-
cibus, predicationis onus aggreditur. Factus episcopus, (2)
primo sine exercitu domino se committens, fortunam explo-
raturus Lyvoniam pergit, Ykescolam venit et ecclesie dotem
ingrediens, quosque meliores tam paganos quam christianos
coram se colligit. Quos potibus et escis et muneribus datis
placare laborat, dicens se eorum vocatione venisse et prede-
cessori suo in solidum successisse. Quem quidem primo blande
suscipiunt, sed ipsum in Holmensis cymiterii consecratione
alii in ecclesia concremare, alii occidere, alii submergere con-
certabant, egestatem adventus sui causam esse imprope-
rabant. Talibus iniciis consideratis, clam naves adiit et (3)
Gothlandiam reveritur et, in Saxoniam procedens, Lyvonien-
sis ecclesie ruinam tam domno pape quam metropolitano et
Christi fidelibus conqueritur universis. Igitur domnus papa
cunctis signum crucis accipientibus et contra perfidos Lyvones
se armantibus remissionem indulget peccatorum, litteras
super hiis eidem episcopo Bertoldo sicut et suo dirigens pre-
decessori.

Episcopus ergo collectis viris Lyvoniam venit cum exer- (4)
citu, ad castrum Holme procedens, quod quidem in medio 1198
fluminis situm est. Hic misso trans aquam nuncio querit, si
fidem suscipere et susceptam servare decernant. Qui se fidem
recognoscere nolle nec servare velle proclamant. Episcopus
vero, neglectis retro navibus, ipsis nocere non potuit. Ergo
cum exercitu ad locum Rige revertitur et cum suis quid agat
consiliatur. Interea contra ipsum Lyvonum universitas col- (5)
ligitur et trans montem Rige stationem faciunt pugnare

---

[a] *Z habet hoc lemma*: Liber secundus. De consecratione episcopi Bertoldi, *et in margine*: Liber II, de episcopo Bertoldo.

parati. Dirigunt tamen episcopo nuncium, causam exercitus
superducti requirentes. Respondet episcopus causam, quod
tamquam canes ad vomitum, sic a fide sepius ad paganis-
mum redierint. Item Lyvones: «Causam hanc, inquiunt, a
nobis removebimus. Tu tantum remisso exercitu cum tuis
ad episcopium tuum cum pace revertaris, eos qui fidem sus-
ceperunt ad eam servandam compellas, alios ad suscipiendam
eam verbis non verberibus allicias». Episcopus ab eis huius
securitatis obsides filios ipsorum requirit, et illi penitus se
daturos contradicunt. Interea colligende partis eorum causa
breves dant et recipiunt inducias, missis invicem lanceis
secundum morem ad confirmationem pacis. In qua pace
plures Theutonicos equis pabula querentes occiderunt. Quo
viso domnus episcopus ipsorum lancea remissa paci con-
tradixit. Vociferantur[a] et constrepunt paganico more Lyvo-
(6) nes. Armantur ex adverso Saxonum acies ad pugnandum,
Iul. 24 in paganos precipitantes insultum. Fugiunt Lyvones, epi-
scopus equi ab eo male detenti velocitate inmiscetur fugientibus.
Quem duobus complectentibus, tercius, Ymaut nomine, a
tergo lancea perfodit, quem et alii membratim dilacerant.
(7) Lyvones se subsequi verentes exercitum precipites fugiunt,
quia videntes unam occisi Theuthonici galeam militarem,
quam capiti suo Lyvo percussor imposuerat. Amisso etenim
capite suo nimirum turbatur exercitus, et tam equis quam
navibus, tam igne quam gladio Lyvonum perdunt segetes.
Quo[b] viso Lyvones, ut maioribus dampnis occurrant, pacem
innovant et, vocatis ad se clericis, primo die in Holme circiter
50 baptizati sunt, sequenti die in Ykescola circiter 100 con-
vertuntur. Sacerdotes per castra suscipiunt annone mensu-
ram de quolibet aratro ad expensas cuiusque sacerdotis sta-
tuendo. Hiis visis, mitigatur exercitus et ad reditum prepa-
(8) ratur. Lyvones igitur, amisso pastore suo, consilio quolibet
clericorum et fratrum nuncios pro successore novo in Theuto-
niam mittunt. Et sic credula pacis incerte Saxonum turba

---

[a] *In margine Z rubrum*: De bello domini Bertoldi et occisione ipsius.
[b] *In margine Z*: De baptismo Holmensium et Ykescolensium.

revertitur. Manent clerici, manet navis una mercatorum. Iam vela ventus depulit, et ecce! perfidi Lyvones, de balneis consuetis egressi, Dune fluminis aqua se perfundunt, dicentes: «Hic iam baptismatis aquam cum ipsa christianitate removemus aqua fluminis et fidem susceptam exfestucantes, post Saxones recedentes transmittimus». Illi autem qui recesserant in cuiusdam arboris ramo quasi caput hominis inciderant, quod Lyvones Saxonum deum putantes et ex hoc inundanciam et pestilenciam sibi immittere credentes, cocto iuxta ritum medone, combibentes captato consilio caput ab arbore ponentes ligna connectunt, quibus caput superpositum, quasi deum Saxonum, cum fide christianorum post recedentes Gothlan-
diam per mare transmittunt. Mense peracto, rupta pace, (9)
fratres capiendo et male tractando in bona ipsorum grassantur, ea furtim et violenter auferendo. Equis eciam ablatis, agri inculti remanent. Unde usque fere ad ducentas marcas ecclesia est dampnificata. Fugit ergo clerus ab Ykescola in Holme, nescius cui se fortune aut loco committant.

Proxima quadragesima collecta Lyvonum universitas (10)
decernit, ut quicumque clericus in terra permaneat post 1199
pascha, capite puniatur. Unde tam timore mortis quam Apr. 18
querendi pastoris causa clerici Saxoniam pergunt. Decreverunt eciam Lyvones mercatores, qui remanserant, occidere. Sed mercatores dantes munera senioribus vite sue consuluerunt.

Liber tercius.[a]

Anno domini 1198 venerabilis Albertus, Bremensis cano- (III)
nicus, in episcopum consecratur.

Post consecrationem estate proxima Gothlandiam vadit (2)
et ibidem circa quingentos viros signo crucis ad eundum in
Lyvoniam signat. Inde per Daciam transiens munera regis (3)
Canuti et ducis Woldemari et Absolonis archiepiscopi recepit.
Reversus in Theuthoniam in natali domini Magdeburch (4)
plures signat. Ubi rex Philippus cum uxore coronatur. 1199
Dec. 25

---

a *Z*: Liber tercius. De episcopo Alberto.

(5) Et coram eodem rege in sentencia queritur, si bona in Lyvoniam peregrinancium sub tuicione pape ponantur, sicut eorum, qui Ierosolimam vadunt. Responsum vero est ea sub protectione apostolici comprehendi, qui peregrinacionem Lyvonie in plenariam peccaminum remissionem iniungens, vie coequavit Ierosolimitane.

(IV) Anno[a] secundo sui episcopatus cum comite Conrado de
1200 Tremonia et Harberto de Yborch cum multis peregrinis in
(2) Lyvoniam vadit, habens secum in comitatu 23 naves. Post
ingressum Dune, se cum omnibus suis deo commendans, ad
castrum Holme proficiscitur et, inde procedens, Ykescolam
ire proponit, sed Lyvones insultum facientes in ascensu,
quibusdam vulneratis, Nicolaum sacerdotem cum aliis occidunt. Episcopus tamen et sui, licet cum dificultate, Ykescolam perveniunt. Quos fratres ibidem morantes a tempore primi episcopi et alii cum gaudio suscipiunt. Collecti Lyvones ibidem
pacem cum Theutonicis ad tres dies faciunt, sed dolose, ut
(3) suum videlicet interim exercitum colligant. Pace facta, episcopus Holmam descendit et paci confidens pro sede sua et pontificalibus et aliis necessariis nuncios ad naves in Dunemunde dirigit, qui secum assumptis que volebant, quasi sub magna securitate pacis, per viam qua descenderant revertuntur. In qua post ascensum Rumbule Lyvones, pacem infringentes, eos graviter impugnant, et una navi retrocedente et evadente, aliam capiunt et pene omnes in ea existentes occidunt et, ita Holmam procedentes, episcopum cum suis obsident. Ubi cum obsessi nec sibi nec equis pastum haberent, satis angustiati tandem terram fodientes in diversis foveis annonam plurimam et cibaria invenerunt. Interim Frisones cum una tantum navi venientes, segetes[b] Lyvonum incendunt et in hiis et in aliis quantum valent eos dampnificant. Lyvones, hoc videntes et maius periculum metuentes, pacem renovant et firmant et cum episcopo et ceteris Theutonicis ad locum Rige vadunt, ubi Asso et plures alii gratiam baptismi percipiunt.

---

[a] *In Z praecedit hoc lemma:* De secundo anno consecrationis episcopi Alberti. [b] *Sic in ZX; W. Arndt* et segetes.

Episcopus[a] tamen ob perfidiam Lyvonum paci eorum non confidens, quam iam multociens ruperant, obsides ab Annone et Caupone et senioribus terre exigit, qui vocati a Theutonicis ad potacionem, omnes simul conveniunt et in una includuntur domo. At illi timentes, ne trans mare in Theutoniam deducantur, pueros suos, qui de Duna et in Thoreyda fuerunt meliores, domno episcopo circiter triginta representant; quos ille letus accipit et, terram domino committens, in Theuthoniam vadit. (4)

Ante exitum suum Lyvones episcopo locum civitatis demonstrant, quam et Rigam appellant, vel a Riga lacu, vel quasi irriguam, cum habeat inferius irriguum ac irriguum superius. Irriguum inferius, eo quod sit aquis et pascuis irrigua, vel eo quod ministratur in ea peccatoribus plenaria peccaminum remissio, et per eam irriguum superius, quod est regnum celorum, per consequens ministratur, vel Riga nova fide rigata et quia per eam gentes in circuitu sacro baptismatis fonte rigantur. Episcopus autem, sciens Lyvonum maliciam et videns se sine auxilio peregrinorum in gente illa non posse proficere, fratrem Theodericum de Thoreida pro litteris expedicionis Romam mittit. Qui negocium sibi commissum sanctissimo pape Innocencio revelans, litteras ab eo prenominatas et benigne porrectas optinuit. Ipsius eciam rogatu et instancia venerandus Romane sedis antistes omnibus Semigalliam mercationis causa frequentantibus districte portum ipsorum sub anathemate prohibet.[b] Quod factum postea mercatores ipsi collaudantes, eundem portum communi decreto sub interdicto ponunt, ut si quis illum deinceps mercationis causa ingredi presumat, rebus simul et vita privetur. Unde postea, duobus annis transactis post constructionem civitatis, quidam promissum eorum infringere volentes primo a mercatoribus omnibus, ne Semigalliam vadant, affectuose rogantur. Sed illi, apostolici mandatum non atten- (5) (6) (7)

---

[a] *Praecedit in Z hoc lemma*: De primis obsidibus a Livonibus acceptis. [b] *Sequitur in Z hoc lemma*: De portu Semigallie prohibito.

dentes et commune mercatorum decretum parvipendentes, in navi sua Dunam descendunt. Quorum animositatem ceteri videntes, admotis aliis navibus eos impugnant. Tandem duobus viris, gubernatore videlicet et ductore navis, exceptis et crudeli morte peremptis, alii autem redire coguntur.

(V) Anno[a] tercio sue consecracionis episcopus cum peregri-
1201 nis, quos habere potuit, dimissis in Theuthonia obsidibus, in Lyvoniam revertitur, et eadem estate in campo spatioso, iuxta quem portus navium esse poterat, Riga civitas edificatur.

(2) Eo tempore episcopus Danielem virum nobilem et Conradum a Meyiendorpe ad se colligens, duobus castris Lenewarde[b] et Ykescola inbeneficiavit.

(3) Interim Curones, audito adventu episcopi et civitatis
inchoatione, non timore belli, sed vocatione Christi pro pace
facienda nuncios ad civitatem dirigunt; quam pacem con-
sencientibus christianis, sicut mos est paganorum, sanguinis
(4) effusione stabiliunt. Leththones etiam, deo sic disponente
pacem querentes eodem anno Rigam veniunt, ubi statim pace facta, cum christianis amicicie fedus ineunt, qui postea hyeme subsequente cum exercitu magno Dunam descendentes Semigalliam tendunt. Sed ante ingressum terre audientes regem de Plosceke cum exercitu Leththoniam intrare, Semigallis relictis, cum festinatione redeunt et, in ascensu iuxta Rumbulam duos piscatores episcopi invenientes, quasi lupi rapaces in ipsos seviunt et vestes quibus tegebantur auferunt. Quo facto piscatores denudati Rigam fugiunt et iniuriam illatam exponunt. Peregrini autem, rei veritatem intelligentes, quosdam Leththones adhuc in Riga existentes capiunt et eo usque in vinculis detinent, donec piscatoribus ablata restituuntur.

(VI) Anno[c] quarto sue ordinacionis paucis peregrinis murum
1202 se pro domo domini ponentibus civitas committitur, et episcopus cum ceteris peregrinis in Theuthoniam proficiscitur.

---

[a] *Praecedit in Z hoc lemma:* De anno tercio. [b] *Sic in ZM; W. Arndt* Lenewarden. [c] *Praecedit in Z hoc lemma:* De anno quarto.

Post cuius discessum frater eius Engelbertus, homo reli- (2)
giosus, de Novo Monasterio vocatus, Rigam cum primis
venit civibus et, eo cooperante, qui dat verbum ewangelizan-
tibus, Christi nomen dilatare cepit in gentibus cum fratre
Theoderico de Thoreida et Alabrando et ceteris fratribus
in Lyvonia sub religione viventibus.[a] Cuius vitam et ordinem (3)
approbantes, non longo transacto tempore fratres de conventu
beate virginis Marie in Riga ipsum in prepositum eligunt,
quia ex eodem ordine de cenobio Sigebergensi bone memorie
Meynardus, primus Lyvonum episcopus, est electus, qui eos
sibi conformare volens, conventum ipsorum in parochia Yke-
scola primus instituerat. Quem tamen conventum regularium (4)
et episcopalem sedem postea Albertus episcopus de Ykescola
in Rigam tercio sue consecrationis anno transtulit et cathed-
ram episcopalem cum tota Lyvonia beatissime dei genitricis
Marie honori deputavit. Claustrum quoque Cysterciensium (5)
monachorum in ore Dune construxit, quod claustrum Dune-
munde vel Montem sancti Nicolai appellavit. Cui cenobio
cooperatorem suum in ewangelio, fratrem Theodericum de
Thoreyda, abbatem consecravit.[b] Eodem tempore previdens (6)
idem frater Theodericus perfidiam Lyvonum et multitudini
paganorum non posse resistere metuens, et ideo ad multipli-
candum numerum fidelium et ad conservandam in genti-
bus ecclesiam, fratres quosdam milicie Christi instituit, quibus
domnus papa Innocencius regulam Templariorum commisit
et signum in veste ferendum dedit, scilicet gladium et crucem,
et sub obedientia sui episcopi esse mandavit.

Deinde Semigalli, pacem cum Lyvonibus non habentes, (7)
ecclesiam Holme cum tota villa simul exurunt et, castrum
diu inpugnates et capere non valentes, recedunt. Deus autem
volens novellam plantacionem fidei christiane propagare et
ei pacem ubique firmare,[c] post eandem expedicionem Semi-
gallos ipsos pro pace facienda Rigam mittit et ita, pace more

---

[a] *In Z ad marginem adscripta haec sunt:* De primo conventu et preposito eorum. [b] *Sequitur in Z hoc lemma:* De institutione fratrum milicie. [c] *Sequitur hoc lemma in Z:* De pace facta cum Semigallis primo.

gentilium solidata, eos qui antea fuerant hostes Theuthonicorum et Lyvonum reddit amicos.

(VII) 1203 Anno[a] quinto sui pontificatus a Theuthonia rediens episcopus viros nobiles, Arnoldum de Meyendorpe, Bernardum de Sehusen, Theodericum fratrem suum, cum pluribus honestis viris et militibus secum adducit. Cum quibus prospera et adversa pro Deo pati non formidans, fluctuanti pelago se committit et provinciam Listrie regni Dacie aggrediens paganos Estones de Osilia insula cum 16 navibus invenit, qui recenter ecclesia combusta, hominibus occisis et quibusdam captivatis, terram vastaverant, campanas et res ecclesie asportaverant, sicut tam Estones quam Curones pagani in regno Dacie et Suecie hactenus facere consueverant. Armantur pregrini dampna christianorum volentes ulcisci; sed pagani cognoscentes, quod Lyvoniam pergerent, timentes valde, pacem se cum Rigensibus fecisse mentiti sunt, quibus dum crederent christiani, tunc quidem manus eorum evaserunt, sed dolis suis nulla eis lucra reportantibus, in eundem laqueum, qui paratus erat eis, postea incidunt. Nam[b] peregrini, deo eos ducente, sani et incolumes Wysbu pervenientes, a civibus et hospitibus ibidem existentibus lete suscipiuntur. Post dies aliquot Estones cum universa rapina sua adveniunt, quos peregrini velificare videntes, cives et mercatores incusant, eo quod christiani nominis inimicos cum
(2) pace portum suum transire permittant. Quibus dissimulantibus et magis pacis securitate cum eis gaudere volentibus, peregrini episcopum suum adeunt et cum eis pugnandi licenciam postulant. Episcopus itaque voluntatem illorum intelligens, eos a proposito nititur revocare, tum quia possibile erat eos ab hostibus in pugna periclitari, tum quia ecclesia in gentibus posita, que adventum ipsorum prestolabatur, defectum illorum non poterat recuperare. Ipsi autem oportune importune instantes et de dei misericordia non diffidentes, animum suum a proposito nolunt reflectere, nullam inter

---

[a] *Praecedit hoc rubrum in Z*: De anno quinto. [b] *Praecedit hoc lemma in Z*: De conflictu peregrinorum cum Estonibus in mari.

Estones paganos et Lyvones differenciam affirmantes, rogant, ut peticiones eorum admittens hoc pro peccatis eorum ipsis dignetur iniungere. Videns episcopus ipsorum constanciam, arbitratur magis expedire cum obedientia pugnam inire, cum melior sit obedientia quam victima, voluntati eorum satisfaciens, ut cum paganis viriliter in prelio congrediantur, in remissionem eis peccatorum, sicut pecierant, iniungit. Unde peregrini audacter dimicare pro Christi nomine contendunt et armis suis potenter accincti, naves, cum quibus erant ituri, cum festinacione preparant. Quod Estones ex adversa parte intelligentes, octo pyraticis ab aliis aliquantulum remotis, putant se in medio peregrinos venientes posse concludere et ita naves contra se preparatas capere. Theuthonici itaque cum impetu irruentes in eos, pyraticas duas ad Estones ingrediuntur, in quibus sexaginta viris occisis, naves, campanis, indumentis sacerdotalibus et captivis christianis onerate, ad civitatem Wysbu deducuntur, tertiam pyraticam quidam ex Theuthonicis, fortis viribus, insiliens, utraque manu gladium tenet evaginatum et hinc inde percuciens duos ac viginti ex hostibus solus prosternit. In qua cede ultra vires eo laborante, velum ab octo viris, qui adhuc erant superstites, in altum ducitur et, sic vento velum extollente, idem homo captivus deducitur et postea, navibus in unum collectis, occiditur et illa navis propter paucitatem hominum igne comburitur.[a] Hiis itaque gloriose peractis, peregrini omnes (3)
pro collata sibi victoria omnipotenti deo gracias referunt; et episcopus homines cum rebus, quas pagani Danis abstulerant, venerabili domno Andree Lundensi remisit archiepiscopo.

(4) Tunc peregrini Wysbu diucius morari nolentes, iter inceptum peragunt et Rigam usque perveniunt. De quorum adventu cives et alii in Riga morantes valde gavisi obviam eis exeunt et cum reliquiis tam episcopum quam omnem [b]comitatum ipsius[b] honorifice suscipiunt. Post hec frater Theodericus cum (5)

---

[a] *Sequitur in Z hoc lemma:* De itinere Cauponis cum fratre Theoderico ad summum pontificem. [b—b] *Eodem ordine in ZMT; W. Arndt ordine inverso.*

peregrinis, qui per annum illum in Lyvonia sub cruce sua deo militaverant, in Theuthoniam abiens, quendam Lyvonem, Cauponem nomine, qui quasi rex et senior Lyvonum, de Thoreyda secum assumit et, magna parte Theuthonie perlustrata,
(6) tandem eum Romam duxit et apostolico exhibet. Quem apostolicus benignissime recipiens deosculatur et de statu gentium circa Lyvoniam existencium multa perquirens, pro conversione gentis Lyvonice deo plurimum congratulatur. Transactis diebus aliquantis, idem venerabilis papa Innocencius predicto Cauponi dona sua, videlicet centum aureos, porrigit et in Theuthoniam redire volenti magno caritatis affectu valedicens benedicit et bibliotecam beati Gregorii pape manu scriptam episcopo Lyvoniensi per fratrem Theodericum mittit.

(7) Eadem[a] estate rex de Ploceke, cum exercitu Lyvoniam ex improviso intrans, castrum Ykescole impugnat. Cui Lyvones, tamquam homines inermes, repugnare non audentes, promittunt se ei pecuniam daturos, quam rex acceptans cessat ab obsidione. Porro Theuthonici interim quidam[b], missi ab episcopo cum balistis et armis, castrum Holme preoccupant et, rege veniente et ipsum castrum expugnare volente, equos quam plures vulnerant et Ruthenos, propter sagit-
(8) tas Dunam transire non audentes, fugant. Rex autem de Gercike cum Lethonibus Rigam procedens, in pascuis pecora civium rapit, duos sacerdotes, Iohannem de Vechte et Volchardum de Harpenstede, iuxta Montem Antiquum silvam cum peregrinis succidentem, capit et Theodericum Brudegame, cum civibus eum insequentem, occidit.

(9) Eodem[c] tempore quidam monachus nomine Sifridus in officio sacerdotali curam animarum sibi commissam in parrochia Holme devotissime peragit et, in dei servico die ac nocte persistens, sue bone conversationis exemplo Lyvones imbuit. Tandem post diuturnum laborem, deo felicem termi-

---

[a] *Praecedit in Z hoc lemma:* De expeditione regis de Plosceke in Ykescola. [b] *Sic in ZM; W. Arndt (o)* quidam, interim. [c] *Praecedit in Z hoc lemma:* De captivitate sacerdotum et pecorum ablatione a rege Wiscewalde cum Letonibus.

num vite sue imponente, moritur. Cuius corpusculum more fidelium ad ecclesiam deferens cum lacrimis neophytorum turba prosequitur, cui tanquam filii dilecto patri sarcofagum de bonis lignis facientes, asserem unum ad operculum incisum[a] de toto pede nimis brevem inveniunt. Unde commoti lignum, quo prolongari possit, diu quesitum et tandem inventum, asseri predicto conformantes, clavis affigere temptant, sed eum prius sarcofago superponentes et diligencius intuentes, vident illum non arte humana, sed divina prolongatum et optime sarcofago secundum desiderium ipsorum adaptatum. De quo facto parrochiani exhylarati, lignum inutiliter a se incisum abiciunt et, pastore suo fidelium more sepulto, deum benedicunt, qui in sanctis suis talia facit miracula.

Anno[b] sexto episcopus, timens civitatem, que adhuc modica (VIII)
et infirma erat, propter paucitatem fidelium a paganorum 1204
insidiis posse periclitari, rursus pro colligendis peregrinis in Theuthoniam vadit et iniunctum sibi pro gentium conversione negocium studiose amministrans, tam in Theuthoniam eundo quam inde redeundo singulis annis frequentem et intollerabilem fere laborem sustinet. Post discessum eius Lethones, christianorum nomen abhorrentes, cum Lyvonibus de Asscrade et de Lenewarde, adhuc paganis, fere trescenti Rigam descendunt et pecora eius in pascuis comprehensa iam secundo deducere temptant.[c] Paucis itaque viris adhuc in Riga existentibus et ubique propter vicinas silvas insidias metuentibus, de civitate simul omnes exire non audent, sed viri virtutis circa viginti de civitate hostes insecuti pecora requirunt et, invocato super se dei omnipotentis auxilio, militibus advenientibus de civitate, iuxta Montem Antiquum cum paganis pugnam ineunt et bello invalescente eo usque preliantur, donec fessi ab invicem separantur. Lyvones eciam quidam navigio Dunam descendunt, ut in absencia populi civitatem ex altera parte ingrediantur, sed domino suos

[a] *In Z sequitur in eadem linea hoc lemma*: De sacrofago (*sic*) sacerdotis divinitus prolongato. [b] *Lemma in Z*: De sexto anno sui pontificatus. [c] *Sequitur in Z lemma hoc*: De bello contra Letones et de pecoribus requisitis.

protegente, quidam de civitate obviam eis cum sagittis egrediuntur, et ita in fugam vertuntur. Hiis itaque[a] gestis Lethones cum Lyvonibus, tribus tantum equis civium optentis, discedunt, et Theuthonici, unanimes pro conservatione hominum et recuperacione pecorum deum collaudantes, ad civitatem leti revertuntur.

(2) Post[b] hec hyeme instante milites quidam, Arnoldus videlicet de Meyiendorpe et Bernardus de Sehusen et ceteri quidam, qui cruce resumpta iam secundo ibi remanserant, in Theuthoniam redire volentes, preparatis ad iter necessariis
Sept. 8 navim suam ante nativitatem beate virginis Marie exponunt, et ipsis Dunam exeuntibus, deo sic agente, cum tribus navi-
(3) bus peregrinos alios ante portum habent obvios. In hiis navibus frater Theodericus et Caupo, a Roma redeuntes, Rigenses in tristicia positos adventu suo letificant. Sed quo magis augetur leticia christianorum, eo amplius dolet et confun-
(4) ditur multitudo paganorum. Milites siquidem predicti, inter fluctus maris cum sociis suis diu laborantes, tandem ad partes Estlandie perveniunt. Quorum res et vitam Estones auferre volentes, cum decem pyraticis et duodecim aliis navibus in eos invehuntur. Deo autem suos conservante, nichil adversitatis vel doloris ab hostibus paciuntur, immo una pyratica a christianis confracta, quidam paganorum occiduntur, quidam miserabiliter in mari merguntur. Alteram pyraticam unco ferreo rapientes ad se trahere conantur, sed pagani magis in mari periclitari, quam a christianis occidi volentes, de navi singillatim exiliunt, et illis in periculo mortis occumbentibus, alie naves recedentes evadunt. Licet enim omnipotens deus electos suos in variis tribulationibus positos, quasi aurum in igne, probare non desinat, nunquam tamen omnino deserit, immo ex omnibus malis eos eripiens, maiorem hostibus eorum timorem ingerit. Inde procedentes in laboribus plurimis, precipue in fame et siti et frigore multos dies deducentes, cum paucissima cibaria haberent,

---

[a] *Sic in Z ubique. W. Arndt (So)* ita. [b] *Lemma in Z:* De reditu peregrinorum quorundam in Theuthoniam et variis tribulationibus.

quinquaginta naufragos christianos in littore stantes ad se colligunt, cum quibus misericorditer agentes, cibaria sua consumunt. Et cum hoc solum superesset, ut iam fame deficerent, ecce qualiter visitavit eos oriens ex alto; navis enim magna mercatorum adveniens, que cibaria tam dando eis quam vendendo refecit famelicos, et saturati sunt. Procedentes autem gravissimum adhuc perculum incidunt, nam tempestas eos in periculosissimos scopulos impulit, intra quos
et de quibus magno timore et difficultate venientes, in vigilia Nov. 29
Andree portum Wysbu attingunt et inde, comparatis victualibus, Dacie finibus velificantes appropinquant. Non valentes autem propter gelu, quod immensum erat, navim littori applicare, eam in glacie relinquunt et per Daciam in Theuthoniam vadunt rebus suis secum assumptis.

Anno[a] septimo circa quadragesimam, quando magis ille (XI)
gentes suas exercere solent expeditiones, Lethones pene duo 1205
milia equitum virorum[b] contra Estones moventur in expeditionem, et ipsis secus Dunam descendentibus et civitatem transeuntibus, quidam ex ipsis, homo dives et prepotens, Suelgate nomine, cum suis sodalibus ad civitatem divertit. Cui inter alios viros de civitate cum pace obviam exeuntes unus ex civibus nomine Martinus ad bibendum potum mellitum prebet, quo exhausto exercitum preeuntem insequitur et socios suos sic alloquitur: «Nonne Theuthonicorum, nobis medonem prebencium, trepidancium manus vidistis? Adventum quidem nostrum fama volante cognoverant et ideo timore concussi, adhuc trepidare non cessant. Ad presens ergo excidium civitatis ipsius differemus, sed si partes ad quas tendimus vicerimus, hominibus captis et occisis villam ipsorum evertemus. Vix enim pulvis civitatis illius pugillo
populi nostri sufficiet.» Igitur post dies non multos, audiens (2)
quidam Viesthardus nomine maior natu de Semigallia, Lethonum expeditionem, cum festinatione Rigam veniens, Theuthonicos premonendo alloquitur, eo quod hostes fines

---

[a] *Lemma in Z:* De bello cum Letonibus in Rodopoyse. [b] *Sic Z* (virorum equitum *X*); *W. Arndt omittit* equitum.

ipsorum pacifice transeant, ne postquam situm loci didicerint, in futuro civitatem cum habitatoribus suis destruant. Illis[a] autem ante reditum episcopi propter suorum paucitatem preliari nolentibus, idem Vesthardus, tamquam vir bellicosus, ad pugnam animos eorum incitat et, promittens se illis in auxilium Semigallos quam plures adducturum, rogat sibi saltem aliquos dari viros doctos in bello, qui exercitum sciant regere et ad pugnam informare. Theuthonici, audientes constanciam animi ipsius, dicunt se peticioni sue velle acquiescere, ita dumtaxat, si de quolibet castro Semigallie obsidem unum, quem elegerint, eis exhibere voluerit. Qui de tali responso plurimum exhylaratus, ad suos cum gaudio revertitur et assumptis secum obsidibus denominatis exercitum colligit sufficientem. Quo adducto obsides traduntur in manus Theuthonicorum, et ita satis se exhibentes fideles, illorum auxilium simul et amiciciam consequuntur, nam familia episcopi cum fratribus milicie Christi et Conradus miles de Ykescola cum paucis aliis, qui abesse poterant, ad exercitum foras exeunt et in loco eminenti cum Semigallis reditum Lethonum expectant.
(3) Mittuntur interim nuncii in Thoreydam ydonei, qui diligenter hostium viam explorare valeant et renunciare. Predictus etiam dux Semigallorum, de singulis domibus in Riga victualia colligens, exercitui, qui de longinquo venerat, transportat. Redeuntes autem Lethones cum infinitis captivis et inenarabili preda pecorum et equorum, post introitum Lyvonie paulatim de villa ad villam gradientes, tandem ad castrum Cauponis declinant et, paci Lyvonum confidentes, apud eos nocte quiescunt. Legati autem Theutonicorum et Semigallorum, discrete reditum eorum percunctati, exercitui suo denunciant, et altera die nuncii alii priores insequuntur, qui Lethones per compendia Rodenpoys versus Ykescola testantur velle redire. Hiis rumoribus auditis universa malewa letificatur, et certatim quivis ad pugnam preparatur. Venientes ergo Lethones cum tota preda et captivis, qui millenarium superabant numerum, exercitum suum dividunt in duas

---

[a] *Sic ZM*; *W. Arndt* (*o*) Ipsis.

partes et, in medio captivos constituentes, propter nimiam profunditatem nivis per unam tantum viam singuli gradiuntur. Sed mox ut primi eorum vestigia precedencium reperiunt, insidias suspicantes subsistunt, et ita postremi cum captivis primos insequuti in unum colliguntur cuneum. Quorum multitudinem Semigalli videntes, plures ex ipsis tremefacti et pugnare non audentes ad tutiora loca divertere querunt. Considerantes hoc quidam ex Theuthonicis Conradum aggrediuntur militem instanter deprecantes, ut ipsi primum cum hostibus Christi prelium ineant, asserentes magis expedire gloriose mortem pro Christo subire, quam ad confusionem gentis sue inhoneste fugam capessere. Qui more militari tam in equo quam in se ipso bene loricatus, cum paucis qui aderant Theutonicis Lethones aggreditur. Sed ipsi, nitorem armorum istorum abhorrentes, deo eciam timorem immittente ab eis ex omni parte declinant. Cernens itaque Semigallorum dux Lethones de dei misericordia ita conterritos, hortatur suos viriliter cum illis prelium committere, et ita, exercitu in unum collecto, Lethones undique per viam tamquam oves disperguntur, et ex eis circiter mille ducenti in ore gladii prosternuntur.[a]

Inveniens autem quidam de familia episcopi Theodericus Scilling Suellegaten, qui se civitatem dei subversurum dixerat, quem in vehiculo sedentem videns, lancea latera sua perforat. Hunc Semigallorum quidam palpitare videntes, caput eius abscidunt, et vehiculis suis imponentes, que solis capitibus Lethonum oneraverant, in Semigalliam ducunt. Plures eciam de Estonibus captivis, cum et ipsi essent inimicicias exercentes omni tempore contra christiani nominis cultores, in gladio occiderunt, et ita christiani, Semigallis paganis adiunctis, de utroque populo, Lethonum videlicet et Estonum, plenam optinent victoriam. Igitur post cedem Lethonum et Estonum Theuthonici cum Semigallis ad spolia gentis utriusque revertuntur, et infinitam predam, tam in equis et pecoribus, tam in vestibus quam in armis accipien- (4)

---

[a] *Sequitur in Z hoc lemma:* De fuga Letonum et morte Suelgaten.

tes, per dei gratiam conservati, omnes ad propria redeunt
(5) sani et incolumes et deum benedicentes. Referebat sacerdos
quidam, qui tunc in Lethonia captivus tenebatur, Iohannes
nomine, quod mulieres quinquaginta se ob mortem virorum
suspendio interfecerunt. Nimirum cum credant se cum illis
mox in alia vita victuros.

(6) Signatis itaque per Theuthoniam multis hominibus signo
crucis, tandem domnus episcopus ad naves revertitur,
assumpto secum fratre suo Rothmaro de claustro Sygeberge,
eo quod auctoritate piissimi apostolici Innocentii ei donatum
est de quolibet cenobio unum de fratribus, quem vellet,
socium laboris assumere. Igitur eo ducente, qui imperat ven-
tis et mari, Rigam perventum est, ubi domnus episcopus,
a suis diu desideratus, cum omni milicia peregrinorum hono-
rifice susceptus est. Erat in eadem acie dux belli comes Hen-
ricus de Stumpenhusen, Cono de Ysenborch, nobilis homo,
et alii tam de Westfalia quam de Saxonia milites quam plures
(7) cum ceteris peregrinis. Volens ergo episcopus tantorum viro-
rum consilio et auxilio vinee domini palmites extendere in
gentibus, post introitum Dune claustrum Cysterciensium
monachorum locaverunt in Dunemunde, quibus episcopus
abbatem prefecit antedictum fratrem Theodericum, mittit-
que ad castrum Ykescola Conradum de Meyendorpe, cui iam
dudum castrum idem in beneficio contulerat, ut eo nunciante
Lyvones episcopum cum peregrinis quibusdam venturum
presciant et ipsum, tanquam filii patrem, benigne recipiant,
cum quo disponant de pace in se habenda et fide ulterius
(8) propaganda. Lyvones ergo, qui post acceptam baptismi
gratiam a primo Lyvonum antistite Meynardo fidem Christi
irridebant et hanc in Duna se lavantes delere sepe dicebant,
audito episcopi ascensu, cum ceteris adhuc paganis ad fugam
se preparant, et mane facto Conradum prenominatum ad se
vocantes, occulte moliuntur occidere. Sed quia sagitta pre-
visa minus ferit, ipse dolum sciens eorum, armis suis indutus
cum comitibus suis ad eos foras egreditur et illis cum eo
multa confabulantibus ad singula queque competenter re-
spondet. Interim quidam episcopum precedentes superveniunt.

Unde magis obstupefacti Lyvones et in fugam versi beneficio navicularum se committunt et versus castrum Leneworde cum uxoribus suis et parvulis ascendunt, satis hoc evidenter demonstrantes, quod baptismum iam pridem susceptum minus curaverunt. Peregrini itaque dum vident neophitos Lyvones in tantum exhorbitare et tamquam canes ad vomitum redire, eo quod fidei olim suscepte obliviscantur, zelo dei accensi insequuntur fugientes. Sed[a] mox ut conspiciunt eos se aliis paganis de Leneworde coniunxisse relictisque villis silvarum latebras cum ipsis adiisse, urbem ipsorum adhibito igne
succendunt. Deinde peregrinis ascendentibus secus Dunam, (9)
ecce Lyvones de castro Ascrath, rem gestam audientes, divertunt ad tutiora loca nemoris. Unde factum est, ut eorum castro per dei gratiam exusto pacem cum Theuthonicis datis obsidibus ineunt, in [b] brevi se Rigam venire et ibi baptizari promittunt. Quod et postea ita factum est.

Audiens [c] autem rex Vetseke de Kukonoyse peregrinos (10)
Latinos in tam valida manu venisse et sibi vicinos esse, ad tria videlicet miliaria, per internuncium petit ab episcopo ducatum, et ita navigio descendens ad ipsum, cum datis hinc inde dextris salutassent se, pacem ibidem firmam cum Theuthonicis fecit; que tamen postea parvo tempore stetit. Pace facta valedicens omnibus, letus ad sua reversus est.

Hiis itaque peractis, redeuntes peregrini per viam suam (11)
in nemore densissimo iuxta viam Memeculle a duarum urbium Lyvonibus, Lenowarde et Ykescole, gravissime infestantur. Quorum insultum sine magno periculo evadentes, Ykescolam perveniunt, quam urbem firmissimam cernentes et vacuam, quondam ab episcopo Meynardo edificatam, visum est eis indignos esse tanta munitione Lyvones, qui licet baptizati, tamen adhuc [d] rebelles erant et increduli. Et ob hanc causam mittentes Conradum in beneficii eiusdem possessionem, ei ex peregrinis relinquunt quosdam viros fortes et ad bella para-

---

[a] *Praecedit in Z hoc lemma*: De expeditione apud Dunam. [b] *Sic ZM*; *W. Arndt* et (*o*). [c] *Praecedit in Z hoc lemma*: De pace facta cum rege Wetseke. [d] *Sic M*; *Z adh*[c] (*sequitur foramen*); *W. Arndt* ad hoc.

tos. In frumento etiam ei providere volentes in preparationem pugne, segetes Lyvonum iam maturas quidam falcibus quidam gladiis succidunt. Non valentes autem frequentes paganorum insidias sustinere, armati omnes metunt segetes, et impleta urbe usque ad summum, domnus episcopus, de tali facto exhylaratus, ibi remanentes deo commendat et cum reliqua peregrinorum milicia Rigam descendit.[a]

(12) Post hec brevi transacto tempore peregrini, de castro Ykescola exeuntes pro colligenda annona, a Lyvonibus insidiantibus in silvis occisi sunt decem et septem ex eis, quorum quosdam diis suis immolantes crudeli martirio interfecerunt. Nec tamen hec et hiis similia facientes inimici a predicatione verbi dei christianorum obstruunt voces, verum eciam per incrementa fidei conspiciunt eos cottidie tam preliando quam
(13) predicando magis ac magis invalescere. Hinc est, quod animo consternati Lyvones omnes circa Dunam habitantes, in mente confusi, datis obsidibus domno episcopo et ceteris Theuthonicis reconciliantur, et qui adhuc ex ipsis pagani fuerunt, baptizari se pollicentur. Sic ergo Christo vocante gens indomita et paganorum ritibus nimis dedita pedetentim ad iugum domini ducitur et relictis gentilitatis sue tenebris veram lucem, qui Christus est, per fidem intuetur. Unde non immerito villas et agros et que iuste amisisse videbantur rehabere permittuntur, et exstructa iuxta villam Ykescolam munitione penitus excluduntur, et tam illi de Lenowarde quam de Ykescola ad propria revertuntur.

(14) Eadem[b] hyeme factus est ludus prophetarum ordinatissimus in media Riga, ut fidei christiane rudimenta gentilitas fide disceret oculata. Cuius ludi materia tam neophitis quam paganis, qui aderant, per interpretem diligentissime exponebatur. Ubi autem armati Gedeonis cum Phylisteis pugnabant, pagani timentes occidi fugere ceperunt, sed caute sunt revocati. Sic ergo ad modicum tempus siluit ecclesia in pace quiescendo. Iste autem ludus quasi preludium et

---

[a] *Sequitur in Z hoc lemma*: De martyrio XVII in Ykescolam.
[b] *Lemma in Z*: De ludo magno, qui fuit in Riga.

presagium erat futurorum; nam in eodem ludo erant bella, utpote David, Gedeonis, Herodis; erat et doctrina Veteris et Novi Testamenti, quia nimirum per bella plurima, que sequuntur, convertenda erat gentilitas et per doctrinam Veteris ac Novi Testamenti erat instruenda, qualiter ad verum pacificum et ad vitam perveniat eternam.

Anno [a] octavo inchoante, volens domnus episcopus adipisci amiciciam et familiaritatem Woldemari, regis de Ploceke, (X) 1206
quam antecessori suo Meynardo exhibuerat episcopo, dextrarium cum armatura per abbatem Theodericum ei transmisit, qui a latrunculis Lethonum in via spoliatur. Ipse cum suis omnia, que secum tulerant, amittunt, corpore tamen sani et incolumes ad regem usque perveniunt. Ingressi autem civitatem deprehendunt ibi quosdam Lyvones clam a senioribus Lyvonum missos, qui ut animum regis inclinarent ad expellendos Theuthonicos de Lyvonia, quecunque dolose fingere aut dictare poterant contra episcopum et suos, blanda ac fraudulenta locutione proponebant, nam episcopum cum sequacibus suis nimis eis importunum et intollerabile iugum fidei asserebant. Quorum verbis rex admodum credulus mandat omnibus in regno suo constitutis ad expeditionem quantocius preparari, ut cum impetu fluminis Dune navigio vel multiplici lignorum strue connexa, suppositis ad viam necessariis, Rigam cicius et commodius descendant. Hinc est, quod Theuthonicorum legati, Lyvonum suggestionem et regis intentionem ignorantes, conspectui regis presentari iubentur, ubi coram Lyvonibus, que adventus eorum causa sit, interrogantur. Qui dum se pacis et amicicie causa venisse profitentur, Lyvones e contrario nec eos pacem velle nec servare proclamant. Quorum os maledictione et amaritudine plenum est, magis ad bella struenda, quam ad pacem faciendam cor et animum regis incitant. Rex autem, timens occulta (2)
consilia sua in lucem prodire, Theuthonicos a se removens in hospicio manere precipit, sed abbate causam perpendente, quidam de consiliariis regis muneribus et pecunia corrumpi-

[a] *Praecedit hoc lemma in Z:* De anno octavo.

tur, et absque mora consilium diu celatum proditur. Quo comperto mira dei providencia abbati obviat, res tendens ad meliora. Nam pauperem quendam de castro Holme, deo donante, ibidem esse comperit, quem dimidia marca argenti conducens et scripto suo promovens, domno Rigensi episcopo et toti fidelium ecclesie, que audierat et viderat, per eundem intimavit. Unde factum est, ut plures ex peregrinis, qui se ad transfretandum mare preparaverant, resumpta cruce redirent. Ipse eciam episcopus, qui cum aliis abire paratus erat, velificantibus valedicens Rigam ad suos reversus est.

(3) Rex itaque, factum abbatis intelligens, accersito eo, requirit, si nuncium Rigam miserit; sed ille, faciem regis non formidans, litteras se per quendam misisse confessus est. Porro legati secum missi a Riga, metuentes severitatem regis, supplicabant et persuadebant abbati negare, quod dixerat. Sed ipse sciens, quod semel emissum volat irrevocabile verbum, quod regi confessus erat, nulla ratione negabat. Intelligens igitur rex se nichil hoc modo proficere, eo quod proditum esset consilium, ubi belli violencia deficit, dolum machinatur, quia in columbe specie blanda loquens verba sic ledit, ut anguis in herba. Remittitur abbas et cum eo Ruthenorum legati cum verbis pacificis diriguntur in dolo, ut auditis hinc inde partibus inter Lyvones et episcopum, quod iustum esset, decernerent et hoc ratum haberent. Dimissi a rege, Kukenoys castro Ruthenico, quod celerrime attingunt, dyaconum quendam Stephanum, alium tamen quam prothomartyrem, Rigam cum abbate mittunt, episcopum in occursum vocant
Mai 30 nunciorum, diem colloquii tercio Kalendas Iulii[a], locum iuxta fluvium Wogene prefigunt. Reliqui[b] per terram usquequaque diffusi Lyvones ac[c] Lethos, qui proprie dicuntur Lethigalli, cum armis suis vocant. Veniunt Lyvones, non tantum voluntati regis obedire, quantum perdicioni fidelium Christi

---

[a] Iunii *correctum a Pabst.* [b] *Praecedit in Z hoc lemma:* De conspiratione Ruthenorum cum Lyvonibus et Letonibus contra Rigenses. [c] *Sic ZM; W. Arndt (o)* et.

deservire parati. Lethi vel Letthigalli adhuc pagani, vitam christianorum approbantes et eorum salutem affectantes, ad colloquium perfidie non veniunt, muneribus eciam sibi a Ruthenis oblatis flecti nequeunt ad malum Theuthonicis inferendum. Vocatus ad idem colloquium domnus episcopus (4)
a legato regis, Stephano predicto, tale de consilio suorum dedit responsum: «Communem, inquid, omnium terrarum consuetudinem esse constat nuncios a dominis suis destinatos eum adire vel requirere, ad quem mittuntur, et numquam principem, quantumcunque humilem vel affabilem, in occursum nunciorum de suis munitionibus egredi. Decet namque tales et talium nuncios nos in civitate nostra invenire, ubi a nobis et a nostris recipi possint honestius et tractari. Veniant ergo nichil metuentes, sed honeste tractandi». Appropinquante die statuto, Lyvones armati ad colloquium iuxta fluvium Wogene colliguntur. Seniores etiam de castro Holme, tocius mali exquisitores, ad eos navigio ascendunt et applicantes ad castrum Ykescolae ipsos secum vocant.

Considerata [a] igitur astucia Lyvonum Theuthonici ascen- (5)
dere recusant, sed illi ceptam viam peragunt et cum suis compatriotis de christianorum eiectione tractant. Interim Ykescolenses duo ex neophitis, videlicet Kyrianus et Layanus, Conradum, qui castro prefuit, rogant quam intime, quatinus eos congregacioni Lyvonum interesse permittat, ut visa eorum pertinacia renunciare possint, quas contra fideles Christi machinationes pretendant, presumentes autem de cognatorum et amicorum numerositate, terribilem inimicorum aciem adire non formidant. Quod stultum valde Conradus animadvertens propter multimodam Lyvonum maliciam fieri dissuasit; sed eorum instanti prece victus eos abire permisit. Ingressi placitum statim capiuntur a senioribus, fidem Christi postponere et Theuthonicis renunciare coguntur. Qui constantes in dilectione dei, fidem susceptam se omni caritatis affectu amplectere profitentur, ab amore et

---

[a] *Praecedit in Z hoc lemma*: De martyrio duorum neophitorum Kyriani et Layani.

societate christianorum testantur nulla eos posse genera tormentorum separare. Unde [a] nimirum eciam cognatorum tantum in eos excrevit odium, ut exinde maius esset odium amore, quo ante dilexerant. Hinc est, quod communi Lyvonum conspiratione ligatis circa pedes funibus per medium sunt dilacerati. Quos acerrimis penis afficientes, viscera extrahentes, crura et brachia dilaceraverunt, de quibus non est dubium, quin cum sanctis martyribus pro tanto marty-
(6) rio vitam receperint eternam. Horum corpora in Ykescolensi quiescunt ecclesia atque apposita sunt tumbe episcoporum Meynardi et Bertoldi, quorum primus confessor, secundus martyr, ut supra dictum est, ab eisdem Lyvonibus occisus occubuit. Hoc facto Lyvones in eo convenerunt, ut de omnibus partibus terre sue in unum collecti castrum Holme, quod civitati propius erat, preoccupent et ex eo Rigenses, qui tunc paucissimi erant, expugnent et Rigam destruant. Conpleta ergo conspiratione et confederatione, immemores sacramentorum susceptorum, obliti baptismi, fide abiecta, pacem non curantes, bellum innovantes, omnis multitudo eorum Holme descendit, et convocantes ad se quosdam de Lethonibus,[b] tam Thoredenses quam Veinalenses, omnes in unum conveniunt.
(7) Porro [c] Holmenses, quorum pedes veloces ad effundendum sanguinem, capto Iohanne sacerdote suo, caput eius abscidunt, corpus reliquum membratim dividunt. Ipse enim natus de Vironia et a paganis in puericia captus, per venerabilem Meynardum episcopum a captivitate absolutus et, ut sacris litteris imbueretur, ab eodem est in claustro Segeberge locatus, ubi cum plurimum profecisset, cum episcopo Alberto in Lyvoniam profectus est et sacros adeptus ordines in Holmensi parrochia multos convertit ab ydolorum cultura. Qui tandem post laboris sui cursum cum duobus aliis, Gerhardo et Hermanno, pro fidei confessione, sicut prediximus, per martyrii palmam ad vitam pervenit eternam. Cuius corpus

---

[a] *Praecedit in Z hoc lemma:* De nimia crudelitate amicorum ipsorum quam exercuerunt in eos. [b] *Z sic; W. Arndt* Letthonibus. [c] *Praecedit in Z hoc lemma:* De martyrio sacerdotis et sociorum eius.

et ossa, postea ab aliis sacerdotibus collecta, in Riga in ecclesia beate Marie domnus episcopus cum suo capitulo devote sepelivit.

Hiis [a] itaque[b] peractis, confluente ad castrum Holme Lyvonum caterva, neophiti quidam Lembewalde cum quibusdam aliis, fideles se exhibentes, dimissis uxoribus et familia in Holme, Rigam descendunt, suggerentes domno episcopo, qualiter se defendat ab inimicis, optantes magis christianorum, quam suorum perfidorum Lyvonum profectum. Erant autem Lyvones simul omnes in castro diebus aliquot, et quidam ex eis exeuntes versus Rigam, tam equos in pascuis spoliantes, tam homines, quos invenerunt, occidentes, fecerunt omnia mala, que potuerunt. Tandem tedio affecti, quidam ad propria redierunt, quidam adhuc remanserunt. Audiens autem episcopus quorundam recessum, convocatis fratribus milicie et civibus et peregrinis, requirit, quo facto opus sit contra Lyvonum machinationem. Visum est omnibus expedire, ut invocato super se dei omnipotentis auxilio, novellam ecclesiam ipsi committentes, cum illis in Holme bellum ineant, et melius esse pro fide Christi omnes mori, quam singulos cottidie cruciari. Commissa igitur civitate domno episcopo, qui validiores erant Theuthonici cum suis Lyvonibus Rigensibus armati, balistariis et aliis sagittariis assumptis, navigio ascendentes ad castrum Holme applicant quinta decima die post pentecosten. Quibus previsis hostes litus et acces- Iun. 4
sum defendere volentes audacter occurrunt. Stupent primo nimis christiani propter eorum paucitatem, nam centum tantum erant et quinquaginta hostiumque erat numerosa multitudo, sed cantu suo dei inplorantes clemenciam [c] et vires animorum resumentes, tandem exiliunt. Quorum primus Arnoldus frater milicie, deinde servi episcopi ex alia nave cum ceteris omnes simul hostibus appropinquant. Et primo in aqua pugnantes littorea saxa lanceasque hosti-

(8)

[a] *Praecedit in Z hoc lemma*: De collectione Lyvonum et Lettonum in Holme contra Rigenses. [b] *Sic Z*; *W. Arndt* ita (*X*). [c] *Sic Z*; *M* Dei omnipotentis implorantes auxilium et clementiam; *o* Dei invocantes misericordiam; *W. Arndt* auxilium et clementiam.

um super se crudeliter volantes excipiunt, tandem litus apprehendunt fortissime pugnantes. Vulneratur passim hostium nuditas a sagitta volante, confligunt acies, vincuntur hostes, et terga dantes alii occiduntur, alii transnatare volentes submerguntur, alii castro recipiuntur, alii transnatando evadentes aculeos vermium non efugerunt. Erat [a] autem inter eos Ako princeps ac senior eorum, qui tocius tradicionis et omnium malorum exstiterat auctor, qui regem de Ploceke concitaverat ad bellandum contra Rigenses, qui Letthones collegerat, qui Thoredenses et totam Lyvoniam convocaverat contra nomen christianum. Inter alios iste quoque occiditur, occisi caput cum fama victorie episcopo mittitur. Erat autem episcopus cum clericis suis, celebrata missa, in dei timore et orationibus exspectans, si forte quispiam appareret referens ei, quid ageretur. Erat autem cor eius fiduciam habens in domino. Et subito apparuit navicula de longe, in qua quidam de fratribus milicie rediens cum vulneratis quibusdam, caput Akonis pro signo victorie episcopo presentat. At ille, gaudens cum universis, qui domi remanserant, gratias agit deo, qui per paucos operatus est salutem ecclesie
(9) sue. Applicant [b] interim christiani menia suburbana, muro castri ignem imponunt, patherellis ignem et lapides in castrum proiciunt. Balistarii quam plures in munitione vulnerant, unde post occisionem tantorum iam se defendere non sufficiunt. Igitur Thoredenses pacem petunt, que datur eis, et permittuntur exire de castro pene omnes vulnerati. Holmenses autem, auctores malorum, se tradere compelluntur, quorum seniores Rigam deducuntur et in vincula, prout meruerunt, proiciuntur. Ceteris autem, qui in castro erant, propter sacramentum baptismi, quod iam dudum receperunt, parcitur et nichil mali deinceps infertur. Omnia autem, que hactenus in Lyvonia gloriose contigerunt, non in fortitudine multorum, sed per paucos deus semper operatus est, unde pro multiplici

[a] *Praecedit in Z hoc lemma*: De fuga Lyvonum Holmensium et interfectione eorum. [b] *Praecedit in Z hoc lemma*: De expugnatione castri.

victoria benedictus sit deus in secula. Erat eodem tempore fames et penuria cibariorum in civitate magna, et misit deus sacerdotem quendam episcopi, Danielem, de Gothlandia cum duobus coggonibus, impletis usque ad summum annona et similibus, que necessaria erant. Eundem Danielem misit episcopus cum dapifero suo Gevehardo et balistariis et aliis quibusdam preoccupare castrum predictum Holme, ne deinceps Lyvones, Ruthenos et paganos convocantes, opponere se valeant christianis. Seniores aurem Holmensium episcopus postea secum ducit in Theuthoniam, ut videntes et audientes ibidem christianorum consuetudines, discant fieri fideles, qui semper fuerunt infideles.

Post [a] hec Rigenses, memores omnium iniuriarum a Thoredensibus adhuc paganis sibi illatarum et pacis sepius interrupte, convocant Semigallos sibi in adiutorium in ultionem inimicorum. Erant autem Semigalli inimicicias semper habentes contra Thoredenses et gavisi sunt et venerunt cum Vestardo principe suo circiter tria milia virorum in obviam Rigensibus. Et procedentes ad Coiwam, dividunt exercitum suum et tradunt Cauponi, qui dux erat exercitus, medietatem; nam [b] ipse, postquam a Roma rediit, fidelissimus factus est et propter persecutionem Lyvonum in civitatem fugerat et mansit cum christianis fere per totum annum illum. Aliam medietatem exercitus dirigunt in partem Dobrelis. Et ibat Caupo cum exercitu suo versus castrum suum, in quo erant cognati et amici sui adhuc pagani, et videntes exercitum subito et ex improviso venientem, timore concussi,[c] pauci ex eis munitionem ad defendendum castrum ascendunt. Plures ex eis, in posteriori parte castri transsilientes, fugam in silvas et montana querunt. Christiani autem, viriliter impugnantes castrum, tandem desuper fortiter ascendunt et victis hostibus et a munitione repulsis castro recipiuntur et, persequentes paganos undique per castrum, ex eis fere quinquaginta occidunt,

(10)

---

[a] *Praecedit in Z hoc lemma:* De expeditione in Thoreydam cum Semigallis. [b] *In margine Z lemma:* De incensione castri Thoredensis. [c] *Sic ZX; W. Arndt* percussi.

ceteri per fugam evaserunt. Tollentes itaque res omnes et spolia multa, castrum incendunt. Videntes autem Lyvones, qui erant ex alia parte Coiwe in castro Dabrelis, fumum et ignem ascendentem et castrum ardere Cauponis, timentes, ne sibi et castro suo similia contingant, colligunt omnes in castrum et, ascendentes in munitionem, inimicos suos exspectant et venientibus fortissime resistunt. Confortabat enim eos Dabrelus senior ipsorum et animabat, quemadmodum Philistei quondam dicentes: «Confortamini, Philistim,[a] et pugnate, ne serviatis Hebreis». Peregrini vero cum Semigallis, impugnantes castrum per totam diem, capere non valuerunt, et quidam ex eis ex alia parte cum paucis ascendere temptantes, quinque ex suis a Lyvonibus occisos ibidem reliquerunt. Videntes autem castrum forte et inexpugnabile, diverterunt ab eo, et spoliantes terram reversi sunt ad suos, et aput Rigam residentes in reditu cum totali exercitu, diviserunt spolia universa, que attulerant. Episcopus autem gratias agens deo, remisit Semigallos cum gaudio in terram suam.

(11) Post hec episcopus, renovata pace cum Lyvonibus, transire proponit in Theuthoniam et, veniens in mare, per totam noctem gravissimam passus tempestatem, sequenti die repulsus est in Dunam. Ipse autem aliquot quiescens diebus, inter exitus matutini et vespere delectatus, quem nec sol adurit prosperitatis per diem neque luna contristat adversitatis per noctem, ut a dei negocio non desistat terra marique, deo gratias agens iterum se eisdem committit periculis, que evaserat, et deo tranquillitatem donante, pro colligendis peregrinis, qui ecclesiam defendant, in Alimaniam vadit.

(12) Post hec ex Lyvonibus quidam in perfidia sua durantes regi de Ploceke per nuncios suos vulnera et dampna suorum significantes, in auxilium sibi contra Theuthonicos venire eum rogant, presertim cum pauci in Riga remanserint et allii cum episcopo recesserint. Qui acquiescens consiliis et

---

[a] *Z* Philistiim; *M* Philistim (*concordat cum Vulgata*); *W. Arndt* Philistini (*o*).

vocationi eorum, convocato exercitu de omnibus locis regni sui nec non et aliorum regum vicinorum et amicorum suorum, Dunam[a] navigio descendit in fortitudine magna. Et applicantes Ykescolam, quidam ex eis graviter vulnerati sunt a balistariis Conradi militis. Unde sencientes Theuthonicos in castro, descenderunt et, castrum Holme subito adeuntes, undique in circuitu obsederunt. Lyvones vero, nescientes exercitum, quidam in silvis effugientes evaserunt, quidam ad castrum cum Theuthonicis in unum se collegerunt, et clauso castro balistarii munitionem ascendentes plurimos vulneraverunt. Rutheni[b] quoque, qui artem balistariam ignorant; arcuum consuetudinem habentes, plures in munitione ledentes, per dies multos pugnaverunt et, maximam struem lignorum comportantes, munitionem incendere laborabant, sed frustrato labore, multi eorum a balistariis in lignorum collectione vulnerati ceciderunt. Misit itaque rex nuncios Thoredensibus et Leththis et paganis in circuitu, ut omnes contra Rigenses venirent in expeditionem. Unde gavisi Thoredenses statim conveniunt ad regem, et venientibus hoc solum opus iniungitur, ut ligna comportantes castrum incendant; in qua lignorum comportacione plurima eorum multitudo, utpote inermium, a sagitta subito volante interfecta est. Leththi vero nec venerunt nec nuncios miserunt. Fecerunt eciam Rutheni machinam parvam more Theuthonicorum, sed nescientes artem lapides iactandi, plures ex suis post tergum iactantes leserunt. Theuthonici vero cum pauci essent, utpote viginti tantum, timentes tradi a Lyvonibus, qui multi erant cum eis in castro, nocte ac die armati in munitione desuper sederunt, custodientes arcem tam de amicis infra quam extra de inimicis. Lyvones autem omne consilium querebant cottidie cum rege, qualiter eos dolo tenerent et traderent in manus Ruthenorum; et nisi breviati fuissent dies belli, tam Rigenses quam Holmenses propter suorum paucitatem vix se defendere potuissent. Nam in Riga erant timores intus

---

[a] *Sic ZMT*; *W. Arndt* Duna (*o*). [b] *Praecedit in Z hoc lemma*: De obsidione castri Holmensis a rege Woldemaro de Plosceke.

propter civitatem nondum firmiter edificatam et timores extra propter suorum in Holme obsessionem. Redierunt eciam quidam Lyvones exploratores ad regem, dicentes omnem canpum et omnes vias circa Rigam repletas esse ferreis claviculis tridentibus, ostendentes quosdam ex eis regi, dicentes, quia tam pedes equorum suorum, quam latera propria et posteriora sua graviter undique talibus hamis essent perforata. Quo timore rex perterritus, Rigam cum exercitu suo non descendit, et liberavit dominus sperantes in se. Nam Thoredenses, visis navibus in mari, nunciaverunt regi. At ille, cum post undecim dierum castri impugnationem nichil proficeret, sed magis per suorum interfectionem deficeret simul et adventum Theuthonicorum timeret, surrexit cum omni exercitu suo et vulneratis et interfectis suis et reversus est navigio in terram suam; Gevehardus autem, dapifer episcopi, de parvo vulnere postea mortuus est, ceteri autem sani et incolumes deum benedicebant, qui ecclesiam suam in manu paucorum eciam hac vice defendit ab inimicis.

(13) Eodem [a] tempore rex Danorum cum exercitu magno, quem iam tribus annis collegerat, resedit in Osilia, simul et archiepiscopus Lundensis Andreas, qui in remissionem peccatorum infinitam multitudinem signo crucis signaverat ad faciendam vindictam in nationibus et ad subiugandas gentes fidei christiane. Edificato autem castro, cum non invenirentur, qui contra insultus paganorum ibidem manere auderent, incenso castro rex cum omni exercitu rediit in terram suam. Archiepiscopus vero Lundensis predictus et episcopus Nicolaus cum duabus navibus cibariis onustis et omnis familia ipsorum Rigam divertunt et, in Dunam venientes, a preposito beate Marie Eggelberto et omni conventu suo devotissime suscipiuntur. Et audita tanta ecclesie tribulatione et eiusdem iterum a deo liberatione, congratulantur et congaudent, benedicentes deum, eo quod in medio gencium in tanta paucitate virorum suam semper conservat

---

[a] *Praecedit in Z hoc lemma:* De expeditione prima regis Danorum in Osiliam.

ecclesiam. Post hec archiepiscopus convocando omnem clerum doctrinam proponit theologicam, et legendo in psalterio totam hyemem in divina contemplatione deducunt. Et merito post bella doctrina sequitur theologica, cum eodem tempore post bella omnia predicta conversa et baptizata sit tota Lyvonia. Nam post discessum regis Ruthenorum cum exercitu suo invasit timor dei Lyvones per universam Lyvoniam, et mittentes nuncios Rigam tam Thoredenses quam Dunenses, rogant ea, que pacis sunt. Proponuntur itaque Thoredensibus omnia mala, que infra pacem sepe fecerant, pace interrupta. Nam multis occisis, Cauponi, qui relictis eis cum christianis semper pugnabat, multa mala intulerant, bona eiusdem omnia incendio vastaverant, agros abstulerant, arbores apum confregerant, insuper plurima bella contra Rigenses moverant. Unde pax eis denegatur; et merito, qui filii pacis esse nescientes, pacem omni tempore disturbabant. At [a] illi magis instantes rogant baptizari, sacerdotes recipere et eis per omnia obedire promittunt. Lenewardenses etiam pro reconciliacione domno Danieli, qui idem castrum iam dudum in beneficio acceperat, quolibet anno de aratro dimidium talentum siliginis promittunt, quod hactenus usque in hodiernum diem persolverunt.

Prepositus [b] itaque Rigensis, iuxta verbum archiepiscopi, (14)
acceptis obsidibus meliorum pueris de tota Lyvonia, sacerdotes mittit ad predicationem. Quorum primus Alebrandus, in Thoreidam proficiscens, verbum predicationis et baptismi sacramentum ministrat et, parrochias distinguens, in Cubbesele ecclesiam edificat. Alexander sacerdos in Metsepole dirigitur, qui, baptizata provincia illa tota, cum eis ibidem habitare et semen ewangelii seminare et ecclesiam incipit edificare. Daniel sacerdos, qui in castri Holmensis obsidione quodammodo examinatus fuerat, Lenewardensibus mittitur. Quem illi benigne suscipientes, baptizantur ab eo. Cumque in villam, que dicitur Sydegunde, procederet, statim

[a] *In Z hoc lemma*: De baptismo Lyvonum. [b] *In Z lemma*: De obsidibus datis et de missione predicatorum per universam Lyvoniam.

populum ad audiendum verbum dei convocat. Veniens autem Lyvo quidam de latibulis silvarum, nocte visionemque suam referens, dicit ei: «Vidi, inquit, deum Lyvonum, qui nobis futura predixit. Erat enim ymago excrescens ex arbore a pectore et sursum et dixit michi Leththonum exercitum cras venturum, et timore illius exercitus convenire non audemus». Sacerdos autem, intelligens demonis hanc esse illusionem, eo quod via illo autumpnali tempore non esset, per quam Leththones venire possent, in orationibus suis existens, deo se commendabat. Mane facto cum huiusmodi nichil audirent vel perciperent, quod fantasma Lyvoni predixerat, colliguntur omnes in unum, quibus sacerdos ydolatriam detestans, huiusmodi fantasmata demonum illusionem affirmans, tandem unum deum, creatorem omnium, unam fidem, unum baptisma esse predicat, et hiis et aliis similibus ad culturam unius dei eos invitat. Hiis auditis, diabolo et operibus eius abrenunciant et in deum credere se promittunt, et baptizantur quotquot predestinati erant a deo. Baptizatis eciam Reminensibus, procedit ad Ascradenses. Quibus recipientibus verbum dei cum gaudio et celebratis ibidem sacramentis baptismi, reversus est Thoreidam et, veniens ad castrum Dabrelis, benigne receptus est ab eis. Et seminato ibidem verbi dei semine, convertit et baptizavit eos et, relicta provincia illa, processit ad Wendos. Wendi[a] autem humiles erant eo tempore et pauperes, utpote a Winda repulsi, qui est fluvius Curonie, et habitantes in Monte Antiquo, iuxta quem Riga civitas nunc est edificata, et inde iterum a Curonibus effugati pluresque occisi, reliqui fugerunt ad Leththos, et ibi habitantes cum eis, gavisi sunt de adventu sacerdotis. Quibus conversis et baptizatis, vineam iam plantatam et agrum seminatum domino committens sacerdos, Rigam rediit.

(15) Postea[b] autem ad Ydumeos missus, quam plures ibidem[c] et Leththos et Ydumeos baptizans, ecclesiam super Ropam

---

[a] *Lemma in Z*: De baptismo Wendorum. [b] *In Z lemma*: De baptismo Ydumeorum. [c] *Sic ZM*; *W. Arndt* ibi (*o*).

edificavit et manendo cum eis vitam eternam eis demonstravit. Thoredenses vero, receptis sacri baptismatis misteriis cum omni iure spirituali, rogant sacerdotem suum Alabrandum, ut, sicut in iure spiriruali, sic et eos expediat in civilibus causis, quod nos dicimus in iure seculari, secundum iura christianorum. Gens enim Lyvonum quondam erat perfidissima, et unusquisque proximo suo, quod habebat, auferebat, et ideo in baptismo huiusmodi prohibita sunt, violencia, rapina, furta et hiis similia. Qui autem ante baptismum spoliati fuerunt, dolentes de rerum suarum amissione, eo quod sua recipere per violenciam post baptismum non auderent, iudicem secularem pro causis huiusmodi terminandis petebant. Unde [a] Alebrando sacerdoti tam de spirtualibus causis, quam de civilibus audiendis primitus iniunctum est. At ille, iniunctum sibi officium tam propter deum, quam pro peccatis suis fideliter amministrans, furta et rapinas cohercendo, iniuste ablata restituendo, Lyvonibus viam iuste vivendi demonstravit. Placuit autem Lyvonibus ista christianorum consuetudo primo anno, eo quod per fideles huiusmodi advocacie amministraretur officium, quod postea per manus diversorum iudicum secularium laycorum per universam Lyvoniam et [b] Letthigalliam et Estoniam nimis est depravatum, qui magis pro burse sue impletione, quam iusticie dei intuitu huiusmodi advocacie officium exercuerunt.

Eadem [c] hyeme facta est ecliptio solis per magnam horam (16)
diei. Episcopus autem Albertus circuivit in Theuthonia per (17)
vicos et plateas et ecclesias querendo peregrinos. Et perlu- 1207
strata Saxonia et Westfalia, tandem ad curiam regis Philippi Febr. 28
pervenit et, cum ad nullum regem auxilii haberet respectum, ad imperium se convertit et Lyvoniam ab imperio recepit, unde rex pie memorie Philippus quolibet anno sibi in auxilium dari centum marcas promisit; si promissis quispiam dives esse poterit.

---

[a] *Lemma in Z*: De iudicio seculari Alebrando commisso. [b] *Sic ZM*; *W. Arndt omittit* et (*o*). [c] *In Z lemma*: De donatione Lyvonie in imperium.

(XI) 1207 Anno [a] nono, baptizata universa Lyvonia, siluit ecclesia, pacis gaudet quiete, sui expectans adventum antistitis. Archiepiscopus vero Lundensis et cancellarius, cum omnibus suis
Apr. 15 ad reditum se preparantes, Gothlandiam in dominica pal-
Apr. 22 marum attingunt et in terra sua sacrosanctam pasche cele-
Iun. 10 brant solempnitatem. Rigensis vero antistes, in pentecoste Rigam veniens, cum gaudio ab omnibus suscipitur, cum quo venit comes de Peremunut Godescalcus, et comes alius, et alii quam plures peregrini, nobiles et honesti viri, qui pace ecclesie gaudentes murum civitatis in tantum exaltaverunt, ut deinceps paganorum non timeretur insultus.

(2) Audiens [b] rex Vesceka de Kukenois episcopi et peregrinorum adventum, surrexit cum viris suis et abiit in occursum eorum et veniens Rigam ab omnibus est honorifice susceptus. Peractis itaque in domo episcopi diebus pluribus cum magno caritatis affectu, tandem auxilium episcopi contra insultus petit Lethonum, offerens sibi terre et castri sui medietatem. Quo accepto episcopus, multis muneribus regem honorans et in viris et in armis opem promittens, cum gaudio remisit ad propria. Post hec episcopus, de conversione [c] et baptismo Lyvonum gavisus, sacerdotes mittit ad omnes et in Thoreidam et in Methsepole et in Ydumeam et iuxta Dunam, et constructis ecclesiis locantur sacerdotes in parrochiis suis.

(3) Factum [d] est autem eodem tempore, ut augeret dominus de die in diem numerum et familiam fratrum milicie; quibus visum est, ut, sicut accresceret eis in personis et labore, sic accrescere deberet et in rebus et in bonis, ut, qui in bellis et in aliis laboribus continuis portabant pondus diei et estus, simul et reciperent consolationem laboris sui, denarium diurnum. Petebant ergo a domno episcopo instancia cottidiana terciam partem tocius Lyvonie nec non et aliarum terrarum vel gencium in circuitu, nondum conversarum, quas per eos dominus simul cum aliis Rigensibus in posterum fidei subi-

---

[a] *In Z lemma*: De baptismo Lettorum. Annus octavus. [b] *Lemma in Z*: De rege de Kukenoys. [c] *Sic ZM*; *W. Arndt* conversatione (*o*). [d] *Lemma in Z*: De locatione sacerdotum in parochiis.

ceret christiane, ut sicut maioribus sollicitarentur expensis, sic pluribus gauderent redditibus. Episcopus [a] autem tales viros, qui se murum pro domo domini die ac nocte ponerent, more patris fovere et eorum numerum multiplicare desiderans, laboribus et expensis eorum respondere volens, terciam partem Lyvonie solius [b] eis concessit. Et quia ipse Lyvoniam cum omni dominio et iure ab imperatore receperat, eis suam terciam partem cum omni iure et dominio reliquit. De terris vero nondum acquisitis vel conversis, sicut nec dare potuit, quod non habuit, sic rationabiliter contradixit. Illis autem instantibus precibus oportunis et inoportunis, tandem perlatum est postea ad aures summi pontificis. Qui terras nondum acquisitas deo committens, de acquisitis terciam eis partem asscripsit, relicta episcopo quarta parte decimarum in partibus ipsorum ad obedientie recognitionem. Rogatu [c] itaque episcopi fratres milicie dividentes Lyvoniam in tres partes, ipsi tamquam patri primam concedunt electionem. Unde cum ipse partem Cauponis, Thoreidam videlicet, primo assumeret, ipsi ex altera parte Coiwe secundariam partem sibi eligentes, terciam partem in Methsepole episcopo reliquerunt. De provinciis autem sive prediis aliis, iam dudum in beneficio prestitis, per omnia recompensationem in aliis postea receperunt.

Divisa [d] taliter Lyvonia, episcopus sacerdotes in partes suas mittens, fratribus milicie partes suas procurandas reliquit. Missus est eciam eodem [e] anno Godfridus quidam peregrinus miles in Thoreidam ad procurandum officium advocacie in iure seculari. Qui circueundo parrochias, causas et lites hominum determinans, pecuniam et munera collegit plurima et, modicum afferens episcopo, sibi plura retinuit. Unde dolentes quidam alii peregrini confracta cistaque eius, decem et novem marcas argenti de bonis furtive collec- (4)

[a] *Lemma in Z*: De donatione tercie partis Lyvonie fratribus milicie. [b] *Sic ZT* (*Z non* socius, *ut W. Arndt in nota, pag. 258, c*); *W. Arndt* tocius (*M*). [c] *Lemma in Z*: De divisione Lyvonie. [d] *Lemma in Z*: De primo advocato Godfrido. [e] *Sic ZM*; *W. Arndt* eo (*o*).

tis invenerunt, exceptis aliis plurimis iam ab eo dispersis. Et quia inique egerat pervertendo iudicium et pauperes opprimendo et iniquos iustificando et neophitos corrodendo, iusto iudicio dei factum est, ut ad terrorem aliorum talem incurreret verecundiam, et sicut a quibusdam relatum est, postea morte turpissima defunctus est.

(5) Post [a] hec recordati Leththones omnium occisorum suorum a Rigensibus et Semigallis ante duos annos, miserunt per totam Lethoniam, colligentes exercitum magnum; et
Dec. 24 transeuntes Dunam per totam noctem in vigilia nativitatis domini veniunt in Thoreidam et, summo mane transita Coiwa, disperguntur per omnes villas et, invenientes terram nullis rumoribus premunitam, multos occidunt, plures captivando deducunt. Erant [b] autem in ipso die nativitatis
Dec. 25 domini duo sacerdotes in ecclesia Cubbesele divinum Lyvonibus celebrantes officium, Iohannes videlicet Stric et alter Theodericus cum servo suo. Cumque, finita missa prima, Iohannes aliam iam celebraret, parrochiani venientem audientes exercitum, fugerunt de ecclesia, et quidam silvarum latibulis se committentes evaserunt, quidam ad propria festinantes in via captivati et quam plures sunt occisi. Dumque iam finita sequencia legitur ewangelium, Lethones velocitate equorum deferuntur hac et illac circa ecclesiam et deo suos conservante ecclesiam non intrant, sed ad domum sacerdotis festinantes, equos et pecora rapiunt, vestes et cibaria et omnia, que inveniunt, vehiculis imponunt. Et cum spoliantes in curia tantam facerent moram, sacerdos interim in ecclesia dominici corporis et sanguinis sacrosancta conficiens mysteria et se ipsum sacrificium deo offerre iam non dubitans, domino se commendabat. Cui Theodericus sacerdos ministrando, servus hostium servando, fideliter astabant, confortantes eum, ne propter paganorum timorem divinum negligeret officium. Finita [c] autem per dei gratiam missa,

---

[a] *Lemma in Z*: De bello cum Letonibus. [b] *Lemma in Z*: De Letonum in Thoreydam expeditione. [c] *In margine Z*: De mirabili per dei misericordiam sacerdotum in ecclesia conservatione.

tollentes vestimenta altaris et indumenta omnia componentes, in angulum sanctuarii deponunt et consedentes simul in ipso angulo se abscondunt. Hiis autem vix completis, ecce inimicorum quidam veniens in ecclesiam, discurrit circumquaque et pene usque ad sanctuarium, et nudum videns altare nichilque, quod suum esset, ibi videns, inquit: «Ba!» et exivit ad suos. Raptis itaque omnibus, que invenerunt, recedunt Leththones per viam suam, et vix illi curiam exierant et ecce alia turba ipsorum, plures prioribus venientes et domum despoliatam invenientes, post alios festinant, quorum unus, ecclesiam intrans et ab equo suo non descendens nichilque ad rapiendum inveniens illosque in anguli latitantes ignorans, iterum festine recessit. Veniente adhuc tercia Lethonum acie, unus ex eis in vehiculo suo sedens, ecclesiam transeundo sacerdotes non vidit. Illi autem gratias deo referentes, eo quod ipsos sanos et incolumes ante faciem paganorum conservaverat, post discessum ipsorum circa vesperam ab ecclesia egressi ad silvas fugiunt, et triduo panem non comedentes, quarto die Rigam veniunt. Lethones vero, spoliata tota provincia in circuitu, nocte colliguntur in unum in villa Annonis, et summo mane exeuntes de terra, mulieres et parvulos et predam magnam secum deducunt. In ipsa autem nocte nativitatis domini mittentes Lyvones nuntios, significant episcopo exercitum Lethonum Lyvoniam intrare, et post alii nuncii alios subsequuntur, referentes homines occisos et captivatos, ecclesias vastatas et omnia mala, que pagani novelle intulerunt ecclesie. Hiis [a] auditis episcopus, convocatis peregrinis et fratribus milicie et mercatoribus et omnibus suis, ammonet omnes in remissionem peccatorum, quatinus, se murum pro domo domini ponentes, ecclesiam liberent ab inimicis. At illi omnes obtemperantes et ad pugnam se preparantes, mittunt ad omnes Lyvones et Leththos, comminantes et dicentes: «Quicunque non exierit, sequutusque exercitum christianorum non fuerit, trium marcarum pena multabitur». Invasit itaque timor

---

[a] *Lemma in Z*: De collectione Rigensium contra Letones.

omnes, et sequuti venerunt in obviam Rigensibus aput Dunam et, ascendentes in Leneworde, conveniunt [a], exspectantes Lethonum reditum cum silencio infra urbem. Mittuntur eciam exploratores perscrutari viam eorum. Quibus occurrentes cum omnibus captivis et rapina aput Lenewarde, nocte Dunam in glacie transeunt. Ascendens autem dux exercitus cum comitibus suis vicinius ad castrum et seniore castri vocato, requirit, ubi collectio christianorum, et ait: «Vade, nuncia christianis, qui ante duos annos exercitum meum ab Estonia redeuntem quasi dormientem interfecerunt, nunc me et omnes meos vigilantes invenient». Hiis [b] auditis, christiani, ad prelia domini festinantes, in primo mane hostes insequuntur, et circa horam terciam transeuntes Dunam aput Ascrade, eos ibidem inveniunt. Quos ut viderunt pagani sese persequentes, rebus certis territi, simul omnes exclamaverunt clamore magno et convocantes suos in occursum revertuntur christianorum. Quorum clamorem et multitudinem non verentes christiani et in deo confidentes, elevatis vexillis subito irruunt in ipsos, et interficientes hac et illac, invalescere bellum ex utraque parte faciunt, et Lethones, quasi velociores et crudeliores aliis gentibus, qui se vigilare ad preliandum predixerant, diu et fortiter repugnantes, tandem dorsa ostendunt, et sicut agiles ad bellum, sic veloces efficiuntur ad fugam, unde alii ad silvas, alii per viam fugientes, captivos et spolia derelinquunt. Quos persequentes christiani per totum diem, multos occidunt ex eis, et ceteri per fugam evaserunt. Post hec reversi ad spolia, mulieres et parvulos neophitorum cum omnibus captivis a vinculis absolvunt, et convenientes omnes neophiti tam Lyvones quam Letthi cum Theuthonicis, de ove perdita et inventa sive de ovibus luporum faucibus ereptis deo gratias referunt, et dividentes spolia, captivos omnes amicis suis liberos remittunt.

(6) Postquam [c] dominus ecclesiam suam a paganorum impugnatione liberavit, timens episcopus, ne post exitum suum simi-

---

[a] *Sic ZM*; *W. Arndt* convenerunt (*o*). [b] *Lemma in Z*: De bello Rigensium contra Letones. [c] *Lemma in Z*: De obsidione castri Selonum.

lia facientes, Lyvoniam ubique devastent, castrum Selonum, quod erat eis egredientibus et ingredientibus in refugium omni tempore, destruere cogitabat, et missis nunciis suis [a] per universam Lyvoniam et Letthigalliam, qui se fidei iam coniunxerant christiane, convocat omnes in expeditionem. Et collecto exercitu magno, mittit episcopus abbatem Theodericum et Eggelbertum prepositum cum omni familia sua et peregrinis, adiunctis simul fratribus milicie Christi, ad expugnandum Selones. Et ibant versus Ascrad, et transeuntes Dunam corpora Lethonum antea occisorum inhumata reperiunt, que conculcantes per viam et ordinate incedentes, ad castrum Selonum perveniunt. Et obsidentes castrum, undique in circuitu multos in munitione vulnerant sagittis, multos per villas captivantes, plures occidunt, ignem copiosum per lignorum comportationem incendunt. Nocte ac die requiem non dantes, Selonibus timorem incuciunt. Unde clam vocatis senioribus de exercitu, petunt pacem. At illi: «Si veram, inquiunt, pacem desideratis, abrenunciate ydolatrie, et verum pacificum, qui est Christus, in vestrum castrum recipite, baptizamini et Lethones inimicos nominis Christi deinceps a castro vestro removete». Placet [b] hec forma pacis, et datis obsidibus baptismi sacramenta se recipere promittunt et Lethonibus remotis christianis se per omnia spondent obedire. Acceptis itaque pueris ipsorum mitigatur exercitus. Unde abbas et prepositus cum aliis sacerdotibus, ascendentes ad ipsos in castrum, ad fidem iniciando eos instruunt, et aspergentes castrum aqua benedicta, et vexillum beate Marie in arce figunt; de conversione [c] gencium gaudentes et deum collaudantes de ecclesie profectu, leti cum Letigallis et Lyvonibus in terram suam revertuntur.

Eodem [d] tempore missus est Alebrandus sacerdos cum (7)
quibusdam aliis in Ugauniam requirere bona mercatorum quondam ante Rige edificationem ablata euntibus a Duna

---

[a] *Sic ZMo*; *W. Arndt omittit* suis. [b] *In margine Z*: De obsidibus datis et fide recepta. [c] *Sic ZM*; *W. Arndt* conversatione (*o*).

[d] *Lemma in Z*: De bonis mercatorum ab Ugaunensibus quondam direptis.

versus Plicecowe in vehiculis suis, que Ugaunenses consilio Lyvonum in via rapuerant, que multa erant, nongentis videlicet marcis et amplius comparata. Ugaunenses vero nec bona restituerunt, nec de reddendis in posterum certum responsum reddiderunt. Unde Alebrandus, huiusmodi modicum curans, revertitur et in via Letigallis circa Ymeram habitantibus verbum dei de suscipiendo baptismo alloquitur, presertim cum iam tota Lyvonia et plures ex Letigallis verbum dei receperint. At [a] illi gaudentes de adventu sacerdotis, utpote a Lethonibus sepius vastati et a Lyvonibus semper oppressi, et per Theuthonicos sperantes relevari ac defendi, cum gaudio verbum dei recipiunt, missis tamen prius sortibus et requisito consensu deorum suorum, an Ruthenorum de Plicecowe cum aliis Letigallis de Tholowa, an Latinorum debeant subire baptismum. Nam Rutheni eorum tempore venerant baptizantes Lethigallos suos de Tholowa sibi semper tributarios. Et cecidit sors ad Latinos, et annumerati sunt cum Lyvonensi ecclesia Rigensibus. Et baptizavit Alebrandus quasdam villas et rediit Rigam et nunciavit episcopo. At ille, congaudens et semper ecclesie providere desiderans, Henricum [b], scolarem suum, ad sacros ordines promotum, cum eodem Alebrando ibidem remisit, et consummato baptismo in finibus illis reversus est Alebrandus. Alter vero, constructa ecclesia et in beneficio recepta, ibidem cum eis habitare et, plurimis periculis expositus, future eis beatitudinem vite non desiit demonstrare.

(8) Orta [c] est in hoc tempore discordia inter regem de Kukenoys et Danielem militem de Lenewarde. Nam rex idem, cum plura inferret hominibus istius incommoda et sepius ammonitus a tali inquietatione non cessaret, servi ipsius Danielis, surgentes nocte, cum eo propere festinant ad castrum regis, et venientes diluculo eos, qui infra castrum erant, inveniunt dormientes et vigilem desuper minus provide

---

[a] *In margine Z*: De baptismo Lethonum circa Ymeram habitantium. [b] *Sic ZM*; *W. Arndt* Heinricum. [c] *Lemma in Z*: Qualiter castrum Kukenoyse captum est.

vigilantem, et repente ascendentes, ipsam arcem munitionis attingunt, et in castro se recipientes, Ruthenos propter nomen christianitatis non audent interficere, sed gladiis suis eis comminantes, quosdam in fugam convertunt, alios captivando vinculis deputant. Inter quos ipsum regem rapientes, et eum in vincula proiciunt, et omnem substantiam, que erat in castro, in unum locum comportantes, diligenter conservant et dominum suum Danielem, qui prope erat, ad se vocant. Ipse autem, consilium episcopi super hoc facto audire desiderans, omnia Rigensibus significat. Unde episcopus nimium contristatus cum omnibus suis, que facta sunt, non approbans, regem in castrum suum restitui et omnem substantiam reddi precipit, et rege ad se vocato, multis eum honorat muneribus equorum, et vestium preciosarum plura
exhibet paria, et in solempnitate paschali benignissimo eum 1208
cum omnibus suis procurans affectu, et omni discordia sopita Apr. 6
inter ipsum et Danielem, cum gaudio remittit ad castrum suum. Memor eciam episcopus promissi, quod ei promisit, quando castri sui ab eo medietatem suscepit, et mittit cum eo viros strenuos viginti cum armis et equitaturis suis, milites, balistarios, nec non sementarios ad castrum firmandum et contra Leththones tenendum, providens eis in expensis et indigenciis suis per omnia. Cum quibus idem rex leta quidem facie, licet dolos meditaretur in corde, revertitur in Kukenoys, relicto episcopo in Dunemunde, qui solito more iturus erat in Theuthoniam pro colligendis peregrinis in sequentem annum. Nam et illi, qui iam annum peregrinationis sue expleverant, ad redeundum in Theuthoniam parati erant, quos in Dunemunde iam dudum residentes, per contrarium
ventum deus repellendo abire non permisit. Regulus autem (9)
predictus, reversus in Kukennoys et peregrinos cum episcopo iam abiise non dubitans, qui et in Riga paucissimos remansisse peroptime novit, perfidie sue dolos iam diucius in corde suo abscondere non potuit, sed inito consilio cum omnibus viris suis et exspectato tempore et die oportuno, cum Theuthonici fere omnes ad opus suum exirent et ad edificationem castri lapides in fossato exciderent, depositis interim gla-

diis et armis suis desuper fossatum, preterea regem, quasi dominum vel patrem suum, non timentes, et [a] ecce subito accurrentes servi regis et omnes viri sui gladios et arma Theuthonicorum diripiunt et plures inermes ex ipsis et nudos, stantes in operibus suis, interficiunt. Et quidam ex ipsis fugientes nocte ac die Rigam, ut nuntiarent ibi, quod actum erat, perveniunt. Interfectis autem decem et septem viris, tres per fugam evaserunt, quorum corpora in Dunam proiecerunt et Rigensibus remiserunt. At illi, colligentes de aqua corpora in dei servicio interfectorum, devote et cum lacrimis sepelierunt. Post hec rex idem, equos meliores Theuthonicorum et balistas et loricas et similia mittens regi magno Woldemaro, rogat et suadet, ut convocato exercitu quantocius veniat et Rigam capiat, in qua paucos viros remansisse et meliores a se occisos et alios cum episcopo recessisse significat. Quibus auditis, ille nimium credulus ad expeditionem omnes suos amicos et viros regni sui convocat. Episcopus interim in Dunemunde a vento contrario detentus, cognita suorum interfectione et ecclesie sue intellecta traditione, peregrinos omnes in unum convocat, ecclesie dampna lacrimando indicat, et ut fiant ecclesie defensores et fortes auxiliarii, ipsos invitat, et crucis signum resumere et plenariam ante neglectorum delictorum remissionem ammonendo confortat, et ob maioris laboris sui longam peregrinationem maiorem indulgenciam et vitam promittit eternam. Hiis auditis, accedentes fere trecenti de melioribus, resumpta cruce Rigam redire et murum se pro domo domini ponere non formidant. Insuper et multos mercede conducens episcopus Rigam remittit. Preterea omnes Theuthonici undique per Lyvoniam dispersi cum aliis Lyvonum senioribus ad ecclesie defensionem Rigam conveniunt. Audientes itaque Rutheni Theuthonicorum et Lyvonum in Riga collectionem, timentes sibi et castro suo, eo quod male egerint, et non audentes in castro suo Rigensium exspectare adventum, collectis rebus suis et equis et armis Theuthonicorum inter

---

[a] *Sic ZX; W. Arndt omittit* et.

se divisis, incendunt castrum Kukenoys, et fugiunt unusquisque per viam suam. Lethigalli et Selones, qui ibi habitabant, silvarum tenebrosa querunt latibula. Rex autem sepedictus, sicut male egerat, sic versus Ruciam, nunquam deinceps in regnum suum rediturus, abscessit.

Hiis [a] itaque peractis, episcopus anno consecrationis (XII)
sue iam decimo, ecclesiam suam in Lyvonia domino commit- 1208
tens et peregrinis et omnibus christiani nominis in Lyvonia habitantibus, in Theuthoniam pro diversis ecclesie negociis vadit, tum pro peregrinis, tum pro rebus, quibus ecclesia nova adhuc et multis indigens adiuvetur, colligendis. Et circueundo et predicando per loca plurima multos suffert labores. Qui autem in Riga remanserant, confortantes se in invicem et viriliter agentes, civitatem undique firmabant. Et audientes exustionem castri Kukenoys et fugam Ruthenorum, mittunt quosdam ad persequendum illos. Inter quos Meynardus et quidam alii ex servis episcopi, insequentes fugitivos et plures ex ipsis per silvas et paludes invenientes, Letigallos videlicet et Selones, qui regis erant tributarii, qui conscii erant regis et cooperatores in traditione et mortificatione Theuthonicorum, nonnullos eciam Rutenorum rapientes, tulerunt spolia eorum et substantiam et arma quedam Theuthonicorum receperunt. Et quos invenerunt reos, eo quod conscii traditionis fuerant, omnes crudeli morte sicut meruerunt interfecerunt et exstirpaverunt traditores de finibus illis.

Hoc [b] tempore Rigenses et christiani, qui erant in Lyvo- (2)
nia, pacem erant desiderantes, et non venit; bona erant querentes, et ecce turbatio! Nam post fugam Ruthenorum sperantes se evasisse Charibdim; [c] sed erat adhuc inminens Scille periculum, nam Vesthardus, Semigallorum dux, memor adhuc bellorum et malorum multorum, quibus a Lethonibus debellatus et depredatus sepe fuerat in omnibus confinibus Semigallie, ad expeditionem se preparat adversus Lethones et in Riga christianorum suppliciter deprecatur auxilium,

---

[a] *Lemma in Z*: De anno decimo. [b] *Lemma in Z*: De expeditione in Letoniam cum Semigallis. [c] *Sic S*; *Z* Caribdim.

allegans, quod iam in alia vice Rigensibus ad expugnandos alios paganos venit in adiutorium, insuper et deorum suorum sortes in meliorem partem cecidisse insinuat. Ad hec Rigensium seniores, deorum suorum sortes non curantes, imo propter suorum paucitatem auxilium sibi denegantes, bellum hoc tempore contra Lethones omnimodis contradicunt. Sed precum suarum tandem instancia et stultorum virorum, qui cum eo ituri erant, pertinaci audacia victi, bellum eis non prohibere, imo obedienter eos ad pugnam mittere, ne in anima et corpore periclitentur, decernunt. Mittuntur itaque cum Vesthardo quinquaginta vel paulo plures viri, milites ac balistarii, nec non et ex fratribus milicie Christi plures. Assumentes secum Danielem, Ydumeorum sacerdotem, profecti sunt in terram Semigallorum. Qui in equis suis insidentes et in armorum suorum nitore venientes, benignissime a Semigallis sunt recepti. Qui mittentes per omnes fines suos congregaverunt exercitum magnum, et procedentes prope Lethoniam, nocte quiescunt et quiescentes a diis suis futura requirunt, mittentes sortes et postulantes favorem deorum suorum et inquirentes, si videlicet fama adventus ipsorum prevolaverit [a] et si Lethones venturi sint ad pugnandum contra eos. Et cecidit sors et famam prevenisnisse [b] et Lethones ad bellum paratos esse. Unde stupefacti Semigalli nimis, ad redeundum Theuthonicos invitant, eo quod Lethonum valde timeant insultum. Sed Theuthonici respondentes dixerunt: «Absit, inquiunt, rem hanc facere, ut fugiamus ab eis et inferamus crimen genti nostre, sed eamus ad adversarios nostros, si poterimus pugnare cum eis.» Et non poterant avertere eos Semigalli. Erat enim Semigallorum infinita multitudo, de quibus confidebant Theuthonici, licet pluviarum et ymbrium nimia esset inundantia. Procedunt tamen audacter in Lethoniam et, dividentes acies suas per villas, inveniunt eas vacuas et viros omnes cum mulieribus et parvulis per fugam evasisse. Unde timentes

---

[a] *Sic ZM*; *W. Arndt* pervolaverit (*o*). [b] *Sic ZM*; *W. Arndt* pervenisse (*o*).

sibi bellum imminere, quantocius congregantur in unum, et nullam moram facientes, eodem die ad reditum se preparant. Quod intelligentes Lethones, velocitate equorum suorum eos undique circumvolant et, prout consuetudo eorum habet, circumferuntur hac et illac, modo fugiendo, modo persequendo, et lancearum suorum ac[a] pedorum missione quam plures vulnerant. Porro Theuthonici, in unum se conglobantes cuneum et exercitum post tergum custodientes, Semigallos preire permittunt. Qui repente in fugam conversi, alius post alium semet ipsos conculcando opprimunt, alii silvas et paludes querunt, et totum pondus prelii versum est in Theuthonicos. Unde quidam ex ipsis fortissime se defendentes diu pugnaverunt, et cum pauci essent, tante multitudini resistere non valebant. Aderant eciam strenuissimi viri, Gerwinus et Rabodo cum pluribus aliis, qui post diuturnam pugnam quidam vulnerati ceciderunt, quidam captivati in Lethoniam ab inimicis deducti sunt, alii per fugam evaserunt et, ut nunciarent, que gesta sunt, in Rigam redierunt.

Audita itaque fuga suorum et Lethonum audacia, condoluit civitas, et subito versa est in luctum cythara Rigensium et cantus eorum in vocem flencium. Et orantes in celum, omnes seniores et discreti viri iudicabant deinceps in multitudine paganorum non esse confidendum nec cum paganis contra alios paganos esse pugnandum, sed in domino sperandum et cum Lyvonibus et Leththis iam baptizatis audacter ad omnes gentes procedendum. Quod et factum est. Nam eodem anno vexillum beate virginis deportatum est a Lyvonibus et Leththis et Theuthonicis in Ungauniam et sic deinceps ad omnes Estones et gentes in circuitu deo cooperante, qui solus omnia regna superavit. (3)

Post[b] hec autem Lethones cum magno exercitu intrantes Semigalliam, ceperunt occidere et vastare omnia, que invenerunt. Semigalli vero, insidiantes eis in via et silvas (4)

---

[a] *Sic ZM*; *W. Arndt* et. [b] *Lemma in Z*: De Letonibus occisis a Semigallis.

succidentes, in reditu fere omnes occiderunt. Et de eorum spoliis Rigensibus munera honorifice miserunt.

(5) Eodem tempore misit deus ad consolationem ecclesie sue viros religiosos quam plures in Dunam, Florencium abbatem Cysterciensis ordinis, Robertum Coloniensis ecclesie canonicum, Conradum Bremensem, cum aliis quibusdam; quorum quidam in Dunemunde, quidam cum fratribus milicie sancte conversationis habitum elegerunt; quidam ad predicationis opus transierunt. De quorum adventu ecclesia adhuc parva, quam plurimum letificata et confortata post tristia bella, gratias agebat deo, qui semper suos in omni tribulatione non desinit consolari, cui est honor et gloria in secula. Amen.

Explicit liber tercius de Lyvonia. Incipit liber quartus de Estonia.

(6) Et factum est, postquam iam tota Lyvonia baptizata est et Leththigallia, miserunt seniores Leththorum, Russinus de castro Sotecle, Waridote de Autine, Talibaldus de Beverin, nec non et Bertoldus frater milicie de Wenden, nuncios suos ad Estones in Unganiam requirere, que iusta sunt, de omnibus iniuriis sibi illatis ab eis. Erant enim Letti ante fidem susceptam humiles et despecti et multas iniurias sustinentes a Lyvonibus et Estonibus, unde ipsi magis gaudebant de adventu sacerdotum, eo quod post baptismum eodem iure et eadem pace omnes simul gauderent. Estones autem, verba nunciorum parvipendentes, nichil iuris impenderunt, sed cum eis nuncios suos in Leththigalliam direxerunt. Et cum iam fratres milicie essent habitantes in Wenden, miserunt Bertoldum, quasi primum de suis, ad placitum Leththorum cum Estonibus. Venit eciam ex parte episcopi Heinricus[a] sacerdos et Lethti quam plures. Et incipiebant retractare, que pacis et iusticie erant. Sed Estonum legati, contempnentes et pacem Lethorum et iniuste sibi ablata

[a] *Sic Zo*; *W. Arndt* Henricus (*S*).

restituere dedignantes, Lettis per omnia contradicunt, et lanceis acutissimis in invicem comminantes, sine aliqua forma pacis recedunt. Supervenientibus interim mercatoribus et Theuthonicis aliquantis de Gothlandia, surrexit Waridote cum aliis Lethtorum senioribus, et Rigam venientes suppliciter auxilium contra Estonum iniuriam postulant. Rigenses igitur, ad memoriam revocantes eciam suas iniurias et bona innumerabilia quondam suis mercatoribus ab Ungaunensibus ablata, postulancium votis annuunt, exercitum promittunt; presertim cum et ipsorum nuncii pro eisdem bonis mercatorum sepius ab Ugaunensibus contempti et irrisi redierunt, nolentibus iniuste ablata restituere. Invocato [a] itaque super se dei omnipotentis et beate dei genitricis Marie auxilio, perrexerunt Rigenses cum fratribus milicie et Theoderico, fratre episcopi, et mercatoribus et aliis Theuthonicis in Thoreidam, et de tota Lyvonia et Leththigallia convocantes exercitum fortem et magnum et euntes die ac nocte, veniunt in Ugauniam, et despoliantes villas et homines paganos occidentes, igne et gladio suas iniurias vindicantes, tandem apud castrum Odenpe, id est Caput ursi, conveniunt et castrum incendunt. Et post hec triduo quiescentes, et die quarto cum pecoribus et captivis et omni rapina sua [b] in terram suam revertuntur. Letthi autem [c], in terram suam reversi, firmantes castra sua, ad pugnam fortissime se preparant, omnia sua in castris collocantes et exercitum Estonum exspectantes, ipsis occurrere parati. Ugaunenses itaque, convocatis sibi in auxilium Saccalenensibus, repente terram Letthorum intrantes in finibus Tricatue et Letthum quendam, Wardeke nomine, vivum in igne cremantes et alios captivantes, multa Letthis mala intulerunt, et obsidentes castrum Beverin, per totam diem Letthos in castro existentes impugnabant. Letthi [d] vero exeuntes de castro et viriliter eis occurrentes ad pugnam, quinque ex eis occiderunt et equos eorum rapue-

---

[a] *Lemma in Z*: De prima expeditione in Estoniam. [b] *Sic Z* (sua et) *M*; *W. Arndt omittit* sua (*o*). [c] *Sic ZM*; *W. Arndt* eciam (*o*). [d] *Lemma in Z*: De obsidione castri Beverin.

runt, et recurrentes in castrum ad suum sacerdotem, qui tunc presens aderat, simul cum ipso deum,[a] quem pro se pugnare senciebant, simul[b] omnes benedicebant. Inter quos erat Roboam ex forcioribus unus, qui descendens inter medios hostes, duos ex ipsis occidit et ex collaterali parte castri sanus et incolumis ad suos reversus est, deum collaudans pro speciali laude tali, quam sibi dominus de paganis contulit. Sacerdos eciam ipsorum, impugnationem Estonum modicum attendens, munitionem castri ascendit et aliis pugnantibus ipse musico instrumento canebat deum exorando. Sed barbari, audientes carmen et sonitum instrumenti acutum, substiterunt, quia in terra sua non audierant, et pausantes a bello, causam tante leticie perquirebant. Leththi autem, eo quod recepto nuper baptismo deum se defendere viderent, ideo se gaudere ac dominum se laudare responderunt. Tunc Estones de renovanda pace proposuerunt. Sed Letthi: «Nondum, inquiunt, mercationes Theuthonicis ablatas neque etiam [c] bona nobis sepius ablata restituistis. Sed neque inter christianos et paganos unum cor et una anima neque forma pacis firma esse poterit, nisi recepto nobiscum eodem iugo christianitatis et pacis perpetue unum deum colatis.» Quo audito Estones nimium indignati a castro diverterunt, sequutique Letthi post tergum plurimos vulneraverunt. Et mittentes per noctem ad magistrum milicie Christi in Wenden, Wennonem, qui tunc aderat, rogabant eum venire cum suis ad persequendum Estones. At ille, convocatis Leththis in circuitu, mane facto venit in Beverin et invenit exercitum paganorum iam dudum divertisse, persequutusque est eos per totum diem illum. Nocte vero sequenti factum est gelu maximum, et claudicantibus equis fere omnibus, hostes attingere non valuerunt, eo quod pecoribus occisis, captivis dimissis, per viam fugiendo, bellum non exspectantes, reversi sunt unusquisque in terram suam. Tunc [d] Leththi de Beverin

---

[a] *Sic ZM*; *W. Arndt* Dominum (*o*). [b] *Sic ZM*; *W. Arndt omittit* simul (*o*). [c] *Sic X*; *Z* enim. [d] *Lemma in Z*: De persecutione hostium.

tristes de morte suorum, quos Estones trucidaverant et igne cremaverant, miserunt ad omnes Leththos in circuitu, ut essent ad iter parati, ut si quando donante deo se de suis possent vindicare inimicis. Unde factum est, ut Russinus, qui erat Leththorum fortissimus, et Waridote cum omnibus Letthis, qui erant in finibus suis, convenirent in magna multitudine apud castrum Beverin predictum. Et [a] conspirantes adversus Estones, ad despoliandam terram ipsorum se preparaverunt, et indutis armis suis, que habebant, processerunt iter diei unius, residentesque ordinaverunt exercitum suum et ibant nocte ac die, et intrantes provinciam Saccalanensem, invenerunt viros ac mulieres et parvulos in domibus suis in omnibus villis ac locis, et occiderunt, quos invenerunt, a mane usque ad vesperam, tam mulieres quam parvulos eorum, et trescentos ex melioribus viris ac senioribus Saccalanensis provincie, absque aliis innumerabilibus, donec fesse manus et brachia occidencium pre nimia interemptione plebis iam deficerent. Villisque omnibus sanguine multo paganorum coloratis, sequenti die redierunt, et per omnes villas spolia multa colligentes, iumenta et pecora multa [et] [b] puellas quam plurimas, quibus solis parcere solent exercitus in terris istis, secum abduxerunt, et revertentes paulatim, multis diebus per viam moram faciebant, existentes parati, si forte Estones residui bellum eis post tergum intulissent. Sed Estones propter tantam suorum interfectionem ad persequendum Lethtos venire non presumebant, sed tristia funera, a Letthis sibi iniecta, multis diebus colligentes et igne cremantes, exequias cum lamentationibus et potationibus multis more suo celebrabant. Lethti vero apud stagnum Astigerwe se deposuerunt, et divisis inter se spoliis universis leti in Beverin redierunt, et invento ibidem Bertoldo fratre milicie nec non et sacerdote suo proprio cum militibus et balistariis quibusdam episcopi, munera eis ex omnibus contulerunt. Et cum esset in dominica Gaudete, Dec. 18

[a] *In margine Z*: De expeditione Lettorum prima in Sakkalam.
[b] *Sic o*; *in ZM* et *deest.*

omnes unanimiter cum gaudio deum benedicebant, eo quod [per] [a] noviter conversos dominus tantam fecerit vindictam eciam ceteris in nationibus. Russinus eciam, rediens in castrum Beverin, aperuit os suum dicens: «Filii, inquit, filiorum nunciabunt ea filiis suis in terciam et quartam generationem, que operatus est Russinus in Saccalanensium funeribus.» Hoc [b] audito, Hermannus Lyvonum advocatus, nimium adversus Lettos indignatus, eo quod bellum ad Estones magis ac magis renovarent, misit et convocavit omnes seniores Lyvonum atque Lettorum, et habito consilio cum eis nec non et cum Theuthonicis, cum adhuc rari essent et pauci Theuthonici habitantes in terra, placuit omnibus, ut ea, que pacis essent, tractarentur cum Estonibus usque ad adventum domni episcopi, qui erat in Theuthonia pro colligendis peregrinis in sequentem annum. Quod consilium placuit eciam Estonibus, et receperunt pacem, quia post meliorum suorum occisionem Letthorum iam magnum ceperant habere timorem, et, lite nondum finita, treugarum quandam formam ad unius anni terminum composuerunt.

(XIII) Anno consecrationis sue 11 presul Albertus rediit a Theu-
1209 [c] thonia, habens secum in comitatu peregrinorum copiosam multitudinem. Inter quos erat Rudolphus de Iericho et Wolterus de Hamersleve et alii nobiles quam plures, milites et clerici cum omni populo, qui se omnes periculo maris committentes in Lyvoniam devenerunt. Quorum consilio presul idem usus, convocavit omnes Lyvones ac Letthos iamdudum conversos, et recordatus mortificationis illius, quam sibi ac suis rex Vesceka preterito anno intulerat, cum milites ac familiam suam, quam rogatione sua sibi cum multis expensis contra Letthones in auxilium miserat, dolo ac fraude nimia mortificavit, cum omnibus peregrinis et exercitu suo divertit in Kukenois, et inveniens montem ipsum desertum et pre immundicia quondam inhabitantium vermibus ac

---

[a] *Secundum W. Arndt; in ZM* per *deest.* [b] *Lemma in Z:* De pace facta cum Estonibus in annum. [c] *W. Arndt* (Heinrici Chronicon in usum schol., Hannoverae, 1874, pag. 60): 1208.

serpentibus repletum, iussitque et rogavit eundem montem mundari ac renovari et firmis fecit munitionibus muniri, et castrum firmissimum edificavit, et milites ac balistarios cum familia sua ibidem ad castrum conservandum reliquit, et multis expensis adhibitis diligentissime custodiri fecit, ne qua Letthonum subtilitas vel Ruthenorum ficta dolositas eos sicut antea defraudaret. Rudolpho eciam supradicto de Iericho medietatem castri concessit et fratribus milicie suam partem terciam asscripsit. Quibus ibidem relictis et omnibus bene dispositis, Rigam rediit. Letthi vero cum duobus exercitibus medio tempore Letthoniam intraverant, et quibusdam occisis, quibusdam captivatis, ad nostros in Kukenois redierunt, et cum episcopo et omnibus suis ad propria redierunt.

Erat in eodem tempore Wickbertus quidam inter fratres (2)
milicie, qui forte cor suum ad amorem seculi magis, quam ad religionis disciplinam, inclinaverat et inter fratres ipse discordias seminavit. Qui sancte conversationis abhorrens consortium et Christi miliciam dedignans, venit ad sacerdotem in Idumea, ibidem episcopi dicens se velle exspectare adventum et episcopo per omnia velle obedire. Fratres autem milicie, Bertholdus de Wenden cum quibusdam aliis fratribus ac servis, fratrem tanquam fugitivum persequentes, in Idumea comprehendunt, et in Wenden reducentes, in vincula proiecerunt. Qui audito adventu episcopi rogavit, ut absolveretur et Rigam redire permitteretur, promittens se episcopo et fratribus obedire. Fratres autem, gaudentes et post adversitatum incommoda, tanquam filium prodigum, fratrem suum resipiscere sperantes, honorifice Rigam remittunt et societati restituunt. Ille vero, tamquam Iudas inter fratres ad modicum tempus conversatus, sive tamquam lupus inter agnos, fraudis sue fictam conscientiam dissimulare nesciens, diem oportunum exspectabat, quando cordis sui maliciam adimpleret. Et factum est in die solempni, euntibus ceteris fratribus cum allis hominibus ad monasterium, ipse interim, convocato ad se magistro milicie et Iohanne sacerdote ipsorum, secreta sua eis aperire proponens, in superiori domo

sua subito bipenni, quam semper secum portare solebat, caput magistri tetigit et sacerdotem simul cum magistro in eodem loco trucidavit et interfecit. Et notum factum est aliis fratribus, et fugientem eum a domo in capellam persequuntur, et comprehensum eum [a] per civile iudicium, sicut meruerat, crudeli morte interemerunt. Et sepulto cum magno planctu fideli ac pio magistro suo Wennone cum sacerdote, non minus pium ac benignum et omnibus virtutibus repletum Volquinum in locum suum restituerunt. Hic [b] postea, sive presente sive absente episcopo, in omni expeditione exercitum domini ducendo atque regendo, preliabatur prelia domini cum leticia et egrediebatur et regrediebatur ad gentes in circuitu. Et adiuvabant eum omnes fratres eius, et auxilium et victoria domini semper erat cum eis.

(3) Mortuo [c] eciam in eodem anno Eggelberto, ecclesie beate Marie preposito, assumpsit episcopus de conventu Schetensi virum mansuetum, discretum et prudentem in omnibus viis suis, Iohannem, et in locum fratris sui, eiusdem venerabilis prepositi, substituit et ei ecclesiam beate Marie regendam commisit. Et cum esset de regula et ordine beati Augustini idem Iohannes et de albo habitu, qui vere mundiciam significat, episcopus, ad confirmationem eiusdem habitus, vestes et cappas nigras canonicorum eiusdem ecclesie in albas commutavit. Et cum adhuc essent timores paganorum intus et foris, idem conventus infra ambitum prime civitatis in ecclesia primo edificata habitavit; et post incendium eiusdem ecclesie et civitatis extra muros aput Dunam ecclesiam beate Marie edificare et ibidem habitare ceperunt. Peregrini vero eiusdem anni in muri exaltatione et in aliis, quibus deo ser-
(4) vire poterant, obedire parati erant. Et cum iam dies autumpnales appropinquarent, episcopus, semper ecclesiam Lyvonensem promovere ac defendere sollicitus, habito consilio cum discretioribus suis, qualiter ecclesiam novellam a Le-

---

[a] *Sic ZM; W. Arndt omittit* eum. [b] *Hic falso in Z lemma:* De interfectione magistri et de substitutione magistri Wolquini. [c] *Lemma in Z:* De morte prepositi primi Engelberti et substitutione Iohannis prepositi.

thonum et Ruthenorum insidiis liberaret, diligenter pertractavit. Et recordatus omnium malorum, que rex de Gercike cum Letonibus Rigensi civitati et Lyvonibus et Leththis intulerat, contra inimicos christiani nominis ire ad bellum deliberant. Erat namque rex Vissewalde de Gercike christiani nominis et maxime Latinorum semper inimicus. Qui filiam potentioris de Lethonia duxerat uxorem et, quasi unus ex eis, utpote gener ipsorum et eis omni familiaritate coniunctus, dux exercitus eorum frequenter existebat et transitum Dune eis et victualia ministrabat, tam euntibus in Ruciam, quam Lyvoniam et Estoniam. Erant eciam tunc Lethones in tantum omnibus gentibus in terris istis existetibus dominantes, tam christianis quam paganis, ut vix aliqui in villulis suis [a] habitare auderent, et maxime Lethti. Qui, relinquentes domos suas desertas, tenebrosa silvarum semper querebant latibula, nec sic quidem eos evadere potuerunt; nam insidiando eis omni tempore per silvas eos comprehenderunt et aliis occisis alios captivos in terram suam deduxerunt et omnia sua eis abstulerunt. Et fugerunt Rutheni per silvas et villas a facie Letonum licet paucorum, sicut fugiunt lepores ante faciem venatorum, et erant Lyvones et Lethti cibus et esca Lethonum, et quasi oves in fauce luporum, cum sint sine pastore. Misso [b] igitur pastore, liberavit deus oves suas Lyvones et Leththos iam baptizatos a faucibus luporum, episcopo videlicet Alberto, qui convocato exercitu de omnibus finibus Lyvonie et Leththie et cum Rigensibus et peregrinis et omni populo suo ascendit Dunam versus Kukennoys. Et cum esset Gercike semper in laqueum et quasi in dyabolum magnum omnibus in ipsa parte Dune habitantibus, baptizatis et non baptizatis, et esset rex de Gercike semper inimicicias et bella contra Rigenses exercens et pacis federa cum eis inire contempnens, episcopus exercitum suum convertit ad civitatem. Rutheni vero, videntes exercitum a longe venientem, ad portam civitatis occurrunt et, cum Theutho-

---

[a] *Sic Z; W. Arndt omittit* suis (*X*). [b] *Lemma in Z:* De expeditione contra regem de Gerceke.

nici eos armatis manibus impeterent et quosdam ex eis occiderent, ipsi, se defendere non valentes, fugierunt. Et Theuthonici eos insequentes portam cum ipsis intraverunt, et pre reverencia christiani nominis paucos occidentes, plures captivantes et per fugam evadere magis eos permittentes, mulieribus et parvulis, postquam civitatem ceperunt, parcentes, multos ex eis captivaverunt, et rege trans Dunam navigio fugiente cum pluribus aliis, regina capta est et episcopo presentata cum puellis et mulieribus et omni substancia sua. Sedit itaque die illo omnis exercitus in civitate, et collectis spoliis multis de omnibus angulis civitatis, tulerunt vestes et argentum et purpura et pecora multa et de ecclesiis campanas et yconias et cetera ornamenta et pecuniam et bona multa tollentes, secum asportaverunt, deum benedicentes eo, quod tam repente eis contulit victoriam de inimicis et aperuit civitatem absque lesione suorum. Sequenti [a] die, distractis omnibus, ad reditum se preparaverunt et civitatem incenderunt, et viso incendio rex ex altera parte Dune, suspiria magna trahendo et gemitibus magnis ululando exclamavit dicens: «O Gercike civitas dilecta! o hereditas patrum meorum! o inopinatum excidium gentis mee! ve michi! ut quid natus sum videre incendium civitatis mee, videre contritionem populi mei!»

Post hec episcopus et omnis exercitus, divisis inter se spoliis universis, cum regina et captivis omnibus reversi sunt in terram suam, et remandatum est regi, ut Rigam veniat, si saltem adhuc pacem habere et captivos recipere cupiat. At ille veniam veniens pro excessibus postulat, episcopum patrem appellat, omnes Latinos, quasi fratres conchristianos, suppliciter exorat, ut preteritorum malorum obliviscantur, ut pacem sibi tribuant et uxorem et captivos restituant, virgas acutissimas allegans ignem et gladium, quibus a Latinis castigatus fuerat. Tunc episcopus cum omnibus suis, regis supplicantis misertus, pacis formam ei proposuit dicens: «Si paganorum consorcia deinceps vitare volueris,

---

[a] *Lemma in Z*: De incensione Gerceke.

ita ut per eos ecclesiam nostram non destruas, simul et terram Ruthenorum tuorum christianorum per Letones non vastaveris, si regnum tuum ecclesie beate Marie perpetua donatione conferre volueris, ut a nostra tamen manu iterum recipias, et nobiscum iugi pacis conformitate congaudeas; tunc tandem tibi reginam cum omnibus captivis restituemus et fidele auxilium tibi semper prestabimus.» Hanc formam pacis rex accipiens promittit se deinceps ecclesie beate Marie semper esse fidelem, et paganorum consilia vitare et christianis adherere confirmat, et regnum suum eidem ecclesie conferens, a manu episcopi trium vexillorum sollempni porrectione recipit, et eum in patrem eligens, omnia Ruthenorum ac Lethonum consilia mala ei deinceps revelare se velle affirmat. Redditaque est ei regina cum captivis aliis, et reversus est letus in terram suam, et convocatis hominibus suis, qui evaserant, castrum suum reedificare cepit, et non minus postmodum Lethonum se consiliis intermiscens, promisse fidelitatis oblitus, paganos adversus Theuthonicos, qui erant in Kukenoys, sepius concitavit.

Post [a] hec finita pace, que facta erat cum Ungaunensi- (5)
bus, Bertoldus magister milicie in Wenden, vocato ad se Russino cum Lethtis suis nec non et aliis Lethtis de Autine, et cum Wendis suis ivit in Ungauniam, et invenerunt homines in villis suis, qui nondum ad castrum confugerant, et quamplures occiderunt in omnibus villis, ad quas venire potuerunt, et multis interfectis alios captivos duxerunt, et spolia multa acceperunt, et mulieres et puellas secum ducentes, vilals tanquam desertas reliquerunt, et facta cede magna et incendio ad propria redierunt. Audientes hoc Lyvones Thoredenses, qui infidelitatis sue consilia cum Estonibus adhuc semper habuerant occulta, indignati sunt, eo quod Bertoldus de Wenden cum Lettis bellum adversus Estones renovaret, et suggerebant episcopo, ut nuncios in Ungauniam pro pace destinaret. Et [b] misit episcopus Alebrandum sacer-

---

[a] *Lemma in Z*: De expeditione secunda in Ungauniam. [b] *In margine Z*: De pace facta.

dotem in Odempe, tam pro pace renovanda, quam pro mercatorum bonis requirendis. Et [a] audientes Estones de tota Ugaunia nuncios episcopi advenisse, convenerunt ad placitum, et aperiens Alebrandus os suum docebat eos de fide Christi. Quo audito, Estones cum lanceis et gladiis ad eum interficiendum concurrunt. Sed quidam ex senioribus, eum defendentes: «Si, inquiunt, hunc nuncium episcopi interfecerimus, quis nobis deinceps credet, aut nuncium mittet?» Et nolentes audire verba salutis, remiserunt Alebrandum episcopo et miserunt viros cum eis pro pace facienda. Et facta est pax cum Lyvonibus et Lethtis episcopi ex una parte Coiwe. Bertoldus vero de Wenden et Russinus cum suis Lethtis, pacem non recipientes, ad pugnam se preparaverunt.

(XIV) Annus [b] erat pontificis duodecimus, et siluit ecclesia die-
1210 bus paucis. Nam in[c] remeatione eiusdem pontificis cum peregrinis suis in Theuthoniam, relictis in Lyvonia viris suis cum quibusdam peregrinis, subito Curones, nominis Christi inimici, aput Sunde in littore maris cum octo pyraticis apparuerunt. Quod videntes peregrini de coggonibus exeunt, minores naves intrant, ad paganos accelerant, et minus provide festinantes unaqueque navis aliam antecedit, ut hostes prima attingat. Curones vero exoneratis primis partibus pyraticarum suarum eas in occursum venientibus extollunt duabusque simul ordinatis spacium inter singulas duas alias derelinquunt. Unde venientes peregrini cum duabus primis cymbis vel navibus minoribus, infra spacium idem pyraticarum involvuntur, et cum essent in minoribus navibus, hostes super se stantes ex alto attingere non valebant. Unde quibusdam ex eis lanceis inimicorum interfectis, quibusdam vero submersis et quibusdam vulneratis, alii ad coggones redeuntes evaserunt. Tunc Curones, colligentes corpora interfectorum, nudaverunt et vestimenta ac cetera spolia inter se diviserunt,

---

[a] *Habet Z pro lemmate hos (falso quidem loco positos) versus*: Annus pontificis decimus fuit atque secundus — Et siluit paucis Lyvonum terra diebus. [b] *Lemma in Z*: De anno duodecimo. [c] *Sic ZM*; *o* et; *T* ex Theuthonia rediens; *W. Arndt* ex remeatione.

quos[a] tamen cives de Gothlandia postea devote colligentes sepelierunt. Erant autem fere triginta milites et alii, qui ibidem interfecti sunt. Pontifex itaque luctum habebat super suos diebus aliquot, sciens, quia sit utilis persecutio pacienti, cum beati sint, qui persecutionem paciuntur propter iusticiam, eo quod vasa figuli probat fornax et viros iustos temptatio tribulationis.

Eodem[b] tempore rex magnus Nogardie simul et rex de Plicecowe cum omnibus Ruthenis suis venerunt cum exercitu magno in Ugauniam, et obsidentes castrum Odempe, pugnaverunt cum eis diebus octo, et cum esset in castro defectus aquarum et penuria ciborum, pecierunt pacem a Ruthenis; et dederunt pacem eis, et baptismate suo quosdam ex eis baptizaverunt, et acceperunt ab eis quadringentas marcas nogatarum, et recesserunt ab eis, et reversi sunt in terram suam, dicentes se sacerdotes suos eis missuros ad sacre regenerationis lavacrum consummandum; quod tamen postmodum neglexerunt, nam Ugaunenses postea sacerdotes Rigensium susceperunt et baptizati sunt ab eis et connumerati sunt cum Rigensibus. (2)

Post[c] annos aliquot venerunt Frisones cum peregrinis in supra dictam Gothlandie insulam, et invenerunt Curones ibidem cum magna rapina, et circumvenientes eos subito pugnaverunt cum eis, et occiderunt fere omnes, tollentes quatuor pyraticas cum omni preda, et ducentes secum Rigam, et oves infinitas, quas de terris christianis spoliaverant, abstulerunt eis et Rigam adduxerunt. Et facta est leticia magna de vindicta facta in Curonibus. (3)

Pontifex autem de laboribus continuis et de morte suorum licet plurimum esset contristatus, tamen iterum ad dominum confugiens, iter et negocium suum ipsi committens, in Theuthoniam revertitur, bonis ac deum timentibus dampna suorum conqueritur, per vicos et plateas, per civitates et (4)

---

[a] *Lemma in Z*: De quibusdam a Curonibus in Sunde interfectis.
[b] *Lemma in Z*: De expeditione prima Ruthenorum in Odenpe.
[c] *Lemma in Z*: De conspiratione Lyvonum perfidorum atque Curonum contra civitatem Rigam.

castra querens, quis se murum pro domo domini opponat, quis crucis signum sibi affigat, ut mare transeat, ut in Lyvoniam vadat ad consolationem paucorum, qui ibi remanserant. Et inventus est Yso Verdensis episcopus cum Philippo Raceburgensi episcopo nec non et Padelbornensis episcopus, qui se ad iter idem in sequentem annum cum militibus suis et cum multis aliis preparaverunt.

(5) Post [a] recessum pontificis et post conflictum Curonum cum peregrinis, audientes gentes omnes in circuitu aliquantos de peregrinis a Curonibus interfectos, miserunt in invicem nuncios, Lyvones primo ad Curones, Curones ad Estones nec non ad Lethones, Semigallos et Ruthenos, querentes omne consilium, qualiter Rigam delerent et Theuthonicos omnes dolo tenerent et occiderent. Existimantes autem Letones paucos in Kukenoyse remansisse, venerunt ad castrum cum exercitu magno, et invenientes Rodolfum de Iericho cum ceteris viris episcopi in castro, fortissime eos propugnaverunt. Contra quos exeuntes servi episcopi et Lethti de castro, plures ex eis lanceis suis, et balistarii de munitione nonnullos vulnerantes, interfecerunt; quorum infestationem ferre non valentes, Letones ab eis diverterunt. Tunc Lyvones quidam de Adia, iamdudum baptizati, perfidie sue felle repleti, abierunt in Curoniam, et commoventes universam terram contra Rigensem ecclesiam, collegerunt exercitum fortem et magnum, allegantes in civitate, prout rei veritas dictabat, paucissimos remansisse. Quod audientes cives exploratores in mare miserunt. Curones vero congregati cum omni exercitu suo, residentes in vicino quatuordecim diebus, auxilium deorum suorum et tempus oportunum sortibus suis requirebant. Exploratores interim nichil videntes reversi sunt. Tunc comes de Sladem Marquardus miles cum aliis peregrinis, qui in pascha remanserant, in Theuthoniam redire desiderantes, cum duo-
Iul. 13 bus coggonibus suis in Dunemunde descendunt, et paucis in navibus relictis in claustro nocte dormiunt; et apparente sequentis diei diluculo apparet totum mare quasi nube tene-

[a] *Lemma in Z*: De obsidione civitatis a Curonibus.

brosa perfusum. Unde illi, qui in navibus erant, videntes multitudinem paganorum et exercitum magnum super se venientem, quidam ad defendendum se preparant, quidam ad claustrum confugiunt. Pagani vero, sperantes civitatem absque ullius fame precursione repente capere, naves ipsas peregrinorum non impugnantes, ad civitatem velocissime remigant. Sed piscatores ex omni parte Dune eos videntes Rigam fugiunt, exercitum sequentem indicant. Cives autem et fratres milicie et balistarii, essent licet pauci, cum clericis et mulieribus omnes ad arma confugiunt, sonitu campane, que tantummodo tempore belli pulsabatur, populum convocant, et exeuntes obviam inimicis, in littore Dune plures ex eis balistis vulnerant. Et Curones, relinquentes naves suas in Duna, ordinaverunt exercitum suum in canpo, et portabat unusquisque tabulam ligneam ante se ex duobus asseribus compositam et clavam ad modum baculi pastoralis ad sustentaculum ipsius tabule. Et ut refulsit sol in tabulas albas, resplenduerunt aque et campi ab eis. Erat enim exercitus magnus et fortis et appropinquabat ad civitatem. Et Lyvones ac balistarii, occurrentes eis ad primam munitionem, que erat in campo ante portam civitatis, cum eis pugnaverunt usque ad horam diei terciam. Cives autem villam, que erat extra muros, incenderunt. Quidam eciam ex nostris, habentes aput se claviculos ferreos tridentes, proiecerunt eos in via, qua exercitus veniebat. Et cum de civibus quidam ad pugnam viriliter accederent et plures ex hostibus sub tabulis suis stantes occiderent, in reditu super claviculos ipsos ceciderunt, et quidam ex ipsis occisi sunt et alii ad nos evaserunt. Post hec ibat exercitus ad naves suas et facto prandio iterum ad bellum se preparabat, et cum audirent sonitum campane magne, dicebant se ab illo deo christianorum commedi atque consumi, et accedentes iterum ad civitatem, per totam diem pugnabant. Et cum exirent de tabulis suis ad comportationem lignorum ad incendium, plurimi ex eis a sagittariis ledebantur, et quicumque eorum a lapidibus machinarum aut a balistariis vulneratus cecidit, statim frater suus aut consocius suus absciso capite eum totaliter interfecit. Et cum

undique circumdedissent civitatem et ignem copiosum incendissent, venientes Holmenses in equis suis ad Montem Antiquum et gladiis suis hostibus comminantes, ad civitatem ex alia parte declinant. Quos videntes Curones a civitate recedunt, et collectis interfectis suis ad naves revertuntur, et transita Duna triduo quiescentes et mortuos suos cremantes fecerunt planctum super eos. Lyvones Thoredenses, audientes Rigam obsessam a Curonibus et civitatis eversionem desiderantes, collegerunt exercitum copiosum, ut veniret Curonibus in auxilium. Erant enim Lyvones quidam perfidi et Semigalli et alie gentes exspectantes eventum Curonum, ut omnes simul ad destructionem civitatis convenirent. Sed Holmenses eadem die, occisis Curonibus quibusdam in insulis et navibus ablatis, venerunt ad civitatem. Marquardus miles, rediens a Dunemunde, inter medios hostes civitatem intravit et postea societati fratrum milicie se coniunxit. Caupo cum omnibus cognatis et amicis suis et Lyvonibus fidelibus sequenti nocte in civitatem venit. Conradus de Ykescola cum Lyvonibus superioribus mane facto venit in canpum iuxta civitatem, et facto ludo magno in equis et armis suis, convenerunt ad eum omnes de civitate, et gaudium magnum factum est inter eos. Et processerunt ad Curones et vocaverunt eos ad pugnam, parati aut mori fortiter aut vincere. At illi de funeribus suorum magis solliciti, pacifice loquentes, post triduum recesserunt. Lyvones autem, qui huius traditionis rei extiterant, sine aliqua lesione suorum sponte deo et familie episcopi satisfecerunt et postmodum fideles esse promiserunt. Civitas vero, misericorditer hac vice per dei gratiam a paganis liberata, deo gratias referebat et diem beate Margarethe, in qua ab obsessione liberata est, deinceps celebrandam instituit infra civitatem. Bertoldus quoque de Wenden eodem tempore cum Lettis venerat de Ugaunia, pluribus villis incensis et multis paganis occisis incommoda plurima eis intulerat, et ipse quoque cum magna turba venit in auxilium Rigensibus, sed recedentibus Curonibus, unusquisque reversus est in terram suam.

Post[a] hec idem Bertoldus collegit exercitum, et ibant servi episcopi cum eo, Siffridus et Alexander et alii plures et Lyvones et Letti, et venientes in Ugauniam ad castrum Odempe, paucos in castro reperiunt. Unde castrenses, propter paucitatem suorum exterriti, Bertoldum verbis pacificis in castrum recipiunt. Servi episcopi cum Lyvonibus quibusdam, Bertoldum in castro receptum ignorantes, ex altera parte castrum ascendunt. Sequitur[b] eos totus exercitus, montis summitatem capiunt, arcem munitionis comprehendunt, fiunt potentes in castro, viros occidunt, mulieres capiunt, spolia multa rapiunt, et quidam per fugam evaserunt. Tunc diebus aliquot quiescentes ibidem, et divisa inter se rapina et castro incenso in Lyvoniam revertuntur. (6)

Lyvonensis[c] itaque ecclesia tunc in multis tribulationibus constituta, utpote in medio plurimarum nationum ac Ruthenorum adiacentium, qui omnes consilium fecerunt in unum, ut eam destruerent. Unde Rigenses decreverunt ad regem de Plosceke nuntios destinare, si forte cum eo aliquam formam pacis possent invenire. Et missus est Rodolfus de Iericho cum quibusdam aliis, ut irent in Ruciam. Et cum ap- (7)
(8)
propinquarent Wenden, ecce Estones cum exercitu magno venientes Wenden obsederunt. Et Rodolfus cum suis ad castrum illud evaserunt. Et pugnaverunt Estones cum Bertoldo et fratribus suis et Wendis diebus tribus ad antiquum castrum, in quo adhuc habitabant fratres cum Wendis. Et ceciderunt multi de Estonibus a balistariis vulnerati, similiter et ex Wendis lanceis inimicorum quidam sunt interfecti. Fecerunt namque Estones comportationes magnas lignorum, apponentes ignem ad incendendum castrum, et arbores magnas cum radicibus trahentes de silvis ad modum propugnaculi composuerunt aliis lignis firmantes et munientes, et desubtus preliantes, et desuper per ignem et fumum eos, qui in castro erant, multum infestabant. Et nisi breviati

---

[a] *Lemma in Z*: De expeditione tercia in Ugauniam. [b] *In margine Z*: De Odempe capto et incenso. [c] *Lemma in Z*: De expeditione Estonum contra Wendos et obsidione Wendorum.

fuissent dies belli, maiora utique mala intulissent, quia per negligenciam quorundam nec primo nec secundo die, sed tercio die obsidionis venerunt rumores Rigensibus, unde et ipsi surgentes quarto die venerunt in Sygewalde. Eodem [a] die Estones, audientes cum Caupone et amicis suis Lyvonum et Lettorum magnam congregationem convenisse, recesserunt a castro Wenden, et transeuntes Coiwam, aput stagnum, quod est in via Beverin, nocte dormientes quieverunt. Fratres autem de Wenden et Caupo cum Lyvonibus et Lettis mane sequentes, aput idem stagnum ad prandium se deposuerunt et exploratores et custodes exercitus premiserunt, quorum quidam reversi nunciaverunt Estones trans Ymeram fortissime fugientes. Et Lyvones et Letti verbis illorum nimium creduli ad persequendum illos festinanter acceleraverunt, dicentes se Rigensium nequaquam posse moram exspectare. Sed Caupo cum Theutonicis: «Exspectemus, inquit, fratres nostros, et tunc poterimus pugnare et assumptis alis nostris in altum volare». At [b] illi, spernentes et Theutonicorum magis interitum cupientes, persequuti sunt Estones, ordinantes tamen in prima acie Theuthonicos, ut ipsi post tergum sequentes et belli exitum considerantes, sive ad persequendum sive ad fugiendum sint paratiores. Et processerunt ad Ymeram, nescientes exercitum Estonum in silvis aput Ymeram latitantem, et subito viderunt omnem exercitum obvium sibi venientem. Tunc Arnoldus frater milicie sumpto vexillo: «Conveniamus, inquit, fratres Theuthonici, et videamus, si pugnare queamus, et non fugiamus ab eis, et non inferamus crimen genti nostre». Et accesserunt ad eos et occiderunt ex eis et pugnaverunt cum eis, et cecidit Bertoldus filius Cauponis, nec non et gener ipsius Wane, vir fortis et virtuosus, et quidam ex fratribus milicie, et servi episcopi Wichmannus et Alderus graviter vulnerati sunt. Lyvones [c] autem post tergum sequentes, ut viderunt multitudinem exercitus undique de silvis venientem, statim se

---

[a] *Lemma in Z*: De malwea Lyvonum. [b] *Lemma in Z*: De bello primo ad Ymeram. [c] *Lemma in Z*: De fuga Lyvonum.

ad fugam converterunt, et Theuthonici soli remanserunt. Quod videntes Theuthonici et paucitatem suorum considerantes, cum non essent tantummodo, nisi circiter viginti, ipsi se in unum conglobantes, directa via pugnando cum inimicis ad Coiwam redierunt. Rodolfus de Iericho lancea vulneratus in terram cecidit, quem Wigboldus Friso equo restituit, qui et ipse Friso velocitate equi confisus, modo fugiendo, modo ad inimicos redeundo et in strictis locis eos detinendo, multos liberavit. Estones [a] vero tam Theuthonicos quam Lyvones et Lettorum pedites a dextris et a sinistris fugientes persequebantur, et comprehensis ex eis fere centum, alios occiderunt, alios aput Ymeram reducentes crudeli martirio cruciaverunt. Erant enim ex eis quatuordecim, quorum alios vivos assaverunt, alios nudantes vestimentis suis et gladiis suis in dorsis eorum crucibus factis iugulaverunt et in martirum consorcium, ut speramus, in celum transmiserunt. Tunc Estones, reversi in terram suam et improperantes christianis, miserunt per omnes provincias Estonie, coniurantes et confederantes, ut essent cor unum et anima una contra nomen christianorum. Caupo itaque et Lyvones et Letti, reversi de prelio, planxerunt interfectos suos, tristes eo, quod nuper baptisati a paganis sint trucidati, et condolebat eis tota ecclesia, que tunc erat tamquam Arcturus, qui semper tunditur et nunquam frangitur, tamquam archa Noe, que magnis quidem fluctibus elevatur, sed non alliditur, navicula Petri, que undis quatitur, sed non submergitur, mulier, quam draco persequitur, sed non opprimit. Post hanc enim tribulationem secuta est consolatio, (9)
post tristiciam dedit deus leticiam. Nam missus est Arnoldus frater milicie cum sociis suis ad regem de Ploceke, si forte pacem recipiat et mercatoribus Rigensibus viam in terram suam aperiat. Qui benigno recipiens eos affectu et pacis tranquillitate congaudens, licet in dolo, misit cum eis Ludolfum, virum prudentem ac divitem de Smalenceke, ut Rigam veniens, que sunt iusta et pacifica, retractet. Qui postquam in

---

[a] *Lemma in Z*: De martyrio Lettorum ad Ymeram.

Rigam venerunt et regis voluntatem aperuerunt, placuit Rigensibus, et facta est pax perpetua tunc primo inter regem et Rigenses, ita tamen, ut Lyvones debitum tributum regi persolvant annuatim vel episcopus pro eis. Et gavisi sunt omnes, ut eo securius cum Estonibus et aliis gentibus bellare valeant. Quod et factum est.

(10) Adveniente [a] namque nativitatis dominice solempnitate et hyemis asperitate invalescente, mittunt seniores Rigensium per totam Lyvoniam et Lettiam [b] et per omnia castra Dune et Coiwe, ut veniant omnes et sint parati ad faciendam vindictam in Estonum nationibus; et pervenit verbum in Plescekowe, qui tunc erant nobiscum pacem habentes, et venit maxima turba Ruthenorum nostris in auxilium. Et venerunt seniores terre Russinus et Caupo, Ninnus simul et Dabrelus cum ceteris, et precedebant Rigenses et peregrinos, et sequebatur omnis exercitus in Metsepole. Et acceptis obsidibus a Lyvonibus, qui perfidi putabantur, processerunt ad mare; et directa via secus mare die ac nocte euntes, venerunt ad primam provinciam, que Sontagana vocatur; custodes quoque viarum videntes exercitum fugierunt, ut nunciarent suis. Sed, qui erant velociores in exercitu, simul cum exploratoribus villas intrantes, invenerunt fere omnes in villis et in domibus suis. Et divisit se exercitus per omnes vias ac villas, et interfecerunt populum multum in omnibus locis, et persequebantur eos in provinciis adiacentibus, et ceperunt ex eis mulieres et pueros, et convenerunt ad castrum. Sequenti die ac tertio circueuntes omnia vastaverunt et incenderunt, que invenerunt, et equos et pecora innumerabilia acceperunt. Erant enim boum et vaccarum quatuor milia, exceptis equis et aliis pecoribus et captivis, quorum non erat numerus. Multi eciam paganorum, qui in silvis et in glacie maris per fugam evaserunt, frigore congelati perierunt. Quarto die, captis castris tribus et incensis, exire ceperunt de terra cum universa rapina, et morose redeuntes equaliter inter se divi-

---

[a] *Lemma in Z*: De prima expeditione in Sontagana. [b] *Sic in Z; X* Lettiam et per totam provinciam, *quod recipit W. Arndt.*

serunt, et cum gaudio in Lyvoniam redierunt, et benedixerunt omnes dominum, qui dedit eis vindictam de inimicis; et de improperio conticuerunt Estones, quod Lyvonibus et Lettis prius de martyrio suorum improperaverunt. Sequenti[a] lunatione convenerunt iterum Lyvones ac Letti cum Rigensibus aput Astigerwe stagnum, et habentes obvium sibi exercitum Saccalanensium et Ugaunensium, processerunt ad eos, ut pugnarent cum eis. Sed illi dorsa vertentes fugerunt, et remansit unus ex eis, qui accedens ad nostros nunciavit exercitum alium magnum de maritimis provinciis eadem nocte via alia, que est iuxta mare, Lyvoniam intraturum. Quo audito, seniores Lyvonum, festinantes ad uxores et pueros suos, ut eos salvarent ab inimicis, reversi sunt unusquisque ad munitiones suas. Et confestim die crastino venerunt Estones, qui prius evaserant, de Sontagana et aliis provinciis circumiacentibus cum exercitu magno in Metsepole, et omni populo in castris exsistente ipsi villas vacuas et ecclesias incenderunt, et nequitias multas circa ecclesias et sepulchra mortuorum christianorum immolaticiis suis exercuerunt. Et convenerunt Rigenses in Thoreida ad persequendum eos, Bertoldus quoque de Wenden et Russinus cum omnibus Lettis ad Raupam. Quo audito, cicius exierunt de terra et conflictum christianorum non exspectaverunt. Tercia[b] lunatione preparaverunt se Rigenses ad obsidionem castri Viliende in Saccale, et convocaverunt Lyvones et Lethtos de omnibus finibus et castris, et penam non venientibus comminantes et terrorem incutientes, collegerunt exercitum fortem. Et ibat cum eis Eggelbertus gener episcopi, qui eodem anno procurabat advocaciam in Thoreida, cum fratribus milicie et peregrinis, et ibant in Sackala, ducentes secum machinam minorem sive paterellum et balistas et cetera instrumenta necessaria ad castri impugnationem.

Ian. ex. — Febr. ex.

(XV) 1211

Anno[c] incarnationis dominice 1210, presulis Alberti 13, facta est obsidio prima castri Viliende in Sackala a Theutho-

[a] *Lemma in Z*: Item de expeditione alia. [b] *Lemma in Z*: Item de expeditione in Sackalam. [c] *Lemma in Z*: De prima obsidione castri Viliende.

nicis et Lyvonibus et Lettis; et miserunt Theuthonici Lyvones et Lettos ad omnem provinciam circumiacentem despoliandam et pro victualibus et annona. Qui euntes per omnes villas, multos paganorum occiderunt et alios captivos ad castrum adduxerunt. Tunc Bertoldus de Wenden et Russinus cum aliis Lettis et senioribus cum aliis, acceptis captivis omnibus, accedentes vicinius ad castrum: «Si, inquit, renunciaveritis culture deorum vestrorum falsorum et nobiscum in deum verum credere volueritis, vobis captivos istos vivos restituemus, et vos in fraternitatis caritate nobiscum vinculo pacis colligabimus.» At illi deum ac nomen christianorum omnino audire dedignates, bellum magis comminantur, armis Theuthonicorum, que in primo conflictu in porta castri rapuerant, induuntur et in summitate castri gloriantur, ad pugnam se preparant et clamore suo exercitum subsannando irrident. Russinus autem et Letti comprehensis captivis omnibus et trucidatis in fossatum proiciunt et eis, qui in castro erant, id ipsum comminantur. Interim sagittarii multos interficiunt et omnes ad defensionem repellunt, alii propugnaculum edificant. Lyvones et Letti lignorum comportatione fossatum ab imo usque ad summum implent et propugnaculum superimpellunt. Letti cum balistariis desuper ascendunt, sagittis ac lanceis in munitione multos interficiunt, multos vulnerant, fit pugna maxima diebus quinque. Estones primam struem lignorum incendere nituntur, igne copioso de castro in vehiculis misso. Lyvones et Letti missa glacie et nive extingunt. Arnoldus, frater milicie, ibidem nocte et die laborans, tandem lapide proiectus in martirum consorcium transmigravit. Qui erat vir valde religiosus et semper orans, et quod oravit, hoc, sicut speramus, invenit. Theuthonici machinam instruentes nocte ac die lapidum iactatione loca munita confringunt, homines et iumenta infinita in castro interficiunt, quia Estones talia nunquam viderant, domos suas contra tales inpetus non firmaverant. Lyvones cum Lettis struem lignorum siccis lignis superadaugent usque ad plancas. Eylardus de Dolen desuper ascendit. Sequuntur Theuthonici in armis, plancas solvunt,

aliam munitionem de intus inveniunt, quam solvere non possunt. Castrenses desuper congregantur, lapidum atque lignorum iactibus Theuthonicos repellunt, qui descendentes ignem apponunt, castrum incendunt. Estones plancas ardentes et ligna munitionis incensa solvunt, distrahunt. Finito incendio in crastino omnia reponunt et ad defensionem residui se iterum confortant. Erant autem in castro multa cadavera interfectorum et defectus aquarum et fere omnes vulnerati, ut iam deficerent. Die sexto Theuthonici: «Numquit, inquiunt, resistitis adhuc et creatorem nostrum non agnoscitis»? Ad hoc [a] illi: «Cognoscimus deum vestrum maiorem diis nostris, qui nos superando animum nostrum ad ipsius culturam inclinavit. Unde rogamus, ut parcendo nobis, iugum christianitatis, sicut et Lyvonibus et Lettis, ita et nobis misericorditer imponatis.» Unde Theuthonici, evocatis senioribus de castro, omnia iura christianitatis eis proponunt et pacem et fraternam caritatem promittunt. Qui de pace nimium gaudentes eodem tempore cum Lyvonibus et Lettis, eodemque iure sacramenta baptismi recipere pollicentur. Unde, positis obsidibus et pace firmata, sacerdotes in castrum recipiunt, qui omnes domos et castrum et viros et mulieres cum omni populo aspergentes aqua benedicta et quodammodo iniciantes, ante baptismum cathezizantur, pre nimia sanguinis effusione adhuc baptismi sacramentum differentes. Hiis itaque peractis, reversus est exercitus in Lyvoniam, et de conversione gencium omnes glorificabant dominum.

Post [b] hec in paschali solempnitate mercatores, audientes omnia consilia Estonum et aliorum paganorum in circuitu, qualiter ante adventum episcopi et peregrinorum Lyvoniam et civitatem Rigensem destruere cogitabant, iter suum in Gothlandiam differebant, mercationes suas et negocia negligentes, et usque ad adventum peregrinorum cum omnibus navibus suis remanserunt. Interim [c] missi sunt nuncii in Estoniam Apr. 3

---

[a] *Sic ZT*; *W. Arndt* hec (*Mo*). [b] *Lemma in Z*: De fide Christi et pace recepta a Sackalanensibus. [c] *In margine Z*: De mercatoribus in Riga tempore belli remanentibus.

videre, quid a paganis agatur. Qui reversi bella nunciant, pacem secum referunt, consilia infidelium aperiunt. Et confestim surrexit Caupo et Bertoldus de Wenden cum suis ac servi episcopi, et ibant in Sackalanensem provinciam viciniorem, et incenderunt villas omnes, ad quas pertingere potuerunt, et occiderunt omnes viros, et mulieres captivas reduxerunt, et reversi sunt in Lyvoniam. Et [a] secuti sunt eos Saccalanenses et incenderunt omnes villas circa Astigerwe eciam et ipsi, et pervenerunt usque ad Ymeram, et occisis quibusdam Lettis mulieres et parvulos captivos duxerunt, et spolia secum detulerunt. Post [b] quos Lambito et Meme, seniores de Sackale, surgentes, cum alio exercitu transierunt Ymeram, et pervenerunt ad ecclesiam, et incenderunt eam, et omnia, que erant sacerdotis, devastantes, et per totam parrochiam pecora et spolia multa colligentes, et homines, quos rapuerunt, occidentes, mulieres et parvulos et puellas captivas deduxerunt, et facta est tribulatio magna in omni confinio Lyvonie. Nam Saccalanenses et Ugaunenses Lettos impugnabant, Rotalienses [c] et maritime provincie Lyvones episcopi in Metsepole et in Lethegore tribus exercitibus impetebant, ita ut unus exercitus alium sequeretur, et alii redeuntes et alii venientes requiem non darent Lyvonibus die ac nocte, sed persequentes eos tam in latibulis silvarum, quam in stangnis et in agris occiderent eos, et mulieres captivarent, et equos et pecora minantes spolia multa asportarent, et pauci ex eis superstites remanerent, et humiliavit deus perfidiam ipsorum in magna parte eodem tempore, ut deinceps fideliores efficerentur. Osilienses pyraticis suis Coiwam intrantes et in Thoreydam ascendentes, parrochiam in Cubbesele totaliter devastaverunt, et omnem provinciam in circuitu despoliantes, alios occiderunt et alios captivos deduxerunt, et alii ex eis fugientes Rigam evaserunt et contra impetum paganorum auxilium postulabant. Rigenses autem, civitatem diligenti custodia servantes et traditio-

---

[a] *In margine Z*: De expeditione in Saccalam. [b] *Lemma in Z*: De diversis expeditionibus Saccalanensium ad Lettos. [c] *Lemma in Z*: De bellis Rotaliensium.

nem quorundam perfidorum timentes, adventum episcopi et peregrinorum exspectabant.

Episcopus autem, eodem anno cum Wolquino magistro fratrum milicie Romam veniens, a summo pontifice benignissime receptus est, et super divisione Lyvonie ac Lettie privilegia recipiens, et super predicatione in remissionem peccatorum auctoritatem renovatam accipiens, cum gaudio reversus est. Et missis rescriptis privilegiorum per Prusciam, in Lyvonia omnem populum non modicum letificavit, ut cum lacrimis nunciantibus occurrerent, eo quod post bellorum multa incommoda consolationem etiam summi pontificis acciperent. (2)

Annus [a] erat presulis tercius decimus, et non quievit ecclesia a bellis. Redeunte itaque episcopo de Theuthonia, venerunt cum eo tres episcopi, Philippus Raceburgensis, Yso Verdensis et Pathelborniensis episcopus, Helmoldus de Plesse, Bernardus de Lippia et alii nobiles et peregrini quam plures, quorum adventus omnibus erat desiderabilis, ut liberaret sedentes in periculis. Letti [b] ergo gavisi de adventu peregrinorum conveniunt ad Ymeram, et procedentes cum paucis, obvium habent exercitum magnum paganorum, et videntes multitudinem eorum, conversi sunt in fugam. Quos persequentes Estones et aliquos ex eis occidentes, sequuntur ad Ymeram, et tota nocte euntes, mane veniunt ad Raupam, et ecclesiam incendentes et ecclesie dotem et omnem provinciam circueuntes, villas et domos flammis tradunt, viros occidunt, mulieres et parvulos de latibulis silvarum extrahentes, captivos ducunt. Audientes [c] hec Rigenses cum peregrinis exeunt, in Thoreydam veniunt. Sed pagani, adventum eorum verentes, post triduum cum omni rapina sua velociter in terram suam revertuntur, et Caupo, cum quibusdam Theuthonicis et aliis sequens in Saccalam, villas multas et castra Owele et Purke incendit et tollens spolia multa viros multos occidit et mulieres cum parvulis captivos abducit.

---

[a] *Lemma in Z*: De anno XIII°. De concordia facta cum fratribus milicie. [b] *Lemma in Z*: De expeditione Estonum ad Ydumee. [c] *Lemma in Z*: De expeditione Cauponis in Sackalam.

(3) Interim [a] Osilienses et Revelenses et Rotalienses convocant exercitum magnum et fortem de omnibus provinciis maritimis adiacentibus, et erant cum eis omnes seniores de Osilia et Rotalia et de universa Estonia, habentes multa milia equitum et plura milia navigio veniencium, in Lyvoniamque procedunt. Et equites cum peditibus suis in Metsepole venientes, Thoreidam festinant, alii trans mare venientes pyraticis suis Coiwam ascendunt, et uno die simul cum equitibus iuxta castrum magnum Cauponis, quod Lyvones tunc propter metum paganorum inhabitabant, omnes conveniunt, et obsidentes eos undique in circuitu, equites in anteriori parte castri, alii in posteriori iuxta pyraticas suas ad flumen resident. Et occurrunt eis balistarii in campum, qui a Riga missi castrum cum Lyvonibus custodiebant, et multos ex eis vulnerant, multos interficiunt, utpote inermes, qui non habent consuetudinem armorum in tantum, quantum alie gentes. Post hec Estones per provinciam mittunt ex suis forcioribus ad despoliandam terram, qui incendentes villas et ecclesias et ex Lyvonibus comprehensos occidunt, alios captivos ducunt, et spolia multa tollentes, et boves et alia pecora in conventum suorum compellunt, et mactantes boves et pecora diisque suis immolantes, favorem ipsorum requirunt. Sed caro percussa, cadens in partem sinistram, deorum offensam et omen indicat sinistrum. Ipsi tamen ab incepto non desistentes, castrenses impugnant, lignorum strues faciunt, montem castri fodiunt, ibidem se magetac, id est manere in perpetuum, promittunt, donec aut castrum destruant aut Lyvones ad suum consensum emolliant, ut eodem itinere secum ad destruendam Rigam vadant. Et ait Lyvo de castro: «Maga magamas», id est: «Iacebis hic in eternum». Fratres ergo milicie in Sygewalde, videntes omnia, que pagani faciebant, Rigensibus significant auxiliumque peregrinorum postulant. Supervenientes nuncii Lyvonum in castro obsessorum omnes miserias, quas a paganis passi sunt Lyvones et Letti,

[a] *Lemma in Z*: De expeditione magna Rotaliensium et Revelensium et Osiliensium in Thoreydam.

lacrimabiliter insinuant, episcopis supplicant, ut missis viris suis ecclesiam suam liberent. Confestim episcopi milites suos hortantes, peregrinis et omni populo in remissionem peccatorum iniungunt, ut fratribus suis Lyvonibus subveniant et vindictam faciant, deo donante, in Estonum nationibus. Et surrexerunt fratres milicie cum peregrinis, et Helmoldus de Plesse et milites, induentes arma sua [a] et equos suos phalerantes cum peditibus suis et Lyvonibus et omni comitatu suo proficiscuntur ad Coiwam, et transeuntes Coiwam et procedentes nocte paganis iam appropinquant, et ordinantes exercitum eumque ad bella docentes, pedites via magna, que est ad Wendeculla [b] premittunt; equites vero via, que est ad dexteram, subsequuntur. Et ibant pedites caute et ordinate, et mane facto descendentes de monte, vident castrum et exercitum paganorum, et vallis erat inter eos. Et statim percusso tympano leticie cum instrumentis musicis et cantu suo virorum animos exhilarantes deique clemenciam super se invocantes, festinanter ad paganos accelerant et transito rivulo ad colligendum se in unum modicum subsistunt. Quo viso pagani, rebus certis territi, currunt, clippeos apprehendunt, alii ad equos properant, alii sepem transsiliunt, simul in unum conveniunt, clamoribus suis aerem turbant, in multitudine magna christianis occurrunt, lanceas super eos, tamquam ymbres, mittunt. Christiani lanceas clippeis suis excipiunt, quibus exhaustis gladios arripiunt, propius accedunt, bellum committunt, cadunt vulnerati, pugnant viriliter pagani. Quorum fortitudinem videntes, milites per medios hostes confestim irruunt, equis suis phaleratis timorem eis incuciunt, ad terram multos prosternunt, alios in fugam convertunt, fugientes persequuntur, per viam et per agros comprehensos interficiunt. Lyvones de castro cum balistariis fugientibus paganis occurrunt, ventilantes eos per viam et includentes in medio et occiden-

---

[a] *Sic M et W. Arndt*; *o* induentes se armis suis; *Z* induentes se (*correctum vocibus* arma sua *additis*). [b] *Sic ZM* (*M* Wendecula) *et W. Arndt*; *o* Wendeculam.

tes usque ad Theuthonicos, in tantum persequuti sunt, ut pauci ex eis evaderent, et ut Theuthonici eciam quosdam ex Lyvonibus similes Estonibus interficerent; quidam vero ex eis, alia via, que est circa castrum versus Coiwam, fugientes, ad aliam partem exercitus sui venientes evadunt. Sed plures ex eis in montis descensione a militibus persequentibus occiduntur. Ubi Everhardus frater milicie interficitur, et quidam ex militibus nostris vulnerantur. Interim alia pars exercitus videns interitum suorum, in monte, qui est inter castrum et Coiwam, congregatur et ad defensionem se preparant. Lyvones vero et pedites christianorum ad spolia currunt, equos diripiunt, quorum erant ibi multa milia, bellum ad paganos residuos negligunt. Sed milites et balistarii inpugnantes eos in monte sedentes, multos ex eis interficiunt. Unde ipsi petentes pacem, baptismi sacramenta se recepturos promittunt. Quorum verbis milites credentes verbum episcopis significant, ut ad ipsos recipiendos veniant. Ipsi vero nocte in pyraticas suas confugiunt et ad mare descendere cupiunt, sed balistarii ex omni parte Coiwe descensum eorum impediunt. Alii peregrini, cum Bernardo de Lippia de Riga venientes ad Coiwam, pontem in flumine faciunt, stucturas lignorum desuper edificant, venientes pyraticas sagittis et lanceis excipiunt, via fugiendi paganis undique precluditur. Unde tacito noctis sequentis silencio, relictis omnibus suis, clam de pyraticis suis exeuntes effugerunt, et quidam in silvis, quidam secus viam fame perierunt, et pauci ex eis in terram suam, ut verbum domi nunciarent, evaserunt. Erant autem equorum ibidem acquisitorum fere duo milia simul et virorum interfectorum alia duo milia. Peregrini et omnes, qui bello interfuerunt, Rigam redeuntes et pyraticas paganorum secum ducentes fere trecentas preter minores naves, equos et spolia omnia equaliter inter se diviserunt, ecclesiis partes donantes et cum episcopis et omni populo deum collaudantes, qui in adventu primo plurimorum episcoporum tam gloriosum de paganis triumphum concessit. Tunc enim ecclesia Lyvonensis deum vere pugnare pro se intellexit, eo quod in eodem bello caput Estonie cecidit, id

est seniores Osilie et seniores Rotalie et aliarum provinciarum, qui ibidem omnes interfecti sunt. Et ita quiescere fecit dominus superbiam eorum et arroganciam forcium humiliavit.

(4) Episcopus[a] igitur Lyvonensis accepta a summo pontifice auctoritate in transmarinis terris, quas deus per Lyvonensem ecclesiam fidei subiceret christiane, vice archiepiscopi episcopos creandi et consecrandi, Theodericum abbatem Cysterciensis ordinis in Dunemunde sibi cooperatorem continui laboris[b] assumpsit, et in Estonia promittens episcopatum, eum in episcopum consecravit; Bernardum[c] vero de Lippia in abbatem consecravit. Idem Bernardus comes, dum quondam in terra sua prelia multa et incendia et rapinas committeret, a deo castigatus plagam debilitatis in pedibus incurrit, ut claudus utroque pede in sporta multis diebus portaretur. Unde compunctus, religionem Cysterciensis ordinis assumpsit, et aliquot annis religionem discens et literas, auctoritatem a domno papa verbum dei predicandi et in Lyvoniam proficiscendi accepit, et, ut ipse sepius retulit, accepta cruce ad terram beate virginis statim consolidate sunt plante eius et recepit sanitatem pedum, et in primo adventu eius in Lyvoniam in Dunemunde consecratus est in abbatem, et postmodum Semigallorum episopus effectus est.

(5) Lyvones[d] quoque, post bellorum multa incommoda tam de adventu episcoporum, quam de victoria inimicorum suorum letificati, conveniunt de Duna et de Thoreyda et omnibus finibus Lyvonie, supplicantes episcopis et petentes iura christianorum et maxime decimam sibi alleviari, promittentes tam in bellis contra paganos, quam in omnibus causis christianitatis perpetuam fidelitatem. Quorum verbis annuentes episcopi suggerunt episcopo Rigensi, quatinus voluntati eorum satisfaciat, ut eos sibi fideles semper acquirat. At ille, paterna pietate suos fovere desiderans et etiam fortia bella gencium in circuitu imminencia considerans, pro decima mensuram

---

[a] *Lemma in Z:* De consecratione Thiderici abbatis in episcopum.
[b] *Sic ZM; W. Arndt* sui laboris (*o*).
[c] *Lemma in Z:* De ordinatione comitis Bernardi in abbatem.
[d] *Lemma in Z:* De mensura statuta pro decima.

quandam modii, qui esset decem et octo digitorum, de quolibet equo annuatim solvendam ad petitionem ipsorum instituit et quatuor episcoporum privilegiis sigillando confirmavit, ita tamen ut, si quando fidelitatis sue obliti, infidelium se consiliis inmisceant et ritibus paganorum baptismi sui sacramentum inficiant, ad decimas solvendas et cetera iura christianitatis deinceps integraliter teneantur.

(6) Hiis itaque dispositis presul Albertus, relictis tribus episcopis in Lyvonia et quarto tunc consecrato vice sua commissa, rediit in Theuthoniam pro peregrinis et, que necessaria erant in futurum annum, colligendis, ne quando cessantibus peregrinis magis periclitetur ecclesia Lyvonensis.

(7) Saccalanenses [a] interim et Ugaunenses adhuc sani et incolumes, exercitum magnum convocant, et Lettorum provincias intrantes et per silvarum latibula ipsos exagitantes, plures ex cognatis et amicis Russini comprehendentes interficiunt, et in Tricatua Thalibaldum et provincias circumiacentes despoliantes, iuxta castrum Beverin congregantur. Et obsidentes castrum et pugnantes per totam diem cum Lettis et ignem copiosum conportantes, tandem: «Numquid, inquiunt, obliti estis interfectorum vestrorum ad Ymeram, ut adhuc pro pace facienda nobis non supplicetis?» At illi: «Numquid non estis et vos iam memores seniorum vestrorum et innumerabilium aput Thoreydam interfectorum, ut nobiscum unum deum credatis, et baptismum cum pace perpetua recipiatis?» Quo audito indignati sunt, et divertentes de castro cum rapina, celeriter in terram suam redierunt. Lettorum [b] vero de Beverin seniores, Dote et Paike, euntes Rigam, contra Saccalanenses suppliciter auxilium postulabant. Et surgentes peregrini cum fratribus milicie, et Theodericus frater episcopi, et Caupo cum Lyvonibus universis, et Bertoldus de Wenden cum Lettis, et congregantes exercitum magnum, in Metsepole processerunt ad mare, et ibant itinere trium dierum iuxta mare, et post hec convertentes se

---

[a] *Lemma in Z*: De secunda obsidione castri Beverin. [b] *Lemma in Z*: De expeditione iuxta mare quod dicitur profundum in Sackalam.

versus provinciam Saccalanensium, profecti sunt tribus diebus per silvas et paludes via pessima, et defecerunt equi eorum in via, et ceciderunt fere centum ex eis et mortui sunt, et tandem septimo die pervenerunt ad villas, et diviserunt se per omnem terram, et viros, quos invenerunt, interfecerunt, et universos parvulos et iuvenculas capientes, et equos et pecora ad villam Lambite [a], ubi fuerat maia, id est collectio eorum, compulerunt, et sequenti die miserunt Lyvones et Lettos per tenebrosa nemorum latibula, ubi se abscondentes latebant Estones, et invenerunt quam plures viros et mulieres, et extrahentes eos de silvis cum omni substantia, et viros interficientes, cetera ad maias assportaverunt. Et ibant duo Letti, Dote et Paike, in villam, et repente irruerunt super eos novem Estones et pugnabant cum eis per totam diem, et Letti, plures ex eis vulnerantes et interficientes, tandem et ipsi ceciderunt. Die tercio forciores de exercitu, transeuntes Palam flumen, despoliaverunt totam provinciam illam, que dicitur Nurmegunde, et incendentes villas omnes et viros occidentes, mulieres et equos et pecora tulerunt et usque in Gerwiam pervenerunt. Nocte revertentes et ludum cum clamore magno et clypeorum percussione facientes, sequenti die castrum incenderunt, et alia via redeuntes et omnem rapinam equaliter inter se dividentes, cum gaudio reversi sunt in Lyvoniam. Et [b] facta est pestilencia magna per universam Lyvoniam, et ceperunt homines egrotare et mori, et mortua est maxima pars populi, incipiens a Thoreyda, ubi cadavera paganorum iacebant inhumata, usque in 'Methsepole, et sic in Ydumeam usque ad Lettos et Wenden, et mortui sunt seniores, qui dicebantur [c] Dabrelus et Ninnus, et alii multi. Similiter in Saccala et in [d] Ugaunia facta est plaga mortis magne et in aliis terminis Estonie, et multi, qui gladiorum percussionem fugientes evaserunt, amare mortis pestem evadere non potuerunt. Letti [e] autem iterum

---

[a] *Sic Z*; *Mo* Lembite; *W. Arndt* Lambiti. [b] *Lemma in Z*: De pestilencia. [c] *Sic Mo*; *Z* et dicebantur. [d] *Sic ZX*; *W. Arndt omittit* in. [e] *Lemma in Z*: De diversis expeditionibus Lettorum in Ugauniam.

Bevernenses [a] euntes in Ugauniam cum paucis, Estones pro victualibus ad villas redeuntes compehenderunt, quicquid masculini sexus erat occiderunt, mulieribus pepercerunt et secum deduxerunt, spolia multa tulerunt. Et domi redeuntibus per viam alii Letti occurrerunt, iterum in Ugauniam euntes; quod illi reliquerunt, isti tollunt; quod illi neglexerunt, isti restaurant; qui ab illis evaserunt, ab istis occiduntur; ad provincias et villas, ad quas illi non pervenerunt, isti subsequuntur et rapientes spolia multa et captivos revertuntur. Et revertentibus illis per viam iterum alii Letti occurrunt, et euntes in Ugauniam, quidquid a prioribus minus pleno actum est, ab hiis integraliter suppletur. Nam viros omnes, quos comprehendunt, interficiunt, divitibus et senioribus non parcunt, sed omnes in ore gladii condempnant. Russinus autem, sicut et alii in ultionem amicorum suorum, omnes, quos comprehendit, alios vivos assavit, alios alia crudeli morte interfecit. Redeuntibus quoque illis in castra sua, iterum alii Letti de Beverin, surgentes cum paucis et transeuntes per nemora in Saccalanensem provinciam, que Aliste vocatur, et invenientes omnes in domibus suis, percusserunt eos a magno usque ad minorem, et [b] interficientes multos ex eis, mulieres et equos et pecora tulerunt et inter se cum omni rapina diviserunt. Unde territi Alistegunde simul et alii Saccalanenses miserunt nuncios suos in Rigam et positis pueris suis obsidibus pacem receperunt, simul et baptismi sacramentum accepturos se promittunt. Theodericus [c] quoque frater episcopi cum servis suis et Bertoldus de Wenden, colligentes exercitum, hyeme iam redeunte vadunt in Ugauniam, et invenientes totam terram a Lettis vastatam et castrum Tharbatense desertum, a Lettis eciam quondam incensum, transeunt flumen, quod dicitur Mater aquarum, et intrantes villas et paucos invenientes, procedunt ad silvas, ubi in nemore densissimo pagani indaginem quandam fecerant et arbores magnas circumquaque succiderant, ut veniente exercitu se et bona sua

---

[a] *Sic ZoM; W. Arndt* Bevernenses iterum. [b] *In margine Z:* De expeditione in Aliste. [c] *Lemma in Z:* De expeditione trans flumen.

ibi salvarent. Appropinquante [a] igitur exercitu christianorum,
audacter occurrunt, et diutissime se defendentes propter
difficultatem vie, tandem multitudini resistere non valentes,
dorsa vertunt et silvas petunt. Sed alii fugientes persequuntur
et comprehensos interficiunt, mulieres et parvulos captivos
duxerunt, equos et pecora multa depellunt, bona multa diri-
piunt. Nam de tota illa provincia ibi confugerant et bona
sua omnia secum habebant. Et divisis spoliis omnibus inter
se, cum captivis in Lyvoniam redierunt. Celebrata [b] vero
dominice nativitatis solempnitate, cum frigoris instat asperi- Dec. 25
tas et viarum congelantur profunditates, mittentes episcopi
per omnia castra Lyvonie et per omnes provincias Lettorum,
ut veniant cum Theuthonicis in expeditionem, et mittentes
milites suos cum peregrinis et fratribus milicie, collectionem
exercitus aput castrum Beverin statuerunt. Et ibat episcopus 1212
Theodericus Estiensis cum eis et celebrata epyphania domini Ian. 6
processerunt in Ugauniam, et erant circiter quatuor milia
Theuthonicorum peditum simul et equitum, et Lyvonum et
Lettorum alia totidem. Et ibant in provinciam Tharbiten,
et transeuntes Matrem aquarum, venerunt ad indaginem,
quam ante christiani destruxerant, et quiescentibus ibi pere-
grinis, Lyvones et Letti et, qui erant velociores de exercitu,
processerunt in Waigam, et despoliantes totam provinciam,
aput castellum Somelinde se congregaverunt. Sequenti die
venerunt ad suos in Waiga, et quiescentes tribus diebus, totam
terram in circuitu despoliaverunt, et domos et villas flam-
mis tradiderunt, et multos capientes, multos interficientes,
spolia multa tulerunt. Et quarto die procedentes in Gerwam,
diviserunt exercitum per omnes provincias ac villas [c]
et multos de paganis comprehendentes occiderunt, et
mulieres et parvulos captivos duxerunt, et pecora multa
et equos et spolia rapientes, et in villa, que Carethen voca-
tur, congregationem suam habentes, omnia, que in circuitu

---

[a] *Lemma in Z:* De indagine paganorum capta. [b] *Lemma in Z:* De expeditione magna prima in Gervam. [c] *In Z sequitur* et domos *delineatum; quod in Mo abest, sed a W. Arndt receptum est.*

erant, incendio vastaverunt. Erat autem tunc villa Carethen pulcherrima et magna et populosa, sicut omnes ville in Gerwen et in tota Estonia fuerunt, que postmodum omnes sepius a nostris vastate et incense sunt. Post triduum revertentes cum omni rapina, villas ac provincias adiacentes incenderunt, Mocham videlicet ac Normegundam, et sic tandem ad stagnum, quod Worcegerrewe vocatur, devenerunt, et in glacie euntes, in Lyvoniam cum gaudio redierunt.

(8) Audiens [a] itaque rex magnus Nogardie Mysteslawe exercitum Theuthonicorum in Estonia, surrexit et ipse cum quindecim milibus virorum et abiit in Waygam, et de Wayga processit in Gerwam, et non inventis Theuthonicis, progressus est in Harien, et obsedit castrum Warbole, et pugnavit cum eis per dies aliquot, et promiserunt ei castrenses, ut recederet, septingentas marcas nagatarum, et reversus est in terram suam.

(9) Post [b] reditum vero Theuthonicorum ab expeditione in Rigam misit episcopus Estiensis sacerdotem suum Salomonem in Saccalam, ut eis predicationis verbum ministraret et baptismi sacramentum, quod iam dudum se voverant recepturos, celebraret. Et venit in castrum Viliende, et receptus est a quibusdam, salutatusque est salutatione oris et non cordis, qualiter Iudas dominum salutavit. Et predicans eis verbum salutis, quosdam ex eis baptizavit. Sed Saccalanenses et Ugaunenses, audientes exercitum Ruthenorum in Estonia, congregaverunt exercitum de omnibus provinciis suis. Salomon ergo sacerdos, ut audivit congregationem ipsorum, divertit a castro cum suis et cogitavit redire in Lyvoniam.

(10) Lembito [c] vero de Saccala assumpta turba Estonum persequutus est sacerdotem et inventum nocte interfecit et Theodericum et Philippum interpretes suos cum quibusdam aliis, qui omnes pro fide Christi occubuerunt et in martyrum, ut speramus, consorcium transmigraverunt. Erat autem

---

[a] *Lemma in Z*: De expeditione Ruthenorum. [b] *Lemma in Z*: De missione sacerdotis Salomonis in Sackalam. [c] *Lemma in Z*: De sacerdotis interfectione sociorumque eius.

Philippus idem de gente Lettonum et in curia episcopi enu-
tritus et adeo fidelis effectus, ut interpres ad ceteras gentes
docendas mitteretur, et sicut martyrii particeps factus est,
sic et beatitudinis eterne compos fieri meruit. Lembito vero
post interfectionem istorum reversus est ad exercitum suum,
et Ruthenis existentibus in Estonia, ipsi interim in Rusciam
abierunt et, intrantes civitatem Plicekowe, ceperunt occi- Febr. 22
dere de populo, et facto strepitu quodam cum clamore a
Ruthenis, ipsi repente cum spoliis et cum captivis quibus-
dam fugientes redierunt in Ungauniam, et Rutheni reversi
invenerunt civitatem suam despoliatam.

Tunc [a] Lyvones et Letti et Estones propter pestilenciam (11)
et famem, que indurabant super eos, bellorum incommoda
fastidientes, miserunt nuncios in invicem et exclusis Rigen-
sibus fecerunt pacem, et cessantibus bellis confestim fames
hominumque cessavit mortalitas.

Post [b] hec, resoluta glacie maris et Dune, reversi sunt in (12)
Theuthoniam episcopus Verdensis et Pathelbornensis [c] cum
peregrinis suis, et remansit in Riga Philippus Raceburgensis
episcopus, qui inter summos fuerat in curia imperatoris Ottonis,
et cum sententia excommunicationis contra eum lata fuisset,
ipse ob vitandam presenciam ipsius usque in quartum annum
in Lyvonia peregrinatus est. Post quorum discessum Rutheni (13)
de Plocekowe indignati sunt contra Woldemarum regulum Febr.
suum, eo quod filiam suam fratri episcopi de Riga tradiderit
uxorem, expulerunt eum de civitate cum familia sua. Qui,
confugiens ad regem de Plosceke, parvam ab eo consolatio-
nem accepit, unde Rigam descendens cum viris suis, a genero
suo et familia episcopi honorifice susceptus est.

Annus [d] erat dominice incarnationis millesimus ducen- (XVI)
tesimus duodecimus et antistitis quartus decimus, de cuius 1212
adventu cum peregrinis gaudebat ecclesia Lyvonensis. Et
occurrerunt ei omnes una cum rege Woldemaro, excipientes

---

[a] *Lemma in Z*: De pace iterum facta cum Estonibus. [b] *Lemma in Z*: De reversione episcoporum in Theuthoniam. [c] *Sic ZX*; *W. Arndt* episcopus Pathelbornensis. [d] *Lemma in Z*: De anno XIIII°.

eum cum dei laudibus, et dedit episcopus regi benedictionem et munera in caritate de omnibus, que adduxerat de Theuthonia, et pietatis studio sufficienter in omnibus ipsi fecit ministrari. Estones [a] vero de omnibus maritimis provinciis convenerant cum exercitu magno, et residebant in Coiwemunde, habentes secum Isfridum, nuncium Rigensium, quem, audito episcopi et peregrinorum adventu, diversis penis cruciatum in Rigam remiserunt. Et ipsi fugientes in terram suam redierunt. Unde Lyvones et Letti, missis nunciis in Estoniam, de pace, quam inter se fecerant, renovanda suaserunt. Et gavisi sunt Estones et remiserunt cum eis viros suos in Thoreydam, et vocatus est episcopus cum fratribus milicie et senioribus de Riga, et convenerunt cum nunciis Estonum requirentes, que iusta sunt et que tantorum sit causa bellorum. Et post multas verborum contentiones tandem facta est pax ad tres annos per omnia, relictis tamen Saccalanensibus usque ad fluvium Palam in episcopi et Theuthonicorum potestate, ut, qui datis obsidibus fidem se christianam accipere promiserunt, integraliter iure baptismatis suscepto gaudeant et christianitatis. Unde facta pace cum Estonibus cessavit tam in Riga, quam in Lyvonia et Estonia hominum mortalitas, non tamen quievit a bellis. Nam Lyvones quidam perfidi, qui erant adhuc filii sanguinarii, lacerantes ubera matris ecclesie, querebant, omne consilium, qualiter fratres milicie, qui erant in Sygewalde, dolo tenerent et defraudarent, ut ipsis eiectis de terra facilius familiam episcopi cum aliis Theuthonicis expellerent.

(2) Rex [b] interim de Plosceke mittens vocavit episcopum, diem prefigens et locum, ut ad presenciam ipsius aput Gercike de Lyvonibus quondam sibi tributariis responsurus veniat, ut et sibi colloquentes viam mercatoribus in Duna prepararent securam et pacem renovantes facilius Letonibus resistere queant. Episcopus vero, assumptis secum viris

---

[a] *Lemma in Z*: De expeditione Estonum in Coywemunde et de pace renovata usque in tercium annum. [b] *Lemma in Z*: De conventione regis de Plosceke cum episcopo Rigensi et pacis renovatione.

suis et rege Woldemaro cum fratribus milicie et senioribus Lyvonum et Lettorum, ascendit in obviam regi, et ibant cum eo mercatores in navibus suis, et induerunt se omnes armis suis, precaventes insidias Letonum ex omni parte Dune. Et venientes ad regem, ceperunt ea, que iusticia dictabat, cum eo retractare. Rex vero modo blandiciis, modo minarum asperitatibus episcopum conveniens, ut a Lyvonum baptismate cessaret, rogavit, affirmans in sua esse potestate servos suos Lyvones vel baptizare vel non baptizatos relinquere. Est enim consuetudo regum Ruthenorum, ut quamcunque gentem expugnaverint, non fidei christiane subicere, sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subiugare. Sed episcopus magis deo obediendum iudicavit, quam hominibus, magis regi celesti, quam terreno, secundum quod ipse in ewangelio suo precipit, dicens: «Ite! docete omnes gentes, baptizantes eas in nomine patris et filii et spiritus sancti». Et ideo se neque ab incepto desistere, neque predicationis officium a summo pontifice sibi iniunctum negligere constanter affirmavit. Sed neque regi tributa sua dari prohibebat, secundum quod dominus in ewangelio suo iterum ait: «Reddite que sunt cesaris cesari, et que sunt dei deo», quia et ipse episcopus versa vice quandoque eundem censum eciam regi pro Lyvonibus persolverat. Lyvones autem, nolentes duobus dominis servire, tam Ruthenis videlicet, quam Theuthonicis, suggerebant episcopo in omni tempore, quatinus eos a iugo Ruthenorum omnino liberaret. Sed rex, verborum iustis rationibus non acquiescens, tandem indignatus est et, omnia castra Lyvonie simul et ipsam Rigam se flammis tradere comminatus, exercitum suum de castro iussit exire et, cum Theuthonicis bellum inire simulans, ordinavit omnem populum suum in canpo cum sagittariis suis et appropinquare cepit ad eos. Unde viri omnes episcopi cum rege Woldemaro et fratribus milicie et mercatores indutis armis suis audacter regi in obviam processerunt. Et cum congrederentur, Iohannes, ecclesie beate Marie prepositus, et rex Woldemarus cum aliis quibusdam, inter media agmina transeuntes, regem commonitum habebant, ne bellis suis novellam turbaret eccle-

siam, ne et ipse cum populo suo turbaretur a Theuthonicis, qui erant omnes fortes in armis suis et habebant desiderium magnum cum Ruthenis pugnandi. Quorum audaciam veritus, rex exercitum suum redire iussit, et transiens ad episcopum et, tamquam patrem spiritualem salutans, veneratus est. Similiter et ipse tamquam filius ab eo receptus est. Et commanentes ad tempus verborum interloquutionibus omnia, que pacis erant, diligenter inquirebant. Unde tandem rex, dei fortassis edoctus instinctu, Lyvoniam totam domno episcopo liberam reliquit, ut pax inter eos perpetua firmaretur tam contra Letones, quam contra alios paganos, et via mercatoribus in Duna semper libera prestaretur. Et his peractis rex, cum mercatoribus et cum omni populo suo Dunam ascendens, et reversus est in Ploceke civitatem suam cum gaudio. Sed et episcopus, cum omnibus suis maiori gaudio descendens, rediit in Lyvoniam.

(3) Post [a] horum reversionem orta est contentio magna inter fratres milicie de Wenden et Lettos de Autine, qui tunc erant in sorte episcopi, de agris et arboribus apum. Et lesis quibusdam Lettis a fratribus, pervenit ad episcopum querimonia, et surrexit domnus episcopus cum venerabili domno Philippo Raceburgensi episcopo, et convocavit fratres milicie cum Lyvonibus et Lettis ad placitum, ut sedando litem ad pristinam eos concordiam revocaret. Et litigantes verborum altercationibus duobus diebus nullam inter eos pacis reconciliationem adinvenire potuerunt. Unde [b] Lyvones et Letti, recedentes a Theuthonicis, inter se coniuraverunt et gladiorum calcatione coniurationem suam pagano more confirmaverunt. Quorum primus erat Caupo, cuius verba erant in hunc modum, ut numquam a fide Christi recederet, sed ut pro Lyvonibus et Lettis ad episcopum intercederet, ut eis iura christianitatis alleviarentur. Sed ceteri omnes intentionem suam non curantes, contra fratres milicie coniurantes,

---

[a] *Lemma in Z*: De pace facta cum rege et Lyvonia libera relicta.
[b] *Lemma in Z*: De contencione Lettorum cum fratribus milicie et de coniuratione Lyvonum cum Lettis.

Theuthonicos omnes et nomen christianum de terra Lyvonum expellere cogitabant. Quo viso, reversi sunt episcopi et fratres milicie cum omnibus amicis suis, qui venerant cum eis, unusquisque in munitionem suam. Tunc [a] congregati sunt Lyvones de Sattesele in castrum suum, et mittentes ad Lenewordenses et Holmenses et Thoredenses et ad omnes Lyvones et Lettos, ut haberent consilium; et consenserunt eis omnes, et ceperunt firmare omnia castra sua, ut collectis frugibus subito in castra recipiantur. Et innotuit sermo Danieli de Leneworde, qui procurator erat ibidem advocacie, et misit et cepit omnes seniores Lyvones illius provincie, qui conscii erant consiliorum malorum, et proiecit eos in vincula, et castrum eorum incendit. Similiter Rigenses, intelligentes cogitationes pessimas Holmensium, miserunt et destruxerunt summitatem castri ipsorum lapidei, quod primus eorum episcopus Meynardus edificaverat. Et mittentes in Thoreydam, castrum Thoredensium fecerunt noctis silencio incendi, ne post collectionem ipsorum in castro bella contra Rigenses forciora pararent. Unde post incensionem castrorum, dissipatum est consilium perfidorum. Lyvones vero Satteselenses, iam dudum in castrum suum recepti, bellum contra fratres milicie in Sygewalde inchoantes, ceperunt familiam ipsorum persequi et occidere quosdam ex eis. At illi, exeuntes de castello Sygewaldensi, quod noviter edificaverant, et effugabant eos occurentes eis, et persequentes eos occide[runt] [b] ex eis. Lyvones quoque, plures et forciores prioribus iterum obviantes illis, et persequentes eos, et interficientes ex eis, repulerunt eos in castellum suum. Et in hunc modum diebus aliquot contendebant. Et audivit episcopus litem ipsorum, et missis nunciis causam belli ipsorum requirebat. Et venerunt nuncii Lyvonum Rigam, et querimonias multas de Rodolfo magistro fratrum milicie proponentes, agros et prata et pecunias sibi ablatas referebant. Et misit episcopus Ale-

---

[a] *Lemma in Z:* De conspiratione et confederatione Lyvonum Thoredensium contra nomen christianum et contra Rigenses.

[b] *ZX* occidentes; *sic et W. Arndt. Correctum est a L. Arbusow (Acta Universitatis Latviensis, XV, pag. 166).*

brandum sacerdotem, qui eos baptizaverat, cum aliis quibusdam, et euntes frustra laborabant nec litem ipsam determinare valebant. Ipse eciam episcopus cum Philippo Raceburgensi [a] Thoreidam veniebat. Et vocatis Lyvonibus cum fratribus milicie, causas ipsorum audiebat. Et Lyvones cum armis suis trans flumen sedebant, et Theuthonicis loquebantur, et in multis fratres milicie accusabant. Et promisit episcopus restitutionem omnium iniuste ablatorum. De hiis vero, que pro excessibus eorum acceperant, sicut ea iuste demeruerunt, ita nec restitui promittebantur. Et prudentum virorum consilio pueros ipsorum episcopus obsides requirebat, ne a fide christiana recederent; sed ipsi nec obsides dare, nec episcopo nec fratribus milicie obedire, sed fidem christianam cum Theuthonicis omnibus extirpare de terra cogitabant. Quod intelligentes episcopi Rigam redierunt. Sed sequens cum lacrimis supplicabat, ut iterum mitteretur episcopus Raceburgensis cum preposito, si forte quiescerent et salutaris adhuc doctrine monita reciperent. Et missus est Philippus Raceburgensis cum preposito Iohanne et Theoderico, fratre episcopi, et Caupone et aliis quam pluribus ad ipsos Lyvones. Et consederunt omnes cum Lyvonibus ante castrum ipsorum, retractantes, que pacis erant et iusticie. Sed quidam ex ipsis, venientes post tergum, et mendaciter nunciabant fratres milicie cum exercitu provinciam spoliare. Unde cum clamore magno ac strepitu rapientes prepositum et Theodericum fratrem episcopi et Gerhardum advocatum et milites et clericos cum servis omnibus, traxerunt in castrum, et verberantes eos, in custodiam posuerunt. Et volebant episcopum rapere; sed prohibebat eos et comminabatur eis sacerdos ipsius et interpres, Henricus de Lettis. Cessante vero clamore et insania eorum, rogavit episcopus prepositum suum cum omnibus aliis sibi restitui et minas pro huiusmodi illusione superaddidit. Et reducti sunt omnes, et monebat eos episcopus iterum atque iterum, ne baptismatis sacramenta contempnerent, ne christianitatis sue deique cul-

[a] *Sic ZM*; *W. Arndt* Raceburgensi episcopo (*o*).

turam violarent, ne ad paganismum redirent, puerosque ipsorum duos vel tres obsides exigebat. At illi, blande quidem respondentes, obsides dare non curaverunt. Et ait episcopus: «O increduli corde, et dura facie, et lingua blandiloqua, cognoscite creatorem vestrum». Et ait, quid si forte quiescant et deum verum cognoscant et ritus paganorum derelinquant. Nichil vero proficientes, sed quasi aerem frustra verberantes, reversi sunt in Rigam. Et Lyvones non minus contra fratres milicie bellare ceperunt.

Episcopus [a] igitur Albertus zizaniam a tritico separare (4)
et mala in terra orta volens extirpare, antequam multiplicentur, convocat peregrinos cum magistro milicie et fratribus suis et Rigenses et Lyvones, qui adhuc in sua steterunt fidelitate. Et conveniunt omnes et collecto exercitu magno et assumptis secum omnibus, que necessaria erant, procedunt in Thoreidam, obsidentes castrum idem Dabrelis, in quo fuerunt Lyvones apostatantes, et non solum Lyvones fratrum milicie, sed et Lyvones episcopi de alia parte Coiwe, quorum princeps ac [b] senior fuit Vesike [b]. Et exeuntes Lyvones a castro a posteriori parte et quibusdam de exercitu lesis, tollebant equos et spolia eorum et reversi sunt in castrum, dicentes: «Confortamini, Lyvones, et pugnate, ne serviatis Theuthonicis». Et pugnaverunt, defendentes se diebus multis. Theuthonici vero patherellis munitionem castri destruunt, lapides multos et magnos in castrum proiciunt, homines et iumenta multa interficiunt. Alii sagittis Lyvones a defensione repellunt, ledentes ex eis quam plures, alii propugnaculum erigunt, quod nocte sequenti ventus in terram proicit, et clamor magnus fit et exultatio in castro, diisque suis secundum antiquas consuetudines honorem impendentes, animalia mactant, canes et hircos immolantes, ad illusionem christianorum in faciem episcopi et tocius exercitus de castro proiciunt. Sed frustratur omnis labor eorum. Nam propugnaculum forcius erigitur, turris lignea repente firmatur, ad

---

[a] *Lemma in Z*: De obsidione castri Sattesele et expugnatione eiusdem. [b—b] *W. Arndt* Vesenior fuit sike.

fossatum desuper impellitur, castrum desubtus foditur. Russinus interea de castri summitate Bertoldum magistrum de Wenden, draugum suum, id est consocium, alloquitur, tollens galeam de capite et inclinans de munitione, pacis ac familiaritatis pristine verba proponens. Et subito, a balistario sagittam in caput suum recipiens, cecidit et postea mortuus est. Fodientes itaque in vallo Theuthonici die ac nocte, non requiescunt, donec ad summitatem castri appropinquant, donec vallum scinditur, donec munitio tota iam venire ad terram expectatur. Et videntes Lyvones altitudinem castri sui firmissimi iam ad yma declinare, consternati animo et mente confusi, seniores suos, Assen cum ceteris, ad episcopum mittunt, veniam petunt, ut non occidantur, supplicant. Episcopus vero, ut ad fidei sacramenta revertantur, persuadet, vexillum suum in castrum mittit, quod ab aliis elevatur, et [a] ab aliis proicitur. Unde Asse ad tormenta ligatur, bellum innovatur, fit novissima pugna peior priore. Unde tandem tradentes se, vexillum beate Marie sursum erigunt, episcopo colla sua subiciunt; ut parcatur eis, suppliciter exorant, ut fidem Christi neglectam cicius recipiant, ut sacramentalia cuncta deinceps firmiter observent, ut ritus paganorum numquam amplius ad memoriam revocent. Misertus autem eorum episcopus exercitum prohibet, ne castrum subintrent, ne supplicantes interficiant, ne multorum animas gehenne tradant. Et obediens fideliter exercitus et reverenciam exhibens episcopo, cessavit a bellis et pepercit infidelibus, ut fideles efficerentur. Et reversus est episcopus cum suis in civitatem suam, ducens secum Lyvonum eorundem seniores, ceteris iniungens, ut subsequantur ad baptismi sacramenta renovanda pacisque pristine tranquillitatem reformandam. Et [b] venerunt nuncii Lyvonum sequentes episcopum in Rigam, veniam petentes coram omni multitudine. Et ait episcopus: «Si renunciaveritis, inquit, falsorum deorum cultibus, et ex toto corde vestro ad unius dei culturam

---

[a] *Sic ZM; W. Arndt omittit* et (*N*). [b] *Lemma in Z*: De pacis reformatione cum Lyvonibus.

reversi fueritis, et satisfactionem dignam pro delictis vestris tam enormibus deo et nobis impenderitis; tunc tandem pacem a vobis interruptam restaurabimus et vos in fraterne caritatis dilectionem recipiemus». At illi: «Quid, inquiunt, a nobis, pater, satisfactionis requiris?» Episcopus vero, requisito consilio alterius episcopi, Raceburgensis, et decani Halverstadensis, qui tunc aderat, et abbatis et prepositi sui nec non et magistri fratrum milicie et aliorum prudentum suorum, respondit eis, dicens: «Pro eo, quod fidei sacramenta reiecistis, et fratres milicie, dominos vestros, bello inquietastis, et totam Lyvoniam ad ydolatriam retrahere voluistis, et maxime in contemptu dei altissimi et ad nostram et omnium christianorum illusionem hircos et cetera animalia diis paganorum immolantes, in faciem nostram et tocius exercitus proiecistis, ideo modicam summam argenti, centum videlicet oseringos vel quinquaginta marcas argenti ab omni provincia vestra requirimus, insuper fratribus milicie equos et armaturas suas et cetera eis ablata restituere tenemini». Quod audientes perfidi et adhuc satisfactionem nullam dare volentes, reversi sunt ad suos, differentes et deliberantes aput se et dolos querentes, qualiter in bello rapta obtineant, qualiter episcopo nichil predicti iuris inpendant. Et mittunt alios meliores prioribus et episcopo verba quidem plana referunt, sed fraudes in corde meditantur. Quorum perfidiam considerans Alabrandus, primus eorum sacerdos, assumit eos seorsum, docens eos et dicens: «Genimina vipperarum, qualiter effugere poteritis iram dei, qui semper perfidie felle repleti estis, et pro malefactis vestris nichil satisfacere vultis? Facite ergo fructus aliquos penitentie et, si vere ad deum converti volueritis, deus erit utique vobiscum, ut qui hactenus duplici corde et inconstantes fuistis, nunc sitis constantes in viis vestris, ut videatis auxilium domini super vos. Nondum enim fidei plenam habuistis constantiam, nondum decimarum vestrarum oblatione deum honorare voluistis. Nunc vero supplicate domno episcopo, ut omnium vestrorum excessuum obliviscatur et in plenariam vobis remissionem peccatorum iniungat, quatinus sincere credentes in deum, omnia

christianitatis iura recipiatis integraliter et decimas frugum vestrarum deo et dei servitoribus tribuatis, sicut et alie gentes omnes, que sancti baptismatis fonte sunt renate. Et augebit vobis dominus novem partes reliquas, ut magis abundetis in rebus, quam ante et in pecuniis. Et liberabit vos deus ab aliarum gentium impugnatione nec non [a] ab omnibus angustiis vestris». Talibus monitis salutaribus auditis gavisi sunt Lyvones et reversi in Thoreidam nunciaverunt omnibus verbum Alebrandi [b] sacerdotis. Et placuit omnibus, eo quod nullam pecunie multam [c] ad presens solvere cogerentur, sperantes in futuro anno cum Estonibus Theuthonicos iterum debellare. Et venerunt omnes seniores, qui remanserant sani de castro Dabrelis, nec non et Lyvones episcopi de alia parte Coiwe, Vesike cum suis et alii de Metsepole in Rigam, rogantes episcopum, ut, sicut Alebrandus edocuit, in fide Christi plenariter eos confirmet et pro malefactorum suorum satisfactione decimas annuatim eis iniungat persolvendas. Et displicuit sermo iste tam in oculis episcoporum, quam aliorum discretorum virorum, timentium ipsorum promissionem plenam esse omni fallacia et dolorum machinatione. Sed tamen supplicatione eorum importuna victus episcopus et maxime peregrinorum et totius populi precibus assensum prebens, annuit petitioni eorum recepitque eos in filios et pace data promissionem eorum confirmavit, ut deinceps fiant fideles et decimas annuatim solvant.

(5) Unde Lyvones de castro Dabrelis, sicut promiserunt, decimas solvunt annuatim, et custodivit eos dominus hactenus ab omni impetu paganorum vel Ruthenorum. Lyvones vero episcopi ex misericordia ipsius et magna pietate mensuram hactenus pro decima solverunt. Idumei quoque et Letti, qui ad bellum non venerunt nec fidei sacramenta violaverunt, mensuram primam a quatuor episcopis constitutam pro decima persolvunt annuatim usque in hodiernum diem;

---

[a] *Sic o; M* nec non et; *in Z lacuna.* [b] *Sic S; R* Alabrandi; in *Z lacuna;* o *Alobrandi.* [c] *Sic M; N* mulctam; *in Z lacuna.*

sed qui ex eis ad idem bellum venerunt, vel nuncios miserunt, vel euntes in via redierunt, vel saltem equos suos ad eundum [a] sellaverunt, pecunia data suis advocatis satisfecerunt.

Venerunt eciam Letti de Autine Rigam, deponentes querimoniam ad [b] episcopos contra fratres milicie de Wenden de lesione sua, insuper de arboribus suis ablatis. Et elegerunt arbitros, et data [c] est sententia, ut Letti suas arbores apum, iuramento dato, reciperent in suam possessionem, fratres vero milicie agros iuramento obtinerent et pro lesione, data pecunia sufficienti, Lettis satisfacerent. Et transivit rex Woldemarus cum eisdem Lettis in Autine et fuit cum eis procurans advocatiam eorum, donec commutatione facta fratres milicie castrum Kukenoiss relinquerent integraliter episcopo et ipsi rursus Autine pro tercia parte Kukenoiss reciperent in suam possessionem. Et designata est regi Woldemaro advocatia Theodorici generi sui in Idumea, Theodorico eunte in Theuthoniam. (6) (7)

Hoc tempore venerunt Letthones in Kukenoiss, petentes pacem et viam ad Estones. Et data est pax et via concessa ad Estones nondum conversos. Et statim venientes cum exercitu, transierunt per terram Letthorum pacifice et, intrantes Saccalam, comprehenderunt viros multos et occidentes eos tulerunt omnem substantiam eorum, et mulieres et parvulos et pecora eorum rapientes secum abduxerunt. Et spolia multa asportantes reversi sunt via alia in terram suam. Et indignati sunt eis Theuthonici, eo quod Saccalam episcopo iam subditam spoliaverunt. Et respondentes, quod verum erat, dixerunt Estones adhuc collo incedere erecto et nec Theuthonicis nec aliis gentibus obedire. (8)

Anno consecrationis sue [quinto decimo] [d] reversus est antistes ecclesie Lyvonensis in Theuthoniam, commissa vice sua venerabili prememorato Raceburgensis ecclesie episcopo Philippo, qui devotissimus erat in religione et omni conver- (XVII) 1213

---

[a] *Sic X*; *in Z lacuna*; *W. Arndt* eundem. [b] *Sic MT*; *W. Arndt* apud (*o*). [c] *Sic So*; *RT* lata. [d] *Sic Z ubique*; *hic autem lacunam habet*; *W. Arndt ordine inverso* (*Mo*).

satione sua, et oculis ac manibus in celum semper intentus, invictum[a] ab oratione spiritum vix unquam relaxabat. Milites amando, clericos docendo, Lyvones et Theuthonicos magne pietatis caritate fovendo, novam in gentibus ecclesiam summopere verbis et exemplis illuminavit. Et respiravit ecclesia diebus istis[b] aliquantum a bellorum incommodis, licet essent timores intus et foris cottidie de Lyvonum et Estonum dolosis malarum cogitationum machinationibus, qui semper querebant mala contra Theuthonicos et Rigen-
(2) sem civitatem. Letthones autem pacem factam cum Theuthonicis non curantes, venerunt ad Dunam, et vocatis quibusdam de castro Kukenoiss, lanceam in Dunam miserunt, paci ac familiaritati Theuthonicorum contradicentes. Et congregaverunt exercitum magnum, et transeuntes Dunam venerunt in terram Lettorum, et despoliantes villulas occiderunt multos, et pervenientes usque in Tricatuam, Thalibaldum seniorem illius provincie ceperunt et Waribule filium ipsius, et transeuntes Coiwam aput Imeram homines in villis suis invenerunt, et capientes et interficientes ex eis, subito reversi sunt cum omni preda sua. Et videns Rameko, quod captivus duceretur pater ipsius et frater, surrexit cum Letthis omnibus simulque cum eis Bertoldus de Wenden cum fratribus milicie, et sequebantur post eos. Et cum appropinquaret ad eos, timuit Rameko patris sui interfectionem, si post tergum bellum eis inferret, circumduxit eos via alia. Sed intelligentes hoc Lettones, festinanter fugerunt et evaserunt ab eis. Postquam autem transita Duna terre sue confinia adirent, effugit ab eis Thalibaldus et, decem diebus panem non comedens, letus reversus est in patriam suam.

(3) Eo tempore Dangeruthe, pater uxoris regis Vissewalde, cum muneribus multis ibat ad regem magnum Nogardie, pacis cum eo federa componens. Qui in reversione sua captus est a fratribus milicie, et ductus est in Wenden et proiectus in vincula. Et tenebatur ibidem diebus multis, donec veni-

---

[a] *Sic o et W. Arndt; in Z lacuna; M* iniunctum. [b] *Sic M; N* ipsius; *in Z lacuna.*

rent quidam de Letonia de amicis eius ad eum. Post hec gladio se ipsum perforavit.

Interim Woldemarus, advocatus Ydumeorum et Lettorum, multa metebat, que non seminaverat, iudicans iudicia et causas eorum et, cum non placerent episcopo Raceburgensi et eciam omnibus aliis sua iudicia, ipse tandem desiderium implendo multorum abiit in Rusciam. (4)

Milites etiam de Kukenoys et Letti, sepius eodem tempore Selones et Lettones despoliantes, villas et confinia eorum vastaverunt, et alios interficientes, alios captivos ducentes, et in via frequenter insidiantes, multa eis mala intulerunt. Unde Lettones, colligentes exercitum, venerunt trans Dunam in provinciam Lenewordensem, et comprehenderunt Lyvones in villis, et occiderunt ex eis, et mulieres et parvulos et pecora secum minantes, et spolia multa tulerunt, et seniorem ipsius provincie Uldewene captivum deduxerunt. Supervenit autem Volquinus milicie Christi magister, cuius fratres cum mercatoribus Dunam ascenderant. Persequebatur [a] itaque magister Letones cum paucis, et invasit eos post tergum, et pugnavit cum eis, et cecidit princeps ac senior Lettonum et occisus est, et multi cum eo, et ceteri fugerunt et evaserunt, qui in prima fuerunt acie, et Uldewene secum deduxerunt. Pro cuius redemptione postea datum est capud eiusdem Lettonis occisi, ut saltem capite recepto debitas post eum celebrarent cum potationibus more paganorum exequias. (5)

Hyeme sequenti Woldemarus cum uxore et filiis et omni familia sua reversus est in Lyvoniam, et receperunt eum Letti cum Ydumeis, licet non multum gaudentes, et miserunt ei sacerdotes Alabrandus et Henricus annonam et munera, et sedit Metimne [b], iudicans [c] et colligens de provincia, que sibi fuerunt necessaria. Et [d] venerunt iterum Letones trans Dunam cum comitatu suo, et erat cum eis dux et princeps eorum Stecse, de cuius adventu gaudebant Theuthonici. Et convene- (6)

---

[a] *Lemma in Z*: De fuga Letonum. [b] *Sic Z*; *X* in castro Metimne. [c] *Sic Z*; *X* iudicans iudicia. [d] *Rubrum in Z*: De interfectione Stecse reguli Letonum sociorumque eius.

runt omnes simul Bertoldus de Wenden cum fratribus suis, vocantes secum Woldemarum regem cum aliis Theuthonicis et Lettis. Et occurrerunt eis, ponentes insidias in via, et irruerunt super eos, occidentes ducem eorum Stecse predictum et alios quam plures, et ceteri fugerunt, ut verba domi nunciarent, et siluit ecclesia diebus paucis.

(XVIII) Annus [a] erat pontificis sextus decimus, et rediit in Lyvo-
1214 niam cum peregrinis multis, inveniens ecclesiam pacis quodammodo quiete gaudentem et episcopum venerabilem, predictum Raceburgensem, eandem vice sua regentem. Et dispositis omnibus, quae disponenda erant, iterum festinavit in Theuthoniam, ut facilius ad concilium Romanum venire posset in sequenti anno, quod erat iam duobus annis indictum, relinquens prefatum episcopum in domo et in expensa sua in Riga. Et uxor Woldemari erat et omnis familia eius
(2) ibidem, cui ministrabant omnes in caritate. Ipse autem Waldemarus in Ydumea et in Letthia colligebat[b] res et pecunias, iudicia iudicans civilia. Et occurrens ei Alebrandus sacerdos Ydumeorum, dixit ei: «Oportebat te, inquit, rex, qui iudex hominum esse meruisti, iudicia iusta iudicare et vera, non opprimendo pauperes, nec res eorum auferendo, nec neophitos nostros conturbando magis a fide Christi faceres deviare». Et indignatus est rex et, comminatus Alabrando, ait: «Oportebit me, Alebrande, divicias et habundancias domus tue minuere». Nam et exercitum magnum regum Ruthenorum postea duxit in domum suam et omnia vastavit, sicut infra dicetur. Et post modicum tempus cum omni familia recessit in Rusciam.

(3) Post [c] hoc episcopus Philippus Raceburgensis cum peregrinis et Gerhardo advocato transivit in Thoreidam, et edificavit castellum episcopo, quod et Vredelande appellavit, quasi terram pacificans, sperans per idem castrum terram pacificari et sacerdotum et omnium virorum suorum ibi esse refugium. Et venerunt ibidem ad eum filii Thalibaldi

---

[a] *Lemma in Z*: De anno XVI°. [b] *Sic ZM*; *W. Arndt* collegit. [c] *Lemma in Z*: De edificatione castri Vredelant.

de Tolowa, Rameke cum fratribus suis, tradentes se in potestatem episcopi, promittentes se fidem christianam a Ruthenis susceptam, in Latinorum consuetudinem commutare et de duobus equis mensuram annone per singulos annos persolvere, eo quod tam pacis quam belli tempore semper tuerentur ab episcopo et essent cum Theuthonicis cor unum et anima una et contra Estones et Letones eorum semper gauderent defensione. Et recepit eos episcopus cum gaudio, remittens cum eis sacerdotem suum, qui erat prope Ymeram, qui eis fidei sacramenta ministrando discipline christiane daret inicia.

Milites[a] interea de Kukenoys, Meynardus, Iohannes, (4)
Iordanus cum aliis, incusantes Wyssewaldum regem de Gercike, eo quod non veniret ad episcopi patris sui presenciam iam pluribus annis, postquam regnum suum ab eo recepit, sed Letonibus consilium et auxilium omni tempore preberet. Et citantes eum ad satisfactionem sepius invitabant. Quod contempnens ille non venit neque responsalem misit. At illi, requisito prius episcopi consensu, simul cum servis suis et Lettis convenerunt et ascenderunt prope Dunam cum servis omnibus. Et appropinquantes castro Gercike, quendam ex Ruthenis comprehenderunt, quem ligantes traxerunt secum nocte ad castrum. Qui conscendens primus fossatum, sicut iussus fuerat, cum vigile loquebatur, sequentibus aliis singillatim. Et putabat vigil suos cives, qui absentes fuerant, advenire. Et ascenderunt singuli, donec tandem omnes arcem munitionis tenerent. Et congregantes se simul omnes, castrum in circuitu munitionis custodiebant et neminem Ruthenorum de castro exire permittebant, donec lucem diei viderent. Et facta luce descenderunt in castrum, et rapuerunt omnia, que erant ibidem, et ceperunt multos, et alios per fugam evadere permiserunt. Et tollentes spolia multa castroque derelicto reversi sunt ad propria, dividentes inter se omnia, que attulerunt.

Tercius[b] annus erat, et pax cum Estonibus facta finem (5)
accepit. Et convocatis episcopus sacerdotibus omnibus, et

---

[a] *Lemma in Z*: De secunda expeditione in Gerceke. [b] *Lemma in Z*: De pace finita.

habito capitulo et consilio cum eis, simul et militibus et senioribus Lyvonum convocatis, deliberavit de expeditione facienda in Estoniam, eo quod non venirent nec pacis innovationem curarent, quin pocius semper destructionem Lyvonensis ecclesie desiderarent. Et misit episcopus per omnia castra Lettorum atque Lyvonum et de omni confinio Dune et Coiwe, et congregavit exercitum magnum et fortem. Et erant in Riga peregrini et mercatores multi, qui omnes exiverunt cum leticia cum magistro milicie et fratribus suis, ponentes collectionem exercitus in Coiwemunde. Et venit episcopus cum eis ibidem, et volebant quidam de Lyvonibus exercitum in Curoniam convertere. Sed adhuc non venit tempus, quo deus illius gentis vellet misereri. Et facta benedictione episcopus reversus est in Rigam. Exercitus vero processit ad Saletsam, et venerunt in provinciam, que Sotagana vocatur, et memores facti sunt Theuthonici verborum suorum et pacis, quam antea dederant provincialibus eisdem, et pacifice transeuntes eandem provinciam, nichil mali eis intulerunt, nec homines de domibus suis fugantes, nec fugientes persequentes, sed cum omni mansuetudine euntes, donec ad alias provincias pervenirent, qui numquam pacem cum Rigensibus facere curaverunt, putantes Rigenses ad suas partes tam remotas cum exercitu non posse pervenire. Et erant ex nostris circiter tria milia Theuthonicorum, et Lyvonum et Lettorum alia totidem. Et ibant in glacie maris, pretereuntes Saletsam, donec venirent, quo desiderabant, scilicet in Rotaliam. Ubi [a] cum venirent, diviserunt exercitum suum per omnes vias et villas, et invenerunt omnes viros et mulieres et parvulos et omnes homines a magnis ad minores in villis suis, nullis rumoribus de adventu exercitus premunitos, et percusserunt eos in ira sua, et occiderunt viros omnes. Sed et Lyvones et Letti, qui sunt crudeliores aliis gentibus, nescientes, tamquam servus ewangelicus, conservi sui misereri, populum innumerabilem interfecerunt, et nonnullos ex mulieribus et parvulis trucidantes, per cam-

---

[a] *In margine Z*: De expeditione in Rotaliam.

pos et villas nemini parcere voluerunt. Et omnes vias et omnia loca sanguine paganorum colorantes, persequuti sunt eos ad omnes provincias, circa latus maris sitas, que Rotelewic et Rotalia vocantur. Letti quoque cum aliis, persequentes quosdam ex eis in glacie maris fugientes, et comprehensos statim interfecerunt, et res omnes et substantiam tulerunt. Et rapuerunt filii Thalibaldi tria Lyvonica talenta argenti, exceptis vestibus et equis et spoliis multis, que omnia retulerunt in Beverin. Similiter et omnis exercitus primo die et secundo et tercio fugientes Estones in omnibus locis insequuti sunt et interfecerunt hac et illac, donec fessi deficerent tam ipsi, quam equi eorum. Tunc tandem quarto die convenerunt simul omnes in unum locum cum omni rapina sua, et compellentes equos et pecora multa, et mulieres et parvulos et puellas ducentes secum et spolia multa,[a] cum gaudio magno reversi sunt in Lyvoniam, benedicentes dominum pro vindicta facta in nationibus. Et confuse sunt gentes, et fecerunt ploratum et ululatum magnum. Estonia quoque plorans filios suos, consolari non potuit, quia et hic perditi sunt et in futura vita, et maxime pre multitudine interfectorum, quorum non erat numerus.

Post[b] hec in quadragesima factum est incendium mag- (6)
num in civitate Riga intempeste noctis silencio, et ardebat prima pars civitatis, primo videlicet edificata et primo muro cincta, ab ecclesia beate Marie, que conbusta est cum campanis maioribus, usque ad domum episcopi cum domibus adiacentibus usque ad ecclesiam fratrum milicie. Et contristatus est populus maxime de campana belli dulcisona et de dampno facto in civitate. Et fusa est alia campana maior priore.

Postquam[c] igitur fessi de expeditione quieverunt et (7)
vires pristinas tam ipsi quam equi eorum receperunt, aliam indicunt in quadragesima expeditionem. Et euntes Rigenses

---

[a] *Mo addunt* tollentes. [b] *Lemma in Z*: De incendio civitate Rigensi (*sic*). [c] *Lemma in Z*: De expugnatione castri Saccalanensis (*sic*).

cum fratribus milicie, convocant secum Lyvones et Letthos et procedunt in Sackalam, relinquentes post tergum castrum Viliende, et despoliantes totam terram in circuitu, tandem apud castrum Lembitu, quod Leole vocatur, ex inproviso congregantur. Estones vero, qui in castro erant, primis venientibus audacter occurrunt, timorem incuciunt, sed illi colligentes se in unum, suorum adventum exspectant, et sequenti die ac tertio castrum inpugnantes, lignorum struem super vallum comportant, et ignem inponunt, et vallum, quod erat ex lignis et terra conpositum, incendunt, et ignis gradatim ascendendo munitioni desuper appropinquat. Videntes itaque, qui erant in castro, vallum igne consumi et timentes castrum per hoc capi, pecuniam promittunt, ut a castro recedant. Theuthonici vero nichil aliud ab eis se requirere, nisi ut baptizentur, affirmant, et vero pacifico reconciliati, fiant eorum fratres tam in hoc seculo, quam in futuro. Quod abhorrentes, illi tradere se in manus ipsorum formidant. Sed Lyvones et Letti cum omni exercitu ignem adaugentes et conbustionem et occisionem comminantur. Illi vero, vallo iam consumpto, timentes occidi, veniam suppliciter postulant, de castro exeunt, baptizari se promittunt. Adsunt sacerdotes Iohannes Stric, Otto fratrum milicie sacerdos. Baptizatur [a] Lembitu perfidissimus cum aliis omnibus, tam mulieribus, quam parvulis et viris, qui in castro erant, promittentes se christianitatis iura perpetua fidelitate custodire. Quam promissionem tamen postea perfidie sue dolis violaverunt. Exercitus vero interim castrum subintrans et bona cuncta diripiens, equos et boves cum omnibus pecoribus educens et spolia multa tollens et inter se dividens, cum gaudio reversus est in Lyvoniam, adducens secum seniores eiusdem castri, Lembitu cum aliis. Qui positis pueris suis obsidibus remissi sunt in terram propriam, et benedixerunt omnes dominum, qui mirabiliter tradidit castrum in manus eorum absque balistarum sive machinarum impugnationibus, et pervenit nomen Christi eciam usque ad alias provincias.

---

[a] *In margine Z*: De pace data et baptismo eorum.

Erat [a] in castello Vredeland sacerdos quidam Cystercien- (8)
sis ordinis, Fredericus de Cella, quem episcopus auctoritate domni pape ad opus assumpserat ewangelii, qui in dominica Palmarum dominice passionis mysteria multis lacrimis celeb- Apr. 12
rans et exhortationis verbum de cruce domini dulcibus monitis astantibus ministrans, et celebrata dominice resurrectio- Apr. 19
nis solempnitate cum scolare suo et quibusdam aliis navigio Rigam descendere volebat, et occurrentes ei in ore fluminis Osilienses irruerunt super eum, et captum cum puero suo et Lyvonibus quibusdam eum deduxerunt in pyraticis suis, et in Adya flumine littus ascendentes, diversis eum ibi tormentis cruciaverunt. Cum enim in celum intentus orationum suarum ad dominum cum scolare suo funderet laudes et gratiarum ageret actiones, ipsi caput et dorsum utriusque clavis suis percucientes, irridebant dicentes: «Laula! Laula! Pappi», secundum quod scriptum est: «Supra dorsum meum fabricaverunt peccatores. Sed dominus iustus concidet cervices eorum», sicut infra dicetur. Post hec, acuentes ligna dura et sicca et incutientes inter ungues digitorum ipsorum et carnem et membratim et punctatim laniantes, ignem apposuerunt et crudeliter cruciaverunt. Et tandem securibus suis inter medium scapularum eos secantes interfecerunt, et in martyrum consorcium animas eorum absque omni dubio in celum transmiserunt, proicientes corpora eorum, sicut scriptum est: «Carnes sanctorum tuorum bestiis terre, effuderunt sanguinem eorum, tamquam aquam in circuitu Ierusalem, et non erat, qui sepeliret». Lyvones quoque quosdam secum captivos deduxerunt in Osiliam, qui post reditum suum nobis omnia predicta retulerunt.

Meynardus [b] quoque de Kukenoys cum commilitonibus (9)
suis collegit iterum exercitum contra regem Wissewaldum de Gercike. Et audivit Wissewaldus et misit nuncios Letonibus, qui venerunt et exspectaverunt eos trans Dunam, et nescientes eos illi, qui erant cum Meynardo, venerunt et ceperunt

---

[a] *Lemma in Z*: De martyrio sacerdotis sociorumque eius.
[b] *Lemma in Z*: De interfectione Meynardi sociorumque eius.

Gercike et tulerunt predam magnam et equos et pecora. Et apparuerunt Letones ex altero littore Dune, rogantes, ut naves eis adducant, ut veniant ad eos pro pace renovanda. Quorum verbis fraudulentis nimium creduli simplices naves eis transmittunt, et statim transeuntes Letones, et alii alios transducentes, plures et plures subsequuntur. Tandem omnis exercitus in Dunam se proiciens, transnatare cepit ad eos. Quorum multitudinem videntes milites et eorum conflictum expectare verentes, navigio quidam ex eis Dunam descendunt et sani in Kukenoys revertuntur, alii cum Lettis per viam redeuntes, a Letonibus post tergum impugnantur, et videntes Letti suorum paucitatem, in fugam convertuntur. Et pugnantes milites, Meynardus, Iohannes et Iordanus, et non valentes tanto exercitui resistere, ceciderunt tandem interfecti ab eis. Et audivit episcopus et Rigenses, et lugebant eos, dicentes: «Quomodo ceciderunt fortes in bello, et interierunt arma bellica!»

(XIX) Annus[a] erat presulis Alberti [b]septimus decimus[b],
1215 et innovatum est bellum in omnibus Lyvoniae confiniis. Nam post Rotaliensem expeditionem et Lembiti de Sackale subiugationem, tota Estonia sevire cepit contra Lyvoniam, et consiliati sunt, ut una cum tribus exercitibus venientes, destruant Lyvoniam, ut Osilienses Rigam obsideant et portum in Duna obstruant, et Rotalienses Thoredenses Lyvones impugnent, et Sackalanenses et Ugaunenses interim Lettorum terram devastent, ut Lyvones et Letti, propriis bellis impediti, Rigensibus in auxilium venire non queant.

(2) Et venerunt Osilienses cum exercitu magno navali in Dunemunde, ducentes secum pyraticas et liburnas, et impleverunt eas lapidibus, et dimiserunt in profundum maris in introitu fluminis, et edificantes structuras lignorum et similiter implentes lapidibus, in ore Dune proiecerunt, ut viam et portum advenientibus clauderent. Et quidam ex eis in liburnis suis

---

[a] *Lemma in Z*: De anno XVII^{0}. De expeditione Osiliensium ad Dunam. [b—b] *Sic ZoM*; *W. Arndt ordine inverso.*

ascenderunt ad civitatem, et remigantes hac et illac, tandem litus et campum apprehendunt. Et fratres milicie cum aliis de civitate stabant ad portam. Et quidam ex servis cum Lyvonibus, hostes in campo videntes, irruerunt subito super eos, et occidentes ex eis, persequuti sunt eos usque ad naves; et fugientibus eis, una pyraticarum suarum concussa et submersa est cum omnibus, qui erant in ea, et ceteri evaserunt et redierunt ad suos in Dunemunde. Et surrexerunt Rigenses cum omnibus suis, quos habere potuerunt, et descenderunt post eos, alii navigio et alii per terram. Quos ut viderunt Osilienses, declinaverunt ab eis ad aliam partem Dune, non exspectantes bellum cum eis. Et subito Rigenses, aspicientes a longe, viderunt in mari duos coggones venientes, in quibus erant Borchardus comes de Aldenborch et fratres episcopi, Rothmarus et Theodericus. Qui et appropinquaverunt ad Dunam, et viderunt hostes coram se in littore maris et in alio littore Rigenses, et non cognoverunt, quia [a] christiani erant; sed signum dabant eis Rigenses vexillorum demonstratione. Et ut cognoverunt eos, simul et hostium intellexerunt multitudinem, converterunt naves suas ad hostes et acceleraverunt ad eos, et erant quidam de Rigensibus in navibus suis, qui et sequebantur eos post tergum in Duna, et alii in littore rerum eventum exspectabant. Videntes itaque hostes ab exercitibus christianorum undique se circumdari, fugerunt festinanter ad naves suas, et dispersi sunt in mari per medium eorum, et evanuerunt ab oculis eorum, et sequuti sunt Rigenses, et aliquas naves abstulerunt ab eis, et ceteri evaserunt. Et susceperunt Rigenses peregrinos cum leticia, et benedixerunt dominum, qui et in hac presenti tribulatione consolatus est populum suum. Aqua vero fluminis meatum suum fortem liberum habere volens, simul et mare procellarum collisionibus opera eorum in profundum missa postmodum comminuit, nec non et Theuthonici quicquid remansit extrahentes destruxerunt et viam liberam omnibus Dunam intrare volentibus reddiderunt.

---

[a] *Sic ZoM*; *W. Arndt* qui.

(3) Osiliensibus [a] autem in Duna existentibus, Rotalienses, congregantes exercitum de suis maritimis provinciis, intraverunt Lyvoniam, in Methsepole despoliantes villas et incendentes, et neminem invenire potuerunt ex Lyvonibus, qui omnes cum mulieribus et parvulis suis ad castra confugerant. Et congregaverunt Lyvones congregationem suorum, ut inimicis occurrerent. Et audierunt Rotalienses eorum voluntatem simul et fugam Osiliensium suorum de Duna, fugerunt et ipsi et reversi sunt in terram suam. Venerunt [b] quoque interim Saccalanenses et Ugaunenses in terram Lettorum cum exercitu magno et obsederunt castrum Autine, et exiverunt fratres milicie de Wenden, volentes bellare cum eis, et intellexerunt ipsi verbum hoc et fugerunt eciam et ipsi. Et circa vesperam venientes in Tricatuam, invenerunt Thalibaldum de silvarum latibulis ad balnea rediisse, et comprehenderunt eum, et vivum crudeliter ad ignem cremaverunt, comminantes ei interitum, nisi pecuniam suam eis totam ostendat. Et ostendit eis oseringos quinquaginta. Sed illi non minus eum cremaverunt. At ille: «Si demonstravero vobis, inquit, omnem pecuniam meam et filiorum meorum, non minus me cremabitis», et noluit eis amplius indicare. Unde iterum ponentes eum ad ignem, tamquam piscem assaverunt, donec animam reddidit et mortuus est. Et quia christianus fuit et de fidelium Lettorum numero, speramus animam ipsius lete pro tanto martyrio in eterna leticia in sanctorum martyrum societate gaudere. Et reversi sunt Estones in terram suam, et ad nichilum redegit dominus consilium eorum. Tunc [c] filii Thalibaldi, Rameko et Drivinalde, videntes, quia mortuus est pater eorum, irati sunt contra Estones valde, et colligentes exercitum Lettorum cum amicis et cognatis suis, et ibant cum eis fratres milicie de Wenden cum aliis Theuthonicis, et intraverunt Ugauniam, despoliantes villas omnes et flammis tradentes, et viros omnes,

---

[a] *Lemma in Z*: De expeditione Rotaliensium in Lyvoniam. [b] *Lemma in Z*: De expeditione Estonum ad Lettos. [c] *Lemma in Z*: De expeditione Lettorum ad Estones.

quos comprehendere potuerunt, vivos in ultionem Thalibaldi cremaverunt. Et castra omnia eorum incenderunt, ut nullum in eis refugium haberent. Et querebant eos in tenebrosis nemorum latibulis, et nusquam ab eis abscondere se potuerunt, et extractos de silvis interfecerunt, et mulieres et parvulos eorum captivos secum deduxerunt, et equos et pecora minantes, spolia multa tulerunt, et reversi sunt in terram suam. Et redeuntibus in via Letti iterum alii occurrerunt, et processerunt in Ugauniam, et quod alii neglexerant, isti suppleverunt. Nam ad villas et provincias, ad quas alii non venerant, isti pervenerunt, et quicunque prius ab aliis effugerant, ab istis evadere non potuerunt. Et comprehenderunt multos, et interfecerunt viros omnes, et mulieres et parvulos captivos traxerunt, et pecora et spolia multa secum deduxerunt. Et[a] revertentes, in via Lettos iterum alios obviam habent, paratos ad expeditionem in Ugauniam, qui et ipsi predam rapere cupiunt; in ultionem parentum et cognatorum suorum ab Estonibus quondam occisorum viros interficere querunt. Et procedunt in Ugauniam, non minus spoliantes quam prius, non minus captivantes quam priores. Nam venientes de silvis ad agros aut ad villas pro cibariis comprehendunt, et alios igne cremantes, alios gladiis iugulantes, diversis tormentis afficiunt, donec omnes pecunias suas eis aperiunt, donec ad omnia nemorum suorum latibula eos deducunt et mulieres et parvulos in manus eorum tradunt. Sed nec sic quidem mitigatur animus Lettorum, sed ablata pecunia et omni substantia, mulieribus et parvulis, ad ultimum caput, quod solum remansit, auferunt, et pertranseuntes omnes provincias usque ad Matrem aquarum in Darbeten, nemini parcunt, sed quidquid masculini sexus est interficiunt, mulieres et parvulos captivos trahunt, et facta vindicta de inimicis suis, leti cum omni preda sua domi revertuntur. Iterumque[b] Bertoldus de Wenden cum suis et

---

[a] *In margine Z*: De diversis expeditionibus Lettorum in Ungauniam. [b] *Sic Z*; *MN* interim; *W. Arndt* itemque. *Lemma in Z*: Item in Ungauniam ad idem.

Theodericus, frater episcopi, cum militibus ac servis suis et filii Thalibaldi cum Lettis suis convenerunt in unum, et euntes cum exercitu in Ugauniam, comprehenderunt multos de Estonibus, qui prius evaserant a Lettis, et interfecerunt eos, et villas, que remanserant, incenderunt, et quicquid a primis minus actum est, ab istis diligenter adimpletum est; et circuiverunt omnes provincias, et transeuntes Matrem aquarum et usque ad Waigam pervenerunt, et non minus terram illam, que erat trans flumen, depredantes et villas incendentes, et viros interficientes, mulieres et parvulos ceperunt, et peractis omnibus malis, que potuerunt, reversi sunt in Lyvoniam. Et ordinaverunt iterum alios, qui redirent statim in Ugauniam et similia mala inferrent eis, et redeuntibus illis iterum alii missi sunt, et non cessaverunt Letti neque requiem dabant Estonibus in Ugaunia. Sed nec ipsi requiem habebant, donec eadem estate novem exercitibus terram ipsam devastantes, desolatam ac desertam ponerent, ut iam nec homines nec cibaria invenirentur. Cogitabant enim eos tam diu debellare, donec aut pro pace et baptismo venirent, qui residui erant, aut omnino eos exstirpare de terra. Et factum est, ut iam filii Thalibaldi numerum centenarium execederent, quos in ultionem patris sui aut vivos cremaverant aut aliis tormentis diversis interfecerant, exceptis aliis innumerabilibus, quos unusquisque Lettorum simul cum Theuthonicis et Lyvonibus interfecerant.

(4) Videntes[a] itaque, qui superstites adhuc remanserant in Ugaunia, quod a furore Theuthonicorum et Lettorum nusquam evadere possent, miserunt nuncios in Rigam, rogantes ea, que pacis sunt. Et dictum est eis, ut bona quondam mercatoribus ablata restituerent. At illi raptores ipsorum bonorum a Lettis interfectos dicentes et nequaquam se restituere posse affirmantes, causis omnibus sopitis, baptizare se petunt, ut veram pacem et perpetuam Theuthonicorum atque Lettorum fraternam dilectionem consequantur. Et gavisi sunt Theuthonici, et confirmantes cum eis pacem, sacerdotes

---

[a] *Lemma in Z:* De pace data Ungaunensibus et fide recepta.

ad baptizandam Ugauniam mittere pollicentur. Et audientes Saccalanenses omnia mala Ugaunensibus illata, timentes, ne sibi similia contigerent, miserunt et ipsi postulantes, ut sacerdotes ad eos mitterentur, ut, consummato in provincia ipsorum baptismate, christianorum etiam efficerentur amici. Et missi sunt sacerdotes, Petrus Kakuwalde de Vinlandia et Otto, fratrum milicie sacerdos, et perrexerunt in Saccale, et consummaverunt baptismum usque ad Palam et in Ugaunia usque ad Matrem aquarum. Quo facto reversi sunt in Lyvoniam, nondum valentes cohabitare cum eis propter aliorum Estonum ferocitatem.

Episcopus [a] autem Raceburgensis cum episcopo Estiensi Theoderico, festinans ad concilium Romanum, cum peregrinis euntibus in Theuthoniam mari se committens, Gothlandiam properat cum novem coggonibus. Et nocte sequenti factus est ventus contrarius eis cum tonitru, et per totam diem passi tempestatem magnam, depulsi sunt tandem in portum novum in Osilia. Quos ut cognoverunt Osiliani de Riga venisse, comminabantur eis bellum. Et mittentes per totam Osiliam, congregaverunt exercitum magnum navalem. Et alii in equis venientes, in littore maris structuras lignorum edificabant, implentes eas lapidibus, portum, cuius aditus strictus erat, obstruere nitentes, ut concluso portu caperent omnes et interficerent. Teuthonici vero in cymbis suis, id est minoribus navibus, exeuntes ad litus, segetes per agros gladiis suis metebant, nescientes exercitum in vicino littore, [b]et in alio littore [b] per singulos dies idem faciebant. Tandem Osilienses positis insidiis octo ex eis comprehenderunt, et aliis occisis, alios captivos deduxerunt et cimbam unam abstulerunt. Unde nimium confortati, miserunt ad omnes provincias Estonie, dicentes se episcopum Rigensem cum omni exercitu suo comprehendisse. Et venerunt omnes cum exercitu magno. Et facto diluculo in primo (5)

---

[a] *Lemma in Z*: De reditu episcoporum in Theutoniam et de multis tribulationibus eorum in mari. [b—b] *Sic in Mo*; *in Z desunt, restituenda tamen esse videntur* (*cf. XIX. 2*: et viderunt hostes coram se in littore maris, et in alio littore Rigenses; *cf. L. Arbusow, o. c., pag. 168*).

mane totum mare contra nos tenebrosum apparuit pyraticis ipsorum repletum, et pugnaverunt contra nos per totam diem. Et quidam ex eis structuras lignorum et liburnas veteres adducentes, miserunt in profundum, et lapidibus impleverunt, et aditum portus nobis obstruxerunt. Unde timore magno perterriti, putabamus manus eorum non evadere. Alii[a] quoque ex eis ducebant ignes maximos tres ex siccis lignis et pinguedine animalium incensos et super structuras arborum magnarum compositos. Et primus ignis, qui erat super alios magis ardens, pellebatur supra mare et adpropinquabat ad nos, et ventus australis fortis vehementi impulsione pellebat eum super nos. Et Estones, in pyraticis suis circueuntes ignem, custodiebant eum et in directo ducebant eum super medios coggones. Erantque coggones omnes in unum colligati, ut facilius nos ab inimicis defenderemus, tantoque magis ignem evadere non posse timebamus. Et cum iam ignis idem, alcior coggonibus omnibus, flammas suas ad nos extenderet, evocavimus episcopum de camerula sua, in qua erat orans die ac nocte. Et venit et vidit, quod non erat consilium et auxilium nobis, nisi divinum. Et elevans oculos suos et manus utrasque ad celum, orabat ab igne presenti liberari. Et vidimus omnes, et ecce subito ventus australis conversus est in orientalem, et ventus ab oriente convertit ventilogium, quod erat in velo, in contrarium, et removit ignem a nobis, et cum omni mansuetudine depellebat eum circum coggones retro nos in mare. Et benediximus omnes dominum, eo quod visibiliter liberavit nos ab incendio presenti. Et pellebant secundum ignem et tercium, contra quos diu pugnantes et aquam fundentes multum laboravimus, quos etiam tandem ventus removit a nobis. Interim alii Estones erant remigantes circa nos, et lanceis et sagittis suis vulnerantes plures ex nostris, et alii redeuntes iterum eadem via circum nos lapidibus et pedis suis iactantes super nos. Et erant timores nobis tam de portu clauso, quam de bellorum incommodis. Et[b] ait Alber-

---

[a] *Lemma in Z*: Qualiter ab ignibus liberati sumus per Dei misericordiam. [b] *Lemma in Z*: Quailter conclusionem portus evasimus.

tus Sluc, nauta noster: «Si, inquit, pacienter obtemperare volueritis, liberabit nos dominus a periculis presentibus. Cum, inquit, naves nostre non sint onuste, sed vacue, et modica sufficit eis profunditas, alia via poterimus exire, si cymbas intraveritis fortes viri et armati et anchoras deducentes proieceritis in profundum, per medium hostium revertentes iterum ad nos, ceterique, funibus anchoris alligatis, coggones trahendo subsequantur, donec in profunditatem maris perveniamus», et obedivimus omnes et traximus, donec transitis difficultatibus in mare magnum et spatiosum pervenimus. Oui vero in cymbis anchoras deduxerunt milites et servi, sevissimam impugnationem passi, lanceis et sagittis ipsorum nec non et lapidum iactibus graviter sunt vulnerati. Qui tandem tollentes secum ferrum recurvum vel uncum ferreum, quod in aliquam pyraticarum proicerent et taliter apprehenderent, et iactantes in unam, iam eam attrahere putabant. Sed Estones vehementi remigatione fugientes ab eis, alias pyraticas obvias habuerunt. Et cum esset eadem hora hec oratio episcopi ad beatam virginem: «Monstra te esse matrem, monstra te esse matrem», revera monstravit se esse matrem. Nam illa pyratica fugiens, que magna erat et multis viris repleta, forti pulsu vecta super aliam, scissa est cum sonitu magno per medium et repleta est aquis, et viri ceciderunt in mare et submersi sunt, et confusi sunt alii omnes. Et videntes nos profunditatem maris iam comprehendisse, congregaverunt se in littore maris. Et erant ex eis multa milia, qui tam equites, quam pedites [a] convenerant de tota Estonia, et in pyraticis fere ducentis. Et irati sunt valde in invicem clamore magno simul et verberibus, eo quod duarum ebdomadarum laboribus nichil profecerunt, et multos ex suis in mari submersos et plures a balistariis nostris interfectos perdiderunt. Et sustollentes vela sua, dispersi sunt in mari, et abierunt unusquisque in viam suam. Et sequuti sunt nostri post eos in cymbis suis, et abstulerunt eis pyraticam unam maiorem, quam in Godlandiam secum

---

[a] *Sic M*; *Z* tam equos, quam pedes; *o* tam per equos, quam pedes.

deduxerunt. Et liberavit nos in illa die beata virgo, sicut et omnes Lyvonenses hactenus liberavit ab omnibus angustiis suis usque in hodiernum diem.

(6) Postquam [a] liberavit nos dominus ab Osiliensibus, sedimus in eodem portu, donec trium ebdomadarum tempus complevimus, tempestates maris cottidianas et procellarum turbines et ventos contrarios habentes. Et erat fames magna et penuria ciborum. Et distribuit episcopus omnia, que habuit, in caritate, et eramus cottidie vota voventes et orantes, ut nos ab illo loco liberaret dominus. Et factum est in
Iul. 21 vigilia Marie Magdalene, cantantibus iam nobis quasi semivivis responsorium, flavit auster, cessaverunt omnes venti contrarii, et dedit nobis dominus ventum prosperum. Et
Iul. 22 levantes vela nostra, sequenti mane pervenimus in Gothlandiam. Et stans in lapide altaris, gratias agebat domino, dicens: «Transivimus, domine, per ignem et aquam, et eduxisti nos in refrigerium. Quoniam probasti nos, deus, igne nos examinasti, sicut examinatur argentum. Induxisti nos in laqueum, posuisti tribulationes in dorso nostro, imposuisti homines super capita nostra. Liberasti nos, domine, de omnibus periculis nostris et reduxisti nos super hanc firmam petram». Habebat enim magnum desiderium ad petram, qui Christus est, veniendi et multis gemitibus a missarum solempniis [b] in mari abstinebat, licet tamen alternis diebus infra dominicum officium communicaret. Et implevit tandem dominus desiderium ipsius et misit eum eodem itinere in Veroniam, ubi modica infirmitate correptus, domino spiritum suum com-
Nov. 14 mendabat. Et sepultum est corpus eius in marmoreo sepul-
vel 15 chro cuiusdam quondam cardinalis, in cenobio, quod est supra flumen, ordinis Augustiniensis. Et vidit Veronensis quidam in visione columpnam tamquam fulgur splendentem de trans Alpibus venientem et ibidem se ad quiescendum deponentem. Et alii visiones similes angelicas ad sepulchrum eius se videre testati sunt. Nec mirum! qui erat vir stabilis

---

[a] *Lemma in Z*: De morte episcopi Philippi. [b] *Sic ZM*; *W. Arndt* solempnitatibus (*o*).

et constans, ut nec in prosperis, nec in adversis a Christi desiderio moveri posset; ut nec etiam ordinem silencii sui ante matutinalem cursum et ante horam diei primam finitam unquam interrumpere vellet, sive in incendio Rigensi, quando incensis omnibus fugatus est a domo sua, sive inter ipsos hostes in mari, sive tercia vice, quando a vigile graviter vulneratus est, cum esset in muro nocte in orationibus suis. Dedit ergo deus ei locum, quem optavit, firmum et stabilem in petra. Cuius anima cum Christo, et memoria ipsius maneat in benedictione!

Anno [a] dominice incarnationis 1215 celebratum est (7)
concilium in ecclesia Romana, presidente papa Innocencio, Nov. 11—30
presentibus patriarchis et cardinalibus et episcopis quadringentis, abbatibus octingentis. Inter quos erat episcopus Lyvonensis Albertus cum Estiensi episcopo. Qui referebant[b] tribulationes et bella et negocia Lyvonensis ecclesie summo pontifici simul et omnibus episcopis. Et congaudebant omnes de conversione gencium simul et de bellis et triumphis multiplicibus christianorum. Et ait episcopus: «Sicut, inquit, pater sancte, terram sanctam Ierosolimitanam, que est terra filii, sanctitatis tue studio fovere non desinis, sic Lyvoniam, que est terra matris, consolationum tuarum sollicitudinibus hactenus in gentibus dilatatam, eciam hac vice desolatam derelinquere non debes. Diligit enim filius matrem suam, qui, sicut non vult terram suam perdi, sic nec vult terram matris utique periclitari». Cui respondit summus pontifex et ait: «Sicut terram filii, sic et terram matris paterne sollicitudinis nostre studiis semper promovere curabimus». Et finito concilio remisit eos cum gaudio, renovata auctoritate predicandi et peregrinos in remissionem peccatorum signandi, qui Lyvoniam secum proficiscentes novellam ecclesiam a paganorum uterentur insultibus. Roma [c] dictat iura, Riga vero rigat gentes. Nam Petrus Kakuwalde et Otto sacerdos, a

---

[a] *Lemma in Z*: De concilio Romano. [b] *Sic ZoM*; *W. Arndt* referebat. [c] *Lemma in Z*: De baptismo Ugaunensium et Sackalanensium.

Riga missi, Saccalam et Ugauniam interim sacro fonte rigantes, ad vitam invitant eternam.

(8) Rotalienses[a] vero adhuc rebelles, christianorum leges adhuc recipere contradicunt. Contra quos expeditio destinatur. Festo itaque nativitatis dominice peracto, Lyvonibus et Lettis indicitur, ut sint parati, ut congregentur ituri contra christiani nominis inimicos. Quibus et occurrunt Theuthonici cum fratribus milicie. Adest etiam Borgardus comes cum peregrinis; qui simul omnes in glacie maris
1216 euntes, Estonie provinciam primam attingunt. Et dividentes exercitum, per omnes vias et villas Estones fugientes persequuntur, comprehensos interficiunt, mulieres et parvulos et pecora rapiunt, ad castrum Sontagana congregantur, obsidentes Estones in eo et pugnantes cum eis diebus novem. Erigebant[b] itaque propugnaculum ligneum, et ad castrum vicinius appellitur. Super quod ascenderunt Lyvones et Letti simul cum balistariis et in arce munitionis multos ex Estonibus lanceis et sagittis interficiunt, multos vulnerantes a defensione repellunt. Estones namque nimium audacter ad dimicandum prosilientes et quasi magis locum dantes balistariis, plures vulneratos et plures interfectos recipiunt. Unde tandem post multorum interfectionem et propter aque cibariorumque defectum tradentes se pacem petunt. Theuthonici vero: «Si perfidie vestre, inquiunt, volueritis arma deponere, et veram pacem, que Christus est, in vestrum castrum recipere, libenter vobis parcendo vos in fraternitatis nostre recipiemus amorem». Quod ut audiunt, statim baptismi sacramentum cum omni iure christianitatis se recipere cum gaudio pollicentur. Unde die iam undecimo missus est ad eos Godfridus sacerdos in castrum. Qui benedicens eis: «Si, inquit, abrenunciare volueritis ydolatrie et in unum deum christianorum credere?» Et respondentibus cunctis: «Volumus», ipse aquam fundens ait: «Baptizamini ergo omnes in nomine patris et filii et spiritus sancti». Quibus com-

---

[a] *Lemma in Z*: De expeditione in Sontaganam. [b] *Lemma in Z*: De expeditione castri Sontagana et fide recepta.

pletis data est pax, et acceptis obsidibus seniorum filiis, reversus est exercitus cum omni preda et spoliis et captivis in Lyvoniam, deum pro gencium conversione benedicens, qui est benedictus in secula.

Post[a] dierum paucorum pausationem, recuperatis viribus congregantur iterum Rigenses cum Lyvonibus et Lettis, et euntes in glacie maris, quod erat continua frigoris asperitate congelatum firmissime, versus Osiliam exercitum suum converterunt. Et invenientes viam maris optimam, exercitum suum dividunt, et per omnes vias ac villas circueuntes, multos comprehendunt et viros omnes interficiunt, mulieres et parvulos et pecora secum abducunt. Aput unum castrorum conveniunt et, cum eis, qui in castro erant, dimicantes, nonnullos ex eis vulnerantes interficiunt, et pre nimia frigoris intensione castrum ipsum expugnare non attemptantes, cum omni rapina et captivis reversi sunt per viam suam in glacie. Et clamantibus quibusdam, quod malewa sequeretur, et aliis festinanter euntibus ad ignem, quidam ex eis deficientes et frigore congelati ceciderunt et mortui sunt, et alii sani redierunt. (9)

Transacta vero dominice resurrectionis solempnitate, (10)
miserunt Estones ad regem Woldemarum de Ploceke, ut Apr. 10
cum exercitu[b] veniens Rigam obsideret. Ipsi quoque Lyvones et Lettos interim bellis deprimere simul et portum in Dunemunde se claudere pollicentur. Et placuit regi consilium perfidorum, qui semper Lyvonensem ecclesiam querebat disturbare, mittensque in Rusciam et Letoniam, convocavit exercitum magnum Ruthenorum atque Letonum. Et postquam convenerunt omnes et parati erant et rex intraturus erat navem iturus cum eis, subito cecidit et exspiravit, et mortuus est morte subitanea et improvisa, et omnis exercitus ipsius dispersus est et reversus in terram suam. Et audientes, qui erant in Riga de familia episcopi et fratres milicie, (11)
consilia Estonum, emerunt coggonem, munientes eum in

---

[a] *Lemma in Z*: De morte regis subetanea *(sic)* Woldemari.
[b] *Sic ZM*; *W. Arndt* exercitu numeroso *(o)*.

circuitu, tamquam castrum, et locantes in eo viros quinquaginta cum balistis et armis, statuentes eum in ore fluminis Dune ad custodiendum portus introitum, ne venientes Osilienses obstruerent, sicut ante. Mortuo itaque rege pervenit verbum in Osiliam, simul et audientes balistarios et viros armatos Dune portum custodire, Saletsam intraverunt, et ascendentes circa stagnum Astegerwe, villas Lettorum despoliaverunt, et mulieres capientes, viros interfecerunt. Et congregati sunt quidam ex Lettis, insequentes eos, et comprehensos quosdam interfecerunt et alios ad naves fugaverunt. Et siluit ecclesia diebus paucis, que erat exspectans adventum sui pontificis.

(XX) 1216 Annus [a] erat antistitis octavus decimus. Qui rediit a curia Romana, et in Hagenowe consolatus a rege Frederico, reversus est in Lyvoniam cum episcopo Theoderico Estiensi et cum aliis fidelibus, militibus et peregrinis, et invenit in Dunemunde viros suos portum custodientes, et retulerunt ei de expeditionibus suis in Estonia, nec non et de morte regis, et qualiter consolati sunt in omnibus tribulationibus suis. Et factum est gaudium in ecclesia, tam de adventu pontificicis, quam de liberatione sua a Ruthenis ac aliis gentibus.

(2) Et [b] post hec convenerunt episcopi cum fratribus milicie, facientes divisionem quandam super Estonia, que sicut postea fuit instabilis, sic eam describere inutile reputavi. Quin pocius dicam, quod convenerunt iterum Rigenses cum Lyvonibus et Lettis, et magister Volquinus cum fratribus et peregrinis, simul et Theodericus cum viris episcopi, et iverunt cum exercitu, pacifice tantum, in Saccalam iam baptizatam, convocantes ad se seniores eiusdem provincie, quorum consilio procedebant ad alios Estones, et ipsi erant eis
Aug. 15 duces. In die vero assumptionis beate virginis intraverunt provinciam Harionensem, que est in media Estonia, ubi et omnes gentes circumiacentes quolibet anno ad placitandum in Raigele convenire solebant. Quo cum pervenimus, exer-

---

[a] *Lemma in Z*: De anno octavodecimo. [b] *Lemma in Z*: De expeditione prima in Harien.

citum nostrum per omnes vias ac villas nec non et provincias illius terre divisimus, incendentes omnia et vastantes, quidquid masculini sexus interficientes, mulieres et parvulos capientes, pecora multa, nec non et equos eorum minantes. Tandem ad villam magnam Lone, que est super rivum in media terra, convenimus, et ibidem triduo quiescentes, totam terram in circuitu devastavimus et usque ad Revelenses villas pervenimus. Quarto die ponentes insidias prope villam, capti sunt novem ex eis, et quidam interfecti. Et reversus est exercitus cum preda magna, bovesque et oves innumerabiles reduxerunt. Et sequuti sunt Estones in malewa magna, volentes post tergum eos impugnare. Sed cecidit sors deorum ipsorum in partem contrariam. Et reversi sunt Rigenses cum gaudio in Lyvoniam, dividentes omnia, que retulerunt, in caritate.

Post [a] hec indignati Rutheni de Plecekowe contra Ugau- (3)
nenses, eo quod baptismum Latinorum acceperunt et suum contempserunt, bellumque eis comminantes, censum ac tributum ab eis exegerunt. Ugaunenses vero, Lyvonensem episcopum simul et fratres milicie super hoc consulentes, auxilium super hoc postulabant. Quod ipsi non negantes, simulque cum eis vivere ac mori promittentes, liberos eos a Ruthenis esse, sicut semper ante baptismum fuerunt, sic et nunc esse confirmabant. Mortuo itaque rege magno Woldemaro de Ploceke, [b] resuscitatus est novus adversarius Lyvonensis ecclesie, Woldemarus, qui surrexit cum exercitu magno Ruthenorum de Plecekowe,[c] et venit in Ugauniam, et sedit in monte Odempe, et misit exercitum suum per omnes villas ac provincias in circuitu, qui incendentes et depredantes totam terram, multosque viros interfecerunt, mulieresque et parvulos captivos deduxerunt. Et erat ibidem Theuthonicorum quidam Isfridus mercator, qui perditis omnibus suis
Rigam fugit et nunciavit ibi. Tunc convenerunt seniores (4)

---

[a] *Lemma in Z*: De expeditione Ruthenorum in Odenpe. [b] *Sic Z*; *W. Arndt* Plecekowe. [c] *Sic Z, correctum e* Plocekowe; *W. Arndt* Plescekowe.

Rigensium cum episcopis ac fratribus milicie, considerantesque bellum Ruthenorum sibi forte imminere, divisionem quandam faciebant super omnibus provinciis Estonie per Lyvonensem ecclesiam subiugatis ac baptizatis, describentes ecclesie Lyvonensi et episcopo Rigensi terciam partem proventuum omnium ac tributorum, de Estonia proveniencium, ut, sicut laborum ac bellorum, sic etiam consolationum particeps existeret, secundariam partem Estiensi episcopo, terciam vero fratribus milicie pro laboribus et expensis suis adiudicabant.

(5) Veneruntque iterum Ugaunenses ad episcopos, auxilium contra Ruthenos postulantes. Et miserunt episcopi viros suos cum fratribus milicie in Ugauniam. Qui congregaverunt Estones de provinciis illis, et edificaverunt montem Odempe simul cum eis, et habitaverunt ibi, munientes castrum firmissime, tam contra Ruthenos, quam contra gentes alias adhuc nondum baptizatas. Venerunt eciam Rutheni solito more in terram Lettorum de Tholowa pro censu suo colligendo; quo collecto, castrum Beverin incenderunt. Et vidit Bertoldus magister milicie de Wenden, quod ad bellum se prepararent, eo quod castra Lettorum incenderent, misit et comprehendit eos, et proiecit eos in carcerem; quos tamen, venientibus nunciis regis Nogardie, solvit et honorifice remisit in Rusciam. Ugaunenses vero, volentes se de Ruthenis vindicare, surrexerunt cum viris episcopi simul et cum fratribus milicie, et abierunt in Rusciam versus Nogardiam, et invenien-
1217 tes terram nullis rumoribus premunitam, in festo epyphanie,
Ian. 6 cum conviviis et potationibus suis magis solent occupari, diviserunt exercitum suum per omnes villas et vias, et interfecerunt populum multum, et mulieres quam plurimas captivas deduxerunt [a], et equos et pecora multa depellentes, spolia multa tulerunt, et igne et gladio suas iniurias vindicantes, cum omni preda reversi sunt in Odempe gaudentes.

(6) Post [b] festum epyphanie miserunt Rigenses ad omnes Lyvones et Lettos, et congregaverunt exercitum magnum, et

---

[a] *Sic o; ZM* duxerunt; *restituendum videtur* deduxerunt, *ut supra in XX. 3.* [b] *Lemma in Z*: De expeditione iam secunda in Gerwam.

iverunt in Sackalam, et acceperunt seniores eiusdem provincie sibi duces, veneruntque ad eos Ugaunenses cum Theuthonicis suis, et processerunt in Gerwen, dividentes exercitum suum per omnes villas ac provincias regionis illius, et percusserunt terram ipsam plaga magna, sedentes in villa Carethen sex diebus, incendentes et vastantes omnia circumquaque. Et processerunt in Vironiam, qui erant in equis fortiores, et similiter terram illam depredantes, et viros interficientes, et mulieres et parvulos captivantes, cum spoliis multis reversi sunt in Carethen. Et venerunt ad eos ibidem seniores illius provincie Gerwanenses, pacem petentes et ut de finibus suis exirent. Quibus dixerunt ipsi: «Si volueritis, inquiunt, veram pacem, oportebit vos veri pacifici, qui est Christus, filios fieri, ut ipsius baptismate suscepto nostram possitis fraternitatem perpetuam adipisci». Quo audito gavisi sunt Gerwanenses et, ut pacem Rigensium consequi valerent, tam baptismum eorum promiserunt se servaturos, quam censum eis perpetuum daturos. Unde et quosdam baptizavimus ibidem, et, acceptis obsidibus pueris eorum, reversi sumus in Lyvoniam cum omni preda nostra, deum pro gentis eciam illius conversione collaudantes.

Postquam [a] reversus est exercitus Lyvonensis a Gerwen, (7)
statim Nogardenses in quadragesima congregaverunt exercitum magnum Ruthenorum, ibatque cum eis rex Woldemarus de Plescekowe cum civibus suis, et miserunt nuncios per universam Estoniam, ut venirent ad obsidionem Theuthonicorum et Ugaunensium in Odempe. Et venerunt non tam Osilienses et Harionenses [b], quam eciam Saccalanenses iam dudum baptizati, sperantes iugum Theuthonicorum simul et baptismum eorum taliter a se removere. Et occurrerunt Ruthenis, et obsederunt simul cum eis castrum Odempe, et pugnaverunt cum Theuthonicis et, qui cum eis erant, decem et septem diebus, et non poterant eis nocere, cum castrum fuerit firmissimum. Sed viri sagittarii episcopi, qui erant in castro,

Febr.

---

[a] *Lemma in Z*: De obsidione castri Odenpe a Ruthenis. [b] *Sic ZX*; *W. Arndt* Hariones.

et fratres milicie multos vulnerabant ex Ruthenis et interficiebant balistis suis. Similiter Rutheni sagittis arcuum suorum quosdam de castro vulnerabant. Et circuiverunt Rutheni per provincias, et comprehenderunt multos, et interficientes eos, proiecerunt corpora eorum in aquam, que erat in pede montis, ut non haurirent ex ea, qui erant in castro. Et fecerunt omnia mala, que potuerunt, vastantes et incendentes omnem terram in circuitu. Et quandoque more suo montis munitionem cum omni multitudine sua conscendere conantes, a Theuthonicis et Estonibus fortiter repulsi sunt. Unde multorum virorum suorum interfectionem ibidem experti sunt. Et audientes episcopi cum fratribus milicie suorum obsidionem, miserunt in auxilium eis circiter tria milia virorum. Et ibat Volquinus magister milicie cum eis, et Bertoldus de Wenden et Theodericus, frater episcopi, cum eis, cum Lyvonibus et Lettis ac peregrinis quibusdam. Et pervenerunt ad stagnum Rastegerwe, et obvium habuerunt puerum venientem de castro. Quem acceperunt vie ducem et pervenerunt ad castrum mane facto, et relinquentes Osilienses ad dextram, perrexerunt ad Ruthenos et pugnaverunt cum eis. Et videntes exercitum magnum et fortem, diverterunt ad castrum. Erant enim Ruthenorum et Osiliensium fere viginti milia; quorum verentes multitudinem, ascenderunt in castrum, et ceciderunt quidam ex fratribus milicie viri fortes, Constantinus, Bertoldus et Helyas; et ex familia episcopi quidam. Et alii omnes sani pervenerunt in castrum, et pre multitudine virorum et equorum facta est fames et penuria ciborum et feni in castro. Et comedebant equi caudas in invicem. Similiter et in exercitu Ruthenorum, cum esset defectus omnium, tandem tercia die post conflictum colloquuti sunt cum Theuthonicis.

(8) Fecerunt [a] quoque pacem cum eis, ita tamen, ut Theu-
c. Mart. 1 thonici omnes relicto castro in Lyvoniam redirent. Et vocavit rex Woldemarus generum suum Theodericum, ut pro pace confirmanda secum abiret in Plecekowe. Et credidit ei

---

[a] *Lemma in Z*: De pace facta cum Ruthenis.

descenditque ad eum. Quem statim Nogardenses rapuerunt de manibus suis et captivum secum deduxerunt. Theuthonici vero facta pace cum Lyvonibus et Lettis per medium Ruthenorum et Osiliensium descenderunt de castro et redierunt in Lyvoniam. Sackalanenses eciam interim terram Lettorum intrantes, et villas eorum devastantes, et homines captivos ducentes ab Ymera, reversi sunt in Saccalam, immemores sacramentorum omnium ante susceptorum, pacemque cum Theuthonicis quondam factam non curantes, interruperunt.

Presulis[a] Alberti nonusdecimus fuit annus, XXI)
Et non a bellis siluit gens Lyvoniensis. 1217

Misit enim venerabilis prefatus antistes nuncios suos tam in Nogardiam, quam in Saccalam pro pace in Odempe facta confirmanda, supplicans eciam eis pro fratre suo Theoderico. Qui cum sint homines elationis tumore repleti, simul et in superbia sua nimium arrogantes, nec preces episcopi nec pacem Theuthonicorum curantes. Sed conspirabant cum Estonibus et cogitabant consilia, qualiter Theuthonicos opprimerent et Lyvonensem ecclesiam destruerent. Quo cognito, predictus antistes cum peregrinis redeuntibus abiit in Theuthoniam, domino Iesu Christo matrique sue Lyvoniam committens eciam hac vice custodiendam, et incommoda bellorum dampnumque suorum cunctis significans, ut se murum pro domo domini ponerent viri fortes et nobiles et sumpta cruce peregrinarentur in Lyvoniam in remissionem peccatorum, ammonuit. Et audivit comes Albertus de Lowenborch omnia mala, que Rutheni simul et Estones inferebant ecclesie Lyvonensi, sumpta cruce in remissionem peccatorum cum militibus suis ac viris strennuis ac nobilibus profectus est in Lyvoniam, venitque cum eo abbas Bernardus de Dunemunde et peregrini, licet pauci. Et susceptus est cum leticia magna. Quem dominus hactenus posuerat in pharetra sua, tamquam sagittam electam, ut tempore oportuno mitteret eum in Lyvoniam ad liberandam ecclesiam suam

---

[a] *Lemma in Z*: De bello in Sackalam.

(2) ab inimicis. Qui postquam venit in Rigam, miserunt Estones
ad Ruthenos munera plurima, rogantes, ut cum exercitu
venirent ecclesiam Lyvonensem destructuri. Sed rex magnus
Nogardie, Mislawe, eodem tempore abierat contra regem
Ungarie pugnaturus pro regno Galacie, relicto rege novo
in sede sua in Nogardia. Qui missis nunciis suis in Estoniam
promisit se cum exercitu magno venturum simul cum rege
Woldemaro et regibus aliis quam plurimis. Et gavisi sunt
Estones, et miserunt per universam Estoniam, et congre-
gaverunt exercitum magnum nimis et fortem. Et resederunt
aput Palam in Saccala. Quorum princeps ac senior Lembi-
tus convocavit omnes de omnibus provinciis, veneruntque
Sept. ad eos tam Rotalienses, quam Harionenses, tam Wironenses,
quam Revelenses, Gerwanenses et Sackalanenses. Et erant
ex eis milia sex, qui omnes exspectabant adventum regum
Ruthenorum diebus quindecim in Sackala. Quorum collectio-
nem audientes Rigenses, surrexerunt et propere festinaverunt
ad eos, Ruthenos prevenire cupientes. Et ibat comes Alber-
tus cum eis cum militibus ac servis suis, Volquinus magister
milicie cum fratribus suis, Bernardus abbas de Dunemunde,
prepositus Iohannes, Lyvones et Letti, Caupo etiam fidelis-
simus, qui prelia domini simul et expeditiones numquam
neglexit. Hii [a] omnes venerunt prope Sackalam, ubi locus
est orationis et colloquiorum exercitus. Et erant ex eis fere
tria milia virorum electorum. Et ordinaverunt Theuthonicos
via media, Lyvones vero posuerunt ad dextram, Lettis vero
viam ad sinistram dederunt. Et miserunt alios ad villas, qui
comprehensis hominibus quibusdam intellexerunt ab eis
multitudinem exercitus, simul et ipsum iam obviam venien-
tem et paratum ad preliandum. Quo audito, processerunt
caute et ordinate et vespere facto pervenerunt apud cast-
rum Viliende, ubi quiescentes nocte, missarumque solemp-
Sept. 21 niis ibidem celebratis, in die Mathei apostoli processerunt
obviam inimicis. Et invenerunt omnes eos [b] ad locum alium

---

[a] *In margine Z:* Ubi locus est orationis et colloquiorum exercitus.
[b] *Sic Z; W. Arndt omittit* eos *(Mo).*

divertisse, quos statim insequentes eosque ad preliandum paratos subito de silvis ex adverso procedere videntes, accesserunt ad eos, et pugnaverunt Theuthonici via media, ubi maior ac forcior eorum turba fuit. Quorum alii in equis et alii pedes, in ordine suo paulatim procedentes, per medium eorum ibant, et infringentes aciem ipsorum, in fugam eos converterunt.

Letti [a] quoque, in sinistro cornu dimicantes, audacter una (3)
cum Theuthonicis suos adversarios invadebant, contra quos ordinati erant Sackalanenses simul cum Lembito et ceteris senioribus suis. Qui multos de Lettis vulnerantes et quosdam interficientes, fortiterque pugnantes diuque restiterunt. Sed videntes turbam mediam a Theuthonicis in fugam conversam, terga verterunt et ipsi. Et persequuti sunt eos Letti, et multos occiderunt ex eis, et ceteri fugerunt. Et cognovit Veko, frater Roboam, Lembitum, et persequutus est eum, et occidit eum, tollens vestimenta eius, et ceteri, caput eius amputantes, detulerunt secum in Lyvoniam. Et ceciderunt ibidem etiam alii seniores de Sackala, Wottele, Maniwalde, cum aliis quam plurimis. Lyvones vero, qui ad dexteram erant ordinati, videntes lanceas Estonum crudeliter super se volantes, declinaverunt ad Theuthonicos et cum eis persequebantur fugientes. Sed Estones, qui venerant contra eos, irruerunt super quosdam ex nostris post tergum sequentibus, sed illi viriliter repellentes eos, converterunt eciam eos in fugam. Et postquam omnes Estones, conversi sunt in fugam, Lyvones et Letti et Saxones persequebantur eos, et occiderunt ex eis per silvas, ut fere implerent numerum millenarium, immo innumerabiles, qui per silvas ac palúdes computari non poterant, et equorum fere duo milia eis abstulerunt, et arma et spolia omnia eorum tulerunt, et sequenti die rapta omnia inter se equaliter diviserunt. Caupo [b] vero, lancea (4)
perforatus per latus utrumque, fideliter passionem domini commemorans, sumptisque dominici corporis sacramentis,

[a] *Lemma in Z*: De bello Sackalanensium quod commiserunt cum eis. [b] *Lemma in Z*: De morte Cauponis.

in sincera confessione christiane religionis emisit spiritum, divisis primo bonis suis omnibus ecclesiis per Lyvoniam constitutis. Et luctum habuerunt super eum tam comes Albertus, quam abbas, et omnes, qui erant cum eis. Et combustum est corpus eius, et ossa delata in Lyvoniam et sepulta in Cubbesele.

(5) Post [a] bellum autem processit exercitus ad Palam, in villam Lembiti, sedensque tribus diebus ibidem, miserunt Lyvones et Lettos ad depredandas omnes provincias in circuitu et incendendas. Et venit ad eos frater Lembiti Unnepewe cum aliis, qui remanserant, supplicantes pro pace pristina renovanda. Et dixerunt eis Theuthonici: «Quia sacri baptismi sacramenta suscepta contempsistis et paganorum ac Ruthenorum consiliis fidem Christi contaminastis, ideo percussit vos dominus. Nunc ergo revertimini fideliter ad Christum, et adhuc recipiemus vos in fraterne dilectionis nostre consorcium». Et placuit eis. Et acceptis obsidibus iam secundo data est eis pax, ut omnia christianitatis iura fideliter observent. Quo facto reversus est exercitus cum omnibus spoliis suis in Lyvoniam, et pro tam gloriosa victoria sibi a deo collata benedixerunt dominum, qui est benedictus in secula. Postquam [b] rediit comes Albertus a cede Sackalanensium, desiderabat ipse in Osiliam aliam promovere expeditionem, machinamque maiorem fieri iussit et omnes ad iter ipsum confortavit. Sed indicta sepius eadem hyeme collectione exercitus, pluviarum fluebant ymbres, et resoluta glacie maris in Osiliam, cum sit
1218 insula maris, pervenire non poterant. Unde tandem in quad-
Mart. 3 ragesima Rigenses exeuntes cum Lyvonibus et Lettis, ad Estones alios ire disposuerant, et venientes ad Saletsam suosque exploratores premittentes, Osilienses obvios habuerunt. Et statim postquam Osilienses cognoverunt exercitum Rigensium, conversi sunt in fugam. Et sequebantur eos Rigenses cum omni exercitu suo per totum diem illum, et sequenti die provincias intrantes maritimas circa Osiliam

---

[a] *Lemma in Z:* De reversione Sackalanensium ad fidem et pacem.
[b] *Lemma in Z:* De expeditione in Haniale.

sitas, et diviso exercitu suo per omnes vias, terramque despoliantes, viros omnes comprehensos interfecerunt, mulieres et parvulos captivos duxerunt, iumenta multa secum comminantes, spolia multa tulerunt, flammis villas ac domos tradiderunt. Et convenientes cum exercitu suo, sederunt quiescentes diebus aliquot in media terra. Et venerunt ad eos seniores de Haniale et Cozzo et omnibus provinciis, a Rotalia usque Revele et Hariam constitutis, rogantes ea, que pacis sunt, et ut de finibus suis recederent. Et[a] dixerunt Rigenses: «Si volueritis, inquiunt, sacro fonte rigari et nobiscum veri pacifici, qui est Christus, filii fieri, tunc veram pacem vobiscum firmabimus et vos in nostram fraternitatem accipiemus». Quod audientes Estones gavisi sunt et positis obsidibus ecclesie Lyvonensi se subdiderunt, ut et[b] baptismi sacramenta reciperent et censum annuatim persolverent. Et data est pax, et reversi sunt Rigenses cum preda multa, pro gentis illius etiam subiugatione deum collaudantes.

Post[c] secundam reversionem Sackalanensium ad fidem christianam venerunt quoque Gerwanenses, eciam iam secundo, et tradiderunt se Rigensi ecclesie coram comite Alberto et universis senioribus Rigensium, ponentes obsides pueros suos, ut et ipsi baptismi mysterium acciperent et ecclesie Lyvonensi censum ministrarent perpetuum vel annone mensuram pro decima institutam. Et reversi sunt ipsi in terram suam, de pacis tranquilitate gaudentes. (6)

Hoc[d] ipso tempore surrexerunt Osilienses et venerunt in Metsepole cum exercitu, et erant ex eis fere mille de melioribus suis, et despoliaverunt totam provinciam illam in Metsepole. Et post hec intraverunt parrochiam aliam in Ledegore, et spoliantes terram in circuitu, viros quosdam interfecerunt, mulieres et parvulos secum deduxerunt. Et ut appropinquaverunt ad domum sacerdotis, vidit eos Godfridus sacerdos venientes. Et subito conscendens equum (7)

---

[a] *In margine Z*: De pace facta cum Rotaliensibus et fide recepta ab eis. [b] *Sic ZM*; *W. Arndt* et ut (*o*). [c] *Lemma in Z*: De pace facta secundo cum Rotaliensibus. [d] *Lemma in Z*: De bello cum Osiliensibus ad Saletsam.

suum, fugit ab eis et circuivit parrochiam suam, convocans viros omnes ad pugnandum cum paganis, et misit ad vicinas parrochias per totam noctem, ut sequenti die venirent ad bellum. Et venit Vesike cum suis Lyvonibus nec non et quidam ex servis episcopi de castro Vredelant, et convenerunt in unum et persequuti sunt Osilienses. Et erant septem tantum ex servis episcopi Theuthonici, et octavus erat sacerdos Godefridus, qui succinxit se armis bellicis suis et induit se lorica sua, tamquam gygas, oves suas luporum faucibus eripere cupiens. Et irruerunt post tergum super eos, occidentes ex eis fortissime. Sed et illi conversi ad istos diutissimeque resistentes, quam plures ex istis vulneraverunt. Tandem post pugnam longam conversi sunt Osilienses in fugam, et ceciderunt ex eis fere centum, et ceteri fugerunt. Et persequuti sunt servi episcopi cum Lyvonibus eos trans Saletsam via plana iuxta mare, abstuleruntque eis equos fere quadringentos ex melioribus, quos inter se postea cum rapina diviserunt, benedicentes dominum, qui per paucos operatus est victoriam de inimicis.

(XXII) Annus [a] bisdenus antistitis adveniebat,
1218 Et non a bellis Lyvonum terra silebat.

Eodem anno prefatus episcopus Rigensis, simul et Estiensis, et Bernardus abbas, qui eodem anno consecratus est in episcopum in Semigallia, cum comite Alberto redeunte de Lyvonia, venerunt ad regem Dacie, suppliciter rogantes, quatinus exercitum suum navalem anno sequenti converteret in Estoniam, ut magis humiliati Estones Lyvonensem ecclesiam cum Ruthenis impugnare cessarent. Et ut intellexit rex grandem guerram Ruthenorum atque Estonum contra Lyvonenses, promisit se anno sequenti cum exercitu suo in Estoniam venturum, tam ad beate virginis honorem, quam in peccatorum suorum remissionem. Et gavisi sunt episcopi. Et abiit iterum venerabilis Lyvonensis ecclesie Albertus, colligens peregrinos et predicans eis remissionem peccatorum et mittens eos

---

[a] *Lemma in Z:* Annus vicesimus.

in Lyvoniam, ut starent pro domo domini in die prelii et defenderent ecclesiam novellam ab impetu paganorum. Ipse vero distulit iter suum in Lyvoniam hoc anno, ut in futurum annum forcior et cum pluribus veniret. Et statuit in vice sua decanum Halverstadensem, qui cum Henrico Borewino, nobili viro de Wentlante,[a] et quibusdam aliis peregrinis abiit in Lyvoniam, annum peregrinationis sue completurus ibidem.

Post[b] festum autem assumptionis beate virginis, calore (2)
iam estivo pretereunte, indicta est expeditio contra Revelen- p. Aug. 15
ses et Harionenses, qui semper adhuc fuerant rebelles et aliis crudeliores. Et convenerunt Rigenses cum Lyvonibus et Lettis, et ibat cum eis Heinricus Borewinus et magister Volquinus cum fratribus suis, et venerunt prope Sackalam, ubi locus orationis et colloquiorum exercitus esse solet, ubi eciam comes Albertus pontem fieri iussit, et Revelensem provinciam se despoliaturos ibidem decreverunt. Et sequenti die pertranseuntes Sackalam, venerunt prope castrum Viliende, et redierunt ad eos ibidem exploratores sui, quos ad convocandum seniores eiusdem provincie miserant, ut essent eis more solito vie duces. Et reduxerunt secum Ruthenorum nuncios et Osiliensium, quos in villis comprehenderant, qui venerant missi a Ruthenis, ut colligerent exercitum per universam Estoniam et collectum eum ducerent ad exercitum Ruthenorum, ut simul venirent in Lyvoniam. Et statuerunt eos in medio populi, perquirentes ab eis verbum[c] legationis sue. At illi exercitum magnum regum Ruthenorum in crastino de Ugaunia venientem et in Lyvoniam euntem retulerunt, et se ad hoc missos, ut exercitum Estonum simul ad Ruthenos adducerent. Quo audito statim reversus est exercitus Lyvonensis eadem via, qua venerat, et sequenti die via in Puidise versus Ugauniam in occursum Ruthenis abierunt. Et transeuntes Rutheni per totum diem flumen, quod dicitur Mater aquarum, venerunt et ipsi in obviam Lyvonensibus, et subito

---

[a] *Sic Z; W. Arndt* Wentlande. [b] *Lemma in Z*: De bello cum Ruthenis in Puidyse. [c] *Sic ZMo; W. Arndt* verba.

redierunt ad nos exploratores nostri, dicentes exercitum Ruthenorum iam appropinquare. Et surreximus festinanter et ordinavimus exercitum nostrum, ita ut Lyvones et Letti pedes, Theuthonici in equis suis pugnarent. Et ordinato exercitu, perreximus ad eos. Et cum pervenissemus ad eos, confestim, qui primi erant ex nostris, acceleraverunt ad eos, et pugnantes cum eis, verterunt eos in fugam, et persequentes eos fortissime, ceperunt vexillum regis magni Nogardie nec non et alia duo vexilla regum aliorum, et viros portantes interficiebant. Et cadebant ex eis per viam hac et illac, et sequebatur post eos totus exercitus noster, donec tandem Lyvones et Letti, qui pedes currebant, deficerent. Et ascendit unusquisque equum suum, et insequuti sunt Ruthenos.
(3) Rutheni vero fugientes fere duo miliaria, pervenerunt ad fluvium parvulum, quem transeuntes steterunt. Et congregaverunt in unum universum exercitum suum, et percusserunt tympanum et fistulas suas, et rex Woldemarus de Plescekowe cum rege Nogardie circueuntes exercitum confortabant eos ad pugnam. Theuthonici vero, postquam percusserunt eos usque ad flumen, steterunt eciam et ipsi, non valentes eciam et ipsi pre multitudine Ruthenorum fluvium ad eos transire. Et congregaverunt se in colliculo fluvii eciam et ipsi, suorum, qui sequebantur, exspectantes adventum. Et ordinaverunt exercitum secundo, ut alii pedes et alii in equis ex adverso Ruthenorum starent, et quicunque Lyvonum ac Lettorum in colliculum fluvii, ubi acies erant ordinate, pervenit, visa multitudine exercitus Ruthenorum, statim, quasi clava percussus in facie, retrorsum abiit, et dorsa vertens reversus est in fugam. Et fugit unusquisque eorum post alium, videntes sagittas Ruthenorum super se venientes; tandem fugam simul omnes inierunt. Et steterunt Theuthonici soli, quorum erant tantum ducenti. Sed et ipsi quidam subtraxerunt se, ut vix centum remanerent, et totum pondus prelii versum est in eos. Rutheni vero rivum transire ceperunt, et permiserunt eos Theuthonici, donec aliquanti transirent, et statim percusserunt eos iterum usque ad fluvium, et aliquot ex eis interfecerunt. Et iterum alii rivum transeun-

tes ad Theuthonicos, iterum repulsi sunt ab eis. Quidam autem prepotens de Nogardia, transito rivo ad explorandum, Lyvones de longinquo circuibat, et occurrens ei Theodericus de Kukenoys, dexteram, qua gladium tenebat, amputavit, et fugientem insequutus percussit, et ceteri [a] ceteros interfecerunt; quicunque fluvium ad eos transiverunt, ita percusserrunt. Et taliter ab hora diei nona usque fere ad occasum solis cum eis circa fluvium pugnaverunt. Et videns Nogardie rex suorum circiter quinquaginta interfectionem, prohibuit exercitum suum, ne deinceps ad eos transirent. Et abscessit exercitus Ruthenorum ad ignes suos. Theuthonici vero omnes sani et incolumes per viam cantantes redierunt, preter unum militem Heinrici Borewin, qui sagitta vulneratus cecidit, et alter Lettus quidam Veko, qui cum novem Ruthenis solus, ad arborem versus diutissime pugnavit, et tandem post tergum vulneratus, cecidit ipse et mortuus est. Alii [b] vero omnes Lyvones et Letti sine lesione aliqua redierunt, quorum multi de silvis, ad quas fugerant, iterum ad Theuthonicos per viam redeuntes venerunt, congaudentes eis, eo quod tam pauci de tanta multitudine Ruthenorum evaserunt. Et laudaverunt omnes salvatoris clemenciam, qui reduxit eos, et liberavit de manibus inimicorum, immo qui in tanta paucitate suorum fere quinquaginta de Ruthenis interfecerunt et arma et spolia et equos eorum tulerunt. Erant autem Ruthenorum sedecim milia armatorum, quos rex magnus Nogardie convocaverat per universam Rusciam iam per biennium, cum armis melioribus, que fuerant in Ruscia. Qui post triduum seque- (4)
bantur in Lyvoniam et primo quidem Lettorum villas aput Ymeram despoliantes et incendentes et ecclesiam eorum, et posthec aput castrum Urele se congregantes et ibi diebus residentes duobus, tercio die venerunt in curiam Alebrandi sacerdotis super Raupam, sicut Woldemarus aliquando ei predixerat. Ibique diebus tribus quiescentes, ecclesias omnes in circuitu tam Lyvonum, quam Ydumeorum incenderunt,

---

[a] *Sic ZMo*; *W. Arndt* percussit. Ceteri ceteros. [b] *In margine Z*: De reditu Theuthonicorum a bello.

et provincias et villas omnes depredantes, mulieres et parvu-
los captivos duxerunt, et viros omnes comprehensos inter-
fecerunt, et frumenta per agros undique congregata cremave-
runt. Et [a] venit Gerceslawe, filius Woldemari, cum alio exer-
citu, et obsedit fratres milicie in Wenden, et pugnavit cum
eis per diem illum. Et sequenti die transita Coiwa processit
ad regem Nogardie nec non et ad patrem suum in Ydumea,
et terram Lettorum et Ydumeorum et Lyvonum simul cum
aliis depredando vastavit, inferendo mala, que potuit. Et
audientes Rigenses omnia mala, que Rutheni faciebant in
Ydumea, surrexerunt cum Volquino magistro milicie iterum
et Heinrico Borewino et cum peregrinis et cum Lyvonibus
suis, et venerunt in Thoreydam, et convocaverunt ad se
viros de circumiacentibus provinciis, volentes iterum pug-
nare cum Ruthenis. Et miserunt exploratores ad eos, qui
statim turbam invenerunt Ruthenorum in Ymmeculle, et
(5) persequuntur eos usque ad Raupam. Illi vero ad suos reversi,
Theuthonicorum exercitum venientem indicabant. Quo
audito statim Rutheni recedentes de loco illo et transeun-
tes Coywam, Wendorum castrum obsederunt et per totum
diem cum Wendis pugnabant. Descendebant [b] quoque sagit-
tarii fratrum milicie de castro suo, intrabant ad Wendos
et balistis suis multos Ruthenorum interficiebant et quam
plurimos vulnerabant. Unde multi nobiles graviter vulnerati
inter duos equos in lectulis suis semivivi deferebantur. Magi-
ster autem milicie de Wenden cum fratribus suis pridie ad
congregationem Theuthonicorum abierat. Interim Ruthe-
norum totus exercitus castrum ipsorum obsedit. Unde ipsi
nocte per medios hostes caute transeuntes, in castrum suum
redierunt. Mane quoque facto rex Nogardie, videns multorum
nobilium suorum lesionem et aliorum interfectionem castrum-
que ipsum Wendorum se capere non posse considerans, cum sit
tamen minus castellum, quod habet Lyvonia, pacifice loquutus
est fratribus milicie, qui pacem talem non curantes, balistis eos

---

[a] *Lemma in Z*: De alio exercitu Ruthenorum. [b] *Lemma in Z*: De obsidione castri Wendorum.

a se repulerunt. Unde [a] Rutheni sequencium Theuthonicorum impetum verentes, diverterunt a castro, et per totum diem euntes, usque in Tricatuam pervenerunt, festinanter de terra exeundo. Et venientes in Ugauniam, exercitum Letonum in (6)
Ruscia audierunt, et redeuntes in Plescekowe, partem aliquam civitatis ipsius a Letonibus despoliatam invenerunt. Tunc Let- (7)
torum quidam surgentes cum paucis intraverunt Rusciam, et despoliantes villas, et homines interficientes, et alios capientes, et spolia tollentes, in vindictam suorum fecerunt omnia mala, que potuerunt. Et illis redeuntibus iterum alii abierunt, nichil omnium malorum, que facere potuerunt, omittentes.

Fuerat [b] etiam consilium Osiliensium, ut simul cum Ru- (8)
thenis in Lyvoniam venissent cum aliis Estonibus ad destruendam ecclesiam. Sed propter conflictum Theuthonicorum cum Ruthenis dissipatum est consilium eorum, ut non venirent Sackalanenses, sed nec Osilienses, sed tantum Harionenses, qui cum quibusdam aliis sequebantur Ruthenos. Et pervenerunt ad eos aput Wenden, et simul iterum cum eis abierunt. Osilienses vero navigio Dunam intraverunt, et in insulis, captis quibusdam, pecora multa rapuerunt, et heremitam quendam interfecerunt, qui de Dunemunde fuerat egressus et in insula vicina vitam heremiticam elegerat et ibidem martyrii sui agonem exspectabat. Quo consummato feliciter et indubitanter in sanctorum communionem transmigravit. Et [c] miserunt Rutheni de Plescekowe nuncios in Lyvoniam, dicentes se pacem cum Theuthonicis facturos. Sed erant consilia eorum semper mala cum Estonibus et omni dolo plena.
Quod intelligentes Rigenses, miserunt ad Lyvones et Lettos, (9)
et congregaverunt exercitum, ut irent contra Estones. Et
circa quadragesime inicium convenerunt ad Saletsam, et 1219
erat ibi Volquinus magister milicie cum Heinrico Borewino Febr.
et peregrinis, et Lyvones et Letti, et ibant in glacie maris, donec Sontaganam pervenirent. Et accipientes ibidem de

---

[a] *Lemma in Z*: De recessu Ruthenorum. [b] *Lemma in Z*: De expeditione Osiliensium in Dunam et martyrio heremite. [c] *Lemma in Z*: De expeditione in Revele que frigida vocatur a Lyvonibus.

castro vie duces, processerunt per totam noctem ad Revelensem provinciam. Et occurrit eis ventus ab aquilone frigidissimus. Erat enim frigoris tanta asperitas, ut extremitates membrorum ipsorum in frigiditate multis perirent, et aliis nasus, aliis manus aliisque pedes congelarentur et omnibus nobis domi postea redeuntibus nova cutis in facie supercresceret vetere proiecta. Quidam eciam postea mortui sunt. Diviserunt autem exercitum suum in tres acies, et accepit Vesike cum Lyvonibus suis unam aciem et viam ad sinistram, Letti vero ad dexteram, Theuthonicis vero viam mediam more solito dimiserunt. Et relinquens Vesike viam suam, Theuthonicos via media precessit cum Lyvonibus suis, qui primo mane ante lucem villam, quam invenerunt primam, incendentes, ut se calefacerent. Et videntes ignem illum Estones de tota provincia, statim exercitum Lyvonensem intellexerunt, et fugerunt unusquisque ad latibula sua. Theuthonici vero sequentes et villam ante lucem incensam invenientes et vie ducem aberrasse putantes, interfecerunt eum ibidem. Mane autem facto circuiverunt per omnes villas, incendentes eas, et homines interficientes, et alios capientes, et pecora multa et spolia rapientes, ad vesperam pervenerunt ad villam, que Ladise vocatur, et ibi nocte quiescentes, ad aliam villam vicinam, que Culdale vocatur, sequenti die perrexerunt, et rapinam multam acceperunt. Post triduum super glaciem maris, quod vicinum erat, abierunt, pellentes secum predam universam et captivos, ubi nunc Dani castrum [a] suum in vicino edificaverunt. Et revertentes paulatim in glacie, decem diebus propter captivos et predam moram fecimus, exspectantes eciam Osilienses aut alios Estones, si forte ad bellandum contra nos sequerentur. Cumque ad Saletsam veniremus, divisis spoliis cunctis inter nos, cum gaudio reversi sumus in Lyvoniam, sicut exultant victores, quando dividunt spolia.

---

[a] *Sic X; in Z falso* claustrum *(sic et W. Arndt). Cf. XXIII.2:* Et destruentes (Dani) castrum antiquum, aliud novum edificare ceperunt.

Bisdenus [a] primus antistitis institit annus, (XXIII)
Et non a bellis Lyvonum terra quievit. 1219

Nam eodem anno facte sunt expeditiones multe, bellumque innovatum est. Redeunte itaque presule prefato de Theuthonia, venerunt cum eo peregrini multi et nobiles. Quorum primus erat dux Saxonie de Anehalt Albertus, Rodolfus de Stotle, burcgravius, iuvenis comes quidam et alii quam plures, qui parati erant ecclesiam defendere et stare pro domo domini in die prelii.

Surrexit [b] etiam rex Dacie cum exercitu magno eodem (2)
tempore, et venit cum eo Lundensis ecclesie venerabilis archiepiscopus Andreas, et Nicolaus episcopus, et tercius episcopus cancellarius regis, eratque cum eis Estiensis episcopus Theodericus, in Riga quondam consecratus, qui relicta Lyvonensi ecclesia regi adhesit, et Wizzlaus Sclavorum princeps cum suis. Qui omnes applicuerunt exercitum suum ad Revelensem provinciam et resederunt in Lyndanise, quod fuerat castrum quondam Revelensium. Et destruentes castrum antiquum, aliud novum edificare ceperunt. Et congregaverunt Revelenses et Harionenses exercitum magnum contra eos, et miserunt seniores suos ad regem verbis pacificis in dolo, et credidit eis rex, ignorans dolum ipsorum. Et dedit eis munera, et baptizaverunt eos episcopi, remittentes eos cum gaudio. Qui reversi ad suos, cum omni exercitu suo post triduum venerunt ad vesperam facta cena, et irruerunt super Danos in quinque locis, et pugnaverunt ex improviso cum eis, et quidam ex eis, putantes regem esse in tentorio, quod erat venerabilis Estiensis episcopi Theoderici, intraverunt ad eum et occiderunt eum, et alii alios insequentes, interfecerunt plures ex eis. Dominus vero Wenezlaus stabat in valle, que est in descensu montis ad mare, cum Slavis suis. Et videns eos appropinquare, confestim occurrit eis. Et [c] pugnans cum eis, convertit eos in fugam, et persequebatur eos, percuciens et inter-

---

[a] *Lemma in Z*: De anno vicesimo primo. [b] *Lemma in Z*: De expeditione regis Dacie in Revele. [c] *Lemma in Z*: De pugnatorum *(sic)* cum Estonibus.

ficiens eos per viam. Videntes autem Estones alii, qui Danos insequebantur, fugam illorum, qui cum Slavis pugnaverunt, steterunt eciam et ipsi, cessantes a persecutione Danorum. Et convenerunt omnes Dani simul cum rege et Theuthonici quidam, qui erant cum eis, et occurrerunt Estonibus, dimicantes fortiter cum eis. Et fugerunt Estones coram eis, et postquam omnis multitudo eorum conversa est in fugam, sequebantur eos Dani cum Theuthonicis et Slavis, et interfecerunt ex eis per paucos plus quam mille viros, et ceteri fugerunt. Et referebat rex et episcopi gratias deo pro victoria sibi de paganis a deo collata. Et in locum episcopi predicti Theoderici capellanum suum Wescelinum substituerunt, perfectoque castro locatisque in eo [a], rediit rex in Daciam. Et remanserunt ibidem episcopi cum viris regis, qui per totum annum illum pugnaverunt cum Revelensibus, donec tandem baptismi sacramentum acceperunt.

(3) Post [b] reditum antistitis in Lyvoniam cum peregrinis suis venerunt ad eum Semigalli de Mesyote, petentes auxilium contra Letones. Et ait episcopus: «Si baptizari volueritis et leges accipere christianas, tunc vobis auxilium prebebimus et in fraternitatis nostre consorcium recipiemus». Et dixerunt illi: «Baptizari quidem propter aliorum Semigallorum et Letonum ferocitatem non audemus, nisi missis viris tuis ad nos in castrum nostrum ab illorum impugnatione nos tuearis, qui nobiscum commanentes et baptismi poterunt nobis ministrare sacramentum et leges docere christianorum». Et placuit episcopo simulque Rigensibus consilium eorum, et remisit cum eis nuncios suos requirere consensum eciam eorum, qui domi fuerunt. Et venerunt iterum atque sepius, postulantes id ipsum. Tunc [c] tandem surrexit episcopus cum duce Saxonie et cum quibusdam aliis peregrinis et cum preposito beate Marie et cum viris suis, et abiit in Semigalliam, et residens pacifice iuxta castrum Mesiothe,

---

[a] *Sic ZM; L. Arbusow (o. c., pag. 169) addenda censet:* [viris suis]. [b] *Lemma in Z:* De Semigallorum conversione. [c] *Lemma in Z:* De baptismo eorum.

convocavit ad se Semigallos eiusdem provincie. Qui, sicut promiserant, fideliter obedientes, convenerunt omnes, et recipientes doctrinam ewangelicam, baptizati sunt virorum fere trescenti, exceptis mulieribus et parvulis eorum, et factum est gaudium de conversione eorum. Post hec ad petitionem ipsorum locavit episcopus viros suos cum ipsis in castro Mesiothe cum peregrinis quibusdam et alios de Riga misit adducere, que necessaria erant, navigio. Ipse vero cum duce et aliis reversus est Rigam. [a] Porro Vesthardus, senior (4)
aliorum Semigallorum de vicina provincia, que Thervetene vocatur, audiens conversionem illorum de Mesiothe, collegit exercitum de omnibus finibus suis pace interrupta et venit ad castrum et pugnavit cum Theuthonicis per totum diem, et lignorum struem comportantes et ignem apponentes, nec tamen castrum comprehendere valentes, dimicabant fortissime. Et interfectus est sagitta filius sororis Vesthardi. Quo viso contristatus est ipse divertitque statim de castro cum exercitu suo. Et audivit alios de Theuthonicis navigio venientes in flumine Missa, quibus festinanter occurrit, et in loco stricto conveniens eos, ubi modica fuit in flumine profunditas, comprehendit ex eis triginta viros vel paulo plures et interfecit eos, et alii fugientes in Rigam redierunt. Inter quos erat Segehardus, sacerdos Cysterciensis ordinis, missus ad castrum ipsum a Dunemunde in obsequium episcopi Bernardi, ad cuius episcopatum preoccupatus erat locus idem. Qui sedens in littore, videns paganos venientes, ponebat manicam cuculle super caput suum, feritatem paganorum exspectans. Et in manus domini spiritum commendans, percussus est ipse cum aliis, quorum anime in martyrum societate sine dubio cum Christo gaudebunt, quorum negocium sanctum erat, eo quod vocati venerunt ad baptizandum paganos vineamque domini plantandam, quam sanguine suo plantaverunt. Ideoque sunt eorum anime sanctorum in celis coequales. Audientes itaque Theuthonici, qui in castro fuerunt, suorum interfectionem et non habentes, que necessa-

[a] *Sic ZT*; *W. Arndt* in Rigam (*Mo*).

ria fuerunt in annum, simulque considerantes Semigallorum et Lettonum nec non et Curonum ferocitatem contra nomen christianum, surrexerunt cum omnibus suis et relicto castro abierunt in Rigam. Semigalli vero iam baptizati recidivantes, sacramentorum susceptorum immemores, aliis Semigallis se coniunxerunt, et cum eis et Letonibus conspirantes et se confederantes contra Rigenses et Lyvones et omnes christianos. Et congregagerunt se simul omnes, tam adhuc pagani, quam baptizati, in ipsum castrum, fodientes illud et edificantes munitionem ipsius firmissime, et euntes in expeditionem contra Lyvones Holmenses, ceperunt occidere et spoliare eos. Lyvones quoque, intrantes terminos eorum, similia mala eis inferebant. Et audivit episcopus et dux Saxonie Albertus suorum interfectionem et omnia mala, que faciebant Semigalli, misit ad omnes Lyvones et Lettos, mandans eis, ut essent parati, si quando dominus prosperum concederet iter, ad faciendam vindictam in nationibus.

(5) Interea [a] Letti de Kukenoys et alii quidam Letti fratrum milicie, Meluke et Warigribbe, non immemores omnium malorum, que Rutheni de Plescekowe et Nogardenses anno preterito in Lyvonia perpetraverant, abierunt in Rusciam, et depredantes villas, et viros interficientes, et mulieres captivantes, omnem terram circa Plescekowe desertam posuerunt; et redeuntibus illis alii abierunt et similia mala fecerunt et predam multam omni tempore retulerunt. Et relinquentes aratra sua, terram Ruthenorum incolebant, insidiantes eis in campis et in silvis et in villis, ceperunt et interfecerunt eos, et nullam requiem dantes eis, equos et pecora et mulieres eorum tulerunt. Rutheni [b] vero de Plescekowe circa autumpnum collegerunt exercitum, et venerunt in terram Lettorum, et despoliaverunt villas eorum, et sederunt in finibus Meluke et Warigribbe, devastantes omnia, que habebant, et frumenta cremantes, nichil eorum malorum, que facere poterant, obmiserunt. Et misit magister milicie in Wenden ad Lettos omnes,

---

[a] *Lemma in Z*: De expeditione Lettorum. [b] *Lemma in Z*: De expeditione Ruthenorum ad Lettos.

ut venirent ad expellendum Ruthenos de terra. Sed abeuntibus Ruthenis, visum est Lettis de persecutione Ruthenorum modicum se lucrum reportare, et converterunt exercitum suum in Sackalam, et accipientes secum Sackalanenses, transiverunt Palam, et intrantes Gerwam, percusserunt terram illam plaga magna, viros interficientes, mulieres capientes, equos et pecora et spolia multa tollentes, dicentes eos contra Danos in auxilium venisse Revelensibus. Et venerunt ibidem ad Rodolfum magistrum milicie seniores eiusdem provincie Gerwanensis, dicentes se pacem Rigensium iam dudum recepisse coram comite Alberto simulque baptismum eorum suscepturos, rogantes eum, ut cum exercitu suo de finibus ipsorum exiret. Et accepit Rodolfus pueros eorum obsides, renovando cum eis pacem. Unde iura cuncta, quondam ab eis accepta, et fidem et leges promiserunt se deinceps servare christianas. Et suggerebant fratribus milicie, ut cicius redirent ad eundum cum eis in Vironiam cum exercitu, ut iugum illud christianitatis etiam ad illas deferrent provincias; et promiserunt eis et reversi sunt cum omni preda sua in Lyvoniam. (6)

Post [a] expeditionem Gerwanensem fratres milicie de Wenden ad se convocaverunt viros episcopi, Gerhardum advocatum cum omnibus Lyvonibus ac Lettis et comitem iuvenem de familia episcopi cum ceteris Rigensibus, et profecti sunt in Sackalam, accipientes secum Sackalanenses et eciam Ugaunenses, et progressi sunt in Gerwam, et eligentes sibi de Gerwanensibus vie duces, per totam noctem intraverunt Vironiam, que est terra fertilis et pulcherrima et camporum planicie spaciosa.[b] Et [c] sequebantur eos Gerwanenses tam equites, quam pedites, et non audierant Vironenses exercitum Lyvonensem venientem, et erant omnes in villis et in [d] domibus suis, et mane facto diviserunt exercitus ad omnes provincias, et dederunt alias Gerwanensibus, alias (7)

---

[a] *Lemma in Z*: De expeditione in Gerwam. [b] *Sic corrigendum videtur ex X, quamquam Z (et W. Arndt) habet* speciosa. [c] *In margine Z*: De expeditione in Vyroniam. [d] *Sic ZM*; *W. Arndt omittit* in (*o*).

Ugaunensibus, et alias dederunt Lyvonibus et Lettis despoliandas. Et invenerunt omnem populum per universam Vironiam in villis, et percusserunt eos a magno usque ad minorem, et non pepercerunt eis, quotquot masculini sexus invenerunt, et mulieres et parvulos capientes, et equos et pecora multa compellentes, spolia multa tulerunt. Et posuerunt Theuthonici suam congregationem in villa magna, que Turme vocatur. Lyvones et Letti suam mayam elegerunt in Avispe. Sackalanenses in Revelensi provincia resederunt, Gerwanenses in suis provinciis quieverunt. Ugaunenses provinciam sibi conterminam, que Pudiviru vocatur, depredantes, ibidem consederunt. Et postquam graviter nimis diebus quinque totam terram illam percusserunt et milia multa populorum interfecerunt, venerunt tandem ad nos seniores provinciarum, qui per fugam evaserant, suppliciter pro pace petentes. Et ait Rodolfus, fratrum milicie magister: «Numquit nam pacem adhuc desideratis, qui pacem nostram bellis vestris sepe turbastis? Sed pax non dabitur vobis, nisi pax illius veri pacifici, qui fecit utraque unum, coniungens et pacificans terrena celestibus. Qui de celo desideratus gentibus rex descendit, exspectatio et salvator eorum. Qui precepit discipulis suis, dicens: „Ite, docete omnes gentes, baptizantes eos“. Si ergo volueritis baptizari et eundem deum unum christianorum nobiscum colere, pacem illam, quam nobis dedit, quam abscedens cultoribus suis reliquit, vobis dabimus et in perpetue fraternitatis nostre consorcium recipiemus». Et placuit eis verbum, et statim promiserunt omnia christianitatis iura cum baptismo Rigensium se fideliter accepturos. Erat autem inter eos Thabelinus, quondam a nostris in Gothlandia baptizatus, et Kyriawanus alter, qui petebat a nobis bonum deum sibi dari, dicens se malum deum hactenus habuisse. Fuerat enim homo idem infelicissimus usque ad illud tempus in omni negocio suo. Sed postquam baptizatus est a nobis, factus est homo felicissimus, prout postmodum confessus est nobis, et omnia prospera venerunt ei pariter cum baptismo. Ad petitionem itaque ipsius importunam, ibidem deum promisimus sibi propicium, et

temporalia sibi sufficienter eum in hac vita daturum et in futuro vitam eternam. Et credidit nobis, et statim cathezizavimus eum, et astabat ei Rodolfus magister milicie patrinus. Dumque iam eum in sacro linire deberemus oleo, factus est clamor magnus et concursus exercitus nostri per omnes plateas, et currebant omnes ad arma, clamantes magnam paganorum malewam contra nos venientem. Unde nos confestim proiecto sacrosancto crismate ceterisque sacramentis, ad clypeorum gladiorumque ministeria cucurrimus et festinavimus in campum, ordinantes acies nostras contra adversarios nostros, et stabant nobiscum seniores Vironensium. Et appropinquaverunt ad nos in magna multitudine, quos putabamus hostes. Et erant Sackalanenses, confratres nostri, qui redierunt ad nos cum omni preda sua. Unde [a] redeuntes consummavimus baptismum, differentes ceteros tempore suo baptizandos. Et data est pax, et acceptis obsidibus de quinque provinciis Vyronie, reversi sumus in Lyvoniam cum captivis et spoliis universis, de gencium conversione laudes domino referentes. [b] Et sequuti sunt quinque seniores de quinque provinciis Vyronie in Rigam cum muneribus suis, et accipientes sacri baptismatis mysterium, tradiderunt se totamque Vyroniam beate Marie et Lyvonensi ecclesie, pacemque firmantes, redierunt gaudentes in Vyroniam.

Post [c] festum nativitatis dominice conveniunt seniores (8)
Lyvonensis ecclesie, expeditionem indicentes contra gentem 1220
apostatricem, in Mesiote congregatam. Sed a ventis australibus et pluviosis impediuntur. Unde, celebrata purificationis beate virginis solempnitate, secundo congregantur, con- Febr. 2.
vocantes exercitum magnum de Lyvonia et Lettia, cum quibus adest primus venerabilis antistes Lyvonensis cum duce Saxonie et peregrinis omnibus, magister milicie cum fratribus suis. Et habentes quatuor milia Theuthonicorum et alia quatuor Lyvonum et Letthorum, procedunt in Holme, ducen-

---

[a] *Lemma in Z*: De pace facta cum Vyronensibus et obsidibus datis et fide recepta. [b] *Sic Z*; *M* deferentes; *W. Arndt* Deo deferentes (*o*). [c] *Lemma in Z*: De expugnatione magna contra Semigallos in Mesiote.

tes secum machinam magnam et alias minores ceteraque instrumenta ad castri impugnationem. Et per totam noctem euntes aput Missam exercitum ordinantes, progrediuntur ad castrum, villamque, que erat in circuitu, capientes spoliaque tollentes castrumque obsidentes, bellum inferunt eis multis diebus. Quorum alii propugnaculum edificant, alii patherellos erigunt, alii balistas exercent, alii edificant ericeos, de subtus fodere vallum incipiunt, alii lignorum comportationibus fossatum implent, et propugnaculum desuper impellitur, sub quo ab aliis foditur. Multi Semigallorum in castro lapidum iactibus leduntur, multi sagittis vulnerantur, et multi lanceis Lyvonum ac Letthorum de propugnaculo interficiuntur. Ad hec rebellis turba repugnare non cessat. Erigitur tandem machina maior, iactantur in castrum lapides magni, quorum magnitudinem intuentes in castro, terrorem magnum concipiunt. Fit ipse dux rector machine, proiecit lapidem primum, et erkerum ipsorum et viros in eo comminuit. Proiecit secundum, et plancas cum lignis munitionis in terram deiecit. Proiecit tertium, et arbores tres magnas munitionis perforando constringit hominesque ledendo concutit. Quo viso, castrenses de munitione fugiunt, loca tutiora adire querunt, sed refugium non habentes, veniam petunt, ut ad episcopum descendant, supplicant. Datur pax, conceditur via, descendunt Made et Gayle cum ceteris. Quibus, ut castrum tradant, dicitur et omnia, que in eo sunt, ut ipsi vitam habeant. Displicet hec forma, revertuntur in castrum, fit pugna maior priore. Cuncta bellorum innovantur machinamenta, milites armis se tegunt, una cum duce vallum conscendunt, castri summitatem capere cupiunt, sed repelluntur adhuc a semivivis illis, qui in castro fuerunt. Post hec lignorum multorum strues fiunt, ignes apponuntur, et affiguntur perfidi modis omnibus, donec tandem deficientes sequenti mane se tradunt, et a munitione singillatim [a] exercitui nostro descendentes se tradunt et colla subiciunt. Circa meridiem, postquam iam numerum implent fere ducento-

---

[a] *Sic S; W. Arndt* sigillatim.

rum descendendo, ecce subito Vesthardus cum suis Semigallis et Letthonibus, turba magna, prospiciens de silivis venit, bellum nobis inferre cupientes. Et statim ordinavimus acies nostras contra ipsos et pedites circa castrum locavimus. Et veniunt stulti quidam ex nobis, quorum infinitus est numerus, et rapientes seniores eosdem, qui de castro descenderant, occidunt ex eis centum et plures, ignorantibus dominis, qui ad pugnandum contra paganos in campum abierant. Viewaldus autem senior de Ascrate vicinius ad hostes accedit, ut cum Theuthonicis pugnaturi veniant, in campum eos vocat. At illi inquiunt: «Mercedem a Semigallis accepimus, ut ad videndum exercitum vestrum veniremus. Nunc ergo viso exercitu vestro, redimus in terram nostram, pacem vobiscum factam infringere nolentes». Et abeuntibus Letthonibus Theuthonici redeunt ad castrum, seniores occisos invenerunt. Qui in castro remanserant, videntes suos occisos, deinceps exire non audent. Fit nova pugna, sagitte volant, lancee Lyvonum ac Letthorum de propugnaculo multos illorum interficiunt, ignes accenduntur, vallum suffossum cum munitione iam ad terram dilabitur. Quod videntes illi nulliusque defensionis amplius solatium habentes, per totam noctem suppliciter exorant, quatenus eis pacis securitas firmetur, ut de castro descendentes vitam obtineant. Quorum misertus episcopus cum duce et omni multitudine, misit eis signum crucis sancte in castrum, et crediderunt eis, et promiserunt deinceps sė sacri baptismi sacramentum numquam violare. Et descenderunt de castro cum mulieribus et parvulis suis, et abierunt in villas suas. Exercitus quoque castrum ascendens diripuit pecunias et substantiam omnem et equos et pecora. Et Lyvones et Letthi nichil ibi relinquentes, omnia tulerunt et incenso castro cum omni rapina reversi sunt in Lyvoniam, deo gratias referentes de vindicta facta in gente illa prevaricatrice, que verborum suorum oblita, fidem Christi respuit, baptismi gratiam irrisit, paganorum ritibus iterum contaminari non timuit. Reversi Rigenses de (9)
Semigallia, reduxerunt ad memoriam omnia mala, que Harionenses et Osilienses Lyvonensi sepius intulerant ecclesie, et

quiescentes duabus ebdomadis, tam ipsi quam equi eorum, iterum congregaverunt exercitum magnum Lyvonum ac Letthorum et Theuthonicorum, et erat cum eis dux Saxonie Albertus, senior eorum, et magister Volquinus cum fratribus suis, et Theodericus frater episcopi cum ceteris viris ecclesie. Et convenerunt circa Sackalam, ubi locus colloquiorum exercitus et orationum fuerat, celebratisque ibi missarum solempniis, processerunt ad Palam, convocantes ibidem ad se Sackalanenses et Ugaunenses nec non et Gerwanenses, et elegerunt sibi vie duces ex eis, et diviserunt omnem exercitum suum in tres turmas, et missis sortibus obtinuerunt Lyvones viam ad sinistram, Estones vero viam ad dextram sorte perceperunt, Theuthonici vero cum Letthis solito more sibi viam mediam usurparunt. Surgentes itaque mane ante lucem processimus in Nurmegunde via media, et orto iam sole oriuntur ante faciem nostram ignes et fumi multiplices in terra Gerwanensi. Fuerunt autem Gerwanenses ab ecclesia Lyvonensi iam sepius expugnati, et erant filii eorum obsides in Lyvonia, et tam censum suum annuatim solvere, quam baptismum accipere [a] fuerant parati. Unde Osilienses congregato exercitu magno, sorte deorum suorum requirebant voluntatem, an cum Danis in Revele pugnaturi, an Gerwanensem essent provinciam intraturi. Et cecidit sors super Gerwanenses. Et misit eos deus eodem die, quo nos venimus. Qui diviserunt exercitum suum eodem mane per omnes villas, despoliantes et incendentes eas, quorum ignes et fumos videntes quidam ex nostris, dux videlicet Albertus cum militibus suis et magister Volquinus cum fratribus suis, et induebant arma sua, et processerunt in Gerwam obviam inimicis. Et invenientes omnes villas incensas ac despoliatas, magis festinaverunt post eos, et habuerunt quosdam obvios de Gerwanensibus, qui per fugam ab hostibus evaserant. Et retulit eis unusquisque eorum verbum, dicens: «Percusserunt Osilienses terram nostram plaga magna nimis, et effugi ego solus, ut nunciarem vobis». Auditis itaque nomi-

---

[a] *Sic R; So* recipere.

nis Christi inimicis, acceleravimus ad eos et post horam nonam quattuor ex eis villam incendentes comprehendimus, quibus occisis equisque ablatis post alios properavimus et cum Letthis, qui leviores erant ad persequendum eos, processimus ad villam, que Carethen vocatur, ubi maia eorum et congregatio fuit. Ad quam cum veniremus, vidimus omnem eorum multitudinem adversum nos repente venientem ad preliandum in campum. Et clamantes voce magna clypeosque tangentes, accesserunt ad nos, et qui remanserant in villa subsequebantur ad suos. Videntesque paucitatem nostrorum, currebant, mittentes lanceas suas super nos. Exclamaverunt eciam et Letthi et hi, qui nobiscum erant, qui primo venerant et adhuc erant paucissimi, et similiter currebant ad eos, mittentes lanceas suas. Erat autem arta via nostra pre congelatione nivis, et unusquisque post alium sequebatur. Et ideo Theuthonici, de longe post tergum sequentes, adhuc nondum venerant, et erat nobis primis eorum mora gravis. Confidentes itaque in domino, Letthos ad sinistram ordinavimus. Theuthonici vero singuli per viam venientes, ad dextram se statuerunt. Et ut vidimus fratrum militie vexillum appropinquare simul et ducem cum magno suo subsequi vexillo, quam plurimum letificati sumus. Et videns dux nostrorum paucitatem eorumque multitudinem, ait: «Numquid nam ipsi sunt hostes Christi?» Et ait quispiam: «Ipsi sunt». Et ait: «Nunc ergo accedamus ad eos». Et statim cum fratribus militie simulque cum aliis Theuthonicis et Letthis properaverunt ad eos, et irruentes per medium eorum, interfecerunt a dextris et sinistris, et cadebant ex eis ex omni parte tamquam fenum, quod coram metente se cadit in terram. Et percusserunt eos usque ad villam, et fugientes eos persequuti sunt per plateas et domos, et extrahentes eos interfecerunt, et supra domos ascendentes et super congeries lignorum se defendentes rapuerunt eos, et in ore gladii cunctos perimentes, nemini eorum parcere voluerunt. Et exilientes mulieres Gerwanensium, que captive ducte fuerant ab Osiliensibus, percusserunt etiam ipse cum fustibus Osilienses, iam ante percussos, dicentes: «Te percutiat deus christianorum!» Et persequuti sunt eos

Theuthonici de villa in campum, occidentes eos per campos usque ad lucum ipsorum, et ipsam sanctam silvam ipsorum multorum interfectorum suorum sanguine maculaverunt. Letthi vero circa villam sequentes, quibusdam fugientibus obviaverunt, et ventilantes eos hac et illac, interfecerunt eos, et auferentes equos, tulerunt spolia eorum. Reversique sunt ad locum certaminis et acceperunt equos et vestes et predam multam, captivos autem cum mulieribus et parvulis Gerwanensibus restituerunt. Sed equos et aliam rapinam cunctam Theuthonici cum Letthis equaliter inter se diviserunt, benedicentes dominum, qui tam gloriosam victoriam de paganis in manu paucorum operatus est. Erant autem interfectorum in loco certaminis circiter quingentos, et alii plures per campos et per vias et alibi ceciderunt. Ex nostris vero ceciderunt duo et ex Letthis duo, frater Russini et frater Drivinalde de Astigerwe, comes iuvenis de familia episcopi milesque ducis unus; quorum memoria sit in benedictione et anime eorum requiescant in Christo. Lyvones vero, qui ad sinistram via alia abierant, et Estones, qui ad dextram declinaverant, sicut nec ad bellum venerunt, sic nec partes in divisione spoliorum acceperunt, sed via sua directa per noctem in Harriam [a] irruerunt, et mane facto dividentes exercitum suum per omnes villas, percusserunt viros, et mulieres captivas duxerunt, et predam multam collegerunt. Quos insequentes Theuthonici cum Letthis, sequenti die similia mala faciebant et posuerunt congregationem suam in villa Lone, que est in media terra. Lyvones vero alibi suam maiam statuerunt, et Sackalanenses prope Revele resederunt. Qui mandatum seniorum transgredientes, eciam Revelensem provinciam spoliaverunt, que Danorum verbum iam receperat. Miserunt autem ad nos Warbolenses, rogantes ea, que pacis essent, et ut de finibus eorum exiremus. Et ait magister Volquinus: «Si volueritis, inquit, nobiscum unum deum colere fonteque sacri baptismatis irrigari et filios vestros obsides dare, pacem vobiscum perpetuam faciemus». Et placuit ver-

---

[a] *Sic X*; *W. Arndt* Hariam.

bum hoc Warbolensibus, et dederunt obsides. Miserunt quoque nostri [a] nuncios suos ad archiepiscopum, venerabilem domnum Andream, et ad alios episcopos Danorum et viros regis, qui erant in castro Revelensi. Qui statim miserunt viros regis ad nos, referentes gratias deo et nobis de paganorum impugnatione, tam Osiliensium quam Harionensium, addentes insuper totam Estoniam regis esse Dacie, traditam sibi ab episcopis Lyvonensibus. Et rogabant obsides Warbolensium sibi presentari. Magister vero Volquinus, donationem Estonie regis Dacie se firmiter allegans ignorare, coram duce Saxonie et coram cunctis, qui ibidem cum eis convenerant, Estoniam totam vexillo beate virginis a Rigensibus ad fidem christianam subiugatam referebat, preter solam Revelensem provinciam et insulam Osiliensium. Et ait: «Obsides quidem presentis provincie Harionensis patribus eorum restituimus, volentes in hoc regem Dacie libenter honorare, sub hac tamen conditione, quatenus Rigensium [iuris] [b] nichil per hoc diminuatur». Unde relictis ibidem obsidibus eiusdem provincie, cum preda nostra reversi sumus in Lyvoniam. Erat autem preda Lyvonum magna nimis, qui speluncas Harionensium subterraneas, ad quas semper confugere solebant, obsidentes et fumos et ignes in ore speluncarum incendentes, nocte ac die suffumigantes, eos suffocabant omnes, tam viros quam mulieres. Et alios iam expirantes, alios semivivos, alios mortuos extrahentes de speluncis, interfecerunt eos, et captivos alios duxerunt, et omnem substantiam eorum et pecuniam et vestes et spolia multa tulerunt. Erant autem suffocatorum promiscui sexus ex omnibus speluncis anime hominum fere mille. Et post hoc reversi sunt Lyvones cum Theuthonicis, deum benedicentes, eo quod eciam superba Harionensium corda ad fidem christianam humiliavit. (10)

Eodem anno mortuo Theoderico, venerabili Estiensi episcopo, qui gladiis impiorum in Revele iugulatus in martyrum, (11)

[a] *Sic S; W. Arndt (o)* nostri milites, *quod L. Arbusow interpolatum putat.* [b] *Sic corrigitur a L. Arbusow secundum* iuris Rigensium *in XXVIII. 7; W. Arndt* viris *(So).*

ut speramus, consortium transivit, antistes Lyvonensis Albertus in locum ipsius fratrem suum Hermannum, non minus venerabilem apud Bremam Sancti Pauli abbatem, substituit, et mittens nuncios per Curoniam et Samlandiam in Theuthoniam, factum hoc ei significavit. Unde ipse ad archiepiscopum Magdeburgensem accedens, ab eo consecratus est episcopus in Estoniam. Quo audito rex Dacie iter ipsius in Lyvoniam ad aliquot annos impedivit. Qua de causa idem episcopus ad regem veniens, episcopatum ab eo promisit recipiendum et ei fideliter adherendum.

(XXIV) Annus bisdecimus antistitis atque secundus
1220 Iam fuit, et modicum Lyvonum terra quievit.

Idem antistes predicatores in Estoniam mittere sollicitus, cuius instantia sollicitudo semper omnium ecclesiarum, misit Alabrandum sacerdotem et Ludovicum in Sackalam. Qui quam plures de Gerwa et aliis provinciis baptizantes, iterum reversi sunt in Lyvoniam. Et missis nunciis in Rusciam, episcopus verbis pacificis cum Nogardensibus locutus est, interimque sacerdotes alios in Estoniam mittere non distulit. Quorum erat primus Petrus Kaikewalde de Vinlandia et Henricus, Letthorum minister de Ymera. Qui simul abeuntes in Estoniam, pertransiverunt Ugauniam iam ante baptizatam, donec ad flumen, quod Mater aquarum dicitur, apud Dorbete pervenirent. Et incipientes a flumine doctrine christiane semina spargere, villas circumiacentes sacro regenerationis fonte rigabant. Et in Lovecotte simul et in aliis villis sacri baptismatis mysteriis celebratis, processerunt in Sadegerwe, convocatisque populis ibidem circiter trecentos baptizaverunt. Et post hec ad alias villas circumeuntes, similiter faciebant. Et venerunt in Waigam, et homines illius terre sacris mysteriis imbuentes, baptizaverunt omnes, et tandem in Riole, quod erat extremum castellum eorum, convocatis hominibus, doctrinam eis ewangelicam tradiderunt. Et baptizatis ibidem promiscui sexus quingentis, in Wironiam processerunt. Et receperunt eos Wirones de prima provincia, que Pudyviru vocatur, et baptizati sunt omnes

ab eis de quattuordecim villis una cum Tabelino seniore ipsorum, qui postmodum a Danis suspensus est, eo quod baptismum Rigensium acceperat et filium suum fratribus militie obsidem posuerat. Ceteri vero Wironeses de provinciis aliis, propter comminationem Danorum Rigensium sacerdotes recipere non audentes, Danos, utpote sibi vicinos, ad se vocaverunt et baptisati sunt ab eis. Credebant itaque Wirones unum deum esse christianorum, tam Danorum quam Theuthonicorum, et unam fidem unumque baptisma, et nullam inde provenire discordiam putantes, Danorum sibi vicinorum baptismum indifferenter accipiebant. Rigenses autem Wironiam suam esse, tamquam a suis ad fidem christianam subiugatam, allegantes, sacerdotes predictos ad ipsam baptizandam transmiserunt. Sed Dani ipsam terram (2)
sibi vicinam preoccupare cupientes, sacerdotes suos, quasi in alienam messem, miserunt. Qui baptizantes villas quasdam, et ad alias suos mittentes, ad quas ipsi venire tam subito non potuerunt, et cruces magnas ligneas in omnibus villis fieri precipientes, et aquam benedictam per manus rusticorum mittentes, et mulieres ac parvulos aspergere iubentes, sacerdotes Rigenses taliter prevenire conabantur et hoc modo totam terram ad manus regis Danorum preoccupare studebant. Quod intelligentes Petrus et Henricus, in Gerwam abierunt, et baptizatis ibidem in primis villis quam plurimis hominibus, audierunt Woltherum sacerdotem Danorum illuc venisse. Occurrerunt ei, dicentes terram ipsam in Rigensium esse potestate, et vineam ipsam per vexillum beate virginis studio peregrinorum et Rigensium labore plantatam affirmarunt. Et post hoc abeuntes in castrum Danorum cum ipso sacerdote, coram venerabili archiepiscopo Andrea Lundensi idem referebant. Sed archiepiscopus idem totam Estoniam, sive a Rigensibus expugnatam, sive nondum adhuc subiugatam, regis Dacie esse dicebat, a Rigensibus episcopis sibi collatam, missisque nunciis Rigam, ne racemos dependentes colligerent mandavit, nec sacerdotes suos in angulos [a] Esto-

[a] *Sic S*; *W. Arndt* angulis (*o*).

nie ad predicandum mitterent. Cui rescripsit Rigensis episcopus, venerabilis Albertus, vineam ipsam Estiensis ecclesie pluribus annis ante tempora Danorum a suis iam dudum plantatam, sanguine multorum et bellorum incommodis multis excultam, sacerdotesque suos non in angulis Estonie, sed in media Gerwa, verum eciam in Wironia et usque in faciem ipsius archiepiscopi comparuisse. Quo cognito rex Dacie contra episcopum Rigensem quodammodo commotus, ad presentiam tamen suam ipsum cum fratribus militie vocavit. Quo non veniente, sed ad summum pontificem pro eadem causa properante, fratres militie, Rudolphus de Venden cum ceteris, venerunt ad regem. Et dedit eis rex Sackalam et Ugauniam, iam dudum a Rigensibus subiugatam et baptizatam, cum adiacentibus provinciis, pro sua tertia parte Estonie, excluso Lyvonensi episcopo cum fratre suo Hermanno, noviter consecrato. Et pervenit in Rigam verbum hoc, et dure accepit Bernhardus episcopus cum ceteris Rigensibus, et convenerunt cum fratribus militie, statuentes amice trifariam Estonie divisionem, et episcopis, sicut hactenus, sic et deinceps suas partes attribuentes, fratribus suam tertiam reliquerunt. Dani quoque, postquam Revalensem provinciam totam baptizaverunt, miserunt sacerdotes suos ad Harionenses, et baptizatis illis incitaverunt eos, ut irent ad Gerwanenses cum exercitu, quatenus timore illo correpti a dominio Rigensium recederent et ipsorum dominium et baptismum reciperent. Et ibant Harionenses in ipsam terram Gerwanensium estate eadem novem vicibus cum exercitibus suis, despoliantes eos et occidentes complures ex eis et captivantes, ut eciam ipsum sacerdotem Danorum inter alios vulnerando ferirent, donec tandem plurimi eorum dominium ac baptismum Danorum elegerunt. Similiter et Wironenes a Rigensibus primitus expugnati, comminatione Danorum exterriti, verbum eorum atque dominium acceperunt. Unde archiepiscopus episcopum novum in Wironiam et Gerwam consecravit, Revelensi episcopo provincias Harionenses attribuens.

(3) Interim rex Suecie Iohannes cum duce suo et episcopis suis, collecto exercitu magno, venit in Rotaliam, cupiens

aliquas partes in Estonia ac dominatum adipisci. Et resedit in castro Lealensi, ad quod erat episcopus Hermannus, frater Lyvonensis, a domno papa confirmatus, eo quod eadem provincia fuerit quondam a Rigensibus expugnata et fidei rudimentis initiata. Et circumiverunt Sueci per provinciam, docentes et baptizantes ex eis et ecclesias edificantes. Et pervenerunt ad Danos in Revele, colloquentes cum eis. Miserunt quoque Rigenses nuncios ad ipsos, dicentes ipsas provincias a suis ad fidem christianam subiugatas, monentes eciam ipsos, ne dolosis verbis Estonum perfidorum nimium confidentes, minorem circa se curam adhiberent. Rex autem idem, locatis in castro viris suis, videlicet Lealensi, cum duce Carolo et episcopo, reversus est in Sueciam. Et cum esset eis ex altera parte Lyvonia et ex altera parte Dani, ipsi quoque in medio constituti minorem de paganis timorem habere ceperunt. Et factum est in uno dierum, apparente primo diei diluculo, venerunt Osilienses de mari cum exercitu magno, et obsidentes eosdem Suetones, pugnaverunt cum eis et ignem apposuerunt ad castrum eorum. Et exiverunt Sueci ad eos, dimicantes cum eis, et non valuerunt tante resistere multitudini. Et ceciderunt Sueci interfecti ab eis, et captum est 1220
castrum, et dux cecidit, et episcopus per ignem et gladium Aug. 8
occisus est et in martyrum, ut credimus, consorcium commigravit. Et venerunt postmodum Dani, colligentes corpora eorum, et cum luctu sepulture tradiderunt. Similiter et Rigenses, audientes interfectionem eorum, luctum super eos cum gemitu diebus multis habuerunt. Erant autem interfectorum fere quingenti, quorum pauci per fugam evaserunt et in Danorum castrum pervenerunt. Ceteri omnes in ore gladii corruerunt, quorum memoria in benedictione et anime eorum requiescant cum Christo.

Episcopus vero Lyvonensis, mare transiens, venit in Lubek (4)
et cognitis insidiis regis Dacie fidelium suorum amicorum auxilio clam exivit de civitate et cum festinatione pervenit in curiam Romanam ad summum pontificem, qui misericorditer et paterne suas exaudivit petitiones. Misitque rex Dacie nuncios suos contra eum, qui non modicum negotium

ecclesie Lyvonensis in curia Romana disturbabant et sibi minus modico proficiebant. Et abiit episcopus Lyvonensis ad imperatorem Fridericum, tunc noviter ad imperium sublimatum, querens ab eo consilium et auxilium, tam contra regis Dacie quam Ruthenorum sive paganorum aliorum importunam infestationem, eo quod Lyvonia cum provinciis omnibus subiugatis ad imperium semper haberet respectum. Imperator vero, diversis et altis imperii negotiis occupatus, modicam episcopo consolationem impendit, qui se terram sanctam Ierosolimitanam visitare promisit et inde sollicitus auxilium episcopo subtraxit, monens eum tamen et docens verbum pacis et amicitie tam cum Danis, quam cum Ruthenis habere, donec novelle plantationi firmum postmodum superedificaretur edificium. Cumque nullum episcopus perciperet solatium tam a summo pontifice, quam ab imperatore, rediit in Theuthoniam. Et visum est ei bonorum virorum consilio regem Dacie potius adire, quam Lyvonensem ecclesiam periclitari. Prohibebat enim rex Dacie Lubecensibus naves peregrinis in Lyvoniam prestare, donec episcopum ad suum emolliret consensum. Unde tandem idem venerabilis antistes cum fratre suo Hermanno episcopo regem Dacie prefatum adivit et tam Lyvoniam, quam Estoniam in potestatem ipsius commisit, ita tamen, si prelati conventuum suorum, nec non et viri sui, et Rigenses omnes cum Lyvonibus et Letthis in hanc formam consensum suum preberent.
1221 Et mortua est eodem tempore regina, uxor videlicet regis
Mart. 27 Dacie, in partu. Et ait quispiam novellam ecclesiam, tunc in potestatem regis ipsius traditam, que paritura erat cottidie prolem spiritualem, temporibus sui principatus indubitanter periclitandam. Et vera retulit ille, sicut infra patebit.

(5) Medio tempore litigantibus aliis pro terrarum dominatibus, abiit iterum Letthorum de Ymera sacerdos in Estoniam, assumpto secum alio sacerdote Theoderico, tunc noviter ordinato, et pertranseuntes Sackalam, venerunt ad Palam, et incipientes ab eodem flumine, provinciam vicinam, que Normegunde vocatur, sacri baptismatis fonte rigabant, per singulas villas maiores moram facientes, populum convocan-

tes, doctrinam ewangelicam eis tradiderunt. Et per septem dies circumeuntes, singulis diebus trecentos aut quadringentos promiscui sexus baptizaverunt. Post hoc in Gerwam abierunt, et provinciam extremam versus Wironiam, que Loppegunde vocatur, nondum baptizatam adeuntes, in singulis villis maioribus sacri baptismatis mysterium celebrabant, donec ad villam, que Kettis vocatur, venirent, et idem faciebant ibidem. Ubi postea Dani ecclesiam edificaverunt, sicut et in aliis pluribus villis a nobis baptizatis fecerunt. Tandem villam, que Reineveri vocatur, attingentes, ad convocandum populum de villis aliis miserunt. Et ait rusticus, qui fuit senior eorum: «Iam omnes, inquit, baptizati sumus». Et requirentibus illis, cuius baptismate baptizati essent, respondit ille: «Cum essemus in villa Iolgesim, quando sacerdos Danorum ibi baptismi sui tractavit sacramenta, baptizavit viros quosdam ex nostris et dedit nobis aquam sanctam, et reversi sumus ad proprias villas, et cum eadem aqua aspersimus unusquisque nostram familiam, uxores et parvulos, et nobis ultra quem faciemus? Cum enim semel baptizati sumus, vos [a] ultra non recipiemus». Quo audito, sacerdotes modicum subridentes et excusso pulvere pedum in eos ad alias villas festinantes, in confinio Wironie tres villas baptizaverunt, ubi erat mons et sylva pulcherrima,[b] in qua dicebant indigene magnum deum Osiliensium natum, qui Tharapita vocatur, et de loco illo in Osiliam volasse. Et ibat alter sacerdos, succidens imagines et similitudines deorum suorum ibi factas, et mirabantur illi, suod sanguis non efflueret, et magis sacerdotum sermonibus credebant. Consummato ergo per septem dies baptismate in illa provincia, reversi sunt sacerdotes ad aliam provinciam, que Mocha vocatur, et similiter ebdomadam ibidem implentes, circumiverunt ad villas et quolibet die circiter trecentos aut quingentos promiscui sexus baptizaverunt, donec eciam in illis finibus consummato baptismate, paganorum ritus abolerent.

---

[a] *Sic o; quod sensum clariorem reddit quam* nos (*S et W. Arndt*).
[b] *Sic So; W. Arndt* pulcerrima.

Et de provincia illa procedentes in Waigam, invenerunt in via villas plures, que nondum fuerunt ab aliquibus sacerdotibus visitate, baptisatisque viris omnibus ibidem et mulieribus et parvulis, circa stagnum Wordegerwe euntes, venerunt in Waigam, et cum Waiga iam ante fuerit baptizata, redierunt ad provinciam, que Iogentagania vocatur, et singulas villas visitantes, que remanserunt ante nondum baptizate, videlicet Igeteveri, Wetpole et Wasala cum pluribus aliis, baptizaverunt omnes viros ac mulieres et parvulos eorum. Et expleta ibidem ebdomada consummatisque in finibus illis sacri baptismatis mysteriis, gaudentes reversi sunt ad Matrem aquarum, et in utraque parte fluvii similiter opus pietatis et doctrine studium circa non baptizatos adimplentes, tandem redierunt in Odenpe, vineamque plantatam et sacro fonte rigatam deo, qui incrementum daturus erat, committentes, reversi sunt in Lyvoniam.

(6) Post modicum vero temporis rediit iterum idem Theodericus sacerdos in Gerwam et Wironiam ad baptizatos suos et habitavit ibidem cum eis. Et audientes Dani, comprehenderunt eum cum servo suo, et auferentes eis equos et omnia, que habebant, despoliatos remiserunt in Lyvoniam. Miserunt eciam fratres episcopi Rigensis Salomonem sacerdotem in Rotaliam post interitum Suecorum; qui benigne receptus est ab eis, promittentibus se Rigensi semper ecclesie libenter deservire, Danorum vero dominium sive baptismum se nunquam accepturos. Et colligebant censum de cunctis finibus suis, sicut antea semper solebant, mittentes per manus ipsius sacerdotis Rigensibus, et venientes Dani abstulerunt omnia et remiserunt eum despoliatum in Lyvoniam. Abiit eciam Hartvicus, fratrum milicie iuvenis sacerdos, in Ugauniam et habitavit ibi cum fratribus suis et baptizavit, quoscunque non baptizatos invenit. Similiter et Letthorum adhuc sacerdos abiit in Ugauniam et venit in Walgatabalwe versus Plescekowe, et in extremis villulis illis omnibus celebrando baptismi sacramentum, fidem eis aperuit christianam et consummato baptismate reversus est in Lyvoniam. Eodem tempore consummatus est baptismus per universam Estoniam,

et baptizati sunt in omnibus finibus et provinciis Estonie populi multi, et ita ut alii sacerdotum mille, et plures alii quinque milia, quidam ex eis decem milia baptizaverunt in milibus suis et plures. Et gaudebat ecclesia pacis tranquillitate, et collaudabat omnis populus dominum, qui post bella plurima tandem convertit ab idolatria corda paganorum ad sui dei culturam, qui est benedictus in secula.

Eodem eciam tempore christiani de terra Ierosolimitana (7)
ceperunt [a] Damiatam, civitatem Egypti, et habitabant in
ea, et habebat ecclesia dei victoriam et triumphos de paganis
per orbem ubique terrarum, licet nobis non longo tempore.
Nam statim sequenti anno post pascha venerunt Osilienses 1221
cum exercitu magno et obsederunt Danos in Revele, pugnantes cum eis diebus quattuordecim et ignes multos accendentes, eos in hunc modum capere sperabant. Et exiverunt Dani de castro quandoque preliantes cum eis, iterumque repulsi sunt ab eis post tergum in castrum. Et videntes Osilienses coggones quattuor venientes in mari, timebant regem Dacie cum exercitu venire. Et relinquentes castrum Danorum, abierunt ad naves suas, et reversi sunt in Osiliam. Et miserunt Dani statim, et ceperunt seniores Revelensis provincie et Harionensis nec non et Wironensis, et suspenderunt omnes, quotquot fuerant cum Osiliensibus in obsidione castri sui sive in consiliis eorum malignis. Et duplicem censum vel triplicem, quem ante dare solebant, imposuerunt reliquis satisfactionesque multas et graves acceperunt ab eis. Unde maius odium Estones contra Danos habere ceperunt et dolosas malorum consiliorum machinationes semper querebant contra eos, si qualiter eos de finibus suis expellere valerent.

Annus erat consecrationis antistitis Alberti 23, (XXV)
Et siluit paucis Lyvonum terra diebus. 1221

Abeunte itaque comite Adolpho de Dasle in Teutoniam, rediit iterum prefatus venerabilis antistes Rigensis cum aliis

[a] *Sic Skw; in o lacuna; W. Arndt* ceperant (k_1).

peregrinis, licet paucis, inter quos erat Bodo de Homborch, homo nobilis, cum aliis militibus et clericis; et in reversione eiusdem episcopi cognoverunt Rigenses, quod tradita esset non tantum Esthonia, verum eciam Lyvonia in potestatem regis Dacie. Et conturbati sunt omnes valde, simulque omnes uno ore contradixerunt, tam prelati conventuum, quam viri ecclesie et cives et mercatores et Lyvones et Letti, dicentes se ad honorem domini nostri Iesu Christi sueque dilecte genetricis hactenus prelia domini preliari contra paganos, et non in honorem regis Dacie, magisque terram ipsam se velle derelinquere, quam regi predicto deservire. Et pervenit verbum hoc ad aures archiepiscopi venerabilis Lundensis ecclesie, qui fuerat in obsidione castri Revelensis paganorum persecutionibus non modicum examinatus, et cognovit se Rigensium adiutorio plurimum indigere misitque nuncios episcopo Rigensi, promittens se Lyvoniam in pristinam reducere libertatem. Et abiit episcopus idem cum magistro milicie et cum viris suis ad archiepiscopum eundem in Revele et acceperunt consolationem et munera, promisitque eis omni studio suo [a] Lyvoniam iterum in suam se velle revocare libertatem, tantum ut una pace belloque unico contra paganos ac Ruthenos Theuthonici cum Danis gauderent. In Sackala vero et Ugaunia regalia cuncta simul et secularia iura fratribus milicie dederunt, et episcopo spiritualia commiserunt, et reversi sunt gaudentes in Lyvoniam.

(2) Post quorum reversionem venit miles quidam Godescalcus, regis Dacie nuncius, missus a rege preoccupare civitatis ipsius advocatiam ad manum regis. Et contradixerunt omnes ei, qui erant per universam Lyvoniam, tam Lyvones et Letti, quam Theuthonici in tantum, ut eciam mercatores sibi gubernatorem navis sue, tam de Gotlandia in Lyvoniam veniendo, quam de Lyvonia in Gotlandiam redeundo denegarent. Et recessit ipse confusus a Lyvonia, venitque in mare magnum et spatiosum, et ibat sine rectore navis, et proiectus est a vento contrario. Et quia fortassis contra voluntatem

---

[a] *Sic S; W. Arndt omittit* suo (*kw*).

ipsius, qui [ventis imperat],[a] venerat in Lyvoniam, ideo non immerito venti contra eum insurrexerunt, et sol iustitie non illuxit ei, eo quod Mariam matrem eius offenderat, que maris dicitur stella, quapropter et ipsa certam ipsi viam non ostendit. Taliter idem miles expulsus a Lyvonia rediit in Daciam, abrenuncians deinceps in terra beate virginis Marie regalem advocatiam. Sic, sic maris stella suam semper custodit Lyvoniam; sic, sic mundi domina terrarumque omnium imperatrix spiritualem[b] suam terram semper defendit; sic, sic regina celi terrenis regibus imperat. Nonne imperat, quando reges multos contra Lyvoniam pugnantes exacerbavit? Nonne exacerbavit, quando regem magnum Woldemarum de Ploseceke, venientem in Lyvoniam cum exercitu, subitanea morte percussit? Numquid non regem magnum Nogardie, qui Lyvoniam prima vice despoliavit, regno suo statim privavit, ut a civibus suis turpiter expelleretur, et alium regem Nogardie, qui secunda vice Lyvoniam depredavit, per Tartaros occidit? Numquid regem Wissewaldum de Gercike, qui Rigenses spoliavit igne et gladio satis humiliavit? Numquid non rex Viesceka, qui viros episcopi in Kukenois quondam mortificaverat, crudeli morte postmodum, sicut infra dicetur, in Tharbete interiit? Suecos eciam, numquid audebo dicere, qui Rotalienses provincias, beate virginis vexillo subiugatas, intraverunt, numquid non ipsi ab Osiliensibus interfecti sunt? Numquid non eciam [c] regem Danorum, si dicere fas est, qui Lyvoniam dominio suo turbare voluit, longa et mirabili per manum paucorum captivitate turbavit? Numquid non Suellegaten, nec non et alios quam plures Lettonum [d] principes ac seniores per servos suos Lyvonenses interfecit? Nonne Ako, Lyvonum in Holme quondam perfidorum princeps, cum aliis quam plurimis a Rigensibus interfectus cecidit? Nonne Russinus, Lettorum senior, in castro Dabrelis occubuit? Nonne omnes seniores Thoreidenses, qui perfidi dicebantur, tempore pestilen-

---

[a] *Desunt in Skw.* [b] *Sic Skw; W. Arndt* specialem. [c] *Sic S; W. Arndt* eciam non (*kw*). [d] *Sic Skw; W. Arndt* Lettorum.

tie ceciderunt et mortui sunt? Numquid non omnes seniores Osilie, nec non et Rotalensium [a] provinciarum apud Thoreidam a Rigensibus interfecti ceciderunt? Numquid non Lembitus, Vytamas cum aliis senioribus suis perfidis in Sackala a Rigensibus interfecti ceciderunt, et quicunque tunc superfuerunt et postmodum in perfidia sua duraverunt, numquid non omnes interierunt? Ecce dei mater quam mitis circa suos, qui fideliter ei deserviunt in Lyvonia, qualiter ipsa semper defendit eos a cunctis inimicis suis, quamque crudelis circa illos, qui terram ipsius invadere sive qui fidem et honorem filii sui in terra ipsa conantur impedire! Ecce quot et quantos reges ipsa exacerbavit, ecce quot perfidorum et paganorum principes ac seniores de terra delevit, quoties victoriam suis de inimicis concessit! Semper enim hactenus vexillum suum in Lyvonia et preeundo et subsequendo defendit ac de inimicis triumphare fecit. Et quis unquam regum aut paganorum sive Danorum sive quarumcunque gentium contra Lyvoniam pugnavit et non interiit? Animadvertite et videte, principes Ruthenorum sive paganorum sive Danorum sive quarumcunque gentium seniores, ipsam tam mitem matrem misericordie timete, ipsam dei matrem adorate, ipsam tam crudelem vindicatricem de inimicis suis placatam vobis reddite, terram ipsius deinceps impugnare nolite, ut ipsa sit vobis mater, que fuit hactenus semper inimica suis inimicis, et affligentes suos in Lyvonia magis ipsa semper afflixit. Attendite eciam et videte, qui tenetis dominium et advocatias in terra ipsius, ne pauperes nimium opprimatis, pauperes dico Lyvones et Lettos, sive quoscunque neophytos, beate virginis servos, qui nomen Christi filii sui deportaverunt hactenus ad alias gentes et adhuc portabunt nobiscum. Crudelem quorundam mortem, qui subditis suis graves fuerunt, ante mentis oculos revocate, alta consideratione pertimescite. Non enim beata virgo censu magno, quem dare solent neophyti, delectatur, non pecunia diversis exactionibus ipsis ablata placatur, neque iugum grave, sed

---

[a] *Sic Skw*; *W. Arndt* Rotaliensium.

quod sit portabile magis atque suave, vult eis imponi, cuius filius dicit: «Iugum meum suave[a] et onus meum leve», qui simpliciter hoc exigit ab eis, ut credant in nomine eius, et cognoscant eum cum patre deum verum esse et unum, et credentes vitam habeant in nomine eius, qui est benedictus in secula seculorum. Amen.

Convenerunt eciam eodem tempore cives Rigenses cum (3)
mercatoribus et cum Lyvonibus et Lettis apud Thoreidam, coniurantes et conspirantes tam contra regem Dacie, quam contra cunctos sibi adversantes. Et miserunt fratres militie servos suos, et ceperunt quosdam ex senioribus Lyvonum, et in Sigewalde proiecerunt eos in vincula, unde dissipatum est consilium aliorum. Et remiserunt Rutheni rescriptum pacis de Plescekowe, que facta fuit aput Odempe, et sequebantur[b] cum exercitu magno, et preerat exercitui rex Nogardie, qui statim anno sequenti a Tartaris occisus est. Et erant in exercitu illo plus quam[c] duodecim milia Ruthenorum, qui venerant tam de Nogardia, quam de aliis civitatibus Ruscie contra christianos, qui erant in Lyvonia. Et venerunt in terram Lettorum, et sederunt expectantes Lettones ebdomadis duabus, vastantes ea, que in vicino erant. Post hoc appropinquaverunt ad Wendam. Quibus occurrerunt fratres militie cum Wendis suis ad portam, et non valentes[d] resistere multitudini, domos et villas[e] incenderunt et declinaverunt ad castrum suum. Rutheni vero, relinquentes castrum, transiverunt Coiwam, et venerunt in Thoreidam, et depredaverunt totam terram, incendentes villas omnes et ecclesias et annonam, que iam collecta erat in campis, et homines capientes et interficientes, fecerunt mala multa in terra. Lettones vero, venientes eadem via prope Wendam, sequebantur Ruthenos et, transeuntes Coiwam, venerunt ad eos et, que minus mala fecerunt Rutheni, Litowini suppleverunt. Et exivit de Riga magister fratrum militie cum

---

[a] *Sic S; W. Arndt* suave est (*kw*). [b] *Sic S; kw (et W. Arndt)* sequebantur s t a t i m, *quod L. Arbusow (o. c., pag. 170) interpolatum putat.* [c] *Sic S; W. Arndt omittit* plus quam (*kw*). [d] *Sic Skw; W. Arndt* volentes. [e] *Sic S; W. Arndt* villam (*kw*).

suis et Bodo miles cum quibusdam peregrinis, et alii pauci sequebantur propter discordiam, que fuerat in terra. Et abiit magister cum suis et cum aliis se sequentibus ad Coiwam et prohibebat[a] litus Ruthenis, ne transirent in partes[b] suas. Et transeuntes flumen quidam ex Lyvonibus, turbam Lettonum cum captivis et spoliis de Coiwemunde venientem persequebantur et occiderunt ex eis fere viginti, et alii evaserunt per fugam ad Ruthenos. Et aliam turbam Ruthenorum invenerunt in villa Cogelse, similiter ex eis septem interfecerunt, et alii fugientes ad suos redierunt, et alii in silvis latitantes evaserunt. Et dixerunt Rutheni: «Non est bonum nos hic esse, quia Lyvones et Theuthonici circa nos undique congregantur». Et surgentes media nocte, ceperunt exire de terra, et sequenti nocte in Ykewalda manentes, provinciam in circuitu despoliantes incenderunt. Tercia quoque nocte apud Ymeram similia mala faciebant, et festinantes in Ugauniam, quattuor diebus terram illam similiter vastaverunt et redierunt in Rusciam. Lettones vero, non audentes separari a Ruthenis propter timorem Theuthonicorum, abierunt cum eis in Plescekowe et manserunt cum eis per totum mensem, ut postea securi redirent in terram suam.

(4) Fratres vero militie cum aliis, qui secuti fuerant ad Ymeram, cogitantes occurrere Lettonibus apud Dunam, redierunt, et ponentes eis insidias cum familia episcopi de Kukenois, expectaverunt eos tribus ebdomadis, sed fratres militie tedio affecti redierunt in Rigam. Theodericus vero, miles de Kukenois, cum aliis militibus et servis episcopi, cum paucis Lettis abierunt versus Plescekowe, itinere diebus septem querentes eosdem. Et invenerunt tandem vestigia eorum, et statim festinant ad eos, et cum essent quindecim tantum ex Theuthonicis, Lettorum vero plures, ut essent per omnia uno minus quam nonaginta, paganorum vero sexcenti, multitudinem eorum formidantes quidem, sed spem totam ponebant in domino et audacter ad eos accedunt. Lettones quo-

---

[a] *Sic Skw*; *W. Arndt* prohibebant. [b] *S omittit* in.

que, videntes eos ad se venientes, ordinant exercitum suum ex adverso, et ducentos ex melioribus equitibus suis seorsim statuentes, ut ipsi persequantur Theuthonicos fugientes. Ceteri omnes in magna turba veniunt obviam Theuthonicis, et non poterant Theuthonici propter paucitatem suorum pugnare cum eis, sed pugnavit ille, qui quondam fecit, ut unus persequeretur mille et duo fugarent decem milia. In quo confidentes, elevato vexillo appropinquant ad eos, et committentes prelium ceciderunt primo tam ex illis, quam ex istis, et cum esset via stricta propter sylvam adiacentem, Theuthonici primo venerunt ad prelium, et Letti omnes subsequebantur, clamantes, sicut edocti fuerant, lingua Theuthonicorum, ut caperent, raperent, interficerent. Quo clamore nimis territi Lettones et putantes multos sequi Theuthonicos, conversi sunt in fugam, et cecidit fortissimus eorum et ex aliis fere centum, et ceteri proiectis armis fugerunt per silvas. Et collegerunt Theuthonici omnia spolia eorum, et que secum ferre non poterant, igne combusserunt, et ex equis illorum comprehendentes circiter quadringentos, secum deduxerunt, illum collaudantes, qui pro eis pugnavit. Ex Theuthonicis autem tres ibidem sunt interfecti, quorum anime cum Christo requiescant in pace. Amen. Lettones, qui evaserant per silvas, cum esset iam tempore hyemali, pre difficultate transitus Dune aut submersi sunt in Duna, aut se ipsos in silvis suspenderunt, ne redirent in terram suam, eo quod terram beate virginis despoliaverant, cuius filius vindictam retribuit; cui sit laus per secula.

Mercatores quoque Rigenses ibant cum mercationibus (5)
suis in Rotaliam, et venerunt Dani et ceperunt eos, dicentes terram regis esse, et ligaverunt eos et deduxerunt [a] secum in Revelis. Et misit episcopus Rigensis et magister militie, rogantes, ut remitterent eos; et noluerunt. Post hoc nunciatum est Danis, quod venirent Rigenses [b] cum exercitu, et statim remiserunt eos. Et non iverunt Rigenses in Estoniam, sed

---

[a] *Sic S; W. Arndt* deduxerunt eos (*kw*). [b] *Sic S; W. Arndt* Rigenses venirent (*kw*).

cum Lyvonibus et Lettis iverunt in Ugauniam, et convocantes ad se Sackalanenses et Ugaunenses, abierunt in Rusciam ad inimicos suos, qui Lyvoniam spoliaverant; et relinquentes post tergum Plescekowe, regnum Nogardense intraverunt et totam terram in circuitu despoliaverunt, incendentes domos et villas, et populum multum captivum duxerunt et alios interfecerunt. Et pervenerunt Letti ad ecclesiam, que fuerat non longe a civitate Nogardia, tollentes icones, campanas, thuribula et similia, et cum spoliis multis redierunt ad exercitum. Et facta vindicta de inimicis reversus est universus exercitus gaudens sine lesione alicuius, unusquisque in domum suam, et cessavit opprobrium Ruthenorum adversus Lyvonensem ecclesiam. Letti quoque et Sackalanenses et Ugaunenses, continue Rusciam intrantes, multos ibidem interfecerunt, et multos promiscui sexus captivos duxerunt, et spolia multa tulerunt. Similiter et Letti de Kukenois ac Theuthonici Rusciam intrantes, omni tempore predam multam et captivos multos reduxerunt.

Erant eodem tempore fratres militie cum servis suis in omnibus castris tam Ugaunie quam Sackale, procurantes advocatias et congregantes tributa et episcopo suam partem conservantes, et edificaverunt castra omnia et firmissime muniverunt, et cisternas infra fodientes, armis et balistis repleverunt, et propter timorem Ruthenorum Estones
(6) in castra compellentes, simul cum eis commanserunt. Ugaunenses autem [a] circa mediam hyemem cum exercitu ibant in profunditate magna nivis, et pretereuntes Wironiam et transeuntes Narwam, terram vicinam spoliaverunt et captivos et spolia retulerunt. Quibus revertentibus, Sackalanenses abierunt eadem via, et transeuntes Narwam, processerunt via remotissima in terram, que Ingaria vocatur, que est de regno Nogardie. Et invenerunt terram illam repletam hominibus et nullis rumoribus premunitam, et percusserunt Ingaros illos plaga magna nimis, interficientes viros et populum multum, et plures promiscui sexus capientes, et oves et

---

[a] *Sic To*; *S* ante.

boves et pecora multa mactaverunt, que secum abducere non potuerunt. Et reversi sunt cum preda magna, et repleta est Estonia et Lyvonia de captivis Ruthenorum, et pro malis omnibus, que Rutheni Lyvonibus intulerunt, iam duplicia vel triplicia eodem anno receperunt.

Bisdecimus quartus iam presulis affuit annus, (XXVI) 1222
Et nondum terra tranquilla pace quievit.

Eodem anno fuerunt Tartari in terra Valvorum paganorum, qui Parthi a quibusdam dicuntur, qui panem non comedunt, sed carnibus crudis pecorum suorum vescuntur. Et pugnaverunt Tartari cum eis, et debellaverunt eos, et percusserunt omnes in ore gladii, et alii fugerunt ad Ruthenos, petentes auxilium ab eis. Et pervenit verbum per universam Rusciam, ut pugnarent cum Tartaris, et exiverunt reges de tota Ruscia contra Tartaros, et non valuerunt pugnare cum eis, et fugerunt coram eis. Et cecidit rex magnus Mysteslawe [a] de Kywa cum quadraginta milibus virorum, qui adstabant ei. Sed et alter rex Galatie Mysteslawe [b] per fugam evasit. Et de regibus aliis ceciderunt in eodem bello circiter quinquaginta. Et persecuti sunt eos sex diebus, et interfecerunt ex eis plures quam centum milia virorum, quorum numerum deus solus novit, et ceteri fugerunt. Et misit rex de Smalenceka et rex de Plosceke et quidam alii reges de Ruscia nuncios suos in Rigam, petentes ea, que pacis sunt. Et renovata est pax per omnia, que iam dudum ante [c] facta fuerat.[d]

(2) Rex quoque Dacie collecto exercitu magno, cum comite Alberto venit in Osiliam et cepit edificare castrum lapideum. Et exiverunt Dani ad pugnandum contra Osilianos, et non valuerunt soli, sed venit eis in auxilium comes Albertus cum suis et convertit Osilianos in fugam, et interfecerunt plures ex eis, et ceteri fugerunt. Venit quoque venerabilis Rigensis

---

[a] *Sic corrigendum videtur ex XV. 8 (Z); ST* Misceslawe; *o* Myscoslawus; *W. Arndt* Mistoslawe. [b] *S* Misceslawe; *T* Miceslawe; *o* Mysceslaus. [c] *So* anno. [d] *S* fuit; *o* facta sunt.

episcopus cum magistro militie et fratribus suis, et cum Lyvonibus quibusdam, et cum aliis, qui missi fuerant a Lyvonia ad regem Dacie in Osiliam. Et gavisus est rex de adventu eorum. Et locutus est eis super donatione illa, qua donata fuit ei Lyvonia. Et non consenserunt ei, sed contradixerunt omnes unanimiter, prout edocti fuerant a cunctis habitantibus in Lyvonia, et supplicabant ei, ut a tali inquietatione Lyvonie cessaret et terram beate virginis liberam relinqueret. Unde, habito consilio prudentum suorum, tandem episcopo Lyvoniam et omnia Lyvonie attinentia cum omni libertate restituit. In Sackala vero et Ugaunia regalia iura fratribus militie, sed episcopo Rigensi spiritualia cuncta dimisit, adiciens, ut sibi perpetuam fidelitatem prestarent et suis tam contra Ruthenos, quam contra paganos auxilium suum non denegarent. Et promiserunt tam sibi, quam suis fidele semper auxilium, unde et Theodericum, fratrem episcopi, cum quibusdam fratribus militie ad regis petitionem ibidem in castro novo reliquerunt. Et reversi sunt in Lyvoniam. Rex vero consummato cum festinatione muro castri et locatis viris in eo reversus est in Daciam.

(3) Osiliani vero, de omnibus villis ac provinciis convenientes, castrum ipsum obsederunt et miserunt ad Estones maritimos, ut venirent eis in auxilium. Et quidam ex eis abierunt in Warbolam, considerantes artem patherelli sive machine, quam Dani Warbolensibus, tamquam subditis suis, donaverant. Et reversi in Osiliam ceperunt edificare patherellos et machinas et docebant alios. Et fecerunt unusquisque ex eis suas machinas. Et venerunt simul omnes cum decem et septem patherellis, iactantes lapides multos et magnos diebus quinque continue, et non dabant requiem illis, qui erant in castro, quia domos et edificia non habebant, et non erat eis locus neque refugium in castro nondum edificato, et multi lesi sunt ex eis. Sed ex Osilianis multi a balistariis vulnerati ceciderunt. Ipsi tamen ideo ab impugnatione castri non cessaverunt. Post multorum itaque dierum pugnam dixerunt Osiliani ad eos, qui erant in castro: «Cum sciatis vos in castro isto contra impugnationem nostram continuam omnino sal-

vari non posse, suademus vobis et rogamus, quatinus, facta pace nobiscum, sani et incolumes omnes exeatis et nobis castrum et terram nostram relinquatis». Illi autem, sub divo pugnantes, domibusque et omnibus indigentiis carentes, formam istam pacis receperunt, et exeuntes de castro resque suas secum ad naves deducentes, castrum et terram Osilianis reliquerunt. Osiliani quoque septem ex Danis et Theodericum, fratrem episcopi Rigensis, obsides ibidem pro pacis confirmatione retinuerunt, reliqui omnes ad Danos in Reveles redierunt.

Tunc Osiliani destruxerunt castrum in circuitu, non relin- (4)
quentes lapidem super lapidem, et miserunt verbum istud per universam Estoniam, quod castrum regis Danorum expugnaverunt et christianos de finibus suis eiecerunt. Et confortaverunt Estones in omnibus provinciis, ut iugum Danorum a se reicerent et nomen christianum de terra delerent, dicentes facile castrum Danorum expugnari. Et docebant eos machinas et patherellos erigere et cetera instrumenta bellica. Et orta sunt mala in terra.

Postquam igitur Osilienses cum Harionensibus conspi- (5)
rationum suarum machinationes pessimas contra Danos et contra nomen christianum compleverunt, congregaverunt se simul omnes cum maritimis eciam Estonibus in castro Warbolensi et interfecerunt quosdam ex Danis et sacerdotibus suis, qui habitaverunt cum eis. Et miserunt nuncios in Wironiam, ut ipsi similia facerent. Wironenses vero cum Gerwanensibus, cum ipsi sint homines simplices et humiliores aliis Estonibus, non presumentes talia committere, conduxerunt sacerdotes suos et remiserunt eos sanos in castrum Danorum.

Sackalanenses vero, qui simul habitabant cum fratribus militie in castro Viliende, dolosas cordium suorum cogitationes contra eosdem fratres iam amplius dissimulare non valentes, currebant omnes cum gladiis et lanceis et clypeis suis, et comprehendentes quosdam ex fratribus et servos eorum et mercatores Theuthonicos, et interfecerunt eos. Et cum esset 1223
dominica, in qua legitur euangelium: «Ascendente Ihesu in Ian. 29

naviculam, ecce motus magnus factus est in mari», Theoderico sacerdote missarum solempnia celebrante ceterisque fratribus in ecclesia coram astantibus, revera motus magnus factus est atque turbatio. Nam occisis fratribus et servis et Theuthonicis omnibus, qui foris erant, in castro congregantur ad ecclesiam, non orationem, sed sanguinem fundere querentes, non missarum sacramenta desiderantes, sed requiem Iesu Christi disturbare cupientes, scilicet [a] Cain iniquitatem secum deferentes. Ostium itaque ecclesie preoccupant et circumdant, fratres inermes armis suis circumveniunt. Et ut facilius eos evocent, datis in dolo manibus pacem eis promittunt. Exiit ad eos primus Mauritius, qui fuerat advocatus eorum, nimium credulus infidelibus, in quem statim irruentes, interficiunt eum. Unde ceteri, rebus certis territi, ad defendendum se preparant, sed facta mora diutina tandemque pace iurata, sigillatim ad eos exeunt. Quos perfidi comprehendentes, statim in compedes et in[b] vincula deponunt, et omnem substantiam eorum et pecunias et equos diripientes, inter se dividunt. Et corpora interfectorum canibus corrodenda per campos proiciunt, «ponentes, sicut scriptum est, morticinia servorum tuorum escas volatilibus celi, carnes sanctorum tuorum bestiis terre, fundentes sanguinem ipsorum tamquam aquam, et non erat, qui sepeliret». Quidam etiam ex eis abierunt ad aliud castrum, quod erat ad Palam, et ibi similia facere precipiebant et in via sacerdotem suum cum aliis interficiebant.

(6) Post hoc idem Sackalanenses abierunt in Gerwam, et comprehendentes ibi Hebbum, qui erat advocatus eorum, et cum ceteris Danis reduxerunt eum in castrum suum et crudeli martyrio cruciaverunt eum et alios, dilacerantes viscera eorum et extrahentes cor Hebbi adhuc vivum de ventre suo et assantes ad ignem et dividentes inter se, comederunt illud, ut fortes contra christianos efficerentur, et corpora eorum canibus et volatilibus celi rodenda dederunt.

---

[a] *S* sed; *o* scilicet Caininam. [b] *Sic S*; *W. Arndt omittit* in (*o*).

Completo opere tam nefando, seniores de Viliende miserunt eodem die in Odempe, suadentes eis, ut et ipsi similia facerent. Et Tharbatensibus gladios sanguinolentos, quibus Theuthonicos interfecerant, et equos et vestes eorum pro signo miserunt. At illi gaudentes omnes verbum istud acceperunt, et irruentes in fratres militie, vinculaverunt eos, et Iohannem, qui fuerat advocatus eorum, interfecerunt, et servos eorum omnes. Et ex mercatoribus quam plures percusserunt gladio, et ceteri latitantes evaserunt, quos postmodum in vincula proiecerunt, et omnia bona fratrum militie et aliorum Theuthonicorum et mercatorum rapientes, inter se diviserunt, et corpora occisorum per campos inhumata reliquerunt, quorum anime cum Christo requiescant in pace. Erat eodem tempore in Tharbata cum fratribus militie confrater eorum, sacerdos Hartwicus, quem locaverunt super bovem pinguissimum, eo quod ipse eque pinguis fuerit. Et educentes de castro, deorum suorum voluntatem sorte requirebant, quem eorum, videlicet sacerdotem an bovem, ad victimam eligerent. Et cecidit sors super bovem, et immolatus est in momento. Sacerdotem vero secundum deorum voluntatem vite reservaverunt, recepto tamen vulnere magno, quod postea sanatum est. (7)

Tunc exivit verbum per totam Estoniam et Osiliam, ut pugnarent contra Danos et Theuthonicos. Et eiecerunt nomen christianum de omnibus finibus suis. Ruthenos vero, tam de Nogardia, quam de Plescekowe sibi vocaverunt in auxilium, firmantes pacem cum eis et locantes quosdam ex eis in Tharbata, quosdam in Viliende et alios in aliis castris, contra Theuthonicos et Latinos et omnes christianos pugnaturos, dividentes cum eis equos et pecunias et omnem substantiam fratrum militie nec non et mercatorum et omnia, que rapuerant,[a] et muniverunt castra sua firmissime. Et edificaverunt patherellos in omnibus castris, docentes ad invicem artem balistariam, dividentes balistas fratrum militie quam plurimas inter se, quas rapuerant. Et receperunt uxores suas, (8)

---

[a] *Sic ST*; *W. Arndt* rapuerunt.

tempore christianitatis dimissas, et corpora mortuorum suorum in cemeteriis sepulta de sepulcris effoderunt et more paganorum pristino cremaverunt, et se et domos suas et castra lavantes aquis et scopis purgantes, taliter baptismi sacramenta de finibus suis omnino delere conabantur.

(9) Et miserunt Sackalanenses nuncios in Rigam, dicentes pacis quidem se reformationem diligere, sed numquam se deinceps fidem christianam, donec puer unius anni vel cubiti remaneret in terra, recepturos. Et requirebant pueros suos obsides, promittentes se fratres militie, quos habebant in vinculis adhuc vivos, pro singulis obsidibus singulos fratres et mercatores restituere, quod et factum est.

(10) Fuerat eodem tempore mercator christianus in domo Estonis in Sackala, et cum omnes Theuthonici interficerentur, qui erant in terra, irruit eciam idem Esto super eundem hospitem suum et interfecit eum. Quo facto, peperit uxor occisoris filium, et habebat idem puer in corpore suo vulnera recentia in omnibus locis, in quibus pater vulneraverat [a] innocentem, et similia per omnia vulneribus interfecti, que tamen postea sanata fuerunt, et apparent cicatrices ad hunc diem. Et multi videntes admirabantur, testimonium perhibentes et vindictam dei probantes, nam et idem occisor ab exercitu christianorum statim interfectus est.

(11) Tunc innovata sunt bella in omnibus finibus Estonie. Nam Osiliani et maritimi et Warbolenses simul cum Gerwanensibus et Wironensibus obsidione longa Danos in Revele obsederunt, donec dominus eos liberavit. Nam fatigati nimis in castro diuque Theuthonici cum Danis exiverunt ad eos, inferentes eis bellum, et convertit deus Estones in fugam, et ceciderunt ex eis multi interfecti a christianis, et ceteri fugerunt. Et tulerunt christiani boves et equos eorum et spolia multa, laudantes dominum, qui de tantis malis et hac vice
(12) eos liberavit. Videntes eciam Letthi omnia mala, que cogitabant Estones adversus Lyvoniam, ceperunt ipsi statim

---

[a] *Sic ST*; *W. Arndt addit* et necaverat (*o*), *quae interpolata esse L. Arbuow* (*o. c., pag. 171*) *iure putat.*

movere bella cum Estonibus, et ibat Rameko cum suis et Warigerbe[a] cum aliis Letthis in Ugauniam, et despoliantes villas et captivantes homines et interficientes, spolia multa tulerunt. Et illis redeuntibus, alii iterum abierunt et similia mala fecerunt. Similiter Estones Letthos persequentes in Letthiam venerunt et similia mala commiserunt.

Post hoc eciam fratres militie abierunt in Ugauniam, et (13)
villas quasdam depredantes et incendentes, Estonibus similia mala intulerunt, et redeuntes in Rigam, revocaverunt viros episcopi simul et omnes Theuthonicos, ut eis auxilium contra ferocitatem Estonum preberent. At illi omnes uno ore simul: «Si volueritis, inquiunt, ecclesie beate Marie et episcopo Rigensi suam tertiam partem in Estonia relinquere et episcopo Hermanno suam tertiam[b] liberam restituere, et vos tertia parte vestra contenti esse, libenter vobis auxilium prestabimus». Et promiserunt deinceps episcopis suas integras partes dimittere. Unde statim surrexerunt omnes viri ecclesie, et convocaverunt de Lyvonibus suis et Letthis exercitum cum Rigensibus et fratribus militie, et perrexerunt in Sackalam, et mane facto apparuerunt iuxta castrum Viliende, et exiverunt Estones, et pugnaverunt cum eis usque ad horam tertiam, et diverterunt ab eis, dividentes exercitum ad omnes villas, et spoliaverunt terram, captivantes et interficientes, quos invenerunt, et convenerunt cum omni exercitu, reversique sunt in Lyvoniam ad castrum, quod est ad Palam, et triduo bellabant cum eis, et alii transierunt Palam, spoliantes et incendentes totam Nurmegunde, et interfecerunt ibi quam plures, et venientes ad suos, cum omni exercitu reversi sunt in Lyvoniam, et viros omnes, quos captivos duxerant, capite truncaverunt; ut fieret vindicta de prevaricatoribus et[c] infidelibus illis nationibus. Et spolia dividentes collaudabant eum, qui est benedictus.

Annus erat pontificis vicesimus quintus, et nondum requie- (XXVII)
vit ecclesia a bellis. Nam redeunte episcopo Bernhardo, qui 1223

---

[a] *Sic So*; *L.Arbusow corrigendum putat:* [Warigribe] *secundum XXIII. 5.* [b] *Sic ST*; *W. Arndt* (*ex o*) tertiam partem. [c] *Sic ST*; *W. Arndt* et in (*o*).

primus erat Semigallorum episcopus, cum peregrinis multis de Theuthonia, collegerunt Sackalanenses et Ugaunienses cum adiacentibus provinciis exercitum magnum, et venientes ad Ymeram, terram Letthorum despoliaverunt, et multos ex Letthis interfecerunt, et mulieres captivas duxerunt, et dividentes exercitum suum per omnem provinciam, terram plaga magna percusserunt. Nam alii in Tricatuam, et alii in Rosulam, alii in Metsepole, alii in Thoreidam abierunt, et invenerunt viros et mulieres quam plures in omnibus villis, et interfecerunt multos ex eis, et alios captivos duxerunt, et spolia multa tollentes, villas omnes et ecclesias ignibus tradiderunt. Et post hoc in Lettegore collectionem exercitus sui cum omni rapina sua deposuerunt. Sequebatur autem Rameko post tergum Estonum cum aliis Letthis paucis apud Urele, et casu [a] venit ad Waremarum, qui fuerat princeps Ruthenorum in Viliende, et occidit eum cum multis aliis Ruthenis et Estonibus. Et tollentes arma et spolia multa, reversi sunt in Wenden.

Et innotuit sermo in Riga de omnibus malis Lyvonibus et Letthis illatis, et fleverunt et doluerunt omnes de confratribus suis occisis, et nullam moram facientes, sed statim panes et sacculos et pannas suas proicientes, tam equites quam pedites, fratres militie cum peregrinis et cum mercatoribus et Lyvonibus abierunt in Thoreidam. Et mittentes exploratores, invenerunt hostes a Ledegore iam divertisse, et secuti sunt eos nocte ac die. Unde labore nimio fessi, pedites omnes et alii quam plures reversi sunt in Rigam. Sed qui erant constantes corde ad faciendam vindictam contra nationes et ad ponendum se murum pro domo domini, non abierunt retrorsum. Inter quos erat Iohannes, ecclesie beate Marie prepositus, Daniel sacerdos, Volquinus fratrum militie magister, qui et ceteros confortabant animando et monendo eos, ut se fideles et fortes ad preliandum prelia domini contra apostatas illos et audaces exhiberent. Et venerunt ad eos fratres militie de Sygewalde et de Wenden, et Lyvonum et

---

[a] *Sic ST*; *W. Arndt* (*ex o*) casu quodam.

Letthorum magna multitudo, et sequebantur post hostes via, que est ad Coywam, hostes vero via alia, que ducit ad ecclesiam vicinam de Ymera, abierant. Et in ecclesia nocte locantes equos suos et alias nequitias suas ibidem exercentes, fruges et domos et omnia, que erant sacerdotis, vastantes et incendentes, mane facto processerunt ad Ymeram. Et factum est, cum iam aliqua pars exercitus pontem Ymere transisset, repente christiani via alia a collaterali parte venerunt et irruerunt per medium exercitum hostium, inferentes eis bellum, et occurrerunt eis Estones fortissime. Sed exterrebat eos, qui quondam exterruit Philisteos, ut fugerent coram David, et commiserunt Theuthonici bellum cum eis, et terga verterunt Estones, fugientes coram christianis. Et persequebantur eos, ventilantes et convertentes eos per viam, qua veniebant, et interfecerunt quam plures ex eis. Alii alios ad pontem insequebantur, et per viam illam alios interficientes, pugnaverunt cum eis ad pontem, ubi Theodericus frater militie, vir fortis et devotus, lancea vulneratus cecidit, et ceteri pontem transeuntes, accesserunt ad eos. Sed ipsi, dimissis spoliis omnibus et equis suis et captivis quibusdam interfectis, pedes fugerunt ad silvas, et interfecti sunt ex eis sexcenti et plures, et alii in silvis interierunt, et alii in Coywa submersi sunt, et alii cum pudore reversi sunt in terram suam, ut verbum domi nunciarent. Christiani vero, tam Theuthonici quam Lyvones et Letthi, tollentes spolia eorum et equos et boves, equaliter inter se diviserunt et captivos confratres suos, tam viros quam mulieres, libertati pristine restituerunt, benedicentes et collaudantes eum, qui non solum hac vice, verum omni tempore pro eis pugnavit in Lyvonia et gloriosam victoriam de gentibus apostatantibus semper concessit.

Postquam Estones, [a] a fide Iesu Christi recidivantes, ad Ymeram sunt percussi, misit episcopus Bernhardus per universam Lyvoniam et Letthiam, convocans omnes, tam viros ecclesie, quam fratres militie, cum Lyvonibus et Letthis, ut (2)

---

[a] *Sic ST*; *W. Arndt* Posteaquam iam Estones (*o*).

veniant omnes pugnaturi cum Estonibus. At illi fideliter
omnes obediunt. Simul in unum conveniunt. Adsunt pere-
grini cum mercatoribus. Alii navigio in Coywa, alii pedites,
alii cum equis suis procedunt, ad locum orationis et colloquio-
rum cum octo milibus perveniunt. Celebratis orationum et
colloquiorum solempniis, in Estoniam festinant, castrum
Aug. 1 Viliende, quod ante decem annos a Theuthonicis fuerat expug-
natum et fidei christiane subiugatum, iterum secundo iam
impugnant, machinas minores et patherellos edificant, turrim
ligneam fortissimam et altam erigunt, quam ad fossatum
usque propellunt, ut castrum desubtus fodere valeant, sed
impediuntur quam plurimum a balistariis eorum, qui erant
in castro, nam balistas fratrum militie quam plures habe-
bant in castro contra balistas christianorum et patherellos
et machinas edificaverunt contra machinas christianorum,
pugnantes ad invicem diebus multis. Nam in augusto ad
Aug. 15 vincula Petri facta est obsidio castri, et in assumptione beate
virginis deficientes se tradiderunt. Cum enim esset calor nimius
et multitudo hominum et pecorum fuisset in castro et iam
fame et siti deficerent, facta est pestilentia magna pre fetore
nimio interfectorum in castro, et ceperunt homines egrotare
et mori, et non valentes se defendere, ceteri, qui adhuc reman-
serant vivi, tradiderunt se et omnia sua in manus christianorum,
presertim cum viderent castrum a christianis iam alia vice
incensum et summo labore se et castrum defendisse. Et ideo
facta pace cum christianis, exiverunt de castro, recipientes
iterum iugum discipline christiane, et promiserunt se nun-
quam deinceps fidei sacramenta apostatando violare et de
commissis satisfactionem rependere, et pepercerunt eis frat-
res militie et Theuthonici omnes, licet tam vitam quam bona
cuncta perdiderint.[a] Ruthenos vero, qui fuerant in castro,
qui venerunt[b] in auxilium apostatis, post expugnationem
castri suspendit exercitus omnes ante castrum ad terrorem
aliorum Ruthenorum. Et reformata pace per omnia, chri-
stiani ad castrum se receperunt, et omnia, que in castro fue-

---

[a] *Sic o; S* diminuerint; *W. Arndt* perdiderunt. [b] *o* venerant.

rant, tollentes et equos et pecora expellentes, equaliter inter se diviserunt, et homines in villas suas abire permiserunt; divisisque spoliis ad aliud castrum, quod est ad Palam, processerunt, bellum similiter eis inferentes. At illi, timentes expugnationem castri sui et pestilentias et mortes, quales in priori castro fuerant, et similia mala, tradiderunt se quantocius in manus christianorum, de vita sola et libertate supplicantes et bona sua cuncta in manus exercitus dimittentes. Et concesserunt eis christiani vitam et libertatem, et miserunt eos in villas suas, tollentes spolia multa et cuncta, et equos et oves et boves, et omnia, que in castro fuerunt, et de duorum castrorum requisitione et de perverse gentis illius iterum subiugatione deum collaudantes, cum gaudio magno reversi sunt in Lyvoniam.

Missi quoque fuerant seniores Sackalanenses in Rusciam (3) cum pecunia et muneribus multis, si forte reges Ruthenorum sibi in auxilium contra Theuthonicos et Latinos omnes possent evocare. Et misit rex de Susdalia fratrem suum et exercitum multum cum eo in auxilium Nogardensium, et sequebantur eum Nogardenses et rex de Plescekowe cum civibus suis, et erat exercitus circiter viginti milia. Et venerunt in Ugauniam prope Tarbatam, et miserunt eis Tarbatenses munera magna, et fratres militie et Theuthonicos, quos habebant apud se captivos, tradiderunt in manus regis et equos et balistas et alia multa, petentes auxilium contra Latinos. Et locavit rex viros suos in castro, ut haberet dominium in Ugaunia et per totam Estoniam. Et abiit rex in Odempe, et similiter ibi faciebat. Et post hoc convertit exercitum suum versus Lyvoniam in Puydise, et sequebantur eum Ugaunenses, et maior erat exercitus. Et occurrerunt ei ibidem Osiliani, rogantes, quatinus exercitum suum convertat contra Danos in Reveles, ut victis Danis, facilius Lyvonenses invadant, dicentes in Riga multos esse peregrinos, qui sibi sint occurrere parati. Et audivit eos rex, et reversus est alia via cum exercitu in Sackalam, et invenit [a] totam Sackalam iam a

[a] *Sic STo*; *W. Arndt* inveniens.

Theuthonicis subiugatam, et duo castra expugnata, et Ruthenos suos apud Viliende suspensos, iratus est valde, et iram suam vindicans in Sackalanenses, terram ipsam percussit plaga magna, et omnes, qui evaserant coram Theuthonicis, et a pestilentia magna, que fuit in terra, ipse interfici decrevit, et alii per fugam in sylvas evaserunt. Et procedens in Gerwam cum exercitu suo magno, convocavit ad se Gerwanenses et Wironenses et Warbolenses cum Osilianis. Et cum omnibus illis obsedit castrum Danorum Lyndanise, et pugnavit cum Danis ebdomadis quattuor, et non potuit capere eos neque castrum eorum, eo quod balistarii multi fuerint in castro et multos Ruthenorum et Estonum interficerent. Unde tandem confusus rex Susdalie cum omni exercitu suo reversus est in Rusciam. Fuerat autem exercitus ille magnus valde et fortis, et temptabat secundum artem Theuthonicorum castrum capere Danorum, et non valebant. Sed destructa et despoliata provincia in circuitu, tandem redierunt in terram suam.

(4) Interim fratres militie et alii Theuthonici cum paucis obsederant castrum Tarbatense et pugnabant cum eis diebus quinque. Et non valentes castrum tam forte cum paucis expugnare, terram in circuitu despoliabant et cum omni rapina sua reversi sunt in Lyvoniam. Iterumque fratres militie colligentes exercitum, intraverunt Estoniam, percusserunt Gerwanenses plaga magna, eo quod Danis semper bella moverent, et interfecerunt et ceperunt multos ex eis et spolia multa tollebant, et venerunt ad eos Gerwanenses in Keytis, promittentes Theuthonicis fidelitatem perpetuam et omnibus christianis. Unde statim exiverunt de finibus eorum et cum omni preda redierunt in terram suam.

(5) Post hoc Nogardenses miserunt regem Wiesceka, qui quondam viros episcopi Rigensis mortificaverat in Kukenois, et dederunt ei pecuniam et viros ducentos secum, committentes ei dominium in Darbeta et in aliis provinciis, quas sibi posset subiugare. Et venit idem rex cum viris suis in Darbetam, et receperunt eum castrenses cum gaudio, ut fortiores contra Theuthonicos efficerentur, et dederunt ei tributa

de circumiacentibus provinciis, et quicunque tributa non prebebant, exercitum contra eos direxit, et devastavit omnes terras sibi rebelles a Wayga usque ad Wironiam, a Wironia usque in Gerwam et in Sackalam, et fecit contra christianos omnia mala,[a] que potuit.

Celebrata dominice nativitatis solempnitate cogitaverunt (6) Rigenses obsidere castrum Tharbatense. Et convenerunt cum fratribus militie et peregrinis et cum Lyvonibus et Letthis aput Astigerwe et habebant exercitum magnum. Et recordati sunt Danorum in longa tribulatione existentium, contra quos pugnabant iam dudum omnes terre et gentes circumiacentes, et, dimisso itinere in Darbeten, profecti sunt cum omni exercitu in Hariam, et obsederunt castrum Lone, pugnantes cum eis ebdomadis duabus, edificantes machinas et patherellos et turrim ligneam fortissimam, quam ad castrum vicinius appellebant, ut desubtus castrum fodere et de summitate eos magis impugnare valerent. Et audientes Dani gavisi sunt et veniebant ad eos gratias referentes, eo quod miserti eorum venerint eis in auxilium. Post hoc autem multi sunt a balistariis interfecti[b] et a machinariis proiecti, et ceteri ceperunt graviter egrotare et mori. Insuper et fossores iam ad summitatem munitionis appropinquabant, ut putarent castrenses se iam ad ima una cum fossato descendere. Unde tandem supplicabant exercitui, quatinus eis vitam et libertatem donarent. Et concesserunt eis vitam et castrum incenderunt. Omnes vero equos et boves et pecora et substantiam et pecuniam et vestes et omnia, que fuerunt in castro, tollebant sibi Theuthonici, dividentes cum Lyvonibus et Letthis equaliter. Danis vero homines restituerunt et in villas suas liberos miserunt. Interim Theuthonici miserunt aliquos de exercitu suo ad alia tria castra minora circumadiacentia, comminantes eis bellum, nisi tradant se in manus eorum. Et tradiderunt se tria illa castra adiacentia in manus Rigensium, mittentes eis tributa et waypas quam plures in

---

[a] *Sic S*; *W. Arndt* mala omnia. [b] *Sic S*; *W. Arndt* a balistariis sunt (*o*).

eadem expeditione. Et reversus est exercitus Rigensium in Gerwam, et abierunt quidam ad spoliandum provinciam. Et occurrerunt Gerwanenses et Wironenses, supplicantes de pace, promittentes deinceps se sacramenta fidei christiane non violare. Et reformaverunt cum eis pacem et receperunt eos ad gratiam, sumentes obsides ab eis, quos tamen Dani disturbabant postea, plurimum inferentes eis bellum, eo quod pacem a Rigensibus et christianitatis iugum receperant. Et reversus est exercitus Rigensis cum gaudio in Lyvoniam, collaudans Iesum Christum, qui semper eos sanos et incolumes deducit et reducit in omnibus expeditionibus suis. Nuncii interim regum Ruthenorum erant in Riga, rerum eventum expectantes et ammirantes quam plurimum, eo quod Rigenses sine victoria nunquam reversi sunt inanes, eo quod sagitta Ionathe nunquam abiit retrorsum, nec declinavit clypeus eius in bello, et gladius Saul non est reversus inanis, cum exercitus magni et fortes regum Ruthenorum nunquam unum castrum valeant expugnationibus suis fidei christiane subiugare.

(XXVIII) Annus erat consecrationis antistitis Alberti vigesimus sex-
1224 tus, et nondum ecclesia siluit a bellis. Nam rex Viesceke disturbabat cum Tarbatensibus omnem terram in circuitu, et ibant Letthi et Lyvones sepius ad eos cum paucis, et non
Apr. 14 valebant eis nocere. Sed et fratres militie post pascha, colligentes iterum exercitum, obsederunt Darbetam, et pugnaverunt diebus quinque cum eis, et non potuerunt pre paucitate suorum castrum comprehendere, et spoliantes terram in circuitu, cum spoliis suis reversi sunt in Lyvoniam.

Interim episcopus venerabilis Albertus rediit de Theuthonia cum peregrinis multis et universo comitatu suo. Et venit cum eo frater ipsius, non minus venerabilis Hermannus episcopus, iam dudum electus et consecratus episcopus in Estoniam, qui fuerat a rege Dacie ab episcopatu suo iam pluribus annis impeditus. Sed postquam rex Dacie in captivitatem deductus est in Saxoniam a Theuthonicis, abiit episcopus predictus Rigensis cum eodem fratre suo ad regem requirere voluntatem et consensum ipsius. Et placuit regi,

ut iret in Lyvoniam et de Lyvonia ad Estoniam in episcopatum ipsius. Qui cum venissent in Rigam, cum gaudio magno recepti sunt a Rigensibus et ab universis, qui fuerunt in Lyvonia, et congaudebant omnes et collaudabant deum, eo quod post mala plurima et bella tristia iterum expugnata est et requisita fere tota Estonia, preter unum castrum Darbatense, de quo remanebat ultio divina.

Et convenerunt fratres militie cum episcopis eisdem et viris ecclesie et cum Rigensibus cunctis super divisione provinciarum Estonie ad Rigam pertinentium. Et dederunt episcopo Hermanno Ugauniam cum provinciis suis, fratres vero militie Sackalam in sorte pro sua parte[a] receperunt. Et ecclesie beate Marie in Riga et episcopo Rigensi Maritimam cum septem kilegundis attribuerunt. Et audientes Maritimi, quod ad ecclesiam Rigensem pertinerent, gavisi sunt valde et tributa duorum annorum, que propter Danorum impugnationem neglexerant, integraliter solvebant. Ugaunenses quoque similiter de dominio episcopi Hermanni gaudebant, qui erat in Odempe, sed impediebat eos rex Viesceka cum Tarbatensibus suis, qui erat in laqueum et in diabolum magnum Sackalanensibus et aliis Estonibus adiacentibus. (2)

Et miserant episcopi nuncios ad regem in Darbetam, rogantes, ut recederet a rebellibus illis, qui erant in castro, qui baptismi sui sacramenta violaverant, qui fidem Iesu Christi reiciendo ad paganismum redierant, qui fratres militie, confratrets et[b] dominos suos, alios interficiendo, alios captivando, de terminis suis expulerant, qui vicinas omnes provincias, ad fidem Iesu Christi venientes, despoliando cottidie vastaverant. Et nolebat rex ab eis recedere, eo quod Nogardenses et reges Ruthenorum sibi castrum ipsum cum adiacentibus terris perpetua donatione donaverint et liberationem a Theuthonicorum impugnatione promiserunt. Et collecti fuerant in eodem castro cum rege eodem omnes malefici de provinciis vicinis et de Sackala, qui fuerant traditores et interfectores fratrum suorum, fratrum militie et merca- (3)

---

[a] *Sic ST; W. Arndt* parte sua (*o*). [b] *Sic ST; W. Arndt* ac (*o*).

torum, et malorum consiliorum inventores contra Lyvonensem ecclesiam. Quorum princeps ac dominus idem rex erat, quia[a] et ipse radix antiqua malorum omnium in Lyvonia fuerat, qui pacem veri pacifici infringendo ac omnium christianorum fideles sibi viros, contra Letthonum impugnationem a Rigensibus in auxilium missos, interfecit in dolo, diripiens omnia bona eorum. Hii ergo omnes, fiduciam habentes in castro suo supradicto firmissimo, contempnebant pacem christianorum et querebant mala cottidie christianis. Nam revera castrum ipsum firmius erat omnibus castris Estonie, quod fratres militie multis laboribus et expensis antea firmaverant et armis suis et balistis repleverant, que omnia perfidi rapuerant. Insuper et rex ibidem sagittarios suos Ruthenos secum habebat quam plures. Insuper et patherellos, secundum artem Osilianorum, et cetera instrumenta bellica preparabant.

(4) Erat itaque tunc Estiensis ecclesia multis bellorum incommodis exposita, que fuit tamquam mulier pariens, que tristitiam et dolorem magnum habet, donec pariat. Cuius eciam partum draco persequitur, Behemoth videlicet ille, qui fluvium absorbens fiduciam adhuc habet, quod Iordanis influat in os eius. De tantis igitur bellorum angustiis nullo modo poterat ecclesia predicta liberari, que parvula fuit adhuc et infirma, nisi per Lyvonensem ecclesiam, que vera et prima semper mater ipsius fuerat per labores expugnationis et que genuerat eam per lavacrum regenerationis in fide Iesu Christi, licet plures sibi matres falso filiam hanc usurpantes, mentientes semper attraxerint, quarum una mater Ruthenica sterilis semper et infecunda, que non spe regenerationis in fide Iesu Christi, sed spe tributorum et spoliorum terras sibi subiugare conatur.

(5) Ut ergo Lyvonensis ecclesia filiam suam Estiensem ecclesiam, quam genuerat Iesu Christo, liberaret de presentibus malis, misit episcopus venerabilis Rigensis et convocavit fratres militie nec non et viros ecclesie cum peregrinis et

---

[a] *Sic N*; *S* qui.

mercatoribus et civibus Rigensibus et universis Lyvonibus et Letthis, indicens expeditionem cunctis ad Lyvonensem ecclesiam pertinentibus. Et fideliter obedientes omnes convenerunt cum exercitu suo aput stagnum Rastigerwe, convocantes secum episcopum venerabilem predictum Rigensem cum fratre suo non minus venerabili, Hermanno episcopo, et cum universis viris sacerdotibus ac militibus suis. Peractisque colloquiorum et orationum ibidem mysteriis, premittunt meliores et fortiores de exercitu, ut, transeuntes Ugauniam nocte et die, sequenti mane valeant castrum Darbatense preoccupare. Qui dividentes iterum acies suas, alios ad impugnandum castrum preordinant, et alios in Wironiam ad despoliandum adhuc rebelles dirigunt, qui post triduum oves et boves et cetera, que fuerunt exercitui necessaria, reducunt abundanter. Episcopi vero cum peregrinis et omni multitudine sequentes, in die assumptionis beate virginis Aug. 15
ad castrum perveniunt. Eodem quippe die anno preterito castrum Viliende captum est. Campos igitur tentoriis operiunt, castrensibus bellum inferunt, machinas minores et patherellos construunt, intrumenta bellica quam plurima preparant, propugnaculum sive turrim ligneam fortissimam erigunt, quam de magnis et altissimis arboribus octo diebus artificiose eque altam castro preparaverant viciniusque super fossatum appellunt et statim desubtus terram fodere incipiunt. Ordinatur ad fodiendum noctem et diem medietas exercitus, ut alii fodiant, alii terram dilapsam exportent. Unde mane facto fossati magna pars de vallo dilabitur, et mox propugnaculum vicinius ad castrum apponunt. Mittuntur interim internuncii ad regem, sacerdotes et milites, viri honesti, promittitur ei via libera, ut exeat cum viris et equis et omnibus rebus suis, si tantum recedat de castro et gentem illam apostatricem derelinquat. Sed rex a Nogardensibus liberationem expectans, nullatenus se castrum derelinquere pertinaciter affirmat. Veniunt interim Rutheni, spoliantes in provincia, deferuntur rumores in tentoria, statimque Theuthonici parati venientes, eis occurrere volentes, campos petunt aliosque in obsidione castri derelinquunt. Non venientibus

Ruthenis iterum ad castri revertuntur impugnationem, balistarum sagittis multos in summitate munitionis vulnerant et alios iactibus machinarum interficiunt, patherellis ferrum ignitum vel ollas igneas in castrum proiciunt. Terrores multos castrensibus incutiunt, eo quod alii instrumenta, que ericios et porcos vocant, preparant, alii lignorum strues comportant, alii ignes apponunt, pugnantes in hunc modum diebus plurimis. Similiter et qui in castro erant, machinas et patherellos contra machinas christianorum construunt, sagittarios arcuum suorum et balistarios contra sagittas istorum dirigunt. Et fodientes per diem et noctem non quiescunt, unde turris magis appropinquat ad castrum. Nulla requies conceditur fessis, diebus pugnant, noctibus ludos et clamores exercent. Lyvones cum Letthis concussione gladiorum cum clypeis conclamantes; Theuthonici in tympanis et fistulis et ceteris instrumentis musicis, Rutheni cum suis instrumentis et clamoribus noctes omnes insomnes ducunt. Conveniunt iterum [a] omnes christiani, consilia querentes a deo. Inter quos [b] erat Fridericus dux et Fredehelmus dux et advocatus peregrinorum nobilis ac dives, qui dicebat: «Oportet, inquit, castrum istud violenter ascendendo comprehendi et vindictam de malefactoribus ad terrorem aliorum vindicari. In omnibus enim castris, a Lyvonensibus hactenus expugnatis, vitam [c] et libertatem semper obtinuerunt, et ideo ceteri nullos timores inde conceperunt. Nunc ergo, quicunque de nostris castrum scandendo primus intraverit, magnis eum honoribus exaltabimus et equos et captivum meliorem, qui fuerit in castro, illi dabimus, preter regem, quem in supremo ramo suspensum super omnes elevabimus». Placet omnibus consilium, vota vovent domino et beate virgini, statimque mane, celebratis missarum solempniis, pugna inchoatur. Fiunt comportationes lignorum, sed omnis labor frustratur, eo quod adhuc tempus vindicte dei non venit. Ad horam itaque nonam Estones in castro

[a] *Sic ST*; *W. Arndt* itaque (*o*). [b] *Sic ST*; *W. Arndt* Et inter eos (*o*). [c] *Sic ST*; *W. Arndt* vitam semper (*o*).

magnos incendunt ignes, foramen in munitione magnum aperiunt, de quo rotas ignibus impletas demittentes, super turrim dirigunt magnasque lignorum strues superadiciunt. Sed fortes armati christianorum ignes diripiunt, rotas destruunt, omnem flammarum impetum comminuunt, turrimque suam defendunt. Interim alii de exercitu ligna comportantes, pontem incendunt, contra quos Rutheni cuncti ad portam concurrunt. Iohannes vero de Appelderin, frater episcopi, miles (6)
preclarus, ignem tollens in manum suam, vallum primus scandere cepit. Cui servus ipsius, Petrus, statim secundus adfuit, et nulla mora interveniente ad munitionem usque repente deveniunt. Quod videntes alii de exercitu, currunt omnes, insequentes eos. Quid plura? Festinat unusquisque, ut primus adscendat, ut Iesu Christi sueque matris Marie gloriam et laudem exaltet, ut ipse laudem et mercedem pro labore suo recipiat. Et adscendit — qui primus obvenerat, nescio, deus scit — et sequebatur eum universa multitudo. Elevabat enim unusquisque consocium suum desuper in castrum, et alii ad foramen, per quod castrenses rotas cum ignibus emiserant, intraverunt, et primi sequentibus loca preparabant, et gladiis et lanceis Estones de munitione effugabant. Postquam igitur iam Theuthonici multi venerunt in castrum, sequuti sunt eos Letthi eciam et ex Lyvonibus quidam. Et statim ceperunt interficere populum, tam viros quam mulieres quasdam, et non pepercerunt eis, ut iam millenarium numerum adimplerent. Rutheni vero, diutissime se defendentes, tandem victi sunt et desuper intra munitionem fugerunt, et inde iterum [a] extracti, occisi sunt omnes una cum rege circiter ducentos. Alii quoque de exercitu circumdederunt undique castrum in circuitu, non sinentes effugere quemquam. Quicunque enim de castro descendens de intus evadere poterant, in manus illorum, qui foris erant, incidebant. Ex omnibus itaque viris, qui in castro erant, remansit unus vivus tantum, qui fuerat magni regis de Susdalia vasallus, missus a domino suo cum aliis Ruthenis ad idem castrum.

---

[a] *Sic ST*; *W. Arndt omittit* iterum (*o*).

Hunc vestientes postea fratres militie, remiserunt in Nogardiam et in Susdaliam in equo bono, ut verbum, quod factum fuerat, dominis suis nunciaret. Interfectis autem viris omnibus, facta est exultatio magna et ludus christianorum in tympanis et fistulis et instrumentis musicis, eo quod vindictam vindicaverant de malefactoribus et omnes perfidos de Lyvonia et Estonia ibidem collectos interfecerant. Post hoc tulerunt arma Ruthenorum et vestes et equos et spolia cuncta, que fuerant in castro, et mulieres adhuc superfluas et parvulos, et, incenso castro, statim sequenti die cum gaudio magno reversi sunt in Lyvoniam, pro victoria sibi a deo collata laudantes eum in celum, quoniam bonus, quoniam in seculum misericordia eius. Nogardenses vero venerant cum exercitu magno in Plescekowe, volentes castrum ab obsidione Theuthonicorum liberare. Sed audientes idem castrum iam captum virosque suos interfectos, cum dolore vehementi et indignatione reversi sunt in civitatem suam.

(7) Osiliani quoque Theodericum fratrem episcopi, liberatum a captivitate, remiserunt in Lyvoniam. Maritimi vero, Rigam venientes, ad obedientiam episcopi redierunt, et censum duplicem, quem propter Danos duobus annis neglexerant, integraliter persolverunt, et fidelitatem perpetuam ecclesie Rigensi promittentes, ad fidem christianam redierunt. Similiter Warbolenses, tributum et munera deferentes, per omnia se Rigensibus exhibebant. Sed Rigenses nichil certi de eis definientes, septem tantum provincias in Maritima, quas omni iure semper possederant, indubitanter recipiebant. Nihil enim iuris Rigensibus in Maritima unquam defuerat, quam [a] expugnatione ad fidem christianam et baptismo et censu et obsidibus semper possederant, et regi Dacie nunquam obsides eiusdem Maritime reddiderant. Wyronenses quoque et Gerwanenses, audita castri Darbatensis expugnatione, Rigam venerunt et equos et munera dominis attulerunt.

[a] *Sic S* (Maritima... quam...); *W. Arndt* Maritimis... que; *o* Maritimis... quas.

Episcopus vero Hermannus abiit cum suis in Ugauniam, et cepit castrum Odempe edificare, et locavit in eo viros nobiles et milites honestos, Engelbertum videlicet, generum suum de Thysenhusen, et Theodericum fratrem suum, et Helmoldum de Luneburg, virum prudentem et nobilem, et Iohannem de Dolen; donans unicuique eorum provinciam, id est kylegundam unam, in feudo, et alios Theuthonicos quam plures ad cohabitandum in eodem castro recepit, ut et terram et castrum defendant de inimicis et Estones subditos suos fidem docerent christianam. Estones vero, tamquam perfidos adhuc, secum in castro cohabitare non permiserunt. Sacerdotes quoque idem episcopus secum vocavit in Ugauniam et eis ecclesias in beneficio donavit, et eos annona et agris sufficienter dotavit. Estonibus quoque de decima, semper a deo statuta, competenter docendo proposuit, et receperunt eam, et solvere ceperunt eam deinceps annuatim. Inde et sacerdotibus et vasallis suis necessaria dare et promissa solvere disposuit fideliter. Rotmarum eciam, fratrem suum, prepositum instituit, locum sibi conventus in Darbete preordinans et villas viginti quattuor et reditus et agros sufficienter adscribens, canonicos regulares ibidem fieri disposuit et cathedralem ecclesiam suam illam esse decrevit. (8)

Fratres autem militie abierunt in Sackalam et, castrum Viliende possidentes, firmissime illud edificare ceperunt. Et sacerdotes in ecclesiis locantes, reditus eis tam in annona, quam in agris sufficientes adsignabant et decimam ab Estonibus recipiebant. Insuper et satisfactiones plenas pro cunctis sibi ablatis et pro dampno sibi illato, tam in Ugaunia quam in Sackala, perceperunt totaliter. Sed et Waygam dividentes, medietatem ad Ugauniam attribuerunt et aliam sibi medietatem cum Sackala et Normegunda et Mocha obtinuerunt. Miserunt et Rutheni de Nogardia et Plescekowe nuncios in Rigam, petentes ea, que pacis sunt. Et receperunt eos Rigenses, facientes pacem cum eis, et tributum, quod semper habebant in Tolowa, eis restituentes. Letthos vero de Tolowa Rigensis episcopus cum fratribus suis mili- (9)

tie dividebat, et duas partes accipiens episcopus, tertiam fratribus militie relinquebat.

(XXIX) 1225 Annus bisdecimus septimus antistitis extitit, et iam Lyvonum terra tranquilla pace silebat. Postquam enim captum est castrum Tarbatense fortissimum et Estones omnes et Rutheni simul cum rege sunt interfecti, cecidit timor Rigensium et Theuthonicorum super omnes terras vicinas et super omnes gentes, que erant in circuitu. Et miserunt omnes nuncios suos cum muneribus suis in Rigam, tam Rutheni, quam Estones maritimi et Osiliani, Semigalli et Curones, nec non et Letthones, querentes pacem et societatem eorum, timentes, ne sibi similia facerent, sicut Tarbatensibus intulerant. Et receperunt eos Rigenses, dantes pacem omnibus, quicunque petebant ab eis, et siluit terra in conspectu eorum. Et exiverunt Estones de castris suis, reedificantes villas suas exustas et ecclesias suas, similiter et Lyvones nec non et Letthi de latibulis silvarum egredientes, in quibus annis iam plurimis tempore bellorum latitarunt, et rediit unusquisque in villam suam et ad agros suos, et arabant et seminabant in securitate magna, quam ad quadraginta annos ante non habuerant, eo quod Letthones et alie gentes, tam ante predicationem verbi dei in Lyvonia, quam post baptismum eorum nunquam dederunt eis requiem et securitatem. Nunc ergo quiescebant, gaudentes in agris et laboribus suis, et non erat, qui exterreret eos, et sapientes plenius de fide christiana confessi sunt Iesum Christum dei filium, qui post tristia bella et post multorum interfectiones et post pestilentias et mala multa tandem misertus est residuo populo suo, tribuens eis pacem et securitatem. Et requievit omnis populus post dominum, benedicens ei, qui est benedictus in secula.

(2) Eodem annno miserat venerabilis Rigensis episcopus Mauritium, sacerdotem suum, in curiam Romanam petere sedis apostolice legatum in Lyvoniam. Et annuit summus pontifex petitioni ipsius[a] et misit venerabilem Mutinensem episcopum, palatii sui cancellarium, cum eodem sacerdote

---

[a] *Sic S; W. Arndt omittit* petitioni ipsius (*o*).

in Lyvoniam, et venit cum familia sua et peregrinis et cum universo comitatu suo in Dunam. Et occurrerunt ei Rigenses, excipientes eum et cum gaudio magno deducentes eum in civitatem. Congaudebat simul et ipse et collaudabat Iesum Christum, eo quod vineam dei tam gloriose plantatam et ecclesiam fidelium sanguine multorum irrigatam et tantam et in tantum dilatatam invenit, ut ramos suos ad decem dietas usque in Revalis[a] extenderet, vel alia via in Plescekowe, vel iuxta Dunam usque Gerceke totidem alias dietas se dilataret, que et episcopatus quinque iam distinctos cum episcopis suis haberet. Et statim remisit nuncios suos in curiam Romanam, rerum veritatem summo pontifici rescribendo.

Ipse vero circa noviter conversos sollicitus, Lyvones et (3) alios, qui erant in civitate, viros et mulieres sepe convocando, verbum dei sedulo ministravit et indulgentias multas cum gaudio donavit. Post hoc Lyvones et alios, et Letthos[b] et Estones, videre desiderans, abiit in Thoreidam, et fuit cum eo venerabilis Rigensis episcopus et Iohannes, ecclesie beate Marie prepositus, et alii quam plures sapientes et discreti viri. Et primo venit in Kubbesele, Lyvonibus ibidem missarum celebrans solempnia, verbumque salutis predicando, ut eos in fide catholica fortificaret. Ac deinde in Vitisele et in Letthegore idem faciebat. Et postea in Metsepole et in Ydumea et in Letthia similiter faciendo, semen euangelicum cunctis seminavit, fructumque bonum referre docebat, fidemque christianam eis diligenter enodavit. Et tunc processit in Ugauniam, ibique ecclesiam fidelium, tam Theuthonicorum, quam et Estonum, et castrum Odempe novis habitatoribus inhabitatum invenit et firmiter edificatum, et benedixit dominum, eo quod et in Estonia conventum invenit fidelium. Et Estones instruendo in fide Iesu Christi, Theuthonicosque fideliter exhortando, commonitos habebat, quatinus benigne commorantes, mala non suscitarent ad invicem,

---

[a] *Sic T*; *S* Revelis; *o* Revaliam. [b] Sic *N* (*S* Letthones; *To* Letthos); *W. Arndt* Letthones.

nec Theuthonici gravaminis alicuius iugum importabile neophytorum humeris imponerent, sed iugum domini leve ac suave, fideique semper docerent sacramenta. Et benedicens eis, profectus est in Sackalam, ubi in prima parochia, quam invenit apud stagnum Worcegerwe, noviter conversos Estones devotissime docendo commonebat, ne unquam a fide domini nostri Iesu Christi discederent. Et inde procedebat in castrum Viliende, quod est fratrum militie, quod et ipsi iam tunc firmissime edificaverant. Et exiverunt eciam ipsi, cum gaudio occurrentes apostolice sedis legato et suscipientes eum in castrum et nunciantes ei omnia mala, que propter fidem christianam ibidem ab Estonibus perpessi sunt. Et convocavit Estones, viros et mulieres, ad ecclesias eorum, et abiit ad eos, et verbum exhortationis fideliter ministrando commonuit eos, ne deinceps tanta mala committentes, fidei sacramenta violare presumerent. Similiter et fratribus militie doctrine sancte monita devotus ibidem impendens, docebat eos, ne subditis suis, stultis Estonibus illis, aut in decimis accipiendis aut in aliis quibuscunque causis nimium graves existerent, ne per talem occasionem iterum ad paganismum redire cogantur. Venerunt quoque ad eum ibidem nuncii Danorum de Revelis, excipientes eum cum gaudio, suas ei tribulationes et bella nunciantes. Similiter et Estonum nuncii de Maritima, qui cum Danis semper pugnabant, venerunt ad eum, offerentes ei terras ac provincias suas, sicut et Rigensibus semper offerebant, tantum si defenderet eos a Danis et Osilianis. Et recepit eos. Post hoc reversus est in terram Letthorum, et in Tricatua convenerunt Letthi de tota provincia, que Tolowa vocatur, ad eum, quibus ipse verbum dei predixit cum letitia et omnia fidei sacramenta diligenter exposuit. Et inde procedens in Wenden, a fratribus militie et ab aliis Theuthonicis, ibidem habitantibus, devotissime receptus est et invenit ibi Wendorum et Letthorum maximam multitudinem. Unde mane facto, congregatis Letthis universis cum letitia letam eis domini Iesu Christi doctrinam predicavit, et sepius passionem eiusdem domini Iesu commemorans, letos eosdem quam plurimum

letificavit, fidemque eorum et constantiam commendans, eo quod sponte et absque ulla bellorum perturbatione fidem christianam primo susceperunt et postmodum nunquam more Lyvonum et Estonum baptismi sacramenta violaverunt, humilitatem et patientiam eorum collaudavit, qui nomen domini nostri Iesu Christi ad Estones et ad alias gentes lete portantes, multos de gente sua propter eandem fidem christianam occisos, in martyrum, ut credimus, consortium transmiserunt. Wendis eciam doctrine sue fidelia monita non subtraxit nec non et dominis ipsorum, fratribus militie quatinus[a] subditis suis leve semper iugum imponentes fideliter cohabitarent, attentius iniunxit. Et post hoc in Sygewalde similia pietatis documenta ministrans, omni studio Lyvones, ne deinceps neglectis baptismi sui sacramentis ad paganismum redirent, admonuit. Et semper fratres militie nec non et alios Theuthonicos in aliis provinciis commonitos habebat attentius, ut Lyvones et Letthos et alios neophytos, docentes fidem christianam onusque suave Iesu Christi humeris eorum imponentes, tam in decimis quam in aliis causis parcerent eis, ne gravati nimium ad infidelitatem redirent. Et consummatis his[b] omnibus, reversus est in Rigam. Aug.
Et ibidem venerunt ad eum Theuthonici, Lyvones et Letthi, (4)
querentes iudicia super causis diversis. Et respondit unicuique secundum causam et querimoniam ipsius et causas multorum et lites determinavit.

Audientes quoque Rutheni Nogardenses et alii de civitatibus aliis apostolice sedis in Riga legatum, miserunt nuncios ad eum[c] suos, petentes ab eo pacis iam dudum a Theuthonicis facte confirmationem. Et exaudivit eos in huiusmodi petitionibus, fidem eorum eciam multis exhortationibus roborando, remisitque omnes in terram suam cum gaudio. Venit etiam Viesthardus Semigallorum princeps, vocatus ad eum, quem multis disceptationibus et sermonibus longis ad fidem

---

[a] *Sic correctum est (ex o) a L. Arbusow (o. c., pag. 172), quod* quantumvis *(S et W Arndt) a Henrico nusquam usitatum esse constat.* [b] *Sic To; W. Arndt (S)* hisce, *quod a Henrico non usitatur.* [c] *Sic ST; W. Arndt* ad eum nuncios *(o).*

invitavit Iesu Christi. Sed ille, infidelitatis sue duritia verba salutis non intelligens et nondum baptismum recipiens, sed iterum de futuro promittens, predicatorem domni legati secum in Semigalliam admisit. Venerunt itaque de omnibus terris in circuitu videre legatum curie Romane, inter quos erat eciam Wissewaldus, rex de Gerceke, comes Burchardus, episcopi Danorum de Revalis,[a] Osiliani quoque et Estones Maritimi, qui se in defensionem ipsius offerebant, promittentes se sacerdotes cum omni iure christianorum recepturos, tantum ut ipsos ab impugnatione Danorum liberaret. Promisitque ipse[b] eis omnem libertatem et misit nuncios suos ad Danos et ad Osilianos, quatinus bella removentes pacem ipsius acciperent et preceptis suis obedientes existerent.

(5) Ipse vero neophytos adhuc alios videre desiderans, Lyvones in Holme visitavit, ibique celebratis missarum solempniis seminatoque doctrine sancte semine, in Ykeskolam processit, ubi primorum sanctorum episcoporum memoriam commemorans, eciam illos Lyvones in dei servitio confortavit. Deinde in Lennewarde et Aschrate non minus ab idolatria Lyvones revocans, cultum unius dei diligenter edocuit. Tandem in Kokenoyse similiter documentorum sanctorum monita, tam Theuthonicis, quam Ruthenis et Letthis et Selonibus cohabitantibus fideliter impendit, commonendo semper Theuthonicos, ne subditos suos gravaminibus aut exactionibus indebitis nimium lederent, sed fidem Christi sedulo docendo, consuetudines christianas inducerent et ritus paganorum abolerent et tam exemplis eorum bonis, quam verbis eos instruere docerent.

(6) Reverso vero legato sedis apostolice rursus in Rigam, surgentes Theuthonici, qui erant in Odempe, tempore autumpnali cum omni comitatu suo ad vocationem seniorum Wironensium, venerunt in Wironiam et, preoccupantes castra Wironie, Danos expellebant, dicentes terram ipsam primitus a Lyvo-

---

[a] *Sic T*; *S* Revelis; *o* Revalia. [b] *Sic ST*; *W. Arndt* promisitque eis (*o*).

nensibus vexillo beate virginis ad fidem christianam subiugatam. Et ceperunt dominari in omnibus provinciis et castris Wironie. Quo cognito domnus legatus idem convocavit ad se Theuthonicos eosdem et censura ecclesiastica compellebat eos terram ipsam in protectionem summi pontificis resignare, mittensque statim nuncios ad Danos in Revalis,[a] similiter compellebat et eos in manus suas resignare terram ipsam nec non et alias terras, de quibus contendebant Theuthonici cum Danis. Dani vero, non audentes contra stimulum calcitrare, promiserunt se curie Romane fideliter obedire et resignaverunt in manus nunciorum domni legati Wironiam, Gerwam, Hariam atque Maritimam, et litteras suas sigillatas in Rigam mittentes, donationem ipsam confirmaverunt. Quo facto legatus idem viros suos, peregrinos et sacerdotes, mittens in Wironiam, Theuthonicos et Danos cunctos removit, habens terras ipsas in sua potestate.

Post autem festum epiphanie, cum propter nives et gelu (7)
via sit in frigidis terris illis melior ad eundum, abiit domnus 1226
legatus cum clericis et servis, assumens secum Semigallorum p. Ian. 6
episcopum Lambertum, Iohannem, Rigensis ecclesie prepositum, cives quoque Rigenses et fratres quosdam militie cum pluribus aliis, et pertransiens Lyvoniam, venit in Letthorum provinciam et de Letthis in Sackalam, licet in magna corporis sui debilitate. Et quiescens[b] in Viliende duobus diebus, postea abiit in Gerwam, et occurrerunt ei omnes Gerwanenses in villa Carethen, quibus ipse verbum dei cum gaudio predixit, fidem instruendo catholicam in manusque summi pontificis eos colligendo, processit ad primum castrum Wironie, quod Agelinde vocatur, et ibi letissime et glorianter exceptus, omnem eorum multitudinem convocavit, et monita salutaria vite eterne prebens, nomen aperuit eis Iesu Christi. Et inde Tarwanpe procedens, similia faciebat. Et venerunt ibi Dani, sicut vocati fuerant. Et facta est pax inter Theuthonicos primo et Danos, deinde cum Estonibus de

---

[a] *Sic T*; *S* Revelis; *o* Revaliam. [b] *Sic ST*; *W. Arndt* requiescens (*o*).

cunctis provinciis. Et post hoc profectus est legatus idem in provinciam Tabellini, ubi seniores omnes Wironie convenerunt ad eum, audientes ab eo doctriam et fidem christianam, et recepit eos omnes ad manum summi pontificis, et statuit ex eis seniores et iudices in omnibus provinciis suis, et tunc rediit in Tharwanpe. Et inde abiit ad castrum Danorum in Revelis, et eciam ibi receptus est a Danis et Suecis et a cunctis ibi habitantibus in letitia. Et post hoc pueros obsides Wironie cepit ab eis requirere, et nolebant eos reddere in manus ipsius, sed censura ecclesiastica perculsi, tandem eos restituere cogebantur, et remisit eosdem obsides parentibus suis in Wironiam. Receperunt etiam Warbolenses pacem domni legati,[a] et venerunt ad eum in Revelis.[b] Sed ad instantem Danorum petitionem reddidit eos Danis eisdem cum ceteris Harionensibus. Illam vero kiligundam, que Maritima vocatur, cum alia tota Maritima et Wironia et Gerwa in summi pontificis[a] accepit potestatem. Congregati sunt eciam Estones Revelenses coram eo simul cum Danis, quibus ipse devote verba salutis eterne ministravit et fideliter admonuit, ut benigne cohabitantes infidelitatis deinceps consilia devitarent. Perfectis vero his omnibus, sacerdotes suos in Maritimam misit, et ipse per Sackalam reversus est in Rigam. Sacerdotes autem ipsi, Petrus videlicet Kakinwalde, cum confratre suo, alio sacerdote, abierunt in Sontagana, et receperunt eos Maritimi cum gaudio, et audiverunt ab eis verbum dei, et baptizati sunt ab eis viri et mulieres et parvuli, qui remanserant ante non baptizati, tam in Sontagana, quam in Maianpathe et Paehalle. Et post hoc reversi sunt eciam ipsi gaudentes in Lyvoniam, de fidei propagatione deum collaudantes.

(8) Reverso sedis apostolice legato rursus in Rigam, convenerunt ad eum episcopi, sacerdotes, clerici, fratres militie cum vasallis ecclesie civesque Rigenses. Et presentibus his omnibus in ecclesia beate Marie celebravit solempne concilium in quadragesima domini, propter Innocentii instituta, ad memo-

---

[a] *Sic ST; W. Arndt addit (ex o) interpolatum* Romani. [b] *Sic S; T* Revalis; *o* Revalim; *W. Arndt* Revelim.

riam revocando et nova quedam adiciendo, que novelle plantationis ecclesie necessraia videbantur. Post hoc vero peractis cunctis et terminatis, que ab ipso terminari poterant, et indulgentiis datis, valedicens cunctis et benedicens, reversus est ad naves, commendans Lyvoniam beate dei genitrici Marie cum filio suo dilecto, domino nostro Iesu Christo, cui est honor et gloria in secula seculorum. Amen.

Et memini et meminisse iuvat. Scis cetera mater
Virgo Maria dei. Tu miserere mei!

Multa quidem et gloriosa contigerunt in Lyvonia tempore (9)
conversionis gentium ad fidem Iesu Christi, que cuncta conscribi vel ad memoriam reduci non possunt, ne legentibus existeret eciam tediosum. Sed hec paucula conscripta sunt ad laudem eiusdem domini nostri Iesu Christi, qui fidem et nomen suum portari vult ad omnes gentes, ipso cooperante et confirmante, per quem talia sunt operata, qui tot victorias magnas et gloriosas de paganis semper concessit suis in Lyvonia et magis semper in paucitate virorum, quam in multitudine, et sue dilecte genitricis, cuius honori una cum filio suo, eodem domino nostro Iesu Christo, omnes terre iste noviter converse sunt adscripte. Et ne laus eadem, sibi de factis tam gloriosis debita, per negligentiam pigrorum oblivioni in posterum traderetur, placuit eam rogatu dominorum et sociorum humili scriptura conscribere et posteris relinquere, ut et ipsi laudem deo tribuant, et ponant in eo spem suam, et non obliviscantur operum dei, et mandata eius exquirant. Nichil autem hic aliud superadditum est, nisi ea, que vidimus oculis nostris fere cuncta, et que non vidimus propriis oculis, ab illis intelleximus, qui viderunt et interfuerunt. Et non hec adulationis aut lucri temporalis gratia conscripsimus, sed potius in delictorum nostrorum remissionem ad laudem ipsius domini nostri Iesu Christi et beate virginis Marie, genitricis eiusdem domini, qui cum patre et spiritu sancto fuit semper et est et erit benedictus per omnia secula seculorum. Amen.

(XXX) 1226 [a] Bisdenus octavus sequitur huius presulis annus,
Hic erat ecclesia pace silente pia.

Sedis apostolice legatus Lyvoniam derelinquens, ad naves circa mare diu resedit, ventorum gratiam expectans. Et vidit subito redeuntes Osilianos a Suecia cum spoliis et captivis quam plurimis. Qui multas miserias et nequitias cum captivis, et mulierculis et virginibus, exercere solebant omni tempore, illudentes eas et copulantes alias sibi in uxores, tres unusquisque vel duas vel plures, licitantes sibi illicita, cum non sit coniunctio conveniens Christi cum Belial nec pagani copula congrua cum christiana; quas et Curonibus et paganis aliis eciam vendere solebant. Intelligens ergo domnus legatus omnia mala, que fecerant in Suecia, ecclesiis videlicet incensis et sacerdotibus interfectis et sacramentis delatis et violatis et similibus miseriis, condoluit captivis, orans ad dominum, ut fiat vindicta de malefactoribus. Veniensque in Gothlandiam, verbum dei seminavit, cunctis
Iul. christiani nominis signum sancte crucis exhibens in remissionem peccatorum ad faciendam vindictam de perversis Osilianis. Obediunt Theuthonici, crucem recipiunt; Gothi rennuunt; Dani verbum dei non audiunt. Soli mercatores Theuthonici celestia sibi desiderant mercari, equos comparant, arma preparant, Rigam veniunt. Gaudent Rigenses, venientibus occurrunt. Gaudent et Lyvones Lettique et Estones baptizati, ut ad Osilianos non baptizatos deferant eciam nomen christianum.

(2) Hoc anno magister Iohannes, consocius domni legati, habuit in commissione terras, de quibus discordia fuerat inter Theuthonicos et Danos, Wironiam videlicet, Gerwam et Rotaliam. Interrupta itaque pace, idem magister Iohannes cum Danis bellare cepit. Dani quoque, spoliantes Rotaliam et incendentes, multa spolia tulerunt, quos eciam servi magistri quinquaginta persequentes [b] ex eis occiderunt et quinquaginta ex eis in castro Maianpata obsederunt. Sed

---

[a] *W. Arndt* 1227. [b] *Tali ordine in So*; *T* a servis eius quinquaginta occiduntur. *W. Arndt* persequentes quinquaginta.

post triduum miserti eorum, eo quod christiani essent, dimiserunt eos. Misit eciam legatus Theuthonicos quam plurimos in Wironiam in auxilum eidem Iohanni, tam contra Danorum, quam contra sevitiam Osilianorum. Sed audientes Rigenses bella eorum, nuncios mittunt, pacem cum Danis faciunt, ut Osilianos magis impugnare valeant et fidem in gentibus dilatare.

Consummatis itaque festis natalis et epiphanie domini, (3)
nix tegit terras et glacies undas, eo quod superficies abyssi 1227
constringitur, et aque durantur ut lapides, et fit glacies, et p. Ian. 6
est via melior super terras et super aquas. Facta itaque via super mare, statim Rigenses, sacri baptismi sui irrigatione gentes illas Osilianas, que habitant in insula maris, irrigare cupientes, indicunt expeditionem, convocantes omnes ad fluvium, qui Mater aquarum dicitur. Fabiani autem et Seba-
stiani festo peracto, conveniunt omnes Theuthonici, Rigen- Ian. 20
ses, Lyvones cum Letthis et Estones de cunctis provinciis suis, sequentes dominum venerabilem Lyvonensem episcopum, cum quo simul adest Semigallorum episcopus et magister Volquinus cum fratribus suis et peregrinis, deferentes secum cibos et arma sua. Et celebratis missarum solempniis procedunt in glacie versus Osiliam. Erat enim exercitus magnus et fortis, habens viginti pene milia virorum, qui suas ordinantes acies, distincte cum vexillis propriis ambulantes et in equis et vehiculis suis glaciem maris calcantes, sonitum tamquam tonitrui magni faciebant ex collisione armorum et vehiculorum concussione et motu strepituque virorum et equorum cadentium et iterum surgentium hac et illac super glaciem, que plana erat, tamquam vitrum, ex australibus et pluviosis aquis, que tunc inundaverant, et de gelu, quod subsequebatur. Et magno labore mare transiverunt, donec tandem gaudentes ad litus Osilie devenerunt.

Die itaque iam nono venientes ad castrum Mone, nocte (4)
sola ibidem quiescere proponunt, habentes conflictum cum castrensibus, qui timentes bella imminentia et balistarum iacula, recipiuntur in castri sui domicilia, mittentes nocte verba fraudibus plena pontifici ceterisque senioribus exer-

citus, dicentes se fidem Christi et pacem recipere christianorum, ut procedente exercitu ipsi dampnum et belli detrimentum inferant subsequentibus. Et volebat antistes cum ceteris senioribus [eos][a] recipere pacemque dare, sed impediebant eos fraudes et scelera eorum, eo quod non sit sapientia neque consilium contra dominum; qui consuetudines suas pravas derelinquere nolentes et sanguinem christianorum adhuc bibere sitientes et ceteras nequitias exercere cupientes, donum sacri baptismi suis pessimis mentibus non meruerunt, ponentes spem in castri sui firmitate et nolentes pacem et turpia queque loquentes, magis occidi, quam baptizari meruerunt. Et quia pacem forte noluerunt, pax ab eis fugit, et ultio sola venit. Primo itaque Theuthonici vallum petunt, castrum scandere sperant, sed repelluntur ab illis, lapidum et lancearum leduntur[b] ictibus, unde tam arte, quam marte pugnare coguntur. Machinas edificant, patherellis contra patherellos eorum lapides in castrum proiciunt, porcum fingunt, sub quo castrum fodiunt, donec ad medium vallum perveniunt. Tunc amoto porco turrim ligneam fortem ponunt in loco, super quam adscendunt armati fortes et balistarii, mittentes tela sua et spicula et lanceas super Osilianos et munitionem.[c] Extra illi lapides et iacula
Febr iactant super istos. Postquam sexta dies illuxit, prima videlicet post festum purificationis, ne ipsa dies purificationis fieret non pura sanguine interfectorum, primo mane magis invaluit pugna, ut eciam ferro recurvo vel unco ferreo iam infigerent, munitione[d] detrahentes singillatim ligna queque maxima, per que munitio tenebatur, ut aliqua pars munitionis iam ad terram usque veniret. Gaudet exercitus christianorum, exclamant, deum exorant. Clamant et illi, gaudentes in Tarapitha suo. Illi nemus, isti[e] Iesum invocant, in cuius nomine ac laude fortiter adscendunt, ad summitatem valli perveniunt, fortissime et ab illis repelluntur.

---

[a] *Sic conicitur a L. Arbusow (o. c., pag. 173) pro* conditiones, *quod ex o a W. Arndt receptum, interpolatum esse videtur.* [b] *Sic S; in To* leduntur *deest.* [c] *Sic S; To* in munitione. [d] *Sic S; To* infringerent munitionem. [e] *Sic ST; W. Arndt* hii (*o*).

Qui primus adscendit, multarum lancearum ictibus ac lapidum tunsionibus premitur; quoniam utique solus deus inter tot hostes furentes illesum conservavit. Nam scandens sursum, statim ab hostili turba retruditur, et iterum et sepius scandens, totiens ab inimicis repellitur, quoties ad alta conscendere nititur, donec tandem idem Theuthonus, ense suo longo repellens hastas hostiles, angeli dei utique sublevatione supremam devenit in munitionem, que super hostium capita fuerat, et, ne lanceis hostium lederetur, desubtus clypeum locavit sub pedibus, stansque super clypeum solus pugnavit ad hostes, donec deus secundum misit et tertium. Tertius, heu, detrusus ab alto relabitur. Duo nichilominus contra multitudinem hostium se defendunt, contra quos post tergum ex Osilianis quinque super eandem conscendunt supremam munitionem, mittentes lanceas suas super eos, quorum primum, lancea repercussum, Theuthonus ense ferit, ille cadendo perit, et alii in fugam se convertunt. Alii Theuthonici subsequentes, fortiter adscendunt, ut primis in auxilium veniant. Licet ab hostium ferocitate fortissime repellantur et plures ex eis feriantur vulneribus receptis et alii interficiantur, tamen in domino confidentes, et magno labore multitudinem hostium removentes, tandem summitatem munitionis obtinuerunt. Erat itaque adscensus valde difficilis, eo quod mons altus erat et congelatus et murus supra montem ex lapidibus tamquam glacies congelata, ut pedem nusquam figere possent. Sed quidam per scalam, quidam per funem se detinentes, immo per angelum domini sublevati, sursum perveniunt, hostiumque undique fugientium terga premunt. Vox exultationis et salutis christianorum! Vox in Rama! ploratus et ulutatus confusionis et perditionis paganorum. Intrant in castrum et interficiunt populum.

Parcere paganis non possunt Osilianis,
Nam trucidant alios et capiunt alios.

Lyvones cum Lettis circumeuntes castrum, nullum ex eis effugere permittunt. Devictis hostibus, gaudent victores,

deo laudem canentes. Qui David a Philisteis semper defendit, liberat et ipse suos, victoriam dans de inimicis. Urbem capiunt, predam rapiunt, substantias, res eximias diripiunt, equos et pecora depellunt, quod residuum est, igne comburunt. Castrum Osilianorum vorat ignis; sed christiani spolia gaudentes diripiunt.

(5) Castro Monense in cinerem redacto, festinat exercitus ad aliud castrum, quod est in media Osilia, quod vocatur Waldia. Et est Waldia fortior urbs inter alias urbes Osilianorum, ad quam resedit exercitus, preparans instrumenta bellica, patherellos videlicet et machinam magnam et maximas arbores abiegnas et therebinthinas ad faciendam turrim contra munitionem castri. Lyvones vero, Letthi et Estones, cum quibusdam eciam Theuthonicis, circumeuntes ad omnes provincias, tulerunt equos et boves eximios et res[a] et spolia multa, frumentum multum et similia, et villas igne combusserunt. Waldienses vero lapidum iacturas sustinere non valentes, pre multitudine populi, qui erant in castro, simul et balistarum non ferentes tela, nec non et instrumenta considerantes, que preparabantur, quibus facile erat capere castrum; timore dei concepto, pacem petunt, terroremque forte habentes de Monensibus occisis, humiles se reddunt, pacifica verba loquuntur, sacri baptismatis sacramentum sibi dari suppliciter exposcunt. Gaudium hoc est christianorum. Laus canitur domino, et pax datur populo. Obsides requiruntur filii meliorum. Fiunt Osiliani Waldienses filii obedientie, qui quondam filli superbie. Qui quondam lupus, modo fit agnus. Qui quondam persecutor christianorum, modo fit confrater, pacem recipiens, obsides dare non contradicens, baptismi gratiam fideliter petens, tributum perpetuum solvere non pertimescens.

Dantur pueri nobilium, quorum primum venerabilis Rigensis episcopus cum gaudio et devotione magna catechizatum, sacro baptismatis fonte rigavit, alii presbiteri alios rigaverunt, qui et in urbem cum gaudio ducuntur, ut Chri-

---

[a] *Sic ST*; *W. Arndt omittit* et res *(o)*.

stum predicent, ut Tharaphitam, qui deus fuit Osilianorum, eiciant. Qui per medium castrum fontem consecrantes et dolium replentes, primo seniores et meliores catechizatos, deinde viros alios et mulieres baptizant et pueros. Et fit pressura maxima virorum et mulierum ac parvulorum clamantium: «Festina me baptizare», a mane usque ad vesperam; ut eciam ipsi presbiteri, qui modo quinque, modo sex extiterant, pre labore baptizandi deficerent. Baptizantes itaque presbiteri cum summa devotione multa milia populorum, quos cum summo gaudio videbant ad baptismi sacramentum properare, gavisi sunt et ipsi, sperantes eundem laborem in suorum remissionem peccatorum. Et quod eodem die non potuerunt, sequenti et tertio consummaverunt. His mysteriis in urbe Waldia celebratis, venerunt nuncii, missi de cunctis urbibus et kiligundis Osilie, querentes pacem et baptismi petentes sacramentum. Gaudet exercitus, obsidibusque receptis pax datur et fraternus amor. Dicitur, ut Suecos captivos restituant liberos. Obediunt, restituere promittunt, presbiteros secum ad castra sua ducunt, qui Christum predicent, qui Tharapitha cum ceteris paganorum diis eiciant, qui populum sacro baptismate tingant. Baptizant itaque sacerdotes in omnibus castris Osilie populum universum utriusque sexus cum letitia magna, et pre gaudio lacrymantes, eo quod domino tot milia genuerunt per lavacrum regenerationis, prolem spiritualem, deo dilectam sponsam novam ex gentibus. Gentes fonte rigant, fletibus ora rigant.

Sic, sic Riga semper rigat gentes. Sic maris in medio nunc (6)
rigat Osiliam. Per lavacrum purgans vitium, dans regna polorum. Altius irriguum donat et inferius. Hec dona dei sunt gaudia nostra. Gloria dei et domini nostri Iesu Christi et beate Marie virginis servis suis Rigensibus in Osilia talia dedit gaudia! Vincere rebelles, baptizare sponte et venientes humiliter, obsides et tributa recipere, captivos omnes christiani nominis restituere, cum victoria redire. Quod reges hactenus non potuerunt, hec beata virgo per servos suos Rigenses breviter et leniter ad honorem sui nominis

adimplevit. Quo completo, quo facto, populo videlicet cuncto baptizato, Tharaphita eiecto, Pharaone submerso, captivis liberatis, redite cum gaudio, Rigenses.

Vos semper sequitur victoria clara triumphi,
Gloria sit domino, laus super astra deo.

FINIS.

ПРИМЕЧАНИЯ

1

Библия, Псал., 86, 4, где под именем Рааба разумеется Египет. В речи Генриха библейские цитаты весьма часты.

2

Имеется в виду Зегебергский августинский монастырь в Гольштейне, относящийся к бременской епископии, а не бенедиктинский монастырь в Зигбурге близ Бонна на реке Зиге. Ср. A. Hansen. Scripres rerum Livonicarum, Bd I. Riga u. Leipzig, 1853, стр. 50 и 58 — (дальше в ссылках: Ганзен).

Время первого появления немецких купцов в Ливонии старались установить на основании следующего места Хроники (XXIX.9): «Много дел и славных дел совершилось в Ливонии во время обращения язычников к вере Иисуса Христа за 67 лет, истекших с тех пор, как ливонская гавань впервые найдена была бременскими купцами». Так как эти слова Хроники, согласно вносимой Ганзеном поправке в хронологию Генриха, относятся к 1226 году, то первое прибытие немцев в Ливонию и принято было датировать 1159 годом. Спор о том, откуда именно прибыли они, из Любека или из Бремена, на основании того же отрывка, решали в пользу Бремена.

Оба эти положения, высказанные первыми исследователями Хроники, Иог. Дан. Грубером (Ioann. Dan. Gruber. Origines Livoniae sacrae et civilis, seu chronicon Livon. vetus. Francof. et Lips. 1740) и Ганзеном (о. с., стр. 30—31, 50, примеч. c и d; 58—60), долгое время пользовались общим признанием, но ныне целиком отвергаются.

Слова, отмеченные выше разрядкой, отсутствуют в лучшем издании Хроники, принадлежащем В. Арндту (Monum. Germ. Hist., SS, XXIII, стр. 231—332 и Oktav-Ausgabe), как отсутствуют и в рукописи n⁰ 2394 Рижской библиотеки (кодекс Скодейского), по которой издана В. Арндтом соответствующая часть Хроники. Известны они по editio princeps Грубера и перепечатке его у Ганзена.

Издание Грубера сделано было по впервые найденной тогда рукописи, ныне числящейся под n⁰ XXXIII.1746 в Landesbibliothek в Ганновере, а эта рукопись (т. н. кодекс «о») принадлежит

к группе интерполированных и, в результате многих весьма тщательных изысканий [1], датируется 1550—1575 гг., причем, как установлено, содержит ряд заимствований из печатных изданий первой половины XVI века (Chronographia ecclesiae christianae Генриха Панталеона, впервые изд. в сентябре 1550 г. в Базеле; Chronologia Ioh. Funccii, впервые изд. в 1552 г. в Кенигсберге; может быть, также Vandalia A. Krantz'a, впервые напечат. в 1519 г., и др.).

В частности, интересующий нас отрывок Беркгольц считал заимствованием из Хронологии Функция. Там сказано: «В этом году (1158) какие-то купцы (бременские, как умозаключают, исходя из сопутствующих обстоятельств [circumstantiis], желая попытать счастья и познакомиться с разными местами на суше и на море. .» (перев. наш). Год 1158 заимствован тут из составленной в начале XVI века Jungere Hochmeisterchronik, но бременцы не упоминаются ни в Хронологии Функция, ни в этой хронике. Беркгольц считал мысль о бременцах догадкой автора Хронологии (ex circumstantiis colligitur), основанной на позднейшей зависимости рижской церкви от Бремена, о чем Функций мог знать и из Hochmeisterchronik и из Кранца. Наоборот, Hausmann и Höhlbaum в издании хроники Renner'a (1876, стр. XI и сл.) доказывали, что источником этого известия были для Функция бременские хроники (Rynesberch и Schene — конец XIV в.; см. Lappenberg, Brem. Gesch.-qu., стр. 62 и мн. др.). Л. Арбузов, автор последнего исчерпывающего исследования о рукописной традиции Хроники Генриха (о. с., стр. 242), вновь пересмотрев обоснования этих мнений, присоединяется к точке зрения Беркгольца.

Таким образом, отмеченное нами место, как несомненная интерполяция (притом очень поздняя) не может служить опорой выше приведенных хронологических соображений.

Дата прибытия Мейнарда выводится из следующего отрывка Хроники (XXIX.1): .и вернулся каждый в свою деревню, к своему полю, стали пахать и сеять в полной безопасности, которой не видали уже с о р о к л е т, так как литовцы и другие племена н и д о н а ч а л а п р о п о в е д и слова божьего в Ливонии, ни после крещения жителей никогда не оставляли их в покое и безопасности».

---

[1] C. Schirren. Codex Zamoscianus beschrieben und in seinen Varianten dargestellt в Festschrift d. Gel. Estn. Ges. zu Dorpat zum 50 Iubiläum der Kurl. Ges. für. Lit. u. Kunst in Mitau; Berkholz. Sitzungsber., Riga, 1874, стр. 48—53; R. A. Cederberg. Die Handschriften d. Chronik Heinrichs v. Lettland — по эстонски в Dorpater Histor. Zeitschrift, 1922, Dorpat, 1923 (заимствуем из работы Л. Арбузова — см. след.); L. Arbusow. Die handschriftliche Ueberlieferung des «Chronicon Livoniae» Heinrichs von Lettland в Acta Universitatis Latviensis, XV, 1926, стр. 236—243 и сл., 266. Устанавливается между прочим тождество кодекса «о» с codex Oxenstierna, родоначальником всех интерполированных рукописей Хроники.

Поправка Ганзена относит конец упомянутого сорокалетия к 1226 г., а начало, следовательно, к 1184 году. Ср. Ганзен, о. с., стр. 30—31, 58—59 (примеч. Грубера). См. также E. Pabst. Heinrichs von Lettland Livländische Chronik. aus dem Lateinischen übersetzt und erläutert. Reval, 1867, стр. 4. (Дальше в ссылках: Пабст).

3

Русских князей Хроника везде именует reges (дважды — IX.10 и XI.9 — о Вячко и однажды — XV.13 — о Владимире Мстиславиче: regulus), то есть ставит их в уровень с королями Дании, Швеции, Германии, а иногда дает им, в частности в. князю новгородскому (XV.8, XXI.2, XXVI.2), реже — князю полоцкому (XX.3, XXV.2) и однажды в. князю киевскому (XXV.1) даже титул magnus rex. Мы не сочли возможным устранить этот оттенок в переводе.

Наоборот, вожди ливов, эстов и др. называются в Хронике senior, изредка princeps ac senior (X.8, XXI.2), лишь Каупо, пользующийся особым вниманием автора, однажды назван quasi rex et senior (VII.5).

«Король полоцкий» изображается здесь, как сюзерен страны, и в этом нет преувеличения. По словам одного из новейших исследователей истории Прибалтики, М. ф. Таубе,[1] «русские, туземцы, немцы и, наконец, религиозно-политический центр тогдашнего западного мира (Рим) — смотрели на эту страну (Ливонию конца XII — нач. XIII в. — *С. А.*), как на часть Р у с с и и»: папа Клемент III в 1188 году утверждает епископство Икскюль in Ruthenia (F. G. v. Bunge. Liv-, Esth- und Kurländisches Urkundenbuch, Bd I. Reval, 1853, n⁰ 10); Гонорий III в 1224 г. именует ливонских епископов с их сотрудниками fideles per Russiam constituti (ibid., n⁰ 66); Урбан IV в 1264 г. считал восточную Лэтгалию лежащей in regno Russiae (ibid., n⁰ 380).

В отличие от более северных (эстонских) обрастей, не раз бывавших объектом (обыкновенно мало удачных и непрочных) завоевательных предприятий варяго-руссов в X—XI вв., а затем — целью многих походов новгородских и псковских князей в XII—XIII вв.; в отличие также от восточной лэтгальской окраины (областей Адзелэ и Толовы), платившей день Пскову, но управлявшейся своими старейшинами, полоцкое княжество было не только весьма давним и прочным центром п о с т о я н н о й, «оседлой» русской власти в Ливо-

[1] Michael v. Taube. Russische u. Litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands (XII u. XIII Jahrh.) — в Jahrbücher für Kultur u. Geschichte d. Slaven, NF, Bd XI, Heft III—IV. Breslau, 1935, стр. 391 (дальше в ссылках: Таубе).

нии, но и единственным до немцев центром «государственной» организации там вообще.

Полоцк — один из древнейших русских городов до половины XII в. наследственное владение потомков Рогволода, упоминается в наших источниках уже с половины IX в.,[1] а в скандинавских сагах, под именем Palteskja, относится к еще более раннему времени.[2]

Вместе со своими уделами (Герцикэ, Кукенойс и, вероятно, еще иными) княжество полоцкое в XII в. владело всем средним течением Двины, примерно, от Двинска до Ашерадена, а в более древнее время, может быть, и нижним течением вплоть до моря, судя, по крайней мере, потому, что в раскопках к западу от Ашерадена находят предметы со знаками рюрикова рода (трезубец Владимира).[3] К северу от реки княжество охватывало территорию вплоть до линии, идущей от устья р. Трейден-Аа к истокам р. Эвста.

Напрасно было бы, однако, предполагать, что вся эта, сравнительно обширная территория в одинаковой степени была освоена Полоцком. И старые и новейшие исследователи склонны рассматривать, как непосредственное владение князя полоцкого и удельных князей Герцикэ и Кукенойса, лишь ближайшие к политическому центру княжества местности, считая более отдаленные только «сферой влияния» соответствующего князя, где «подданство» ограничивалось не всегда регулярной данью и, временами, военной повинностью.[4]

Не преувеличивая ни внутренней организованности самой русской власти в Ливонии, ни глубины ее политического и культурного влияния на местное население, необходимо отметить следующие факты: а) это была старейшая «государственная» власть в стране; б) князья Полоцка были не только de facto давними властителями ливов, но и юридически признавались в этом качестве даже противниками и соперниками (немцами); в) следы длительного русского влияния сохранились в общественно-политической и культовой лексике местных языков, а также и в топонимике. Ср. L. Arbusov. Frühgeschichte Lettlands. Riga, 1933, стр. 42—46; Таубе, о. с. стр. 382 и сл., и др.

---

[1] ПСРЛ[1], I, стр. 9 под 6370 г.

[2] Antiquités Russes, t. I, стр. 105 (из Örvaroddsaga); II, стр. 170—211.

[3] Таубе, о. с., стр. 373, прим. 7; 391, прим. 5 и 477 и сл.

[4] И. Беляев. История Полотска. М., 1872, стр. 3 и сл., 15 и сл., 21 и сл.; В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896, стр. 113; Ф. Ф. Кейсслер. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае. СПб. 1900, стр. 2—3; Таубе, о. с., стр. 376—377, 389—390 и др.

Неудивительно при таком положении, что немцы, тотчас по прибытии, обращаются именно к князю полоцкому за разрешением проповеди, а в дальнейшем вынуждены считаться с его противодействием, как с самым серьезным препятствием их закреплению и их независимости в Ливонии.

Исконной княжеской династией, наследственно владевшей Полоцком, были, как уже сказано, рогволодовичи, потомки известного нашей летописи Рогволода, в половине X в. (до Владимира св.), бывшего независимым владетелем Полоцка. Ряд обстоятельств (своеобразие княжеских имен этой династии, почти постоянная изолированность полоцкой политики от политической жизни рюриковичей, родовая ненависть и столетняя борьба между потомками Рогволода и «внуками Ярослава» в 1021—1129 г. и мн. др.) позволяет думать, что «внуки Рогволода» не принадлежали к рюриковичам, так как и первый из них, Изяслав, сын Рогнеды, не мог быть сыном Владимира (о хронологических несоответствиях см. Таубе, о. с., стр. 395).

Ко второй четверти XII в. рогволодовичи настолько ослабели во внутренних распрях и борьбе с ярославичами, что не могли уже удерживать господство в Полоцке: со второй половины века на полоцком престоле появляются и князья из смоленских рюриковичей и, повидимому, литовские князья (ср. Таубе, о. с., стр. 396—398).

Князь Владимир, так часто и так определенно далее упоминаемый в Хронике, доныне представляет собою одну из загадочных фигур в генеалогии полоцкого дома, вообще изобилующей неясностями. В наших летописях его тридцатилетнее княжение нигде не упоминается. Нет его имени и в Слове о полку Игореве, хотя трое или четверо других князей полоцких поименно названы там. Вместе с тем, по скудости источников, оказывается невозможно подойти к вопросу и с другой стороны: нельзя установить, кто же именно княжил в Полоцке в последние 15 лет XII в. и в начале XIII.

Попытки генеалогически определить князя Владимира полоцкого делались не раз.[1] Н. М. Карамзин (ИГР, изд. 5, т. III, стб. 53—54), упоминая Владимира, говорит (ibid., примеч. 87): «Кто после Всеслава Васильковича, или 1181 года, княжил в Полоцке, не знаем. У Володаря минского был сын Василько: не он ли назывался и Владимиром?» Пересказывая далее сообщение Татищева, ссылающегося на пропавшую Хрущевскую летопись, о войне Василька Ярополковича дрогичинского в 1182 г. с Владимиром Володаревичем минским, Карамзин заканчивает так: «Сие известие могло бы слу-

---

[1] М. Таубе в упоминавшейся работе (стр. 398 и прим. 19) насчитывает до девяти неудачных гипотез, напрасно, впрочем, ссылаясь при этом на Rafn'a (Antiquités Russes. Copenhagen, 1850, стр. 482 и сл.), который будто бы «gibt sich die Mühe alle diese Hypothesen nachzuprüfen», чего на самом деле у Рафна вовсе нет.

жить доказательством, что сын Володарев назывался Владимиром, если бы не смешано было с явной ложью».

Рафн в Antiquités Russes (I, стр. 483), более определенно держится той же версии, считая Владимира сыном Володаря Глебовича минского и, может быть, братом Василька.

Н. П. Лыжин в статье «Два памфлета времен Анны Иоанновны» (Известия Академии Наук по отдел. русского яз. и словесности, т. VII, СПб., 1858, стр. 49—64; см. ниже примеч. 37) неудачно отождествлял Владимира полоцкого с Владимиром Рюриковичем, упуская из виду, помимо всего прочего, то, что последний родился только в 1187 г., тогда как первый, по Хронике, уже в 1186 г. княжит в Полоцке.[1] Не более основательна гипотеза И. И. Срезневского (Известия Акад. Наук, т. VI, СПб., 1858, стр.165), видевшего в действующем лице Хроники Володаря Глебовича минского, что едва ли вероятно, так как Владимир, по Генриху, умер в 1216 г., а это для Володаря, кажется, слишком поздно.

Боннель (Russisch-Livländische Chronographie. S. Petersb., 1862: Commentar., стр. 234—235) считал Владимира Хроники сыном Всеслава Васильковича, княжившего в Полоцке в 1180—1181 гг. Того же мнения был и В. Е. Данилевич (о. с., стр. 108—109),[2] а Довнар-Запольский (Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель, стр. 161—163), воздерживаясь от установления отчества Владимира, все же считал его — преемником Всеслава Васильковича.

В последнее время интересующий нас вопрос затронут был в двух работах: N. Baumgarten. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe s. (Oriental. christian. vol. IX, n⁰ 35, 1927, стр. 32—33 и 36) и М. Таубе, о. с., стр. 396—399. Баумгартен определяет Владимира, князя полоцкого и минского, как сына Ростислава Романовича полоцкого (1151—1158) и кн. Софии Ярославны волынской, ссылаясь при этом на Татищева («Le nom de son père n'est donné que par Tat. — История Российская, III, 247»).

Наконец, М. Таубе возвращается к определению Рафна: установив, что после Всеслава Васильковича начинается неясный период в истории полоцкого княжения, а в 90 гг. XII в. в Полоцке, вероятнее всего, сидел литовский владетель Мингайло,[3] М. Таубе относит

---

[1] См. разбор мнения Лыжина у Довнар-Запольского (Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст. Киев, 1891, стр. 161).

[2] И. М. Красноперов (Очерк промышленности и торговли Смоленского княжества с древнейших времен до XV в. в «Историческом Обозрении», т. VII, СПб., 1894, стр. 83) называл Владимира Васильковичем, что, по отзыву Данилевича (о. с., стр. 109, прим. 79) «не основано ни на чем».

[3] Ср. Голубинский. История русской церкви, 1.2; Антонович. Монографии по истории зап. и юго-зап. России, I. Киев, 1885, стр. 23

начало княжения Владимира ко времени более позднему, чем в Хронике, а именно к 1200 г.,[1] а самого Владимира считает сыном Володаря, ссылаясь на Хрущевскую летопись. По мнению М. Таубе, Владимир Володаревич, по смерти всех сыновей Василька, как представитель соперничавшей с ним, близкой к литовцам линии минских глебовичей, мог, следуя примеру отца, занять полоцкий престол.

Простой перечень всех этих противоречивых конъектур показывает, что вопрос о князе Владимире в окончательном виде пока неразрешим, недаром С. М. Соловьев, рассказывая (по Генриху) о русско-ливонских делах конца XII — нач. XIII в. и неоднократно упоминая «полоцкого князя», ни разу не называет его по имени (см. История России, изд. «Общ. Польза», I, стб. 609, 611, 613, 614, 617, 618).[2] Что же касается относительной вероятности, то ею для настоящего времени в наибольшей степени обладает определение Карамзина — Рафна—Таубе.

*

О дани ливов князю полоцкому говорит и Арнольд Любекский в Chronica Slavorum, кн. VII, гл. IX, 10 (Monum. Germ. Hist., Scriptor., XXI, стр. 212): «Король Руссии из Полоцка имел обыкновение время от времени собирать дань с этих ливов». Комментарий к этому месту Арнольда (не во всем правильный) см. у Ф. Кейсслера (Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII ст. СПб., 1900, стр. 9—11; по немецки: Der Ausgang der ersten russischen Herrschaft in den gegenwärtigen Ostseeprovinzen im XIII Jahrh. S. Petersb., 1897). Возражения Кейсслеру у H. Laakmann. Zur Geschichte Heinrichs von Lettland und seiner Zeit в Beiträge zur Kunde Estlands im Auftrage d. Estnischen Literärischen Gesellschaft, XIII Bd, 2 Heft. Reval, 1933, стр. 58, прим. 3; см. также наши примечания 36 и 184.

*

Икескола — нынешний Икскюль на Двине выше Риги. По ливонски küla значит деревня. См. Пабст, о. с., стр. 4; A. Bielenstein. Die Grenzen des Lettischen Volksstammes in der Gegenwart u. im 13 Jahrh. St. Petersb., 1892, стр. 43, 418, 421, 444; дальше в ссылках: Биленштейн.

(на основании ряда литовских хроник, напр. Быховца — ПСРЛ, XVII, 479).

[1] Известие Хроники, относящееся ко времени, когда автора ее еще не было в Ливонии, может быть, по мнению Таубе, заподозрено в смысле хронологической точности.

[2] В Русском Биографическом словаре это имя также отсутствует в перечне полоцких князей.

4

Готландия — остров Готланд с крупным торговым городом Висби — на обычном пути из Германии в Ливонию.

*

Отрывок о крещении и обещании креститься, правильно переведенный по немецки Ганзеном и Пабстом, в единственном имеющемся русском переводе передан неточно: обещали, хотя и ложно, что часть народа крестится перед началом постройки Икескольского замка, а когда замок будет совсем готов, то крестятся и остальные». См. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. I, Рига, 1877: Генриха Латышского Ливонская Хроника. стр. 75 (дальше в ссылках: ПС).

5

Первоначально имя Гольмэ (Holme), вероятно, относилось к наибольшему острову на Двине, называвшемуся просто Остров без всяких добавлений. Мейнард построил на Мартинсгольме, на восточной оконечности Далена свой второй бург и церковь. Позднее на северном берегу Двины, против Далена был выстроен другой замок, а окружающая область получила наименование Кирхгольма, по латвийски Salaspils, т. е. «город на холме», по русски — Салачи. Ср. Биленштейн, о. с., стр. 42, 43.

*

Транскрипцию имен Uldenago и Gerweder в перечне крестившихся Г Трусман считал ошибочной в издании В. Арндта и предлагал читать: Ulde, Nago. Ger, Weder, приводя мало убедительные соображения о возможности отдельного смыслового существования этих четырех именных «половинок», как будто этим (притом и слабо доказанным) фактом исключается противоположная возможность бытования тех же имен в слитной форме. См. Записки отд. русской и слав. археологии Русского археологического общества, т. VII, вып. 2, стр. 98—99: «О некоторых погрешностях в Ливонской хронике Генриха по изданию В. Арндта».

6

Архиепископом бременским был Гартвик II (1184—1207). Ср. В. Арндт, о. с., стр. 241, прим. 40.

Точная дата посвящения Мейнарда неизвестна: Арнольд Любекский (о. с., VII.9.1) указывает 1186 г., тут же, однако, ошибочно

называя местом епископской кафедры Ригу (еще не существовавшую), вместо Икскюля.

7

Торейда — в окрестностях нынешнего Трейдена, соседняя с двинскими ливами, была центральной и главной областью ливов. Имение, замок и церковь Трейден доныне по латвийски называются старым именем Турайда. Торейда лежала по обе стороны р. Аа (Койвы); к югу от нее была земля двинских ливов, с запада — море, с севера — округа Метсеполэ и Идумея, с востока — Венден и лэтигаллы. См. Биленштейн, о. с., стр. 47.

*

Фраза о жатве, правильно переведенная Ганзеном и Пабстом, в ПС переведена неверно: «дабы посевы. были плодоноснее».

8

О человеческих жертвоприношениях ср. Adami Brem. De situ Danorum, 94; Ditmarus Merseburg., I. 1 (конец); Helmoldi Chron. Slavor., II, гл. 12, n^{0} 9. Также J. Grimm. Deutsche Mythologie, 2-e Ausg., стр. 627 и сл.

О гадании с конем и копьями ср. Saxo Grammaticus, Hist. Danor. 1. 14; Ditm. Merseb., VI, гл. 17 (в конце).

У Саксона (о Ругах): «Перед святилищем слуги обыкновенно размещали тройной ряд копий. Они соединялись попарно накрест и втыкались остриями в землю, а ряды разделялись равными промежутками. Если конь. эти ряды переступал сначала правой, а не левой ногой, предзнаменование считалось счастливым». (перев. наш).

9

Слова из 3-го письма Сульпиция Севера к его невестке Бассуле о смерти св. Мартина. Ср. Ганзен, о. с., стр. 55; В. Арндт, о. с., стр. 242 прм. 44.

*

«Бесхитростно. словами» — Библия, Притчи Солом., 14, 15.

10

Ватмал — грубая шерстяная ткань: у ливов wadmal у лэттов — wadmals. Ср. примеч. Грубера у Ганзена, о. с., стр. 56; В. Арндт о. с., стр. 242, прим. 45.

*

«Здравствуй, равви» — Библия, Матф. ев., 26, 49.

11

Папой в 1191—1198 г.г. был Целестин III. Судя по сказанному ниже в II.3, папой была дана и привилегия на проповедь крестового похода в отпущение грехов.

12

Шведский герцог, вероятно, ярл Бригер I, герцог остготландский. Ср. Ганзен, о. с., стр. 57; Пабст, о. с., стр. 11.

Готы — жители Готланда.

Куры принадлежали к племени ливов, жили на западном берегу Курляндии и северном выступе его.

Вирония — на северном берегу Эстонии.

13

Надгробная надпись, сохраненная у Chytraeus Saxon. кн. 31, л. 980, указывает, как дату смерти Мейнарда, 1196 г. См. Bonnel. Russisch-Livländische Chronographie. S. Petersburg, 1862; Commentar. стр. 43. День смерти, по этой надписи, 12 октября, в других источниках отнесен к 11 октября (Necrologium Luneburg. y Wedekind, Noten etc, III, 76) и даже к 14 августа (Gelenius. De admiranda sacra et civili magnitudine Coloniae Agripp. 1645, стр. 713). Ср. В. Арндт, о. с. стр. 242, прим. 50. О Мейнарде см. E. Bonnell. Chronographie, стр. 42—43; ibid. Commentar., стр. 235; Pabst. Meinhart Livlands Apostel, I—II. Reval, 1847—1849; Das Inland, eine Wochenschrift f. Liv-, Est- u. Curl. Geschichte, Geogr., etc., 1846, n⁰ 46; 1850, n⁰n⁰ 10, 18, 20, 31, 36 и 44.

*

«Слег в постель. созвал» — Библия, 1 кн. Маккав. 1, 5—6.

14

Lucca — Loccum в провинции Ганновер.

Бременский архиепископ — тот же Гартвик II.

Известия о Бертольде Альберта фон Штаде, Арнольда Любекского и Альберика см. у Ганзена, о. с., стр. 62—63 (примечания Грубера).

О времени пребывания Бертольда аббатом в Локкуме см. Scriptores rerum Prussicarum, II, 23, n⁰ 1.

15

«Место Риги» — место будущего города, повидимому, называвшееся так еще до его основания. Ср. примеч. Грубера у Ганзена, о. с., стр. 64.

О Рижской горе см. Hermanni de Wartberge chronicon Livoniae, herausg. v. E. Strehlke. Lpz., 1863 (separatabdr. aus Scriptores rerum Prussic.), стр. 15 и 96; Livländische Reimchronik (Scriptores rerum Livonicarum, I, 532, стих 557); Биленштейн, о. с., стр. 36.

16

«Как псы на блевотину возвращаются» — Библия, Притчи Солом. 26, 11. В ПС пропущено.

*

«Речами, а не мечами» — игра слов: verbis, non verberibus (словами, а не ударами). У Ганзена (о. с., стр. 65): «mit Reden und nicht mit Ruten»; у Пабста (о. с., стр. 16): «in Liebe, nicht durch Hiebe»; В ПС — «любовью, а не побоями».

*

Понимая (о заложниках) colligendae. causa в буквальном смысле «для сбора», Пабст отмечает: «следовательно, они согласились все же дать заложников», кажется, ошибочно.

17

В большинстве рукописей Хроники описание смерти Бертольда заканчивается фразой: nono Calendas augusti MCXCVIII, т. е. 24 июля 1198 года. По Арнольду Любекскому (о. с., кн. VII, гл. IX, 6), битва была летом.

*

Отыскивая «погрешности» в издании В. Арндта, Г Трусман (Записки отд. русской и слав. археологии Русского археологического общества, т. VII, вып. 2, СПб., 1907, стр. 98—99) предлагал читать вместо: «tam equis, quam navibus. Livonum perdunt segetes (II.7) — «tam equis, quam manibus» (?). Мы не видим к тому ни малейших оснований и сочли бы такую поправку порчей текста. Оснований, впрочем, не приводит и автор «поправки».

18

«С плуга», то есть с участка земли, вспахиваемого одним плугом. Ср. Helmoldus, I, 12: «. .подать с каждого плуга мера зерна. У склавов один плуг (aratrum) вырабатывает пара быков или один конь» (ibid. I, 14. 87). Ср. В. Арндт, о. с., стр. 244, примеч. 53.

19

Корабли и войско из Германии прибывали, как видно из дальнейших глав, около времени пасхи: ливы торопятся покончить дело до появления военной силы.

20

О принадлежности Альберта к роду фон Аппельдерн см. ниже прим. 360. Генеалогические соображения Грубера о нем же см. у Ганзена, о. с., стр. 67—69.

*

По мнению большинства исследователей Хроники, год «от воплощения» у Генриха начинается с 25 марта, от благовещения («мариинский год»). Автор одной из последних работ о Генрихе — Роберт Гольцманн (Robert Holtzmann. Studien zu Heinrich v. Lettland в Neues Archiv der Gesellschaft für ält. deutsche Geschichtskunde, Bd XLIII, Hannov. u. Lpz., 1922, стр. 159—212), как до него Эдуард Винкельманн (Mitteilungen aus dem Gebiete der Gesch. Liv-, Est- u. Kurlands, Bd XI, 1868, стр. 315), утверждает, что Генрих пользовался «пасхальным годом», т. е. 1199 г., напр., начинался у него с 18 апреля (с первого дня пасхи). Не останавливаясь здесь на оценке этих двух мнений (см. наше Введение, стр. 41), заметим только, что какого бы из указанных терминов ни придерживался автор Хроники, но посвящение епископа Альберта, несомненно состоявшееся весной (во всяком случае до пасхи), он должен был отнести не к 1199, а к 1198 году, как это и значится в тексте Хроники.

*

Дакия — обычное в средневековой практике наименование Дании.

*

Канут VI (1163 — 12 ноября 1202 г.)—сын Вальдемара I, с 1182 г. король датский.

*

Вальдемар — герцог шлезвигский, позднее король Дании.

*

Авессалом — архиепископ лундский с 1179 г. по 21 марта 1201 г.

*

Филипп Швабский, младший сын Барбароссы, с 6 марта 1198 г. германский король. Женой его была Ирина, дочь византийского императора Исаака Ангела. Здесь разумеется не коронование, а торжественное шествие императора в короне, воспетое Вальтером фон дер Фогельвейде. Ср. Ганзен, о. с., стр. 69 и 466; Пабст о. с., стр. 21; Hurter. Geschichte des Papstes Innocenz III, Bd I, стр. 289.

*

Булла Иннокентия III от 5 октября 1199 года содержит мысль о приравнении крестового похода в Ливонию походу в Палестину. См. F. G. v. Bunge. Liv-, Esth- und Kurländisches Urkundenbuch, Bd I. Reval, 1853, n⁰n⁰ 14, 15; дальше в ссылках: Бунге.

21

T r e m o n i a — Дортмунд в Вестфалии. Y b o r c h — Ибург в Оснабрюке.

22

Д и н а м ю н д э — восточнее нынешнего устья Двины, т. н. «Старая Двина».

*

Р у м б у л а — нынешний Руммель. Так называлась быстрина по главному руслу Двины, несколько ниже Кирхгольма, по русски именовавшаяся «румба рижская». Ср. Биленштейн, о. с., стр. 42.

*

В ПС pro sede sua (Stuhl у Ганзена и Пабста) переведено — «за своей стулой» (?!). — Слова «будто бы. мира» пропущены.

23

Первое из этих объяснений единственно правильное. Сопоставление Riga с латинским rigare — наивность: Rige — не латинское а, вероятно, нижне-немецкое слово и значит «поток, канал, канава». По Пабсту (о. с., стр. 24), под этим именем, позднее измененным по латвийски в Rising, следует разуметь боковой проток Двины, может быть, остаток прежнего рукава ее, имевший около 1200 года еще достаточную ширину, чтобы считаться озером. Биленштейн (о. с., стр. 37—39) производит название города не от немецкого, а от латвийско-литовского корня ri(n)g.

24

Ганзен (о. с. стр. 74) и Пабст (о. с., стр. 25) полагали, что под portus ipsorum можно разуметь не гавань семигаллов, а гавань нарушителей интердикта. Нам это понимание не кажется правильным: в этом случае надо было бы сказать не portum, а portus ipsorum, так как не обязательно предполагать, что нарушители явятся из какой-то одной гавани. Гавань семигаллов, по предположению Грубера (см. Ганзен, ibid.), это—устье р. Мухи (Курляндской Аа), во время Генриха впадавшей прямо в море.

Папский запрет продиктован, вероятно, желанием епископа Альберта создать своего рода монополию для будущей рижской гавани.

*

В ПС неверно переведено: «по просьбе. того же преосвященного епископа» и пропущено: «сообща постановили считать под интердиктом».

25

Пабст (о. с., стр. 26) предполагает, что нарушителями запрета были русские, не считавшие себя связанными чужеземным постановлением, но никаких обоснований этого предположения не приводит, кроме мало убедительной ссылки на VII.7. Боннель (Chronographie, Comment., стр. 45), разделяя ту же мысль, основывается на том, что только русские могли «спуститься по Двине, не имея склада в Риге».

26

М е й е н д о р п э — Мейендорф, к западу от Магдебурга. Позднее (ср. IX.7) Конрад, по имени феода, стал называться «из Икскюля».

*

Л е н е в а р д е н — замок ливов на Двине к востоку от Икскюля, в 53 км от Риги. Развалины позднейшего, выстроенного на том же месте немецкого замка еще видны в парке нынешнего[1] Ленневардена (по латвийски Лельвардэ). Название замка (не лив. происхождения, а латвийского — из lēls — «большой» и wārds — «имя»: Лельвардэ — примерно, «со славным именем»,«знаменитый», свидетельствует о значении его уже в раннее время. В русских документах XVI в. он упоминается (Карамзин, ИГР, т. IX, гл. V, прим. 452), как «Лелеверт», «Лиговер». Ср. Биленштейн, о. с. стр. 43—44; Сапунов, о. с. стр. 483 и примеч. 259.

*

Даниил и Конрад — первые вассалы епископа. В отличие от пилигримов, остававшихся в Ливонии редко дольше одного года, такие ленники епископа, получая замки и землю в феод, надолго закрепляются в стране и постепенно образуют одну из весьма влиятельных сил там.

[1] Географические справки мы заимствуем у Пабста, Биленштейна и Сапунова: «ныне», «нынешний» относятся, следовательно, к концу XIX в.

27

«Стеной стать в защиту дома божьего» — часто встречающееся в Хронике выражение. Ср. Библия, Иезек., 13, 5.

*

Novum Monasterium — Неймюнстер в Гольштейне к северо-западу от Зегеберга.

*

«Дает красноречие проповедникам» — ср. Библия, Псал. 67, 12.

*

Отрывок «с помощью того. проповедникам» в ПС переведен неверно: «и под руководством епископа».

*

Алебранд, ниже именуемый в подлиннике и Алабранд, в переводе у нас везде в первой форме.

28

В ПС пропущено: «ценившие. принадлежал» и «желая их перевоспитать».

29

О цистерцианцах в Динамюндэ см. Fr. v. Keussler. Die Gründung des Cistercienserklosters zu Dünamünde in Livland. Fellin, 1884, и его же Die Genealogie des Cistercienserklosters zu Dünamünde (Mitteil. aus d. livl. Geschichte, Bd XIV, H. 1, стр. 111—128).

*

Учреждение ордена меченосцев приписано Теодериху потому, вероятно, что в это время (1202 г.) епископ Альберт был в отсутствии, а Теодерих замещал его.

Наименование меченосцы, gladiferi, ensiferi — позднейшее и в Хронике ни разу не встречается.

Г Гильдебранд (H. Hildebrand. Die Chronik Heinrichs v. Lettland. Berlin, 1865, стр. 58—60; дальше в ссылках: Гильдебранд), отмечая неопределенность этого сообщения Генриха (eodem tempore. fratres quosdam и др.), полагает, что относится оно скорее к моменту возникновения мысли об ордене, чем самого ордена, первоначально представлявшего собою лишь небольшую и организационно не объединенную группу рыцарей. Это мнение едва ли может вызвать возражения. Орден, конечно, развивался постепенно, недаром в ближайшие за учреждением его пять лет в Хронике имеется

лишь два упоминания о «братьях-рыцарях» (IX.2 и X.8). Трудно, однако, согласиться со ссылкой Гильдебранда на буллу Иннокентия III, также будто бы подтверждающую его мысль об отсутствии ордена, как организации, в первые годы. Имеется в виду булла от 12 октября 1204 г. к духовенству бременской церкви о крестовом походе в Ливонию (Бунге, о. с., n^0 14). В ее центральной части с достаточной определенностью говорится именно об ордене: «Достопочтенный брат наш Альберт, епископ их (ливов), прилагая действенные усилия к их обращению, позаботился учредить три духовных ордена, а именно: цистерцианцев монахов, каноников по уставу. и верных мирян (fidelium laicorum), которые в одеянии храмовников мужественно и сильно противостояли бы варварам, нападающим там на новое насаждение веры христианской» (перев. наш).

Таким образом, папа признает факт существования учрежденного Альбертом ордена, ни словом при этом не упоминая о своей санкции.

Действительное утверждение ордена Иннокентием III состоялось в 1210 году и содержится в булле от 20 октября, утверждающей раздел Ливонии (Бунге, о. с., n^0 16). Сопоставление соответствующих мест этой буллы с упомянутым текстом Генриха не позволяет решить, пользовался ли наш автор именно ею или какою-то более ранней, нам неизвестной. Ср. E. Strehlke. Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae. Lpz., 1863, стр. 16; дальше в ссылках: Штрельке). Характерно между прочим отсутствие и в этой булле (как и в выше цитированной) описания орденского знака (крест и меч — по Генриху). Ср. Petrus Dusburg., Chron. Pruss, p. 2, c. 4: на белом плаще красный крест, а под ним красный меч острием книзу.

Что Генрих мог иметь в руках какой-то письменный источник, и скорее всего папский акт, представляется тем более вероятным, что сам он в Ливонии тогда еще не жил.

30

Зеегазуен — недалеко от Мейендорфа. Листрия, Lister — в то время особая область Дании. Всего их было три: Галландия, Листрия, Блекингия (Блекинген). Ср. примеч. Грубера у Ганзена, о. с., стр. 79.

31

Ср. Библия, Псал. 56, 7. В ПС неверно: «в собственные свои сети», тогда как у Пабста и у Ганзена правильно.

*

Следующее далее упоминание Висби — первое вообще упоминание этого города в литературе. Ср. L. Arbusow. Die handschriftliche

Ueberlieferung des «Chronicon Livoniae» Heinrichs von Lettland в Acta Universitatis Latviensis, XV, Riga, 1926, стр. 296.

32

Собственно: «кстати и некстати», «во время и не во время» — ср. Библия, 2 посл. к Тимофею, 4, 2.

33

Весь этот рассказ любопытен для характеристики далеко не абсолютного послушания пилигримов епископу, который, как видим, оказывается вынужденным дать разрешение на бой, чтобы бой не начался вопреки его запрету. Другие примеры того же см. ниже.

«Послушание лучше жертвы» — см. Библия, 1 кн. Царств, 15, 22.

34

Piratica — разбойничье судно, легкий и быстрый корабль особого типа. В Хронике упоминается только у куров и эзельцев. Может быть, соответствует термину бригантина. Ср. Пабст, о. с., стр. 36.

*

В ПС, вместо «60 человек», неверно — «16».

35

Авессалом, архиепископ лундский, упоминавшийся выше в III.3, умер в 1201 году. Андрей был его преемником.

Сын Сунно из Кнардрупа, получивший отличное образование в Британии, Франции и Италии, Андрей, по возвращении на родину, стал канцлером короля Канута младшего, а по смерти Авессалома — архиепископом лундским, примасом Швеции и постоянным легатом апостольского престола для севера. О нем с похвалой говорят: Saxo Gramm. в посвящении к истории; Арнольд Любекский (кн. III, гл. 5, 2 и кн. IV, гл. 8) и другие. Ср. примеч. Грубера у Ганзена о. с., стр. 106; также Gams. Series episcoporum eccl. catholicae, стр. 330.

*

Если «с мощами» (cum reliquiis) тут не ошибка, то удивительна краткость этого как бы случайного упоминания. В изложении клирика-автора она выглядит настолько странно, что, вместо веского cum reliquiis, мы предпочли бы видеть в тексте малозначащее cum reliquis («с остальными»), если бы этому не препятствовало отсутствие в издании В. Арндта такого чтения (в вариантах). Нужно, впрочем, признать, что это место не вызвало замечаний ни у кого из комментаторов.

36

Balista у Генриха — метательное орудие, но едва ли это, как думал Иог. Готфр. Арндт (Der Liefländischen Chronik erster Theil von Liefland unter seinen Bischöfen etc., Halle, 1747) и Ганзен (о. с.; стр. 53), тяжелая осадная машина, мечущая бревна и большие камни. Вернее — это было нечто в роде арбалета (arcubalista), как, повидимому, думал Пабст (о. с., стр. 6). Из дальнейшего (напр., XIV.5, XV.3 и др.) видно, что балистарии (арбалетчики) довольно легко передвигались по полю сражения со своими самострелами, чего нельзя и предполагать о настоящих осадных камнеметных орудиях.

Фраза «не решавшихся. Двину» в ПС переведена неверно: «которых стрелы не перелетали через Двину».

*

Задаваясь вопросом, «что было поводом к наступательному образу действий полоцкого князя» против немцев, Ф. Кейсслер (Окончание.. стр. 8—11) так и не находит ответа. Если Владимир хотел уничтожить в самом начале «могущество немцев», то, по мнению этого автора, «было большой ошибкой с его стороны, что он не вошел в соглашение с ливами и не только не склонил их на свою сторону, но еще обложил их контрибуцией». Выдумку Боннеля (Chronographie, стр. 20, и Commentar, стр. 45), будто бы Владимир мстил за убийство русского купца (Хроника, IV.7, ср. выше примеч. 25) и за стеснение плавания по Двине, Кейсслер приводит без всякой критики, и наоборот, старательно опровергает объяснение, даваемое С. М. Соловьевым (о. с., I, стб. 611), у которого сказано: «Они (князья полоцкие — *С. А.*) привыкли ходить войною на чудь и брать с нее дань силою, если она не хотела платить ее добровольно. Точно также хотели они теперь действовать против немцев». Между тем объяснение С. М. Соловьева, может быть, наиболее правдоподобно, притом, вопреки доводам Кейсслера, оно находит себе подтверждение и у Арнольда Любекского. Уже частью цитированное нами место в Chron. Slav. гласит: «Король Руссии из Полоцка имел обыкновение время от времени собирать дань с этих ливов, а епископ в ней отказал ему. Оттого он часто делал жестокие нападения на ту землю и упомянутый город» (Ригу — *С. А.*). Усиливаясь доказать, что епископ, вообще в первые годы избегавший столкновений с русскими князьями, не мог быть виновником задержки ливами дани Владимиру в 1203 г. (ср. ниже примеч. 184), Кейсслер упускает из виду, что известие Арнольда Любекского можно понять и в другом смысле: епископ отказался сам платить дань, что̀ и послужило поводом к нападению Владимира. Вообще аргументация Кейсслера в этом месте мало понятна. Приведенный отрывок из Chronica Slavor. он почему-то считает опровергающим (?!) С. М. Соловьева. Отметим,

что и Г. Лаакманн (о. с., стр. 58, прим. 3) считает толкование фразы Арнольда у Кейсслера неверным.

37

Герцикэ — русская военная колония, замок на Двине и княжество, удел Полоцка. Кроме Генриха, упоминается у Германна фон Вартбергэ в Chron. Livoniae (Штрельке, о. с., стр. 19),[1] у Дитлеба фон Альнпекэ в Рифмованной Хронике (см. у Ганзена, о. с., стр. 534, стихи 669—685) и во многих актах XIII—XIV в.в.[2] Позднейшие вслед за Хроникой Генриха, упоминания относятся к 1230 г. к 19 апреля 1239 г., к 1256 г., к 1 июня 1298 г. и к 1359 г. См. Боннель, Chronographie, стр. 51, 58, 71, 93; ibid., Comment., стр. 79—80; Бунге, о. с., I, n^0n^0 163, 288, 572, 573; Биленштейн, о. с., стр. 99.

Город Герцикэ был, повидимому, и велик и богат, судя по его латинскому эпитету в Хронике (urbs, а не только castrum), и потому, что в нем было несколько церквей, и по множеству ценной добычи, какую немцы не раз там брали. См. XIII.4, XVIII.4, 9. Ср. Таубе, о. с., стр. 391 и прим. 3.

Довольно обширна была и территория княжества, как это устанавливается и старыми и, особенно, новейшими исследованиями[3] на основании сохранившихся актов.[4] Княжеству принадлежала прежде всего: а) вся область вокруг замка на правом, а частью и на левом берегу Двины, от устья Эвста на северо-западе до нынешнего дина-

---

[1] Герман говорит тут о Кукенойсе и Герцикэ, что в них «тогда (нач. XIII в. — *С. А.*) жили схизматики».

[2] В рукописи В Тидрек-саги, в рассказе о поединке союзника и вассала Аттилы Гильдебранда с греческим ярлом, вместо jarl einn af Greka, читается jarl einn af Gersekeborg, fraendi Valldemars konungs, то есть «ярл из города Герсекэ, родич Владимира конунга», что А. Н. Веселовский считал не опиской, а «фактом местного приурочения». См. Saga Didriks konungs af Bern изд. C. R. Unger, Christiania, 1853, стр. 271; А. Н. Веселовский. Мелкие заметки к былинам (Журнал Мин. Нар. Просв., 1896, август, стр. 235 и сл.; его же—Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском). СПб., 1906, стр. 73—75 (указанием последней работы мы обязаны Е. А. Рыдзевской); ср. также Ф. Кейсслер, — Окончание. стр. 5—6, прим. 12.

[3] См. упоминавшиеся работы И. Беляева, В. Е. Данилевича, А. Биленштейна, ф. Кейсслера (Окончание. . .), также М. Довнар-Запольского (Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель); из новых работ: Г. Лаакманн, о. с., стр. 91—95; H. Dopkewitsch. Die Burgsuchungen in Kurl. u. Livland vom XIII—XVI Jahrh. в Mitt. aus d. Gebiete d. Gesch. Liv-, Est- u. Kurl. Riga, XXV, 1933, стр. 54; М. Таубе, о. с., стр. 435—437. Последний, говоря об обширности княжества, остроумно замечает: «недаром оно в 1209 г., при немцах, должно было составить тройной лен».

[4] Напр., акты 1209, 1211—12, 1213, 1224 и 1348 гг. (Бунге, о. с., I, n^0n^0 15, 23, 38).

бургского округа на юго-востоке, в частности замки (бурги): Герцикэ, Дубена (против Герцикэ за рекой); дальше к сев.-востоку — Лепенэ (9 км к востоку от нынешнего Ливенгофа), Aszute (ныне Osot, Assoten под Крейцбургом); Гердинэ и Бебернинэ — к сев. востоку от Крейцбурга; область на правом берегу Двины южнее замка Герцикэ до нынешней Ликснянки, а, может быть, и несколькими км ниже по реке; б) за Эвстом (впоследствии область архиепископского замка Зессвеген)—бурги: Zcessowe, Sessowe (ныне замковая гора в Зессвегенском парке на левом берегу ручья Зессе); Alene (ныне, вероятно, там Ohlenhof — в приходе Зессвеген); Negeste и Marxne — оба в приходе Берсон; севернее — не вполне до сих пор определенная топографически область с бургом Autine; в) к этому М. Таубе добавляет некоторые русские опорные пункты еще в иных местах, как напр., Ruschendorf на Эвсте (см. также Г. Лаакманн, о. с., стр. 93; K. v. Löwis of Menar. Burgenlexicon f. Alt-Livl. Riga, 1922, стр. 27 и др.) и Preli.

Отводить границу княжества дальше на восток и юго-восток, как делают это Г Лаакманн и Л. Арбузов, М. Таубе не считает возможным, разделяя в этом случае мнение Данилевича, на том основании, что местность южнее озера Любань и восточнее линии Любань—Прели—Ликсна «имела собственную, независимую от Герцикэ историческую судьбу», почему и «нет никаких оснований допускать, что вся эта восточно-лэтгальская земля принадлежала к княжеству Герцикэ» (Таубе, о. с., стр. 436—438 и прим. 15).

Не вся территория княжества, как это было сказано выше и о Полоцке, находилась в одинаковом отношении к князю. Непосредственно подвластная ему область охватывала лишь сравнительно немного ближайших к замку земель, тогда как прочие все сохраняли относительную независимость: платя дань князю Герцикэ и оказывая помощь на войне, имели в то же время своих старейшин, самостоятельно вели войны и заключали союзы с соседями и т. д.

Менее организованная, по сравнению с немцами, и менее жестокая в смысле последовательности и разнообразия методов порабощения и эксплоатации местного населения, русская власть, а в частности и власть князя Герцикэ, повидимому, не была для страны тем постоянным, систематически давящим гнетом, каким выглядит режим крестоносных завоевателей в изображении даже их апологетов. Может быть, как думают некоторые исследователи, она пользовалась даже известными симпатиями в Ливонии (ср. В. Е. Данилевич, о. с., стр. 113),[1] но, конечно, по своей относительной слабости, не могла

[1] Не в силу «исконной» русской «веротерпимости», как думал К. Н. Бестужев-Рюмин (Русская История, I. СПб., 1872, стр. 300), а в силу именно вышеуказанных качеств меньшей организованности и меньшей интенсивности эксплоатации.

долго конкурировать с беспощадной и не стеснявшейся в средствах порабощения западной аггрессией, пред напором которой первыми пали, как и рассказывает Генрих, форпосты этой власти, Герцикэ и Кукенойс.

О Герцикэ писали, начиная со второй половины XVIII в., очень много, но некоторые вопросы, с ним связанные, несмотря на это, доныне остаются загадкой. История города и княжества, включаемая необходимой частью чуть ли не во всякую историю Ливонии,[1] в смысле изложения сравнительно мало затрудняла писавших, так как в этом отношении почти всегда бывала только пересказом Генриха и немногих актов. Камнем преткновения для исследователей было три вопроса: 1) где находился Герцикэ, 2) что это за имя, и 3) кто княжил в Герцикэ в начале XIII в.

О местоположении Герцикэ высказывались разные мнения. Иог. Дан. Грубер, первый издатель Хроники Генриха, допуская возможность порчи имени в рукописи (но почему-то забывая о таких же «испорченных» упоминаниях его в актах), высказал, правда с большим колебанием, мысль, не скрывается ли под именем Герцикэ Birze — Биржи, вотчина Радзивиллов.[2] Это, мало удачное предположение не нашло сторонников, но поиски на том же пути продолжались и много позднее. Нарушевич в Historya narodu Polskiego (т. IV, кн. 2, Warszawa, 1803—1804, стр. 335, прим. 104) разумел под именем Герцикэ замок Berson к северу от Якобштадта. К тому же, повидимому, склонялся и Данилович (Skarbiec dypłomatów. I. Wilno, 1860, стр. 56, прим. 4), а И. П. Беляев (История Полотска. М. 1872, стр. 15), не имея в виду Берсона, строил собственные конъектуры, но также основанные на мене Г и Б в названии города (см. ниже).

---

[1] Специально истории княжества касаются (кроме общих вышеуказанных работ о сев.-западной русской окраине): F. v. Keussler. Das livische u. lettische Dünagebiet u. die Fürsten von Polozk, Gerzike u. Kokenhusen am Ausgang des XII u. zu Beginn des XIII Jahrh. в Mitteilungen aus d. Gebiete d. Geschichte Liv-, Est- u. Kurl., Bd XV, Heft 1. Riga, 1891; его же Zur Geschichte d. Fürstenthums Gercike, ibid. Bd XV, H. 2, 1892; его же упоминавшаяся работа (Окончание. , стр. 1—38); небольшая компилятивная статья Н. Харузина — К истории города Герцеке в Ливонии — в Археологич. изв. и заметках, 1895, 2—3, стр. 3—18 и отдельно; Г. Лаакманн, о. с., стр. 91 и сл.; М. Таубе, о. с., стр. 434—447 и passim; L. Arbusov. Frühgesch. Lettlands; хронологическая канва у Боннеля (Chronographie); ряд ценных экскурсов у А. Биленштейна.

[2] Origines Livoniae. . . , Francofurti et Lips., 1740, стр. 26, прим. f (перев. наш): «но поскольку Герцикэ описывается под 1208 годом, как город на Двине, от которой Биржи далековато (paullulum remotior), я не нахожу нужным ничего менять» (т. е. менять «Герцикэ» на «Берцикэ» — *С. А.*).

Другая, и большая часть исследователей, оставив в стороне топонимические аналогии, стала решать задачу по топографическим и археологическим данным Двинской области. Историки Ливонии Фрибэ, Гардер,[1] Меркель [2] и др. отождествили Герцикэ с позднейшим Крейцбургом на правом берегу Двины, против Якобштадта. Это убеждение разделял и Н. М. Карамзин (ИГР, изд. 5, т. III, гл. 4, стр. 87), а вслед за ним Н. Полевой,[3] Неволин[4] и Д. Иловайский.[5]

Несколько позднее возникла и еще дольше держалась версия Крузе, высказанная им в Russische Alterthümer (2-er Bericht. Dorpat und Leipzig, 1845, стр. 125 и сл., 128 и сл.) в том смысле, что Герцикэ надо искать западнее Крейцбурга, примерно, у нынешнего Штокмансгофа на месте впадения Эвста в Двину, против Сельбурга. Эта мысль повторялась еще и в конце 70-х годов прошлого века — ср. Пабст, о. с., стр. 39; Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. II. Рига, 1879, стр. 178—180, и Рижский Вестник 1878 г., n⁰ 179.

Наконец, третье, окончательно теперь утвердившееся мнение, что Герцикэ лежал на месте нынешнего Царьграда (в б. Двинском округе Витебской губ.), впервые формулировано было еще в 30-х гг. Т. Нарбутом, а за ним повторено М. Борхом,[6] но долгое время не находило признания. В русской литературе до 1845 г., как с удивлением отмечает ак. Куник, самое имя Царьграда на Двине почти не встречается: [7] впервые появляется оно, под влиянием сообщения Нарбута, в Историческом атласе России Павлищева (Варшава, 1845). Неудивительно при таком положении, что мысль Нарбута, разделявшаяся немногими (ср. Турчинович. Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857, стр. 273, прим. 121)

---

[1] Ср. Дружиловский. Исторические судьбы Витебской губернии с конца XII до нач. XVI в. (Памятная книжка Витебской губ. за 1867 год). См. также W. Ch. Friebe. Handbuch d. Geschichte Liv-, Ehst - u. Curl. Riga, 1791—1794; J. J. Harder. Versuch einer alten Geographie v. Liefflandn — в Neue nord. Miscellen, I, 11—107.

[2] G. Merckel. Die Vorzeit Lieflands, I—II. Berlin, 1807 (с картой).

[3] История русского народа. М., 1829—33, т. III, стр. 217, прим. 207.

[4] Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого — в Полн. собр. соч., т. VI. СПб., 1859, стр. 46—47.

[5] История России, т. I. М., 1876, стр. 108.

[6] T. Narbut. Dzieje narodu Litewskiego, т. IV Wilno, 1838, стр. 24—25; M. Borch — в издании Rubon, I, Wilno, 1842, стр. 73. По словам академика Куника (см. его статью у Биленштейна, о. с. стр. 473, Нарбут, в качестве военного инженера, еще до 1812 г., занимаясь регулированием русла Немана, мог по данным личного наблюдения отождествить Герцикэ «с Царьградом, лежащим против устья Эглоны».

[7] Кажется, только однажды — в Гидрографии Штукенберга, 1844 г.

встречала по преимуществу ироническое или отрицательное отношение. Ср. у Даниловича (о. с., стр. 56, прим. 4): «Nie łamie sobie głowy T. Narbutt i stanowczo w Gercike widzi iakąś miescine Carogród. Nie raczył zairzeć do Naruszewicza . .»; или у Н. П. Барсова (Очерк русской исторической географии, изд. 2. Варшава, 1885, стр. 312, прим. 304): «Нарбут объясняет его (Герцикэ — *С. А.*) каким-то Царегородом, который, впрочем, сколько известно, никогда не существовал».

В конце концов однако, после специальных археологических изысканий хранителя музея курляндских древностей И. Дёринга в 70 г.г., пользовавшегося указаниями ак. Куника,[1] и А. П. Тыртова в 1892 г.,[2] восторжествовала точка зрения Нарбута. По словам Сапунова,[3] самым ясным доказательством правильности такого предположения (Нарбута—Дёринга — *С. А.*) служит то обстоятельство, что и доныне тут находится урочище, между рвом «Ручай» и ручьем «Исток», известное у народа под именем Г е р з а к или Б и р з а к».[4]

Железнодорожная станция Царьград лежит на правом берегу Двины в 169 км (22 геогр. мили) к юго-востоку от Риги, а в $2^1/_2$ км к северо-западу от этой станции находится, по Дёрингу и Тыртову, древняя замковая гора [5] — между жилым домом имения Шлоссберг и Двиной. См. статью ак. Куника у Биленштейна, о. с., стр. 472, и Труды Виленского отделения, о. с. стр. 227—229.

Вопросом о двойном н а и м е н о в а н и и Царьграда-Герцикэ занимался ак. Кунин, а затем, пользуясь его данными, о том же писал

J. Döring. Ueber das vermeintliche Gercike bei Stockmannshof в Sitzungsberichte d. Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst aus d. Jahre 1874; его же статья в Balt. Monatsschrift, XXIII, 1874, стр. 422 и сл.; его же Geschichte d. Livl. Gutes Stockmannschof, früher Loxten genannt, nebst Regesten von Loxtenschen Urkunden. Ibid., 1878; его же Der Pilskalns in Schlossberg mutmatzlich das alte Gercike. Ibid., Mitau, 1879, стр. 56 и сл.; ср. Биленштейн, о. с., стр. 99—100.

[2] Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. Вильна, 1893: Доклады. А. П. Тыртова, стр. 225—229 (с картой).

[3] А. Сапунов. Река Западная Двина, истор.-географич. обзор. Витебск, 1893, стр. 469.

[4] Нынешнее латвийское Jersika. См., напр., новую географическую карту Латвии (Lettlands), Riga, Kartogr. Institut. Ošinš u. Mantnieks; также LGU I, n⁰ 2 (топографич. примеч.) и K. v. Löwis of Menar. Burgenlexicon f. Alt-Livland. Riga, 1922, стр. 27 и 60; М. Таубе, о. с., стр. 434 и прим. 3.

[5] По латвийски Pilskalns, как и всякая такая гора, но не в виде собственного имени, как, видимо, думал Тыртов (о. с.,) упорно при том коверкающий это слово в «Пилекальн», «Пиликальна», «Пиликальнис».

Дёринг; ряд замечаний сделан акад. А. Н. Веселовским, А. Сапуновым и др.

По мнению акад. Куника (о. с. у Биленштейна), русское имя Царьград едва ли возникло ранее XVI в.: его можно считать современным победоносному наступлению русских на Ливонию и, может быть, связанным со введением Иоанном Грозным в свой обиход царского титула.[1] Польское Carogrod, в новейшей форме Carogród, также не старше XVI века и появилось, вероятно, во второй половине века, после уступки Кеттлером части Ливонии Польше. Ср. Биленштейн, о. с., стр. 100 и 473.[2]

Что касается имени Герцикэ, то его акад. Куник, Пабст Дёринг, Биленштейн и др. сближали со старо-славянским град, польским gród, русским город. В качестве аналогии приводилось Городище — наименование рюрикова замка близ Новгорода, на правом берегу Волхова, называвшегося у норманнов Holmgarđr (островной город) или Garđar, с чем близки исл. Gardarīki (страна городов), древне-датское Ostrogarđ Ruzziae и, почти тождественное интересующему нас имени, исландское прилагательное gerzkr, в более позднем написании gerskr — русский.[3] В соображениях Пабста (о. с., стр. 39), очень немногословных (без скандинавских аналогий), особенно многозначительно замечание о том, что словом Gerceke, как и словом Городище, обозначалась часть Новгорода.[4] Замечание Пабста основано, повидимому, на данных

---

[1] См. статью Густава Мантейфеля в Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych kraiów słow., t. I. Warszawa, 1880, стр. 526—527.

[2] Акад. А. Н. Веселовскому принадлежит очень интересная по смелости, но едва ли правдоподобная и позднее им оставленная гипотеза о более древнем происхождении имени Царьград (ЖМНП, 1896, авг.). Вспоминая летописное известие (ПСРЛ[1], I, 131; II, 16) о ссылке полоцких князей в 1129 г. в Царьград (Византию), А. Н. Веселовский задается вопросом, нет ли тут непонятого упоминания о Царьграде на Двине. Совершенно противоположное по смыслу замечание А. Сапунова (Сказания исл. или скандинавских саг о Полоцке — в Полоцко-Витебской Старине, III, Витебск, 1916, стр. 29) относит возникновение имени к еще более позднему сроку, чем Куник, связывая его с пребыванием в тех местах Петра Великого. Ср. М. Таубе, о. с., стр. 435, прим. 2.

[3] А. Н. Веселовский (Русские и вильтины, стр. 74): «gerskr — прилагательное от garđr — русский и вместе греческий, грек (girskr и gerskr); gerskr было эпитетом „гостя“, ходившего в Россию и „греки“».

Это объяснение принято и в новейшей работе Arvi Korhonen у P. Johansen'a. Ueber die deutschen Ortsnamen Estl., Reval, 1930, стр. 10.

[4] Ср. L. Arbusov. Grundriss d. Gesch. Liv-, Est- u. Kurl. Riga, 1918, стр. 10: Рюрик сел «bei Nowgorod am Ilmensee, in Holmgarder (= Inselburg, dies die Burg Ruriks, Gorodischtsche, „Gerceke“ nahe von Nowgorod am rechten Ufer des Wolchow).»

отчета 26 марта 1292 г. о деятельности ганзейского посольства в Новгороде в 1291 г. (Hansisches Urkundenbuch, Bd I, Halle, 1876, стр. 377—378, n⁰ 1093). Из этого отчета видно, что послы Любека, Висби и Риги стояли не в Новгороде, а в Gerceke, обозначаемом, как curia regia, куда новгородцы то и дело ездили для переговоров. Эта curia regia вблизи Новгорода и понимается, как Городище,[1] которое таким образом, оказывается немецким Gerceke.

Почему немцы называли Городище именно этим словом,[2] мы не знаем, но вывод в отношении двинского города напрашивается сам собою: если Городище на Волхове по немецки Gerceke, то и Gercike на Двине, вероятно, не что иное, как русское Городище.

При чем, однако, здесь гипотеза Куника, исландское gerskr и Тидрек-сага? Не следует ли думать, что Gerceke немецкого акта и происходит из старого норманнского названия р у с с к о г о городища?

Это, кажется, самое правдоподобное объяснение. Норманны X—XI в. прекрасно знали Двину (Dyna), упоминают и Полоцк (Palteskja) и Смоленск (Smaland). Могли они знать и р у с с к о е поселение на Двине, может быть, п е р в о е на их пути вверх по реке или первое, ставшее им там известным, как русское, почему и было дано ему название с эпитетом gerskr. Тидрек-сага в этом рассуждении не представляет большой опоры, как произведение XIII в., притом очень сложного национально-языкового происхождения. Город уже, наверное, существовал ко времени сложения саги, а имя его могло попасть в нее и через немецкие русла.[3]

Исходя из гипотезы о норманнском происхождении имени Герцикэ, позволительно было бы, кажется, судить и о древности города. Рассуждая о времени его возникновения, Боннель (Chronogr., стр. 2; ibid., Commentar., стр. 16 и прим. 16) со ссылками на Kruse, Necrolivonica (Dorpat, 1842: Generalbericht, стр. 6) и его же Urgeschichte des Esthnischen Volksstammes (Moskau, 1846, стр. 555, 557 и прим.), полагает, что уже около 990 г. на Двине было, и помимо

---

[1] Ср. L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922, стр. 56.

[2] Невероятно было бы лишь предположение о непосредственном генетическом родстве этих слов: звукового сходства очень мало, да и ударение в Gercike скорее всего на первом слоге, но во всяком случае не на втором, так как рукописи колеблются как раз во второй гласной.

[3] Совершенно нам непонятно замечание А. Н. Веселовского (Русские и вильтины, стр. 74): «судя по аналогии Smalenceke — Смоленьск, Plesceke — Полоцьк, для Gerceke можно предположить форму Г р ѣ ц ь к». Хотя слово gerskr, как выше цитировано, и было «эпитетом г о с т я, ходившего в Россию и „греки“», но у к о г о ж е мог быть в ходу такой эпитет в приложении к русскому месту? Очевидно, не у русских. К чему же конъектура Г р ѣ ц ь к, как будто конструирующая вероятное р у с с к о е имя города?

Полоцка, много укрепленных мест (Кокенгузен, Герицкэ, Ашераден), причем некоторые из них были заняты русскими для обеспечения плавания по Двине. Это утверждение, как дважды, вполне справедливо отметил Данилевич,[1] «ни на чем не основано» у Боннеля, но в норманнской гипотезе кое-какое обоснование, думается, находит. Эпоха викингов, к которой должно бы относиться имя Gerskr, не переходит за грань XI века. Эту грань и можно бы, разумеется самым условным образом, принять за terminus, ante quem возникновения Герцикэ.

Выше изложенным не исчерпываются все имевшие место попытки объяснения слова Герцикэ. Кроме гипотезы Куника—Пабста и др., существует совершенно иная линия догадок: в основе слова ищут какое-то русское имя. Так, И. П. Беляев (о. с., стр. 15), основываясь на том, что в позднейшее время встречается форма Берсик,[2] полагал, что Герцикэ — это «может быть Бережки или Берестье, перепутанные латышом-летописцем». Ив. Желтов (Герцике-Ярчик и древнее русское городище на берегу Авикшты — в Рижском Вестнике, июнь 1886 г. См. Археологические известия и заметки, т. IV, М., 1896, стр. 155) объяснял слово Герцикэ русским Ярчик, уменьшительной формой от Яр, приводя в пример имена Черный Яр, Красный Яр в Астраханской губернии и Красноярск — в Сибири. Эта мысль не лишена некоторого правдоподобия, особенно если игнорировать мнение Куника—Пабста и др. и если заменить приведенные автором несколько неожиданные аналогии более близкими к Ливонии, упомянув хотя бы Герчики в б. Краснинском уезде Смоленской губернии (см. В. И. Лебедев. Обзор Краснинского уезда Смоленской губернии, стр. 13 и 32) или Ярчицы (Фокино) в б. Гжатском уезде той же губернии (см. Список насел. мест Смоленской губ., изд. Центр. Статистического Комитета, стр. 163, n° 4505).[3] Напомним, что корень яр обладает весьма почтенной древностью, а чередование яр и ger — постоянное явление в таком имени, как Ярослав (ср. у Генриха в XXII.4: Gerceslaus).

В итоге всего сказанного нужно признать, что ни норманнская гипотеза, при всей ее вероятности, ни другие попытки не дают окончательного решения вопроса о происхождении и значении имени Герцикэ. Вопрос этот останется, надо думать, открытым и впредь до обнаружения каких-либо новых источников.[4]

---

[1] О. с., стр. 27, прим. 165 и стр. 29, прим. 178. Интересно, впрочем, что далее, на стр. 112, прим. 98, тот же автор признает это необоснованное утверждение «довольно вероятным».

[2] Ср. выше соображения Сапунова, а также кое-какие упоминаемые им данные карт ген. штаба.

[3] Этой справкой мы обязаны любезности Е. А. Рыдзевской.

[4] Очень важны, напр., были бы точные археологические данные о норманнах в Герцикэ.

Князя Герцикэ Генрих называет Wiscewaldus, т. е. Всеволод. Генеалогически это имя доныне не определено, как и другое имя — Вячко, князя Кукенойса. О первом и городе его наши летописи молчат, о втором в Новгор. 1-й летописи (ПСРЛ[1], III, стр. 39) под 6732 г. сказано: «Того же лета убиша князя Вячка немци в Гюргеве, а город взяша».[1] Этим упоминанием и данными Хроники ограничиваются все фактические сведения, какими располагает историк. И Н. М. Карамзин (ИГР, изд. 5, т. III, стб. 87, 116, 117 с прим. 205, 206, 208), и С. М. Соловьев (История России, изд. «Общ. Польза», I, стб. 613, 615, 616 с прим. к 613 и 615), говоря о Всеволоде и Вячке, только повторяют Генриха и вовсе не определяют их по родовой линии. Правда, и тот и другой называют еще один источник, где некоторые надеялись найти более точные сведения, а именно рассказ Татищева (ссылающегося на летопись Еропкина) о Борисе Давидовиче полоцком, жене его Святохне и сыновьях Васильке и Вячке,[2] но Карамзин при этом, как бы отмежевываясь от Татищева, подчеркивает: «Я не нашел о том ни слова в летописях», а Соловьев, отчасти пользуясь Татищевым в примечаниях, все же не вводит соответствующих данных в свой основной текст. Тем не менее некоторая доля доверия к рассказу о Святохне в примечаниях у С. М. Соловьева заметна. Он говорит (о. с. стб. 613, прим. 1): «Об этом Вячеславе или Вячке и брате его Васильке, сыновьях Бориса Давидовича полоцкого, и мачихе их Святохне см. любопытный рассказ у Татищева, III, стр. 403 и сл.»; далее (ibid., стб. 615, прим. 1): «Wissewaldus сходнее со Всеволодом, но в точности ручаться нельзя; очень может быть, что это и Василько».[3]

Эта, не вполне определенная, но и не отрицательная точка зрения С. М. Соловьева позднее нашла у некоторых более решительное признание и, не смотря на отсутствие каких-либо новых данных, стала повторяться уже без всякой осторожности и без оговорок. В Русском Биографическом Словаре» («Плавильщиков — Примо», СПб. 1905, стр. 388 и 398—400), приводятся генеалогии Всеволода («Ва-

---

[1] М. Таубе (о. с., стр. 418 и вторично 441), таким образом, ошибается, утверждая, что о Вячке нет ничего «in keiner Chronik». Так же ошибается он, говоря, что Карамзин «aus diesem Grunde ignorirt ihn. völlig». Правда, в выше приведенном месте из Новгор. 1 летописи нет ни слова о князе Кукенойса.

[2] Из того же источника, вероятно, черпали: Данилович, именующий Вячка Васильком (о. с., т. I, nº 1, стр. 54), и Нарбут (Dzieje starożytne, t. II, стр. 444), считающий Вячка Василием-Рогволодом Борисовичем. Ср. Данилевич, о. с., стр. 121, прим. 132.

[3] Последнее, без сомнения, ошибочное предположение (ср. у Бунге, о. с., nº 15: Wiscewolodo), совершенно не подходит к той тщательности, с какою Генрих передает иноязычные имена (напр., такое трудное для иностранца имя, как Вячко — Vetseka) и, конечно, навеяно рассказом Татищева.

силько Борисовича») и Вячка («Вячеслава Борисовича»), явным образом основанные на некритическом принятии рассказа о Святохне. Как предки Всеволода, указаны: Борис — Рогволод — Борис — Всеслав — Брячислав — Изяслав — Владимир св. В подтверждение сделаны ссылки на выше упомянутые нами места у Карамзина и Соловьева. См. также «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза, т. XII, стр. 274 (о Вячке) и др. Даже в новой работе N. Baumgarten. Généalogie et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe a XIII s. (Roma, 1927, стр. 34, 37 и 38) повторяется та же версия, правда не о Всеволоде и Вячке вместе, а об одном Вячке. О Всеволоде сказано: «On ne sait pas le nom de son père», а дата смерти указана «avant 1239».[1] Что же касается Вячка, то он и тут обозначен, как сын Бориса, князя друцкого, потом полоцкого, от первого брака (мать неизвестна); от второго брака Бориса с «pr. Swiatochna de Poméranie, fille de Casimir», указан сын Владимир-Войцех. Ссылки сделаны все на те же места у Татищева (III, 403—409) и на Арцыбашева (II, 301—303, прим. 1894).

В связи с этим нелишне будет напомнить об одной, очень любопытной работе половины прошлого века, сильно подрывающей доверие к рассказу Татищева и, не смотря на это, либо игнорируемой, либо забываемой авторами некоторых вышеприведенных генеалогических гипотез.

Мы имеем в виду статью Н. П. Лыжина «Два памфлета времен Анны Иоанновны» в Известиях Академии Наук по отд. русского яз. и словесности, т. VII, СПб., 1858, стр. 49—64. При всех ее, несколько дилетантских, свойствах и слабости положительной части, эта статья весьма остроумна в основной мысли. Автор полагает, что Еропкин, участник заговора Волынского, обладая недурным знанием подходящих источников, с о ч и н и л рассказ о Святохне в качестве своеобразного средства политической агитации примером из далекого прошлого: он перенес в обстановку XII—XIII в. политические затруднения своего времени и тут же указал рецепт их разрешения. Напомним, что главный сюжет сказки о Святохне — это борьба полочан против покровительствуемых княгиней-мачехой иноземцев «поморян» в пользу князей-наследников, Вячка и Василька, а это — в точности та же ситуация, в какой к концу 30 гг. XVIII в. находились двор Анны Иоанновны, немецкая партия и партия Волынского с расчетами на Елизавету Петровну. Дворцовый переворот и избиение иностранцев, примененные, по Еропкину, в Полоцке, и были тем рецептом политического действия, ради которого сочинен весь рас-

---

[1] Очевидно, потому, что в акте от 19 апреля 1239 г. (Бунге, о. с., I, n° 163), касающемся Герцикэ, говорится уже не о Всеволоде, а о наследниках лена.

сказ, немало, должно быть, содействовавший запрещению книги Татищева в царствование Анны Иоановны.

Как ни относиться к деталям работы Н. П. Лыжина, после нее трудно уже безоговорочно опираться на рассказ о Святохне, а, может быть, лучше и вовсе на него не опираться.

Своеобразно использует версию Татищева М. Таубе (о. с. стр. 402—404), вновь обращаясь к полоцкой генеалогии. Мы вернемся к его конъектуре, говоря о Вячке, князе Кукенойса.

В генеалогическом определении Всеволода М. Таубе повторяет гипотезу Н. П. Лыжина, считавшего Wissewalde Хроники Всеволодом Мстиславичем, сыном Мстислава-Бориса Романовича смоленского,[1] но при этом наново пересматривает весь известный материал и дает собственное обоснование гипотезе. М. Таубе отмечает, что после 1215 г. Всеволод, князь Герцикэ, на целые 10 лет, до августа 1225 г. (XXIX.4), а по данным актов[2] — до апреля или, может быть, до конца 1224 исчезает из поля зрения Хроники, а в это же время появляется во Пскове князь Всеволод Мстиславич, участвующий в двух походах на Ливонию[3] и в походе против в. князя Юрия Владимировича (в Липицкой битве 1216 г.). По изгнании его в 1221 г. новгородцами, он в 1224 г. появляется на съезде князей в Киеве, а затем исчезает из русских летописей[4] как раз к тому времени, к которому в Хронике Генриха относится второй период деятельности князя Герцикэ в Ливонии.

---

[1] Н. П. Лыжину возражал Боннель (Chronogr., Comment. стр. 53); см. также Данилевич, о. с., стр. 125, прим. 143.

[2] Livländische Güterurkunden. ., I. Riga, 1908, n⁰ 4.

[3] Первый из этих походов у Генриха относится к 1212 г., а в наших летописях (Новгор. 1 и 4) — к 6722, т. е. к 1214. М. Таубе считает более правильной вторую дату, в частности и потому, что в ней указывается день выступления (1 февраля). Противоположного и, нам кажется, более обоснованного мнения держались акад. Куник и Боннель (см. ниже наше прим. 177). Приняв за дату первого похода 1212 год, мы вынуждены сразу отвергнуть гипотезу М. Таубе, так как в 1212 г. князь Герцикэ находится еще в своих владениях, и искать его во Пскове незачем. Известие о втором походе (1216 г.), отсутствующее в Хронике, заимствовано М. Таубе из Никоновской летописи (II. 334), где под 6724/1216 г. сказано: «Того же лета месяца августа князь Всеволод Мстиславичь Романовича ходи с новгородцы на Ригу»; но это известие признается ошибочным: в нем, по мнению акад. Куника, разумеется поход в Ливонию Святослава Мстиславича в 1218 г. Ср. Уч. Зап. Акад. Наук, т. II, СПб., 1854, стр. 753 и прим. 15.

[4] М. Таубе (о. с., стр. 443, прим. 32) почему-то утверждает, что «in den chronikalischen Berichten über die epochemachende Schlacht an der Kalka wird er dagegen nicht erwähnt. Er befand sich damalswohl im Norden. Это неверно, так как в Ипатьевской и Густинской лет. (ПСРЛ[1], II, 163 и 335) Всеволод Мстиславич упомянут в перечислении князей, бывших при Калке.

Исследователь допускает, что князь Всеволод Мстиславич мог быть родственником Бориса полоцкого (которого он, следуя Стрыйковскому, считает литовцем, сыном Гинвила),[1] и формулирует свое определение так: «Происходивший от Рюрика в 11 поколении, женатый на дочери литовского вождя, Всеволод Мстиславич, из рода князей смоленских, был около 1200 г. призван стать удельным князем великого княжества полоцкого (бывшего в то время под сильным влиянием Смоленска), может быть, как родственник в. князя полоцкого и, вероятно, как двойная гарантия против Смоленска и литовцев».

Биографию князя Герцикэ, известную по Хронике до 1225 г., М. Таубе (впрочем, не он первый) дополняет по актовым материалам двумя более поздними датами: 1) в 1230 г. (Livländische Güterurkunden [aus den Jahren 1027 bis 1500]. Hermann v. Bruiningk u. Nicolaus Busch. Riga, 1908, n⁰ 13)[2] Всеволод, король Герцикэ, отдал аббату и капитулу Динамюндэ остров Вольфсгольм и местность «по сю сторону Двины, что находится между двумя ручьями, то есть Ликсной и Речицей, и озеро Каффер»,[3], т. е., повидимому, крайний юго-восточный кусок остававшейся в его владении земли; 2) в 1239 г. он уже умер, так как в акте епископа рижского Николая от 19 апреля этого года (Бунге, о. с., I, n⁰ 165) говорится уже не о короле Герцикэ, а о его «наследниках».[4]

Известие Никоновской летописи (II, 354) о гибели в битве при Калке Мстислава Романовича «з детьми», включая и Всеволода Мстиславича, служащее одним из важных аргументов в хронологической концепции акад. Куника и Боннеля (см. ниже наши прим. 327, 332, 338), но совершенно противоречащее отождествлению Wissewalde Хроники (умершего в 1239 г.) со Всеволодом Мстиславичем, М. Таубе считает поздней и ложной вставкой в виду того, что о троих или четверых сыновьях Мстислава Романовича известны факты, по времени значительно более поздние, чем битва при Калке, а о Всеволоде, в частности, последнее известие летописи относится как раз к 1239 г.[5]

---

[1] Основание к тому, давно отвергнутое наукой, мнимая надпись Бориса, сына Гинвилова на одном из «борисовых камней».

[2] Впервые указано Г. Гильдебрандтом в Zehn Urkunden zur älteren deutschen Geschichte aus Petersburg und Stockholm в Mitteilungen. , XII, вып. 2. Riga, 1876, стр. 367—380.

[3] Перевод наш.

[4] Герцикэ к этому времени уже не castrum, a locus castri, т. е. только «место замка», разрушенного, очевидно, между 1224 и 1239 г.

[5] В Лаврентьевской лет. (ПСРЛ[1], I, 200) под 6747/1239 г. сказано, что Ярослав Всеволодович, «Смольняны урядив, князя Всеволода посади на столе», а в Воскресенской (ibid., VII, 144) под тем же годом точнее: «и посади у них князя Всеволода Мстиславича (в рукоп. Карамзина добавлено еще: «на столе, внука Романова Ростиславича»).

Всей этой композиции нельзя отказать в остроумии, но едва ли и она решает загадку, так как, помимо некоторых неточностей в деталях и помимо неразъясненных противоречий ее разным, весьма определенным указаниям Хроники, она не дает ответа прежде всего на два вопроса. Во первых, почему автор Хроники, отлично знающий князя Герцикэ, нигде не узнает его в лице предводителя хотя бы одного из новгородских походов на Ливонию и почему он, наоборот, перечисляя (XXV.2) кары, посланные богородицей на «врагов Ливонии», так резко отличает Всеволода, короля Герцикэ, от двух не названных по имени «королей» новгородских, из которых, по крайней мере, один и должен был быть Всеволодом Мстиславичем. Генрих мог в точности не знать всех менявшихся князей новгородских, но, если бы во главе русского войска оказался хорошо известный в Ливонии Всеволод из Герцикэ, автор Хроники, наверное, и знал бы и упомянул бы об этом. Во вторых, с какой стати князь Герцикэ, после 1224 г., по словам М. Таубе, уладивший свои отношения с Ригой и восстановивший свои владельческие права над своей частью княжества, в 1239 г. оказывается как будто безместным и получает от Ярослава Всеволодовича смоленское княжение. Вообще говоря, сложность сравнительно-хронологических операций по нашей летописи, особенно в приложении к западно-европейским известиям, и давно установленная (но далеко не до конца исследованная) сбивчивость летописной хронологии — с одной стороны, а с другой — недостаточность известных нам фактов для сопоставления биографий князя Герцикэ и Всеволода Мстиславича — едва ли допускают ту простоту обращения с летописными данными, какою отличается построение М. Таубе. Гипотеза его, бесспорно, пока единственная хорошо разработанная,[1] этим выгодно отличается от предшествовавших неопределенных высказываний, но и она, повторяем, не разрешает всех недоумений [2]: вопрос о том, кто был Wissewalde, князь Герцикэ, остается открытым.

Исследование М. Таубе, вообще обладающее генеалогическим уклоном, интересно между прочим в том отношении, что автор пытается тут научно обосновать своеобразную и далеко не случайно возникшую генеалогическую тенденцию старейших немецких фамилий в Прибалтике — считать себя потомками древних владетелей страны, русских князей или ливских вождей.

Потомками Всеволода из Герцикэ считает себя род фон Икскюль. Поддерживая эту их семейную легенду путем сопоставления документальных данных, М. Таубе рисует такую (весьма гипотетическую)

---

[1] Из более ранних богата фактическим материалом работа Ф. Кейсслера (Окончание. , стр. 31—38).

[2] В частности, наиболее для нас трудно было бы отвергнуть упоминавшееся известие Никоновской летописи о смерти Всеволода

картину: 1) установленная документально передача в 1224 г. Всеволодом половины его владений в Герцикэ в лен рыцарю Конраду фон Мейендорф связана была с женитьбой этого рыцаря на дочери Всеволода; 2) овдовев, эта последняя вышла замуж за рыцаря Иоганна фон Бардевис, родоначальника фон Икскюлей, который, после бездетной смерти своего пасынка (младшего Конрада ф. Мейендорф), в 1257 г. получил в лен его владения. (LGU, I, n^0 24). Род Бардевис-Икскюль уже в первом поколении оказывается владетелем значительной части области Герцикэ-Дубена, и «наследники», упоминаемые в акте 1239 г. (см. выше), это — малолетние в то время внуки Всеволода, дети дочери его, жены ф. Мейендорфа.

Аналогичные «дедукции» находим и в генеалогиях фон Тизенгаузенов (от Вячка), ф. Унгернов (от Каупо и псковской княжны), ф. Буксгевденов (от Владимира псковского). Значение этого факта не так легко определить. С одной стороны, завоеватели Ливонии, нижне-саксонские выходцы, так сурово характеризуемые Альбериком (см. наше прим. 166), в сущности не что иное, как авантюристы без будущего у себя на родине, действительно могли, как и думает М. Таубе (о. с., стр. 468 и сл.), пытаться путем таких браков перейти в ряды des hohen Adels, придать своим владениям привилегированное положение не жалованных ленов, а, т. н. feuda oblata, и закрепиться в стране не только силою оружия, но и наследственно. С другой стороны, очень поздние даты сохранившихся генеалогических документов (XVI—XVII в.в.) и отсутствие прямых более ранних подтверждений им в источниках — позволяют предположить иное: с тою же целью нобилитации и самозащиты ко времени русских походов XVI в. (и далее XVII—XVIII вв.) в Ливонию, эти «генеалогии» могли быть сочинены, чтобы владельческим правам соответствующих фамилий придать характер исконный, туземный и наследственно-княжеский.

*

В е х т а — в герцогстве Ольденбург. Г а р п е н с т е д э — Гарпштедт, между Вехтой и Бременом. Ср. В. Арндт, о. с. стр. 248, прим. 71 и 72.

38

Asscrade, Ascrade, Ascrad, Ascrath, в документах также Ascharad, Aschrad, в нижне-немецком произношении А с к р а т; по русски — «Скровный», «Скровен» (в договорах Ивана Грозного с Данией и Польшей 1578 и 1582 гг. См. Карамзин, ИГР, изд. 5, т. IX, гл. V,

---

Мстиславича в 1224 г., так как Хроника, надо думать, именно о его гибели в бою с татарами говорит дважды.

прим. 499 и 600)—замок на правом берегу Двины в 4 км выше Фридрихштадта, недалеко от нынешнего пастората Ашераден. Одно из древних скандинавских поселений на Двине, судя по количеству археологических находок. Ср. T. J. Arne. La Suède et l'Orient. Upsala, 1914, стр, 20; H. Moora. Die Vorzeit Estlands. Reval, 1932; M. Таубе, о. с., стр. 385. Происхождение наименования спорно: может быть, из латвийского Askraukle («пристань судов» — см. Савельев. Мухамеданская нумизматика. СПб., 1846, и А. Сапунов. Река Зап. Двина, стр. 481—482 с прим. 258) или, как partonymicum латвийск. Āsk'eerētis, Āzk'eraitis, лит. Āzk'erātis — из имени ручья Āsk'ere, впадающего в Двину у замка. Ср. Биленштейн, о. с. стр. 44—45 и 365.

М. Таубе (l. с.) считает Ascrat-Ascrad варяго-русским Аз-град, сближая первую часть имени с Азами скандинавского Олимпа, с варяжскими именами, в роде Аскольд, Асмуд, и даже — с именем гавани и бурга А з о в на Азовском море, на противоположном конце великого скандинавского «пути на восток». Не смотря на интересный подбор обоснований из новейшей литературы о происхождении Руси, эта гипотеза, нам кажется, лишена правдоподобия.

39

Библия, Иова, 23, 10.

40

В ПС ошибочно: «500 человек». — «Посетил. свыше» — Библия, Луки ев., 1, 78; в ПС: «какой исход указало им провидение».— «Голодные подкрепились и насытились» — Библия, Матф. ев., 14, 20 и Марка ев., 8, 8.

41

Библия, 3 кн. Царств, 20, 10. — В издании Грубера и переиздании Ганзена упомянутый Мартин имеет и прозвище Friese. Это имя, как и многие другие, отсутствующие в лучших рукописях Хроники, представляет интерполяцию XVI в. Ср. L. Arbusow, о. с. Acta Univ. Latviensis, XV, стр. 243—244.

42

В ПС неверно: «поелику з а л о ж н и к и оказались достаточно надежными». У Пабста (о. с., стр. 47) ясно — о семигаллах. У Ганзена (о. с., стр. 89) пояснение в скобках: «und das sie (die L i t a u e r) (?) sich also treu genug erwiesen».

43

Р о д е н п о й с — деревня, лежавшая, вероятно, на том же месте, где теперь имение и замок Роденпойс. В качестве доказатель-

ства этого предположения Билленштейн (о. с. стр. 45) приводит справку из нашей Хроники (IX.3): когда литовцы идут от замка Каупо (Кремона) к Икскюлю через Роденпойс «прямым путем» (per compendium), то на этом прямом пути оказывается и нынешний замок Роденпойс. По другой версии (Пабст, о. с., стр. 48, и L. Meyer), старый Роденпойс лежал восточнее нынешнего, при оезере Егельзее.

*

В ПС пропущено «потихоньку», (paulatim); вместо — «вслед за первыми пришли новые»: «пошли на разведку другие соглядатаи, которые. .»

*

Malewa значит войско (см. ниже: XIX.9, XX.2, XXIII.7). В смысле «поход» употреблялось до XVI века. Слово, вероятно, древне-эстонское. Ср. Пабст, о. с., стр. 48, а также Ганзен, о. с., стр. 198—199.

44

Библия, 3 кн. Царств, 22, 17.

45

Vehiculum у Генриха везде на зимнем пути: вероятнее — не повозка, а сани.

*

Hunc (Suellegaten). palpitare videntes в ПС: «увидев его барахтающимся».

46

Это место свидетельствует, между прочим, о наличии у Генриха устных источников.

*

О самоубийстве путем повешения у литовцев ср. ниже XXV.4.

*

Пабст (о. с., стр. 50) высказывает предположение, что упоминаемый священник Иоанн и есть Иоанн из Вехты о пленении которого говорится выше в VII.8.

47

Ганзен (о. с., стр. 90—91) цитирует бреве Иннокентия III от 10 октября к архиепископу бременскому и его суффраганам о том,

чтобы «священников и клириков, которые приняли знак креста и дали обет отправиться в Иерусалим для возвещения веры христовой, а также мирян, которые по бедности или слабосилию не могут ехать в Иерусалим, они, изменив их обет, позаботились послать против варваров в Ливонию» (перевод наш). Тут, однако, нет речи о монахах.

*

В ПС, вместо «кого захочет» — ошибочно «кто захочет». Впрочем, в перепечатке этого перевода в «Рижском Вестнике» 1873 г. (n^0 150, стр. 2) правильно: «кого».

*

«Кто повелевает ветрам и морю» — ср. Библия, Матф. ев., 8, 26; Луки ев. 8, 25.

*

Stumpenhusen некогда замок в области Гойя. Ср. Ганзен, о. с., стр. 91 (прим. Грубера) и Пабст, о. с., стр. 50. Isenburg — замок у р. Руры, основанный Адольфом, графом де Монте (ф. Берг), кельнским архиепископом. Коно или Конрад — сын брата его Арнольда, имевшего титул графа Изенбургского. См. Ганзен (ibid. прим. Грубера).

*

«Стрела, о которой знают. ранит» — почти не измененная цитата из Gregorii Homiliae in Evang., II, 35: «Minus enim iacula feriunt, que previdentur». Ср. R. Holtzmann, Neues Archiv, XLIV. Berl., 1922, стр. 368; L. Arbusow, о. с., Acta Univers. Latvien., XV, стр. 337.

48

Kukonoyse (ниже б. ч. Kukenoys, также: Kukennoys, Kukenoyse, Kukenois) — нынешний Кокенгузен, русский замок на правом берегу Двины у впадения в нее р. Персе, в 134 км от Двинска и в 338 км от Полоцка, и княжество того же имени, удел Полоцка.

Название города русское — Куконос — по имени речки Кокны (прежнее имя р. Персе) и значит «мыс Кокны».[1]

---

[1] Другое толкование см. у Н. П. Барсова (Очерки русской исторической географии, изд. 2. Варшава, 1885, стр. 312 и прим. 304): «доныне местные латыши называют (Кокенгузен — *С. А.*) Кокнесе, Kohknese, что, по объяснению И. Я. Спрогиса, собственно значит: «место сноски, свозки дерева, дров» (см. Памятники латышского творчества, I)». Это толкование не находится в неизбежном противоречии с выше приведенным, так как здесь мы, возможно

Величину и местоположение княжества Кукенойс Г Лаакманн (о. с., стр. 57—102; специально стр. 95 и сл.[1]) определяет так. Восточной границей его был ручей Арона (Aronebach); западная соответствует языковой границе между ливами и лэттами, т. е. приблизительно, западной границе приходов Зиссегаль и Ашераден; южную составляла Двина. Что касается северной границы, то ее определить труднее: несомненно принадлежала княжеству позднейшая архиепископская кастеллатура Кокенгузен, соответствующая нынешним приходам Кокенгузен и Линден; затем, главная часть имений Тизенгаузенов, лежавших между Огером, Ароной и Эвстом (восточнее только что названных приходов) и, наконец, вероятно, территория прихода Зиссегаль.

О судьбе разных частей этой территории и княжества в XIII в. см. ниже наше примечание 97. Кокенгаузен имеет богатую событиями историю и в XIV—XVIII вв. В 1269 г. он был отдан епископом рижским Николаем в лен Тизенгаузену и до 1395 г. оставался владением этого рода. Потом, во время борьбы епископов с орденом, не раз переходил из рук в руки, а впоследствии стал резиденцией епископов. В начале 1479 г. магистр ордена фон Борх взял Кукенойс и сжег архив архиепископии. В 1481 г. город взяли рижские войска, но замка взять не могли. В 1509 г. архиепископ Каспар Линдэ надстроил стены замка и усилил его артиллерию. Летом 1546 г. последний рижский архиепископ Вильгельм Бранденбургский был осажден тут и взят в плен рыцарями. 25 августа 1577 г. Кукенойс был взят Иваном Грозным, а в следующем году занят поляками. В 1601 г. под Кукенойсом поляки нанесли поражение шведам, а в 1608 г. шведы овладели городом и перебили поляков. В августе 1655 г. царь Алексей Михайлович взял Кукенойс и переименовал его в «Царевичев Дмитриев» город. По Кардисскому договору Кукенойс отошел к Швеции. В 1700 г. он был взят саксонским отрядом польских войск под предводительством короля Августа. В это время саксонцами были выстроены те укрепления, следы которых видны и теперь. В 1701 г. город и крепость были взорваны русскими войсками.

Истории территории и княжества Кукенойс-Кокенгузен касаются те же работы, что говорят о Герцикэ. Наиболее детальные дан-

---

имеем случай смысловой адаптации имени, заимствуемого из чужого языка. Почти то же, но в обратном смысле, предполагает М. Таубе (о. с., стр. 391, прим. 2), считая Kukenois славизированным Koggen - naes. Совершенно бесполезной представляется конъектура Ив. Желтова (Рижский Вестник, 1896, n° 63; ср. Археологические известия и заметки, т. IV, М., 1896, стр. 155—156), что имя Кукенойс, Кукенгаузен есть искаженное русское Кукин Нос, «от существительного к у к а, которое первоначально, вероятно, обозначало кукушку».

[1] См. также М. Таубе, о. с., стр. 418.

ные см. Биленштейн, о. с., стр. 97 и др.; А. Сапунов. Река Зап. Двина, стр. 478—481 с прим. 257; Н. Харузин. О некоторых сведениях по истории Коккенхузена на основании документов, хранящихся в Моск. Архиве М-ва Юст.—в Археологических известиях и заметках, т. IV. М., 1896, стр. 131—134; Ф. Кейсслер — кроме выше упоминавшихся: Ueber früher gebräuchliche russische Benennungen baltischer Oertlichkeiten в Sitzungsberichte d. Gesellschaft für Gesch. u. Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands за 1887. Riga, 1888, стр. 24—28 и 36—37; Г. Лаакманн, о. с., стр. 95—96; М. Таубе, о. с., стр. 418—433 и passim; L. Arbusow. Frühgeschichte Lettlands.

*

Vetseke (Vesceka — ниже XI.2) — Вячко (Вячеслав), князь Кукенойса, несомненно, то же лицо, что упоминается в наших летописях (ПСРЛ[1], III, 39). В дополнение к сказанному о нем выше в прим. 37 много интересных (при всей их условности) соображений дает неоднократно уже упоминавшаяся нами работа М. Таубе.

Относя Вячко, уже по имени, к полоцкому дому, М. Таубе старается найти более осязательные основания для этого и вновь возвращается, едва ли, впрочем, удачно, к рассказу о Святохне. В этом рассказе, по его мнению, только стилизованном Татищевым, исследователь ищет первоначальную достоверную основу, сопоставляет данные мнимой полоцкой летописи (Еропкина) с литовскими хрониками и приходит к следующему предположению.

Преемником князя Владимира, умершего в 1216 г., был на полоцком престоле с 1217 г. Борис, сын литовского вождя Гинвила.[1] Вячко и Василько, называемые у Татищева, в рассказе о Святохне, сыновьями Бориса (Давидовича!), по предположению М. Таубе, были затьями или шуринами его, а ошибка у Татищева возникла при пересказе летописного текста оттого, что там, вместо «сыновья» будто бы стояло «чада» или «чадь», равносильное латинскому familia и обозначающее, по мнению М. Таубе, только принадлежность к одной и той же хозяйственно-семейной группе.[2] Ведя дальше свою гипотезу, М. Таубе полагает, что Вячко, покинув Кукенойс, бежал или к литовцам или в Полоцк, а в 1217 г. он и Василько были посланы Борисом в Двинскую область, т. е. в восточную Лэтгалию, «так как в это время и не было другой Двинской области», принадлежавшей русским

---

[1] Стрыйковский (Kronika, 1582, стр. 233 и сл.) утверждает, что он в 1576 г. видел камень на Двине с надписью «вспомози господи раба своего Бориса, сына Гинвиловего». На этом основании и построена его версия о княжении в Полоцке этого Бориса Гинвиловича, повторяемая М. Таубе. Позднейшие эпиграфические разыскания не подтвердили известия Стрыйковского.

[2] Более чем сомнительно, чтобы и удельные князья могли определяться таким термином.

(М. Таубе, о. с. стр. 421), причем Вячко получил северную часть области, в окрестностях Варка-Любанское озеро,[1] а Василько — южную часть до Двины. Тут будто бы Вячко и ждал (до 1223 г.) случая отомстить немцам. После смерти его в 1224 г. при осаде Дорпата, Кукенойс остается до половины XVI в. во власти немцев.

Многовековая традиция Тизенгаузенов (впрочем, письменно закрепленная только в XVI в.) считает Вячко родоначальником этой семьи. Некоторые исследователи (v. Brevern, Hasselblatt) отвергали эту версию, но М. Таубе, детально анализируя все подходящие документы, пытается подтвердить ее. Итоговая формула его гипотезы такова (о. с., стр. 428): дочь — наследница убитого в 1224 г. князя Вячка, София, к моменту общего упорядочения спорных вопросов о владениях в Ливонии, т. е. около 1225—1226 г. была еще очень молода. Она была тогда же обручена с Дитрихом фон Кокенгузен, сыном Дитриха старшего, не раз упоминаемого в Хронике; в 1229 г. она была повенчана с Дитрихом, причем им отданы были в лен земли в Кокенгузене. Овдовев между 1245 и 1254 г.г., она в 1254 г. вышла замуж за Бернарда де Гейе-Кокенгузен, а после его смерти по каким-то причинам разрешила в 1269 г. отдать прежнее свое феодальное владение в лен рыцарю Гансу ф. Тизенгаузену. Чтобы объяснить и это, а вместе с тем оправдать фамильное предание о Софии, родоначальнице Тизенгаузенов, М. Таубе допускает, что упомянутая передача связана была с новым браком, но не старшей dominae Sophiae, а предполагаемой другой Софии, дочери первой и внучки Вячка, вышедшей замуж за Ганса фон Тизенгаузена.

Как и гипотеза о Герцикэ (и, пожалуй, еще в большей степени, чем она) все это построение М. Таубе в своем роде очень интересно, но в то же время весьма спорно и в определении родственного отношени Вячка к Полоцку, и в попытке вывести от князя Кукенойса генеалогию Тизенгаузенов. М. Таубе не дает нам твердых оснований для окончательного вывода. Фигура Вячка продолжает оставаться загадкой в генеалогическом отношении.

49

Мемекуллэ — где-то между Ашераденом и Икскюлем. Биленштейн (о. с., стр. 43) сопоставляет это имя с Wez-Mēmen' (-ēn'— patronymicum), ныне Pāwul, лежащим между икскюльской мэрией и Двиной, и Jaun-Mēmen', недалеко оттуда на Двине. Значит это имя «деревня Мемэ» (о Мемэ из Саккалы см. Хроника, XV.1).

---

[1] Такое предположение основано на том факте, что преемник Вячка во владении Кокенгузеном, рыцарь Дитрих фон Кокенгузен, отмечается уже в 1226 г., как владетель вместе с тем и Warkland, полученной им, как думает М. Таубе, вместе с другими наследством Вячка, по преданию — его тестя.

50

В ПС неверно: «Но когда Гедеон в доспехах начал бороться».

51

Библия, Псал., 9, 28; к Римл., 3, 14.

52

Horatii Epist., I, 18, 71 (перевод наш).

53

Vergilii Eclog., 3, 93.

54

Иронически. «Коварная мысль» посольства была понята епископом. Ср. ниже его ответ в § 4. Он не желал ни подвергаться личной опасности, ни предоставлять Владимиру роль верховного арбитра. Ср. Пабст, о. с., стр. 59; Ф. Кейсслер, Окончание. стр. 13.

55

В тексте у В. Арндта (о. с., стр. 253) tercio Kalendas Iulii, но в примечании 81 — поправка, согласно Пабсту (о. с., стр. 59): tercio Kalendas Iunii. Пабст основывается на том, что собрание (§§ 4 и 5) произошло д о 4 и ю н я (ср. § 8). Эта поправка, впрочем, есть уже у Ганзена (о. с., стр. 97).

W o g e n e—позднее Вога—река, ныне именуемая О г е р, впадает в Двину восточнее Икскюля. Ср. Пабст, о. с., стр. 59. Ее старое имя удержалось доныне в названии имения Alten-Woga в приходе Зиссегаль. См. Биленштейн, о. с. стр. 45.

*

L e t h i g a l l i, также Letthigalli, Letigalli и др. от Lethi и древне-латвийского gals—«земля, страна» (напр., Семигаллия—«нижняя земля»). Лэтты или лэтигаллы, в наших летописях «лѣтьгола», были восточными соседями ливов; той же ветви семигаллы («зимигола» или «зимѣгола» в летописях) и селы. Ср. Пабст., ibid. Все важнейшее у Биленштейна, о. с., стр. 34, 72, 82, 83, 92, 95, 468 (примеч. 48 со статьей акад. Куника); о границах их территории, ibid., стр. 74 и сл. также стр. 88 (цитир. мнение Дёринга из Sitzungsber. d. Gesellsch. für Litt. aus dem J. 1880, стр. 63). См. прилагаемую карту.[1]

*

Вместо «рассыпавшись во все стороны», в ПС неверно: «Послы разослали гонцов», но в том же переводе в «Рижском Вестнике» (1873 г. nº 151, стр. 1) правильно: «Послы разошлись всюду».

---

[1] Карту заимствуем из книги Ф. Кейсслера «Окончание первонач. владычества. . .»

56

. Ab amore. nulla eos posse genera tormentorum separare — ср. Библия, к Римл., 8, 35 и 39. О ненависти, пересилившей любовь, см. там же, 2 кн. Царств, 13, 15.

57

Арнольд Любекский (о. с., кн. VII, гл. IX, 6) ошибочно называет местом погребения Бертольда Ригу.

58

Вейнала — двинская область. Двина у ливов Vena и Ven, у дорпатских эстов — Wäinä. Судя по A. Sjögren. Livisch-Deutsch und D.-L. Wörterb. bearb. v. F. I. Wiedemann. St. Petersb. 1861, стр. 132, древне-лив. veina, позднейшее vena, по первоначальному смыслу значит «широкое речное устье, пролив». Ср. Пабст, о. с., стр. 62 (без указания источника). Биленштейн (о. с. стр. 36, 365—366, 463, 489, 492 и др.), опираясь на мнение акад. Куника (ibid., 489, 490, 492), полагает, что старое имя реки Дина, не ливское и не латвийское, а русское (из готского), с приходом ливов изменилось, согласно свойствам их языка в Vena. Гипотетические суждения акад. Куника о значении др. славянского слова Двина (сближение со словом «два») см. у Биленштейна, о. с., стр. 495. У Сапунова об имени реки (в норманнских сагах и т. д.) см. о. с., стр. 25—29.

59

Собственно: «чьи ноги быстры на пролитие крови» — Библия, к Римл. 3, 15; Исаии, 59, 7.

60

В ПС неверно: «изъятый от язычества с детства».

61

В ПС пропущено: «не защищенные броней» и, вместо «могильного червя», переведено «ада».

62

Patherellus — термин, встречающийся только у Генриха и отсутствующий у Дюканжа. Под этим именем разумеется малая осадная машина, которой метали в осажденный город камни, горшки с огнем и т. п. У других такая машина именуется petraria. Ср. Ганзен, о. с., стр. 100; Пабст, о. с., стр. 65.

*

В ПС, вместо «пригородными» — «переводными», а в тексте «Рижского Вестника» (nº 154, стр. 2) — «передовыми». В следующей затем фразе опущено: «при больших . . . убитыми».

63

В переводе ПС курьезная ошибка: «со своими воеводами Гевегардом и Армбрустером» (!) Ср. Пабст, о. с., стр. 66: «mit seinen Drosten Gevehard und Armbrustern» (балистариями). Слово dapifer (стольник) латинского текста мы переводим «воевода», следуя толкованию Грубера (Ганзен, о. с. стр. 104).

64

Койва — древне-лив. наименование лифляндской или трейденской Аа, иногда в форме Goiwa. По эстонски и в современном языке Koiwa (по латвийски Gauja) от лив. köw, эст. köiw—береза. Ср. Пабст, о с., стр. 67.

65

Дабрел — старейшина ливов. Его замок Саттезелэ был на южном берегу реки поблизости от Зегевольдэ. См. ниже примеч. 186.

*

«Замок Каупо» (малый, в противоположность другому, magnum castrum Cauponis) ошибочно предполагали на месте нынешнего кремонского пастората (гр. Меллин, Крузе и Биленштейн в Magazin der lett. Litter. Gesellsch., XV, 2, 1873 г., стр. 28 и сл.) или на месте имения Трейден (Пабст) или на Swēdrukalns (?), на нижнем конце фруктового сада имения Трейден (C. Sievers. Beiträge zur Geographie Heinrichs v. Lettl. в Lett. Litter. Magaz., XV, 4, 1877 г., стр. 29 и сл.). На самом деле, согласно исследованиям, произведенным проф. Кизерицким в 1888 г., этот замок находился на т. н. горе Суворова, вблизи развалин кремонского бурга, на правом берегу ручья, составляющего границу Кремоны-Трейдена. Это местоположение наиболее подходит и к изображаемой Генрихом ситуации (X.10: с другого берега Койвы виден пожар в замке). Ср. Биленштейн, о. с., стр. 49.

*

В ПС пропущено: «перелезло. замка».

66

Библия, 1 кн. Царств, 4, 9.

67

В ПС переводчиком добавлено: «а прочих принудил к отступлению».

68

Библия, Псал. 120, 6. — Германия у Генриха всегда называется Theuthonia и только в данном месте именуется Alimania. Термин

alemân, alman — в значении нашего н е м е ц, ко времени Генриха пришел из соседних с Италией стран в Германию: встречается у Вальтера фон дер Фогельвейдэ, Вольфрама ф. Эшенбах и в разных стихотворных произведениях эпохи. Ср. W. Müller. Mittelhochdeutsches Wörterbuch, Bd I. 1854, стр. 23; M. Lexer. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch, Bd I. 1872, 39. Ср. R. Holtzmann, o. c., стр. 173.

69

Собственно: «и если бы не сократились дни войны» — см. Библия, Матф. ев., 24, 22.

70

«Были страхи внутри. и страхи извне» — ср. Библия, 2 Коринф., 7, 5.

71

Такой прием обороны, преимущественно против конницы, упоминается уже у Цезаря. См. Comment. de bello Gallico, кн. VII, в рассказе об осаде Алезии. Под трехзубым крюком (см. ниже XV.5) разумеется железная колючка, выкованная таким образом, что три шипа ее торчат в разные стороны, и как ее ни брось, по крайней мере один из них торчит кверху.

*

Корабли, упоминаемые далее, если только это не были торговые суда, могли принадлежать Вальдемару II датскому, шедшему против эзельцев. Ср. Ф. Кейсслер, Окончание. стр. 16.

*

Дальнейшее: «и спас господь» См. Библия, Псал. 21, 5.

72

Об архиепископе лундском Андрее см. выше прим. 35. Николай, епископ шлезвигский, преемник епископа Вальдемара, принца королевского рода, заключенного в тюрьму за попытки захвата королевской власти, канцлер короля Вальдемара II.

Роль архиепископа лундского в Риге не ограничивалась богословскими поучениями, при всей несомненности его большой учености. Генрих тут, видимо, вуалирует одно из оснований датских претензий на господство, а именно то обстоятельство, что Андрей пользовался правами папского легата в Риге. Ср. примеч. Грубера и Ганзена (Ганзен, о. с., стр. 107).

73

Буквально: «того, что служит к миру» — часто повторяющееся в Хронике выражение. Ср. Библия, Римл., 14, 19.

74

Что это за мера, неясно. Не говорят об этом и акты. Ср. Пабст, о. с., стр. 74.

Это — первое в Хронике упоминание о спорных податных отношениях новых феодальных владельцев с местным населением. О ссоре, за которой следует в этом случае примирение, не говорилось. Генрих и вообще избегает упоминаний о подобных вещах, если одновременно не может сообщить и о каком-то, с его точки зрения, справедливом исходе спора.

75

По Пабсту (о. с. стр. 74—75) это — нынешняя церковь кремонская, недалеко от имения Кипсаль. Тот же автор задается вопросом, не была ли Куббезелэ местом жительства Каупо: Куббе в таком случае могло бы быть видоизмененным Каупо, Копэ, а -зелэ или -зилэ — окончание многих наименований мест у ливов. Ср. соображения Грубера и Иог. Готфр. Арндта о том же (Ганзен, о. с. стр. 210—211). Второй связывал sele с русским «село».

Биленштейн (о. с., стр. 48—50) в более решительной форме отождествляет Куббезелэ с замком Каупо, считая castrum Cauponis просто **п е р е в о д о м** слова Cubbesele на латинский язык. По мнению того же Биленштейна, именем Куббезелэ могла обозначаться не только территория замка, но и окрестная замковая область.

*

М е т с е п о л э — область ливов у моря; с юга от нее Торейда, с востока — Идумея и лэтигаллы у Буртнекского озера, с севера — зонтаганские эсты. Имя области состоит из двух слов: лив. mötsa — «лес» и púol — (существит.) — «сторона», (наречие) — «в сторону, по направлению к»: таким образом, Метсеполэ значит «лесная сторона». Немцы узнали это имя от жителей Торейды, где леса в нач XIII в. были уже сравнительно расчищены. Лесистость Метсеполэ, следы которой остались еще и доныне, была причиной относительно малой населенности этой области и небольшого политического значения ее во время, описываемое Хроникой. Ср. Биленштейн, о. с., стр. 57—58.

76

С и д е г у н д э — несколько южнее нынешнего Зиггунда. Латвийское имя его Riktera-muischa происходит от фамилии владельцев (фон-Рихтер). Биленштейн, о. с., стр. 45.

77

Библия, Эфес., 4,5.

78

Отречение от диавола — одна из формул обряда крещения.

*

« Крестились все, кому это было предназначено богом» — ср. Библия, Деяния ап., 13,48. В ПС неверно: «все, сколько их ни было».

*

Р е м и н, по указанию Пабста (о. с., стр. 76), не есть ни Рёмерсгоф, получивший наименование по владельцу много позднее, ни Ландгольм (лив. Rimman muischa) к востоку от старого Ашерадена, так как Ремин, по Генриху, Рифмованной Хронике (стихи 1485 и сл. 1491 и сл. 1496—1552) и др. следует искать к западу от него, Ср. также Биленштейн, о. с., стр. 44.

79

В и н д а — река Windau, главная река страны куров, по латвийски Wente, у ливов Vänta, в актах Winda, Venda, Vende, Wenda. Отсюда и имя племени.

*

«Жили там» — на месте нынешнего Арраша, где потом было главное местопребывание меченосцев (в нынешнем Вендене — лишь позднее). Ср. Пабст, о. с., стр. 76.

80

И д у м е я — центральная и самая маленькая из областей Ливонии со смешанным населением из ливов и лэттов, первоначально охватывала, приблизительно, территорию нынешнего прихода Рооп. К западу от нее лежала Метсеполэ, к югу и юго-западу — Торейда, к востоку — область лэттов и вендов, выше по течению Аа. Во время немецкого господства под именем Идумеи стали понимать все более значительную территорию (вплоть до пределов всей б. Лифляндской губернии).

Имя области тождественно с лив. Iduma, Viduma, латвийским Widsemme, и состоит из -mā, -mō — «страна, область» (латв. -seme) и ida — по лив. и эст. «северо-восток». Так называли Идумею ливы, жившие в Торейде и в устье Двины; от них имя перешло и к немцам. Генрих, кроме того, несколько стилизует его на библей-

ский лад. См. Биленштейн, о. с., стр. 64, 70—71. О разных гипотезах, касательно происхождения имени области — ibid. стр. 71—74 и 466—470.

*

Далее в Хронике (XIV.10, XV.2 и XXII.4) река Р о п а называется Р а у п а. Это — нынешняя Brasle: течет из Уббенормского прихода к югу и впадает в Аа в нынешнем приходе Рооп между Трейденом и Венденом. Биленштейн (о. с., стр. 66 и 69) производит имя Ropa, Raupa от лэттского, и ныне существующего, Straupe, a Straupe из Strauj'upe, что значит «бурливый поток». Нынешнее, тоже латвийское имя Brasle, по его мнению, происходит от слова braslis — «брод».

81

По немецким хроникам и нашим летописям, затмение было 28 февраля 1207 года. Ср. Пабст, о. с. стр. 78; Грубер у Ганзена о. с., стр. 111; Лавр. и Воскр. летоп. под 6714 годом. Bonnell, Chronogr., стр. 22; там же Commentar., стр. 52.

82

Весьма важное место. С этих пор епископ Альберт оказывается ленником империи, имперским князем. Помимо внешне-политических соображений, этот решительный шаг вызывался, весьма возможно, и некоторыми внутренними осложнениями: требования владельческих прав, вскоре после этого предъявленные меченосцами, наверное, уже назревали в это время. Ср. Ганзен, о. с., стр. 111 и Гильдебранд, о. с., стр. 63.

Вопреки мнению Грубера (Ганзен, о. с., стр. 111), Gebhardi (Geschichte von Litauen. в Welthistorie, Halle, Bd 50, стр. 327) и др., полагавших, что от короля Филиппа Гогенштауфена Альберт обратился к императору Оттону IV, правильнее считать, вместе с Ганзеном и Гильдебрандом, что представителем империи и был в этом случае Филипп: Оттон стал императором лишь с 4 октября 1209 г

Пабст (о. с., стр. 79) указывает, с обычной для него краткостью, без всяких ссылок и обоснований, что ленное подчинение Альберта империи произошло на Hoftag'е в Зинциге (между Бонном и Андернахом) 1-го апреля 1207 года. В. Арндт (о. с., стр. 258, прим. 94) приводит это мнение «новейших авторов» (coniecerunt recentiores), подчеркивая отсутствие у него документального подтверждения (nullius fontis expresso fulti argumento). Впервые высказано оно Э. Винкельманом (König Philipp v. Deutschland u. Bischof Albert v. Livland — в Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv,-Est- u. Kurl., Bd XI, 1868, стр. 311 и сл. и Philipp v. Schwaben

u. Otto IV v. Braunschweig в Jahrb. d. Deutsch. Gesch. Bd I, 1906, стр. 39). Непосредственных документальных оснований оно не имеет, а представляет вывод из двух данных Хроники: а) акт ленного подчинения помещен Генрихом в конце 8-го года епископства, после солнечного затмения, бывшего 28 февраля 1207 г.; б) до прибытия ко двору Филиппа Альберт проехал Саксонию и Вестфалию. Гофтаг в Зинциге и оказывается первым после указанной даты и, по месту, близким к Вестфалии.

Р. Гольцманн (о. с. стр. 205—212), вновь пересматривая весь этот рассказ Генриха, отрицает и дату и место, намеченные Винкельманом: по его мнению, вместо Зинцига, надо разуметь тут гофтаг в Гельнгаузене 2 февраля 1207 г. Так как, однако, вывод Гольцманна непосредственно зависит от его предположения, что днем посвящения Альберта в епископы было 28 марта 1199 г., то прочность этого вывода для нас сомнительна, поскольку и упомянутое предположение мы отнюдь не считаем доказанным (см. Введение, стр. 41).

*

Слова «блаженной памяти» объясняются тем, что во время написания этой главы короля Филиппа в живых уже не было: он был убит 21 июня 1208 года.

Конец отрывка дает образчик редкой у Генриха иронии.

83

Эта евангельская терминология (ср. Библия, Матф. ев., 20, 2, 12 и др.) скрывает у Генриха отнюдь не евангельские отношения. Если уже ленное подчинение Альберта империи (X.17) могло, как мы говорили, быть вызвано возникшими притязаниями меченосцев, то тут перед нами начало открытой борьбы ордена с епископом. То, что Генрих мотивирует «отеческой заботой», диктовалось суровой необходимостью: это лишь первая и далеко не добровольная уступка епископа.

84

При сопоставлении этого рассказа с данными, имеющимися в современных событиям актах (Бунге, о. с.), обнаруживается неточность и неполнота его, объясняемая, конечно, не только давностью фактов и переменой обстановки ко времени писания Хроники, но и определенной тенденцией автора, намеренно кое-что вуалирующего.

Отметим прежде всего хронологическую контаминацию: рассказывая о событиях 1207 года (требования рыцарей и ответ епископа), автор неопределенными словечками — «впоследствии», «в конце концов» — вплетает в рассказ факты 1210 года (решение папы) и позднейшие (компенсация за старые лены), причем перспектива долгой

и упорной борьбы чуть ли не за каждый из этих позднейших фактов почти исчезает из глаз читателя. С другой стороны, простое чтение текста в этом отрывке внушает мысль, что первый раздел состоялся лишь после решения папы (1210 г.), будто бы соответствовавшего мнению епископа. Между тем, уже под 1209 годом в Хронике (XIII.1) читаем, что, заняв Кукенойс, епископ «Рудольфу из Иерихо уступил половину замка, а братьям рыцарям—и х т р е т ь ю ч а с т ь», что, несомненно, означает наличие действующего договора д о п а п с к о г о у т в е р ж д е н и я. Это обстоятельство, мы полагаем, подтверждает предположение Гильдебранда (о. с., стр. 64 и сл.), что первый раздел Ливонии произошел уже в 1207 году. По этому разделу епископу достались земли между реками Аа (Койва) и Салис (см. прилагаемую карту), а рыцарям — область к востоку от Аа. Двинская область в перечне Генриха вовсе не упомянута, что, повидимому, обозначает исключение ее из раздела и оставление, по крайней мере в первое время, в распоряжении епископа. Ср. Гильдебранд, о. с., стр. 65[1].

Что рыцари не были удовлетворены результатами первого раздела, ясно из их дальнейших действий: спор перенесен был на суд папы. Кроме нашего автора, об этом говорит Арнольд Любекский (кн. VII, гл. IX, 11 — см. Ганзен, о. с., стр. 321; перев. наш) в таких выражениях: «Возникло, однако, между господином епископом и вышесказанными братьями, что именуются божьими рыцарями, некое внутреннее несогласие и удивительная некая распря. Братья говорили, что им принадлежит третья часть всех языческих земель (всего язычества — totius gentilitatis), какие господин епископ сумеет приобрести либо словом проповеди, либо военной силой (violentia expeditionis). Так как епископ решительно отказал им в этом, возник между ними тяжкий спор: рыцари много усилий употребили в курии римской, действуя против епископа, но он тем не менее подтвердил свое решение».

Последняя заключительная фраза так же неточна, как и версия Генриха. Решение папы, правда не настолько враждебно Альберту, как думает (нам кажется, напрасно) Гильдебранд (о. с., стр. 74 и сл.), но все же отнюдь не является простым утверждением соглашения по формуле епископа.

Это решение содержится в упоминавшейся уже (см. примеч. 29) булле Иннокентия III Альберту от 20 октября 1210 года (Бунге, о. с. n° 16) и в повторяющей ее булле, адресованной магистру меченосцев Волквину (ibidem, n° 17). Основное тут сводится к трем положениям: а) утверждаемый папой орден подчинен епископу в лице

---

[1] С несколько иным определением границ — у Г. Лаакманна, о. с., стр. 60.

магистра, но в массе его сочленов подчинен лишь магистру; б) за воинскую защиту церкви в Ливонии рыцари получают треть всей недавно завоеванной (nuper. conversae [1]) земли ливов и лэттов «чтобы, следовательно, братья держали от рижского епископа третью часть тех земель, то есть Лэттии и Ливонии»); в) рыцарям предоставляется завоевывать новые земли без всяких по ним обязательств в отношении к епископу, а с обязательством лишь договариваться, по указаниям Рима, с будущими новыми епископами завоеванных территорий. («По землям, которые после того приобретут названные братья с помощью божьей вне Ливонии и Лэттии, они ни в чем не будут ответственны перед епископом рижским, и он ни в какой мере не будет их тревожить в этом отношении, а будут они договариваться разумным образом с будущими там епископами и соблюдать то, что апостольский престол сочтет нужным решить об этом»). (Перев. наш).

Здесь, как видим, нет ни распространительного понимания трети, как трети нынешних и будущих завоеваний, ни, хотя бы скрытого, запрещения епископу продолжать завоевания с своей стороны, но и без этих, ошибочно конструируемых Гильдебрандом (о. с. стр. 75—77) заострений, победа меченосцев очевидна. Ее подчеркивает, кроме сказанного, и то, что в булле нет никаких оговорок о двинской области, включаемой, следовательно, папским актом в раздел на тех же основаниях, как и все остальное. Правда, нет там и упоминания о компенсации рыцарей за земли, ранее отданные епископом в лен не членам ордена, но эта вставка и ненужна меченосцам, раз вся область старых ленов (двинская — Икскюль, Леневарден и др.) входит в раздел без оговорок. Возможность компенсации, однако, как увидим ниже, остается в руках епископа, как средство удержать за собою побольше земель по Двине.

Таким образом, воздерживаясь пока от дальнейших выводов, мы можем констатировать, что изложение Генриха в данном отрывке несколько видоизменяет ход и значение событий, скрывая поражение епископа.

*

Перевод § 3 в ПС содержит ряд ошибок. Вместо «ежедневно настаивая» — «с ежедневным содержанием» (!); вместо «стеной стояли за дом божий» (см. выше прим. 27) — «подобно каменщикам» (?). Важное место о компенсации рыцарей за земли (в их части), ранее уже отданные епископом другим, понято и объяснено навыворот.

---

[1] Соб. «обращенной» — эвфемизм Хроники.

85

Вероятно, этот Годфрид, был преемником Алебранда в должности судьи, одним из тех судей-мирян, о которых Генрих с горечью отзывается выше, в конце X.15.

*

В ПС пропущено: «Объезжая приходы» и «часть добра», а конец переведен очень неточно: «привел его в такой стыд, что, как некоторые рассказывали, умер впоследствии позорной смертью».

Тут, заметим кстати, еще одна ссылка на устный источник Хроники.

86

В этом отрывке и во всем дальнейшем рассказе о набеге литовцев перевод ПС содержит ряд ошибок и неточностей. Вместо «Область... врасплох» — «не нашли никакой оберегательной дружины» (?); вместо «со своим слугой» — «со всем причтом»; вместо «кончено последование и читалось евангелие» — «прочтено последование евангелия»; вместо «носились кругом церкви, то с одной, то с другой стороны» — «прискакали сюда»; пропущено «неизменно верные»; вместо «слуга, который. ободряли священника» — совершенно неверное: «привратник которой не пропустил богослужения из страха перед язычниками»; вместо «покровы» — «священные сосуды».

87

Слово sequentia в католическом обряде имеет несколько значений: по старому миссалу — это всякое чтение, непосредственно предшествующее евангелию; по новому — песнопение между чтением посланий апостольских и евангелия. Ср. примеч. Грубера у Ганзена, о. с., стр. 114 и Пабст, о. с., стр. 85.

88

Разумеется — в третьем часу от восхода солнца. Так же и ниже: XIV.5, XXII.3, XXIII.9, XXVI.13, XXVIII.5.

89

См. Библия, Луки ев. 15, 4.

90

Selonum castrum — замок селов, в актах castrum Selen. по латвийски Sēlpils, ныне Selburg — на левом берегу Двины против Штокмансгофа.

Селы — латвийское племя, по языку и обычаям весьма близкое к лэтигаллам. В актах также Zelones. См. Биленштейн, о. с., стр. 172—174 и др.

91

Унгавния (также Ugaunia, Ungannia, Ugannia, Ugenois, Ugenusen и т. д.) — область эстов у Оденпэ и Дорпата. По латвийски Iggauns и теперь значит э с т. Ср. Ганзен, о. с., стр. 91.

92

Имера — в Рифмованной Хронике Emere, по общепринятому объяснению, нынешняя река Зедда, текущая от Валка на запад и впадающая в Буртнекское озеро. Ср., напр., Th. Doebner. Die Lage der Ymera в Balt. Studien zur Archäol. u. Geschichte, 1914, стр. 176—202; Пабст, о. с., стр. 91; Биленштейн, о. с., стр. 77—80 и др. В противовес этому взгляду, Г Лаакманн в своей недавней работе (о. с., стр. 61, прим. 6, а до того в SB d. Estn. Gel. Ges., 1930, стр. 135—157), следуя мнению, высказанному W. D. Ballod'ом, отождествляет Имеру с Кокенгофским ручьем, что позволяет ему считать «церковь на Имере» папендорфской церковью (интересно в связи с ролью Папендорфа в биографии Генриха). Наше толкование исходит из выше указанного, принятого большинством.

Лэтты на Имере — самые северные из всех лэтигаллов; жили и к северу от реки; за ними — уже область эстов, Саккала. Ср. Пабст, о. с., стр. 91; Биленштейн, о. с. стр. 77—80. По объяснению Г Лаакманна (о. с.), их область приблизительно соответствовала нынешнему приходу Папендорф, охватывавшему в средние века также Mojahn, Duckershof и часть прихода Рооп.

93

Толова — соседняя с Имерой, но гораздо бóльшая область лэттов по обе стороны р. Аа Лифл.: от восточной границы Идумеи вверх по реке до границы между нынешними приходами Адсель и Шванебург. Одна из ближайших к псковской земле лэттских областей. См. Биленштейн, о. с., стр. 80—81 и его же Atlas der etnologischen Geographie des heutigen u. des praehistorischen Lettenlandes. S.-Petersb. 1892, табл. II. Ф. Кейсслер в работах Die Tributpflichtigkeit der Landschaft Tolowa an die Pleskauer (Mitteilungen aus d. livl. Gesch., Bd XIV, H. 1, 1886) и Окончание. стр. 39, 42 и 75—81, определял границы Толовы несколько иначе, чем Биленштейн: на его карте (приложенной м. пр. ко второй из указ. работ) Толова имеет значительно больший объем, чем у Биленштейна, и с востока непосредственно примыкает к псковской области. Г. Лаакманн (о. с. стр. 62—64, 78, 83, 87 и карта на стр. 102) определяет границы Толовы, примерно, так же как Биленштейн, за исключением южной. С юга он включает в Толову всю Лэтгаллию от северных границ Кукенойса и Герцикэ.

Как бы то ни было, Толова, несомненно, область с наиболее прочным русским политическим влиянием. По крайней мере о дани жителей Толовы псковичам упоминают акты еще и в конце XIII в. См. ниже примеч. 383.

Название области сближали с латвийским прилагательным tāl'sch — «далекий», лит. tolus и с соб. именем вождя из Толовы Talibaldus (латвийск. Tāliwaldis — «далеко властвующий»). Вернее, однако, совершенно противоположное объяснение: Tolowa соб. Tūlawa или Tul'awa — область б л и з в о д ы (реки Аа, которую местные люди называли Койва, Гойва, а немцы awa — Аа, вода). См. Биленштейн, о. с., стр. 80—81.

94

Генрих, автор Хроники. Это — первое его упоминание о себе. Ср. XII.6, XVI.3, XVII.6, XXIV.1 и сл., XXIX.7.

95

Слово regulus как говорилось (ср. прим. 3), встречается в Хронике всего три раза: в IX.10 и XI.9 (здесь) — в приложении к Вячко, и в XV.13 — по отношению к Владимиру псковскому. Возможно, что во всех этих случаях, как думает Пабст, оно обозначает подчиненность князя более крупному сеньеру, но может быть также, что Генрих (вольно или невольно) оттеняет этим термином свое отношение к названным лицам: Вячко — в ближайшем будущем жестокий враг ливонцев. Владимир, хоть и союзник, но изгнанный подданными и мздоимец. Regulus может быть тут не только уменьшительным именем, но и «уничижительным», выражающим пренебрежение.

96

Пабст разумеет под этим именем князя полоцкого (о. с., стр. 95), а В. Арндт (о. с., стр. 262, прим. 98) — псковского. Судя по сообщению D. Chytraeus, Chron. Sax., кн. I, гл. 18, прав скорее В. Арндт.

97

В дальнейшем (XXVII.5, XXVIII.6) мы снова видим Вячка в Прибалтике, в Дорпате. Фраза Генриха, повидимому, относится только к Кукенойсу.

Нельзя не отметить мнения Грубера (Ганзен, о. с., стр. 122), предпочитавшего в данном случае другое объяснение «противоречия» между этой фразой и указанными местами в XXVII и XXVIII главах: он полагал, что первая часть Хроники, включая и гл. XI, была написана Генрихом «настолько рано, что он еще не мог знать» о возвращении Вячка.

Противоречия, нуждающегося в объяснении, мы тут не видим, а относительно времени составления Хроники см. выше Введение, стр. 27. Здесь заметим только, что если бы даже мнение Грубера было правильно, Генриху ничто не мешало внести кое-какие поправки в свой ранний текст по окончании всей Хроники. (О фактически сделанных при окончательной редакции поправках см. Р. Гольтцманн, о. с., стр. 194 и сл.).

*

Какова была судьба владений Вячка после его бегства? Вопреки простейшему предположению о немедленном захвате их немцами, весьма мало стеснявшимися в вопросах права, М. Таубе (о. с., стр. 420 и сл.) думает, «что. принципиальный вопрос о правовой судьбе „русской“ половины княжества, оказавшейся свободной в 1207 г. оставался открытым, примерно, до 1225 г.,[1] а затем был урегулирован передачей ее (т. е. территории нынешних приходов Кокенгузен и Линден с большей частью позднейших тизенгаузеновских ленных владений между Огером и Эвстом)[2] в лен наследникам Вячка, т. е. дочери его Софии при выходе ее замуж за Дитриха ф. Кокенгузен (см. выше прим. 48).

Что касается другой половины княжества, в 1207 г. уступленной епископу, то она, включая, вероятно, Зиссегаль, а, может быть, также часть нынешнего прихода Ашераден, стала ленным владением Унгернов и Ливенов. Общая тем и другим фамильная легенда (с XVIII в.) гласит, что родоначальник Унгернов, Иоганн фон Штернберг, по прозвищу Унгар, был женат на дочери Каупо и владел всей Зиссегальской областью. См. Таубе, о. с., стр. 431; также H. Dopkewitsch. Die Burgsuchungen in Kurl. u. Livl. von XIII—XVI Jahrh. в Mitteil. aus d. Gebiete d. Geschichte Liv-,Est- u. Kurl., Riga, XXV. 1933, стр. 84, прим. 2.

98

«Желали мира. лишь смятение» — Библия, Иерем., 14, 19; Иезек., 7, 25.

*

Фраза о Сцилле и Харибде напоминает стих «Incidit in Scyllam cupiens vitare Charybdim из «Alexandreis» Philippi Gualteri (стих 301), составленной между 1178 и 1182 гг. Ср. Ганзен, о. с., стр. 122; также Büchmann, Geflügelte Worte, 23 Aufl., 1907; H. Christensen. D. Alexan-

---

[1] Переданная в 1209 г. епископом в лен Рудольфу из Иерихо половина замка — после тяжелого ранения Рудольфа в битве при Имере (XIV. 8) и отъезда (или смерти) его, перешла к Дитриху фон Кокенгузен старшему.

[2] Г. Лаакманн, о. с., стр. 95.

derlied W von Chatillon. Halle, 1905. Едва ли, однако, тут можно предполагать непосредственное заимствование: ср. L. Arbusow, o. c., Acta Univ. Latviens., XV, стр. 338.

99

Эта краткая речь комбинирована из слов Иуды Маккавея. См. Библия, 1 кн. Маккав., 9, 10, 8.

Упоминаемый далее В а н э, зять Каупо, по мнению М. Таубе, (о. с., стр. 338 и прим. 37) — р у с с к и й, столько же по имени (Ваня), как и по происхождению. Из ливского и лэттского языков его имя необъяснимо. М. Таубе напоминает, что по семейному преданию фон Ливенов и фон Унгернов, жена Каупо — Баба (Варвара), была псковской княжной, чем, по его мнению, подтверждается вероятность «русского» брака дочери Каупо с Ванэ

100

В ПС неверно: «хотя ливень мог бы их всех затопить» (!?).

101

Библия, Иова, 30, 31.

102

Библия, 4 кн. Царств, 19, 15; Исаии, 37, 16.

103

Слова «вся Ливония и Лэтигаллия были окрещены» (разумеется католиками) не вполне точны в отношении Лэтигаллии: слово «вся» правильнее относить лишь к Ливонии. Из дальнейшего (XVIII.3) видно, что только в 1214 г. толовские лэтты перешли в католичество, а политическое подчинение всей Лэтигаллии немцам произошло и еще позднее (ср. XX.5 и XXVIII.9, а также прим. 383). Это мнение Ф. Кейсслера (Окончание. . стр. 41) отвергается Г. Лаакманном (о. с., стр. 61 и прим. 7), но едва ли основательно, поскольку Ф. Кейсслер не отрицает, что лэтты, не крещенные немцами, были крещены русскими; дело только в том, что Генрих, конечно, не принимает в расчет греческого крещения.

*

С о т е к л э — замок Руссина, в актах Sotekele (Бунге, о. с., I, n° 661 от 1318 г.; здесь, по мнению Пабста, не тождественно с замком Руссина, так как лежит между Зунцелем и Пебальгом, слишком далеко к югу). Пабст предположительно отождествляет Сотеклэ с нынешним Stahklite, близ имения Плангоф (о. с., стр. 102). По Биленштейну (о. с., стр. 94), в нынешнем приходе Рооп, у Kwēpen'

при р. Аа, против Мейерсгофа и недалеко от Вендена есть замковый холм, признанный Сиверсом за место бурга. Сотеклэ. Этим вопросом занимались также Ф. Кейсслер, Лёвис оф Менар, Лаакманн, Л. Арбузов (ср. М. Таубе, о. с. стр. 388—389 и прим. 38). Местоположение Сотеклэ до сих пор спорно (см. L. Arbusov. Frühgeschichte Lettlands, 1933, стр. 4, прим. к карте). Ясно, кажется, лишь то, что он лежал на севере Толовы, южнее Зедды.

Имя Руссин, по замечанию М. Таубе (l. c.), несомненно, русское прилагательное, может быть, и не говорит о русском происхождении носителя,[1] но во всяком случае принадлежит к числу языковых следов русского влияния в Прибалтике.

*

Аутинэ — округ и бург; по мнению Биленштейна, замок Аутинэ — это старо-русский Володимерец, близ развалин орденского бурга Вольмар (Walterhugel) или близ Kaln-Enin' и Walmērin'-Gesinde под Каугерсгофом. О местоположении Аутинэ много спорили (см. Биленштейн, о. с. стр. 84—87). Не вполне известно даже, на правом или на левом берегу Аа он был. Сиверс (Mag. d. lett. litt. Gesch., XV, 4, 1877, стр. 46 и сл.) высказывал мысль, что вместо Autine следует читать Auline, разумея под этим именем Aula или Aulene (Aulenberg) в приходе Зербен. Это кажется тем более соблазнительным, что латвийск. awele, aule и aulis, а лит. awilys означают «улей из древесной коры, повешенный на дерево в лесу», а имя Auline (Autine), таким образом, оказывается и по значению связанным с пчеловодством, упоминаемым там Хроникой (XVI.3). Тем не менее конъектура Сиверса сомнительна, так как Autine не менее 10 раз встречается именно в этой форме в рукописях Хроники и в актах. Пабст (о. с., стр. 102) сближает Аутинэ с имением Auzem к сев.-западу от Вендена, или с дер. Антинг к сев.-западу от Вольмара. G. Vierhuff отождествлял Аутинэ с упоминаемым у Hagemeister'а (Materialien zu einer Geschichte d. Landgüter Livlands — Биленштейн, о с., стр. 88) Autwote в венденском приходе.

Наконец, Биленштейн считал, что Аутинэ (по обе стороны Аа) это — область Вольмара (ранее Woldemar, Woldemer, Woldemaria), названного так по имени Владимира псковского, который был там судьей. Эту же область он разумеет и под именем Metimne (см. ниже XVII.6 и примеч. 204), читая это слово Metinine и предполагая, что это испорченное писцом Autinine, то есть «область Аутинэ». О месте замка и он не высказывается решительно, а приводит два равноценные, но разные мнения.

---

[1] Так как могло быть прозвищем, полученным из-за особенно частых или близких связей с русским.

Разногласия с Биленштейном см. у Ф. Кейсслера: Wiederlegung der Hypothese dr. A. Bielenstein über die Lage der Lettenburg Autine в Sitzungsberichte d. Ges. f. Gesch. u. Alterthumskunde der Ostsee-provinz. Russl., за 1895; его же Окончание. стр. 21—23, 42—43 и 80—84. Другие суждения о топографии Аутинэ см. Г Лаакманн, о. с., стр. 97; H. Dopkewitsch. Burgsuchungen, стр. 74, прим. 4; L. Arbusov. Frühgeschichte, стр. 4 (примеч. к карте); М. Таубе, о. с., стр. 437 и прим. 11.

*

Беверин — замок Талибальдова рода; замковая гора находится на территории нынешнего папендорфского прихода, недалеко от пастората на восточном берегу Waida-See. Биленштейн, о. с., стр. 94. Ср. также Ф. Кейсслер, Окончание. , стр. 42—43, 80—81; Г Лаакманн, о. с., стр. 70, прим. 26 («wohl Wolmar» со ссылкой на Sitzungsber. d. Estn. Gel. Gesellschaft, Dorpat, стр. 151 и сл.). По Хронике Беверин — недалеко от Трикатуи (XII.6, XV.7), но и в Толове (XX.5), в расстоянии дня пути от Саккалы (XII.6), к северу от р. Аа и Вендена (XIV.8). Поселение Трикатуа, нынешнее имение Трикатен, к югу от р. Аа, лежало в Толове (XXIX.3). Сыновья Талибальда (по XVIII.5) связаны с Беверином, но, судя по XV.7, не сам он, так как старейшинами там названы другие двое. Талибальд по XV.7 и XIX.3 — в Трикатуе, по XVII.2 — в области Трикатуи южнее р. Аа; сыновья его — в Толове (XVIII.3). Один из них живет у Буртнекского озера (XXIII.9). Ср. Пабст, о. с. стр. 102—103.

104

Автор Хроники.

105

Ныне Odenpä, по эст. Otterä от otta «медведь» и pä — «голова». У нас в летописях — Медвежья Голова. См., напр., Новгор. 1, Псковские 1 и 2, Ипат. Софийск. — под 6624 (1116) г.

106

Саккала — в актах Sakale, Sakela, Sak(k)ele; в Рифмованной Хронике Sakkele, Sakkelland, простиралась приблизительно от окрестностей Обер-палена до р. Зедды, несколько не доходя до нее. С запада от нее Зонтагана, с юга — Имера, с востока Унгавния.

107

Пабст (о. с., стр. 106), указывая, что арфа или цитра были уже известны эстам, полагает, что Генрих играл на трубе.

108

Венно обыкновенно жил в Риге. Его заместителем в Вендене был Бертольд.

109

В ПС пропущено: «сделали. остановились».

110

Астигервэ, в XIX.11 — Астегервэ; у Бунге, о. с., nº 70, Astjerewe. Это — самое большое озеро южной Лифляндии к северу от Двины, нынешнее Буртнекское озеро. Старое имя его состоит из: эст. asti, т. е. «чаша» и jerw, лив. järu, jara, jora — «озеро». Новое имя, Burtenik, встречается уже в актах XIV века. Ср. Пабст о. с., стр. 108; Биленштейн, о. с. стр. 63.

*

В ПС вместо: «потеряв столько убитыми», неверно: «за такое кровопролитие»; слова «в печали» и «со всего, что захватили» пропущены.

111

Иерихов — к востоку от Эльбы, недалеко от Тангермюндэ.

Гаммерслевэ — Гамерслебен к северу от Гальберштадта.

112

В ПС, вместо «найдя самую гору покинутой», переведено: «когда он оставил (?) вышеназванную гору». Слова «затратив большие средства» пропущены.

113

Раздел этот вызвал сомнения у комментаторов. Прямой смысл текста: епископ отдал половину замка Рудольфу, треть — меченосцам, а себе, следовательно, оставил шестую часть (а не четвертую, как решил Иог. Готфр. Арндт — см. его прим. у Ганзена, о. с., стр. 131). Этому простому пониманию противоречит чтение некоторых рукописей (в изд. Грубера и у Ганзена): Rodolpho. duas partes. . reliquit, что, при сопоставлении с одной третью, отданной меченосцам, значило бы (а в латинском тексте вообще значит) две трети.

Если даже оставить в стороне это чтение, противоречащее лучшей рукописи Хроники (рукописи Замойских), лежащей в основе издания В. Арндта, то все же останется на первый взгляд непонятным, почему дальше в XIV.5 говорится о Кукенойсе, как о владении епископа (так, по крайней мере, понял XIV.5 Пабст). Пабст (о. с.,

стр. 111) предполагает, что епископ, отдав половину Рудольфу и оставив другую себе, предоставил меченосцам треть всех доходов по замку. Г Лаакманн (о. с., стр. 65 и прим. 16) предполагает, что при разделе 1209 г. меченосцы еще не получили своей доли, что епископ в 1210 г владел половиной Кукенойса, а в 1211 г. уступил ордену $^1/_3$ всего замка.

Нам кажется, объяснения недоумения надо искать в другом, не насилуя буквального смысла текста. Характер вассального подчинения меченосцев епископу далеко не одинаков с подчинением ему Рудольфа и других, получивших от него личную инвеституру феодом. В первом случае отношения основаны на некоем общем соглашении, довольно неопределенны, а в иные моменты и спорны, во втором — это традиционные и вполне ясные отношения сеньера и его вассала. Отдав Рудольфу половину замка и оставив себе хотя бы только шестую часть, епископ все же имел в Кукенойсе перевес: замок был в руках е г о л ю д е й, что собственно и сказано в XIV.5.

О значении факта передачи рыцарям «их трети» уже теперь, в 1209 году, см. выше прим. 84.

114

По Рифмованной Хронике Ливонии (Reimchronik, стих 687 и сл. См. у Ганзена, о. с., стр. 534—535), магистр Венно снял с должности, за негодностью, местного начальника над венденскими лэттами, уроженца Зёста (Soest, de Susato) в Вестфалии. Это и был Викберт. Та же хроника сообщает, что Викберт был колесован. Исследованию всего эпизода посвящена работа H. v. Brackel в Mittheilungen zur livländ. Geschichte, Bd III, стр. 187—230.

Хотя Генрих излагает эту мало приятную для ордена историю сравнительно подробно, он все же многое оставляет в тени, очевидно, намеренно. Какова связь между бегством Викберта из Вендена и его дальнейшим поведением? Что питало в среде меченосцев «семя раздора», которое «сеял» Викберт? Что за смысл в заявлении его о готовности подчиниться решению е п и с к о п а (ср. предположение Voigt'a, Preuss. Geschichte, I, 417, о том, что причиной убийства была борьба с Альбертом)? Каковы были действительные причины убийства? На все эти вопросы Хроника не дает ответа: оберегая авторитет власти, Генрих сообщает лишь формально необходимое и представляет действия Викберта, как выражение индивидуальной преступности. Тем не менее, в этом рассказе очевидны: наличие разлада в среде меченосцев, наличие тенденций, противоставляющих епископа меченосцам и магистру.

115

«С радостью бился в битвах господних» — ср. Библия, 1 кн. Маккав., 3, 2; 1 кн. Царств, 25, 28.

В ПС пропущено: «И помогали ему все братья его» — ср. Библия, 1 кн. Маккав., 3, 2.

К характеристике Волквина, данной Генрихом, нельзя не добавить, что, по сравнению с Венно, он, бесспорно, отличался меньшей осторожностью в действиях по отношению к епископу. Открытая борьба ордена против Альберта приняла более острые формы при новом магистре. Ср. Гильдебранд, о. с., стр. 71.

116

Разумеется Scheda или Scheida в графстве Марк, недалеко от Унны. Ср. Пабст, о. с., стр. 114.

117

«Справедливо обозначающую чистоту» пропущено в ПС.

118

О пожаре, бывшем приблизительно в марте 1215 г. см. ниже XVIII.6.

119

Имея в виду манеру Генриха насколько возможно обходить молчанием разные внутренние несогласия, нелишним будет отметить это место: очевидно, не всегда пилигримы бывали так послушны и работоспособны.

120

Тестем его был Даугерутэ — см. XVII.3.

121

В переводе этого отрывка в ПС пропущено «как зять его»; вместо «тяготела т о г д а» — «по этой причине» (?); вместо «имущество в с е (omnia sua, das Ihrige) отнимали» — «брали у них все, как свое».

122

Библия, Иезек., 34, 5 и 10.

123

Библия, 1 посл. к Тимоф., 3, 7 («чтобы не впасть в нарекание и сеть диавольскую») и 6, 9; 2 посл. к Тимоф., 2, 26; 1 кн. Маккав., 5, 4.

124

По этому рассказу, как уже отмечалось, можно судить о сравнительной значительности и богатстве Герцикэ, как города.

От слов «Горе мне». почти буквальное заимствование из плача отца Маккавеев. Ср. Библия, 1 кн. Маккав., 2, 7.

Видеть в этом отрывке что-то специфически русское (как делает автор-руссификатор в статье «Виленского Вестника» за 1867 г.) крайне наивно.[1]

Из слов «наследие отцов моих» Ф. Кейсслер (Окончание. стр. 19) умозаключал, что и отец и дед Всеволода уже владели Герцикэ. Нам кажется, что если даже принимать всерьез библейскую риторику Генриха, то и тогда вывод получается мало содержательный: Герцикэ мог быть наследием Всеволода, как одного из младших князей полоцкого дома, причем ни отец его, ни дед могли не иметь непосредственного отношения именно к Герцикэ. На этом вопросе останавливается и М. Таубе (о. с., стр. 445). Его версии о тождестве Wissewalde со Всеволодом Мстиславичем смоленским противоречило бы толкование Ф. Кейсслера, так как никто из предков Всеволода Мстиславича не был связан с Герцикэ. В своем возражении М. Таубе не учитывает библейского происхождения «dieses fürstlichen Epithalamium» (?!), приписывая ее либо все же стилю Генриха, либо присущей будто бы русским князьям манере считать «отчиной и дединой» всякое владение.

125

Это — инвеститура т. н. знаменным леном (Fahnelehn). Передача Всеволодом своих земель епископу и возвращение их епископом князю в виде лена фиксированы в особом акте. Кроме двух старых изданий его, см. Ганзен, о. с. стр. 409, n⁰ 61; Бунге, о. с., I, n⁰ 15; в выдержках, но с исправлениями по подлиннику: Боннель, Chronogr., Comment., стр. 236; также у Биленштейна, о. с., стр. 415; наилучшее издание в LGU, I, n⁰ 2. Совершена двойная передача в 1209 г. и, очевидно, после 4 октября, так как в акте упоминается император Оттон (IV), а он был коронован 4 октября 1209 г. Ср. В. Арндт, о. с., стр. 267, прим. 14; Böhmer, Regesta imperii. Stuttg., 1849, стр. 4. Датировка акта неоднократно была предметом догадок. Ср. Боннель, о. с. Commentar. стр. 53 и 55; Winkelmann в Mitteil. XI, стр. 330, прим. 3; Bar. R. Toll und Schwartz. Est- u. Livländiscne Brieflade, III. Riga—Mosk.—Odessa, 1879, стр. 138 и 141; F. Keussler. Das livische n. lettische Dünagebiet. (Mitt., XV,

[1] Отдельно оттиск под назв.: «Хроника Генриха Латыша, как подспорье к изучению истории С.-З. края». Вильна, 1867. Автор скрылся под иницалами Ст. По Межову — это Столыпин. На стр. 19 этой книжки он так передает «чисто-русский плач» Всеволода: «Герсика, о возлюбленный мой град! наследие отцовское! Гибель народа моего нежданная! Ахти мне! Почто родился я, чтобы видеть город мой во пламени, видеть разорение и погибель народа моего!»

стр. 29 и сл.); его же Окончание. , стр. 20, прим. 41; H. Bruinigk und N. Busch, LGU, I, стр. 2. Догадка Ф. Кейсслера, предположительно относящего событие к началу 1210 (по нашему счету, вместо 1209 мариинского) года противоречит его собственному замечанию о том, что «известие о короновании Оттона IV едва ли могло достигнуть Лифляндии позже начала декабря», и опровергается вполне основательным соображением редакторов LGU о неприменимости в ливонских актах благовещенского стиля. Возможно, что правы в этом вопросе Г Бруинингк и Н. Буш, предполагая, что написан был документ не одновременно с совершением самого юридического действия, а позднее, когда и было включено в дату упоминание императора. Однако, не исключена, кажется, и другая возможность: известие о короновании могло притти не морским путем (в декабре! это и затрудняет комментаторов), а сушей, как, например, по словам Хроники, посланы были папские акты о разделе Ливонии (XV.2.).

Что касается существа акта, то нужно заметить, что Всеволоду возвращены его наследственные земли, но не все его владения: кое-что осталось в руках немцев. Ср. Бунге, о. с. I, n° 23. Даем перевод (наш) акта об инвеституре:

«Во имя святой и нераздельной троицы. Аминь.

Альберт, милостью божьей епископ рижский, смиренный слуга народов в вере.

Чтобы со временем не постигло забвение того, о чем необходимо сохранить память навеки, предусмотрительное тщание современников знает целительное средство в письменном свидетельстве. Поэтому, предавая ведению потомства деяния нашего времени, сообщаем всем, как будущим, так и нынешним верным во Христе, что щедрое милосердие божье, взращивая пока еще юное насаждение ливонской церкви, а вместе с тем расширяя его, побудило Всеволода, короля Герцика, подчиниться нам.

Прибыв в Ригу, он, в присутствии множества знатных людей, клириков, рыцарей, купцов, тевтонов, русских и ливов, передал принадлежащий ему наследственно город Герцику, вместе с землей и всеми имениями (bonis), к тому городу относящимися, церкви святой матери божьей и девы Марии, в качестве законного дара, а тех своих данников, что приняли веру от нас, вместе с данью и землями их, отказал нам безусловно (liberos),[1] а именно город Аутину, Цессовэ и прочие обращенные к вере; затем, принеся нам присягу на верность,

[1] Н. Харузин (К истории города Герцеке в Ливонии, М., 1895, стр. 12), давая частичный перевод этого акта, переводит liberos «свободными», что, при внешней точности, кажется, менее ясно: имеется в виду только свобода от всякой (и податной) зависимости по отношению к князю.

как вассал (hominio et fidei sacramento), он из рук наших торжественно, вместе с тремя знаменами,[1] принял в бенефиций вышеуказанный город с землями и относящимися к нему имениями.

Свидетели сего: Иоанн, настоятель рижской церкви,[2] со своими каноииками; граф Лудольф де Гальремунт, граф Теодорик де Верэ, граф Генрик де Сладэ,[3] Вальтер де Амеслевэ,[4] Теодерик де Аденойс; рыцари христовы: Волквин со своими братьями, Родольф де Иерихо,[4] Альберт де Альденвлет, Генрих де Бландебокк, Гильдеберт де Вемундэ, Ламберт де Луненборх, Теодерик де Вольфем, Герлак де Долэн, Конрад де Икесколэ, Филипп, судья рижский со своими горожанами, и множество других.

Совершено это в год от воплощения господня 1209, на погосте св. Петра в Риге, во время пребывания на апостольском престоле папы Иннокентия третьего, в царствование славнейшего императора Оттона, а епископства нашего в одиннадцатый год.»

126

Ср. выше XII.6.

127

Отметим здесь самостоятельную и независимую от епископа политику меченосцев. Каковы были причины миролюбия Альберта? Генрих упоминает злонамеренные советы торейдских ливов. Ганзен (Bischof Albert und sein Orden в Verhandlunger der Estnisch. Gesellschaft zu Dorpat, II Bd, 3 H., стр. 5) склонен видеть здесь готовность епископа ограничиться уже приобретенным, вообще отказ от дальнейших завоеваний. И то и другое едва ли верно. Вероятнее, тут влияла необходимость несколько укрепиться, прежде чем продолжать наступление. В частности необходимо было обеспечить себя со стороны русских (см. ниже XIV.9) Ср. Гильдебранд, о. с., стр. 71—72.

128

З у н д — пролив между Курляндией и Эзелем. Земля куров (I.13, VII.1) тянулась к северу до пролива.

129

Библия, Матф. ев., 5, 10.

---

[1] Три знамени, как знак т р о й н о г о л е н а (по величине) См. М. Таубе, о. с., стр. 391.

[2] После смерти Энгельберта в 1209 г. избран ему в преемники. См. XIII. 3.

[3] Принадлежит к числу пилигримов, возвращающихся в 1210 г следовательно, с лета 1209 г. находится в Ливонии (XIV. 6).

[4] Ср. XIII. 1.

130

Библия, Иис. Сир., 27, 5.

131

По русским известиям, в. кн. Мстислав Мстиславич еще зимой ходил на Оденпэ. См. Троицк. Воскрес., Новгор. 1 и 4 — под 6720 годом. В Новгор. 4-й сказано: «В лето 6720 поиде Мьстислав на Чюдь, рекомую Тормоу, с новгородци, и много плениша их и скота бесщисла приведоша. Потом же на зимоу иде князь Мьстислав с новгородци на чюдцкий град, рекомыи Медвежью Голову, и села их потрати; и придоша под град, и поклонишася Чюдь князю, и дань на них взя». (ПСРЛ², IV, 184).

Князь псковский в Хронике — это брат Мстислава, Владимир.

Это — первый из упоминаемых Генрихом русских походов в Эстонию. В его изложении эти походы выглядят чем-то почти случайным, сравнительно с систематическим напором немцев, но в действительности они отражали очень давнюю политическую тенденцию, долго державшуюся и впоследствии.

Точно судить о взаимоотношениях русских с эстами в начале XIII в. трудно за недостатком источников. Специально занимавшийся этим вопросом Ф. Кейсслер (Окончание. стр. 56 и сл.) считал, что «в то время, когда немцы впервые приходят в соприкосновение с эстами, т. е. в первое десятилетие XIII века, они застают этих последних н е з а в и с и м ы м от русских народом», однако тот же Ф. Кейсслер и в том же сочинении (стр. 46) упоминает о д а н и, платившейся в то время Пскову жителям Унгавнии. Это противоречие, повидимому, не замечено автором, но в оправдание ему надо сказать, что известная противоречивость, несомненно, была и в реальной обстановке XIII в., более сложной и менее ясной, чем обстановка X—XI вв., насколько, по крайней мере, известна последняя по скудным данным наших летописей и по другим источникам. Вот краткий перечень этих данных.

В скандинавских сагах [1] встречается известие, что один из норманнских выходцев, находившийся в дружине кн. Владимира, Сигурд

---

[1] У Снорре Стурлусона: «Сигурд, сын Эрика, от имени Владимира (Valdemari), короля новгородского (Holmgardiae), отправлен был послом в Эстляндию (Eistlandiam), чтобы по всему тому краю собирать королевскую дань». См. Heims Kringla eller Snorre Sturlusons Nordländske Konunga Sagor, sive Historiae regum septentrionalium a Snorrone Sturlonide. illustravit Johann Peringskiöld. Stockholmiae, 1697, pars VI, c. 6; ср. Antiquités Russes, I, 276; 396—397; 417; II, 373; Соловьев, о.с., I, стб. 175; Боннель, Chronogr., стр. 2; Krug. Forschungen, Bd II, 426; А. Сапунов. Разбор сочинения Ф. Кейсслера «Окончание. .» (Отчет о 38 присуждении наград гр. Уварова, СПб., 1898), стр. 83.

Эйриксон (дядя Олафа Трюгвэсона) около 977 г. послан был Владимиром в Эстонию собирать дань.

Наши летописи упоминают об эстах-данниках или об эстах-союзниках Руси уже под очень ранними датами. См. перечень данников к концу княжения Ярослава в Лавр. летописи (ПСРЛ[1], I, стр. 8) или в Летоп. Переясл.-Сузд. (изд. К. М. Оболенского, М., 1851, стр 2; ср. Боннель, Chronogr., стр. 4; Comment., стр. 25). Об участии чуди в походах Олега (882 и 907) и Владимира (980) говорит Лавр. летопись (ПСРЛ[1], I, стр. 10, 12). Первая попытка закрепления в стране сделана уже Ярославом, выстроившим в 1030 г. город Юрьев (см. Лавр. и Псковск. летоп. под 6538 г.; ср. Соловьев, о. с., I, стб. 206 и 212; Боннель ibid.)

В дальнейшем, за вторую половину XI в. и за XII в. данных несколько больше.

В 1060 г. князь Изяслав ходил на солов и заставил их платить дань, но весной 1061 г. они прогнали русских сборщиков, сожгли Юрьев и окрестные селения вплоть до Пскова; затем псковичи и новгородцы побили их (Псковск. 1 под 6568 г. и Соф. 1; ср. Соловьев, о. с., I, стб. 312; Боннель ibid., стр. 5; Comment., стр. 30). В 1113 г. кн. Мстислав Владимирович победил чудь (Новгор. 1 и Псковск. под 6621 г.; ср. Боннель, ibid., 8; Comment., 34). В 1116 г тот же князь с новгородцами и псковичами ходил на эстов и взял Оденпэ (Новгор. 1, Пск. 1 и 2 и др. под 6624 г.; Соловьев, о. с. I, стб. 357; Боннель, ibid., 8). В 1130 г. Всеволод Мстиславич с братьями ходил в Эстонию за данью (Лавр., Новг. 1 и 4 и др. под 6638 г.; Соловьев, о. с., I, стб. 365; Боннель, ibid., 9; Comment., 35). В 1132 г. тот же Всеволод был разбит эстами в Вайге (Новг. 1 под 6639 г.; Соловьев, ibid.; Боннель, ibid.). Позднее чудь, воспользовавшись происходившими в Новгороде смутами, не только перестала платить дань, но захватила Юрьев, перебив жителей. Князь Всеволод с новгородцами зимой 1134 г. ходил на чудь и взял Дорпат (Новг. 1 и 4 под 6641 г.; Соловьев, ibid., стб. 378; Боннель, ibid., 10). Зимой 1177 г. эсты напали на Псков, за что Мстислав Ростиславич отомстил походом в чудскую землю, дорого стоившим населению ее. (Новг. 1 под 6684 г.; Соловьев, ibid., стб. 571—572). Под 1190/6698 г. Новгор. 1 и 4 летописи упоминают об избиении псковичами чуди поморской на озере. Наконец, последнее за XII в. летописное известие гласит, что в 1192 г. князь Ярослав с новгородцами и псковичами взял Юрьев (Новгор. 1 и 4 под 6699 г.), а затем, в том же году была взята новгородцами и Оденпэ (Новгор. 1 и 4, Соф. 1, Воскрес. под 6700 г.).

Из этого перечня перемежающихся успехов и неудач нелегко (и чем позднее, тем труднее) вывести какое-либо общее определение всего процесса. Трудно решить, что это: длительное, но незавершенное завоевание, периодическое приведение к покорности непокорной

(но все же подвластной) страны или просто — целая серия походов для добычи, для мести, для того, наконец, чтобы обезопасить свои окраины от нападений. Возможно, что и все эти объяснения в известной мере, связи или последовательности приложимы к фактически существовавшей обстановке, но во всяком случае дальнейшие события, рассказываемые уже Генрихом, как будто подтверждают не только то, что русские князья действительно считали некоторые части Эстонии своими, но в известной мере подтверждают и объективную значимость этих претензий.

Завоевательная деятельность немцев в эстонских областях в первые годы не вызывала противодействия со стороны русских: вслед за Мстиславом в Унгавнию дважды ходил Бертольд венденский (XIV.5 и 6) и занял Оденпэ, а псковичи тем не менее зимой 1210—11 г., как союзники, принимали участие в немецком нападении на Поморье (XIV.10). Постепенно однако становится ясно, что немцам нужны не временные успехи, а захват Эстонии (XV.7, XVIII.5—XIX.8, XX.2).

Это приводит к открытому столкновению с русскими (XV.9, XX.3, 7, 8). В 1212 г. Мстислав с 15-тысячным войском искал немцев в Эстонии, но не нашел и, взяв дань с Варболы, вернулся. Осенью 1216 г. вторгся в Унгавнию князь Владимир псковский и произвел большие опустошения, но и на этот раз с самими немцами дела не имел. Только в феврале 1217 г. произошло непосредственное столкновение, окончившееся победой русских. Осажденные в Оденпэ немцы сдались и покинули крепость, теряя вместе с тем Унгавнию и Саккалу. Впечатление было настолько серьезно, что в этот момент епископ Альберт, вероятно, готов был вовсе отказаться от эстонских завоеваний. (Ср. Hausmann. Das Ringen der Deutschen und Dänen, стр. 8; Ф. Кейсслер, Окончание. стр. 63, прим. 143). Скоро однако положение изменилось. Немцам удалось, разбив эстов, вновь овладеть значительной частью страны, но не Унгавнией (XXI.2 и 3). Походы в Эстонию и лэттские земли Святослава Мстиславича с Владимиром псковским в 1218 г. и Всеволода Мстиславича в 1221 г. были мало удачны и имели последствием ряд ответных набегов лэттов с ливами и немцами на русские окраины (XXII.2—8 и XXV.3—6). Вновь все резко переменилось во второй половине 1222 г. Грозное восстание эстов смело немецкую власть в стране. В союзе с русскими эсты некоторое время угрожали самому существованию немцев в Прибалтике, но уже в 1223 г., после поражения эстов при Имере, взятия Феллина и крепости на Пале, Саккала снова оказалась во власти немцев (XXVII.1 и 2). По приглашению эстов осенью того же года Ярослав Всеволодович переяславский, княживший в Новгороде, явился в Унгавнию с 20-тысячным войском, был радостно принят и занял обе важнейшие крепости, Дорпат и Оденпэ, своими людьми,

но затем, следуя неудачному плану эзельцев, вместо похода на Ливонию, пошел на Ревель, долго осаждал его и вернулся без успеха.

Тем не менее Унгавния попрежнему осталась во власти русских, а Дорпат стал их опорным пунктом в Эстонии. Падение Дорпата в 1224 г. (XXVIII.6) означало решительную победу немцев. В мирном договоре 1224 г. оговорены были права русских лишь на толовскую дань, что, повидимому, свидетельствует об их отказе (по крайней мере, для того момента) от борьбы за Эстонию (ср. Ф. Кейсслер, Окончание. стр. 72), но в действительности отнюдь не положило предела их дальнейшим военным предприятиям там же. Новгородская 1 летопись под 6742/1234 г. рассказывает об удачном походе князя Ярослава с новгородцами «под Гюргев»; под 6770/1262 г. — о взятии Юрьсва с одного приступа князем Дмитрием Александровичем с новгородцами; под 6776/1268 г. — о победоносном походе на чудь «к Раковцу»; Псковская 2-я лет. под 6851/1343 г. говорит о походе псковичей под Оденпэ и т. д.[1]

Ища вывода из приведенных фактов, мы прежде всего встречаем два готовых мнения, резко противоположных и выражающих отнюдь не индивидуальное разногласие. Эти мнения — немецкой (пангерманистской) ориентации и русской (шовинистической и великодержавной), выражены в упоминавшейся нами не раз работе Ф. Кейсслера (Окончание. .) и в рецензии на нее А. Сапунова. Первый считает доказанным, что ко времени прибытия немцев эсты были «независимым от русских народом»; русские военные предприятия, упоминаемые Генрихом, считает попытками завоевания, частично и временно имевшими успех; мир 1224 г. признает датой отказа русских ото всяких прав и претензий на Эстонию и «окончанием» их влияния там. А. Сапунов, наоборот, перечислив свидетельства о давности русско-эстонских отношений, настаивает на том, что русские никогда не отказывались от претензий на эстонские земли, что они пользовались предпочтением среди местного населения, сравнительно с немцами, являются «исконными», и должны быть фактическими господами страны.

Совершенно очевидна порочность обоих точек зрения. Названные авторы одинаково правы, когда упрекают друг друга в пристрастном пользовании фактами.

---

[1] А. Сапунов (Разбор. . . , 95—98), у которого мы встретили этот подбор фактов (после 1226 г.), приводит и другие выдержки из летописей для подтверждения той мысли, что русские никогда не отказывались от своих «прав» на прибалтийские земли, но, надо признать, что большинство цитируемых А. Сапуновым мест в этом отношении дает мало нового.

132

От эст. мн. числа nahhad, ед. ч. nahk — «шкура», или от лив. мн. числа nagöd, nogöd, ед. ч. nag, nog — «шкура». Шкурки куньи и беличьи (ср. наше «куны») употреблялись, как деньги. В Ливонии в 1362 г. ногата стоила 6 или 7 nummos lubenses (шиллингов?), а позднее называлась «двухшиллинговая ногата».

133

Библия, к Титу, 3, 5: «банею возрождения и обновления святым духом».

134

В ПС вместо: «стали бы с т е н о ю в защиту дома господня», «каменщиками». Ср. выше примеч. 27 и 84.

*

И з о — Iso von Woelpe — епископ Вердена (в Ганновере) в 1205 — 5 авг. 1231 г. См. Gams. Series episcoporum eccl. catholicae, стр. 321.

Ф и л и п п — епископ рацебургский: июнь 1204 — 14 ноября 1215. См. ibid., стр. 304.

Б е р н г а р д — Bernard II, von Ibbenbueren — епископ падерборнский: март 1186—23 апр. 1203. См. ibid., стр. 299.

135

В ПС вместо: «что некоторое количество» — «какое число». Слова «а балистарии некоторых ранили» пропущены.

136

А д и я — небольшая речка, доныне сохранившая это имя. Согласно карте Лифляндии C. G. Rücker'a, вытекает из озера того же имени к сев.-востоку от Лоденгофа в трейденском приходе и проходит через Лоддигер. Лив. aiga или ad'a, т. е. adja значит — «край, берег», что и подходит в качестве названия реки на м о р с к о м п о б е р е ж ь е. См. Биленштейн, о. с., стр. 62 и прилагаемую карту.

137

Генрих фон Сладен (Бунге, о. с., n° 15). Шладен лежит между Госларом и Вольфенбюттелем.

138

В ПС вместо «к а ж д ы й», нелепое «один из них». Ниже: «И когда солнце осветило»—см. Библия, 1 кн. Маккав., 6, 39.

139

В ПС вместо «вступив в бой, перебили многих у врагов» — «подвигались вперед и многие из них были убиты врагами». Далее оказывается, что на гвозди попали не куры, а немцы (!).

Генрих здесь говорит «бежали к нам», из чего, основываясь на обычном для него словоупотреблении, можно умозаключить, что в это время он был в Риге.

140

Собственно «большую игру». Вероятно, род турнира.

*

В ПС пропущено: «и в полном вооружении».

141

В ПС ошибочно: «в Унгавнию». Ф. Кейсслер (Окончание. , стр. 25), упоминая о первых походах Бертольда в Унгавнию (XIV.5 и 6), полагает, что «здесь именно и берет свое начало столкновение с. русскими князьями из-за земли Толова и эстонского края».

142

В ПС вместо: «впустили. говоря о мире» — «предложили. что мирно примут»; вместо «женщин взяли в плен» — «женщин и детей»; вместо «несколько дней» — «один день».

143

З е г е в а л ь д э, также Segewald, Segewold, Sigewalt, Segewalt, замок меченосцев (XV.3 и XVI.1) на левом берегу Аа против Трейдена. Развалины его еще видны у нынешнего имения Зегевольд. Хотя выстроен он был немцами, но его ливское имя (wölda, volda, vuolda — «жить, обитать») заставляет предполагать на том же месте более давнее поселение ливов. Пабст, о. с., стр. 131; Биленштейн, о. с., стр. 51.

144

Пабст (о. с., стр. 131) полагает, что это — одно из нынешних болот к северу от Вольмара.

145

Ср. Библия, 1 кн. Маккав., 9, 9 и Исаии, 40, 31.

146

В рукописи Замойских (в издании В. Арндта): «Arcturus, qui semper tunditur» (?). У Грубера (Ганзен, о. с., стр. 146): «Arcus,

qui semper extenditur. Последнее чтение, принадлежащее не лучшим рукописям, тем не менее гораздо яснее.

Слово tunditur (ударяется, терпит удары) совершенно не подходит к требуемому смыслу и, повидимому, является испорченным tenditur (extenditur Грубера), и то лишь в приложении к arcus. Наш перевод и предполагает эту поправку текста.

147

Библия, Бытия, 7, 17 и сл. — о ноевом ковчеге; о лодке Петра — Библия, Матф. ев., 14, 22—33.

148

Библия, Апокалипсис Иоанна, 12, 13 и сл.

149

Южный Вик. Ниже в XVIII.5 (единственный раз) названа Sotagana. У Бунге, о. с. n⁰ 63 — Sontakele. В Рифмованной хронике Suntaken.

Название происходит из эст. so—«болото» и tagane—«сзади лежащий». Зонтагана лежала между р. Пернау (на севере) и р. Салис (на юге), несколько не доходя до последней (XXII.9). Метсеполэ в северной части переходит за р. Салис, примыкая к Зонтагане. См. прилагаемую карту. Ср. Пабст, о. с., стр. 135. Биленштейн, о. с., стр. 58, 59.

150

По Дюканжу lunatio — месячный ход луны, лунный месяц. Так понимает и Ганзен. Как видно из последующего, Генрих имеет в виду т р и лунных месяца: первая, не названная лунация — от рождества 1210 до 10 января 1211 г. (полнолуние 2 января и есть, повидимому, время похода в Зонтагану); «следующая лунация» — от 25 января до 8 февраля 1211 г. (полнолуние 1 февраля) и «третья лунация» — начинается 21 февраля. Ср. Пабст, о. с., стр. 135; Боннель, Chronogr., Commentar., стр. 54—55.

151

Maritimae provinciae и дальше Maritima, повидимому, перевод сев.-герм. Wiek (морской залив и прилегающая к нему местность). Западные области Эстонии (по Пабсту, о. с., стр. 136) и ныне (но не у эстонцев) так называются. Ср. ниже XVIII.5 Rotelewik.

152

Viliende, у других Velin, Velyn; эст. Willandi lin, Wiljandi lin, Willändi lin значит к р е п о с т ь, г о р о д. Это — Федлин.

Подготовка к осаде Феллина происходила в «третью лунацию», то есть, согласно сказанному в примеч. 150, в последние дни февраля (но не в марте, как утверждает Р. Гольцманн, о. с., стр. 198), а осада относится к началу марта (а не к концу, как у Гольцманна).

Эта дата важна, как один из моментов для установления времени посвящения епископа Альберта, а вместе с тем и исходной точки летосчисления в Хронике. Далее в XV.1 сказано: «В год от воплощения господня 1210, епископа же Альберта 18-й происходила. осада замка Вилиендэ». Раз ко времени осады Феллина уже начался 13-й год епископства, то, значит, посвящение Альберта состоялось именно в первых числах марта 1199 г. Ср. Боннель, Chronogr., Comm., стр. 55.

Если Р. Гольцманн (ibid., примеч. 1 и стр. 195, прим. 1) оттягивает осаду Феллина к концу марта, то лишь потому, очевидно, что иначе он в данном случае не может оправдать защищаемую им дату посвящения — 28 марта: это одно из самых слабых мест всей его, вообще довольно зыбкой, хронологической концепции.

153

Энгельберт фон Тизенгаузен — см. ниже XXVIII.8.

154

По предположению Пабста (о. с. стр. 140), это прозвище происходит от имени поселения в Германии (в Люнебургской области). У Бунге, о. с., n°n° 15, 18, 38, упоминается в эти же годы в Ливонии Герлах фон Долэн (см. также примеч. 125 и перевод n° 15-го Бунге у нас). Об Иоанне из Долэн см. ниже XXVIII.8 и примеч. 402.

155

Это был Генрих, автор Хроники.

156

Наименование Роталия (XVIII.5) сохранилось до нашего времени в названии Röthel в викском приходе. Означало оно иногда северный Вик, иногда — либо всю викскую область к северу от Зонтаганы (XIV.10), либо даже включая и Зонтагану — Вик с его семью килегундами в XXVIII.2 и 7; XXIX.7.

Летегорэ, также Letthegore, Lettegore, Ledegore, ныне Loddiger, по латвийски Lēdurga — имение с пасторатом и церковью прихода Лоддигер—Трейден. Судя по XXIX.3, Летегорэ, как и Витизелэ, относилось к Торейде. Латвийское имя Lēdurga Биленштейн сближает со словами: лив. lēd, эст. leht — «лист»; лив. ūrga — «ручеек» от urg — «течь, бежать». Таким образом, ливское Lēdurga

соответствует латвийскому Lap-upe — «ручей, текущий через лиственный лес». Ср. Пабст, о. с., стр. 142; Биленштейн, о. с., стр. 53—54.

157

Выражение «в тот же год» вызывает большое недоумение: судя по актам (Бунге, о. с., n°n° 16 и 17), Альберт с Волквином были в Риме осенью 1210 года. Спрашивается, какой же год имеет в виду Генрих, помещая рассказ об этом в ряду событий 13-го года епископства со вводными словами eodem anno?

13-й епископский год, по нашему счету, приходится на время с марта 1211 до марта 1212 г., а по счету Генриха — с начала марта по 24 марта — на 1210 год, а в остальном — на 1211 г.[1] Пабст, (о. с. стр. 143), стараясь объяснить это место, говорит, что дело было «конечно, еще в 1210 мариинском году, но едва ли в 13-м епископском». Это, на первый взгляд верное, объяснение совершенно противоречит однако значению слов eodem anno, sequenti anno и т. п. у Генриха. Весьма точными наблюдениями установлено (см. Р. Гольцманн, о. с., стр. 192), что подобные выражения имеют в Хронике всегда одно и то же значение: «в таком-то епископском году», и никогда не означают года «от воплощения». Таким образом, объяснение Пабста рушится, а недоумение остается в силе, так как 13-й год епископства тут вовсе не подходит.

Объяснение находим в цитированной уже работе Р. Гольцманна, именно в той, ценнейшей, части ее, где целый ряд имеющихся у Генриха хронологических непоследовательностей объясняется незаконченной переработкой Хроники.

Данная XV глава Хроники отличается той странностью, что у нее два начала: одно — в первых словах главы (XV.1), другое в середине XV.2, тотчас после рассказа о римском визите Альберта. Не повторяя точного и очень ценного анализа мелочей, данного Гольцманном, укажем только, что, по его мнению, дело с редактированием этой главы обстояло так: первоначально рассказ о 13-м епископском годе у Генриха действительно начинался с XV.1, а заметка о римской поездке вводилась словами praeterito anno. Затем, при переделке, все сказанное, кончая этой заметкой, отнесено было к предшествующей главе (к 12-му году епископства), слова praeterito anno заменены eodem anno, но (ставшее лишним) прежнее начало XV.1 по оплошности не уничтожено.

---

[1] Для уяснения этих деталей необходимо помнить, что «мариинский год» (от дня благовещения 25 марта) опаздывает, сравнительно с нашим счетом, на 2 месяца и 24 дня. Таким образом, события, рассказанные в начале этой главы (по нашему — события 1211 года), у Генриха приходятся на 1210 год и лишь происшедшие после 25 марта относятся к 1211 году.

Это объяснение не только остроумно, но и весьма правдоподобно. Впрочем, уже Пабст догадывался о чем-то подобном. По его словам (l. c.), Ганзен, деля Хронику на главы, ошибочно определил начало XV главы: ее следовало начать после заметки о поездке к папе; тогда eodem anno относилось бы к XIV главе и не вызывало бы сомнений.[1]

*

О буллах, утверждающих раздел Ливонии, см. выше прим. 84. Интересны замечания Гильдебранда о формуляре этих актов (о. с., стр. 73).

*

Ни в этой главе (1211 г.), ни в следующей (1212 г.) Генрих не упоминает больше о разделе областей лэттов и ливов, между тем акты показывают, что и в конце 1211 г. и в начале 1212 г. раздел продолжался. К осени 1211 года при участии трех епископов заключен был с орденом договор о землях двинской области. Ср. Бунге, о. с., n° 18; Schirren. Verz. livl. Gesch. Quellen in Schwed. Archiven u. Biblioth., Bd I, H. 1, стр. 127: reg. 5^b — Verzeichniss der Schriften und Dokumente, welche 1621 aus Mitau durch die Schweden weggeführt sind: Mehrere Prälaten entscheiden, dass dem Orden von Kokenhusen ein Drittel, ganz dagegen Ascheraden und der Königsholm zukomme; Гильдебранд, о. с.. стр. 80—83.

В епископском акте речь идет о землях Лэттии и Кокенгузена, передаваемых рыцарям. По меткому наблюдению Гильдебранда (о. с., стр. 80) в акте не упоминается о выделении трети, и не без основания, так как, судя по перечню уступаемого рыцарям, своей трети они всетаки не получили: как и прежде, епископ старается удержать земли по Двине за собой, пользуясь упоминавшимся выше (XI.3) приемом компенсации. Фраза Генриха о возмещениях — это единственное место, которое в Хронике может соответствовать договорным операциям 1211—1212 г., но надо признать, что соответствует оно плохо: дело было гораздо сложнее.

Меченосцы получили от одних земель (не отданных ранее в лен) — треть, в том числе Гольм, Аскрадэ и др.; за другие, уже находившиеся в чужих руках, возмещение от епископа иными владениями (так с Königsholm'ом), но третьи, где притом были самые крупные лены — Икскюль и Леневарден, в договоре вовсе не упомянуты.[2]

---

[1] Тут, таким образом, оставлено без объяснения только наличие двух вступлений в гл. XV, впервые объясненное Гольцманном.

[2] Г Лаакманн (о. с., стр. 62—64, 78, 83, 87) представляет себе соотношение сил епископа и ордена в это время несколько иначе. Без особенно убедительных оснований, он постулирует никем не отмечаемый факт — заключение еще в 1208 г. союза между орденом

К началу 1212 года относится акт раздела восточно-двинских областей, уступленных епископу князем Герцикэ (Бунге, о. с., nº 23). По жребию рыцарям достались замки Zerdene, Rheyeste и Zcessowe, они же в nº 38 — Gerdine, Egeste и Chessowe). Об этом Генрих вовсе не упоминает. Умалчивает он и о состоявшемся в это время утверждении императором Оттоном IV прав меченосцев на их владения, «какие они ныне имеют, либо, с помощью господа, в будущем приобретут на законном основании. при соблюдении, однако, во всех отношениях договора, заключенного между помянутой общиной рыцарей христовых, архиепископом рижским и епископом Эстляндии» (Бунге, о. с., I, nº 19; перевод наш).

О подлинности этого диплома, в связи с сомнениями по поводу преждевременности для 1212 г. титула архиепископа рижского см. Гильдебрандт, о. с., стр. 170—171; о дате диплома (у Бунге—1211 г.) см. Böhmer. Regesta imperii 1198—1254; Боннель, Chronogr., Comment., стр. 55; Гильдебрандт, ibid. Об архиепископии рижской см. ниже прим. 411.

158

Замок Плессэ — близ Геттингена. Гельмольд именуется то «знатный муж» (Бунге, о. с., I, nº 18), то «граф» (ibid., nº 20).

О Бернарде из Липпэ см. ниже в этой же главе § 4.

159

Имена спорные. Пабст (о. с., стр. 145) не решается сблизить Овелэ ни с Olersdorf'ом, ни с Homeln'ом (по латвийски Omele). Пуркэ он условно сопоставляет с Puderküll (по эст. küla значит «деревня»). Г Лаакманн (о. с., стр. 66, прим. 19) дает более определенное толкование: Пуркэ (по Braštinš Latvijas Pilskalni, Vidzeme, стр. 208 и сл.) это — замковая гора в Наукшене, в приходе Rujen, на Руе, в 2 км к юго-востоку от двора (Gesinde) Pirken. Овелэ искали под Гомельном (SB d. Gesellsch. f. Gesch. und Alterthumskunde. Riga, 1896, стр. 45 и сл.), но это — замковая гора у двора Supsi, под Гольстферсгофом в приходе Paistel (E. Laid. Eesti muinaslinnad, стр. 104; ср. SB d. Estn. Gel. Gesellschaft, Dorpat, 1924, карта на стр. 27, nº 152 — по данным J. Jung'a—Muinasaja teadus

---

и лэттами области р. Аа, в силу чего будто бы вся эта область, выше Вендена до Зедды на севере, включая и землю Адзелэ, попала в сферу влияния меченосцев. Допустив это и не видя в акте 1211 г. никакого упоминания «об остальной Лэттландии, об области, не относившейся к Кукенойсу и Герцикэ», Г. Лаакманн считает, что «орден удержал эту область нераздельной и без ограничения со стороны епископа, защитив таким образом свой тезис, что область была не завоеванной, а союзной».

Eestlaste maalt, II, стр. 137). По другим данным Г Лаакманн устанавливает, что Овелэ лежала приблизительно в $3^1/_2$ км к юго-востоку от двора Гольстферсгоф.

160

Под именем ревельцев разумеются жители береговой полосы от границы Вика до Вирланда.

Упоминаемый ниже «большой замок Каупо», без сомнения, не тот, о котором говорилось в X.10. О местоположении этого magnum castrum писали Биленштейн (Lett. litter. Magazin, XV, 2, стр. 30 и сл.), Пабст, Сиверс, но окончательное суждение принадлежит проф. Кизерицкому: по мнению последнего, замок находился на Карльберге, на левом берегу ручья, служащего границей Трейдена-Кремоны, над долиной Аа и трейденским лесничеством Slakter, отделяясь от имения и нынешних развалин Трейдена дорогой в лощине, ведущей к Аа. См. Биленштейн, о. с., стр. 50. Этот же замок именуется в Хронике (XVI.3) и castrum Thoreidensium.

161

В ПС переводчиком не понята немецкая фраза Пабста erschlungen, wen sie von den Lyven angriffen», и переведено: «перебили нападавших на них ливов».

162

Пабст (о. с., стр. 147) сближает слово magetac с эст. magada — «спать, покоиться» Maga magamas, следуя тому же автору, соответствует лив. mag maggimus, что значит «лежи уж, лежи!» или «ляг же прочно». Генрих разумеет покой смерти.

163

В е н д е к у л л а неизвестная деревня (у Ганзена, о. с., стр. 483—указатель: Wendendorf?). Пабст (о. с., стр. 147) не решается связать это имя с Венденом. Биленштейн (о. с. стр. 337—338), наоборот, думает, что Венекулла это и есть венденский бург, у которого потом был построен замок меченосцами. Одним из аргументов Биленштейна является то, что Вендекулла, по Генриху, будто бы оказывается «целью великого пути (magna via)» и поэтому должна была иметь — «немалое значение», что и подходит к Вендену. Надо признать, что это слабый аргумент, так как слова подлинника «via magna, quae est ad Wendeculla» с полным правом можно перевести «по большой дороге, что идет у Вендекуллы», а при таком переводе Вендекулла вовсе не подчеркивается, как цель (что, впрочем, совершенно необязательно и при любом переводе).

164

Библия, Исаии, 13, 11; Иезек., 7, 24.

165

Ср. Бунге, о. с., n⁰n⁰ 26, 40, 61, 63, 122.

166

Библия, Деяния ап., 3, 7.

Любопытно сопоставить эту характеристику Бернарда в молодости с кратким отзывом о «крестоносцах», имеющимся у Альберика (MGH, SS, XXIII, стр. 930). Под 1232 г., упоминая о борьбе рыцарей с папским легатом Балдуином из Альны (Aulne sur Sambre), Альберик говорит :«некогда изгнанные из Саксонии за преступления, они до того уже усилились, что вообразили, будто могут жить без закона и без короля» (перев. наш). Генрих, мы полагаем, не принадлежал к партии ордена, но, в силу особого назначения его Хроники и общего апологетического тона по отношению к немцам, он всегда с большой сдержанностью излагает и факты, дурно характеризующие меченосцев.

О Бернарде из Липпэ см. P. Scheffer-Boichorst. Herr Bernhard zur Lippe in «Magistri Iustini Lippiflorium», herausg. von G. Laubmann, 1872, стр. 1—131; новое издание Lippiflorium — H. Althof'a, 1900 г. Ср. R. Holtzmann, о. с. стр. 169.

167

В Хронике часто в этом сочетании стоят слова iura christianitatis, буквально значащие — «права христианства», но по реальному смыслу соответствующие понятию «обязанностей», «повинностей». Ср. примечание Грубера и аналогии (у Ганзена, о. с., стр. 158).

168

Очевидно, в окрестностях р. Пернау, через болота, еще и ныне существующие. В осеннюю распутицу с этой стороны трудно было ждать нападения именно из-за трудности пути. Ср. Пабст, о. с., стр. 154.

169

Один из терминов местного языка, иногда употребляемых Генрихом (ср. malewa и др.). По эстонски maja, по латвийски mahja — «дом, пристанище, гостиница»; лив. mai и moi — «ночлег».

170

Нормегундэ, также Normegunda (в конце того же §) область эстов в Ервене, граничащая с Мохой (XV.7), отделенная р. Палой от Саккалы (XXVI.13). В актах: Nurmegunde, Nurmigunde,

Normegunde, Normekunde и др. От эст. nurm — «поле, пашня» и суффикса kund или kond, лив. gönd. Ср. «килегунда» в XXVIII.2, Алистегундэ в XV.7, Зидегундэ в X.14 и др.

171

Gerwia, потом Gerwa и Gerwen; в актах также и Gierwia, Yerwia, Jerwia, Jerwa и т. д., центральная и до немцев весьма богатая область Эстонии. Ныне Jerwen, по эст. Jerwama — от jerw — «море». В наших летописях Е р е в а, напр., ПСРЛ[1], III стр. 32: «Иде князь Мьстислав с новгородьци на чюдь на Ереву».

172

Там теперь приход Hallist. См. Пабст. о. с., стр. 157.

173

Это — р. Эмбах. Ее имя по эст. Emajögi, по латвийски — Methra uppe. У Бунге, о. с., n⁰ 62: Emajoga, т. е. ручей-мать. Название реки у Генриха — свободный перевод Emavesi, т. е. вода-мать (Mutterwasser). В наших летописях это имя встречается в виде Амовыжа, Омовыжа, Омовжа, напр., в ПСРЛ[1], I стр. 220—221; III, 49 и др.

174

У других — Waygelle, Waigel(e), Waigle, Weigele и т. д. В старорусском К л и н, соответственно значению эст. слова waija. См., напр. ПСРЛ,[1] III, 6; IV, 18, 361 и др.

*

З о м е л и н д э — где теперь имение Зомель, у дер. Wajato; linde, эст. lin — «бург, город»; эст. soma значит «болото». Ср. Пабст, о. с., стр. 159.

175

К а р е т э н — ныне дер. Gross-Karreda.

176

М о х а — в актах Mo(e)che, Mo(c)ke, Mogke, Möke, Moicke. Лежала, должно быть, между Ервеном, Нормегундой, Вирландом и Вайгой.

*

В о р ц е г е р р е в э — ныне Würzjerw или Wirzjerw, по эстонски Würstjerw, Worstjerw. См. Пабст, о. с., стр. 160.

177

Замок Вафболэ находился у нынешней дер. Варбьяла, недалеко от имения Полль и границ Вика. Название происходит от эст. warblane — воробей и в русских источниках переводится Воробьин, Воробьев Нос.

В упоминавшейся выше (прим. 37) Памятной книжке Витебской губернии за 1867 г. проф. Дружиловский ошибочно отождествлял с «Воробьевым» Герцикэ.

*

Гариэн — ныне Harrien, по эст. Harjoma. В актах Harien, Harrien, Harria, Hargia, Aria и т. д.

*

Об этом походе Мстислава упоминают наши летописи: Троицкая (ПСРЛ[1], I, 211), Новгородская 1 и 4 — под 6722 годом; Летописец Переяславля Сузд. (изд. К. М. Оболенским, М., 1851, стр. 11) — под 6721 г.

Текст Новгор. 4-й (ПСРЛ[2], IV, стр. 184) таков: «В лето 6722. Иде Мьстислав с новгородци на Чюдь на Ереву, сквозе землю чюдцкую к морю, села их потрати и осекы их взя, и ста с новгородци под городом Воробеином, и чюдь поклонишася ему. Мьстислав же князь взя на них дань и да новгородцем 2 части дани, а третью часть дворяном. Бяше и ту псковской князь Всеволод Борисович с псковичи и торопьскии князь Давыд, Володимерь брат, и придоша вси здрави с множеством полона. В неделю сыропустную бысть гром февраля в 1 день».

Текст Летоп. Переясл.-Суздальского дает подробности разорения страны и упоминает о голоде осажденных: «и много изби чюди и села их пожгоша вся и скот их поимаша и жены и дети, и пришед оседе город их. Они же, не могуще голода тръпети, предашася ему»

Текст Новгор. 1-й, почти сходный с Новгор. 4-й, возбудил спор о дне выступления Мстислава. Дело в том, что фраза о громе, стоящая последней в вышеприведенном отрывке Новгор. 4-й, в Новгор. 1-й начинает собою весь рассказ, а за ней следует: «том же дне» (т. е. 1 февраля) иде князь Мьстислав. Акад. Куник отметил (Уч. Зап. Акад. Наук по I и III Отд., т. II, стр. 793), что в 1212 г. воскресенье сыропустной недели приходилось не на 1, а на 5 февраля, когда, по его мнению, и начался поход Мстислава. Боннель (Chronographie, Commentar. стр. 56), однако, вполне основательно предположил, что слова «том же дне» являются позднейшей интерполяцией, ошибочно уточняющей рассказ под влиянием поставленной не на место фразы о громе, а дату 1 (или 5) февраля счел относящейся не к походу, а только к грому.

178

По нашим летописям это было 22 февраля. См. ПСРЛ [1], III, 32: «В лето 6721, в Петрово говение, изъехаша Литва безбожная Пльсков и пожгоша, пльсковицы бо бяху в то время изгнали князя Володимира от себе; а пльсковици бяху на озере. И много створиша зла и отъидоша». О хронологическом разногласии между этим известием об изгнании Владимира Мстиславича и соответствующим показанием Хроники см. Боннель, Chronographie, Comm., стр. 56—57 и ниже наше примеч. 180.

179

Папа грозил отлучением 18 ноября 1210 г., а утвердил его 31 марта 1211 г.

*

«Четыре года» — до июня 1215 г. (ср. XIX.5 и сл.).

180

Теодерих, брат епископа, зять Владимира.

*

Отрывок Новгор. 1-й летописи, цитированный выше в примеч. 178, устанавливает, что Владимир изгнан был из Пскова до 22 февраля 1212 года. Генрих говорит о более поздней дате, так как «после их отъезда» значит — после открытия весеннего плавания, т. е. во всяком случае позднее 22 февраля и, вероятно, не ранее 1-го марта. Боннель, ревностный защитник хронологической безупречности Генриха, в этом случае признает, что правильнее было бы сказать: «после отъезда епископов прибыл в Ригу изгнанный русскими из Пскова Владимир». Латинский текст однако не производит тут впечатления какой-либо порчи: Генрих сказал, что хотел, а о точности его хронологии см. Введение, стр. 41.

181

Койвемундэ — устье лифляндской Аа.

182

Саккала «во власти епископа и тевтонов» сказано отнюдь не в смысле отнесения ее к доле епископа в разделе, как и ниже (XVI.8): «Саккалу, уже покорившуюся епископу». И тут и там разумеется вообще власть немцев. Завоевание было еще недостаточно прочно, чтобы производить раздел, но уже в это время наибольшие притязания на Саккалу и Унгавнию заявляли меченосцы. Их политика теперь открыто враждебна Альберту. Судя по булле Иннокентия III от

25 января 1212 г. (Бунге, o. c., n⁰ 24), уже в конце 1211 г. орденом был отправлен один из братьев к папе просить о назначении для их земель отдельного епископа. Просьба на этот раз не имела успеха, но эта неудача с избытком была покрыта императорским актом от 7 июля 1212 г. (Бунге, o. c., n⁰ 25; перев. далее наш). В нем Оттон IV утверждает соглашение Альберта с орденом о разделе земель, понимая соглашение в том смысле, «чтобы эти братья рыцарства христова держали от рижского епископа третью часть тех земель, какие ныне есть или в будущем прибавятся»..., а далее говорит: «После того как сказанные братья, обратив в бегство сарацинов (об эстах — *С. А.*), с божьей помощью овладели двумя соседними областями с их укреплениями вне границ рижского диоцеза, а именно Угенузен (Унгавнией — *С. А.*) и Саккелэ, о которых они не обязаны договариваться ни с епископом рижским, ни с кем другим, они имеют право по нашему решению владеть ими свободно и без всяких возражений». Таким образом, оказываются удовлетворенными и общее требование ордена о праве на треть будущих завоеваний и специальные домогательства по поводу упомянутых эстонских областей, хотя завоеваны они были вовсе не одними меченосцами.

183

«Больше надлежит повиноваться богу, чем людям» — Библия, Деян. ап., 5, 29. «Идите, учите». ibid., Матф., ев., 28, 19.

184

«Отдайте кесарево кесарю» и т. д. — Библия, Матф. ев., 22, 21; Луки ев., 23, 2. «Служить двум господам» — ibid. Матф. ев., 6, 24.

*

Вопросом о дани туземного населения Прибалтики князьям полоцкому и псковскому занимался Ф. Кейсслер в своих работах Das livische und lettische Dünagebiet. в Mitteil., Bd XV, H. 1, 1891; Zur Frage der Beziehungen der russischen Fürsten zu den Eingebornen der gegenwärtigen Ostseeprovinzen im XII und XIII Jahrh. (Sitzungsber. d. Ges. f. Gesch. u. Alterhumskunde. за 1895 г.); Окончание. , стр. 1—2, 9—11, 26—27 и др. Кейсслер отмечает, что эта дань толовских лэттов и двинских ливов, по свидетельству Хроники, имела характер постоянства (платилась «всегда», как «debitum tributum»), признавалась и немцами (о чем между прочим свидетельствует и ныне комментируемое место), но являлась обязанностью лишь населения, а не епископа, который только в силу договора 1210 г. (XIV.9) взял на себя гарантию уплаты (по отношению к Полоцку). По мнению исследователя, «в течение некоторого вре-

мени, как Толова, так и земли ливов по Двине находятся в общем владении немцев и русских», причем осторожный и дальновидный политик, епископ Альберт, не спорит против освященного давностью права русских князей. Тем значительнее его победа в 1212 г.: со времени свидания в Герцикэ и отказа Владимира от дани, всякое подчинение двинских ливов Полоцку прекращается. Был ли отказ Владимира добровольным — «по божьему внушению»? Кейсслер (Окончание. , стр. 30—31) и Боннель (Chronogr. Commentar., стр. 57) считают достаточным мотивом в этом случае обещанную князю помощь против литовцев и других язычников. Несколько иначе смотрит С. М. Соловьев. Он говорит (о. с., I, стб. 618): «Как ни мало удовлетворителен является этот рассказ немецкого летописца (XVI.2), историк должен принять одно за достоверное, что епископ перестал платить дань полоцкому князю и что тот не имел средств принудить его к тому». Это осторожное суждение, конечно, ближе к истине, несмотря на то, что оба выше названных балтийских исследователя считали его неосновательным. Судя по характеру переговоров в Герцикэ, а также по тому, что четыре года спустя (XIX.10) Владимир полоцкий в союзе с литовцами предпринял поход на Ригу, едва ли можно думать, что отказ его от дани в 1212 г. был совершенно добровольным, какими бы обещаниями он ни мотивировался внешне.

О дани населения Толовы см. ниже прим. 383.

185

Об Аутинэ см. выше примеч. 103.

*

Этот рассказ характерен, как образчик присущей Генриху манеры обходить стороной неудобные для изложения факты. Если принять на веру все, здесь рассказанное, то пришлось бы думать, что «великая распря», вызвавшая вмешательство верховной епископской власти, двухдневные бесплодные переговоры (притом не только с лэттами, но почему-то и с ливами), а затем — попытку широкого восстания, имела единственной причиной какую-то отдельную, как бы случайную обиду, нанесенную подданным епископа соседями-рыцарями.

В действительности положение было гораздо серьезнее. Спор шел не о случайных нарушениях нормы, а о самой норме. Власть немцев и особенно меченосцев лежала на их «подданных» тяжким и постоянным гнетом.[1] Iura christianitatis были правами

[1] Не случайна, конечно, позднейшая «описка» в акте 17 марта 1226 г. (LGU, I, n° 8, стр. 10, прим. 9), где в заключительной формуле: Hec igitur de voluntate domini Wilielmi, Mutinensis episcopi etc после имени магистра меченосцев Волквина его титул

для господ и жестокой цепью обязанностей для населения. Если нежелание впервые принять христианство и наивные попытки смыть с себя только что принятое крещение можно еще считать подсказанным жрецами протестом, то упорные отпадения в язычество д а в н о к р е щ е н н ы х допускают только одно объяснение: познакомившись на практике с «игом христианства», люди стремятся стряхнуть с себя эту систему поборов, вымогательства и рабского принуждения. В данном случае, как нередко у Генриха, умалчиваемая автором истина вскрывается в его обмолвке: речь Каупо, как аргумент в споре о полях и ульях, неуместна до странности; она просто ненужна в композиции Генриха и приведена, вероятно, лишь как фактическая иллюстрация преданности Каупо. Между тем в ней-то и выражена главная цель назревавшего восстания: свержение христианской власти, «установленной богом десятины» и христианского гнета.

При таком положении дела, епископ, разумеется, не в силах был «уговорить» людей, и единственным средством оказалась военная сила.

186

С а т т е з е л э — замок Дабрела (см. примеч. 65), был на месте т. н. Livenschanze у зегевольдской школы, на краю долины Аа, несколько выше Зегевольда. В ревизионном списке имения Зегевольд от 1721 г. (Austrums, sinibas un rakstneezibas mehneschraksts Jelgawâ, 1891, n⁰ 2, 176) Биленштейн нашел Sattasche с отметкой «Libju pagaste». Это Sattasche, судя по многим аналогиям, не что иное, как латвийская форма лив. Sattesele. См. Биленштейн, o. c. стр. 51, 465 и примеч. 36.

187

Henricus de Lettis — автор Хроники. О спорном смысле этого наименования см. наше Введение, стр. 17 и сл.

188

Библия, Иезек., 2, 4.

189

Библия, Матф. ев., 13, 25 и сл.

изображен: magistri frâtrum m a l i c i e (з л о б ы), вместо fratrum milicie (воинства). В данном случае эта ядовитая шутка шла, повидимому, из кругов рижского бюргерства, но, без сомнения, должна была иметь и более широкое распространение. Издатель LGU делает в примечании к этому месту любопытное добавление: «Ordm. Volquin hat das Ordens Siegel dicht unter die Stelle gesetzt, die ihn und die Seinen als ,,Brüder der Bosheit‘‘ bezeichnet».

190

Библия, 1 Царств, 4, 9. Ср. X.10.

191

Draugus Генриха — латвийское draugs, русское д р у г.

192

Ганзен, о. с., стр. 172, полагает, что слова «Et subito, dum verba facit, ex improviso» составляют спондаический гекзаметр. Надо заметить, что Генрих по временам, особенно в последних главах Хроники, действительно вставляет в прозаическую речь отдельные свои стихотворные фразы, обычно — в плохом гекзаметре или в виде элегического дистиха. Выше приведенная фраза в метрическом отношении, бесспорно, уродливый гекзаметр, но не хуже других, встречающихся в Хронике.

По русски ее можно бы передать, примерно, так: Вдрýг, пока óн ту рéчь говори́л, внезáпно бы́л он (ранен стрелой).

193

Выражение ad tormenta ligatur может иметь два значения: «привязывают для пытки» или «привязывают к (осадному) орудию».

Ганзен (о. с., стр. 173) предпочитает второй перевод и в доказательство приводит выписку из Raumer. Hohenst., II, 122 (2-е изд.): «И в самом деле, некоторое количество менее значительных людей из бременцев было привязано к осадным сооружениям, приблизившимся к городским стенам, чтобы осажденные, щадя своих сограждан, не могли стрелять». Генрих говорит вовсе не о таком положении, а слово tormentum в смысле «осадное орудие» нигде не употребляет. Поэтому, хотя и Пабст (о. с., стр. 175) повторяет доводы Ганзена, мы предпочли первый из указанных способов перевода.

194

Бурхард из Гальберштадта. Ср. у Бунге, о. с., n⁰ 38. См. ниже XXII.1.

195

Вместо dominos vestros, в изданиях Грубера и Ганзена ошибочно читалось dominos nostros ac filios dilectos, как ни странно звучит такое сочетание в речи епископа. Это чтение, вызванное, повидимому, смешением очень схожих в рукописном виде (особенно в аббревиатуре) vestros и nostros, дало Груберу и Ганзену лишний аргумент для обоснования ошибочного утверждения, будто меченосцы были господами самого Генриха. Другие, впрочем столь же мало доказательные в этом отношении, места в Хронике — это XXIII.8, XXVIII.3 и 7. Ср. Ганзен, о. с., стр. 20.

196

Из этого видно, что озеринг равен половине серебряной марки. Ниже (XIX.3) озеринги принимаются в смысле денег. Пабст сопоставляет это слово с Ohrringe, Ohrgehänge — «серьги», и с латвийским auss — «ухо». Иог. Готфр. Арндт (Ганзен, о. с., стр. 174—175) указывает, что еще в его время (XVIII в.) озерингами назывались на языке куров и латвийцев большие круглые серебряные пряжки, которые, как украшение, носили на груди богатые крестьянки.

197

«Порождения ехидны» — Библия, Матф. ев., 3, 7 и 23, 33. «Принесите же плоды покаяния» — ibid., Матф. ев. 3, 8.

198

Эти переговоры с ливами и решение епископа еще раз подчеркивают, что спор шел не о каких-то отдельных обидах, а обо всей системе податного гнета. Конкретная жалоба лэттов из Аутинэ, как видно из дальнейшего § 6, сама по себе разрешается довольно просто.

199

Обмен касался не только Кукенойса и Аутинэ. Епископский акт 1213 г. (Бунге, о. с., n° 38) говорит об этом: «. решено было более разумным образом изменить произведенный раздел замков и имений, прежде находившихся у нас (с рыцарями — *С. А.*) в совместном владении, и именно потому, что совместность владения большею частью дает повод для смуты» (перев. наш). Получив от епископа замок Аутинэ и еще кое-какие небольшие уступки, меченосцы, как указывается далее в акте, отдали Альберту свою треть Кукенойса, ставшего таким образом целиком владением епископа, и земли, полученные ими по разделу за год до того, то есть лэттские замки по Двине (Gerdine, Egeste, Chessowe и др.) и область между реками Эвстом и Двиной (область Герцикэ).

Сообщение Генриха неполно. Он говорит о Кукенойсе потому, что об отдаче его трети рыцарям упоминал и раньше (XIII.4), но о прочих землях — и выше и здесь умалчивает.

Некоторая неясность остается в словах: «снова (rursus) получили во владение Аутинэ». О том, что меченосцы уже когда-либо владели этим замком, нигде не говорилось. Неясно также, не находится ли уступка Аутинэ в связи со спорами местного населения и ордена. Ср. Гильдебранд, о. с. ср. 90; Пабст, о. с., стр. 180.

200

Collo incedere erecto — буквально: «выступают с выпрямленной (несогнутой) шеей». Ср. Библия, Иова, 15, 26.

201

Слова «oculis ac manibus in celum semper intentus, invictum ab oratione spiritum vix unquam relaxabat, т. е. «очи и руки его всегда были простерты к небу, его неутомимый дух постоянно пребывал в молитве» — почти буквальная цитата из Сульпиция Севера. См. Sulpicii Severi opera, Amstelod., 1665, стр. 492. Конец фразы напоминает место из его же Vita beati Martini (o. c., стр. 476). Ср. L. Arbusow, o. c., Acta Univers. Latviens., XV, стр. 337.

Ср. выше X.12. Библия, 2 Коринф. 7, 5.

202

Всеволод — князь Герцикэ. Ср. выше XIII. 4. В. кн. новгородский — Мстислав. Ср. выше XIV.2, XV.8.—Причиной самоубийства Даугерутэ Пабст считает отсутствие выкупа (o. c., стр. 184).

203

Библия, Луки ев., 19, 21; Матф. ев., 25, 24 и 26.

204

Название не вполне ясное и по написанию (в рукописи может быть читаемо и Metinme, Metinine, Metimije). Пабст сближает его с Mojahn, по латвийски Muhjehne, но допускает также, что это Вольмар, по лат. Walmare, по русски Владимерец. О мнении Биленштейна (o. c., стр. 85—86: Metinine — ошибка, вместо Autinine и т. д.) см. выше примеч. 103.

205

Поспешный отъезд Альберта вызывался, конечно, не указанным в Хронике официальным мотивом: открытие собора предстояло лишь в конце следующего 1215 года. Действительной причиной была необходимость уладить при дворе императора и, главным образом, в Риме запутанные внутри-ливонские отношения. К этому времени положение епископа в борьбе с меченосцами стало очень тяжелым. Орден, вступив в непосредственные сношения с императором и папой, упорно и последовательно обвинял епископа в нарушении утвержденного папой договора, в притеснении рыцарей и населения; добивался полной независимости от Альберта и нераздельного господства над Эстонией. Римская курия, не имевшая объективных данных о положении дел в Прибалтике, не знавшая в точности ни объема завоеванных уже земель, ни границ и размеров возможных новых епископий, оказывается под сильнейшим влиянием односторонней информации меченосцев.[1] Насколько ухудшилось отношение Рима

[1] Следуя своей догадке о заключенном в 1208 г. союзе меченосцев с лэттами области р. Аа, Г. Лаакманн (o. c., стр. 69) думает, что

к Альберту, видно из целой серии папских актов 1213 г., решительно поддерживающих орден против епископа (Бунге, о. с., n°n° 27, 28, 29, 30, 31). Меченосцы жаловались папе на то, что епископ рижский не позволяет им строить церковь в Гольме и, вопреки утвержденному Римом соглашению, не отдает третьей части города Риги со всеми туда относящимися правами и доходами (!). Иннокентий III, упомянув об этом (Бунге, о. с., n° 27) и указав, что первое его предписание Альберту по поводу жалоб ордена осталось без результата, предлагает аббату и другим духовным лицам Динамюндэ воздействовать на епископа в пользу меченосцев, применив, в случае надобности, не только отрешение от епископии, но и отлучение от церкви. Тон этой буллы необычайно суров.

Другая булла (ibid. n° 28), также адресованная не Альберту, а духовным сановникам Динамюндэ, требует прекращения притеснений, чинимых епископом рижским, «в обиду братьев рыцарства христова», над новообращенными.

В третьей (ibid., n° 29) папа поручает легату своему, архиепископу лундскому, поставить особого епископа для Саккалы и Унгавнии (ср. упоминавшуюся выше в примеч. 182 просьбу меченосцев и отказ папы).

Четвертая булла (ibid. n° 31) предлагает церковным властям лундского диоцеза оказать поддержку меченосцам, «так как они часто терпят тяжкие обиды от многих духовных и с в е т с к и х лиц». Отметим, что обвинение здесь предъявляется уже не одному Альберту, а целой группе лиц, может быть, епископской партии.

Наконец, особой буллой (ibid. n° 30) Иннокентий III утверждает владения ордена в Саккале и Унгавнии, вовсе игнорируя при этом Альберта и лишь глухо упоминая о соблюдении обычных прав церкви.

Вместе с тем, очевидно, в противовес автократии Альберта, папа энергично поддерживает недавно посвященного (XV.4) в епископы Эстонии Теодериха (Бунге, о. с., n°n° 32, 33, 34, 35, 36, 37), совершенно упуская из виду при этом или не зная, что единственная территория, какою может располагать эстонский епископ, это пока только Саккала и Унгавния, уже намеченные н е д л я Теодериха.

Эти неясности, несогласия и споры Альберт и собирался разрешить личным вмешательством.

206

См. XXII.4.

«мирное приобретение Лэттии, представленное в Риме в соответствующем освещении, привело к тому, что там стали смотреть на орден, как на более способного борца за христианство, чем епископ с его упорно сопротивляющимися новообращенными ливами».

207

То есть Фридланд. См. ниже § 8 и XXI.7.

208

Ср. XXII.6. Библия, Деяния ап. 4, 32.

209

Ср. Библия, Псал. 101, 14; Исаии, 14, 1.

210

Река Салис, вытекающая из озера Буртнек; и ныне по лив. Salats, по эст. Sallatse, по латвийски Sallaze.

211

Библия, 1 кн. Маккав., 2, 44.

212

Притча о царе и рабе, его должнике: Библия, Матф. ев. 18, 23—34, особенно 33.

213

Библия, Иерем., 31, 15; Матф. ев. 2, 18.

214

Ср. IX.6.

215

Разумеется р. Койва (Аа).

216

По эстонски это значит: «Пой, пой, поп!» — «На хребте. .» ср. Библия, Псал. 128, 3—4.

217

Библия, 1 кн. Маккав., 7, 17.

218

Библия, 2 кн. Царств, 1, 27.

*

После этого эпизода Всеволод надолго исчезает со страниц Хроники, вновь появляясь только в XXIX.4 (т. е. в 1225 г.).[1] Судя

[1] По актовым данным несколько ранее.

по тому, что актом 1224 г. (LGU, I, n⁰ 4) он отдает рыцарю Конраду фон Мейендорф в лен половину остающейся у него части княжества Герцикэ, а затем является к папскому легату в 1225 г. и упоминается в Хронике (l. c.), как «король Герцикэ», можно умозаключать, что полностью своих прав на Герцикэ он не утратил. Несмотря на распрю с немцами из Кукенойса и двойное взятие Герцикэ (XVIII.4, 9), владения Всеволода в целом не были, повидимому, ни захвачены, как военная добыча, ни конфискованы в пользу епископа за мятеж или «фелонию» вассала. М. Таубе (о. с., стр. 420 и сл.) полагает, что Всеволод после 1214 г. ушел на Русь (во Псков), но его владельческие права продолжали признаваться осторожным дипломатом, епископом рижским, а позднее, в год общего «умиротворения» Ливонии, после взятия Дорпата, в числе многих спорных вопросов, улажены были и отношения с возвратившимся Всеволодом: он снова вступил во владение своей частью княжества, а после его смерти она перешла к его законным (по браку дочери) наследникам, согласно немецкой традиции и мнению М. Таубе — к роду фон Икскюль. Хотя эта гипотеза грешит излишним оптимизмом в оценке лойяльности захватчиков, она все же не лишена доли вероятия. Ведь если даже к 20-м годам у Всеволода de facto остался лишь ничтожный клочок его прежних владений, de iure — в глазах населения и при возможном выступлении наследников-претендентов, он — единственный «законный», наследственный князь Герцикэ. Захватчикам выгоднее «унаследовать» легально его dominium, чем в будущем силой защищать захваченное силой.

219

Ольденбургский граф Бурхард фон Вильдесгаузен. Ср. Пабст, о. с., стр. 199.

220

В латинском тексте здесь непередаваемая по русски игра слов Lettus — лэтт и laetus, laetitia — радостный, радость: Et quia de fide L e t t o r u m numero. l e t e. in eterna l e t i t i a.

Еще более выразителен этот же прием ниже в XXIX.3.

221

К 15 ноября 1215 года.

222

Пример обычной у Генриха непоследовательной вставки первого лица в рассказ, идущий в третьем лице. Автор передает факты, как участник и очевидец. Он был в свите епископа Филиппа.

223

В ПС пропущено: «и понес. корабли» и «сзади нас». Вместо «направляли на нас» — «развели». Слово ventilogium, флюгер (о котором Грубер, см. Газен, о. с., стр. 192—193, делает остроумное замечание) переведено «ветреное знамя» (!) из непонятого немецкого Windfahne.

224

Это, так сказать, постоянный эпитет открытого моря у Генриха, столь же постоянно шаблонизируемый в переводе ПС («открытое»). Ср. Библия, Псал., 103, 25.

225

По объяснению Пабста (о. с., стр. 210) responsorium это — песнопение, следующее за утреней, начинаемое священником и повторяемое хором.

*

Слова «подул южный ветер» в переводе ПС пропущены.

226

Библия, Псал. 65, 10—12.

227

Библия, 1 Коринф., 10, 4: «Камень же был Христос».

Слова подлинника: infra dominicum officium представляют неразрешенное пока затруднение. Ср. у Ганзена, о. с., стр. 197, прим. 1. В лучшей рукописи примечание на полях у этого места, может быть, содержавшее кое-какие пояснения, настолько обрезано (см. В. Арндт, о. с., стр. 292, прим. t), что смысл его разгадать нельзя. Мы следуем в переводе толкованию Пабста (о. с. стр. 210), как единственно правдоподобному, хотя и искажающему смысл слова infra. Очевидно, речь идет о причастии ранее освященными дарами, о т. н. missa sicca или missa navalis. В ПС пропущен весь отрывок: «и большой. службы».

228

Это место давно является предметом споров и разных конъектур. Дело в том, что в некоторых (не лучших) рукописях Хроники, вместо Veroniam, читается Neroniam, как и напечатано у Грубера, Ганзена и Пабста. Эту Неронию одни искали где-то на Готланде или в Нарни в Италии (нерешительные предположения Грубера — см. Ганзен, о. с., стр. 196, 200—201, и замечания Иог. Готфр. Арндта, считавшего более правильным Veronia—ibid.), в 4-х римских милях от

Комаккио (Пабст, о. с. стр. 210) или даже на prata Neronis в Риме (Гильдебранд, о. с., стр. 10—11). Мы держимся текста и толкования В. Арндта (о. с. стр. 293, прим. 66): Альпы, упоминаемые ниже в видении веронца, по мнению В. Арндта, скорее указывают на Верону, чем на Рим.

229

В ПС опущено: «уставное. часу дня».

230

Библия, Иис. Сир. 45, 1.

231

О решении на соборе или во время собора спорных ливонских вопросов Генрих не говорит, но, очевидно, о них речь была, и достигнуто было временное примирение сторон. По крайней мере, о выделении ордену третьей части Риги больше не говорится, и отдельный епископ для Саккалы пока не назначается. Ср. Пабст, о. с., стр. 212; Гильдебранд, о. с., стр. 99—100.

232

По времени это — уже не 17-й, а 18-й год епископства, хотя 18-й год автором отмечается ниже в начале XX главы.

233

В ПС неверно: «преследовали на кораблях».

234

Г а г е н о в э — к северу от Страсбурга. Фридрих был там по актовым данным 30 января и 20 марта 1216 г. Ср. Böhmer, Regesta, стр. 86.

235

«Некий раздел» предполагался, может быть, в виду достигнутого в Риме временного примирения. Едва ли, однако, он был удовлетворителен для епископа, судя, по крайней мере, по результатам следовавшего затем, упоминаемого в XX.4, соглашения. Если епископу тут отдают треть доходов с Эстонии, то в первом случае, значит, и этого не было. Ср. Пабст, о. с. стр. 217; Гильдебранд, о. с., стр. 100—101.

«Но так как он. подробнее» в ПС неверно: «Что этот раздел остался без исполнения, об этом считаю бесполезным упоминать».

236

Эстония делилась на пять областей: Алентакэн с гор. Нарвой, Виронию с Борхольмом, Гариэн с Ревелем, Ервен с Виттенштейном (Вейсенштейном) и Вик или Поморье с Леалэ. Ср. примеч. Грубера у Ганзена, о. с., стр. 202. Гариэн отделен от моря ревельской землей.

*

Р а й г е л э — ныне дер. Raela у имения Raiküll в раппельском приходе. См. Пабст, о. с., стр. 218.

*

Л о н э — в рукописях не вполне ясно: в некоторых Loue (ср. В. Арндт, о. с. стр. 295, прим. b). Это — нынешнее имение и дер. Loal, по эстонски Lohhomois (mois значит имение).

По словам Грубера (l. с.), по имени Лонэ все Поморье еще в XVIII веке называлось по эстонски Lönema, то ѐсть «область Лонэ».

*

Судя по выражению «мы разделили свое войско». Генрих лично был там.

237

Фраза, в подлиннике неправильно построенная и очень неясная. Мы переводим буквально. Возможны еще два иных понимания: 1) «эсты устроили засаду, и девять человек наших попали в плен» (так понимает Пабст, о. с., стр. 218—219 и примеч.) и 2) «устроив засаду, наши захватили девять человек эстов». Единственный косвенный довод в пользу толкования Пабста (и нашего) заключается в том, что Генрих обыкновенно дает точный счет (в единицах) только своим убитым, а врагов считает лишь приблизительно.

238

Нелишенный важности конец фразы от слов «подтвердивши. в ПС пропущен.

239

Селение («замок») Оденпэ было сожжено немецким войском (XIV.6).

Слово sedit (буквально — «сел» на горе Оденпэ) здесь не имеет значения «избрал место оседлости». Ниже, в этой же главе § 5 Оденпэ оказывается не занятым русскими.

240

Трудно сказать, чтó в этот раз сделало орден более сговорчивым. Возможно, что тут, кроме угрозы войны, влияло и вступление на

папский престол нового папы, Гонория III. Последовавшие события, однако, не свидетельствуют об искренности уступок ордена.

241

Разумеется князь Мстислав Мстиславич.

242

По нашей летописи (ПСРЛ[1], III, 35) литовцы напали на шелонскую область. См. ниже примеч. 244.

В ПС весь конец от слов «множество женщин» пропущен, кроме слов «взяли в плен».

243

Автор Хроники лично участвовал в рассказываемых событиях.

244

Мстислава тогда в Новгороде не было и в этом походе он не участвовал. О походе новгородцев вслед за набегом эстов в начале 1217 года говорится в наших летописях: Новгор. 1 и 4, Троицк. Псковск. 1 под 6725 годом. Новгородская 1 (ПСРЛ[1], III, 35) рассказывает следующее: «Тъгда же поиде Володимир в Новъгород своими орудии, и воеваша Литва в Шелоне. Новгородци идоша по них и не състигоша их; и поидоша к Медвежи Голове с князем Володимиром и с посадником Твьрдиславом, и сташа под городом. Чюдь же начаша слати с поклоном льстью, а по немьци послаша; и начаша новгородци гадать с пльсковичи о чюдьскои речи, отшедъше далече товар, а сторожи ночьнии бяху пришли, а дневнии бяху не пошли; и наехаша на товары без вести, новгородци же побегоша с вечя в товары и поимавше оружие и выбиша е из товар, и побегоша немци к городу, и убиша новгородци два воеводе, а третии руками яша, а конев отъяша 700, и придоша здрави вси».

245

Весь отрывок от «И прошли русские»... , кончая: «область кругом» в ПС пропущены.

246

Ныне маленькое озеро между Валком и Каролэн, называется Restjerw. Ср. Пабст, о. с., стр. 224.

247

Очевидно, Бертольд венденский: в последующем изложении его имени больше не встречается, а вместо него — Рудольф.

248

Ср. выше цитированный (примеч. 244) отрывок летописи: «и убиша новгородци два воеводе, а третии руками яша».

249

Вслед за этой, и все дальнейшие главы, кроме 27 и 28, начинаются такими двустишиями, обыкновенно состоящими из двух гекзаметров. Правила классической метрики Генрих применяет так, как применяют их в н о в ы х языках (т. е. не принимая во внимание долготу и краткость латинских гласных в слове), и иногда рифмует свои стихи, совершенно вопреки классическому канону, но вполне в духе средневековья.

250

Л ё в е н б о р х — Lauenburg. У других Альберт называется также: из Орламюндэ, из Гольштейна, из Нордальбингена и т. д. Он был племянником датского короля Вальдемара II и верным его помощником. См. специальную статью Грубера у Ганзена, о. с., стр. 214—218.

О путешествии Альберта в Ливонию упоминается у Альберта ф. Штаде под 1217 г. и в папском акте от 25 января 1217 г. (Бунге, о. с., n⁰ 39, где Альберт ошибочно назван de Alsatia — из Эльзаса, вместо de Olsatia — из Гольштейна). О военных успехах немцев после прибытия Альберта — в том же папском акте, а также у Usinger'a. Deutsch-Dänische Gesch., стр. 194 и сл.

251

Библия, Исаии, 49, 2.

252

Это был сын Мстислава Романовича, Святослав. Вступил он в Новгород, по нашим летописям (Новгор. 1 и 4, Троицк. под 6726 г.), 1 августа и затем до зимы 1218—1219 гг. был князем новгородским.

В действительности русские исполнили это обещание и пришли в Ливонию только в следующем году. См. ниже XXII. 2 и 3.

253

Г а н и а л э — ныне приход Hannehl, по эстонски Hannela. Пабст, о. с. стр. 233.

*

C o z z o — встречается в актах (Бунге, о. с., n⁰n⁰ 63, 168, 170) и у Германна фон Вартбергэ, но местоположение его неизвестно.

*

Слово Ревель северного происхождения и значит «берег с рифами».

254

Меченосцы не участвовали в походах с графом Альбертом. Если бы дело обстояло иначе, то Генрих, говоря о сдаче гервенцев Альберту и рижанам, не преминул бы упомянуть и о рыцарях.

255

Библия, 1 кн. Маккав., 3, 3.

256

Короля датского Вальдемара епископы видели, вероятно, в Шлезвиге, где он в день св. Иоанна (4 июня) короновал сына своего Вальдемара. Кроме восьми датских епископов, на коронации присутствовали семь других, в том числе Альберт и Теодерих.

Обращение епископа Альберта к датскому королю, видимо, неизбежное и в силу внутренних отношений в Ливонии, и в интересах закрепления завоеваний, имело длительные и тяжелые последствия для немцев, особенно для епископской партии, усилив притязания датчан на господство в Эстонии. «Слава пресвятой девы и отпущение грехов» — оффициальный мотив, свойственный стилю Генриха. В действительности, и прежние подобные предприятия датчан и последующие факты подчеркивают важность для них Эстонии вне зависимости от каких бы то ни было просьб и союзов (ср. пожалование папой датскому королю всех будущих его завоеваний там — Бунге, о. с. III, n° 41[a]). С другой стороны, приглашение Вальдемара в данном случае, вероятно, соединялось с какою-то компенсацией, с какими-то уступками епископа Альберта, недаром впоследствии король так решительно и упорно ссылался на эти уступки. См. ниже примечание 295.

257

Библия, Иезек., 13, 5.

258

Это был Генрих Борвин, сын подчиненного датчанам Генриха Борвина I-го, в то время господина (или князя) в Мекленбурге.

259

Пуидизэ — это или дер. Pühaste, к востоку от Эмбаха или скорее дер. Puide, значительно южнее, к западу от реки. Ср. Пабст, о. с., стр. 239.

*

Краткое известие о ниже описываемом походе новгородцев на Ливонию имеется в Новгор. 1 летописи под 6727 г.: «Том же лете иде князь Всеволод с новгородьци к Пертуеву [1] и устретоша сторожи немци, литва, либь и бишася; и пособи бог новгородьцем, идоша под город и стояша 2 недели, не взяша города и придоша здорови» (ПСРЛ[1], III, 37).

Как видно из дальнейшего, «короли русские» были: князь новгородский, затем Владимир (Мстиславич) псковский и Ярослав (Герцеслав), сын его. Имя князя новгородского здесь в Хронике не названо, но другие ее показания противоречат нашей летописи, упоминающей Всеволода. Выше в XXI.2 говорилось, что эстонские послы получили обещание «притти с большим войском вместе с королем Владимиром и множеством других королей» не от Мстислава, а от «нового короля», которого «на престоле своем в Новгороде оставил» Мстислав, отправляясь в поход против венгров. Этим «новым королем», вероятно, был, как думает акад. Куник, сын Мстислава Василий, но с 1 августа 1218 г. в Новгороде сидит, как мы знаем, Святослав Мстиславич. Так как, судя по летописным данным (Новгор. 1 и 4 под 6727; Воскресенская, Троицкая, Софийская 1 так же), отъезд Святослава из Новгорода относится лишь к началу 1219 г., то, по времени, предводителем новгородцев осенью 1218 г. мог быть именно он.

Ниже (XXV.2) Генрих говорит, что князь новгородский, виновник первого разорения Ливонии, наказан был богом за это: был изгнан своими подданными. Разуметь тут Мстислава (Ганзен, о. с., стр. 258, прим. 4, отсылающее к XIV.2) нельзя, так как его новгородцы никогда не изгоняли; если же не считать Мстислава, то первое разорение Ливонии русскими (по Хронике) и есть поход, описываемый здесь (XVII.2), а изгнанным князем Генрих мог считать Святослава, отозванного отцом после бурного столкновения с новгородцами (ср. Соловьев, о. с., I, стб. 596).[2]

Всеволод Мстиславич прибыл из Киева в Новгород и занял место Святослава только весной 1219 г. (Новгор. 1 и 4, Воскресенск., Троицкая, Соф. 1 — под 6727 г.). Таким образом, отсутствующее в Хронике имя «короля новгородского» едва ли может быть восстановлено по нашей летописи, как Всеволод: вероятнее — вождем новгородцев был Святослав Мстиславич. Ср. E. Bonnell. Die Chronologie Heinrichs des Letten verglichen mit den Zeitangaben einiger russischen Chroniken в Bulletin de la classe des sciences histo-

---

[1] По имени Бертольда, главы венденских меченосцев: Бертольдов город.

[2] Акад. Куник не сомневается в том, что Святослав действительно был изгнан. См. Уч. Зап. Ак. Наук, т. II, стр. 750 и сл.

riques, philologiques et politiques de l'Académie imp. des sciences de St. Petersbourg, t. XI. St. Petersb.—Leipzig, 1854, стр. 82; его же Chronographie, стр. 35—36 и ibid., Commentar., стр. 59—60. См. также соображения акад. Куника в Уч. Записках Ак. Наук по I и III отд., т. II, СПб. 1854, стр. 750 и сл.

260

В ПС вместо «удар дубиной в лицо», неожиданно: «по спине» (?!).

261

Ныне имение Orellen к востоку от Роопа. Ср. Пабст, о. с., стр. 242; Биленштейн, о. с., стр. 67, 70.

262

Ярослав, сын Владимира Мстиславича псковского.

263

Иммекуллэ — «деревня Иммэ», ныне имение Jnseem, по латвийски Inzēm'muischa, между Роопом и Трейденом. По латвийски zeems и у ливов kulle значит «деревня». Ср. Пабст, о. с., стр. 243; Биленштейн, о. с., стр. 53.

264

«Осадили замок вендов» — Старый Венден (ср. X.14). В XII.6 рыцари уже, а в XIV. 8 все еще жили в этом старом городе вместе с вендами. Бертольд, повидимому, на месте нынешнего Вендена выстроил затем более значительный город, называемый в наших летописях «Пертуев», т. е. Бертольдов.

«Выйдя из своего замка» — разумеется новый Венден.

265

В ПС очень неточно: «русские тотчас обратились к оным местам»; «братья рыцарства свезли орудия (?!) из своего замка».

266

В ПС — «чтобы разорять церкви» (?).

267

Автор Хроники, следовательно, участвовал в походе.

268

Ладизэ — ныне имение Laitz в нисском приходе (Пабст, о. с., стр. 247). — Кульдалэ, вероятно то же, что встречаю-

щееся в актах Guldan, Kulletendorp, Kullate и др.; в шведское время Gildendorf, к западу от Ревеля (Пабст, ibid.).

*

Г Трусман (Записки отд. русской и слав. археологии Русского Археологического общества, т. VII, вып. 2. СПб., 1907, стр. 99—100) понял processerunt per totam noctem ad Revelensem provinciam в смысле: «в течение одной ночи дошли до. .» и поэтому счел Revelensem ошибкой (вместо Lealensem), а в соответствии с этим и дальше толковал Ladise, как Laiküll (верстах в 20 к северу от Леалэ), Culdale, как Kullama (Goldenbek), слова же ubi nunc Dani castrum suum. edificaverunt (читая claustrum, вместо castrum) относил к Клостергофу (между Леалем и Гапсалем).

В основе всех этих построений лежит ошибка: processerunt. ad значит «целую ночь шли по направлению к. Ср. перевод Пабста, о. с., стр. 246.

От замка Зонтаганы до Ладизэ (по определению Пабста — в приходе Нисси) — 60 км с небольшим, а шли туда: 1) целую ночь и 2) частью (или медленнее) один день. Это — вполне приемлемое соотношение цифр, и конъектура Трусмана ненужна.

269

Библия, Исаии, 9, 3.

270

Анегальт — Ангальт, родовое поместье Альберта. Как герцог саксонский, он был преемником отца своего, Бернгарда.

Стотлэ — Stotel, к югу от нынешнего Бремерсгафена.

Бургграф, по предположению Грубера (Ганзен, о. с., стр. 229) Пабста (о. с., стр. 249) — Ульрих, бургграф Веттина.

«Стоять за дом господень» — Библия, Иезек., 13, 5.

271

Николай — епископ шлезвигский в 1208(9)—1233 гг. См. Gams. Series episcoporum eccl. catholicae, стр. 309. «Третий епископ» — по датским сведениям это был Петр (Petrus Saxonis), епископ Рёскильдэ (Roeskildensis) в 1217—1223 гг. См. Gams, о. с., стр. 332. Ср. Пабст, о. с. стр. 250; В. Арндт, о. с., стр. 302, прим. 83.

*

Вицслав (в вариантах Witzlaus, Wenceslaus, Wenzeslaus). Это — Вицлав I, сын Яромара, владетеля Рюгена и части Померании, вассал Дании. См. примечания Грубера у Ганзена, о. с., стр. 229—230.

Об этом походе упоминают: Альберт фон Штаде — под 1219 г. (MGH, SS, XVI, стр. 357); Continuator Sax. Gramm. (Benzel. Monum. Sveo-Goth. ч. V, стр. 146); Ericus Upsal., кн. III, стр. 105; Chron. Sialandicum, стр. 14; Nicolai chronicon Lund. episc., стр. 8. Подробнее других из датских хроник Annales Ryenses — под 1219 г.: «Король Вальдемар, собрав премного войска, с тысячей пятьюстами военными кораблями пришел в Эстонию и после многих сражений обратил всю ту землю к вере христовой, заставив подчиняться датчанам и поныне» (MGH, SS, XVI, стр. 406. Перев. наш.) Вообще же, судя по исследованию Узингера Die dänische Annalen und Chroniken des Mittelalters, датские источники не дают почти ничего нового об этом походе, сравнительно с Генрихом. См. также Гильдебранд, о. с., стр. 108.

272

В ПС неверно: «с друзьями». — Нападение «три дня спустя», согласно датскому хронисту Petrus Olai, приходится на 15 июня.

273

В отличие от его же описаний других «мученических» смертей, тут Генрих очень сух. Возможно, что упомянутое выше присоединение Теодериха к королю датскому, молча осуждаемое нашим автором, и является причиной такой сухости. Ср. впрочем XXIII.11.

О смерти Теодериха упоминают также Альберик под 1221 годом (Alberici monachi Trium fontium chronic., MGH, SS, XXIII, стр. 912: «Теодерик, епископ Эстонии, принял мученичество за Христа в Ливонии»), Альберт ф. Штаде и грамота Альберта, епископа рижского, от 22 июля 1224 г. о назначении Германна епископом Леалэ (Бунге, о. с., n° 61).

274

Petrus Olai передает легенду о чудодейственной молитве архиепископа Андрея во время этой битвы и об упавшем с неба знамени (vexillum danicum — Dannebrog), по имени которого и назван основанный королем Вальдемаром II орден Даннеброга. На самом деле, знамя с белым крестом на красном поле было послано королю на этот поход папой. Thomas Bartholinus (De equestris ord. Danebrogici origine, стр. 7 и 8) так передает упомянутую легенду: «При первом столкновении, когда они сошлись в бою, знамя, за которым шли наши, было потеряно (либо из-за какого-то промаха знаменосца, либо по божьему изволению, чтобы тем очевиднее просияло могущество божьего величия), и люди собрались бежать. Так как позорно нападать и не добиться успеха, король Вальдемар снова начинает бой и возвращает обратно бегущих. Призвав имя божье, так как богу

было посвящено оружие под королевским водительством, он надеется, что жребий войны будет ему благоприятнее. Эту попытку решительного и благочестивого короля небо поддержало божественным чудом: новое тканое знамя упало с неба; на красном поле у него сиял белый крест. Явившись перед бегущими, оно призвало датчан к жестокому бою и дало триумф над врагами не столько непобедимому королю, сколько Христу, господу небес». (Из примеч. Грубера у Ганзена, о. с., стр. 231. Перев. наш.).

*

В е с ц е л и н был королевским капелланом; епископом ревельским он был по 1236 г. См. Gams, о. с., стр. 305.

*

25 сентября Вальдемар уже в Альборге. См. Hausmann. Das Ringer der Deutschen und Dänen um den Besitz Estlands. Leipzig, 1870, стр. 20. Ср. В. Арндт, о. с., стр. 303, прим. 55.

275

М е з и о т э — ныне Mesoten по латвийски Meschohtne — замок семигаллов на левом берегу курл. Аа, у пастората нынешнего имения Мезотен (выше Митавы, недалеко от Бауска). Ср. Пабст, о. с., стр. 252; Биленштейн, о. с., стр. 144.

276

Т е р в е т е н э, в Рифмов. Хронике Terweten и Tarwetein; в актах Teruethene, Terevethene и т. д. Это — область семигаллов по реке, ныне именуемой Terwite (приток Аа Курл.), по средней ее части, начиная несколько выше Гофцумбергэ и до Грюнгофа или несколько ниже его. Терветенэ в XIII в. охватывала, примерно, нынешние округа Гофцумбергэ и Грюнгоф, а центром ее был замок у Гофцумбергэ. Замковый холм теперь обыкновенно называется Zuckerhut. См. Lett.-litter. Mag., XIV, 2, стр. 49 и сл.; Биленштейн, о. с., стр. 116; Пабст, о. с., стр. 253.

277

Ныне р. Мисса, приток Экау, впадающий в Аа.

278

В ПС пропущено: «если. поход».

279

Одновременно с датчанами меченосцы с своей стороны продолжают завоевания в Эстонии. Первые действуют в области Ревеля, вторые

претендуют на все остальное. Опираясь на императорские и папские утверждения, орден игнорирует действия и притязания епископа Альберта по отношению к эстонским областям. Рудольф не забывает о том, что заложники гервенцев уже даны графу Альберту и рижанам (XXI.6), а просто не желает с этим считаться: с его точки зрения орден — единственный господин Эстонии.

280

Т у р м э — еще и ныне большая деревня Torma к юго-западу от Везенберга. Ср. Пабст, о. с., стр. 258.

А в и с п э — ныне дер. Awispä в приходе Клейнмариен с остатками старых укреплений. Имя — от эст. aaw (лив. abös) — осина; pä — голова, верхушка.

П у д и в и р у — южная часть Вирланда. Нынешнее имение Poidifer, по эст. Puddiwerre, ранее Poudyver, в приходе Симонис, повидимому, сохранило это имя. См. Пабст. о. с. стр. 258.

281

Отсюда явствует, что Генрих лично был при этом.

282

«Из двух создал одно» — Библия, Эфес. 2, 14. «Желанным царем народов» — ibid., Аггей, 2, 8. «Идите, учите» — ibid., Марка ев., 16, 15; Матф. ев., 28, 19.

283

Библия, Иоанна ев., 14, 27.

284

Ericius — еж: осадная машина, называвшаяся так либо по торчавшим спицам, либо потому, что рыла землю, как еж.

285

В ПС: «число же их не может исчислиться».

286

Пабст (о. с., стр. 263) видит в этой фразе игру слов, так как, судя по Рифмованной хронике (стих 7644), «увидеть врага» (den Feind besehen) значило «сразиться со врагом». Лексика латинского текста не подтверждает мнения Пабста.

287

Лишь в одном месте в рукописи, которой пользовался для своего издания Грубер, (*o* ∸ codex Oxenstierna), после слов «своими брать-

ями» добавлено gladiferis — меченосцами. Это — интерполяция XVI в., идущая от Vandalia Крантца (см. Krantz. Vandalia. Köln, 1519: VI, 10 и VII, 21). До этого первого в печати упоминания слово gladiferi встречается в прусской хронике Лаврентия Блюменау (ср. Script. rer. Pruss., IV и Bunge. Orden der Schwertbrüder, XV), которой интерполятор Хроники Генриха не знал. Ср. L. Arbusow, o. c., Acta Univers. Latv., XV, стр. 239—42 и прим. 1.

288

Ту же ситуацию с четырьмя вестниками, повторяющими одну и ту же фразу: «И спасся только я один, чтобы возвестить тебе» находим в библии (Иова, 1, 15—19).

289

«В десятом часу» — после восхода солнца. В ПС: «через девять часов».

290

В ПС неверно: «скользкая».

291

Для чего приведен этот бессодержательный диалог? Возможно, что собеседником герцога был автор Хроники. Ср. такое же анонимное bon mot в XXIV.4.

292

Библия. 1 кн. Маккав. 6, 45; Иерем., 9, 22.

293

Библия, Деян. ап., 23, 3.

294

В ПС: «уловитесь в сети святого крещения».

295

В изложении Генриха требования датчан и особенно мотивировка их имеют вид необъяснимой неожиданности. Своей оценки справедливости или несправедливости датских заявлений автор не дает ни здесь, ни при дальнейших их повторениях, оставляя у читателя впечатление возможной, хотя бы частичной, их обоснованности.

Впечатление это едва ли ошибочно. Мы уже упоминали (см. прим. 256), что приглашение Вальдемара епископом, вероятно, соединялось с какими-то компенсациями. К этой мысли приводят все сообщения Генриха о датских претензиях.

Спрашивается, что́ мог уступить Альберт при переговорах 1218 г. (XXII.1). Всю Эстонию, включая Саккалу, Унгавнию и Роталию? Это мало вероятно, так как, с одной стороны, было бы грубым нарушением «прав» ордена на первые две области, а с другой — было бы крайне непоследовательно, раз Леалэ в Роталии назначалось резиденцией немецкого епископа Эстонии. Наконец, если Альберт отказался ото всей Эстонии, то что же означает папская булла от 28 октября 1219 г., утверждающая права рижского епископа на Эстонию (Бунге, о. с. n° 45), и как в таком случае папа мог признать за Альбертом право избрания епископа для Леалэ (ibid., n°n° 51, 52)?

По вполне основательному предположению Гильдебранда (о. с. стр. 111—112) тут возможны два случая: либо Альберт отказался в пользу датчан ото всей, до тех пор незавоеванной части Эстонии (отрезывая таким образом и себе и меченосцам возможность дальнейших завоеваний), либо в менее определенной форме заранее признал за датчанами права на то, что им удастся завоевать, не отказываясь от завоеваний и сам.

Позиция магистра в отмечаемом нами здесь отрывке соответствует последнему из этих двух случаев, но, вероятно, не отражает действительного положения вещей. Судя по тому, как уклончиво сам Альберт реагирует на прямое заявление Андрея лундского (см. ниже XXIV.2 и примеч. 304), можно думать, что он, не расчитывая в 1218 г. на дальнейшие завоевания, отказался в пользу датчан ото всей Эстонии, за исключением упомянутых трех областей. Когда же обнаружилось, что орден, независимо от епископа, не без успеха продолжает военные действия на севере, а датские завоевания идут чрезвычайно медленно, Альберт решился послать и свои войска в Вирланд и Гариэн, в надежде на то, что датчане примирятся с фактами.

Узингер (о. с. стр. 202) считает, что епископ нарушил данное Вальдемару обещание, и в известной мере, надо думать, он прав.

*

В переводе ПС, вместо: «в присутствии герцога» — «объявил герцогу»; вместо: «их отцам» — «вашим отцам».

296

«В том же году» — в 21 году епископства Альберта. «Самландия» здесь вместо «Пруссия».

297

Недопущение Германна в его епископию — первый акт открытой враждебности со стороны Вальдемара.

На первый взгляд, односторонние назначения в Эстонию: датчанами — Весцелина, Альбертом — Германна, могут казаться взаимно исключающими, чем-то антиканоническим, в роде церковной схизмы. В действительности этого не было. Со смертью Теодериха, назначенного ad titulum Lealensem, но с полномочиями на в с ю Эстонию (как показывает все его поведение), мысль о единой эстонской епископии исчезла: назначая своих кандидатов, и король и Альберт имели в виду каждый свои эстонские владения. Папские акты признают обоих епископов, но ни один из них не именуется епископом Э с т о н и и. Весцелин (Бунге, о. с., n°n° 49, 50) называется Revaliensis, а Германн — Lealensis и только. Германн так называется и в акте епископа Альберта (Бунге, о. с., n° 61). Альберт фон Штаде под 1218 г. сообщает: «Когда Тидерик, епископ эстонский, был убит язычниками, поставлен был на епископию в Л е а л э Германн, аббат св. Павла в Бремене». Известие Альберика под 1215 г. (о. с., стр. 902) говорит о дальнейшем дроблении: «Преемниками ему (Теодериху — *С. А.*) были двое: магистр Германн, первый епископ Огонии (Унгавнии, т. е. Дорпата, куда, как увидим, перенесена была впоследствии кафедра из Леалэ — *С. А.*), и Годефрид, настоятель Порты, епископ на Поморье и острове Эзеле (преемник Германна — *С. А.*). Затем добавлено было еще два, а именно Весцело (Весцелин у Генриха — *С. А.*), епископ Ривалии, и один из Дании — Острад, епископ Виронии». Ср. примеч. Грубера у Ганзена, о. с., стр. 244—245; Гильдебранд, о. с., стр. 113—114. Перев. наш. Таким образом, запрет Вальдемара, вероятно, не столько оберегал компетенцию Весцелина, сколько собственные неограниченные претензии короля.

298

Библия, 2 Коринф., 11, 28.

299

«Генрих, священнослужитель» — автор Хроники. Он, повидимому, является спутником Петра и в XXIX.7.

300

В ПС: «уловляя в святую сеть пакибытия».

301

Л о в е к о т т э — ныне дер. Lofkatten, к востоку от Дорпата.

С а д е г е р в э — ныне имение Sadjerw на озере (по эст. jerw значит «озеро») к северу от Дорпата. Ниже следующее Р и о л э неизвестно. Ср. Пабст, о. с., стр. 274.

302

В ПС неверно: «И они присоединили. . . и крестили». . .

303

Фраза выглядит почти иронически (ср. Ганзен, о. с. стр. 247, примечание 3). Однако, это не ирония: автор напоминает место из послания к Эфесянам (Библия, Эфес., 4, 5. .) не для упрека по адресу датчан, а для извинения виронцев.

304

Обращает на себя внимание уклончивость этого ответа: епископ довольно слабо отстаивает свое право и не оспаривает уступки. Гильдебранд (о. с. стр. 112) видит в этом главное подтверждение мысли о серьезности уступок.

305

Король Вальдемар в это время снова появился в Эстонии. Ср. Annal. Lund. под 1220 годом (Nordalbing. Studien, V, 51); Альберт фон Штаде — под 1220 г. (MGH, SS, XVI, 357). Генрих не упоминает об этом.

«Разделяя, чтобы властвовать», король признает таким образом только права меченосцев и то лишь на те земли, что им уже принадлежат, а ему (по нашему предположению) вовсе не уступались. По отношению к епископу орден играет двусмысленную и предательскую роль. Соглашаясь и с королем и с рижанами, он во всяком случае не проигрывает, но интересы епископа признает лишь на словах.

306

«Новый епископ для Виронии» — упоминаемый Альбериком датчанин Острад. См. выше наше примеч. 297.

*

В ПС, вместо: «и даже самого датского священника ранили», неверно: «но и гервенийцы убили» .; вместо: «приняли от них проповедь и признали их власть» — «отступились от господства рижан».

307

Герцог, сопровождающий короля, это — ярл Карл, герцог Остготландский, младший брат упоминавшегося выше (I.13) Биргера, опекун малолетнего короля Иоанна.

Об этом короле Эрик Упсальский (Historia Sueeica, кн. 3, стр. 105) говорит так: «В год господень 1219 избран был королем Иоанн, сын короля Сверкера (Sverkeri), будучи ребенком, а назывался он Иоанн Унгэ, то есть Иоанн Благочестивый. Он только три года носил имя короля и кончил жизнь естественной смертью в Визингзё. Погребен он в Альвастре в год господень 1222» (перев. наш).

308

Епископ Линкёпинга (1217—8 авг. 1220) Карл, сын Магнуса, брата герцога Карла, был королевским канцлером. См. Gams, о. с., стр. 338; Пабст, о. с. стр. 278—279 и подробнее в примеч. Грубера у Ганзена, о. с., стр. 250.

*

Г Трусман (о. с., стр. 100), не учитывая отличий латинской интерпункции от русской, понял это место у В. Арндта в том смысле, что «король вернулся в Швецию с герцогом Карлом и епископом», а так как это понимание, разумеется, противоречит дальнейшему сообщению о гибели герцога (а не «вождя», как у Трусмана) и епископа, то Г Трусман требовал перестановки слов для устранения «погрешности» в издании В. Арндта. Требование это лишено оснований.

309

«Замок датчан» — Линданизэ (см. выше XXIII.2), нынешний Ревель.

310

Вплоть до пленения Вальдемара и битвы при Борнговедэ (1227г.), когда власть датчан в северных германских областях рушилась, Любек был подчинен Дании. Ср. Deeke. Geschichte der Stadt Lubeck, I, § 5, стр. 45.

311

Отношение папского престола к Дании видно из грамоты Гонория III от 1 ноября 1223 года к Энгельберту, архиепископу кельнскому, о содействии освобождению короля Вальдемара (см. у Ганзена, о. с., стр. 392—393). Там между прочим сказано: «Прежде всего, королевство датское имеет специальное отношение к римской церкви и, как известно, в знак специального подчинения, является данником (censuale) ее, а этот король, как и предшественники его, всегда выказывал себя верным и преданным апостольскому престолу» (перев. наш).

Епископ Альберт добивался в Риме сана архиепископа или митрополита надо всей Ливонией, чем, возможно, был бы решен в его пользу и вопрос о подчинении ему эстонских епископов, но папа, хотя уже в 1217 году дал Альберту право учреждения новых кафедр по Ливонии, в сане архиепископа ему теперь отказал — не столько, вероятно, из-за нового давления датчан, сколько в силу установившегося предпочтения к Дании. См. ниже причем. 411.

312

Отношение Ливонии к империи установлено выше в X.17.

Коронование Фридриха II состоялось 22 ноября 1220 г. Ср. Böhmer, Regesta. Епископ Альберт посетил его в Италии (ср. ниже: «вернулся в Тевтонию»).

*

«Выростет. . . здание» — Библия, Эфес. 2, 20.

313

Бреве Гонория III от 18 апреля 1220 г., редактированное вообще с исключительной мягкостью по отношению к Вальдемару II, все же порицает его за это. Там сказано: «Ища себе временного блага в том, чтобы подчинить своей власти обращенных (в Ливонии — *С. А.*) и подлежащих обращению, ты противишься переправе туда людей, которые по внушению божьему стремятся на помощь вновь обращенным, и закрываешь гавань для (их) кораблей. . . Поэтому. . . мы просим, убеждаем и увещеваем во господе, чтобы ты, вняв благоразумию, ибо ничто для человека приобрести весь мир, если он принесет вред душе своей, никак не противодействовал. . .» (Бунге, о. с., n° 52. Перев. наш).

314

Уступка епископа Альберта, как видим, содержит серьезное основание для дальнейшего отказа, при возможности, от подчинения, поскольку предполагается, как условие утверждения договора, нечто в роде плебисцита. Возможно, впрочем, что так обстоит дело лишь в передаче Генриха, т. е. что оговорка сделана епископом, но не принята королем. Ср. ниже XXV.1 и примеч. 325.

Прелаты монастырей — это рижский настоятель и аббат Динамюндэ.

Меченосцы вовсе не упомянуты потому, что совершенно очевидна их позиция — в пользу короля, но не епископа.

*

Королева — это Беренгуэла или Беренгария, мать королей Эрика, Абеля и Христофора. См., напр., Chronic. Sialandicum.

«Кто-то» — вероятно, сам Генрих, по получении известия в Ливонии.

*

В ПС пропущено: «ежедневно. . . потомства».

315

В ПС: «начали уловлять в сеть св. крещения».

316

Л о п п е г у н д э — на др. эстонском — «внешняя (самая крайняя) область». Эстонское löppema значит «кончаться»; лив. lop., финск. loppu значит «конец», «угол». Таким образом, Генрих говоря «до самой дальней области», п е р е в о д и т название Лоппегундэ.

*

К е т т и с в Ервене (см. XXVII.4), конечно, то же место. Ервенский приход св. Иоанна раньше назывался также Ketingen, Keiting(en), Koiting, Keiten. См. Пабст, о. с., стр. 282.

317

Р е й н е в е р и — нынешняя дер. Reinewer в приходе Ампель. Многие эстонские названия деревень оканчиваются на -werre или -fer, может быть, от эст. warre — «куча камней» (по фински warra и wuor значит «гора»).

*

И о л ь г е з и м нынешняя дер. Jalgsama к северу от St. Johannis. См. Пабст, о. с. стр. 282.

318

Библия, Деян. ап., 13, 51; Матф. ев., 10, 14.

319

«Гора и очень красивый лес» — разумеется лес на горе. Пабст (о. с., стр. 283) отождествляет это место с покрытой лесом Эббаферской горой в приходе Клейнмариен, с которой еще в XIX в. связывались кое-какие легенды и остатки культа.

*

Т а р а п и т а, как бог эзельцев, упоминается и ниже (XXX.4, 5, 6). Великий бог эстов назывался Тара или Тар (вероятно, он же у северян Тор), а Тарапита, как замечено уже Грубером (Ганзен, о. с. стр. 253), не что иное, как воззвание к богу Тару на эстонском языке: Tar, abita! или Tar, awita, то есть: «Тар, помоги». Возможно также в форме: Tar abitaja или awitaja, что значит «Тар, помощник».

*

Один из священников (alter sacerdos) может быть и Генрих. Если, однако, перевести (что также возможно) «второй священник» (ср. alio sacerdote Teoderico в начале этого рассказа), то тогда это Теодерих. Из двух этих мнений мы предпочитаем первое, как более соответствующее стилю латинской фразы.

320

В о р д е г е р в э — озеро Würzjerw.

И о г е н т а г а н и я — из эст. jõgi — «ручей» (здесь значит Эмбах) и tagane — «сзади лежащий». Это, вероятно, северная часть Унгавнии, к северу от Эмбаха.

И г е т е в е р и — ныне дер. Iggafer к северу от Sadjerw

В е т п о л э — вероятно, Weddo, то есть имение Fehtenhof к югу от Iggafer..

В а з а л а — ныне имение Wassula к югу от Фехтенгофа.

В ПС вместо: «орошенного. виноградника» — «святою сетью уловленный».

321

Выражение decem milia. in milibus suis странно. Л. Арбузов (o. c., Acta Univers Latviens., XVI, стр. 170) предполагает здесь villulis, вместо milibus, имея в виду этот же термин несколькими строками выше. С другой стороны, возможно, по мнению того же автора, сближение in milibus suis с двумя местами Библии: Михей, 5, 2 и 1 кн. Самуила (1 кн. Царств), 23, 23.

В ПС пропущено: «у нас», что искажает смысл фразы в связи с дальнейшим: «ибо уже на следующий год».

*

«После пасхи» — т. е. после 11 апреля 1221 года.

322

Вместо «поэтому», в ПС нелепое «ибо».

323

Д а с л э — Dassel между Eimbeck и Höxter.

*

Б о д о и з Г о м б у р г а — Бодо II фон Гомбург (близ Эймбека).

324

В ПС пропущено типичное для Генриха «в битвах господних».

325

«Радостно воротились» — шаблонная концовка у Генриха: в данном случае повода для радости не было, так как рижане добились немногого. Духовные права в Саккале и Унгавнии — ничтожное приобретение наряду с остающейся неясностью епископских прав Германна и подчеркнутой еще раз прочностью сеньериальных прав ордена. Епископ Альберт не спорит, оберегая независимость Ливонии, что между прочим и показывает, как мало действительна была

оговорка епископа (о согласии рижан — XXIV.4 и примеч. 314) в глазах короля.

326

«Тот, кто повелевает ветрам» — Библия, Матф. ев., 8, 26; Луки ев. 8, 25. — «Солнце правды»—ibid., Малахии, 4, 2. — «Звезда моря»— ложное, но распространенное толкование древне-еврейского имени Марии — Мириам. См. Isidori Hispal., Etymolog., кн. VII, гл. 10; ср. Ганзен, о. с., стр. 258. Напоминает древний христианский гимн Фортуната (см. Ven. Fortunati carmina, III, 5 в Mon. Germ. Hist., Auct. antiqu. IV, 1, 1881, стр. 385, nº 9; ср. В. Арндт, о. с., стр. 313, прим. 17), что, однако, само по себе отнюдь не свидетельствует о непосредственном заимствовании, так как посредствующим звеном мог быть, например, бревиарий. Ср. L. Arbusow, о. с., Acta Univ. Latv., XV, стр. 339.

В переводе ПС, вместо «недаром» — «незаслуженно» (!); вместо «звездой моря» — «звездой мира».

327

«Другой» — Всеволод Мстиславич, брат и преемник подразумеваемого в предшествующей фразе Святослава. Ср. примеч. 338. Того, что и Святослав пал в бою с татарами (ср. Никоновск. лет. II, 354; Куник в «Уч. Записках Акад. Наук по I и III Отд., т. II, стр. 774, 782, 784) Генрих не знает. [1]

---

[1] Здесь, как и ниже в прим. 332 и 338, мы держимся толкования Куника-Боннеля, как единственного разносторонне обоснованного. Оно в данном случае опирается на глухое известие Никоновской летописи о гибели при Калке Мстислава Романовича «з детьми», считая Всеволода Мстиславича в числе погибших. При таком толковании сообщение Генриха оказывается вполне точным, но надо сказать, что при этом упускается из виду еще одно летописное известие, совершенно противоречащее пониманию Куника: в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ[1], I, 200) под 6747/1239 г. сказано, что Ярослав Всеволодович «Смольняны урядив, князя Всеволода посади на столе», а в Воскресенской (ibid., VII, 144) под тем же годом еще точнее: «Смольняны же урядив, и посади у них князя Всеволода Мстиславича [в рукописи Карамзина добавлено: «на столе, внука Романова Ростиславича»]. Таким образом, Всеволод Мстиславич еще жив в 1239 г. Основываясь между прочим и на этом, М. Таубе (о. с., стр. 491—492) отвергает известие Никоновской летописи («з детьми»), как позднюю и ложную вставку, и считает годом смерти Всеволода Мстиславича не 1223, а 1239 г. Для того, чтобы хоть попытаться внести некоторую ясность в этот крайне запутанный вопрос, требовалось бы специальное исследование, которым мы здесь заниматься не можем. Поэтому, вывод наш из имеющихся данных получает лишь условную форму: если отдать предпочтение не Никоновской летописи, то придется считать, что Генрих имел ложное сведение о смерти Всеволода в битве при Калке.

328

В и т а м а с ранее не упоминается.

329

Библия, 3 кн. Царств, 20, 7.

330

Это — одно из немногих мест, где привычка сглаживать недостатки правящих изменяет Генриху. Значит, оброк, поборы и повинности в пользу владетелей, а особенно меченосцев, были действительно «тяжким» и, наверное, для всех очевидным в своей тяжести бременем, если летописец завоевателей так патетически об этом говорит.

*

«Не тяжко иго ее». ср. Библия, Матф. ев., 23, 4; — «Иго мое благо». — ibid., 11, 30. — «Верили во имя его»: Библия, Иоанна ев. 17, 3; 20, 31 и 1 посл. Иоанна, 5, 13 и 20.

*

В ПС, вместо: «тех, что были. подданных ее», неверно: «всех противников ее». Слова «что отнимают у них разными поборами» пропущены.

331

Намеренно неясный рассказ. Кто это «все их противники»?

Ответ, как и часто в Хронике, помимо желания автора находим в непоследовательном конце отрывка: энергичное вмешательство меченосцев, без сомнения, и вызывалось тем, что заговор направлен был против н и х и их партии столько же, как против датчан. Короля боялись, несмотря на соглашение с архиепископом лундским, а на орден смотрели, как на такого же врага.

Перевод ПС содержит в этом месте грубую ошибку, совершенно искажающую мысль подлинника: вместо «против всех их противников» — «как против общего их противника».

332

Разумеется Всеволод (см. выше § 2 и ниже XXVI.1). См. также прим. 338.

*

Опираясь на соглашение с Вальдемаром II (XXIV, XXV.1, 5), меченосцы снова заняли Оденпэ, вопреки сказанному в XX.8. Ср. Ганзен, о. с., стр. 260.

333

В такой форме (Litowini) в Хронике только здесь.

334

Эту глухую мотивировку Гильдебранд (о. с., стр. 121, примеч. 1) толкует так: «Wenn H. hier, XXV.3, die innere Fehde betont, so meint er nur die zwischen Orden und Bevölkerung, Niemals spricht er von der zwischen Orden und Bischof».

Едва ли можно согласиться с этим замечанием.

Что Генрих разумеет тут именно вражду ордена с епископом, для нас не подлежит никакому сомнению (ср. Введение, стр. 62), как и то, что он всегда имеет вполне определенное и неблагоприятное для ордена мнение о его разногласиях с Альбертом. Однако, говоря, и не однажды, об этих разногласия, наш автор всякий раз действительно придает своему изложению некоторую намеренную неясность, и в данном случае не столько внушает читателю мысль, формулированную Гильдебрандом, сколько избегает уточнения с в о е й мысли.

335

Нынешнее имение Koltzen к северо-западу от Трейдена.

336

Слова апостола Петра к Иисусу. См. Библия, Матф. ев., 17, 4.

337

И к е в а л ь д э — деревня между Койвой и Имерой. Старое имя ее отчасти еще и до сих пор удержалось в названии озера Ik-kul (Ik-kule — «деревня Ик»), у которого лежит Шноренгоф. Под Гроссроопом в 1529 г. упоминается деревня Ikwalden. Ср. Пабст, о. с. стр. 295; Биленштейн, о. с., стр. 69.

338

Наши летописи также упоминают о походе против Вендена. Ср. ПСРЛ[1], III, 38 (Новгородская 1) под 6730 г.: «Того же лета Гюрги князь присла брата своего Святослава новгородьчем в помощь, и идоша новгородьци с Святославом к Кеси, и придоша Литва в помощь же, и много воеваша, но города не взяша». К е с ь — Венден, по латвийски Zehsis. В Троицкой (ПСРЛ[1], I, 216) под тем же годом еще подробнее, но с ошибкой: «Выгнаша новгородци князя Всеволода Мстиславича из Новагорода; послаша архиепископа Митрофана и посадника Иванка к великому князю Юрью Всеволодичю, и вда им сын свой князя Всеволода. Тогда князь великий Юрьи присла с ы н с в о й князя Святослава в помочь Новугороду, и идоша князи с новгородци

к Кеси, и придоша Литва в помочь же, и много повоеваша, а города не взяша.

В имени князя тут вновь (ср. выше прим. 259) противоречие между Хроникой и нашей летописью. Правда, Генрих не называет никакого имени, но выше (XXV.2) упоминал, что «новгородский король», во второй раз (т. е. в 1221 г.) разграбивший Ливонию, погиб «от руки татар», а под это определение брат в. кн. Юрия, Святослав, не подходит, так как он умер много позднее подразумеваемой здесь битвы при Калке. Поэтому и по другим основаниям наиболее вероятным является предположение Боннеля (Bulletin. стр. 85; Chronogr., Comment., стр. 62—63), что вождем новгородцев в этом походе был не Святослав, а Всеволод Мстиславич. О том же и о путанице в летописи Мстиславичей — Святослава и Всеволода со Святославом, братом в. кн. Юрия, и сыном последнего Всеволодом см. упоминавшуюся выше работу акад. Куника в «Уч. Записках Акад. Наук», стр. 750, 753, 754.

339

Библия, 5 кн. Моис. 32, 30.

340

Магистр вновь выступает совместно с епископом, притом в защиту купцов, несмотря на то, что именно купцы (вероятно, как корпорация) только что участвовали в заговоре против ордена. Можно думать, что тут подействовал своеобразный саботаж последнего похода меченосцев со стороны рижан, когда, как мы видели, за магистром «последовали лишь немногие».

341

В ПС, вместо «кадила» — «церковные сосуды»; слова «с радостью» и «и вернулся каждый в дом свой» пропущены.

342

То есть только то, что относилось к его духовным правам.

343

Область вотов (финнов), которых Генрих нигде не называет.

344

Ингерманландия, по эстонски Ingrima.

345

Вальвы (Valvi, Valvae) — наименование половцев в немецких хрониках. Арнольд Любекский (кн. VI, гл. 5, § 4) отмечает,

что у короля Филиппа в лагере был perditissimum hominum genus, qui Valvae dicuntur; далее (кн. VII, гл. 14, § 1), что он собрал «бесчисленное войско со всей империи, где было бесчисленное множество людей из пределов Унгарии и вспомогательные войска из наихудших людей (pessimorum), именуемых вальвы». В Chronicon Luneb. (у Eccard, Scriptor., т. I, стр. 1403) под 1221 годом: «Bi desselven Keisers Tiden vor en Here von Asia den quamen de Ruzen to Helpe Dar ward der Ruzen unde V a l w e n geslagen mer denn hundert dusent». Затем, на стр. 1410: «In denselben Tiden quamen de Tateren met eme creftigen Here in dat Land to Polonen, de darvore hadden vorovert W a l- w e n, Ruzen unde mennich Lant».

П а р т а м и (парфянами) называет половцев Anonymus у Mencke, Scriptor., т. III, стр. 122: «Во времена того императора (Фридриха II — *С. А.*) некие войска, обитавшие у реки, которая называется Тау (Thau, вместо Than, то есть Танаис, Дон — *С. А.*), выйдя из Азии, напали на п а р т о в (Parthos); им помогали русские (Rutheni), вступили в бой с татарами и были побеждены. Пало таким образом русских и партов до ста тысяч человек» (перев. наш).

В переводе ПС, вместо «партами» (Parthi) — «партерами» — из непонятого немецкого Parther у Пабста.

346

Mistoslawe de Kywa — Мстислав киевский — Мстислав Романович, сын Романа Ростиславича, князя смоленского, с 1173 по 1175 г. киевского, князь смоленский; с 1214 г. занимает киевский стол. Погиб в битве при Калке.

М с т и с л а в г а л и ц к и й — Мстислав Мстиславич Удалой, сын Мстислава Ростиславича Храброго, князь торопецкий, затем новгородский, наконец галицкий. Упоминался выше, как «великий король» новгородский.

*

Вместо «с сорока тысячами воинов», в переводе ПС — «с 1400 человек», а у Пабста (о. с., стр. 302): «vierzehntausend» (редкая у этого переводчика ошибка).

*

Появление татар в земле половцев относится у Генриха к двадцать четвертому году епископства Альберта, то есть, по нашему счету, к периоду времени, примерно, от 1 марта 1222 г. до 1 марта 1223 г., а так как, кроме того, помещено у него это событие в самом начале епископского года, надо думать, что автор Хроники относил его к весне 1222 г. Дальнейшие факты первого татарского нашествия, кончая битвой при Калке, изложены в Хронике тут же, в непосред-

ственной связи с поражением половцев, и как будто также относятся к 1222 году.

Это обстоятельство привлекло внимание комментаторов и вызвало оживленный спор, оказавшийся далеко небесполезным для решения общей задачи — уяснения и уточнения русской летописной хронологии.

Э. Боннель, автор первого исследования по сравнительной хронологии Генриха и наших летописей (Die Chronologie Heinrichs. в Bulletin de la classe histor. de l'Ac. de Sc. т. XI. См. выше примеч. 259), отметил в своей работе тот факт, что летописи, рассказывая о таком чрезвычайном событии, как татарское нашествие, во первых, разногласят между собою в датах, и, во вторых, противоречат хронологии Генриха, а так как, на основании многих, и большею частью объективно убедительных, сопоставлений, исследователь пришел к выводу о неизменной достоверности показаний Генриха и крайней неточности летописных дат, он склонен и в вопросе о годе битвы при Калке a priori поддерживать датировку Генриха.

Битва при Калке относится: по Лаврентьевской, Троицкой, Воскресенской, Типографской летописям и Хронографу — к 6731 году; по Ипатьевской, Новгородским 1 и 4-й, Псковской 2-й, Софийской 1-й, Тверской, летописи Авраамки, Симеоновской, Львовской и Ермолинской к 6732 г.; по Никоновской — к 6733 г. по Рогожинской — к 6734 г. по Густинской — к 6733 г., причем поражение половцев относится в ней к 6732 г.

День битвы обозначен: «мая в 30» — в Густинской; «мая в 30 на св. Еремия» — в Лаврентьевской и Тверской; «мая в 31 на св. Еремия» — в Новгор. 1-й; «мая в 31» — в Псковск. 1 и 2-й; «июня в 16 день» — в Троицкой, Никоновской, Новгор. 4-й, Софийской, Воскресенской, Авраамки, Львовской, Ермолинской и Типографской (в последней описка «июля»).

Изо всех этих дат[1] Боннель сразу отбрасывает летние (июнь и июль), как противоречащие наиболее надежному, опирающемуся на слова очевидца, показанию Ипатьевской летописи, и, считая 31 мая ошибкой (вместо 1 мая), приходит к убеждению, что битва произошла либо в последних числах апреля, либо в самом начале мая.[2]

Переходя к вопросу о годе битвы, Боннель добросовестно пересказывает соображения Гаммера (Hammer. Geschichte d. goldenen Horde. Pesth, 1840), относящего ее не к 1224 году (Круг, Карамзин и др.), а к 1223 г.; не скрывает того, что тезис Гаммера находит

---

[1] Боннель, впрочем, опирался не на все здесь перечисленные летописи.

[2] О значении даты 16 июня, как даты вступления Владимира Рюриковича в Киев, см. статью акад. Куника в «Ученых Записках Академии Наук по I и III Отд., т. II, СПб., 1854, стр. 784—785.

поддержку и в восточных источниках (Ибн-эль-Атир) и во многих русских летописях, но сам стоит на другой точке зрения: рядом цитат и сопоставлений из Хроники он доказывает, что годом битвы надо считать 1222-й, а единственно правильным хронологическим свидетельством — свидетельство Генриха.

Этот вывод вызвал возражения акад. Куника. В том же издании (Bulletin. т. XI, стр. 133—139: Vorläufige Andeutungen über das Jahr der Schlacht an der Kalka mit besondrer Rücksicht auf Heinrich den Letten) и более подробно в статье «О признании 1223 года временем битвы при Калке» (Уч. Записки Акад. Наук по I и III Отд., т. II, СПб., 1854, стр. 765—787) акад. Куник детально анализирует все известные данные о первом нашествии татар, привлекая и западные источники (Цезария гейстербахского, Нейбургскую хронику и др.), и свидетельства восточных писателей (Ибн-эль-Атира, Вардана, Михаила Панарета) и с безупречной убедительностью обосновывает три тезиса: 1) нападение татар на половцев не могло быть в том же году, что битва при Калке, а было месяцев на 8 ранее; 2) битва при Калке произошла в 1223 году, причем летописные даты 31 мая относятся именно к ней, а 16 июня — к моменту вступления в Киев Владимира Рюриковича; 3) Генрих, вообще весьма точный в хронологии, допустил неточность в датах, связанных с первым татарским нашествием.

Доводы акад. Куника не переубедили ярого апологета Хроники, Боннеля (см. его Chronographie, Comm., стр. 63), но объективно имеют, нам думается, исчерпывающий и решающий характер.[1] Вывод Куника не поколеблен и недавней работой А. Б. Салтыкова «Хронология битвы при Калке» (Ученые записки Института Истории Ранион, т. IV, Москва, 1929, стр. 5—12), где автор, пересматривая вопрос сызнова, останавливается на 31 мая 1224 г., как окончательно, по его мнению, установленной дате битвы.[2]

---

[1] В упоминавшейся уже работе Р. Гольцманна (Neues Archiv, XLIII Bd, 1922 г., стр. 187) мельком, но с большой решительностью утверждается, что битва при Калке «nur hier (у Генриха — *С. А.*) richtig zum Frühjahr 1222 gebucht ist». За отсутствием в статье какихлибо обоснований этого категорического заявления, мы не можем судить о его значимости, но что касается приводимой автором литературы, то она, по своей неполноте, отнюдь не служит к оправданию его решительности. Совершенно противоположное суждение (о неточности этой даты у Генриха) высказывает М. ф. Таубе в недавней работе Russische u. Litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands (Jahrb. f. Kultur u. Geschichte d. Slaven, N. F., Bd XI, H. III—IV, 1935, стр. 492).

[2] Небесполезно было бы подробнее остановиться на «итоговой» работе А. Б. Салтыкова, хотя бы потому, что выводы ее, хоть и с сомнением, принимаются к учету в научной литературе. (Ср. М. Таубе, о. с. стр. 492). Не имея возможности сделать это здесь, ограничимся

Зная только тот факт, что все события первого татарского нашествия, как было сказано, собраны у Генриха в начале XXVI главы, т. е. относятся к первым месяцам 24 епископского года, можно было бы думать (Куник, о. с., стр. 775), что автор Хроники сделал это просто ради удобства изложения. Пример такой хронологической контаминации мы действительно видели выше (см. примеч. 84). Этому предположению противоречит однако другой факт: рассказывая выше в XXV.3 о походе двенадцатитысячного русского войска под Венден в конце лета 1221 года, Генрих говорит, что вождем был «король новгородский, в следующем же году убитый татарами», а это как будто

следующими замечаниями: 1) в статье А. Б. Салтыкова использованы, за единственным исключением, только те материалы, что были известны и Кунику; 2) в пересказе и использовании Боннеля и Куника (что далеко не везде оговорено) автор допускает ряд фактических неточностей, обнаруживает незнание некоторых фактов, а отчасти и литературы; в общем же передает аргументацию противников в такой упрощенно-элементарной форме, которая местами равносильна искажению; 3) собственный вывод А. Б. Салтыкова в конечном итоге опирается на сопоставление с Ибн-эль-Атиром единственного (впрочем, и ранее уже известного) факта — записи в греческом синаксаре, сделанной в Судаке под 27 января: «в тот же день пришли впервые татары 6731 года». Ход мысли А. Б. Салтыкова следующий: у Ибн-эль-Атира сказано, что после поражения кипчаков (половцев) татары долго оставались в их земле; если взятие Судака относится к 27 января 1223 года, то термин «долго» нельзя относить к периоду времени от 27 января 1223 до 31 мая 1223 года, а следует относить ко времени от 27 янв. 1223 г. до 31 мая 1224 г., считая поэтому именно последнюю дату датой битвы при Калке.

Слабость этого силлогиза очевидна из следующего: 1) вместо слова «долго», читаемого в русском переводе Ильминского (см. у Куника в Уч. Зап. Ак. Наук по I и III отд., т. II, СПб., 1854, стр. 660), уже в переводе Тизенгаузена (Материалы по истории Золотой Орды, т. I), совершенно неосновательно заподозренном Салтыковым, читается «некоторое время», а это, по указанию акад. И. Ю. Крачковского (за которое мы ему глубоко благодарны) совершенно точно передает слово muddatan, стоящее в арабском тексте (Ibn-el-Athiri Chronicon, ed. C. J. Tornberg, XII. Upsaliae, 1853, стр. 253, 14: «wa akāma at-tatar bi-ard Ḳifǧāk muddatan»); 2) если даже не настаивать на этом обстоятельстве, достаточно прочесть целиком весь соотвествующий отрывок из Ибн-эль-Атира (у Куника, ibid., стр. 660), чтобы убедиться, что слово «долго» нет необходимости относить ко времени после взятия Судака, так как оно явно относится ко всей осени и зиме предшествовавшего года, означая время от разгрома половцев до начала военных действий русскими.

Не лишено интереса то, что ultima ratio А. Б. Салтыкова (запись в синаксаре) кое-кем считалась окончательным аргументом в пользу Куника. См. Брун, Черноморье, часть II — «Материалы для истории Сугдеи» — ср. А. Б. Салтыков, о. с. стр. 11, прим. 1.

уже прямо указывает на 1222 год и приводит к невыгодному для точности автора заключению о том, что и подготовка к походу русских князей («И прошел во всей Руссии призыв. .»), и самая битва сознательно включены им в один год.

В дополнение к этим соображениям акад. Куника можно сделать такие замечания.

Выражение «в следующем году» у Генриха значит «в следующем году епископства», то есть в применении к интересующему нас месту (XXV.3): не в 23 году епископства (от марта 1221 до марта 1222 г.), а в 24-м — от марта 1222 до марта 1223 г.

При решении всего спорного вопроса теоретически представимы две возможности: первая — Генрих не знал точных (месячных) дат нападения татар на половцев и битвы при Калке, т. е. не знал, что это события двух последовательных весен. В этом случае нет никаких оснований предполагать, вместе с акад. Куником, что подготовку русских князей к походу Генрих относит к зиме 1222/1223 г. По опыту войн в Ливонии, автор Хроники мог думать, что эта подготовка закончилась уже летом 1222 г., а поход и битва произошли зимой все равно — 1222 или нач. 1223 г. Без всяких противоречий в эту схему укладываются все приводимые Генрихом факты и все они остаются в пределах 24-го года епископства.

Другая возможность: Генрих знал относительную хронологию событий, но почему-то не счел нужным точно установить ее в своем изложении. По ближайшем рассмотрении оказывается, что тут ошибка его была бы совсем невелика. Предположим, что источник его говорил о двух веснах, не называя месяцев и чисел: автору Хроники достаточно было, слушая это, иметь убеждение, что и в причерноморских степях можно воевать, как в Ливонии, уже (или еще) в феврале, чтобы с полной последовательностью отнести битву при Калке хотя бы и к тому же епископскому году, что нападение половцев (к ранней весне 1223 г.). Выражение XXV.3 «в следующем году» было бы тут целиком оправдано. Даже в том случае, если Генрих знал, что битва была в конце мая, ошибка его в тексте Хроники не превышает трех месяцев.

Как бы то ни было, впрочем: незнание тут, ошибка или небрежность, но неточность этого сообщения Хроники остается фактом и, добавим, фактом, не настолько исключительным у Генриха, чтобы стоило с таким недоверием подходить к самой возможности его, как это делает Боннель.

347

Альберт из Лауенбурга — см. выше XXI.1. О походе Вальдемар в 1222 г. также у Альберта фон Штаде (MGH, SS, XVI, 357).

348

Этот договор, таким образом, снимает лишь претензии короля на Ливонию, вообще мало реальные, но в отношении эстонских областей только подтверждает старое соглашение (XXV.1), подчеркивавшее выгоды меченосцев, а не Альберта и не уяснявшее положения епископа Германна. Что побудило Вальдемара согласиться в данном случае? Может быть, единодушие требований Альберта и магистра и обещание, данное Андреем лундским и, наконец, важность союза с ливонцами.

349

Во всем отрывке от начала § перевод в ПС содержит ряд неточностей. Вместо: «познакомившись там с применением (artem — еще лучше было бы «с техникой») патерэлла. которому (применению) датчане научили» — неверно: «осмотрели там камнеметные машины, которые датчане подарили»; слово «все» («стали в с е у них строить») пропущено; пропущено ниже: «в замке еще недостроенном»; вместо «вы знаете» — «знайте»; вместо «никак» — «никто»; слова «от наших непрерывных нападений» пропущены.

350

Библия, Матф. ев. 24, 2. В ПС пропущено: «по всей окружности стен».

351

Библия, Матф. ев. 8, 23.

352

До появления издания В. Арндта (MGH, SS, XXIII) это место оставалось столь же неясным в латинском тексте, как и в переводах (Ганзена, о. с., стр. 269 и Пабста, о. с. стр. 306). Затруднение вызывалось неверной пунктуацией латинского текста: вместо «[occisis. Teutonicis omnibus], qui foris erant, in castro congregantur» до В. Арндта читалось: «qui foris erant in castro, т. е. in castro включалось в предложение qui. erant.

*

В ПС совершенно неверно: «кои жили в замке». В дальнейшем там же пропущены слова: «Первым» (вышел к ним Мавриций); «после долгого ожидания». Вместо «связали по рукам и по ногам» — «связали и сковали».

353

Библия, Псал. 78, 2; 1 кн. Маккав. 7, 17. В ПС добавлены отсутствующие в подлиннике слова: «окрест Иерусалима».

354

Слова об убийстве священника очень неясны. Пабст (о. с., стр. 307) предполагает, что тут разумеется феллинский священник Теодерих.

355

Об оставлении христианства также у Альберта фон Штаде под 1224 годом (MGH, SS, XVI, 358).

356

В этом рассказе вскрывается наконец завуалированная Генрихом неприемлемость последних соглашений об эстонских областях для епископа и его партии: там ему предлагались только духовные права, здесь речь идет о полноте сеньериальных прав, которые до сих пор узурпировались меченосцами (с помощью датчан) в свою пользу. Орден, убедившись в невозможности действовать иначе, вынужден согласиться на условия договора 1216 г. (XX.4).

*

В переводе ПС тут две неточности: 1) вместо «так же сильно повредив эстам» — «причинили эстонцам такое же зло, какое эстонцы причинили братьям рыцарства» (в подлиннике нет); 2) вместо: «они (братья-рыцари) призвали людей епископа и всех тевтонов» — грубое искажение этого важного места: «епископские мужи и все немцы просили их» (братьев-рыцарей).

357

В ПС: «И эстонцы отступили», что формально годилось бы, как перевод латинского «et diverterunt ab eis» (у Ганзена и Пабста переведено буквально, с тою же неясностью, что в подлиннике), но по существу неверно. Мы предпочли другое из формально возможных толкований.

*

Г Трусман (о. с., стр. 100), заметив, что слова reversi sunt in Livoniam повторяются тут в двух местах, счел их в первом случае лишними, «так как замок при Пале. находился не в Ливонии». Недоразумение с этой «поправкой» к изданию В. Арндта состоит у Г. Трусмана в том, мы думаем, что слова reversi sunt, имеющие и вообще и в данном месте (ср. перевод Пабста, о. с., стр. 312) два значения: 1) «повернули в Ливонию» или «пошли назад в Ливонию» и 2) «воротились в Ливонию», автор «поправки» хочет везде понимать только во втором смысле, что едва ли правильно.

358

Упоминается только здесь. По предположению Пабста (о. с., стр. 312) может быть областью лэттов к востоку от Трикатуи на Раузэ, притоке Аа.

359

Слова statim panes et sacculos et pannas suas proicientes очень неясны. Пабст, повидимому, склонен толковать их в том смысле, что люди бросили свои занятия: кто хлеб, кто денежные дела (sacculos — кошельки), кто ткани (о. с., стр. 314). Однако, речь идет ведь не только о купцах, как бы широко ни понимать этот термин, и не о рижанах вообще, а прежде всего о меченосцах и «пилигримах», для которых все перечисленное — не занятие. Мы предпочли другое, нам кажется, возможное толкование: люди так торопились, что выступили, не делая запасов и не беря с собой обоза.

360

Эта фраза без всякого основания сильно урезана в переводе ПС: «они-то ободрили прочих мужественно сразиться с вероломными отступниками», причем эпитет «вероломными», так же вопреки подлиннику, добавлен.

361

В ПС пропущено «великое множество».

362

В ПС пропущено: «сбоку» и «начали бой»; вместо «весьма храбро» неверно: «храбрейшие из эстонцев».

363

В ПС пропущено: «убивали их и на этом пути» и «пешими».

364

Епископ Бернгард действует в качестве заместителя отсутствующего Альберта, об отъезде которого в Германию Генрих на этот раз забыл упомянуть (о возвращении см. XXVIII.1).

365

В ПС пропущено «продвинули ее ко рву».

366

Великий князь Георгий суздальский послал брата своего Ярослава, князя переяславского, тогда княжившего в Новгороде. О походе его в Эстонию и на Колывань (Ревель) упоминают и наши летописи.

Ср. ПСРЛ[1], III, 39 — под 6731 годом: «Приде князь Ярослав от брата и идѐ с всею областию к Колываню и повоева всю землю чюдьскую, а полона приведе без числа, но города не взяша, злата много взяша и придоша вси здрави».

Князь псковский — Владимир.

367

Разумеется Ярослав, как и ниже в этом же § под ошибочным именем «король суздальский».

368

Трудно сказать, действительно ли это было выполнением договора с датчанами или, как во многих других случаях, фраза Генриха есть лишь нечто в роде дипломатической мотивировки нападения (ср. такие пояснения, как «вспомнив о старых обидах» и т. п.). О первом, пожалуй, говорит упоминаемое ниже возвращение свободы осажденным гариэнцам, может быть, как датским подданным (Гариэн признавался датской областью — ср. XXIII.10). Как бы то ни было, несомненно и то, что объединение местных сил в борьбе против христиан не могло не иметь последствием известной солидарности между собою разноплеменных «завоевателей».

369

Эстонское waip, или waib, фин. waippa — «грубый платок, суровое покрывало» и т. п.; по латвийски weeplis — «покрывало». В актах встречается wepa (Курляндия) и vepa (Ревель). Слово, повидимому, северного происхождения, по шведски vepa. См. Пабст, о. с., стр. 323.

370

Библия, 2 кн. Царств, 1, 21—22. В ПС, вместо «королей», почему-то «короля».

*

Акад. Куник (Уч. Записки, о. с., стр. 776—777) сопоставляет это известие о пребывании в Риге послов «русских королей» в январе 1224 г. с сообщением, заключающим рассказ о татарском нашествии в XXV.1, где в несомненной причинной связи с поражением на Калке говорится также о прибытии русских послов в Ригу.[1] По мнению

---

[1] Акад. Куник в одном месте (Уч. Зап., о. с., стр. 325, прим. 1) высказывает предположение, что это было «по Генриху, скорее под конец лета 1222, чем зимою 1222—1223»; в другом (ibid., стр. 776, прим. 28): «стало быть, не в 1222 году, а уже в 1223 (по нашему январскому летосчислению)». Оба эти противоречивые предположения одинаково непонятны и не кажутся нам ни необходимыми, ни единственно возможными.

акад. Куника, посольства, упомянутые под 1222 годом, можно было бы считать фактом, поскольку готовясь к походу на татар, русские князья действительно должны были позаботиться и о безопасности тыла. Однако, от кого же могли быть эти посольства до битвы при Калке? Смоленский и полоцкий князья, судя по Генриху, и так были в мирных отношениях с Ригой, а Новгород и Псков заключили с ней мир лишь после взятия Дорпата в конце 1224 г. до того же оставались все время враждебны.

После поражения при Калке прибытие мирных посольств даже от Смоленска и Полоцка совершенно понятно: Владимир Рюрикович занял киевский стол, другие князья выбыли, павши в бою — возобновление договора было естественно. Таким образом, русские посольства должны были быть в Риге осенью 1223 года, но если это так, то спрашивается, что за послы русские, от кого и зачем оказываются по Генриху в Риге и в конце 1222 г. и к январю 1224 г.?

Акад. Куник склонен думать, что эти два упоминания Хроники (XXV.1 и здесь) относятся к одному и тому же факту — к появлению в Риге русских посольств после битвы при Калке, а то обстоятельство, что послы находятся в Риге еще в январе 1224 г., считает косвенным доказательством в пользу 1223 года, как года битвы.

371

Вальдемар II захватил за-эльбские области, прибавив к своему прежнему титулу (короля Дании и герцога Ютландии) наименования короля славов и государя северо-эльбской земли (regis Slavorum et domini Nordalbingiae). Вместе с этим он, после упорного сопротивления, подчинил себе графов Шверинских: в 1214 году графы братья Гунцелин и Генрих присягнули ему на верность (Арнольд Любекск., кн. VII, гл. 13). После смерти брата граф Генрих отказался от соблюдения обязательства, и король, отняв у него почти все владения, отдал половину графства своему побочному сыну Николаю, впоследствии герцогу Галландии. Тогда Генрих, доведенный до крайности, решился на смелый шаг: неожиданно захватив Вальдемара in propria terra короля, in papilione propria, увез его и сына его Вальдемара пленниками в замок Данненберг (у Альберта фон Штаде под 1223 г.; также: Contin. Sax. Gramm. у Benzel. Mon. Sueo-Goth). Было это 6 мая 1223 г. Король оставался в плену более двух лет, несмотря на попытки императора Фридриха II вытребовать пленника себе и старания папы освободить его. Только 21 декабря 1225 года Вальдемар был отпущен Генрихом, получившим большой выкуп, заложников и обещание не вредить его стране. Ср. примеч. Грубера у Ганзена (о. с., стр. 282—283); также Usinger. Deutsch-dän. Geschichte, стр. 297.

372

Это последнее соглашение в своем дипломатическом и правовом оформлении отражает решительный перевес епископской партии. Три акта, фиксирующие раздел (Бунге, о. с. n°n° 61, 62, 63) — епископские акты. В них епископы производят раздел Эстонии между собою (одна треть Альберту и две трети Герману), а не в виде договора с меченосцами. Орден занимает явно второе место: ему, так сказать, лишь во вторую очередь, выделяется половина доли Германна, но с ограниченными правами.

Существо соглашения следующим образом выражено в упомянутых документах.

В акте епископа Альберта от 22 июля 1224 г. (Бунге, о. с., n° 61) о назначении Германна епископом Леалэ сказано: «А так как замок Леалэ давно уже был разрушен язычниками с Эзеля, и он (Германн — *С. А.*), вследствие беспокойств, ими причинявшихся, и некоторых других препятствий, не мог иметь резиденции у моря, мы назначили ему границы епископата во внутренних областях, чтобы он мог избрать себе там более безопасное место, а именно: землю Саккелэ, Нормигундэ, Мокэ, землю Угенойс, Соболиц, Вайгелэ со всем, к ним относящимся».

Германн в грамоте от 23 июля 1224 г (ibid., n° 62) говорит о меченосцах: «. такое заключили мы соглашение, чтобы, значит, они (меченосцы — *С. А.*) держали от нас и наших преемников около половины территории нашего епископата, на правах вечного владения со светской юрисдикцией, с церквами, десятинами и всяким мирским доходом, а именно землю Саккелэ, Нормигундэ, Мокэ с прилежащими и половину земли Вайгелэ, при сохранении за нами всех духовных прав».

Таким образом, Германн уступает рыцарям три с половиной области из шести, назначенных ему актом епископа Альберта. В то же время меченосцы оказываются в вассальной зависимости от него («держали от нас»), о чем Хроника умалчивает (ср. об Альберте выше— VI.6 и XI.3).

Еще более отчетливо звучит это в акте епископа Альберта от 24 июля 1224 г. (ibid., n° 63): . Постановление об Эстонии, некогда сделанное нами и покойным Теодерихом, достопочтенным епископом, по совету благоразумных людей, ныне, по желанию и с согласия господина Германна, брата нашего, преемника вышесказанного епископа Теодериха, а также нашего капитула, братьев рыцарства христова, пилигримов и граждан рижских, мы решили возобновить и уточнить следующим образом: так как Ливония, и по своему положению, и в силу случайных военных причин сравнительно бедна прилежащими (adiacentibus) землями, а по слову апостола, никто не обязан быть воином на свой счет, то рижская церковь за труды,

издержки, убытки и кровь, которую она отдала ради обращения Эстонии и отдаст позднее, будет владеть со всей духовной и светской юрисдикцией полностью и свободно следующими землями: Зонтакелэ, Леалэ, Ганелэ (Hanhele), Корцэ (Corze, Cotze), Ротелевик и прочими поморскими, согласно длине и ширине их границ. Затем, границы епископата господина Германна будут таковы: Угенойс, Вайгелэ, Соболиц, Саккелэ, Нурмигундэ, Моккэ со всеми, к ним относящимися, а из этих земель магистр и братья рыцарства будут держать из руки его и любого из его преемников п о л о в и н у с церквами, десятинами и всяким мирским доходом, оказывая за то должное епископу своему послушание и повиновение». (переводы наши).

*

Слова подлинника «in sorte pro parte sua receperunt» вполне допускают, по нашему мнению, предлагаемый нами перевод, отнюдь не требуя введения термина «по жребию» («in der Loosung» ср. Пабст, о. с., стр. 327 и прим. 3), тем более, что о жребии вовсе не упоминается в цитированных актах.

*

Семь килегунд и составляли все Поморье (Вик). К и л е г у н д а, также kiligunda древне-эст. и древне-курл. слово, значит область, ныне по эстонски kihlakond, kihhelkund, kihhelkond употребляется в смысле «приход». Ср. Пабст, о. с. стр. 327.

373

Радость новых епископских подданных очень выразительна при сопоставлении с несколько раз отмечавшимся выше недовольством населения властью меченосцев.

*

«Нападения датчан», как причина невзноса податей, сомнительный мотив. В последний раз о датчанах на Поморье говорилось в XXV.5; потом область приняла участие в восстании, а о нападениях датчан ничего неизвестно.

374

«Женщине родящей» — Библия, Иоанна ев. 16, 21; Исаии, 26, 17.

«Подстерегает дракон» — ibid. Апокалипсис, 12, 4; 13.

«Бегемот, что поглощая реку. ibid. Иова, 40, 10 и 18.

375

Это место до сих пор остается неясным. Кому из названных лиц принадлежат ниже приводимые автором слова? Сколько лиц в дей-

ствительности нужно тут иметь в виду: три, два или одно? Что значит здесь слово dux? Эти вопросы разными комментаторами решались по разному. По словам Иог. Готфр. Арндта (см. его примечание у Ганзена, о. с., стр. 286), позднейшие ливонские хроники, дающие сокращение Генриха, все понимают слово dux, как г е р ц о г. Между тем Грубер (ibid.), ссылаясь на то, что ни в нижней Германии, ни в странах севера в это время не было герцогов с именами Фридрих и Фредегельм, считает dux прозвищем и пишет Dux (Hertoge), что повторяет за ним и Ганзен.

Ганзен (ibid., стр. 286—287) считает, что слова «вождь Фридрих и» (Fridericus dux et) следует вычеркнуть, как ошибочное удвоение слов «вождь Фредегельм» (Fredehelmus dux), и думает, что тут мы имеем дело не с тремя (Фридрих, Фредегельм и судья) и не с двумя лицами, а всего с одним — Фредегельм, он же — судья.

Пабст констатирует неясность авторства нижеследующей речи, не решается вычеркнуть «Фридрих» и признает возможность двоякого понимания слов «судья пилигримов»: 1) как приложения к имени Фредегельма (всего два лица — Фридрих и Фредегельм-судья) и 2) как обозначения третьего, не названного по имени лица. Судя по интерпункции в издании В. Арндта (о. с., стр. 324), лучшая рукопись Хроники (а, может быть, редактор издания) предполагает тут т р и разных лица.

Ганзен (о. с., стр. 413—416) указывает в трех актах 1224 года в числе свидетелей Fretehelmus de Poch и отождествляет его с Фредегельмом Хроники; в двух актах из числа тех же трех он находит Lutbertus de Northorpe, advocatus peregrinorum, что противоречит его собственной концепции, но вполне удовлетворяет Пабста. Последний, кроме названных Ганзеном, отмечает в тех же документах в числе пилигримов Theodoricus de Escerde и думает, что Fredericus Хроники и есть этот Theodoricus.

376

Слова «взберется на вал» в переводе ПС пропущены.

377

Отсюда следует, что и самого епископа Альберта и других братьев его, Энгельберта, Ротмара, Германна и Теодериха (Дитриха) следует относить к роду фон Аппельдерн. К Буксгевденам Альберта начинают причислять лишь с XV века.

Упоминаемый здесь Иоанн не может быть тождественным с Iohannes de Bekeshovede, числящимся в ряду свидетелей в трех актах от июля 1224 г. (Ганзен, о. с. стр. 413—415), так как последний не называется братом Альберта, хотя о Ротмаре там же говорится «Rotmarus, germanus noster. Пабст указывает, что в одном акте 1202 года

упоминаются Иоанн фон Апельдерло и Иоанн фон Беккесговедэ, как два разных лица.

Деревня Бексгёведэ и местечко Апелер (без сомнения, то же, что в старину Апельдерен и Апельдерло) лежат вблизи друг от друга, к югу от Бремергафена. Ср. примечания Грубера и Ганзена (со ссылками на Иог. Готфр. Арндта) у Ганзена, о. с. стр. 67—69, прим. а, стр. 288—289 и 413—415; также Пабст, о. с., стр. 333—334.

378

Библия, 2 Коринф. 12, 2.

379

В нашей летописи (ПСРЛ[1], III, 39) под 6732 годом: «Того же лета убиша князя Вячка немци в Гюргеве, а город взяша». Альберт фон Штаде упоминает об этом под 1224 г.

380

В ПС пропущено «своим господином», а вместо «его господам» переведено: «его господину».

381

Библия, Псал., 105, 1; 1 кн. Маккав. 4, 24.

382

Энгельберт из Тизенгаузена упоминается в числе свидетелей, как пилигрим и рыцарь, в ряде актов (Бунге, о. с., n°n° 61, 62, 63, 70 и др.). Упоминание в Хронике — первое известие о роде Тизенгаузенов. Самое имя это, вероятно, происходит от наименования деревни в окрестностях Локкума.

*

Слова «et Theodericum, fratrem suum» можно перевести и «и Теодериха, брата его», понимая в этом случае — брата не Германна, а Энгельберта. Если бы Генрих был более строг в латинском стиле, всякие сомнения в этом роде (ср. Ганзен, о. с., стр. 290—291 и Пабст, о. с., стр. 337) решались бы в пользу нашего перевода.

*

Иоанн из Долэн упоминается, как вассал епископа Альберта, в актах того времени (Бунге, о. с., I, n°n° 61 и 70). О Герлахе фон Долэн см. выше прим. 154. По этому имени назван замок Долэн или Далэн. Ср. Бунге, ibid., n°n° 15, 18, 38; Пабст, о. с., стр. 337.

383

Итак, еще в 1224 г. дань жителей Толовы Пскову (см. выше XI.7, XVIII.3, XX.5) не только остается фактом, но признается и юридически, хотя уже о 1208 годе в Хронике (XII.6) было сказано: «уже вся Ливония окрещена была и Лэтигаллия», что в терминологии Генриха должно было бы означать и политическое подчинение. См. выше прим. 103.

Впервые на это важное обстоятельство обратил внимание Боннель в статье Die Begründung der römisch-deutschen Herrschaft in Livland в «Inland» за 1853 г., стр. 717. А. ф. Рихтер в Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen (I, Riga, 1857, стр. 148, прим. 58), возражая Боннелю, упускал из виду самое существенное — известие Хроники в XXVIII.9 (здесь нами комментируемое). О сборе псковичами той же дани в 80 гг. XIII в. говорит следующее место в 1 Псковской летописи (ПСРЛ[1], IV, стр. 183): «В лето 6792. Бысть знамение в луне, декабря 24, в день недельный; по двою неделю, генваря, погибохом, в 12, избиша немцы псковичь на дани у Алысту, 40 мужь. Яко же древнии хронографи глаголют, яко знамение несть на добро, но на зло присно является». О том же во 2 Псковской лет. (ПСРЛ[1], V, 10): «В лето 6792, генваря 2, избиша немцы псковских данщиков, 40 мужь у Волысту». Упоминаемый тут Алыст, несомненно — Aliste, в округе Адзелэ, в восточной части Толовы. Ср. Ф. Кейсслер, Окончание. стр. 52—53 и карта. Об этом избиении псковичей немцами есть сведения и в немецких источниках. Ф. Кейсслер (ibid. стр. 52 и прим. 116) приводит выдержки из двух сохранившихся в Любекском архиве документов, где между прочим говорится, что «в 1288 г. от рождества христова было отнято у немецких купцов около 20 000 мелких меховых шкурок, и то сделали псковичи. в отмщение за убитых, которых брат Отто Пашедах, вместе с людьми из Розиты, умертвил в земле Адзелэ». Боннель (Chronogr., стр. 87, Commentar. стр. 124) и Пабст (о. с., стр. 189) считают твердо установленным фактом, что еще в 80 гг. XIII века дань псковичам платилась жителями Толовы. О более позднем времени судить трудно за отсутствием документальных данных.

Раздел Толовы между епископом и орденом совершенно ясно характеризован в Хронике, но, по мнению Г Лаакманна (о. с. стр. 62—64, 78 и 83 и специально 87), идущему в разрез общепринятому пониманию, раздел этот состоял не в том, что епископ уступил меченосцам треть области, подчинившейся ему еще в 1214 г., а как раз в обратном. Историческую судьбу Толовы и Лэтгаллии, как мы уже отмечали (см. прим. 157), Г Лаакманн рисует по своему. Он полагает, что уже осенью 1208 г. заключен был союз между лэттами области р. Аа и меченосцами, послуживший последним опорой в борьбе с эстами. Таким образом, в 1214 г. епископу подчинилась не вся Лэт-

галлия, а только часть ее, тогда как с 1208 г. будто бы вся область р. Аа выше Вендена (до Зедды на севере) и земля Адзелэ были в сфере влияния ордена. До 1224 г. не епископ отказывал ордену в его доле, а орден — епископу, ссылаясь на то, что Лэтгаллия не завоевана, а присоединена путем добровольного союза.

Эта конъектура, имея весьма слабое основание, не кажется нам ни необходимой, ни убедительной. Нельзя, однако, не отметить, что и с точки зрения Г Лаакманна договор 1224 г. свидетельствует о полном поражении ордена.

384

В ПС ошибочно: «л е т т ы».

*

Библия, 1 кн. Маккав. 1, 3.

385

См. выше примеч. 2.

386

Библия, Иова, 11, 19.

387

Оставшимся народом» — Библия Исаии, 11, 11; 28, 5. «Мир и безопасность» — ibid., 1 Фесалоник., 5, 3.; «И успокоился народ» — ibid., 1 Царств, 7, 2.

388

Вильгельм, епископ моденский, позднее, с 1244 г. епископ сабинский и кардинал, не раз бывал легатом папского престола в странах севера. О посылке его в Ливонию говорит булла Гонория III от 31 декабря 1223 г. (Бунге, о. с., n° 69). О деятельности его — у Альберика под 1228 г. читаем (перев. наш): «Епископ моденский Гвиллельм, посланный легатом от папы, умом и мудростью своей, а не силой привлек к вере многих язычников в Пруции (Prucia), которая находится за Польшей и за Померанией, и в значительной части изучил их язык. Сверх того, употребив великие усилия, он перевел на тот варварский язык начатки грамматического учения, то есть Доната».

О нем же см. Ughelli. Italia Sacra, I, стр. 172 и II, стр. 120. Ср. также Strehlke. Regesten Wilhelms von Modena в Scriptores rerum Pruss., II, стр. 119.

389

Пять епископий: рижская, семигалльская или селонская, ревелькая-гариэнская, вирландская-ервенская и дорпатская.

390

В издании Ганзена (о. с., стр. 294) и в переводе Пабста (о. с., стр. 343) — вместо «ливов и литовцев» — «ливов и лэттов». Перевод ПС, разумеется, следует Пабсту.

391

В актах: Vittesile, Viltesile, Vidersele. Ныне — имение Idsel, севернее Лоддигера. Ср. Пабст, о. с., стр. 343.

392

Библия, Луки ев., 8, 14.

393

В ПС ошибочно: «которые были им радостно приняты».

394

В ПС неверно: «и просили его, чтобы он защитил их земли и провинции». (пропущено: «отдавая под его власть».)

395

В этом месте и ниже (ср. выше XIX.3) латинский текст играет словами laetus (радостный), laetitia (радость) и Letti (лэтты). Эта игра слов переводу не поддается.

396

В ПС неверно: «приняли все военные тревоги христианской верности» (!).

397

Неоднократное повторение здесь этого мотива (о тяжком бремени, наложенном меченосцами на местное население) еще раз подтверждает уже высказанную нами выше мысль, что жестокость рыцарской власти была очевидна и казалась чрезмерной даже людям того же общественного слоя.

398

О посещении русских легат написал в Рим, результатом чего была булла Гонория III 1227 года ко «всем королям Руссии», где сказано: «Радуемся во господе тому, что, как мы слышали, послы ваши, отправленные к достопочтенному брату нашему, епископу моденскому, легату апостольского престола от нас, смиренно просили его лично посетить ваши области; так как вы, стремясь получить целительное наставление здравого учения, готовы совершенно отречься ото всех заблуждений, в которые впали за отсутствием про-

поведников и за которые разгневался на вас господь, позволив, чтобы вы много раз и до сих пор подвергались мучениям и в будущем подверглись еще большим, если от бездорожья заблуждений не поспешите на путь истины: чем дольше будете вы упорствовать в заблуждении, тем более упорных трудностей должны вы бояться, ибо, если не гневается господь в иные дни, то тех, кто пренебрегает обращением, в конце концов поразит меч его отмщения. Желая поэтому получить от вас уведомление, хотите ли вы иметь легата от римской церкви, чтобы, услышав его целительные наставления, воспринять истину католической веры, без коей никто не спасается, просим всех вас (universitatem vestram), убеждаем и усердно увещеваем сообщить нам желание ваше письменно и через верных послов. Между тем, твердо соблюдая мир с христианами Ливонии и Эстонии, не препятствуйте успехам веры христианской, чтобы не подвергнуться гневу божьему и апостольского престола, который легко может, когда пожелает, покарать вас, а лучше, с божьей помощью, истинным повиновением и послушанием любви и преданности заслужите милость и благосклонность обоих. Дано в Латеране за 16 дней до календ февраля, понтификата нашего в год 11-й». Текст — см. Ганзен, о. с., стр. 394—395 (из Raynaldi Annales eccles., т. XIII, стр. 337). Также в Histor. Russiae Monimenta, I, 20, n⁰ 21. Перев. наш.

399

Бурхард из Ольденбурга в июле 1224 года упоминается, как вассал рижской церкви (vassalli ecclesiae: comes Burchardus de Kukunois — Бунге, о. с., n⁰ 61 и сл.). Уже 20 апреля 1226 г. (ibid., n⁰ 84), вместо него, ленником в Кукенойсе видим другое лицо (Дитриха — Theodoricus de Cokenoys).

400

В ПС ошибочно: «первого. епископа».

401

В ПС пропущено — «недолжными поборами».

402

Легат действовал угрозой отлучения от церкви, а частью и применил его. В его грамоте от 23 мая 1226 г. к горожанам Риги (Бунге, о. с. n⁰ 88) между прочим сказано: «Иоанну же из Долэн не оказываем никакой милости. потому, во первых, что, когда мы были легатом Вирландии, а ею мирно владели датчане, он, нас не спросясь, силою и изменнически занял эту землю в обиду богу и рижской церкви. с позором и бесчестьем для нас; во вторых, когда мы простили его и ради доброго мира приняли ту землю в руку и под защиту

римской церкви с общего согласия датчан и тевтонов, он взял один замок той земли вопреки отлучению, наложенному нами на это» (перев. наш).

Отсюда видно, что виновником захвата (впрочем, может быть, и не единственным) был Иоанн из Долэн.

403

Ламберт, епископ семигалльский в 1225—1229 гг. преемник Бернгарда (1217 — 30 апреля 1224). См. Gams, o. c., стр. 311.

404

По предположению Пабста (о. с., стр. 350), может быть тождественно с бургом Agnileti (?). См. Бунге, о. с., n⁰ 145. Aggo по эстонски значит «куст», linde, эст. lin — «город, бург».

405

Слово Т а р в а н п э состоит из эстонского рä — «голова» и древне-эст. tarwas (олень? зубр?). Приход св. Екатерины прежде назывался Torvestävärä, Teristevere, Tristfer, вероятно, по имени находившейся поблизости деревни Tirastwerre (-werre, -fer — от эст. warre — «куча камня»; фин. waara, wuori значит «гора»). Ср. Пабст, о. с. стр. 282 и 350—351.

406

Область Табеллина — самая южная часть Вирланда.

407

Раз Поморье (Maritima) состоит из семи килегунд, то имя «Поморье» (Maritima) у какой-то одной килегунды странно. Пабст (о. с. стр. 351) думает, что здесь можно разуметь либо Роталию в узком смысле (северный Вик), либо, в качестве более смелого предположения, позднейший приход Merjama, ранее называвшийся Meriema, Marjema, Marjama, на границе Варболы.

408

«Другой священник» — может быть, сам Генрих, как выше в XXIV.1 и сл.

409

М а й а н п а т э, как бург (замок), упоминается ниже в XXX.2. В старину в приходе св. Михаила была деревня Maipe. См. Пабст, о. с., стр. 352.

П а э г а л л э — неизвестно.

410

Судя по современным актам, епископы, участвовавшие на соборе, были: Альберт, Ламберт и Весцелин. Германна в то время в Ливонии не было. «Постановления Иннокентия» — решения Латеранского собора.

О соборе в Риге ср. Strehlke. Regesten Script. rer. Pruss. стр. 121—122.

411

О действиях легата в Риге за 1226 г. см. у Бунге, о. с., n°n° 78—83, 85. Кое о чем немаловажном Генрих умалчивает. Гонорий III писал 19 ноября 1225 г. Вильгельму, что в вопросе об учреждении архиепископии ливонской он может поступить по собственному усмотрению.

Альберт, однако, архиепископом не стал. Лишь когда второй преемник его, Альберт II, прежде архиепископ Армага в Ирландии, потом архиепископ Пруссии, Ливонии, Эстонии, Семигаллии и Курляндии, с 1253 г. занял рижскую кафедру, она, вместе с тем, стала архиепископией, что и было утверждено Иннокентием IV и Александром IV. Ср. Toll und Bunge. Esth- und Livländische Brieflade. Reval, 1857, 1в, 135; Штрельке. Германн ф. Вартберге, стр. 18, прим. 1.

Гораздо большего успеха добились епископы Альберт и Германн у короля германского Генриха. Обратившись к королю, Германн был 6 ноября 1225 г. признан имперским графом, а его епископия, как имперский лен, 1 декабря превращена была в особую марку. Из епископии Альберта в областях ливов, лэттов, Леалэ и викских областей также образована была отдельная марка (Бунге, о. с., n°n° 64, 67, 68, 129).

В мае 1226 года император Фридрих утвердил за меченосцами их владения, как держание от ливонского и леальского епископов (ibid., n° 90).

412

Ср. Vergilii Aeneis, I, 203. Как и другие стихи у Генриха, мы переводим этот элегический дистих размером подлинника, пытаясь сохранить и типичную для средневекового стиха рифму в пентаметре (versus leoninus).

У Ганзена и Пабста стихи переведены вольным размером.

413

Об интерполяции, имеющейся здесь в некоторых рукописях, см. выше примеч. 2.

414

Библия, Иоанна ев., 20, 30 и 31.

415

Ср. Арнольд Любекский, V, 30 (MGH, SS, XXI, 211).

416

Библия, Псал. 72, 28 и 118, 45.

417

Библия, 1 посл. Иоанна, 1, 1 и у Петра Дюсбургского.

Напоминает также отрывок из Сульпиция Севера: «частью узнали мы от него самого (Мартина), насколько можно было спросить его, частью от тех, кто присутствовал или писал». Ср. Ганзен, о. с., II, стр. XI; L. Arbusow, o. c., Acta Univers. Latv., XV, стр. 337.

418

Весь этот отрывок XXIX.9 написан был, вне всякого сомнения, как заключение Хроники. Следующая XXX глава написана позднее, как дополнение.

*

У В. Арндта (о. с., стр. 329) год в начале XXX главы дан ошибочно 1227, вместо 1226. Так и в школьном Okt. Ausgabe, стр. 215. Отмечено у Р. Гольцманна, о. с., стр. 185, примеч. 2.

419

Он стоял в Динамюндэ от 28 апреля до 23 мая, а 6 июля был в Висби. Ср. В. Арндт, о. с., стр. 329, примеч. 50.

420

Библия, 2 Коринф., 6, 15.

421

Библия, Матф. ев., 13, 45 и сл.

422

Кем был нарушен мир? В подлиннике совершенно неясно. Может быть, датчанами, поскольку уже с 21 декабря 1225 года Вальдемар II освободился из плена и снова начал военные действия против своих соседей в Германии? С другой стороны, сказанное нами выше (примеч. 402) об Иоанне из Долэн, захватившем замок в датских владениях, позволяло бы предположить, что именно им (т. е. немцами) и был нарушен мир. Ответить на эти вопросы категорически — трудно.

423

В ПС, вместо «Слуги магистра преследовали их» — «они преследовали слуг». Вместо «свирепых эзельцев» (sevitiam Osilianorum) —

«против озилийца Тобена» (?!): таким удивительным образом переводчик понял выражение у Пабста: «wider der Osilier Toben».

424

Библия, Иова, 38, 30.

425

Здесь — отнюдь не р. Эмбах (ср. выше примеч. 173), а, очевидно, р. Пернау, которая в актах также встречается с именем Emajöggi, что, примерно, и значит «ручей-мать». Отсюда и город Neu-Pernau в старину назывался Embeck. Ср. Пабст, о. с., стр. 359.

426

Замок (бург) М о н э — на острове Моон, считаемом в Хронике за одно с о. Эзелем, сохранился до сих пор (см. Пабст, о. с., стр. 360). Ганзен, опираясь на то, что Генрих, лично участвовавший в походе, ни словом не упоминает о переходе через Малый Зунд, считает возможным, что в XIII веке о. Моон еще не отделялся от Эзеля проливом (о. с., стр. 304—306). Соображения его, не лишенные изобретательности, оказываются совершенно бесполезными уже потому, что ливонскому войску вовсе не было надобности переходить через М. Зунд, чтобы попасть на о. Моон. Нельзя, впрочем, не упомянуть мнение Joh. Wilh. Ludw. v. Luce (Progr. Das Schloss Mone auf Oesel. Riga, 1811, 4), утверждавшего, что замок Монэ был именно на Эзеле, хотя, в противоположность о. Моону, никаких следов такого замка ныне там нет.

Пабст удивляется продолжительности похода («am neunten Tage» — «freilich war's eine ungemein lange Reise»). Нам кажется, что при этом забывается не только расстояние (по прямой линии, какой войско, разумеется, едва ли придерживалось, от устья Пернау до замка — не менее 50 км.), но и сравнительная численность войска и громоздкость обоза.

427

Библия, Притчи Солом. 21, 30.

428

В ПС неверно: «и храбрейшие из них заставили осажденных к (sic!) отступлению». Дальше, вместо «сбит» — «встречен».

429

Отмеченная фраза в латинском тексте звучит свойственным Генриху плохим гекзаметром.

430

«Крики торжества и счастья» — Библия, Псал. 117, 15. «Вопль в Раме» — ibid., Иерем., 31, 15; Матфея ев. 2, 18.

431

В подлиннике — элегический дистих с рифмой в пентаметре.

432

В а л ь д и я — замок близ Вольдэ. Следы его, как и некоторых других на Эзеле, сохранились доныне. См. Пабст, о. с., стр. 363.

433

В ПС пропущено: «вследствие. народа».

434

Вопреки Ганзену (о. с., стр. 309) и Пабсту (о. с., стр. 364), мы предпочитаем отнести слова cum gaudio et devotione не к епископу, а к крестимому. В ПС вовсе неверно: «которых первых. . епископ. .»

435

Пентаметр в подлиннике.

436

Если бы слова «Так, так. язычников» в подлиннике походили на гекзаметр, то со следующими затем тремя стихами они образовали бы два элегических дистиха. В нынешнем виде текста мы имеем: 1) пентаметр, 2) гекзаметр и 3) пентаметр.

437

В ПС пропущено: «освободили. победой» и ниже: «быстро и кротко».

438

В подлиннике элегический дистих с рифмой в пентаметре.

ПРИЛОЖЕНИЯ

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

(Цифры означают страницы русского текста Хроники)

Августин св. — 71, 125.

Авессалом, архиепископ — 78.

Адольф из Даслэ, граф — 215.

Ако, князь ливов — 99, 100, 217.

Алебранд, священник — 82, 105, 106, 113, 128, 155, 158, 159, 162, 163, 192, 208.

Александр, священник, проповедник в Метсеполэ — 105.

» слуга епископа — 133.

Ало, сын Виэце, лив из Икесколы — 71.

Альберт из Ангальта, герцог саксонский — 195, 198, 203, 204.

Левенборха (Лауенбурга) граф — 185, 187—190, 199, 222.

3-й епископ Ливонии — 78, 82, 98, 107, 123, 126, 138, 146, 156, 169, 177, 184, 189, 207, 209, 215, 234, 235.

Слук, шкипер епископа рацебургского — 174.

Альдер, рыцарь — 135.

Андрей, архиепископ лундский — 84, 104, 195, 206, 209.

» св. — 88.

Анно, лив из Торейды — 74, 79, 110.

Арнольд из Мейендорфа — 83, 87.

рыцарь-меченосец — 99, 135, 136, 138.

Ассо, лив — 79.

Ассэ, старейшина ливов — 157.

Бернард, (Бернгард) из Липпэ, аббат в Динамюндэ, епископ семигаллов — 141, 144, 145, 185, 189, 198, 210, 228, 230.

из Зеегузена — 83, 87.

Бертольд, 2-й епископ Ливонии — 75, 76, 98.

рыцарь-меченосец в Вендене, магистр меченосцев там — 119, 122, 124, 128, 133, 134, 137, 138, 140, 146, 148, 157, 161, 162, 172, 182—184.

» сын Каупо — 135.

Б о д о из Гомборга, рыцарь — 215, 219.
Б о р е в и н, Генрих — 190, 192—194.
Б о р х а р д (Бурхард), из Альденборха, граф — 169, 177, 246.
Б р у д е г а м Теодорих — 85.

В а д э, лив из Гольма — 72.
В а л ь д е к о, лив из Гольма — 72.
В а н э, зять Каупо — 135.
В а р д е к э, лэтт — 120.
В а р е м а р, глава русских в Вилиендэ — 229.
В а р и б у л э, сын Талибальда — 161.
В а р и д о т (Варидотэ) из Аутинэ, старейшина лэттов — 119, 120, 121.
В а р и г р и б б э (Варигербэ), лэтт — 198, 199, 226.
В е з и к э, князь ливов — 156, 159, 188, 194.
В е к о, лэтт, брат Робоама — 186, 192.
В е л и а л — 250.
В е н е ц л а в, князь славов — 196. См. также В и ц ц л а в.
В е н н о, магистр меченосцев — 121, 124.
В е с т г а р д, князь семигаллов — 89, 101, 117, 197, 202, 246.
В е с ц е л и н, датский капеллан, епископ эстонский — 196.
В и к б е р т, меченосец, убийца магистра Венно — 124.
В и к б о л ь д, фриз — 135.
В и л и е н д и, лив из Гольма — 72.
В и т а м а с, старейшина в Саккале — 217.
В и х м а н н, рыцарь — 135.
В и ц ц л а в, князь славов — 195.
См. также В е н е ц л а в.
В и э в а л ь д, старейшина Аскраты — 203.
В и э ц о, лив из Икесколы — 71.
В и э т ц о, лив из Гольма — 72.
В л а д и м и р, вел. король полоцкий — 71, 94, 115, 151, 152, 179, 181, 216.
В л а д и м и р (Мстиславич), король псковский — 153, 161—163, 181, 183—185, 191, 192.
В о л к в и н, магистр меченосцев — 124, 141, 162, 180, 183, 185, 190, 193, 194, 203, 204, 206, 229, 251.
В о л ь д е м а р, герцог датский — 78.
В о л ь т е р, датский священник — 209.
В о л ь т е р из Гамерслевэ — 123.
В о л ь х а р д из Гарпштедта, свящ. — 85.
В о т т е л э, старейшина Саккалы — 186.
В с е в о л о д, король Герцикэ — 125, 161, 164, 168, 217, 246.

Вячко, король Кукенойса — 92, 107, 123, 217, 233—235.

Гайлэ, семигалл из Мезиотэ — 202.
Гарберт Ибургский — 78, 79.
Гартвик, священник меченосцев — 214, 226.
Гебб, судья в Гервене — 225.
Гевегард, воевода епископа рижского — 100, 104.
Гедеон (библ.) — 94.
Гельмольд из Люнебурга — 241.
» Плессэ — 141, 143.
Генрих Боревин из Вентланда — 190, 192, 194.
» из Штумпенгузена, граф — 91.
» священник лэттов на Имере — 113, 119, 156, 162, 208, 209.
Герведер, лив из Гольма — 72.
Гервин, немец — 118.
Гергард, судья — 155, 166, 199.
» убитый в Гольме — 98.
Германн, брат епископа Альберта, аббат св. Павла бременского, еп. эстонский — 207, 210, 212, 228, 235, 237, 241.
» судья ливов — 122.
» убитый в Гольме — 98.
Герцеслав (Ярослав), сын Владимира псковского — 192.
Годескальк Пирмонт, граф — 107.
» рыцарь, посол короля датского — 216.
Годфрид, рыцарь, судья в Торейде — 109.
» (Готфрид), священник, миссионер в Зонтагане — 178.
» свящ. в Лётегорэ — 188, 189.
Григорий св., папа — 85.

Дабрел, старейшина ливов — 101, 106, 136, 147, 156, 159, 217.
Давид (библ.) — 94, 229, 254.
Даниил, рыцарь из Леневардена — 81, 105, 114, 154.
» священник — 100, 105, 117, 229.
Даугерутэ, тесть Всеволода из Герцикэ — 161.
Дотэ, старейшина беверинских лэттов — 146, 147.
Дривинальдэ, сын Талибальда — 171, 206.

Изо, епископ верденский — 130, 141.
Илия, рыцарь-меченосец — 184.
Ило, лив из Икесколы — 71.
Имаут, лив — 77.

И н н о к е н т и й (III), папа — 80, 82, 85, 91, 177, 248.
И о а н н из Аппельдерина — 239.
Вехты, свящ. — 85.
Виронии, свящ. в Гольме — 98.
Долэн — 241.
король Швеции — 210.
креститель — 73.
магистр, помощник легата — 250, 251.
настоятель церкви св. Марии в Риге — 125, 153, 155, 185, 229, 243, 247.
рыцарь из Кукенойса — 164, 169.
священник меченосцев — 124.
священник, бывший в литовском плену — 91.
судья в Дорпате — 226.
Штрик, священник в Куббезелэ — 109, 167.
И о н а ф а н (библ.) — 234.
И о р д а н, рыцарь из Кукенойса — 164, 169.
И р о д (библ.) — 94.
И с ф р и д, посол рижан, купец — 151, 181.
И у д а (еванг.) — 74, 124, 150.

К а и н (библ.) — 225.
К а к у в а л ь д э (Кайкевальдэ, Какинвальдэ), Петр, из Винландии, священник — 173, 177, 208, 248.
К а н у т, король Дании — 78.
К а р л, герцог шведский (остготландский) — 210.
К а у п о, вождь ливов — 79, 85, 87, 90, 101, 104, 109, 132, 134—136, 140—142, 146, 154, 155, 185, 187.
К и р и а в а н — 200.
К и р и а н, икесколец — 97.
К о н о из Изенбурга — 91.
К о н р а д Дортмундский граф — 78.
из Мейендорфа (из Икесколы) — 81, 89—93, 97, 102. 132.
священник бременский — 119.
К о н с т а н т и н, рыцарь-меченосец — 184.
К у л е в е н а, сын Ило, лив из Икесколы — 71.

Л а й я н, икесколец — 97.
Л а м б е р т, епископ семигаллов — 247.
Л е м б е в а л ь д э, лив из Гольма — 98.
Л е м б и т о (Лембит, Ламбито), старейшина Саккалы — 140, 147, 150, 166, 167, 169, 185—187, 217.

Л у д о л ь ф из Смоленска, посол Владимира полоцкого — 136.
Л ю д о в и к, священник, миссионер в Саккале — 208.

М а в р и ц и й, рыцарь, судья в Вилиендэ — 225.
священник — 243.
М а д э, семигалл из Мезиотэ — 202.
М а н и в а л ь д э, старейшина Саккалы — 186.
М а р г а р и т а, св. — 133.
М а р и и св. монастырь в Риге — 82.
» » хоругвь — 113, 157.
церковь в Риге — 98, 104, 125, 127, 153, 166, 197, 229, 235, 243, 248.
М а р и я Магдалина — 176.
М а р к в а р д, рыцарь — 131, 132.
М а р т и н, рижанин — 88.
» св. — 74.
М а т ф е й, апостол — 186.
М е й н а р д, первый епископ Ливонии — 71, 72, 75, 82, 92—94, 98, 154.
» рыцарь, слуга епископа рижского — 116.
рыцарь из Кукенойса — 164, 168, 169.
М е л ю к э, лэтт — 198, 199.
М е м э, старейшина Саккалы — 140.
М с т и с л а в (Романович), вел. король киевский — 222.
» (Мстиславич), вел. король новгородский — 149, 185.
(король галицкий) — 222.

Н и к о л а й, епископ (датский) — 104, 195.
священник — 79.
Н и к о л а я св. гора — 82.
Н и н н, старейшина ливов — 136, 147.
Н о е в ковчег — 135.

О т т о, священник меченосцев — 167, 173, 177.
О т т о н (IV), император германский — 151.

П а в е л, св. — 207.
П а й к э, старейшина беверинских лэттов — 146, 147.
П е т р, апостол — 135, 230.
» Какувальдэ (Какинвальдэ, Кайкевальдэ), свящ. из Винландии — 173, 177, 208, 209, 248.

П е т р, слуга Иоанна из Аппельдерина — 239.
П и р м о н т Годескальк, граф — 107.

Р а б о д о, немец — 118.
Р а м е к о (Рамекэ), сын Талибальда — 161, 163, 171, 226, 229.
Р о б е р т, каноник кельнский — 119.
Р о б о а м, лэтт — 120, 186.
Р о д о л ь ф (Рудольф) из Иерихо — 123, 130, 134, 135.
» Стотлэ — 195.
магистр венденских меченосцев — 155, 199, 200, 201, 209.
Р о т м а р, брат еп-а Альберта — 91, 169, 241.
Р у с с и н, старейшина лэттов — 119, 121, 122, 128, 136—138, 146, 148, 157, 206, 217.

С а л о м о н, свящ. епископа эстонского — 150, 214.
С а у л (библ.) — 234.
С в е л ь г а т э (Свеллегат), старейшина литовцев — 88, 90, 217.
С е б а с т и а н, св. — 251.
С е г е г а р д, свящ. цистерцианского ордена — 197, 198.
С и ф р и д, свящ. в гольмском приходе — 85.
С и ф ф р и д, слуга епископа рижского — 133.
С л а д е м, граф — 131.
С л у к Альберт, шкипер епископа рацебургского — 174.
С т е к с э, литовский князь — 162.
С т е ф а н, диакон — 96.
С ц и л л и н г Теодорих — 90.

Т а б е л и н (Табеллин) — 200, 208, 247.
Т а л и б а л ь д, старейшина лэттов — 119, 146, 161, 163, 165, 170—172.
Т а р а п и т а, бог эзельцев — 213, 252, 255, 256.
Т е о д е р и х, брат еп-а Альберта — 83, 120, 146, 148, 155, 160, 169, 172, 183, 184, 203, 223, 224, 240, 241.
рыцарь из Кукенойса — 191, 220.
рыцарь-меченосец — 230.
орденский свящ. в Вилиендэ — 225.
свящ., миссионер в Эстонии — 212, 213.
(Теодорих), сотрудник еп-а Мейнарда, свящ. в Торейде, аббат в Динамюндэ, еп. эстонский — 72—74, 80, 82, 85, 87, 91, 94, 112, 145, 149, 173, 180, 195, 196, 207.

Т е о д е р и х, толмач свящ. Саломона — 150.
Т е о д о р и х Брудегам — 85.
свящ. в Куббезелэ — 109, 110.
Сциллинг из дружины епископа — 90.

У л ь д е в е н э, старейшина ливов в обл. Леневардена — 162.
У л ь д е н а г о, лив из Гольма — 72.
У н н е п е в э, брат Лембита — 187.

Ф а б и а н, св. — 251.
Ф и л и п п, еп. рацебургский — 130, 141, 150, 151, 153, 155, 160, 163.
король германский — 78, 107.
толмач свящ. Саломона — 150.
Ф л о р е н ц и й, аббат — 118.
Ф р е д е г е л ь м, вождь — 238.
Ф р е д е р и к из Целлы, свящ. в замке Вределандэ — 167.
Ф р и д р и х, вождь — 238.
Ф р и д р и х (II), король (имп.) германский — 180, 211.

Э в е р г а р д, рыцарь-меченосец — 144.
Э г г е л ь б е р т (Энгельберт), брат еп. Альберта, настоятель церкви св. Марии в Риге — 81, 104, 112, 125.
зять епископа Альберта — 138.
Э й л а р д из Долэн — 139.
Э н г е л ь б е р т из Тизенгузена — 241.

Ш т р и к Иоанн, свящ. — 109, 167 (?).

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН

(Цифры означают страницы русского текста Хроники)

Ависпэ — 200.
Агелиндэ, замок в Виронии — 247.
Адия, река — 131, 167.
Алемания (Alimania) — 102.
Алистэ, область в Саккале — 148.
Альденборх (Ольденбург) — 169.
Альпы — 176.
Ангальт — 195.
Аппельдерин — 239.
Аскрадэ, Аскрада, Аскратэ, Аскрата — 86, 92, 106, 111, 112, 203, 246.
Астигервэ, озеро — 122, 137, 140, 179, 206, 233.
Аутинэ — 119, 153, 160, 170.

Беверин, замок — 119, 120—122, 146, 147, 149, 166.
Беверинские лэтты — 146, 148.
Бремен — 207.
Бременский каноник, Альберт — 78.
митрополит — 72, 75.

Вавилон — 71.
Вазала, деревня — 213.
Вайга, область — 149, 172, 208, 213, 233, 241.
Вальвы (половцы) — 222.
Вальгатабальвэ в Унгавнии — 214.
Вальдийские эзельцы — 254.
Вальдийцы — 254.
Вальдия, замок на Эзеле — 254, 255.
Варбольцы — 206, 232, 240, 248.
Варболэ, замок — 149, 223, 224, 226.
Вейнала, область — 98.

Венгрия — 185.
Вендекуллэ — 143.
Венден — 119, 121, 124, 128, 134, 137, 138, 140, 147, 148, 161, 170, 171, 192, 194, 218, 219, 229, 244.
Венденские меченосцы — 153, 160, 182, 199.
Венденский Бертольд — 133, 146, 157, 161, 162, 172, 183.
магистр меченосцев — 199.
Рудольф — 209.
Венденское рыцарство — 193.
Венды — 106, 128, 134, 193, 245.
Вентланд — 190.
Верденский епископ, Изо — 130, 141, *150*.[1]
Верона — 176.
Веронец — 176.
Вестфалия — 91, 107.
Ветполэ, деревня — 213.
Вехта — 85.
Вилиендэ (Феллин) — 137, 138, 150, 166, 186, 190, 224—226, 228—230, 232, 237, 241, 244, 247.
Винда, река в Куронии — 106.
Винландия (Финляндия) — 173, 208.
Вирония — 75, 98, 182, 199—201, 208—210, 212, 213, 221, 224, 233, 237, 246—248, 250, 251.
Виронская область — 215.
Виронские старейшины — 246.
Виронцы — 75, 185, 199, 201, 208, 210, 224, 226, 232, 241.
Висби — 83, 84, 88.
Витизелэ — 243.
Вога, река — 96, 97.
Вордегервэ, озеро — 213.
Ворцегерревэ, озеро — 149, 244.
Вределандэ, Вределант (Фридланд), замок в Торейде — 163, 167, 189.

Гагеновэ — 180.
Галицкий король, Мстислав — 222.
Галицкое королевство — 185.
Гальверштадский декан — 158, 190.
Гамерслевэ (Гамерслебен) — 123.
Ганиалэ, область — 188.
Гариам — 188.
См. также Гариэн.

---

[1] Курсивом — упоминание без личного имени.

Гарионская область — 180, 207, 210, 215.
Гарионцы — 185, 190, 194, 196, 203, 206, 207, 210, 224, 248.
Гариэн, область — 149, 206, 233, 247.
Гарпштедт — 85.
Гервен, область — 147, 149, 182, 199, 204, 208—210, 212, 213, 225, 232—234, 247, 248, 250.
Гервенская область — 199, 204, 210.
Гервенские женщины — 205.
Гервенский поход — 199.
Гервенцы — 182, 185, 188, 199, 200, 204, 210, 224, 226, 232, 233, 234, 241, 247.
Герцикэ, замок и княжество — 85, 125—127, 152, 164, 168, 217, 243, 246.
Гольм, замок — 72, 74, 76—79, 85, 95, 97—100, 102—103, 132, 154, 201, 246.
Гольмская церковь — 82.
Гольмские ливы — 198, 217.
старейшины — 100.
Гольмский замок — 105.
приход — 85, 98.
Гольмское кладбище — 75.
Гомборг — 215.
Готландия (Готланд), остров — 72, 73, 74, 76—78, 100, 107, 120, 129, 130, 140, 173, 175, 176, 200, 216, 250.
Готы — 75, 250.

Дамиэта, египетский город — 214.
Дания — 78, 83, 88, 104, 196, 212, 215, 216, 223.
Даслэ — 215.
Датские епископы — 206, 246.
короли — 217.
Датский замок Линданизэ — 232.
замок в Ревеле — 248.
замок — 224.
король (Вальдемар II) — 189, 195, 206, 207, 209, 211, 212, 215—218, 222—224, 235, 241.
священник, Вольтер — 209.
священник — 210, 212.
Датское господство — 214.
королевство — 83.
Датчане — 74, 84, 204, 206, 208—217, 221—226, 232—234, 240, 244, 246—248, 250, 251.

Имерские лэтты — 212.
Иммекуллэ — 193.
Ингария, область — 222.
Ингары, племя — 222.
Иогентагания, область — 213.
Иольгезим, деревня — 212.
Иордан, река — 236.

Каретэн, деревня — 149, 182, 204, 247.
Кейтис, деревня — 233.
Кеттис, деревня — 212.
Киев — 222.
Когельсэ, деревня — 219.
Койва, река — 101, 109, 128, 135, 136, 140, 142—144, 156, 159, 161, 165, 192, 193, 219, 229, 230.
Койвемундэ — 151, 165, 219.
Коццо, область — 188.
Куббезелэ, деревня — 105, 109, 140, 187, 243.
Кукенойс, замок и княжество — 92, 96, 107, 114—116, 123, 126, 128, 130, 160—162, 164, 168, 191, 198, 217, 219—221, 233, 246.
Кульдалэ, деревня — 195.
Курония — 106, 131, 165, 207.
Куры, народ — 75, 81, 83, 106, 129—133, 198, 242.

Ладизэ, деревня — 195.
Леалэ, Леолэ, замок — 166, 210.
Левенборх (Лауенбург) — 185.
Ледегорэ — см. Летегорэ.
Леневарден — 81, 86, 92—94, 105, 111, 114, 154, 162, 246.
Летегорэ, Леттегорэ, Ледегорэ — 140, 188, 228, 229, 243.
Лив — 73, 77.
Лив в Сидегундэ — 105.
  из Торейды, Каупо — 85.
  из замка Каупо — 142.
Ливония — 71, 75, 76, 78, 79, 81—83, 85, 87, 90, 95, 98—100, 104, 105, 107—109, 111—113, 116, 117, 119, 120, 123, 125, 126, 129, 130, 133, 136, 137, 139—143, 145—153, 158, 162, 163, 166, 167, 169, 170, 172, 173, 177, 178, 180, 181, 183—187, 189, 190, 192—196, 198, 199, 201, 203, 204, 207, 208, 210—218, 221—223, 226—228, 230—232, 234—236, 240, 242, 243, 247—250.

Ливонская земля, область — 154, 215.
» церковь — 76, 113, 116, 125, 133, 145, 146, 151, 164, 177, 179, 181, 184, 185, 188, 189, 195, 201, 203, 204, 211, 212, 236, 237.
Ливонские епископы — 206.
слуги богородицы — 217.
Ливонский епископ, Альберт — *85*,[1] *145*, 177, *181*, *201*, *207*, *210*, *211*, *251*.
епископ, Мейнард — 92.
край — 189, 195.
талант (вес) — 165.
Ливонское войско — 183, 190, 195, 199, 238.
Ливонцы — 189, 190, 247.
Ливские нивы — 77, 93.
Ливы — 71, 72—80, 82, 84—87, 90—94, 96—109, 111—113, 116, 118, 119, 122, 123, 125, 126, 128, 130—140, 142—147, 149—157, 159, 161, 162, 164—170, 172, 177—180, 182, 184—187, 189—195, 198—204, 206, 207, 212, 215—219, 221—223, 228—230, 233, 234, 237—239, 242, 243, 245, 246, 250, 251, 253, 254.
Линданиззэ, датский замок — 196, 232.
Липпэ — 141, 144, 145.
Листрия, область Дании — 83.
Литва — 81, 109, 117, 118, 123, 161, 179.
Литовец Филипп — 150.
Литовец — 162.
Литовская власть — 125.
Литовский отряд — 219.
Литовское войско — 105, 111, 193.
Литовцы — 71, 81, 85—91, 94, 98, 99, 105, 107, 109—114, 117—119, 123, 125—128, 130, 131, 152, 153, 160—162, 164—168, 179, 193, 196—198, 202, 203, 217—220, 242, 243.
Ловекоттэ — 208.
Лонэ, деревня — 180, 206, 233.
Лоппегундэ, область — 212.
Лукский аббат, Бертольд — 75.
Лундский архиепископ, Андрей — 84, 104, *107*,[1] 195, 209, *215*.
Лэтигаллия — 107, 112, 119, 120.
Лэтигаллы — 113, 116.
Лэттия — 126, 136, 141, 156, 163, 201, 226, 230, 243.

[1] Курсивом — упоминания без личного имени.

Л э т т ы — 96, 103, 106, 111, 112, 118—123, 125, 126, 128, 130, 133—135, 137—141, 143, 146—154, 159—162, 164—173, 177—180, 182—187, 190—194, 198—206, 208, 212, 214—218, 220, 221, 226—230, 233, 234, 237—239, 242, 244—247, 250, 251, 253, 254.
Л ю б е к — 211, 212.
Л ю н е б у р г — 241.

М а г д е б у р г — 78.
М а г д е б у р г с к и й архиепископ — 207.
М а й а н п а т э, Майанпата — 248, 250.
М а т ь вод, река (Эмбах) — 148, 149, 172, 173, 190, 208, 213, 251.
М е з и о т э — 196, 197, 201.
М е й е н д о р ф — 81, 83, 87, 91.
М е м е к у л ь с к а я дорога — 93.
М е т и м н э — 162.
М е т с е п о л э — 105, 108, 109, 136, 137, 140, 142, 146, 147, 159, 170, 188, 228, 243.
М и с с а, река — 197, 201.
М о д е н с к и й епископ, легат папы — 243.
М о н э, замок — 251, 254.
М о х а, область — 149, 213, 241.

Н а р о в а, река — 221.
Н е й м ю н с т е р — 82.
Н о в г о р о д — 129, 149, 184, 185, 216, 218, 221, 226, 240, 242, 245.
Н о в г о р о д е ц — 191.
Н о в г о р о д с к и й великий король — 161, 182, 191—193, 216, 218.
Н о в г о р о д с к о е королевство — 221, 222.
Н о в г о р о д ц ы — 183, 184, 198, 208, 231, 233, 236, 238, 240.
Н о р м а н ы — 74.
Н о р м е г у н д а, Нурмегунда, область — 147, 149, 204, 212, 228, 241.

О в е л э, замок — 141.
О д е н п э, замок — 120, 128, 129, 133, 181—184, 213, 218, 225, 232, 235, 241, 243, 246.

П а д е р б о р н с к и й епископ — 130, 141, 150 (пательборнский).
П а л а, река — 147, 151, 173, 185, 187—199, 204, 212, 225, 228, 231.
П а р т ы (половцы) — 222.

П а т е л ь б о р н с к и й епископ — см. Падерборнский.
П а э г а л л э — 248.
П л е с с э — 141, 143.
П о л о ц к — 153.
П о л о ц к и й король, Владимир — 71, *81*,[1] *85*, 94, *99*, *102*, 115, *133*, *136*, *151*, *152*, 179, 181, 216, 222.
П о м о р ь е — 235, 240, 241, 244, 247, 248.
П р у с с и я — 141.
П с к о в — 113, 129, 136, 150, 151, 181, 184, 193, 194, 198, 199, 214, 218—221, 226, 240, 242, 243.
П с к о в и ч и — 181.
П с к о в с к и й король, Владимир — 183, 191.
король — 231.
П у д и в и р у, область — 200, 208.
П у и д и з э — 232.
П у р к э, замок — 142.

Р а а б (Египет) — 71.
Р а й г е л э — 180.
Р а м а (библ.) — 253.
Р а с т е г е р в э, Растигервэ, озеро — 183, 237.
Р а у п а, река — 137, 141, 192, 193. См. также Р о п а.
Р а ц е б у р г с к и й епископ, Филипп — 130, 141, 151, 153—155, *158*,[1] 160, *162*, 163, *173*.
Р е в е л ь — 142, 188, 204, 206, 207, 210, 214, 215, 221, 224, 226, 243, 244, 246—248.
Р е в е л ь с к а я область — 194, 196, 200, 206, 210, 215.
Р е в е л ь с к и е датчане — 232.
деревни — 180.
эсты — 248.
Р е в е л ь с к и й епископ — 210.
замок — 206, 215.
Р е в е л ь ц ы — 185, 190, 196, 199.
Р е й н е в е р и, деревня — 212.
Р е м и н — 106.
Р и г а — 76, 79—87, 89, 91—96, 98, 100, 102—104, 106, 107, 110, 113, 115—118, 120, 123—125, 127, 130, 131, 136, 140, 142, 144, 146, 148, 150—153, 155—161, 163, 165—167, 169, 172, 173, 177, 179, 181, 184, 185, 189, 195, 197, 198, 201, 209, 210, 216, 219, 220, 222, 226, 229, 232, 234, 235, 237, 240—242, 245—248, 250, 255.

[1] Курсивом — упоминания без личного имени.

Рижане — 98, 99, 101, 103, 105, 108, 113—120, 126, 130, 133, 134, 136, 137, 141, 150, 151, 154, 156, 166, 169, 170, 180—182, 185, 187, 189, 190, 193, 194, 197—200, 206—212, 214, 215, 217, 221, 228, 229, 233—236, 240, 242—244, 250, 251, 255, 256.
Рижская гора — 76.
церковь — 130, 131, 214, 235, 240, 247.
Рижские горожане — 218, 247.
епископы — 209.
купцы — 136, 221.
ливы — 99.
старейшины — 188.
Рижский епископ, Альберт — *107*,[1] *145*, *151*, *189*, 209, *214*, *215*, *221*, *223*, *224*, *228*, *233*, *235*, *237*, *243*, *254*.
епископ — 173, 181, 242.
настоятель — 105.
пожар — 176.
Рижское войско — 187, 234.
Рим — 80, 85, 87, 101, 141, 163, 173, 177.
Римская церковь — 177.
Римский двор — 180, 211, 243, 246, 247.
первосвященник — 80.
Риолэ — 208.
Роденпойс — 90.
Розула — 228.
Ропа, река — 106. См. также Раупа.
Роталийская область — 217.
Роталийский поход — 169.
Роталийцы — 169, 170, 177, 185.
Роталия — 142, 144, 165, 188, 210, 214, 221, 250.
Ротелевик — 165.
Румбула — 79, 81.
Руссия — 116, 125, 134, 156, 162, 163, 179, 182, 192, 193, 198, 208, 218, 219, 221, 222, 231, 232.
Русская земля — 198.
церковь — 237.
Русские — 85, 96, 100, 102, 103, 113, 114, 116, 123, 125—127, 129, 130, 133, 136, 150, 151, 153, 159, 163, 164, 179—185, 187, 189—194, 198, 199, 211, 216—219, 221—223, 226, 231, 232, 236, 238—240, 242, 245, 246.
Русские короли — 152, 190, 222, 231, 234.
лучники — 236.

[1] Курсивом — упоминания без личного имени.

Русские послы — 96.
стрелы — 191.
Русский замок, Кукенойс — 96.
король (Владимир полоцкий) — 104.
отряд — 219.
Русское войско — 150, 163, 183, 184, 191—193.

Садегервэ — 208.
Саккала, область — 120, 122, 137, 138, 140, 141, 146—148, 150, 151, 160, 166, 169, 170, 173, 177, 180, 182, 184—188, 190, 194, 199—201, 204, 206, 207, 209, 212, 216, 217, 221, 223, 224, 226—228, 231—233, 235, 236, 241, 244, 247, 248.
Саксония — 76, 78, 91, 107, 235.
Саксонские войска — 77.
Саксонский бог — 77.
герцог Альберт из Ангальта — 195, 197, 198, *201*,[1] 203.
отряд — 77.
Саксы — 77, 186.
Салетса — 165, 179, 187, 189, 194, 195.
Самландия — 207.
Саттезелэ — 154.
Селы, народ — 112, 116, 162, 246.
Семигаллия — 80, 81, 89, 91, 117, 119, 189, 197, 203, 246.
Семигалльские разведчики — 90.
Семигалльский епископ, Ламберт — 247, *251*.[1]
Семигаллы — 72, 81, 82, 89—91, 101, 102, 109, 117—119, 130, 132, 145, 196—198, 202, 203, 228, 242, 246.
Сидегундэ, деревня — 105.
Славы, народ — 196.
Смоленск — 136.
Смоленский король — 222.
Сотеклэ, замок — 119.
Стотлэ — 195.
Суздаль — 240.
Суздальский король — 231, 232, 240.
Схедская обитель — 125.

Тарванпэ — 247, 248.
Татары — 216, 218, 222.

[1] Курсивом — упоминания без личного имени.

Тевтония — 72, 77—81, 83, 85—88, 91, 100, 101, 107, 114, 116, 122, 123, 129—131, 141, 146, 150, 151, 160, 163, 173, 184, 195, 207, 211, 215, 228, 235.
Тевтонские доспехи — 138.
кони — 115.
купцы — 71, 224, 250.
осадные машины — 103.
послы — 95.
разведчики — 90.
Тевтонский способ (осады) — 232.
шлем — 77.
язык — 220.
Тевтонское войско — 149, 193.
население в Ливонии — 122.
оружие — 116.
Тевтоны — 74, 75, 76, 79, 82, 84, 85, 87—91, 96, 97, 99, 102—104, 112, 113, 115—118, 120—122, 126—128, 130, 134, 135, 138, 139, 143, 149, 151—157, 160—162, 164, 165, 167, 169, 171—173, 177, 178, 181, 183—187, 189—195, 197, 198, 200, 201, 203—208, 216, 219—221, 225—227, 229—236, 238, 239, 241—247, 250—254.
Терветенэ, область — 197.
Тизенгузен — 241.
Толова, область — 113, 163, 182, 242, 244.
Торейда, область — 72, 73—75, 80, 82, 85, 89, 98—101, 103, 104, 106, 108, 109, 120, 137, 138, 140—142, 145—147, 151, 154—156, 159, 163, 193, 217—219, 228, 229, 243.
Торейдские ливы — 128, 132, 169.
старейшины — 217.
Торейдцы — 103, 106.
Трикатуа, область — 120, 146, 161, 170, 193, 228, 244.
Турмэ, деревня — 200.

Унгавниийцы — 183, 200, 221, 232, 235.
Унгавния, область — 113, 118—120, 128—130, 133, 137, 140, 146—150, 169—173, 177, 181, 182, 190, 193, 199, 204, 208, 209, 214, 216, 219, 221, 223, 226, 228, 232, 235, 237, 241, 243.
Урелэ, замок — 192, 229.

Филистимляне (библ.) — 94, 101, 229, 254.
Фриз Викбольд — 135.
Фризы — 79, 130.

Целла — 167.

Шведский герцог — 75.
Шведы — 210, 211, 214, 217, 248.
Швеция — 83, 210, 250.
Штумпенгузен — 91.

Эзель, остров — 83, 104, 140, 142, 144, 168, 173, 178, 179, 187, 188, 206, 213, 215, 217, 222, 223, 226, 251, 253—255.
Эзельские города — 254.
Эзельцы — 167, 169, 170, 173, 175, 179, 183, 184, 187—190, 194, 195, 203—206, 211, 213—215, 222—224, 226, 232, 236, 240, 242, 244, 246, 250—255.
Эст — 226.
Эстляндия — 87.
Эстония — 72, 73, 74, 107, 111, 119, 125, 135, 140, 142, 144, 145, 147, 149—152, 164, 166, 169, 173, 175, 180, 181, 183, 185, 189, 190, 203—210, 212, 214, 215, 221, 222, 224, 226—228, 230, 232, 235, 236, 240—244.
Эстонская область — 178.
Вирония — 75.
церковь — 209, 236, 237.
Эстонские корабли — 84.
племена — 136.
Эстонский епископ, Теодерих — 149, *150*,[1] 173, *177*, 180, *189*, 195, 196, 207.
епископ — 181.
Эстонское войско — 120, 134, 144, 190.
Эсты — 83, 84, 87, 91, 119—123, 128, 130, 134—144, 147, 150, 151, 159—161, 166, 169, 171—175, 178—180, 183—189, 194—196, 204, 206, 210, 215, 221, 223, 224, 226—230, 232, 235, 239, 241—248, 250, 251, 254.

[1] Курсивом — упоминания без личного имени.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие I
Введение 1
Хроника Ливонии (перевод) 69
Chronicon Livoniae (латинский текст) 257
Примечания 451

Приложения

Указатель личных имен 589
Указатель имен географических 596
Карта Ливонии нач. XIII в.

ФР. фон КЕЙССЛЕР. Окончание первоначального русского владычества в прибалтийском крае в XIII столетии.

Эсты	Ливы
Ливы вместе с Латышами (и Куроны)	Латыши (и Семигалы и Куроны)
Литовцы	Русские